В. В. Святловскій.

Профессоръ Психо-неврологическаго Института,
Приватъ-доцентъ Петербургскаго Университета.

254

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ВОЗЗРѢНІЙ

НА ЗАПАДѢ И ВЪ РОССІИ.

[illegible] Академия

Ч. I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

ЭБ "Научное наследие России"

№ 38

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. („Геральдъ")
Изм. п., 7 рота, 26.

ЭБ "Научное наследие России"

стр.

Оглавленіе III
Предисловіе VII
Введеніе . . . . . 1—8

Очеркъ I.

Изъ исторіи экономическихъ идей древняго міра . . . . . 9—87

Гл. I. Древній міръ. — О задачахъ дальнѣйшаго изложенія. — Зачатки экономическаго мышленія въ древнемъ мірѣ. — Халдея, Индія, еврейство и античный міръ 9

Гл. II. Евреи. 14

Гл. III. Грецiя. — Общій обзоръ. — Платонъ. — Ксенофонтъ. — Аристотель. — Общіе выводы 22

Гл. IV. Римъ 66

Очеркъ II.

Изъ исторіи экономическихъ идей ранняго средневѣковья . 87—108

Гл. I. Христіанство. — Его коммунизмъ. — Отцы и учители церкви. — Ученіе о справедливой цѣнѣ (justum pretium).

Гл. II. Ѳома Аквинскій 87

Очеркъ III.

Наканунѣ меркантилизма . . . . . 108—143

Гл. I. Зарожденіе меркантилизма. — Экономическіе писатели XIV и XV столѣтій. — Новыя условія жизни. — Николай Орезміусъ и его воззрѣнія — Николай Коперникъ . . 108

Гл. II. **Наканунѣ меркантилизма въ Россіи.** — I. Даніилъ Заточникъ и Поученія Соловецкаго Измарагда (протестъ противъ соціальнаго неравенства). — „Слово о Правдѣ“ Стефана Вонифатьева. — II. Отношеніе къ проценту. — Сказаніе о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. — III. „Домострой“ Сильвестра Медвѣдева. — Его экономическое содержаніе. — IV. А. Л. Ордынъ-Нащокинъ. — Его эконо-

ЭБ "Научное наследие России"

стр.

мическое міровоззрѣніе и начинанія. — V. Подготовительная эпоха. — О Юріѣ Крыжаничѣ. — „Инструкція“ Волынскаго. 117

Гл. III. Возникновеніе меркантилизма. — Внѣшнія условія и первые писатели новаго направленія . . . 132

Очеркъ IV.

Меркантилизмъ . . . . . 144—178

Гл. I. Общая характеристика меркантилизма. 144

Гл. II. Экономическая политика меркантилизма 151

Гл. III. Меркантилизмъ на Западѣ.—I. Меркантилизмъ на Западѣ. — II. Меркантилизмъ въ Испаніи. — III. Въ Англіи. — IV. Меркантилизмъ во Франціи и въ Италіи . 155

Гл. IV. Меркантилизмъ въ Россіи. — И. Т. Посошковъ. — Баронъ Люберасъ. — „Пропозиціи“ Ѳедора Салтыкова 170

Очеркъ V.

Переходная эпоха (отъ меркантилизма къ физіократизму) . 178—206

Гл. I. Паденіе меркантилизма и начало новыхъ вѣяній 178

Гл. II. Переходная эпоха въ Англіи. — Сэръ Вилліамъ Петти. — Дэдлей Нортсъ. — Джонъ Локкъ. — Давидъ Юмъ 180

Гл. III. Переходная эпоха во Франціи.—Маршалъ Вобанъ. — Д'Аржансонъ. — Ричардъ Кантильонъ . . . 190

Очеркъ VI.

Физіократизмъ . . . . . 206—238

Гл. I. Физіократизмъ на Западѣ. — Физіократизмъ, какъ идеологія сельской буржуазіи. — Школа Жана де Гурне. — Франсуа Кэне и его сочиненія. — Физіократы во Франціи и въ другихъ странахъ 206

Гл. II. Физіократизмъ въ Россіи.—„Наказъ“ и начало изученія сельскаго хозяйства въ Россіи. Екатерина II и физіократъ Mercier de la Rivière. — Экономическія идеи Наказа. Вольное Экономическое Общество. — Программа фонъ-Клингштета.—Премія и тема Екатерины.—А. Т. Болотовъ. — Англійская система. — Переводы Боудена, Шубарта фонъ-Клеефельда, Рогенбука и др. — Шубартовская система, Шубартъ, Бланкеннагель, Рознотовскій. — Система Полтарацкаго. — Ливановъ и Левшинъ. Московское Общество Сельскаго Хозяйства. — Развитіе изученія сельскаго хозяйства въ Россіи.

Очеркъ VII.

	отр.
Классическая школа	239—293
Гл. I. Общій обзоръ — Экономическія условія во второй половинѣ XVIII вѣка.	239
Гл. II Адамъ Смитъ, жизнь и воззрѣнія . . .	242
Гл. III Адамъ Смитъ и Смитіанская литература въ Россіи	252
Гл. IV. Ученики А. Смита. — I. Робертъ Мальтусъ.	262
Гл. V. Продолженіе. — II. Давидъ Рикардо	278
Гл VI. Окончаніе. — Остальные послѣдователи классической школы.	287

Очеркъ VIII.

Начало оппозиціи классицизму	293—303
Романтики (Мюллеръ и Галлеръ). — Сисмондъ де Сисмонди. — Генрихъ фонъ-Тюненъ	293

Очеркъ IX.

Утопическій коммунизмъ	304—337
Часть I. Религіозный коммунизмъ. Сектанты (лолларды, левеллеры, анабаптисты и пр.) . .	304
Часть II. Свѣтскій коммунизмъ.	
Гл I. „Утопія“ Томаса Мора	312
Гл. II. Коммунизмъ послѣ Утопіи	322
Гл. III. Дальнѣйшее развитіе коммунизма .	329

Очеркъ X.

Великіе утописты	338—384
Гл. I. Генрихъ Сенъ-Симонъ . . .	338
Гл II. Шарль Фурье	360
Гл. III. Робертъ Оуэнъ	375
Гл. IV Этьенъ Кабэ	381

Очеркъ XI.

Переходная эпоха. (Отъ коммунизма къ соціализму) . . .	385—440
Гл. I. Вильгельмъ Вейтлингъ	385
Гл. II. Луи Бланъ	397

Очеркъ XII.

Соціализмъ до К. Маркса	409—447
Гл. I. Карлъ Родбертусъ Ягетцовъ. . .	411
Гл II. Фердинандъ Лассаль	422

35 "Научное наследие России"

стр

Очеркъ XIII.

Историческая школа 448
Гл. I Возникновеніе историзма 453
Гл. II. Главнѣйшія теченія исторической школы . . 455
Гл. III. Старо-историческая школа 460
Гл. IV. Ново-историческая школа — I. Густавъ Шмоллеръ и Шенбергъ. — II. Луйо Брентано. 477

Очеркъ XIV.

Австрійская школа. — I. Общія замѣчанія. — II. Методъ. — III Ученіе о субъективности цѣнности. — IV. Ученіе о доходѣ на капиталъ . . . . . 484—504

Очеркъ XV.

Анархизмъ — I. Объ анархизмѣ вообще. — II Зарожденіе идей анархизма — III Анархизмъ въ древности и въ средніе вѣка. — IV. Петръ Хельчицкій. — V. XVIII вѣкъ. — VI. Вильямъ Годвинъ — VII. Индивидуалистическій анархизмъ — VIII Коммунистическій анархизмъ. Прудонъ. Прудонисты П А. Кропоткинъ. М. А Бакунинъ. Анархистское движеніе . . . . . 504—544

ЭБ "Научное наследие России"

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наравнѣ съ изученіемъ догмы политической экономіи въ послѣдніе годы пріобрѣтаетъ права академическаго гражданства и ознакомленіе съ развитіемъ самой экономической науки. Рядъ университетскихъ обзоровъ преподаванія уже включаетъ изложеніе исторіи политической экономіи или, — какъ тоже иногда называютъ, исторіи экономическихъ ученій. Соотвѣтственно новой потребности растетъ и литература предмета, появляются монографіи, посвященныя отдѣльнымъ экономистамъ и ученіямъ, печатаются общіе обзоры и сводки мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ.

Русскій читатель уже располагаетъ рядомъ переводовъ исторій политической экономіи (Бруно Гильдебрандта, Бланки, Мейера, Джона Ингрема, Августа Онкена и др.), а равно прекрасными работами А. И. Чупрова, Н. Х. Бунге, И. И. Янжула, М. И. Туганъ-Барановскаго, М. В. Бернацкаго, А. Н. Миклашевскаго и др.

Настоящая работа, не претендуя на оригинальность или исчерпывающую полноту, представляетъ собою только „очерки“, — какъ и указано въ заглавіи, — и притомъ только очерки для первоначальной оріентировки. Многія экономическія воззрѣнія, наприм. Сисмонди, Листа, Милля, въ нихъ только слегка намѣчены, другія изложены весьма кратко и, притомъ, не въ соотвѣтствіи съ какою-либо систематическою программою, располагающею матеріалъ по его сравнительному удѣльному вѣсу, а сообразно личному интересу автора.

ЭБ "Научное наследие России"

Большое вниманіе удѣлено составителемъ библіографіи, далеко, впрочемъ, неполной, но все же болѣе систематичной и обширной, чѣмъ это обыкновенно принято. Сдѣлано это для облегченія занятія тѣхъ, кто, заинтересовавшись болѣе обстоятельно предметомъ, лишенъ возможности или времени обратиться къ руководителю.

Наконецъ, своего рода новшествомъ является включеніе въ обзоръ развитія экономическихъ идей у насъ, въ Россіи. Тѣ, кто занимался этимъ вопросомъ, знаютъ, какъ мало еще разработана у насъ эта область, а потому, надѣемся, отнесутся снисходительно къ этой попыткѣ автора.

С.-Петербургъ, августъ, 1913.

© "Научное наследие России"

ВВЕДЕНІЕ.[1])

М.м. Г.г.,

Высшая школа, universitas, ставитъ своею задачею развитіе общихъ взглядовъ на окружающій насъ міръ. Важнѣйшая задача высшаго образованія—содѣйствіе выработкѣ міросозерцанія, т. е. не цеховое ремесленничество или узкая спеціализація, а стройный синтезъ научнаго познанія. Міровоззрѣніе современнаго человѣка немыслимо безъ той или иной доли соціальнаго элемента, безъ общественно-историческихъ знаній, а область общественно-историческихъ наукъ,—область исторіи, права, соціологіи и т. д.,—въ настоящее время недоступна безъ предварительнаго изученія той соціальной структуры, въ которой развиваются общественно-историческія явленія. И такъ какъ, по нашему убѣжденію, только пониманіе соціально-экономическаго основанія даетъ ключъ къ уразумѣнію общественно-историческихъ явленій, то очевидно, что въ основѣ всякаго міровоззрѣнія въ сферѣ общественныхъ явленій лежитъ міровоззрѣніе экономическое.

Современная соціологія и современная политическая экономія намъ выясняютъ, что міровоззрѣніе отдѣльныхъ индивидуумовъ и отдѣльныхъ общественныхъ группъ, т. е. индивидуальная и групповая идеологія подсказываются, сознательно или безсознательно—безразлично, интересами и инстинктами той среды, къ которой принадлежитъ данный субъектъ или группа ихъ. Подпочва всѣхъ идеологій—классовая структура общества, а источникъ характера даннаго міросозерцанія—соціальные инстинкты его носителя.

Итакъ, міровоззрѣніе опредѣляется соціально-экономическою средою, т. е. въ широкомъ смыслѣ сознаніе

[1]) Изъ вступительной лекціи къ курсу исторіи политической экономіи, прочитанной авторомъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ октябрѣ 1901 г.

ЭБ "Научное наследие России"

опредѣляется бытіемъ [1]). Эта великая аксіома современнаго знанія—безсмертная заслуга Карла Маркса въ области соціологіи.

Кстати о Марксѣ. Для юнаго ума—Марксъ безусловно необходимъ, даже хотя бы какъ ступень. Марксъ, какъ школа—залогъ ума, развитіе и обостреніе соціальнаго міропониманія. И прежде всего Марксъ—это очищеніе отъ плевелъ телеологіи и мѣщанства, это внѣдреніе тонкаго пониманія матеріалистической структуры исторіи, права, соціологіи.

Я сказалъ тонкаго пониманія матеріалистическихъ воззрѣній, ибо существуютъ воззрѣнія примитивныя, утрированныя и воззрѣнія, утонченныя знаніемъ и анализомъ.

Утрированный матеріализмъ, или, такъ сказать, мнимый марксизмъ, разсматриваетъ всѣ общественныя явленія и историческіе процессы просто какъ непосредственные рефлексы экономическихъ отношеній. Утонченный матеріализмъ, или, такъ сказать, истинный марксизмъ, принимаетъ съ должнымъ вниманіемъ и обратное воздѣйствіе идеологическихъ моментовъ. Онъ ясно понимаетъ, какъ общественныя учрежденія, выросшія изъ продуктовъ экономическаго развитія, развиваются въ самостоятельныя силы, которыя начинаютъ „обратно“, т. е. въ свою очередь, вліять на экономическое развитіе, ускорять его, задерживать или направлять въ иное русло. „Политическое, правовое, религіозное, художественное развитіе,—говоритъ Энгельсъ,—покоится на экономическомъ. Но всѣ эти условія реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Дѣло не въ томъ, что экономическая основа является единственною дѣятельною причиною, а всѣ другія силы ея—пассивный результатъ, но это взаимодѣйствіе „въ конечномъ результатѣ“ сказывается всегда результатомъ обнаруживающейся „экономической необходимости.“

Изъ всего только что сказаннаго съ непреложною очевидностью слѣдуетъ, что въ основѣ исторіи всѣхъ идеологій лежитъ исторія экономическихъ измѣненій, а, слѣдовательно, прежде всего экономическихъ ученій.

---

[1]) „Сумма производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, на которой возвышается политическая и правовая надстройка и которой соотвѣтствуютъ, опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія“. (К. Марксъ.)

ЭБ "Научное наследие России"

Важность знанія экономическихъ ученій для выработки міровоззрѣнія становится первостепенною при изученіи политической экономіи.

Безъ изученія исторіи политической экономіи немыслимо осмысленное,—не говоря уже о сознательномъ и критическомъ,—пониманіе самой экономической теоріи. Знать одну догму экономической науки не только недостаточно, потому что это будетъ въ лучшемъ случаѣ только механическое усвоеніе отдѣльныхъ тезисовъ, но и потому, что единой догмы не существуетъ. Дѣло въ томъ, что современная политическая экономія не представляетъ собою законченнаго зданія. Многія первоклассныя проблемы или намѣчаются, или спорны, или представляютъ загадку, разрѣшаемую противорѣчивыми объясненіями. Экономисты настоящаго времени—представители самыхъ разнообразныхъ теченій и направленій. Каждый считаетъ именно свою догму, свою школу, свою политическую экономію единственно правильною, единственно безошибочною, а всѣ остальныя едва заслуживающими вниманія.

И, господа, все ваше экономическое міросозерцаніе, всѣ ваши соціальные принципы часто зависятъ отъ того, къ кому изъ учителей вы попали, въ чьей школѣ вы впервые, быть можетъ даже случайно, восприняли „первое экономическое крещеніе“.

Добросовѣстный наблюдатель современной экономической науки не можетъ не отмѣтить борьбы противорѣчивыхъ направленій и нѣкоторой анархіи въ теоріи науки.

Разобраться во всемъ этомъ, сознательно примкнуть къ тому или иному направленію или самостоятельно прокладывать свой путь, можно только при помощи изученія исторіи политической экономіи, при помощи анализа происхожденія и развитія существующихъ, отжившихъ и нарождающихся ученій.

Вотъ почему ни въ одной отрасли знанія, кромѣ философіи, изученіе исторіи науки не играетъ такой роли, какъ въ политической экономіи.

Мнѣ кажется, вамъ не нужно болѣе доказывать всю необходимость и всю важность изученія исторіи экономическихъ ученій и я могу перейти къ краткому обзору современнаго состоянія этой научной дисциплины, сложившейся такъ недавно, во второй половинѣ 19-го вѣка, и еще такъ мало законченной.

ЭБ "Научное наследие России"

Лѣтъ 40 тому назадъ, когда только складывалась исторія ученій, какъ особая дисциплина, она начиналась съ мнимаго „отца политической экономіи“, — Адама Смита и его сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1776 году. И еще такъ недавно, какихъ нибудь 15—20 лѣтъ назадъ, даже добросовѣстные нѣмецкіе гелертеры датировали со Смита научное развитіе экономической мысли. „Политическая экономія или ученіе о народномъ хозяйствѣ,—безапелляціонно заявлялъ академическій авторитетъ профессоръ Густавъ Шѣнбергъ, въ своемъ учебникѣ-компендіумѣ, — принадлежитъ къ самымъ молодымъ наукамъ. Только въ 1876 году она отпраздновала свое столѣтіе, если считать годомъ ея рожденія 1776 годъ, а ея отцомъ Адама Смита.“

Такое ошибочное и все еще ходячее мнѣніе о Смитѣ и юности экономической мысли представляетъ собою, съ одной стороны, продуктъ громаднаго вліянія на умы школы Смита-Рикардо, не напрасно получившей образное наименованіе „классической“, съ другой,—безсознательное закрѣпленіе торжества капитализма, ярко и беззастѣнчиво развившаго свою специфическую идеологію въ смитіанствѣ.

И если основатели классической школы своимъ мощнымъ синтезомъ новыхъ экономическихъ отношеній, своимъ отрицаніемъ всего имъ въ теоріи предшествовавшаго, далеко отодвинули и обезличили болѣе раннія направленія экономической мысли, хотя бы тѣ же меркантилизмъ и ученіе физіократовъ, то это не значитъ, что эти идеологіи не важны или навсегда отвергнуты. И если торжествующая буржуазія, слагая свою брачную съ европейскою исторіею пѣснь, возводила на пьедесталъ устанавливаемыя ею самою новыя экономическія отношенія, если она слагала „Евангеліе капитализма“, то это отнюдь еще не значило, что отнынѣ воцарялся одинъ только классъ—классъ буржуазіи и что всякая иная идеологія становилась отжившею категоріею.

Вотъ почему намъ въ настоящее время приходится широко раздвигать рамки историческаго изученія и анализировать этапы экономической мысли, слагавшейся и развивавшейся задолго до рожденія Адама Смита. Вотъ почему современному экономисту нельзя ограничиваться однимъ анализомъ капиталистическихъ отношеній, какъ это дѣлаетъ большинство современныхъ писателей.

ЭБ "Научное наследие России"

Мы уже останавливались на аксіомѣ, что сознаніе опредѣляется бытіемъ. Очевидно, изученіе экономическихъ идеологій немыслимо безъ изученія экономическаго быта. Съ другой стороны, всякая идеологія, по своему методу и общей конструкціи, не слагается изолированною или противорѣчащей общему духовному направленію эпохи. Она плоть отъ плоти умственныхъ теченій своего времени. Мы всѣ дѣти земли, на которой родились и живемъ.

Отсюда двойная зависимость экономическихъ ученій въ ихъ генезисѣ, во первыхъ, отъ соціальной среды. т. е. отъ порождающаго ихъ экономическаго быта, во вторыхъ, отъ способа трактованія. отъ формы идеологіи въ данное время, т. е. отъ общаго философскаго направленія эпохи.

Итакъ, съ одной стороны, экономическія воззрѣнія имѣютъ связь съ хозяйственнымъ бытомъ. съ другой,—съ философіею. Признавая всю исключительную важность, мы не будемъ прослѣживать перваго изъ указанныхъ соотношеній Дѣло въ томъ. что университетское преподаваніе выдѣлило исторію экономическаго быта въ особый предметъ. прослушать который вамъ необходимо.

Моя задача прослѣдить цѣль развивающихся идеологій. Здѣсь прежде всего полная зависимость экономическихъ взглядовъ отъ общаго состоянія науки и философіи. Принципы послѣдней, проектируясь въ область хозяйственныхъ отношеній, и создаютъ экономическое ученіе. Судите сами.

Средневѣковая, религіозно-схоластическая философія дала содержаніе средневѣковой экономіи. Дни ея паденія—время эмансипаціи экономіи отъ отцовъ Церкви и гальванизированнаго Аристотеля. Философы Юмъ и Локкъ играютъ наиболѣе выдающуюся роль въ развитіи экономической мысли до Смита. Декартъ своимъ методомъ вліяетъ на Кенэ. Руссо вдохновляетъ физіократовъ, а метафизическія концепціи естественнаго права ложатся въ основу ихъ. Раціонализмъ ложится въ основу смитовой или классической школы, послѣднюю можно назвать приложеніемъ раціонализма къ объясненію экономическихъ явленій. Самъ Адамъ Смитъ былъ пичѣмъ инымъ, какъ профессоромъ философіи одного изъ шотландскихъ университетовъ, а основы его „Изслѣдованія причинъ

ЭБ "Научное наследие России"

богатства и бѣдности народовъ“ вполнѣ уясняются только въ совокупности его чисто философскаго трактата „Теорія нравственныхъ чувствъ“,—одной изъ двухъ выполненныхъ частей задуманной имъ трилогіи.

Смитъ, какъ экономистъ, занимаетъ въ исторіи экономической науки такую же позицію, какъ Кантъ въ философіи. Это въ свое время блестяще доказалъ Онкенъ въ своемъ трудѣ: „Adam Smith und Emmanuel Kant“, вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1877 г.

Пойдемъ далѣе. Философъ Фихте своимъ сочиненіемъ „Der geschlossene Handelstaat“ вліяетъ на развитіе идей современнаго соціализма. Вамъ, по всей вѣроятности, извѣстно все то вліяніе которое оказалъ Гегель, а одно время „лѣвый гегеліянецъ“ Фейербахъ, на Маркса и Энгельса, отчасти и на Прудона. Недаромъ современные соціалисты особенно усердно отмежевываютъ область своей собственной философіи. Но не только соціалисты. Ничше, а также Штирнеръ воздѣйствуютъ на рядъ анархистскихъ теоретиковъ. Наконецъ, философія Огюста Конта опредѣляетъ направленіе, задачи и содержаніе исторической школы въ политической экономіи.

То же наблюдаемъ мы и теперь. Одни пытаются переложить свои неокантіанскіе порывы и гносеологическія размышленія къ переоцѣнкѣ основныхъ экономическихъ понятій, другіе—у Виндельбанда и у Риккерта находятъ разрѣшеніе своимъ экономическимъ сомнѣніямъ и аргументацію для своихъ антимарксистскихъ симпатій.

Итакъ, общее направленіе экономической мысли и способъ трактованія экономическихъ теорій какой-либо эпохи въ значительной мѣрѣ опредѣляется также и ея философіею.

Такимъ образомъ, каждая данная политико-экономическая теорія, каждое данное экономическое ученіе, представляетъ собою сложный продуктъ соціально-исторической среды и философскаго мышленія данной эпохи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ отмѣчать хозяйственную среду, изъ которой выросла данная доктрина, лишь постольку, поскольку это неизбѣжно для связности изложенія. Все же вниманіе будетъ направлено на выясненіе связи съ общей идеологіею эпохи. Повторяю, что уразумѣніе послѣдняго соотношенія особенно важно, ибо раз-

ЭБ "Научное наследие России"

витіе отдѣльныхъ областей знанія находится въ тѣсной связи съ даннымъ состояніемъ общей теоріи науки. Послѣдняя даетъ направленіе и методу и общему трактованію. Но такъ какъ общая теорія науки опредѣляется суммою философскаго знанія и положеніемъ науки въ данное время вообще, то и экономическая теорія, пребывая въ тѣснѣйшей связи съ философіею, эволюціонируетъ, какъ и духовная структура, по мѣрѣ развитія философскаго мышленія.

И, дѣйствительно, по мѣрѣ развитія изученія экономическихъ ученій, тѣсная связь философіи и экономіи отмѣчалась все болѣе и болѣе. Въ 1893 году англійскій ученый Джемсъ Бонаръ выпустилъ цѣлое изслѣдованіе, посвященное анализу историческаго сродства и взаимодѣйствія этихъ двухъ дисциплинъ [1]), а нѣсколько ранѣе его Онкенъ провелъ параллель между Кантомъ и Смитомъ [2]). Нынѣ связь ихъ настолько очевидна, что дала поводъ одному австрійскому ученому, ничтоже сумняшеся, произвести всю экономію отъ философіи. „Экономическая наука,—говоритъ Гансъ Людаси,—такая же дочь философіи, какъ и всякая другая наука, она младшее дитя этой матери, послѣдняя звѣзда, которая оторвалась отъ матеріи этого солнца".

Дѣйствительно, на протяженіи всей міровой исторіи связь между спеціальнымъ экономическимъ трактованіемъ и общимъ философскимъ міропониманіемъ болѣе чѣмъ тѣсная. Первые экономисты, великіе мыслители древности, Аристотель и Платонъ, были философы; а философія тогда обнимала все и не была еще дифференцирована.

Поэтому, во-первыхъ, всѣ господствующія экономическія теоріи не могутъ оставаться внѣ воздѣйствія господствующей философіи своего времени, во-вторыхъ, онѣ тѣмъ болѣе неотразимы, чѣмъ сильнѣе связаны съ цѣлою опредѣленною философскою системою, въ третьихъ, очевидно, что prolegomena ко всякой будущей политической экономіи, желающей выступить въ качествѣ новой науки, коренятся въ основоположеніяхъ предшествующей ей общей философской мысли.

Ученія развиваются медленно. Объектъ экономическаго изученія, къ тому же, труденъ для изученія, ибо его содер-

[1]) Bonar, James. Philosophy and political Ekonomy in some of their historical Relations. London, 1898

[2]) Onken, A.: Smith und E. Kant, 1877. Ср. также Hasbach, W: Die allgemeine philosophischen Grundlagen der von F Quenay u. A. Smith begrundeten Pol. Oekonomie, 1890 г.

ЭБ "Научное наследие России"

жаніе также развивается. И, кромѣ того, связь съ жизнью не только ретроспективна: она проникается опредѣленными идеалами, она боевая.

„Объективныя чуждыя силы,—сказалъ Энгельсъ,—силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіею, поступаютъ подъ контроль человѣка. Только съ этого момента люди будутъ дѣлать свою исторію съ полнымъ сознаніемъ, только съ этого момента производимыя ими установленныя общественныя причины со все возрастающей силою будутъ приводить къ желаннымъ послѣдствіямъ. Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы".

И догма и активное, связанное съ догмою, поведеніе измѣнчивы.

Это и понятно: мысли человѣчества—нѣчто живое, измѣнчивое, страстно ищущее, страстно жаждущее истины, что никогда не успокоится; никогда работа синтеза и критики не прекратится.

Точно также измѣняется и строй общественныхъ и хозяйственныхъ явленій. Соціальная жизнь никогда не сможетъ вылиться въ какую-нибудь застывшую, разъ навсегда законченную форму. Поэтому и въ экономической наукѣ, освѣщаемой философіею и изучающей скрытыя причины измѣненій формъ жизни, никогда не создастся разъ навсегда законченная догма.

Но послѣднее противорѣчитъ нашему сердцу, всей нашей природѣ. Человѣческая душа не мирится со скептицизмомъ, съ относительностью, она стремится къ абсолютному идеалу... Человѣчество неустанно мечтаетъ о совершенномъ соціальномъ строѣ, о земномъ раѣ, объ единомъ законченномъ на пользу народныхъ массъ экономическомъ ученіи.

Достигнетъ ли оно когда либо этого идеала?

Оставимъ сейчасъ это подъ знакомъ вопроса, а пока будемъ помнить, что идеалы достигаются, съ одной стороны, путемъ тщательнаго анализа всего хода человѣческой исторіи, а съ другой, цѣною борьбы и труда; потому и мы, вдумываясь въ объективный процессъ общественнаго развитія, будемъ бороться и трудиться!..

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ I-ый.

Изъ исторіи экономическихъ идей древняго міра

О задачахъ дальнѣйшаго изложенія —Зачатки экономическаго мышленія въ древнемъ мірѣ. — Халдея, Индія. еврейство и античный міръ

Гл. 1. Древній міръ.

Исторія экономическихъ ученій долгое время носила чисто вспомогательный характеръ. Ея основною задачею являлось содѣйствіе пониманію догматической части политической экономіи, въ силу чего исторія ученій разсматривалась какъ своего рода подъотдѣлъ той части теоретической экономіи, которая изучаетъ методъ и задачи экономической науки. Съ теченіемъ времени—накопленіе матеріала и дифференціація политической экономіи—выдѣлили исторію экономическихъ ученій въ особую отрасль знанія, которую болѣе правильно называть исторіею политической экономіи, такъ какъ она излагаетъ ходъ развитія этой науки.

Ставъ самостоятельнымъ цѣлымъ, исторія политической экономіи начала быстро и успѣшно развиваться. Появилась обширная литература, изучающая какъ общій ходъ развитія экономическихъ воззрѣній, такъ и отдѣльныя эпохи и отдѣльныхъ представителей экономической мысли. Особенное вниманіе было обращено на генезисъ экономическихъ идей, которыя,—совершенно справедливо,—разсматриваются только какъ производное опредѣленной соціальной среды и опредѣленныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Отсюда изложеніе экономическихъ ученій въ рамкахъ характеристики народно-хозяйственнаго строя эпохи. Другимъ, помимо генезиса, важнымъ предметомъ вниманія явилось выясненіе способовъ изложенія и трактовки идей экономи-

ЭБ "Научное наследие России"

ческаго порядка. Являясь въ смыслѣ концепціи производными опредѣленныхъ умственныхъ теченій эпохи, экономическіе идеалы слагались подъ несомнѣннымъ вліяніемъ общей философіи и теоріи науки данной эпохи.

Въ итогѣ начала раскрываться весьма поучительная и интересная картина творческой работы человѣческой мысли въ области хозяйственной жизни народовъ. Выяснилось, что та соціально-экономическая идеологія современности, которую мы именуемъ политической экономіею, та идеологія товарно-денежнаго круговорота, которой столь присуща объективная стихійность,—развилась только въ новѣйшее время, почему и самая исторія современной экономической мысли должна, въ концѣ концовъ, начинаться съ товарно-хозяйственнаго этапа европейской промышленной жизни. Отсюда, по своему вполнѣ справедливая, мысль—начинать изложеніе исторіи экономическихъ ученій съ эпохи развитія англійскаго капитализма, съ Адама Смита. Такъ поступаютъ многіе экономисты въ своихъ исторіяхъ экономическихъ ученій.

Но человѣческая мысль во многихъ областяхъ, не исключая соціально-экономическихъ, не такъ нова въ своихъ отправныхъ пунктахъ. Какъ теоретическая конструкція, соціальная мысль давно уже опредѣлилась въ исторіи идеологіи человѣчества.

И если мы будемъ разсматривать исторію политической экономіи только со стороны исторіи цѣпи идеологій,—а, памятуя о другихъ сторонахъ, такая цѣпь можетъ, какъ это дѣлается въ настоящихъ очеркахъ, стать самодовлѣющимъ цѣлымъ,—то мы увидимъ, что многіе теоретическія основоположенія и общія позиціи слагались въ эпохи значительно предшествовавшія современному капитализму. Отсюда интересъ къ эмбріону соціально-экономическихъ воззрѣній, къ наиболѣе отдаленнымъ отъ современности эпохамъ. Этотъ интересъ тѣмъ болѣе понятенъ, что сила традиціи, традиціонной преемственности идей всегда была сильнымъ факторомъ въ исторіи идей. И посколько послѣднія представляли собою зачатки соціальной дифференціаціи и денежныхъ отношеній, постолько они являлись колыбелью новыхъ идеологическихъ построеній, въ которыхъ,—часто наивно и грубо,—намѣчались первые штрихи будущихъ воззрѣній. Нѣкоторые взгляды путемъ преемственности

ЭБ "Научное наследие России"

науки и литературы переходили изъ эпохи въ эпоху, измѣняясь съ теченіемъ времени въ новой средѣ и въ новыхъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, идеи Платона черезъ Томаса Мора передались французскимъ утопистамъ, воззрѣнія Аристотеля черезъ канонистовъ и теоретиковъ XIV и XV столѣтій—литературѣ XIX вѣка и т. д. Такова, напр, идея „естественныхъ законовъ", выставленная еще стоиками и Гераклитомъ и живущая до сихъ поръ въ экономической наукѣ. Было бы вполнѣ справедливо начинать первые проблески экономической мысли съ момента возникновенія первыхъ попытокъ ея безсознательной формулировки, которую мы и находимъ въ наиболѣе раннихъ законодательныхъ памятникахъ. Здѣсь впервые просыпалась новая соціально-хозяйственная мысль и искала своего перваго опредѣленія. Теперь мы знаемъ, что, такъ назыв., патріархальный укладъ былъ поколебленъ очень рано. Въ 1902 году на мѣстѣ древней столицы эламитовъ Сузѣ были открыты знаменитые отнынѣ законы ассиріискаго царя Хаммураби. Изъ его кодекса мы узнаемъ, что въ XV вѣка до Р. Х. хозяйственная революція въ смыслѣ перехода отъ натуральнаго къ новому, денежному, укладу была въ полномъ разгарѣ. Мы находимъ здѣсь высоко развитую индивидуальную собственность, промыслы и торговлю, договоры купли-продажи, купчія, судебныя постановленія по искамъ, и т. д.[1]).

Правда, самъ царь Хаммураби тяготѣетъ къ старому укладу и, формулируя новые жизненные процессы, всею своею симпатіею на сторонѣ стараго строя. Сельское хозяйство, а не торговля и промыслы, вотъ предметъ его заботы. Себѣ онъ ставитъ въ особую заслугу труды по орошенію и развитію хлѣбопашества [2]).

Тѣмъ же духомъ проникнуты и ригъ-веды-самхиты индусовъ, эта древнѣйшая книга арійской семьи, сложившаяся еще за полтора тысячелѣтія до начала христіанской эры. Земледѣліе и скотоводство прославляются во всѣхъ 1028 пѣсняхъ названнаго памятника. Индусы этого періода еще не знаютъ кастъ. Всѣ хозяйственные интересы ихъ вращаются около плуга и коровы. Позднѣе, въ Яджуръ и

---

[1]) См „Die Gesetze Hammurabis", 1903 г, проф Г. Кона (Kohn).

[2]) „Я приказалъ рыть каналъ Наръ-Хаммураби, благодать для народовъ. Берега его по обѣими сторонамъ я назначилъ для хлѣбопашества и приказалъ засѣять ихъ хлѣбомъ" и т. д.

ЭБ "Научное наследие России"

Саманъ Ведахъ мы видимъ и начало кастъ, и рабовъ, и ремесленниковъ. Правда, индуская мысль въ отличіе отъ Хаммураби и еврейскихъ пророковъ безразлична къ новымъ явленіямъ. Брамѣ всѣ занятія угодны. „Ваншіямъ,— говорится въ кодексѣ Ману (I, 88, 91), — Брама повелѣлъ ходить за скотомъ, надѣлять брахмановъ дарами, приносить жертвы, изучать Веды, торговать, давать взаймы деньги и воздѣлывать землю".

Сравнительно съ этимъ энциклопедизмомъ, соціально-экономическая мысль древняго Израиля много опредѣленнѣе и точнѣе. Полупастушеская и полувоенная организація древняго еврейства слагаетъ свою идеологію въ законодательствѣ Моисея (т. е. съ XV вѣка до Р. Х. до Вавилонскаго плѣненія, 537 до Р. Х.) и въ „Мишнѣ" Егуды (т. е. съ VI вѣка до середины II в. по Р. Х.).

Здѣсь мы можемъ изучить хозяйственный процессъ настолько любопытный и переломъ въ соціальномъ міровоззрѣніи народа настолько рѣдкій, что мы не могли не остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе ниже, въ особой главѣ, озаглавленной Евреи.

Такой же переломъ, но съ еще болѣе развитымъ сознаніемъ, въ болѣе широкой и красочной обстановкѣ, находимъ мы и въ колыбели современной цивилизаціи—въ античномъ греко-римскомъ мірѣ. Здѣсь, кромѣ того, впервые формулируются многія идеи и зародыши соціально-философскихъ взглядовъ, которымъ суждено было впослѣдствіи сыграть такую выдающуюся роль. Таковы идеи естественнаго права стоической школы, таковы взгляды Платона и Аристотеля, и проч. и проч.

Въ итогѣ можно сказать, что „античность сильна идеями", какъ мѣтко выразился въ одной изъ своихъ поэтическихъ научныхъ статей проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Дѣйствительно, къ античности, къ этой истинной колыбели идей, какъ къ неизсякаемому первоисточнику, европейская цивилизація возвращается постоянно. Историку каждой отрасли знанія приходится искать здѣсь зачатки многаго, что иногда совершенно напрасно считаютъ пріобрѣтеніемъ сравнительно недавней эпохи. Въ античной мысли коренится и источникъ многихъ идей послѣдующей политической экономіи. Я говорю источникъ идей, а не связанный единствомъ метода предметъ научной дисциплины, создавшійся много позд-

ЭБ "Научное наследие России"

нѣе. Конечно, ни дифференцированной изъ общаго круга знаній о с о б о й научной отрасли — экономіи, ни научной с и с т е м ы, ни самаго наименованія „политическая экономія“ древность не знала, такъ какъ основы ихъ, товарнаго хозяйства капиталистическаго производства, тогда не существовало. Но достоинство и глубина высказанныхъ въ ту эпоху воззрѣній нисколько этимъ не умаляется. Наоборотъ, свѣжесть и оригинальность общей постановки соціальнаго вопроса, смѣлость намѣчавшихся рѣшеній его такъ же, какъ острота и опредѣленность сужденій по отдѣльнымъ вопросамъ и здѣсь, въ экономіи, въ этой, казалось бы, совершенно чуждой древней мысли сферѣ, заставляютъ преклониться передъ античностью, какъ передъ дѣйствительно „великою мастерскою“ человѣческой культуры.

Въ современную намъ эпоху можно составить себѣ представленіе о строѣ экономическаго міровоззрѣнія древности двумя путями. Или прослѣдить безсознательное выраженіе руководящихъ идей въ юридическихъ и литературныхъ памятникахъ, въ документахъ и надписяхъ, въ установленіяхъ и пр., или обратиться къ сознательной формулировкѣ уже опредѣлившихся мыслей у писателей тогдашняго времени. То и другое—задачи одинаково цѣнныя, хотя и не всегда, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда, взаимно пополняющія другъ друга. Въ дальнѣйшемъ мы избираемъ второй путь, т. е. путь анализа уже сложившейся идеологіи, такъ какъ онъ, во-первыхъ, до сихъ поръ сравнительно меньше привлекалъ вниманіе экономистовъ, а во-вторыхъ, не является при нашей работѣ самоцѣлью. Мы подходимъ въ данномъ случаѣ къ античности лишь какъ къ своего рода „н а с л ѣ д і ю“, лишь какъ къ готовому фонду, изъ котораго черпала въ дальнѣйшемъ европейская культура. Поэтому вполнѣ признавая идеологію функціей хозяйственнаго уклада, мы не касаемся ни проблемы о г е н е з и с ѣ идей античнаго міра, ни вопроса о связи этихъ идей съ вызвавшею ихъ обстановкою. Наша задача уже и опредѣленнѣе: намѣтить характеръ и размѣры наслѣдства, завѣщанаго античнымъ міромъ въ области экономической теоріи его идеепреемникамъ.

При этомъ, выбирая то, что съ точки зрѣнія экономической теоріи является болѣе цѣннымъ, нельзя не посѣтовать на то, какъ мало еще сдѣлала наша классическая фи-

ЭБ "Научное наследие России"

лологія для всѣхъ спеціалистовъ чужихъ научныхъ дисциплинъ, которымъ невольно приходится „смотрѣть ей въ руки“ и работать, такъ сказать, со вторыхъ рукъ. Такое положеніе дѣла врядъ ли нормально. Необходимо усилить вниманіе къ переводамъ и изданію точныхъ текстовъ античныхъ писателей, доступныхъ теперь лишь рѣдкимъ знатокамъ филологіи. Не это-ли очередная задача нашей Академіи Наукъ?

Гл. 2. Евреи.

Если исторія той или иной науки имѣетъ въ виду отыскать источники всѣхъ идей, то исторія политической экономіи должна принимать во вниманіе не только воззрѣнія греко-римскаго міра, но и то идейное наслѣдіе, которое дошло до насъ отъ еврейства. Чрезъ посредство христіанской церкви выработанные еврейской мыслью взгляды не могли не оказывать вліянія на воззрѣнія европейцевъ, а, слѣдовательно, и на слагавшуюся на почвѣ этихъ воззрѣній науку объ общественномъ хозяйствѣ.

Къ сожалѣнію, экономическая исторія древняго еврейства, его археологія и памятники еще мало изучены историками-экономистами [1]). Намъ приходится ограничиваться въ этой области самыми скудными данными. Главнѣйшими источниками для изученія древнѣйшаго періода еврейства, т. е. времени отъ Моисея (XV в. до Р. Х.) до конца Вавилонскаго плѣненія (537 г. до Р. Х.), являются законодательство Моисея, псалмы и книги Пророковъ, пользоваться которыми, впрочемъ, можно только принимая во вниманіе „библейскую“ критику. Слѣдующій, второй, періодъ, начиная съ половины VI вѣка до Р. Х. до середины II вѣка послѣ Р. Х., является временемъ, когда складывалась „Мишна“ (изданная Егудою около 200 г.). Данныя, приводимыя въ названныхъ источникахъ, рисуютъ намъ не ка-

---

[1]) Экономическія воззрѣнія древняго еврейства пытается изобразить Du Mesnil-Marigny въ своей обширной: „Histoire de l'économie politique des anciens peuples“ (2-е изд., Парижъ, 1873 г). Значительная часть перваго тома (стр. 310—487) и начало второго тома (стр. 1—68) посвящены еврейству, но здѣсь рѣшительно ничего не дается для выясненія „воззрѣній“, а лишь содержатся сухія, иногда къ тому же еще и невѣрныя, указанія Вообще же нссомнѣнно, что многое въ древнемъ еврействѣ, считавшееся прежде оригинальнымъ, заимствовано изъ Ассиріи (см. Делитчъ, Ф. Библія и Вавилонъ)

ЭБ "Научное наследие России"

кое-либо опредѣленное состояніе, а рядъ смѣняющихъ одна другую картинъ, цѣлую экономическую эволюцію, пережитую еврействомъ.

Во время эмиграціи изъ Египта евреи представляли собою полупастушескую, полувоенную организацію; они представляли собою типичный образчикъ номадовъ-скотоводовъ, вторгавшихся въ привлекавшую ихъ болѣе богатую страну съ осѣдлымъ населеніемъ. Но съ земледѣліемъ эти номады были вполнѣ и хорошо знакомы, какъ и бедуины современной Аравіи. „И сѣялъ Исаакъ въ землѣ той и получилъ въ тотъ годъ ячменя во сто кратъ“ („Книга Бытія“, гл. 26, ст. 12, изд. четвертое. СПБ., 1898 г.), говорится о сынѣ кочевника Авраама. Завладѣвъ затѣмъ плодороднымъ и богатымъ Ханааномъ и выработавъ замѣчательное законодательство, нормировавшее земледѣліе и землепользованіе, евреи превратили Палестину, сообразно мѣстнымъ условіямъ, отчасти въ земледѣльческую, отчасти въ пастушескую страну. „Эти обѣ стороны сельскохозяйственнаго промысла—полеводство и скотоводство суть двѣ большія основныя отрасли израильскаго народнаго хозяйства. Въ общемъ, государство покоилось на земледѣліи осѣвшаго населенія. Но еще долго сказывались слѣды кочевой жизни въ особенномъ предпочтеніи скотоводству и пастушеству. Сама страна къ тому же была какъ бы создана для этихъ двухъ занятій“ [1]). Позднѣе присоединяется къ этому и обмѣнъ товарами, торговля.

Право собственности на землю принадлежало у нихъ первоначально только всему народу. Индивидуальная собственность, какъ и самъ индивидуумъ, какъ лицо, обособленное отъ массы, для Моисея почти не существуетъ. Человѣкъ, по его мнѣнію, то же самое, что произрастающее изъ земли дерево, т. е. временное существо, пришлецъ міра сего. А весь міръ, земля — Божьи. Они принадлежатъ не человѣку. „Человѣкъ, яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтетъ“,—говоритъ въ томъ же духѣ псалмопѣвецъ. Этимъ взглядомъ обусловленъ и замѣчательный тезисъ книги Левита: „Земля да не будетъ продана въ вѣчность, потому что она принадлежитъ Мнѣ (т. е. Богу), а вы—Мои пришельцы“ (гл. 25, ст. 23). Оставалось только одно—пользова-

---

[1]) Fr. Walter: Die Propheten in ihrem socialen Beruf, 1900, стр. 16.

ЭБ "Научное наследие России"

ніе для имущихъ и сдача въ аренду своего надѣла — для впавшихъ въ бѣдность. Срокъ аренды истекалъ съ наступленіемъ черезъ каждые 49 лѣтъ освободительнаго „юбилейнаго“ года. Тогда всѣ земельные акты безъ просьбы или принужденія аннулировались въ силу самаго закона, а земля возвращалась въ родъ, владѣвшій ею первоначально (кн. Левита, гл. 25, ст. 11—17, 23 и 25). Передача земель происходила при строго установленной торжественной обстановкѣ и закрѣплялась актами [1]).

Позднѣе — земельныя отношенія мѣняются. Усиленіе матеріальнаго благополучія однихъ классовъ за счетъ другихъ происходитъ и внѣ Іерусалима, въ палестинской деревнѣ. Бѣдные попадаютъ въ зависимость отъ богатыхъ. Процессъ разложенія натуральнаго строя усиливается ростомъ національнаго могущества и связанными съ нимъ войнами. Солдатчина совсѣмъ обезсиливаетъ крестьянина. Начинается сосредоточеніе земельныхъ владѣній въ немногихъ рукахъ. Появляется древне-еврейское крупное землевладѣніе съ его обширнымъ рабскимъ трудомъ. Зрѣлище крестьянскаго разоренія волновало пророковъ. „Горе вамъ,— говоритъ пламенный И с а і я, —пріобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что д р у г и м ъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ“. (Исаія, глава 5, ст. 8).

Плодородіе почвы, избытокъ хлѣба, удобные торговые пути, вмѣстѣ съ усиленіемъ національнаго единства, привели къ развитію торговли, а съ нею и роскоши. Дочери

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу пророкъ І е р е м і я за 600 лѣтъ до Р. Х. „И Анамеилъ, сынъ дяди моего, пришелъ ко мнѣ, по слову Господню, во дворъ стражи и сказалъ мнѣ: купи поле мое, которое на Анаѳоѳѣ, въ землѣ Веніаминовой, ибо право наслѣдства твое и право выкупа твое; купи себѣ. Тогда я узналъ, что это было слово Господне И купилъ я поле у Анамеила, сына дяди моего, которое въ Анаѳоѳѣ, и отвѣсилъ ему семь сиклей серебра и десять серебрениковъ; и записалъ въ книгу и запечаталъ ее, и пригласилъ къ тому свидѣтелей и отвѣсилъ серебро на вѣсахъ. И взялъ я купчую запись, какъ запечатанную по закону и уставу, такъ и открытую,—и отдалъ эту купчую запись Варуху, сыну Ниріи, сына Маасеи, въ глазахъ Анамеила, сына дяди моего, и въ глазахъ свидѣтелей, подписавшихъ эту купчую. Запись, въ глазахъ всѣхъ Іудеевъ, сидѣвшихъ на дворѣ стражи; и заповѣдалъ Варуху въ присутствіи ихъ, такъ говорилъ Господь Саваоѳъ Богъ Израилевъ, возьми сіи записи,—эту купчую запись, которая запечатана, и эту запись открытую,—и положи ихъ въ глиняный сосудъ, чтобы онѣ оставались тамъ многіе дни. Ибо такъ говоритъ Господь Саваоѳъ Богъ Израилевъ домы и поля и виноградники будутъ снова покупаемы въ землѣ сей“. (Книга пророка І е р е м і и, глава 32, ст 8—15, ibid).

ЭБ "Научное наследие России"

Израиля плакали о смерти Саула, одѣвавшаго ихъ въ кармазинъ и украшавшаго золотыми украшеніями. Во второй книгѣ царствъ (гл. I, 24) мы читаемъ: „Дочери Израильскія, плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницы съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы". При Давидѣ, обратившемъ Палестину въ могущественное государство, завладѣвшемъ гаванями и торговыми путями, старая система хозяйства окончательно разложилась. Основалась могущественная столица, возникли большіе города, развилась городская жизнь, руководство торговой политикой взяло въ свои руки правительство, чеканившее деньги и охранявшее торговые пути. Соломонъ самъ дѣятельно занимался торговлей, монополизировавъ сношенія съ Египтомъ. Торговля стала всѣмъ для Палестины. „Іудейство стало теперь не только націею горожанъ, но и націею торговцевъ",—говоритъ К. Каутскій, считающій даже, что этимъ разцвѣтомъ все подчинявшей себѣ торговли можно объяснить и характеръ религіи іудеевъ и самыя основы ихъ монотеизма [1]).

Когда постепенно возникъ и развился древне-еврейскій капитализмъ, соціальная пропасть между классами расширилась, выросъ городской пролетаріатъ, а страну отъ времени до времени стали посѣщать голодовки, ранѣе неизвѣстныя. Весь этотъ процессъ не укрылся отъ глазъ болѣе проницательныхъ современниковъ. Пророки страстно возставали противъ него и указывали на его гибельныя послѣдствія. Но они искали причины разложенія стараго уклада въ религіозныхъ и этическихъ моментахъ и яростно грозили судомъ Божіимъ богачамъ за участь неимущихъ [2]). Упадокъ вѣры и измѣну нравственнымъ правиламъ, завѣщаннымъ древностью, они считали источникомъ всѣхъ бѣд-

---

[1]) Каутскій, К.: „Античный міръ, іудейство и христіанство", СПБ., 1909. Нельзя, конечно, не замѣтить, что торговля сложилась позднѣе развитія религіозныхъ основъ іудаизма

[2]) „Слушайте слово сіе, телицы Васанскія, которыя на горѣ Самарійской,—вы, притѣсняющія бѣдныхъ, угнетающія нищихъ, говорящія господамъ своимъ: „подавай, и мы будемъ пить!" (Книга пророка Амоса, гл. 4, ст. 1) И далѣе: „Выслушайте это, алчущіе поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ,—вы, которые говорите: когда-то пройдетъ новолуніе, чтобы намъ продать хлѣбъ, и суббота,—чтобы открыть житницы, уменьшить мѣру, увеличить цѣну сикля и обманывать невѣрными вѣсами, чтобы покупать неимущихъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви, а высѣвки изъ хлѣба продавать Клялся Господь славою Іакова: поистинѣ вовѣки не забуду ни одного изъ дѣлъ ихъ!" (Книга пророка Амоса, гл. 8, ст. 4—7).

гвій, а потому и рекомендовали для воздѣйствія на экономическій строй чисто моральныя средства. Они боролись съ роскошью, съ чревоугодіемъ и пьянствомъ, возставали противъ обмана въ торговлѣ, противъ несправедливости. Они ожидали появленія великихъ, нравственно сильныхъ личностей, которыя устроили бы рай на землѣ. Тогда,—по мнѣнію пророка Исаіи,—дѣла страдальцевъ земли рѣшатся по истинѣ, „тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и детеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи“. (Книги пророка Исаіи, гл. 11, ст. 6—8).

Идеаломъ пророковъ является земледѣльческій образъ жизни и благоустройство средняго сословія. Съ современной точки зрѣнія они представлялись бы намъ защитниками мелкаго хозяйства. Ихъ принципіальная вражда къ другимъ формамъ хозяйственной дѣятельности наложила неизгладимую печать на всѣ воззрѣнія раввиновъ, законниковъ-толкователей. Рабби Папа поучаетъ: „обрабатывай землю и не торгуй“; рабби Аба-Гуріонъ совѣтуетъ не отдавать сына въ погонщикиословъ и верблюдовъ, въ матросы, пастухи и лавочники, ибо всѣ эти промыслы связаны съ грабительствомъ. Рабби Ахаія, защищая замкнутое, патріархальное хозяйство, сравниваетъ „покупающихъ хлѣбъ съ базара“ съ „осиротѣвшимъ грудным ребенкомъ“. Рабби Решь Лани, ссылаясь на притчи Соломона, поучаетъ: „кто служитъ землѣ своей, тотъ наѣстся досыта хлѣба, въ противномъ случаѣ онъ будетъ въ нуждѣ“ [1]).

Поэтому лучшее экономическое будущее всегда рисуется еврейству, какъ возвратъ къ земледѣлію. „Всѣ рабочіе и мастеровые люди,—восторженно мечтаетъ раввинъ Елеазаръ,—возвратятся впослѣдствіи къ земледѣлію, ибо говоритъ писаніе: и сойдутъ съ кораблей своихъ всѣ владѣющіе весломъ, всѣ плавающіе въ морѣ, и къ землѣ пристанутъ“. Дѣйствительныя условія не соотвѣтствовали мечта-

[1]) Это и приведенныя выше изреченія раввиновъ взяты изъ книги Фина и Кацнельсона: Міровоззрѣнія Талмудистовъ, СПБ., 1876 г.

ЭБ "Научное наследие России"

ніямъ пророковъ и раввиновъ. Денежное хозяйство вытѣсняло натуральное, торговля находившаяся первоначально въ рукахъ кананитовъ и финикіянъ становилась обычнымъ занятіемъ евреевъ. Тогда дѣлается попытка регламентировать новыя отношенія: устанавливаются строгія правила для мѣръ и вѣсовъ, опредѣляются размѣры допустимой прибыли съ капитала, сурово караются ростовщики и лихоимцы.

Итакъ, торговля была новымъ органомъ въ развитіи экономическаго быта древняго еврейства. Она начала развиваться ко времени царя Давида, когда вся Палестина была уже въ рукахъ евреевъ и когда, захвативъ въ свои руки всѣ мѣстные пути, правительство начало облагать податью транзитные караваны. Торговля и капитализмъ свили себѣ прочное гнѣздо только въ израильскомъ царствѣ Іудея же оставалась по прежнему преимущественно земледѣльческою и вмѣстѣ съ тѣмъ страною строгаго монотеизма [1]). Такимъ образомъ, сельское хозяйство, а не торговля, являлось здѣсь основною склонностью населенія [1]).

Другою характерной особенностью древне-еврейскаго міросозерцанія было уваженіе къ труду вообще и ко всякому ремеслу въ частности. Въ этомъ Израиль расходится съ большинствомъ культурныхъ націй древности. Онъ возвышается до понятій, только изрѣдка встрѣчающихся у лучшихъ представителей античнаго міра. На признаніи и уваженіи труда сходятся всѣ—отъ пророковъ до царей, отъ Соломона и Давида до составителей Талмуда. „Если питаешься работою рукъ своихъ, блаженъ ты и благо тебѣ“—восклицаетъ псалмопѣвецъ (Давидъ, пс. 128) [2]), и ему черезъ вѣка вторитъ Талмудъ-Тора (3, 11), требующая любви къ труду и презрѣнія къ барству. „Немного поспишь, немного подремлешь, немного сложивъ руки, полежишь: и придетъ, какъ прохожій, бѣдность и нужда твоя, какъ разбойникъ“, говоритъ въ своихъ притчахъ ве-

---

[1]) Это свидѣтельствуютъ и сами евреи у Іосифа Флавія „Мы, евреи, не обитаемъ у морского побережья и не имѣемъ расположенія къ торговлѣ, а наши города лежатъ далеко отъ моря и занимаемся мы, главнымъ образомъ, воздѣлываніемъ нашей чудной земли“ (Флавій „Іудейская война“, 3 книга, гл 3).

[2]) Тотъ же, впрочемъ, мотивъ встрѣчается иногда и у грековъ (Гезіодъ, Солонъ)

ЭБ "Научное наследие России"

ликій знатокъ жизни—Соломонъ (Притчи, VI. 10—11). „Каждый обязанъ,—сурово поучаетъ раввинъ Меиръ въ Мишнѣ,—обучать своего сына ремеслу". Рабби Іегуда считаетъ трудъ „великимъ и возвышающимъ человѣка".

Литература, посвященная экономической жизни древнихъ евреевъ, очень скудна; прекрасные памятники древне-еврейскаго законодательства еще мало изслѣдованы съ экономической точки зрѣнія. Для интересующихся этимъ вопросомъ можемъ указать слѣдующія работы:

1. Кюбель: Die Sociale und Volkswirtschafliche Gesetzgebung des Alten Testament, Висбаденъ, 1870 г.

2. Вальтеръ. Die Propheten im ihren socialen Beruf und das Wirtschaftsleben ihren Zeit, Фрейбургъ, 1900 г.

3. Финъ и Кацнельсонъ: Міровоззрѣніе талмудистовъ. Перев подъ ред Л О. Леванды. Прим. и введ Гордона Т 1 О человѣкѣ и обязанностяхъ къ Богу. СПБ., 1876 г.

4. Новакъ: Die sociale Probleme in Israel, Страсбургъ, 1812 г.

5. Лебединскій: Краткій историческій обзоръ движенія и развитіе древне-еврейскаго законодательства за время отъ Моисея до Маймонида, Спб, 1901 г.

6. О воззрѣніяхъ раввиновъ на вопросы хозяйственной жизни можно найти указанія въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) Въ „Мишнѣ" [1]) отдѣлъ Незикинъ трактатъ Баба-Меціа, VI и VII гл; 2) въ „Гемарѣ"—10 b, 76 a и b, 77, 83 a и b, 86 a и b, 87 a и b, 88 b, 89 a, 92, 93 b; 3) въ трактатѣ Баба-Кама, 116 a; 4) въ трактатѣ Шевуонъ, 45, 48, 49, 5) Въ трактатѣ Кедушинъ, 22; 6) въ Іерусалимскомъ Талмудѣ, Баба-Меціа [2]), гл. VII, 7) кромѣ того многое можно найти въ Кодексахъ Маймонида [3]), въ „Уставѣ о наймѣ", гл. IX, §§ 1, 3, 4; гл. XI, §§ 1, 2, 6, 7, 9; гл. XII, § 1, „Туръ", отдѣлъ IV, Хошенъ-Мишпатъ, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337; въ „Шулханъ-Арухъ" (кодексъ Каро) [4]).

7. Для общей ориентировки въ вопросѣ объ экономическомъ бытѣ древняго еврейства могутъ служить: Іосифъ Флавій: Іудейскія древности (есть русск. переводъ); Ренанъ, Э: „Histoire du peuple d'Israel" (есть рус. пер.); Schürer: Geschichte des judischen Volkes; Iost: Geschichte der Juden und ihrer Sekten, Bd. I. (устарѣла); A. Geiger und Munk. „Palästina"; болѣе спеціальны сочиненія: Herzfeld: Handelsgeschichte der Juden des Altertums, Брауншвейгъ, 1879 г.; Schegg: Biblische Archäologie, Фрейбургъ, 1887; Wendland, P.: Die

---

[1]) Есть русскій переводъ Переферковича.

[2]) Къ нѣкоторымъ трактатамъ есть нѣмецкіе переводы разныхъ авторовъ, въ частности—переводъ Баба-Меціа.

[3]) Переводъ Кодекса Маймонида есть на нѣмецкомъ языкѣ, изд. СПБ. Академіи Наукъ 1850—60 г.г. (въ извлеченіи). Правовая часть содержится въ III и IV томахъ.

[4]) Есть нѣмецкій переводъ. Правовая часть содержится въ III и IV томахъ.

ЭБ "Научное наследие России"

hellenistisch-romische Kultur in ihrem Bedingungen zum Christentum und Judentum, Тюбингенъ, 1907 г.; Frank Buhl: Die Socialen Verhaltnisse der Israeliten; Paul Kruger: Hellenismus und Judentum, Лейпцигъ, 1908 г., Schwalm, M.· Le type social du paysan juif à l'époque de Jésus-Christ, въ февральской книжкѣ „Science Sociale" за 1908 г.; Kautsky, Karl: Der Ursprung des Christentums, Штутгартъ, 1908 г. (имѣется поверхностный русскій переводъ съ напыщеннымъ и претенціознымъ предисловіемъ русскаго переводчика, изд „Шиповникъ", СПБ., 1909 г.), Пасманникъ: Очерки, Ст. „Соціалдемократическая исторія еврейскаго народа", въ журн. „Разсвѣтъ" за 1909, № 2 Рядъ весьма цѣнныхъ статей можно найти въ „Еврейской Энциклопедіи", издаваемой Брокгаузомъ и Эфрономъ.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ I-ый.

(Продолженіе).

Гл. 3. Грецiя.

Общій обзоръ.—Платонъ.—Ксенофонтъ —Аристотель

I. Общій обзоръ.

Исторія застаетъ античную Грецію въ той стадіи развитія, когда общественныя формы ея переживали переломъ, знаменовавшій собою переходъ отъ стараго аграрнаго коммунизма къ новому индивидуалистическому строю, отъ натуральнаго „замкнутаго“ хозяйства къ хозяйству, покоющемуся на обмѣнѣ [1]).

Къ VI вѣку до Р. Х. Грецiя почти отрѣшается отъ аграрнаго коммунизма, который сохраняется въ немногихъ экономически болѣе отсталыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Спартѣ, на островѣ Критѣ и особенно на небольшихъ Липарскихъ островахъ. Но и въ указанныхъ мѣстахъ онъ болѣе напоминаетъ тотъ половинчатый коммунизмъ, который и въ нашу эпоху уцѣлѣлъ кое-гдѣ въ видѣ вымирающихъ пережитковъ (Hauskommunion'ы въ южной Германіи

---

[1]) Здѣсь совершенно оставляются въ сторонѣ, какъ изображеніе хозяйственнаго быта древней Греціи, такъ равно и весьма важный вопросъ о характерѣ экономическаго быта античнаго міра вообще. Изъ двухъ толкованій—экономиста Карла Бюхера и примыкающаго къ нему Франкотта, съ одной стороны, историковъ Эдуарда Мейера, Пѣльмана, фонъ-Белова, съ другой,—мы болѣе примыкаемъ къ послѣднему, при чемъ считаемъ, что бюхеровское направленіе можетъ быть принято только какъ характеристика одной изъ наиболѣе раннихъ стадій развитія. Въ то же время мы признаемъ, что объясненія историковъ опредѣляютъ преимущественно наивысшія формы, которыхъ достигла античная цивилизація; конечно, съ нѣкоторыми ограниченіями, оба толкованія могли бы мирно ужиться вмѣстѣ, если понимать каждое изъ нихъ только какъ объясненіе различныхъ стадій одного и того же процесса.

ЭБ "Научное наследие России"

и Тиролѣ, альменды въ Швейцаріи, Алжирѣ и пр.). Тѣмъ не менѣе, въ Греціи надолго еще сохраняется сознательное тяготѣніе къ остаткамъ первобытнаго коммунистическаго уклада. Какъ и въ другихъ странахъ древняго міра [1]) и здѣсь проповѣдуются коммунистическія идеи, накладывавшія замѣтный отпечатокъ на общій характеръ идеологіи Греціи.

Съ древне-греческимъ коммунизмомъ, о которомъ существуетъ, кстати сказать, обширная и не новая литература, знакомитъ насъ въ новомъ освѣщеніи появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ обстоятельная работа Пёльмана: „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“ [2]). Этотъ трудъ даетъ богатый матеріалъ для характеристики какъ коммунистическаго строя и коммунистическихъ воззрѣній древняго міра, такъ и вообще всего соціальнаго строя того времени. Процессъ разложенія коммунистическаго строя, судя по приводимымъ въ этой книгѣ даннымъ, характеризуется, съ одной стороны, измѣненіями въ аграрныхъ отношеніяхъ, сопровождающимися обычными въ такихъ случаяхъ аграрными безпорядками, а съ другой,—развитіемъ денежнаго хозяйства и первыми зачатками капитализма, конечно, капитализма торговаго. Этотъ процессъ, переломъ, кризисъ,—если угодно, своего рода хозяйственная революція,—не могъ проходить и тогда незамѣченнымъ; если теперь мы видимъ разногласіе въ оцѣнкѣ тогдашней жизни,—при чемъ одни отмѣчаютъ болѣе одну сторону быта, другіе другую,—то и въ древности онъ долженъ былъ вызывать неодинаковое къ себѣ отношеніе.

Различное отношеніе тогдашнихъ писателей къ этому основному хозяйственному процессу и составляло, дѣйствительно, основной пунктъ разногласія представителей двухъ главныхъ общественно-экономическихъ міросозерцаній древ-

---

[1]) Въ Іудеѣ—ессеи и гераневты, въ Персіи—Маздокъ и т. д.

[2]) Pöhlmann, R.: Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus, 2 т., Мюнхенъ, 1893—1901 (русскій переводъ подъ ред. М. И. Ростовцева въ „Общей исторіи европейской культуры“, т. II, СПБ, 1910 г). Филологи дѣлаютъ упреки Пельману за его цитаты и нѣкоторыя произвольныя толкованія. Пельманъ отступаетъ и отъ общепринятаго (гегелевскаго) взгляда на Платона. Цѣнно его широкое пониманіе соціальной проблемы, что особенно отразилось въ главѣ III тома I-го (Zur geschichtlichen Beurteilung der Politeia) и въ главѣ IV тома II-го книги 2-й (Das Erwachen der Armut zum socialen Selbstbewusstsein).

ЭБ "Научное наследие России"

нихъ. Этимъ же различіемъ опредѣляется въ значительной мѣрѣ и общій характеръ двухъ главныхъ методовъ обсужденія экономическихъ вопросовъ, а равно и даваемыхъ на нихъ отвѣтовъ. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ въ древней Греціи писателей, усматривающихъ въ разложеніи коммунистическаго строя и замѣнѣ его индивидуалистическимъ залогъ дальнѣйшаго развитія. Къ ихъ числу относятся два наиболѣе важныхъ писателя по экономическимъ вопросамъ, Ксенофонтъ и Аристотель, которые не приходятъ въ отчаяніе передъ новыми формами жизни, не ищутъ спасенія въ аскетизмѣ и отказѣ отъ новой культуры, а стараются въ объективно-спокойномъ изложеніи уловить характерныя черты и особенности новаго строя, не отказываясь въ то же самое время отъ построенія картинъ и идеальнаго строя. Съ другой стороны, мы знаемъ мыслителей, относящихся отрицательно къ указанному процессу, которые нападаютъ на самую идею частной собственности. Таковы софисты и циники, Теофрастъ и пифагорейцы, Платонъ и писатели утопическихъ романовъ. Платонъ и циники, напр., предпочли бы иной порядокъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, приближающійся скорѣе къ старому коммунистическому строю (старый „золотой вѣкъ“). Однако между взглядами Платона и циниковъ въ этомъ отношеніи обнаруживается существенное различіе. Въ то время, какъ древне-греческіе „анархисты“—циники всецѣло стоятъ на сторонѣ древняго коммунизма, Платонъ имѣетъ въ виду такое осуществленіе коммунистическаго принципа, которое не означало бы отказа отъ положительныхъ, съ его точки зрѣнія, завоеваній культуры; онъ не могъ освободиться отъ вліяній того индивидуализма, который развился въ его эпоху.

Помимо общихъ идей хозяйственнаго коммунизма въ эту же эпоху рѣшался также вопросъ о роли личности въ историческомъ процессѣ и государственномъ укладѣ. Софистъ Ликофронъ, Алкедомъ и циники уже рѣзко возражали противъ непризнанія свободы личности. Этимъ намѣчалась антитеза идей личности и государства, проблема свободы личности и поглощенія ея государствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по мѣрѣ развитія неравенства, накопленія богатствъ и растущей нищеты народныхъ массъ передъ сознаніемъ греческихъ мыслителей вставала и великая соціальная проблема бѣдности и богатства, обездоленныхъ и имущихъ,

ЭБ "Научное наследие России"

труда и капитала. При этомъ соціальный вопросъ въ широкомъ смыслѣ не только ставился, но и намѣчались первыя вѣхи его рѣшенія въ зависимости отъ того или иного отношенія къ развивающемуся процессу въ самомъ укладѣ жизни. Понятно, что постановка и отвѣты на частичные вопросы были еще болѣе поучительны. Къ сожалѣнію, большая часть сочиненій, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, до насъ, надо думать, не дошла. Поэтому мы и не имѣемъ возможности составить себѣ систематическаго, а главное, точнаго представленія объ экономическихъ взглядахъ древнихъ авторовъ; во многомъ приходится дѣлать лишь приблизительные выводы на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній и слабыхъ общихъ указаній. Многіе изъ фрагментовъ дошли до насъ черезъ вторыя и третьи руки или только сохранились ссылки на нихъ у другихъ авторовъ.

По сохранившимся отрывкамъ все же видно, что нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ у грековъ посчастливилось: о нихъ были написаны спеціальные трактаты. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что греки располагали сочиненіями посвященными горному дѣлу, ремесленному труду и т. д.; эти труды представляли, повидимому, значительную цѣнность, но, къ несчастью, не сохранились. Зато до насъ дошли сочиненія болѣе общаго характера. Впереди другихъ идутъ произведенія уже отмѣченныхъ корифеевъ философіи Платона и Аристотеля и историка Ксенофонта. Затѣмъ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ экономическихъ соображеній историковъ Геродота и, особенно. Θукидита. Какъ указалъ проф. В. Рошеръ въ своей восторженной, посвященной имъ монографіи [1]), главною заслугою Θукидида является выясненіе вліянія обмѣна на политическія и соціальныя событія [2]). Далѣе кое-какія свѣдѣнія по домашней экономіи и нѣкоторымъ отраслямъ промышленности содержались у писателей, сочиненія которыхъ считаются утраченными, хотя кое-что изъ нихъ сохранилось въ трудахъ ихъ послѣдователей. Таковы сочиненія Іерона и Калликратида о домашнемъ хозяй-

---

[1]) Roscher, W.: Disputatio prima de doctrinae oeconomico-politicae apud Graecos primordiis, Лейпцигъ, 1866 г.

[2]) Проф. А. Онкенъ, наоборотъ, считаетъ, что ни Геродотъ ни Θукидидъ никакого мѣста въ исторіи политической экономіи не занимаютъ (см. Onken, A: Geschichte der Nationalokonomie, I, II. Leipzig, 1902; русск. пер., 1908 г., стр. 51)

35 "Научное наследие России"

ствѣ, Аполлодора Лемносскаго и Харетида Паросскаго о земледѣліи. Какъ указываетъ Лоренцъ фонъ-Штейнъ, въ этихъ сочиненіяхъ имѣлись сужденія по вопросамъ о значеніи рабства, различіи денегъ и богатства и пр. [1]). Наконецъ, должны быть упомянуты нѣкоторыя беллетристическія произведенія съ соціально-экономическимъ содержаніемъ, о которыхъ скажемъ особо.

Въ этомъ перечнѣ для нашихъ цѣлей Платонъ, Аристотель и Ксенофонтъ стоятъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ; они заслуживаютъ особаго вниманія уже въ виду чисто теоретическаго характера ихъ сужденій. Правда, эти сужденія еще не возвышаются до особой научной дисциплины. Таннери въ своемъ обзорѣ древне-греческой науки даже не отводитъ политической экономіи ни одной строчки [2]). Но все же эти сужденія значительны. Отрицающіе послѣднее,—есть и такіе,—высказываютъ по своему вѣрное, но ничего не рѣшающее въ данномъ вопросѣ, мнѣніе, будто древніе писатели Ксенофонтъ и Аристотель совсѣмъ не рѣшали экономическихъ вопросовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и что ихъ работы представляютъ собою просто руководство для веденія домашняго хозяйства или для улучшенія государственно-правовыхъ институтовъ. Такое мнѣніе подсказывается пониманіемъ античнаго хозяйства, какъ домашняго замкнутаго хозяйства, а потому работы Ксенофонта и Аристотеля часто причисляются или къ чисто политической литературѣ или къ особой развивающейся почти у всѣхъ народовъ литературѣ домашней экономіи, къ которой относятся разнаго рода „Домострои“ [3]).

---

[1]) Stein, L. v.: Die Staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Platon въ Тюбингенской „Zeitschrift fur gesammte Staatswis.“ за 1853 г.

[2]) П. Таннери: Первые шаги древне-греческой науки, рус. пер., СПБ., 1902 г

[3]) Таковы, напримѣръ, сочиненіе Заточника въ Бари (XIII в.): Doctrina o proverbi dello schiano di Bari; сочиненіе Егидія Колонна; трактатъ итальянца Пандольфини (Trattato del governo della famiglia) XV вѣка; сочиненіе француза Жоффруа де-Латуръ-Ландри. „Menagier de Paris“, того же вѣка; нѣмецкое: „Vridankes Bescheidenheit“ неизвѣстнаго автора. У чеховъ въ томъ же духѣ пишутъ: Ѳома Щитный, Смилъ Фляшка и Шимонъ Ломницкій. У насъ: „Домострой“ попа Сильвестра, которому предшествовали: „Стоглавъ“ Геннадія, „Измарагдъ“ Златоуста, сборникъ „Златая Чепь“ и др.

© "Научное наследие России"

Правда, никто не будетъ отрицать того, что большая часть работъ носитъ именно такой характеръ. Въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, дѣйствительно, встрѣчаются цѣлыя главы о домоправителяхъ, разсужденія объ управленіи семьей и т. д. Но этимъ далеко не исчерпывается существо ихъ экономическихъ воззрѣній, тѣмъ болѣе, что многое опредѣлялось тогдашними условіями. Такъ, въ силу своего кастоваго, пожалуй, даже „классоваго“ міровоззрѣнія, греки всегда защищали то, что считалось благороднымъ въ ихъ время, и относились поэтому нѣсколько пренебрежительно къ позорнымъ на ихъ взглядъ занятіямъ. Отсюда невозможность для нихъ съ должнымъ вниманіемъ остановиться на вопросахъ общехозяйственныхъ. Но это еще не значитъ, что греческіе писатели были совершенно лишены пониманія, напр., общаго характера ремесленнаго труда или общихъ задачъ хозяйства; конечно, только не задачъ „народнаго“ хозяйства въ современномъ смыслѣ этого слова,—что появилось ужъ много позже.

Итакъ, приходится остановиться на разсмотрѣніи взглядовъ только Аристотеля, Платона и Ксенофонта. Но прежде чѣмъ къ нимъ перейти, скажемъ нѣсколько словъ о беллетристическомъ изложеніи соціальной проблемы.

Для писателей, относящихся отрицательно къ совершавшемуся разложенію коммунистическаго строя, характерна особая форма обсужденія общественныхъ и въ частности экономическихъ вопросовъ, положившая начало для всей дальнѣйшей литературы подобнаго рода,—это такъ называемые политическіе романы[1]). Этотъ видъ общедоступной и интересной по своему характеру литературы пользовался въ древности большимъ сочувствіемъ[2]). Рядъ древнегреческихъ писателей изображалъ несуществующіе острова, гдѣ люди живутъ въ идеальномъ общественномъ строѣ; многочисленны были и мечты о золотомъ вѣкѣ. Кромѣ спеціальныхъ сочиненій, названія которыхъ указаны ниже, тѣ же „утопическія“ мечтанія встрѣчаются также во многихъ произведеніяхъ поэтовъ, въ памфлетахъ и рѣчахъ

---

[1]) Ср. Кирхгеймъ: „Вѣчная Утопія“, рус. пер., СПБ., 1902 г. стр. 21.

[2]) Rohde: Der Griechische Roman und seine Vorläufer 1876.

ЭБ "Научное наследие России"

ораторовъ [1]). А разъ и поэзія была задѣта, то, очевидно, соціальный вопросъ сильно волновалъ общество тогдашняго времени. Что-жъ это были за романы? Къ числу наиболѣе видныхъ авторовъ, создавшихъ древне-греческую утопическую литературу, нужно, кромѣ Платона, о которомъ рѣчь впереди, отнести какъ его предшественниковъ Ипподама Милетскаго, современника Перикла, Фалея Халкедонскаго, а также Ѳеопомпа („О странѣ за океаномъ"), Гекатея Абдерскаго („Киммерійскій Городъ"), Эвгемера („Священная Хартія"), Ямбула („Объ островѣ великановъ") и др. [2]).

Названные утопическіе романы, въ высшей степени цѣнные для исторіи древне-греческой мысли и литературы, не представляютъ, за исключеніемъ развѣ романа Ямбула, интереса съ точки зрѣнія развитія экономическихъ воззрѣній. Поэтому, вмѣсто передачи всѣхъ ихъ, можно ограничиться изложеніемъ одного наилучшаго, именно „Государства" Платона; съ разсмотрѣнія соціальныхъ взглядовъ послѣдняго мы и начнемъ нашъ обзоръ античной мысли въ области экономическихъ явленій.

Объ античномъ коммунизмѣ существуетъ цѣлая литература. Во-первыхъ,—общая: таковы сочиненія, посвященныя государственнымъ романамъ и коммунизму древняго міра, въ родѣ сочиненія Пёльмана, Клейнвехтера, фонъ-Моля, фонъ-Герке, Сюдра, Кирхгейма, Каутскаго и Бернштейна и пр.; большинство изъ нихъ переведено на русскій языкъ, во-вторыхъ, имѣются сочиненія спеціальныя; такъ о раннихъ (до Платона) утопіяхъ говорится у анонимнаго автора „Das goldene Zeitalter", Берлинъ, 1879; у Cognetti de Martiis: Socialismo antico, Туринъ, 1889; у Hermann'a: De Hippodamo, Марбургъ, 1841; у Р. Пельмана: Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus, т. I, 1893, Мюнхенъ, т II, 1901; у Фр. Клейнвехтера: Die Staatsromane, Вѣна, 1891, и пр; о болѣе позднихъ (послѣ Платона) греческихъ утопіяхъ сообщаютъ: Huet: Traité de l'origine des romans, Парижъ, 1885, Chas-Gaang Histoire du roman dans l'antiquité, Парижъ, 1862; Rohde: Der griechische Roman, 1876 Литература, спеціально посвященная утопіи Платона, будетъ указана дальше отдѣльно.

---

[1]) Они собраны въ анонимномъ сочиненіи „Das goldene Zeitalter", Берлинъ, 1879. Здѣсь особенно отмѣчаются: стихъ 563 пѣсни IV-ой „Одиссеи" Гомера, „Дѣла и дни" Гезіода, „Метаморфозы" Овидія, вторая олимпійская ода Пиндара, а также IV стихъ эклоги изъ „Энеиды" Вергилія, нѣкоторыя эподы Горація и одно мѣсто у Плутарха.

[2]) Нѣкоторые изъ нихъ подробно изложены въ началѣ II-го тома Пёльмана (Geschichte des antiken Kommunismus etc Мюнхенъ, 1904; здѣсь приведены утопіи Ѳеопомпа, Гекатаоса (Гекатея), Эвгемораса (Эвгемера) и Ямбула.

© "Научное наследие России"

II. Платонъ.

(428 г.—347 г. до Р. Х.)

По соціально-экономическимъ вопросамъ великій Платонъ высказывался не только въ „Государствѣ“, своемъ центральномъ соціальномъ произведеніи, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ трактатовъ.

Въ хронологическомъ порядкѣ этотъ циклъ сочиненій Платона располагается слѣдующимъ образомъ: „Горгій“, „Государство“, „Тимей“, „Критій“, „Законы“ [1]). Все же въ „Государствѣ“—нѣтъ полнаго логическаго и художественнаго единства, такъ какъ въ немъ соединены разнородныя части [2]). Въ двухъ предпослѣднихъ Платонъ особенно ясенъ, хотя именно эти два трактата изслѣдователями преимущественно забываются. Обходятъ и „Горгій“, гдѣ также содержатся болѣе или менѣе цѣнныя замѣчанія. Чтобы составить себѣ полное представленіе о соціальныхъ взглядахъ Платона, необходимо имѣть въ виду всѣ поименованыя сочиненія. Изъ обзора ихъ можно убѣдиться, что они вмѣстѣ не даютъ цѣлостнаго ученія, а представляютъ этапы разныхъ переживаній Такъ, напримѣръ, по нимъ можно прослѣдить, какъ постепенно созрѣваетъ у Платона коммунистическая идея. Въ „Государствѣ“ („Политэйя“), напримѣръ, устанавливаются только desiderata Платона, но нѣтъ еще полнаго абриса конструируемаго государства. Рѣзкія грани его даются въ „Тимеѣ“ и особенно въ „Критіи“ (Атлантидѣ) [3]). Напротивъ, въ послѣднемъ сочиненіи, „Законы“, Платонъ уже значительно сглаживаетъ остроту своихъ коммунистическихъ идей. Здѣсь онъ опредѣленно придерживается идеи частной собственности и частно-хозяйственныхъ укладовъ и уже не выставляетъ высоко радикальныхъ требованій [4])

---

[1]) Ср. Zeller, Ed: Genetische Entwickelung der platonischen Philosophie, Лейпцигъ, т. I, 1855, стр. 30 и слѣд.

[2]) И даже „всѣ попытки ввести это единство путемъ истолкованія обречены на неудачу“. Виндельбандъ: Исторія древней философіи, рус. пер. М., 1911 г., стр 193

[3]) Мнѣніе о постепенной эволюціи платоновскихъ идей было впервые изложено въ сочиненіи нѣмца Karl'a Fr. Hermann'a, редактора Тейбнеровскаго (1881 г) изданія Платона; оно до извѣстной степени повторяло англичанина G. Grote (Platon and the other companions of Socrates, Лондонъ, 1865). Къ нему примыкаетъ Виндельбандъ: „Исторія древней философіи“, рус. пер, 4-е изданіе. 1908 г., стр. 148. У насъ пытался совершенно своеобразно и, по существу, произвольно разрѣшить вопросъ Владимиръ Соловьевъ. Очень легко раздѣлавшись съ дѣйствительно необоснованными предположеніями Шлейермахера и Мунка, филистерски предполагавшими, что Платонъ писалъ свои сочиненія „по программѣ“ или „по плану“, В. Соловьевъ предлагаетъ исходить „отъ внутренняго начала единства“, которое раскрывается изъ обзора „жизненной драмы“ Платона, „героя своей жизненной драмы“.

[4]) Ср. Dr Robert Pohlmann: Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Erster Band. Munchen, 1893, стр. 221.

ЭБ "Научное наследие России"

Платоновское коммунистическое государство для развитія всей послѣдующей идеологіи человѣчества—крайне важное наслѣдіе Оно, во-первыхъ, легло въ основу всего европейскаго соціальнаго утопизма, а черезъ него—и соціализма; оно, во-вторыхъ, послужило прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ коммунистическихъ исканій и, въ-третьихъ, освѣтило съ общей точки зрѣнія весь платонизмъ и всѣ соціальные взгляды великаго философа [1]) Противники Платона иногда смотрѣли и смотрятъ на его идеальное государство, какъ на совершенно нелѣпое, созданіе фантазіи [2]). иные,—какъ на паденіе платоновской мысли [3]). Находятся, наконецъ, и такіе, что доходятъ даже до отрицанія въ немъ оригинальности, утверждая, что Платонъ, будучи сыномъ своего времени, только идеализировалъ современный ему строй Спарты, а между тѣмъ въ существѣ господствовавшихъ тамъ учрежденій не разобрался [4])

Большинство критиковъ упускаетъ обыкновенно изъ виду тѣ особыя задачи, ради которыхъ Платонъ считалъ нужнымъ рекомендовать новое политическое устройство, задачи, кстати сказать, далеко не совпадающія съ обычными Поэтому они не замѣчаютъ и тѣхъ особенностей, которыми государство Платона отличается отъ всѣхъ возможныхъ государствъ, въ какія бы эпохи они ни создавались, и которыя, однако, имѣютъ глубокій, но не всегда улавливаемый критиками, смыслъ И апологетамъ Платона нельзя, конечно, въ настоящее время отрицать, что воззрѣнія Платона страдаютъ недостатками, отражающими на себѣ вліяніе и особенности той позиціи, которую философъ занималъ въ общественной борьбѣ того времени.

На всѣхъ произведеніяхъ Платона лежитъ неизгладимый отпечатокъ и аристократическаго происхожденія ихъ автора и того разочарованія демократіей, которое въ его дни охватило многихъ и притомъ лучшихъ аѳинскихъ гражданъ [5]). Демократическому строю приписывались тогда

---

[1]) Hermann, K. Fr.: Die historischen Elemente des platonischen Idealstaates, 1859, также Zeller, Ed Der platonische Staat in seiner Bedeutung fur die Folgezeit (въ Iего „Лекціи и статей“), также Nohle, C. Die Staatslehre Plato's in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Iена, 1880 и др., ранѣе указанныя сочиненія о Платонѣ.

[2]) Напримѣръ, Фридрихъ Клейнвехтеръ (Fr. Kleinwechter. Staatsromane. Вѣна, 1891, стр. 27), дающій прямо каррикатурное изображеніе „Политэйи“ Платона.

[3]) Таковъ нашъ философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ говоритъ: „Отступивши передъ высшею жизненною задачею, Платонъ не одолѣлъ и низшей: никакого преобразователя общественнаго и политическаго изъ него не вышло, несмотря на всѣ его старанія, и не потому, что онъ былъ слишкомъ утопистомъ, а по отсутствію дѣйствительно прогрессивнаго начала въ его утопіяхъ, по ихъ ненужности и неинтересности для человѣчества“. („Жизненная драма Платона“, 1898, въ VIII т. „Собранія сочиненій Владиміра Соловьева“, СПБ., 1903 г, стр 186).

[4]) Напр., А. Сюдръ: Исторія коммунизма, рус. пер., СПБ., 1870.

[5]) „Это пессимизмъ, который по окончаніи Пелопонезской войны былъ вполнѣ понятенъ у аѳинянина и особенно у члена аристократической партіи. Первый, бросающійся въ глаза, моментъ при этомъ —

ЭБ "Научное наследие России"

всѣ бѣды; аристократы поэтому вступили въ союзъ со Спартой. Относясь сочувственно къ этому союзу, Платонъ не могъ, конечно, оставаться политически безразличнымъ уже въ силу своего положенія. При этомъ нельзя не отмѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со своеобразною чертою древности: аристократическое движеніе могло находить себѣ тамъ идеологическое выраженіе въ коммунизмѣ, тогда какъ аѳинская демократія являлась носительницею индивидуалистическихъ стремленій.

Идейный коммунизмъ древнихъ грековъ и особенно коммунизмъ Платона не былъ однако возвращеніемъ къ первобытному коммунизму. Къ такимъ попыткамъ самъ Платонъ относился безусловно отрицательно [1]). Къ тому же Платонъ подходилъ къ соціальному вопросу иначе, чѣмъ другіе авторы утопическихъ романовъ, восхвалявшіе „золотой вѣкъ". Ко времени нарожденія утопическихъ системъ соціально-экономическая жизнь древней Греціи была уже весьма сложна, населеніе глубоко дифференцировано, а соціальная проблема сильно волновала умы [2]). Этимъ обусловливалась возможность критическаго отношенія не только къ современнымъ порядкамъ, но и ко всякой идеализаціи первобытнаго строя.

Платонъ, какъ соціалистъ своего времени, даетъ суровую критику всего существующаго строя. Его прежде всего возмущаетъ страсть къ наживѣ и мѣщанская суета торговаго оборота. Возмущаясь, онъ рисуетъ замѣчательную картину развивающагося торговаго капитала съ его концентраціею богатствъ и растущею пропастью между богатствомъ и бѣдностью. Но особенно яростно Платонъ нападаетъ на тотъ типъ средняго человѣка, который вырабатывался при этихъ условіяхъ и который для предтечи современной Mittelstandpolitik, для Аристотеля, является наиболѣе цѣнною фигурою [3]). Такой средній человѣкъ въ

пониманіе, что демократія въ корень изжила" („Grundlich abgewirtschaftet hat"—Windelband, W.: Platon, 4 изд., Штуттгартъ, 1905, стр. 150).

[1]) Устами Главкона онъ назвалъ такой строй „жизнью, достойною... свиней"

[2]) Ср главу у Pöhlmann'a, „О соціальной революціи" (въ Греціи), в I. 1893, München, стр 340—441.

[3]) Аристотель говоритъ: „Среднее сословіе—наилучшее, я хочу быть среднимъ въ государствѣ". Апологія средняго сословія у Аристотеля являлась, по мнѣнію проф. В. Бузескула, повтореніемъ взглядовъ Еврипида, особенно опредѣленно высказанныхъ въ его „Просительницахъ" (стр 238 и слѣд.). См В. Бузескулъ: Исторія Аѳинской демократіи, СПБ., 1909, стр 298.

ЭБ "Научное наследие России"

атмосферѣ общаго стремленія къ стяжанію обыкновенно быстро превращается въ аппаратъ, приспособленный только для наживы. Всѣ добродѣтели его,—воздержаніе, трудолюбіе, бережливость, самообладаніе,—происходятъ изъ разсчетовъ мелкой душонки, а государство, состоящее изъ совокупности такого рода особей, не могло быть ни счастливо, ни едино; создавалось разъединеніе, вражда классовъ, получалась крайне отрицательная картина всей культуры, и возникло желаніе иной лучшей жизни. Это желаніе Платонъ и удовлетворяетъ въ своемъ „Государствѣ“ коммунистическаго типа.

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ покоится коммунизмъ Платона, то увидимъ слѣдующее: онъ конструировалъ свое государство, какъ воспитательное для народа учрежденіе, исходя изъ представленій о трехъ основныхъ способностяхъ человѣческаго существа. Душа человѣка состоитъ изъ трехъ сочетаемыхъ одна съ другой способностей: разума, мужественной силы и чувственнаго желанія. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ и общественный организмъ, народъ (δῆμος), представляющій собою человѣка, такъ сказать, въ большомъ масштабѣ, долженъ быть комбинаціей трехъ различныхъ классовъ: правителей (ἄρχοντες), которые обладаютъ высшимъ разумомъ и руководятъ законами и управленіемъ, воиновъ и чиновниковъ (ἐπίκουροι), обладающихъ мужествомъ и безкорыстіемъ и охраняющихъ существованіе государства, и трудящихся (земледѣльцевъ и ремесленниковъ,—γεωργοὶ καὶ δημιουργοὶ), добывающихъ средства пропитанія и обязанныхъ отличаться умѣренностью Во главѣ государства стоятъ философы; на нихъ лежатъ обязанности, выполнявшіяся въ египетскомъ и, еще древнѣе, въ индусскомъ общественномъ устройствѣ—жрецами. Они должны обладать высшимъ развитіемъ и образованіемъ—σοφία. За ними идетъ сословіе защитниковъ государства, воиновъ и чиновниковъ, съ неустрашимымъ исполненіемъ долга—ἀνδρία и, наконецъ, ремесленники, трудящійся народъ, долженствующій развивать послушаніе—σωφροσύνη. Всѣ эти три класса отличаются другъ отъ друга уже отъ природы, потому что она отмѣчаетъ ихъ особенностями, позволяющими думать, что Богъ какъ бы примѣшалъ къ крови философовъ золото, къ крови воиновъ — серебро, а къ крови ремесленниковъ — мѣдь.

ЭБ "Научное наследие России"

Кромѣ этихъ трехъ классовъ предполагается еще классъ рабовъ, но послѣдніе не входятъ въ составъ государства, такъ какъ не обладаютъ свободой, которая только и можетъ сдѣлать человѣка достойнымъ гражданства.

Взгляды на рабство у Платона выше воззрѣній его современниковъ и воззрѣній Аристотеля, державшагося въ этомъ вопросѣ „умѣренно и трезво“. Платонъ осуждаетъ обычай грековъ имѣть у себя рабовъ своей національности. Онъ рекомендуетъ хорошее обращеніе съ рабами и не признаетъ права владѣнія рабомъ—естественнымъ правомъ [1]). Въ то же время, въ различныхъ мѣстахъ главы VI-й „Законовъ“ Платонъ считается съ рабствомъ, какъ съ существующимъ фактомъ, считаетъ рабство хотя и обременительнымъ, но необходимымъ, и понимаетъ чувство сословнаго къ нимъ презрѣнія [2]).

Самымъ многочисленнымъ классомъ является классъ трудящихся, затѣмъ менѣе люденъ класъ воиновъ, охраняющихъ государство, и, наконецъ, идетъ небольшой классъ управляющихъ всѣмъ—философовъ, научно-образованныхъ людей. Такой аристократическій строй совершенно не интересуется индивидуумомъ, который цѣликомъ растворяется въ государствѣ, при этомъ государство должно имѣть неподвижное устройство, безъ нововведеній и измѣненій. Почему?—„Вѣчной цѣли должны соотвѣтствовать неизмѣнныя учрежденія“, поясняетъ одинъ изъ нашихъ комментаторовъ Платона [3]).

Руководящимъ принципомъ въ управленіи государствомъ Платонъ считаетъ „добродѣтель всѣхъ гражданъ“, а потому. „не увеличеніе богатства и роскоши, не расширеніе границъ провинціи посредствомъ побѣдъ, не устрашеніе морей угрожающимъ видомъ флота и не возбужденіе страха у сосѣдей количествомъ и силою своей арміи, а нѣчто болѣе великое и прочное, а именно—работу на благо государства, которая должна сдѣлать его добродѣтельнымъ“—считаетъ Платонъ такимъ принципомъ. Отсюда личность должна всецѣло сливаться съ государствомъ, а государство—охватывать и опредѣлять всю жизнь гра-

---

[1]) Ингрэмъ, Дж: Исторія рабства, русск. пер., СПБ, 1896, стр. 28.

[2]) Тоже, стр. 29.

[3]) Трубецкой Е, кн.: Соціальная утопія Платона. М., 1908 г., стр. 61.

ЭБ "Научное наследие России"

жданъ... Для достиженія этой цѣли все управленіе поручается высшему классу мудрецовъ, а защита—классу воиновъ. Для того же, чтобы эти классы имѣли достаточно досуга для занятія своими дѣлами, вся забота о матеріальномъ благополучіи должна быть возложена на третій, низшій классъ, на классъ трудящихся. Для этой массы нѣтъ добродѣтели, покоящейся на знаніи, а „только обыкновенная добродѣтель вѣрности традиціямъ, которая достигается принудительнымъ путемъ строгаго примѣненія законовъ и поддерживается утилитарными соображеніями“ [1]).

Примѣненіе коммунистическаго принципа проводится Платономъ лишь въ описаніи жизни только двухъ высшихъ классовъ, имѣющихъ и общее наименованіе „стражи“, φύλακες. Вопросъ о томъ, какъ должна жить остальная масса гражданъ, которымъ „не присуща добродѣтель“, разрѣшается слѣдующимъ образомъ: всѣмъ другимъ занятіямъ должно предпочитаться занятіе земледѣліемъ. Золото и серебро должны быть совершенно изгнаны. Если деньги необходимы, то онѣ не должны представлять цѣнности сами по себѣ. Земельныя отношенія подчинены нѣкоторымъ правиламъ. Въ низшемъ классѣ допускается частная собственность, но право наслѣдованія должно быть уничтожено. Кромѣ того, Платонъ предлагаетъ опредѣлить максимальные размѣры движимой и недвижимой собственности. Взаимный обмѣнъ продуктами, а, слѣдовательно, и торговля, Платономъ, конечно, признаются. Но онъ смотритъ на торговлю, какъ на занятіе презрѣнное, хотя и полезное. Люди, занимающіеся торговлею, по его мнѣнію, не знаютъ мѣры своему корыстолюбію. Лучшіе же, болѣе идеальные люди, не могутъ взяться за торговлю, такъ какъ всѣ ихъ силы должны быть направлены на болѣе важныя дѣла. Для того, чтобы ограничить злоупотребленіе торговлею, Платонъ предлагаетъ воспретить продажу въ кредитъ и взиманіе процента, а также установить закономъ нормируемую оцѣнку товаровъ.

Имущество высшихъ классовъ должно быть общимъ, коммунистическимъ, ибо между друзьями все должно быть общимъ (κοινὰ τά τῶν φίλων). Частное владѣніе для нихъ не-

---

[1]) Виндельбандъ: Исторія древней философіи. 1911 г., стр. 219

ЭБ "Научное наследие России"

допустимо. У членовъ этихъ классовъ все должно быть общимъ: земля, жилище, дѣти, жены.

Такимъ устройствомъ Платону необходимо было устранить господство той или иной группы надъ остальными гражданами во имя большаго благополучія и экономическаго преобладанія этой группы. Управляющіе должны быть поставлены въ такія условія, чтобы они не могли пользоваться своею властью ради своихъ личныхъ цѣлей. Въ своемъ діалогѣ „Сократъ“ Платонъ прямо заявляетъ: „Мы основываемъ наше государство не для того, чтобы одинъ классъ пользовался счастьемъ преимущественно передъ всѣми другими, а для того, чтобы счастливо было все государство“. Въ то же время правители должны быть спеціально приспособлены къ своему дѣлу, вся жизнь ихъ должна быть проникнута идеей общаго блага. Все это можетъ быть достигнуто, по мнѣнію Платона, лишь при томъ условіи, когда высшіе классы будутъ жить жизнью, чуждою помысловъ о корыстолюбивыхъ цѣляхъ. Лучшимъ же условіемъ такой жизни и является коммунизмъ.

Такимъ образомъ коммунистическій принципъ для Платона вовсе не представляется чѣмъ-то такимъ, что обезпечивало бы максимумъ комфорта и успѣшное развитіе богатствъ. Онъ предлагаетъ скорѣе отказъ отъ всякихъ притязаній на матеріальное благополучіе, превышающее норму, необходимую для занятій философіею и искусствами. Коммунизмъ Платона носитъ такимъ образомъ аскетическій характеръ [1]). Содержаніе классовъ управителей и воиновъ лежитъ на обязанности трудящихся, но никто изъ членовъ двухъ первыхъ классовъ не можетъ получать свою долю содержанія отдѣльно въ личную собственность. И размѣры этого содержанія ограничиваются только самымъ необходимымъ.

Такъ какъ коммунистическій строй жизни предполагается необходимымъ только для высшихъ классовъ, не участвующихъ непосредственно въ производствѣ благъ, то ясно, что „коммунизмъ Платона“ является лишь коммунизмомъ потребленія. Этимъ онъ существенно от-

---

[1]) На такой характеръ платоновскаго коммунизма указываетъ между прочимъ и Джемсъ Бонаръ (James Bonar: Philosophy and Political Economy in some of their historical Relations. London, 1893, стр 374 и др).

ЭБ "Научное наследие России"

личается отъ коммунизма новѣйшихъ писателей-экономистовъ, коммунизма жизненнаго, „мірскаго“, не аскетическаго, какъ платоновскій [1]), и отъ соціализма, который ставитъ въ основу новаго общественно-хозяйственнаго строя организацію производства прежде всего. Что касается самой дѣятельности гражданъ высшихъ классовъ, то ея характеръ всецѣло опредѣляется общими задачами, преслѣдуемыми тѣми или иными группами, входящими въ составъ этихъ классовъ, задачами, которыя однако всѣ должны быть подчинены основной цѣли общаго блага и преуспѣянія въ добродѣтели. Здѣсь точно такъ же, какъ и вообще во всякой дѣятельности, долженъ быть осуществленъ принципъ раздѣленія труда.

„Люди,—говоритъ Платонъ,—по природѣ не равны другъ другу: имъ присущи индивидуальныя различія Каждый долженъ поэтому всецѣло отдаться своему дѣлу такъ, чтобы оно не было для него дѣломъ побочнымъ (ἓν παρέργου μέρει)“; для этого онъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ прочихъ обязанностей Вотъ почему высшіе классы должны быть освобождены отъ всякаго прямого участія въ производствѣ необходимыхъ для жизни благъ.

Вопросъ объ общности имущества разработанъ у Платона недостаточно полно. Гораздо больше вниманія удѣляетъ онъ вопросу объ общности женъ и дѣтей [2]). Послѣднее обусловлено, по его мнѣнію, необходимостью создать высшую расу, для чего требуется, конечно, соотвѣтствующее систематическое воспитаніе. Послѣднему Платонъ придаетъ грандіозное значеніе. Воспитаніе гражданъ—основная цѣль его государства, и не даромъ Руссо считаетъ „Государство“ Платона не столько сочиненіемъ политиче-

---

[1]) „Цѣль его коммунизма,—говоритъ кн. Е. Трубецкой,—не въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ, а въ отрѣшеніи отъ нихъ человѣка“. Кн Е. Трубецкой: Соціальная утопія Платона, М., 1908, стр. 62.

[2]) Этотъ пунктъ вызывалъ особенно яростныя, отчасти неискреннія, отчасти курьезныя возраженія. Кн. Е. Трубецкой считаетъ, что Платонъ „создаетъ такой порядокъ, который не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія и всего менѣе съ Платоновской“ (Кн. Е. Трубецкой. Соціальная утопія Платона, М., 1908, стр. 64). Даже Владиміръ Соловьевъ, вообще враждебно относящійся къ коммунизму Платона („грубый коммунизмъ“, „случайная аберрація великаго ума“), не видитъ у Платона стремленія къ упорядоченію половыхъ сношеній и нападаетъ на мнимую безпорядочность его системы; онъ говоритъ, что „во взаимоотношеніи половъ идеальная община Платона возвращаетсякъ дикому образу жизни по обычаю звѣриному“ (?!) (Вл Соловьевъ: Полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 287)

ЭБ "Научное наследие России"

скимъ, сколько педагогическимъ. По Платону ребенокъ со дня рожденія долженъ находиться въ такихъ условіяхъ, чтобы изъ него могъ получиться представитель высшей расы. Воспитаніе юноши должно быть направлено къ тому, чтобы личныя желанія его были подчинены задачамъ общаго блага. Это должно относиться въ равной мѣрѣ какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Дѣти не должны знать, кто ихъ родители, а родители, — кто ихъ дѣти. На государство возлагается обязанность содержать особые воспитательные дома и школы для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Хорошему женскому воспитанію Платонъ придаетъ серьезное значеніе и, считая женщинъ интеллектуально равными мужчинамъ, приписываетъ первымъ особыя способности къ медицинѣ. По достиженіи зрѣлаго возраста граждане обязаны жить въ особыхъ общежитіяхъ мужчины и женщины вмѣстѣ. Имъ слѣдуетъ отказаться отъ своихъ индивидуальныхъ наклонностей. Благодаря такому образу жизни къ 60-ти лѣтнему возрасту граждане будутъ способны разумно управлять государствомъ.

Особенно сильное негодованіе у критиковъ вызывали тѣ воззрѣнія Платона, которыя касались положенія женщины, причемъ, повидимому, принимали во вниманіе больше половую сторону вопроса [1]). Ксенофонтъ и Аристотель никакъ не могли примириться съ тѣмъ, чтобы дѣти и жены были общими. Платона, рѣшительно осуждающаго ту форму брака, которая имѣла мѣсто въ его время, не одобрялъ и Владиміръ Соловьевъ, упрекавшій его также и за военную службу, которую у Платона несутъ и женщины [2]).

Будучи горячимъ противникомъ роскоши и излишествъ, Платонъ возлагаетъ на государственныхъ людей обязан-

---

[1]) Изъ попытокъ опровергнуть коммунизмъ, сдѣланныхъ въ древности, особенно интересна остроумная критика Аристофана въ „Собраніи женщинъ“, а затѣмъ возраженія, сдѣланныя Платону Аристотелемъ во второй книгѣ его „Политики“. На эти возраженія указывали Робертъ фонъ-Моль, Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, Эрлангенъ, 1855, стр. 171, и Сальвіони, Il communismo della Grecia antica, Падуя, 1882.

[2]) „Довольно характерно,—говоритъ онъ,—распространеніе обязанностей военной службы на женщинъ, но еще характернѣе основанія для такой реформы: такъ какъ собаки, охраняющія и защищающія стада, исполняютъ эту службу безъ различія самцовъ и самокъ, то ясно, что женщины должны ходить на войну“. (В. Соловьевъ: „Жизненная драма Платона“, въ VIII т Собр. сочиненій, стр. 287).

35 "Научное наследие России"

ность заботиться о благосостояніи гражданъ. Его вниманіе останавливалъ на себѣ контрастъ богатства и бѣдности. Въ немъ онъ видѣлъ источникъ многихъ бѣдствій. „Къ чему,—говорилъ онъ,—служатъ всѣ гавани и корабли, если въ этой лихорадочной суетѣ, съ каждымъ днемъ все рѣзче становится злополучный контрастъ между богатствомъ съ его роскошью и спѣсью и горькой мрачной бѣдностью". Государственный строй, который благопріятствуетъ развитію этого нароста, который не кладетъ предѣловъ наживѣ и не препятствуетъ богатымъ обирать бѣдныхъ, такоій строй не можетъ задержать наступающей гибели. Во второй книгѣ „Государства" Платонъ говоритъ: „Правительство не должно допускать въ городъ двухъ вещей: богатства и бѣдности; богатства потому, что оно рождаетъ изнѣженность и бездѣйствіе, бѣдности потому, что она производитъ низость и зависть, того и другого потому, что они ведутъ государство къ потрясеніямъ". Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія Платонъ считаетъ мудрую политику философовъ. направленную на поощреніе земледѣлія и простого ремесла, въ противовѣсъ другимъ видамъ промышленной дѣятельности, ведущимъ однихъ къ обогащенію, а другихъ къ обнищанію.

Нѣкоторые склонны думать, что Платонъ никогда не предполагалъ, чтобы нарисованный имъ идеальный порядокъ могъ когда-либо полностью осуществиться. Онъ, дѣйствительно, говоритъ даже, что изображаемое имъ государство могло бы имѣть мѣсто лишь въ мірѣ боговъ или сыновъ божіихъ. „Какъ искусные живописцы, — говоритъ онъ,—широкою кистью рисуютъ образъ идеальной красоты, которую невозможно найти между людьми, такъ и мы хотимъ только представить типъ; чѣмъ болѣе законодатели будутъ приближаться къ этому образцу, тѣмъ болѣе ихъ устройство и правленіе поведутъ людей къ счастью".

Но другіе держатся противоположнаго взгляда. Виндельбандъ считаетъ, что Платонъ далъ практически-осуществимый проектъ устройства государства [1]). Этому мнѣнію

---

[1]) „Платонъ,—говоритъ Виндельбандъ,—задумалъ свое государство (πόλις) не какъ фантастическую утопію, но какъ серьезно-осуществимый идеалъ; поэтому въ частностяхъ, именно въ общественныхъ учрежденіяхъ, онъ заимствуетъ многочисленныя черты изъ дѣйствительной греческой государственной жизни, разумѣется, отдавая при этомъ предпочтеніе болѣе строгимъ аристократическимъ учрежденіямъ

35 "Научное наследие России"

не противорѣчитъ наличность „Законовъ“, сочиненія старческаго возраста, гдѣ Платонъ отступилъ отъ нѣкоторыхъ идеалистическихъ положеній [1]). „Законы“ скорѣе паденіе [2]) чѣмъ приближеніе къ „болѣе осуществимому государственному устройству“, хотя Платонъ писалъ ихъ только съ практической цѣлью: это сводъ законовъ для будущаго образцоваго государства на о. Критѣ. Въ „Законахъ“ Платонъ уже готовъ допустить существованіе семьи и не настаиваетъ на общности женъ и дѣтей, но предлагаетъ мѣры для регулированія численности государства. Частная собственность допускается имъ у гражданъ этого „второго“ государства для всѣхъ гражданъ, но ограниченія ея все же остаются въ силѣ. Главнѣйшія изъ этихъ ограниченій слѣдующія: 1) въ количествѣ и величинѣ земельныхъ участковъ; 2) запрещеніе ихъ дробить и отчуждать; 3) стремленіе препятствовать на-

---

дорическаго племени Если онъ и былъ убѣжденъ, что при существующихъ обстоятельствахъ его идеалъ можетъ осуществиться только насильственнымъ образомъ, то тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что въ случаѣ осуществленія это идеальное государство не только удовлетворило бы надолго его согражданъ, но и оказалось бы крѣпкимъ и побѣдоноснымъ противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній. Эту мысль философъ хотѣлъ развить въ начатомъ діалогѣ „Критій“: городъ мудрости долженъ былъ показать свое превосходство передъ Атлантидой, городомъ внѣшняго могущества, вѣроятно, при этомъ дѣйствовала на его фантазію идеализированная персидская война. Изложеніе было оборвано въ самомъ началѣ“. Виндельбандъ, Исторія древней философіи, СПБ. 1908, стр. 175.

[1]) „Законы“, — трудъ, создавшійся въ пору старости Платона. Этотъ проектъ государства по своему совершенству—второй степени. Хотя его изложеніе все еще возбуждаетъ удивленіе, но и оно уже отражаетъ старческую обстоятельность“. Виндельбандъ: Исторія древней философіи. СПБ., 1911, стр. 196.

[2]) „Сочиненіе о законахъ есть не отступленіе, а прямое отреченіе отъ Сократа и отъ философіи Я не говорю про общій низменный складъ мысли въ этихъ книгахъ, про варварства уголовнаго права съ квалифицированною смертною казнью, не говорю про возмутительную несправедливость отдѣльныхъ законовъ, напримѣръ, тѣхъ, по которому рабу, не донесшему властямъ объ извѣстномъ нарушеніи общественнаго порядка посторонними лицами, назначается смертная казнь; помимо всего этого, прямое принципіальное отреченіе отъ Сократа и отъ философіи высказывается Платономъ въ тѣхъ законахъ, въ силу которыхъ подлежитъ казни всякій, кто подвергаетъ критикѣ или колеблетъ авторитетъ отечественныхъ законовъ, какъ по отношенію къ богамъ, такъ и по отношенію къ общественному порядку. Такимъ образомъ величайшій ученикъ Сократа, вызванный къ самостоятельному философскому творчеству негодованіемъ на легальное убійство учителя, подъ конецъ всецѣло становится на точку зрѣнія Анита и Мелета, добившихся смертнаго приговора Сократу именно за его свободное отношеніе къ установленному религіозно-гражданскому порядку. Какая глубочайшая трагическая катастрофа, какая полнота внутренняго паденія“. Вл. Соловьевъ, „Жизненная драма Платона“, т. VIII-ой собр. соч.

35 "Научное наследие России"

копленію движимаго имущества и съ этой цѣлью запрещеніе гражданамъ различныхъ промысловъ и торговли скотомъ; 4) уполномочиваніе неплатежа займовъ; 5) запрещеніе ввоза предметовъ роскоши; 6) запрещеніе вывоза предметовъ первой необходимости; 7) стѣсненіе мелочной торговли и занятій разными промыслами въ одно и то же время; 8) ограниченіе права наслѣдованія и пр.

„Законы“ открываются извѣстнымъ, ставшимъ впослѣдствіи шаблоннымъ, пріемомъ описанія идеальнаго государства: это изолированная территорія съ небольшимъ населеніемъ. Послѣднее раздѣлено на 12 округовъ съ 5040 участками, достаточными каждый для матеріальнаго довольства одной семьи. Это наслѣдственныя владѣнія, маіораты, колеблящіеся въ своихъ размѣрахъ въ зависимости отъ близости къ центру и плодородія почвы. Участки, какъ маіораты, не дробимы и не отчуждаемы. Главное занятіе—земледѣліе. Въ возрастѣ 25—35 лѣтъ для мужчинъ и 18—20 для женщинъ существуетъ принудительный бракъ, исключительно съ цѣлью рожденія здоровыхъ дѣтей; бездѣтные браки расторгаются. Дѣти обоего пола тщательно воспитываются.

Въ центрѣ каждаго округа—городъ, мѣстопребываніе администраціи, которая немалочисленна. Она находится въ опредѣленномъ соотношеніи съ верховной властью и рядомъ совѣтовъ и комитетовъ, начиная съ государственнаго и кончая мѣстными, касающимися частныхъ вопросовъ. Государственный строй представляетъ здѣсь нѣчто среднее между абсолютною монархіею и республиканскою демократіею.

Помимо земледѣлія и землевладѣнія, о которыхъ было сказано выше, Платонъ обращаетъ вниманіе на торговлю и промышленность. Послѣднія двѣ отрасли хозяйственной жизни признаются полезными только при тщательной регламентаціи. Такъ, напримѣръ, ремесленники вдвинуты въ рамки, напоминающія собою будущія цеховыя организаціи. Торговцамъ строжайше воспрещаются рекламы и фальсификація, а всѣмъ вообще гражданамъ—передвиженія съ мѣста на мѣсто до 40-лѣтняго возраста [1]). „Государство“ остается незаконченнымъ безъ двухъ взаимно дополняющихъ отрыв-

[1]) Въ „Законахъ“ имѣется еще весьма много пунктовъ, касающихся суда и права, религіи и религіозныхъ обрядовъ и пр.; все это очень цѣнно, но опускается здѣсь, какъ неимѣющее отношенія къ соціально-экономическимъ взглядамъ Платона.

ЭБ "Научное наследие России"

ковъ—„Тимей“ и „Критій“. Тимей,—монологъ мудреца того же имени,—говоритъ объ общихъ вопросахъ; его продолженіе, Критій, развиваетъ идею о коммунистическомъ государствѣ, которыя онъ конкретизируетъ въ государствѣ Атлантиды. Въ Критіи (не платоновскій подзаголовокъ котораго: Аѳины и Атлантиды за 9000 лѣтъ до Солона) въ формѣ діалога излагается сравненіе между государственнымъ устройствомъ Аѳинъ временъ Платона и воображаемымъ государствомъ на островѣ Атлантидѣ, существовавшимъ въ доисторическія времена и исчезнувшимъ за 9000 лѣтъ до Платона навсегда. Подробнаго описанія быта Атлантиды въ сохранившемся отрывкѣ Платонъ не даетъ. Изложена лишь общая характеристика страны, гдѣ господствуетъ подъ покровительствомъ Нептуна матеріальная сила, и богатства сочетаются съ добродѣтельною и непорочною жизнью.

Таковъ строй идей Платона, высказанныхъ какъ въ первой редакціи его проекта (Государство—Πολιτεία), такъ и въ ухудшенной второй—въ „Законахъ“. Намъ кажется, что идеи эти по своему логически стройны и закончены, оттуда и ихъ вліяніе на протяженіи двухъ тысячелѣтій. Нѣкоторые склонны усматривать у Платона хаосъ мнѣній, смѣшеніе разныхъ принциповъ, но вышеизложенное, кажется, уже достаточно опровергаетъ такое сужденіе [1]).

Мы выше видѣли, что вопросы экономической жизни останавливаютъ на себѣ вниманіе Платона лишь въ той мѣрѣ, поскольку это необходимо для характеристики лучшаго государственнаго устройства. Послѣднему Платонъ ставитъ задачи, выходящія за предѣлы хозяйственной жизни и имѣющія скорѣе соціально-этическій характеръ.

---

[1]) Такъ г Новгородцевъ говоритъ: „Въ смѣлой фантазіи Платона помѣщены рядомъ: деревенская простота первыхъ временъ и полный расцвѣтъ философской мысли, суровый режимъ военнаго лагеря (?!) и глубокая искренность морально-религіозныхъ стремленій, напоминающихъ церковную дисциплину среднихъ вѣковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ экономическихъ вопросахъ Платонъ является соціалистомъ, оставаясь при этомъ аристократомъ. Не правда-ли, какъ все это сложно и пестро?“ П. Новгородцевъ, Сократъ и Платонъ, М., 1901, стр. 46. Конечно, „пестрота“ Платона дань фразѣ, ради которой московскій профессоръ не пощадилъ и греческаго мудреца; намъ больше нравится другая, ненапыщенная и безыскусственная работа о Платонѣ—кн. Е. Трубецкого. Соціальная утопія Платона. М, 1908 г..

ЭБ "Научное наследие России"

Впрочемъ, говоря о происхожденіи государства, онъ высказываетъ ту мысль, что городъ (πόλις) зарождается [1]) лишь вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ насъ не въ силахъ удовлетворить себя, а каждый нуждается во многомъ Потребность въ одной и той же вещи заставила соединиться одного человѣка съ другимъ, а этого опять съ инымъ, и такъ какъ многіе нуждаются, то многіе и соединились вмѣстѣ съ цѣлью помогать другъ другу, и такому сожитію дано было названіе города, государства [2]). Но хотя такимъ образомъ смыслъ государственной жизни Платонъ усматриваетъ, повидимому, въ его хозяйственной необходимости, онъ тѣмъ не менѣе оставляетъ эту точку зрѣнія, какъ только начинаетъ излагать свой планъ наилучшей общественной организаціи. Очевидно, здѣсь сыграла рѣшающую роль та совершенно справедливая мысль, что самое удовлетвореніе потребностей должно быть разсматриваемо какъ нѣчто подчиненное высшимъ этическимъ соображеніямъ, высшимъ задачамъ человѣческаго существованія. Но такъ какъ мысль эта овладѣла Платономъ настолько, что онъ не могъ удѣлить должнаго вниманія самостоятельному вопросу о принципахъ экономической дѣятельности, то и разработка вопросовъ экономическихъ осталась у него подъ сильнымъ вліяніемъ этическихъ соображеній [3])

Этическій примать помѣшалъ Платону подвергнуть теоретическому обсужденію основные вопросы политической экономіи, поэтому у него мало положеній, которыя по характеру своему приближались бы къ тѣмъ прекраснымъ опредѣленіямъ явленій и законовъ хозяйственной жизни, которыя можно встрѣтить у Аристотеля. Исключеніемъ

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, съ какой ясностью представляетъ себѣ Платонъ причины возникновенія государства Онъ не говоритъ ни о договорѣ, ни о произвольномъ или насильственномъ объединеніи людей, а о потребности, какъ объ основномъ факторѣ, создавшемъ государство. Онъ устанавливаетъ понятія раздѣленія труда, сословныхъ подраздѣленій, ставитъ вопросъ о продуктивности торговли, объ обмѣнѣ и внутренней и внѣшней торговлѣ съ такой опредѣленностью, которую лишь немногимъ превзошли черезъ 2.200 лѣтъ работы Адама Смита. На это указываетъ, между прочимъ, Кирхманъ въ своихъ комментаріяхъ къ нѣмецкому изданію „Государства“ Платона (Plato's Staat, переводъ F. Schleiermacher'a. Берлинъ, 1870, стр. 86) „Мы не встрѣчаемъ здѣсь переоцѣнки земледѣльческаго класса, —говоритъ, кромѣ того, Кирхманъ,—той переоцѣнки, которая имѣла мѣсто у Кенэ и Тюрго. Онъ былъ свободенъ также отъ того заблужденія, которое господствовало въ XVIII столѣтіи по Р. Х, будто богатство націи измѣряется ея запасами благородныхъ металловъ“. „Это,—замѣчаетъ Кирхманъ,—необходимо помнить тѣмъ болѣе, что обыкновенно думаютъ, будто наука о народномъ хозяйствѣ начала развиваться лишь въ XVIII столѣтіи“.

[2]) Plato's Staat, übersetzt von Friedrich Schleiermacher und erläutert von J. H. von Kirchmann, Берлинъ, 1870, стр. 82.

[3]) Это подчиненіе, притомъ постоянное, экономіи этикѣ Бонаръ считаетъ основною чертою взглядовъ Платона (см James Bonar: Philosophy and political economy in some of their historical relations, Лондонъ, 1893, стр. 11).

ЭБ "Научное наследие России"

являются тѣ мѣста его сочиненій, въ которыхъ Платонъ высказываетъ свои взгляды на значеніе принципа раздѣленія труда и на происхожденіе торговаго обмѣна и денегъ. Платонъ устанавливаетъ безусловную необходимость сложнаго сотрудничества. Раздѣленіе труда, по его мнѣнію, повышаетъ производительность, такъ какъ спеціализація, сопряженная съ нимъ, даетъ возможность каждому работнику достигать въ своей профессіи большаго успѣха. Оно приводитъ также къ тому, что общая сумма благъ оказывается въ результатѣ общей работы превышающей то ихъ количество, которое могло бы быть получено при работѣ каждаго для самого себя. Для Платона совершенно ясно при этомъ, что раздѣленіе труда по необходимости связано съ обмѣномъ. Осуществляется этотъ обмѣнъ, говоря словами самаго Платона, „путемъ купли и продажи“, т. е. путемъ торговли. Для торговли необходимы, конечно, деньги. какъ орудіе обмѣна. „Для города,—говоритъ Платонъ,—нужны лица, которыя отправлялись бы въ сосѣднія мѣста искать то, что для него нужно. Необходимы люди, которые взяли бы на себя ввозъ и вывозъ товаровъ. Ихъ-то мы называемъ торговцами; но въ городѣ какимъ же образомъ граждане будутъ дѣлиться продуктами своего труда? Ясно, что посредствомъ купли и продажи. Слѣдовательно, намъ нужны еще рынокъ и монета“.

Этимъ, впрочемъ, и ограничивается чисто теоретическая сторона разсужденія Платона. Въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ все же его прежде всего занимаютъ вопросы государственнаго устройства и законодательства. Отсутствіе у Платона анализа экономическихъ явленій нельзя, конечно, объяснять его утопически-критическими тенденціями. Наоборотъ, можно было бы думать, что именно человѣку, недовольному существующемъ порядкомъ и стремящемуся къ преобразованію его на новыхъ началахъ, легче было бы остановиться на недочетахъ современнаго ему хозяйственнаго быта и произвести глубокое изслѣдованіе хозяйственныхъ отношеній въ общемъ строѣ государственной жизни. На первомъ планѣ для него стояли нравственное состояніе людей и управляющіе ими законы. Экономической жизни общества онъ касался постольку, поскольку она является объектомъ законодательства. Гораздо ближе подошли къ теоретической разработкѣ вопросовъ

ЭБ "Научное наследие России"

экономической жизни тѣ мыслители Греціи, которые стояли на почвѣ существующихъ отношеній и которые не пытались подвергнуть ихъ радикальному переустройству. Таковыми являются Ксенофонтъ и Аристотель.

Среди многочисленныхъ работъ, посвященныхъ Платону, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія сочиненія, содержащія въ себѣ анализъ политическихъ и политико-экономическихъ взглядовъ Платона, преимущественно изложенныхъ въ трактатахъ, касающихся государственнаго устройства: Норовъ, А: Атлантида по греческимъ и римскимъ источникамъ, СПБ., 1854; Rossi: Des doctrines économiques chez les Grecs, въ „Melanges", томъ I, Парижъ, 1857 г.; Schwanitz: Questiones platonicae spes, II, De Atlantide insula, Эйзенахъ, 1859 г.; Kibbing, S: Genetische Darstellung von Platons Ideenlehre (нѣм. пер.), Лейпцигъ.1863—64; Nickles, J.: L'Atlantide de Platon, Нанси, 1865 г.; Roscher, W: De doctrinae oeconomicopoliticae apud graecos primordiis, Лейпцигъ, 1866; Onken, A.· Staatslehre des Aristoteles, 1870, Zubeck, C.: „Plato's Staat" въ журн. „Neue Gesellschaft", годъ I, Цюрихъ, 1877—78; Krohn: Der Platonische Staat, 1877; Hermann, K.: Die historischen Elemente des Platonischen Idealstaates въ „Gesammelte Abhandlungen", стр. 132; Zeller, Ed.: Der platonische Staat in seiner Bedeutung fur die Folgezeit въ его „Vortrage und Abhandlungen", т. I, стр. 62; Nohle, C. Die Staatslehre Platons in ihrer geschichtlichen Entwiklung, Іена, 1880; Praetorius, E. De legibus Platonis, Боннъ, 1884, Mérkel, P. Plato's Idealstaat, Берлинъ, 1881; Dummler, F.: Prolegomena zu Plato's Staat, Базель, 1891; Stein, Ludwig: Plato's Republik, глава 15-ая въ „Die Sociale Frage im Lichte der Philosophie", Штутгартъ, 1897, стр. 198 и слѣд. (есть рус. пер.), Adler, Georg: .Plato's Idealstaat" въ „Zeitschrift fur Socialwis.", годъ I, тетр 5, Берлинъ, 1898. Трубецкой, Евг., кн.: Соціальная утопія Платона, М., 1908 г. Лучшіе тексты Платона подъ ред. Schleiermacher'a, Oxford, 1894; русскій переводъ Карпова (всѣ сочиненія кромѣ „Законовъ"), СПБ., 1863 — 79; В. Соловьева („Творенія") 2 т. Москва, 1899—1903.

III. Ксенофонтъ.

(444 г.—354 г. до Р. Х.).

Аѳинянинъ Ксенофонтъ, сынъ Грилла, родился въ тридцатыхъ годахъ V столѣтія, учился у Сократа, но къ „Сократовой семьѣ" не примкнулъ, не имѣя особой склонности къ философіи [1]). Это, вообще, не была особенно глубо-

---

[1]) В. Виндельбандъ, слѣдуя Дюммлеру („Academica"— Гиссенъ, 1889) относитъ Ксенофонта къ „приближающимся къ цинизмъ". Исторія древней философіи, рус пер., 4 изд, 1908, стр. 105

© "Научное наследие России"

кая натура. За то Ксенофонтъ признается выдающимся историкомъ и публицистомъ своего времени [1]). Сочиненіямъ его, написаннымъ настолько прекраснымъ стилемъ. что авторъ было прозванъ „аттическою пчелою", посчастливилось: они всѣ сохранились [2]).

Среди многочисленныхъ работъ (Анабазисъ, Исторія Греціи, Воспоминанія о Сократѣ, Воспитаніе Кира (ок 362 г Р Х.), Гіеронъ, о верховой ѣздѣ, объ охотѣ. о начальникѣ конницы и т. д) выдѣляются два трактата. содержащіе экономическіе взгляды автора во-первыхъ,—„о доходахъ Аѳинъ" (Πόροι ἢ περὶ προσόδων), во-вторыхъ,—трактатъ о хозяйствѣ" (Οἰκονόμικος) [3]).

Одно изъ болѣе извѣстныхъ сочиненій Ксенофонта „О доходахъ Аѳинъ", представляетъ собою планъ улучшенія тяжкаго финансоваго положенія родины Ксенофонта, Аттики [4]). Такъ какъ къ его времени главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, сборъ съ союзниковъ, уже истощился, то Ксенофонтъ предлагаетъ наводнить страну иностранцами, которые были бы обложены высокою подушною податью по 12 драхмъ съ человѣка и за это получали бы даровые земельные участки и освобождались бы отъ воинской повинности. Затѣмъ Ксенофонтъ отмѣчаетъ еще три новыхъ источника государственнаго бюджета: 1) поощреніе торговли (торговцевъ и торговыхъ судей), 2) сдачу въ аренду государственныхъ имуществъ (судовъ, гостиницъ, лавокъ и проч.) и 3) покупку и продажу рабовъ

---

[1]) Хотя многія его историческія указанія нынѣ оспариваются. См Ioel, K.: Der echte und der Xenophontische Socrates, Лейпцигъ, 1892.

[2]) См Vogel, G. Die Oekonomik des Xenophon, Эрлангенъ, 1895, также Sauder, Bemerkungen zu Xenophons Berichten etc, Магдебургъ, 1884.

[3]) Ср Bruno Hildebrand: Xenophontis et Aristoteles de oeconomia publica doctrinae illustratae, Магдебургъ, 1845, также A. Krohn: Socrates und Xenophon, Галле, 1874 Нѣкоторые (напр. А. Грантъ. Ксенофонтъ, пер М. Прахова, СПБ., 1876, стр. 100) относятъ къ числу сочиненій Ксенофонта трактатъ „Аѳинскую политею" или „О государственномъ устройствѣ Аѳинъ". Этотъ памятникъ, изданный и изслѣдованный у насъ проф. А. Н. Шварцемъ (М., 1891), былъ, повидимому, написанъ какимъ-либо политическимъ противникомъ Перикла въ первой четверти V вѣка „Въ настоящее время никто не сомнѣвается,—говоритъ проф. В. Бузескулъ,—что это произведеніе не Ксенофонта". (См. В. Бузескулъ: Исторія Аѳинской демократіи. СПБ., 1909, стр. 300, а также его же: „Введеніе въ исторію Греціи", Харьковъ, 1904, 2-ое изд., стр. 141).

[4]) Оно, кстати сказать, многими признается не за сочиненіе Ксенофонта, а за работу неизвѣстнаго автора, къ тому же, повидимому, и не современника Ксенофонта.

ЭБ "Научное наследие России"

на серебряные рудники на югѣ Аттики. Для успѣшнаго осуществленія этихъ мѣръ необходимо, кромѣ того, упроченіе вѣчнаго міра, учрежденіе должности комиссара мира и обезпеченіе независимости дельфійскаго храма. Всюду государство должно выступать въ роли крупнаго предпринимателя; въ итогѣ получится такое богатство, что каждому аѳинянину на пропитаніе хватитъ тѣхъ средствъ, которыя удѣлитъ ему государство. Нужда и пауперизмъ исчезнутъ сами собой въ странѣ, если верховное управленіе проникнется изложенными идеями. Въ послѣднихъ нельзя, конечно, не видѣть наивнаго, своего рода, государственнаго соціализма.

Въ второмъ сочиненіи, „Трактатѣ о хозяйствѣ“, въ видѣ діалога между Сократомъ и Кривотуломъ излагаются воззрѣнія Ксенофонта на домоводство и сельское хозяйство. Это нѣчто вродѣ древне-русскаго Домостроя, гдѣ примитивныя хозяйственныя указанія перемѣшаны съ сомнительными нравственными сентенціями [1]). Этотъ трактатъ былъ переведенъ Цицерономъ на латинскій языкъ.

Но взгляды Ксенофонта двумя приведенными трактатами не исчерпываются. Отдѣльныя, часто цѣнныя, замѣчанія по вопросамъ общественной экономіи разбросаны во многихъ другихъ работахъ Ксенофонта, особенно въ „Киропедіи“ и „Меморабиліяхъ“. Изъ этихъ отрывковъ нельзя, конечно, составить какой-либо цѣльной, законченной системы, но они заключаютъ въ себѣ все же нѣкоторыя положенія. Такъ, Ксенофонтъ едва ли не впервые пытается установить понятіе хозяйственной полезности, указывая, что полезностью является все, что удовлетворяетъ какой-либо потребности.

Полезность вещи обусловлена, по мнѣнію Ксенофонта, отношеніемъ къ ней человѣка. Кромѣ опредѣленія полезности, какъ того, что можетъ быть такъ или иначе потреблено, т. е. полезности „потребителей“, Ксенофонтъ даетъ и нѣкоторыя указанія на ту роль всякой полезности, которую можно было бы, придерживаясь современной терминологіи, назвать мѣновою цѣнностью. Полезность получаетъ для насъ извѣстное значеніе не только благодаря ея непосредствен-

---

[1]) Экономическое содержаніе Домостроя и тождественной съ нимъ литературы см. въ статьѣ „Наканунѣ меркантилизма“ В. В. Святловскаго въ сборникѣ его статей „Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи“, СПБ, 1907 г.

35 "Научное наследие России"

ному потребленію, но и благодаря возможности ея продажи [1]). „То, что кому нибудь полезно,—говоритъ далѣе Ксенофонтъ,—есть предметъ цѣны". „Для того, кто играетъ на флейтѣ, она представляетъ цѣнное имущество, но для того, кто продаетъ флейты, она является цѣностью" [2]).

Однако имъ не указывается, въ какомъ отношеніи полезность потребительная стоитъ къ мѣновой цѣнности предмета, опредѣляется ли и въ какой мѣрѣ послѣдняя первой. Ксенофонтъ ограничивается только замѣчаніями, что мѣновую цѣнность можетъ представлять лишь предметъ, обладающій потребительной цѣнностью.

Весьма любопытны его наблюденія надъ измѣненіемъ цѣны продукта, изъ которыхъ онъ вывелъ заключеніе, тождественное тому, которое въ современной наукѣ называется опредѣленіемъ цѣны по соотношенію между спросомъ и предложеніемъ. Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что съ увеличеніемъ спроса цѣна вещи повышается, а съ увеличеніемъ предложенія падаетъ [3]). Только одинъ товаръ, по его мнѣнію, представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе — это серебро. Цѣнность серебра, по его убѣжденію, возрастаетъ одновременно съ ростомъ потребности въ немъ. Ксенофонтъ установилъ также законъ, согласно которому паденіе цѣны на какіе-либо продукты, вызванное производствомъ ихъ въ большомъ количествѣ, неблагопріятно отражается въ свою очередь на самомъ производствѣ, заставляя предпринимателей переходить къ другимъ болѣе выгоднымъ дѣламъ и сокращать производство даннаго продукта.

По поводу этого взгляда Ксенофонта г. Орженцкій замѣчаетъ: „если бы къ этому прибавить, что, съ уменьшеніемъ предпріятія количество добываемыхъ предметовъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается ихъ предложеніе, что въ свою очередь возвышаетъ ихъ цѣну, то не трудно было бы придти уже къ выводу, что цѣна зависитъ отъ издержекъ производства" [4]). Однако этого очевиднаго вывода Ксенофонтъ не сдѣлалъ.

У Ксенофонта, сравнительно много говорящаго о трудѣ, нѣтъ правильнаго пониманія роли труда, какъ экономи-

---

[1]) Орженцкій, Р.: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 142.

[2]) Xenophon: Wirtschaftslehre, übersetzt von Hodermann, Лейпцигъ, изд. Reclam. Этого изданія я здѣсь преимущественно придерживаюсь.

[3]) Ксенофонтъ: De vectigalibus, гл IV, 6 Цитировано по Орженцкому: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 142.

[4]) Орженцкій, Р.: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 146.

ЭБ "Научное наследие России"

ческаго фактора, что вообще является характерной чертой древнихъ воззрѣній на хозяйственную жизнь Впрочемъ, именно у Ксенофонта въ „Меморабиліяхъ“ есть мѣсто изъ діалоговъ Сократа, въ которомъ дается намекъ на значеніе труда, позволяющаго рабамъ, людямъ низкимъ, оказываться въ иныхъ случаяхъ болѣе полезными, чѣмъ свободные. Содержаніе въ своемъ домѣ свободныхъ гостей можетъ быть для хозяйства болѣе разорительно, чѣмъ содержаніе рабовъ [1]). Но распространенное въ тѣ времена презрѣніе къ труду, „искажающему тѣло тѣхъ, кто предается ему“, сдѣлало для Ксенофонта недоступнымъ правильный взглядъ на роль труда въ хозяйствѣ. Объ отношеніи же Ксенофонта къ рабству можно судить по его совѣту налагать на государственныхъ рабовъ государственныя клейма, чтобы ихъ не могли уводить или покупать частныя лица („Трактатъ о доходахъ Аѳинъ“). Впрочемъ, онъ же въ числѣ обязанностей хозяйки ставитъ и уходъ за больнымъ рабомъ („Трактатъ о хозяйствѣ“). Ксенофонту принадлежитъ также описаніе системы раздѣленія труда, которое онъ наблюдалъ въ Аѳинахъ. На это описаніе, помѣщенное въ „Киропедіи“ (I, VIII, 2), впервые указалъ еще Карлъ Марксъ [2]) и почти дословно привелъ Онкенъ [3]). Вотъ оно: „И это неудивительно, ибо подобно тому, какъ всѣ прочія искусства особенно усовершенствованы въ крупныхъ городахъ, точно также и царскія кушанья несравненны по своему достоинству. Въ мелкихъ городахъ одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ постели, двери, плуги, столы; иногда онъ, кромѣ того, строитъ дома и очень радъ, если онъ имѣетъ достаточное количество подобнаго рода заказовъ, необходимыхъ для поддержанія его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человѣкъ, занимающійся столь различными дѣлами, все дѣлалъ хорошо. Но въ крупныхъ городахъ, гдѣ каждый работникъ находитъ многихъ покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нѣтъ необходимости знать ремесло въ цѣломъ; но бываетъ такъ, что одинъ дѣ-

---

[1]) Ксенофонтъ: Memorabilia Socratis, кн. II, гл. VII.

[2]) Марксъ, К.: „Капиталъ“, т. I, пер подъ ред. Базарова и Степанова. М., 1909, стр. 332, примѣчаніе 81.

[3]) Онкенъ, Ав: „Исторія политической экономіи“, рус. пер. Спб., 1908, стр. 31. Нашъ переводъ взятъ изъ рус. перевода „Капитала“, см. предыд примѣч.

ЭБ "Научное наследие России"

лаетъ только мужскіе башмаки, другой только женскіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ одинъ только шьетъ башмаки, другой только кроитъ для нихъ кожу или одинъ только кроитъ платье, другой лишь соединяетъ вмѣстѣ куски матеріи. Неизбѣжно, что тотъ, кто выполняетъ наиболѣе простую работу, выполняетъ ее наиболѣе совершенно. То же самое относится и къ поварскому искусству" (Cyropaedia, I, VIII, гл. 2). „Вниманіе—добавляетъ К. Марксъ,—обращено здѣсь исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонтъ знаетъ, что масштабъ раздѣленія труда зависитъ отъ размѣровъ рынка".

Изъ всѣхъ видовъ хозяйственной дѣятельности Ксенофонтъ съ особымъ сочувствіемъ относится къ земледѣлію. Оно, по мнѣнію Ксенофонта, усиливаетъ патріотизмъ, религіозность и любовь къ собственности. Земледѣліе есть одинъ изъ немногихъ родовъ занятій, оставляющихъ досугъ для умственной и общественной дѣятельности.

Съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ воззрѣній, едва ли не главнѣйшей заслугой Ксенофонта необходимо признать его попытку расчленить экономическіе взгляды на рядъ самостоятельныхъ вопросовъ. Нѣсколько расширилъ и съ нѣсколько большей свободой возобновилъ ту же попытку Аристотель.

Кромѣ изложенныхъ выше трактатовъ, можно разсматривать и „Киропедію", какъ сочиненіе, гдѣ отразились не только историческіе, но и соціально-экономическіе взгляды Ксенофонта, если принимать, конечно, во вниманіе то, что „Киропедія" нравоучительный историко-утопическій романъ[1]). Но Киропедія меркнетъ передъ „Государствомъ" Платона и воскрешается впервые для подражаній только спустя два тысячелѣтія французомъ Фенелономъ въ его „Телемакѣ".

Литература о Ксенофонтѣ. Наиболѣе старый переводъ сочиненій Ксенофонта изъ всѣхъ переводовъ на европейскіе языки —

---

[1]) Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, Ф. Клейнвехтеръ въ Staatsromane, Вѣна, 1891, стр. 8 и Кирхгеймъ: „Вѣчная утопія", рус. пер. СПБ., 1902, стр. 20 и примѣч. 4-ое, стр. 208. Впрочемъ, по этому вопросу, а равно по разбору „Киропедіи" существуетъ цѣлая литература. Ср. Butter: Was ist die Ciropadie? 1853. Nicolai: Xenophon's Cyropädie und seine Ansichten vom Staate. Прага, 1867. Hémandiquez: La Cyropédie, Парижъ, 1872. Lohie: Einflus der lacedaemonischen Verfassung und die Cyropädie, 1876, и др.

ЭБ "Научное наследие России"

переводъ французскій. Первый и лучшій принадлежитъ Тори (Maistre Geoffroy Tory de Bourges) и появился въ Парижѣ въ 1531 году Онъ былъ переизданъ дважды: въ 1539 г. и 1905 г. Въ послѣднемъ изданіи, подъ заглавіемъ „L'Economie de Xenophon" и подъ редакціею Миноса, въ изданіи Boulmier, Парижъ, 1905 г. Здѣсь же указаны и другіе французскіе переводы: 1562 года—F. de Ferris'a, 1572 г —Estenne de la Boétie и др. Лучшій англійскій переводъ H. A. Holden: The Oeconomicus of Xenophon, with introduction, summaries critical and explanatory notes etc 5-ое изд., 1895. Нѣмецкій переводъ сдѣланъ Максомъ Гозерманомъ: „Xenophons Wirtschaftslehre", Лейпцигъ (изд. Реклама), а собранія сочиненій выходили трижды (1790—1894, 1828, 1865). Русскій переводъ Д. Янчевецкаго. Оцѣнка Ксенофонта, какъ экономиста, была сдѣлана Фогелемъ въ его работѣ „Die Oekonomik des Xenophon Eine Vorarbeit fur die Geschichte der griechischen Oekonomik", Эрлангенъ, 1895. Раньше о немъ писалъ Bruno Hildebrand: Xenophontis et Aristotelis de oekonomia publica doctrinae illustratae, Марбургъ, 1845. G. Sauppe: Lexicologus Xenophonteus, Лейпцигъ, 1869. Ad Fr ont de Fonpertuis „Filiation des idées économiques dans l'antiquité" etc въ жур „Jour. des. économistes", 1871 г, сентябрь и слѣд E Richter Kritische Untersuchungen etc, 1873. Victor Brants „Xenophon économiste" въ „Revue catholique de Louvain" 1881 г E. Richter: Xenophon-Studien, 1892 г и др.

IV. Аристотель.

(384 г.—322 г. до Р. Х.).

Аристотеля иногда называютъ отцомъ политической экономіи, какъ науки. Это нужно понимать условно. Если разсматривать его работы съ формальной стороны, не вглядываясь въ существо его воззрѣній и держась только той постановки вопросовъ, какая дана самимъ Аристотелемъ, то нельзя признать его даже экономистомъ: у него нѣтъ научно-систематизированнаго обсужденія экономическихъ проблемъ. Но если сдѣлать такъ, какъ, напримѣръ, рекомендуетъ профессоръ Августъ Онкенъ [1]), т. е. принять во вниманіе всю силу сужденія Аристотеля по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ и вліяніе этихъ сужденій на экономистовъ новаго времени (Кенэ, А. Смита), то нельзя не признать, что признаніе Аристотеля отцомъ политической экономіи имѣетъ за себя многое. Напримѣръ, въ сочиненіяхъ Аристотеля можно найти болѣе или менѣе точныя опредѣленія понятій полезности,

[1]) Onken, A.. Die Staatslehre das Aristoteles, 2 т., Лейпцигъ, 1870—75; см., наприм., § 1, Buch 1, B I.

ЭБ "Научное наследие России"

цѣнности, различныхъ видовъ труда и пр., т. е. то что представляется центральнымъ въ современной экономической теоріи. Экономическіе взгляды Аристотеля разбросаны въ различныхъ мѣстахъ „Этики“, „Политики“ и (неаристотелевской) „Экономики“. Что касается послѣдней, то она, хотя и не можетъ разсматриваться какъ подлинное произведеніе, такъ какъ до насъ дошелъ только рядъ отрывковъ, преимущественно въ переводѣ на латинскій языкъ [1]), тѣмъ не менѣе проникнута логическимъ развитіемъ его идей. Затѣмъ, въ „Этикѣ“ экономическіе вопросы разсматриваются лишь попутно, поскольку Аристотель вообще почти не разграничиваетъ сферы экономіи отъ вопросовъ морали [2]). Основной же работой Аристотеля является „Политика“ [3]).

Общею характерною особенностью экономическихъ воззрѣній Аристотеля является недопустимое, съ современной точки зрѣнія, смѣшеніе проблемъ экономической съ моральной. Такъ, въ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій у Аристотеля существенную роль играютъ признаки не только чисто-хозяйственные, но и этическіе. Аристотель не возвысился до теоретическаго отвлеченія хозяйственныхъ задачъ отъ всей совокупности задачъ общественно-моральнаго характера и далъ вмѣсто политической экономіи, скорѣе экономическую этику. Поэтому, устанавливая тѣ или иные принципы экономическаго порядка, онъ всегда имѣетъ въ виду задачи болѣе широкія, чѣмъ собственно задачи хозяй-

---

[1]) При этомъ первый отрывокъ, несомнѣнное произведеніе перипатетической школы, значительно цѣннѣе второго. См. Ed Zeller: Die Philosophie der Griechen, 3 изд, Leipzig, 1879, часть II, стр. 994.

[2]) Въ „Никомаховой этикѣ“ экономическіе вопросы затрагиваются въ части IV (въ гл. I, § 2, описывается богатство, какъ нѣчто, что измѣряется деньгами) и особенно въ части V (преимущественно гл. 5).

[3]) Есть, кромѣ того, нѣсколько мѣстъ, посвященныхъ опредѣленію блага и полезности въ „Риторикѣ“. Недавно было найдено еще одно произведеніе Аристотеля, въ которомъ затронуты также и экономическіе вопросы: „Ἀθηναίων πολιτεία“. Оно было издано въ Англіи (Aristotle on the constitution of Athens, 2 изд. Kenyon, Оксфордъ, 1892), затѣмъ въ Германіи и, наконецъ, у насъ—переводъ Н. Шубина въ „Жур М. Н. Пр“ за 1891 г. и переводъ и изданіе А. Ловягина, СПБ., 1895 г.; теперь ему посвященъ цѣлый рядъ статей, но всѣ онѣ касаются почти исключительно его значенія для исторіи. Нѣтъ сочиненія, посвященнаго изслѣдованію содержанія этого отрывка съ экономической точки зрѣнія, за исключеніемъ монографіи Б. Бузескула: Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для изученія государственнаго строя Аѳинянъ, Харьковъ, 1905 г См. также Bethe, R: Die neuaufgefundene Schrift des Aristoteles, въ журн. „Die Gegenwart“, Берлинъ, № отъ 13 іюня 1891 г.

ЭБ "Научное наследие России"

ства. Отсюда, напримѣръ, опредѣляя благо вообще, онъ причисляетъ къ числу благъ, обладаніе которыми составляетъ богатство, счастье, справедливость, мужество, умѣренность, здоровье, дружбу, красоту и т. д. И когда имъ оцѣнивается значеніе торговли и осуждается злоупотребленіе накопленіемъ богатства, то это дѣлается во имя общаго благополучія государства, благополучія, понимаемаго въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ благополучіе экономическое, чисто хозяйственное.

Другой характерной особенностью Аристотеля является отсутствіе отчетливаго представленія о различіи между частнымъ и народнымъ хозяйствомъ. Правда, онъ въ иныхъ случаяхъ совершенно ясно понимаетъ, что выгодное для частнаго хозяйства можетъ оказаться непріемлемымъ съ точки зрѣнія хозяйства народнаго. Такъ, признавая монополію [1]) однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ обогащенія для частнаго лица, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ ее,какъ вредное для народной жизни явленіе. Конечно, желательнаго намъ строгаго разграниченія задачъ частнаго хозяйства отъ задачъ политико-экономическихъ и нельзя было бы ожидать отъ мыслителя эпохи, когда общенаціональная жизнь еще сама не приводила къ идеѣ народнаго хозяйства, какъ особаго объекта изслѣдованія [2]). Послѣдняя идея могла сколько-нибудь опредѣленно сложиться лишь въ эпоху развитого капитализма. Какъ мы увидимъ ниже, даже теперь, въ современную эпоху крупно-капиталистическаго хозяйства, частно-хозяйственное трактованіе общественно-экономическихъ проблемъ является преобладающимъ для большинства современныхъ направленій экономической науки. Для эпохи же античнаго уклада хозяйственной жизни вполнѣ понятно, что идея народнаго хозяйства стушевалась передъ

---

[1]) Аристотель уже употребляетъ этотъ терминъ („Политика“, I, 11)

[2]) Ингремъ, впрочемъ, говоритъ, что „у насъ есть нѣкоторыя указанія на то, Аристотель, подобно физіократамъ XVIII вѣка, держался того ложнаго взгляда, будто одно земледѣліе дѣйствительно производительно, всѣ же другія отрасли производства только придаютъ продуктамъ иную форму, или распредѣляютъ ихъ при посредствѣ обмѣна, и какъ бы полезны они ни были, все же ничего не прибавляютъ къ богатству общества“ (Ингремъ, „Исторія политической экономіи“, русск. пер., 2 изд. М, 1898 г., стр. 24). Эта точка зрѣнія предполагаетъ уже нѣкоторое пониманіе разсматриваемаго различія, такъ какъ Аристотель хорошо зналъ, что богатство частнаго лица можетъ увеличиться даже отъ участія его въ обмѣнѣ.

ЭБ "Научное наследие России"

умственнымъ взоромъ философа и что къ установленію нѣкоторыхъ экономическихъ понятій Аристотель приходитъ лишь при анализѣ вопросовъ домоводства; напримѣръ богатство у него всегда почти понимается, какъ богатство того или иного отдѣльнаго лица, а не какъ богатство національное [1]), хотя. впрочемъ, точность требуетъ указать. что различіе между управленіемъ государствомъ и управленіемъ домомъ имъ уже отмѣчается (въ I гл. книги „Политика“). Здѣсь въ своихъ построеніяхъ Аристотель имѣлъ въ виду богатство, какъ совокупность предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, или полезныхъ „для государства“, или „для домоводства“.

Богатство, πλοῦτος, по Аристотелю, состоитъ изъ благъ, въ число которыхъ входятъ и всѣ экономическія блага [2]). Добываніе этихъ благъ и составляетъ задачу хозяйственной дѣятельности. Аристотель различаетъ два основныхъ способа пріобрѣтенія богатствъ. Оно достигается: 1) путемъ присвоенія естественныхъ продуктовъ земли и 2) путемъ искусственнаго созданія благъ помощью обмѣна (μεταβλητική). Необходимость обмѣна объясняется Аристотелемъ какъ слѣдствіе того факта, что „нѣкоторыхъ предметовъ бываетъ у людей больше, а нѣкоторыхъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей“ [3]).

Эта необходимость обмѣна, первоначально происходившаго въ формѣ простой непосредственной передачи одного предмета взамѣнъ другого, привела впослѣдствіи къ развитію торговли. Слишкомъ широкое пользованіе вторымъ способомъ, часто приводящее къ накопленію богатствъ свыше мѣры, необходимой для вполнѣ благополучнаго существованія, Аристотелемъ осуждается. Въ этомъ сказывается не только опредѣленное моральное міросозерцаніе, но отчасти и тотъ взглядъ, что обмѣнъ самъ по себѣ не можетъ приводить къ дѣйствительному созданію новыхъ благъ Аристотель склоняется даже къ воззрѣнію, напоминающему будущее ученіе физіократовъ, такъ какъ есть намеки на то, что единственно производительнымъ трудомъ онъ счи-

---

[1]) Подъ οἰκονομική Аристотель въ „Никомаховой этикѣ“ (часть VI, гл. 8, § 3) понимаетъ практическое искусство управленія домоводствомъ, ту практическую мудрость (φρόνησις), которая прикладывается къ домашнему хозяйству (οἰκια). Это домоводство, согласно „Политикѣ“ (I, 2), включаетъ отношенія между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, хозяиномъ и рабами.

[2]) При этомъ богатство, πλοῦτος, есть совокупность „нѣкотораго количества инструментовъ для домоводства или государства“.

[3]) Аристотель: „Политика“, I кн., изд. въ переводѣ Скворцова, 1865 г., стр. 27. Этимъ переводомъ я и пользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ЭБ "Научное наследие России"

талъ присвоеніе естественныхъ продуктовъ земли, производство же всѣхъ другихъ видовъ цѣнности разсматривалось имъ какъ видоизмѣненіе формы, ничего не прибавляющее къ богатству.

Характерно для того времени то, что къ естественнымъ способамъ пріобрѣтенія богатствъ на ряду съ охотой, рыбной ловлей, земледѣліемъ, скотоводствомъ и разбойничествомъ, онъ причисляетъ также войну.

Ученіе объ искусственномъ пріобрѣтеніи благъ Аристотель называетъ хрематистикою, χρηματιστική [1]). Въ послѣдней онъ, какъ мы только что видѣли выше, устанавливаетъ два вида обмѣна. Обмѣнъ можетъ имѣть цѣлью пріобрѣтеніе тѣхъ благъ, которыя нельзя было въ достаточномъ количествѣ получить путемъ естественнаго пріобрѣтенія, но въ которыхъ ощущается потребность. Этотъ видъ обмѣна является лишь продолженіемъ дѣла естественнаго пріобрѣтенія. Но обмѣнъ можетъ имѣть въ виду, кромѣ того, пріобрѣтеніе благъ для перепродажи и полученія барыша. Этотъ второй родъ хрематистики можетъ служить источникомъ безграничнаго обогащенія и потому долженъ подчиняться сдерживающимъ велѣніямъ разума.

Аристотель подходитъ также къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность вещи, и въ этомъ отношеніи, несмотря на всѣ недочеты, посвященныхъ этому важному вопросу разсужденій, устанавливаетъ все же нѣкоторыя общія положенія, приближающіяся къ чисто научному разрѣшенію проблемы; и если сужденія Аристотеля о цѣнности, съ нашей современной точки зрѣнія, приподнявшей этотъ вопросъ на чрезмѣрную высоту, оказываются несостоятельными, то въ нихъ, во всякомъ случаѣ, уже намѣчаются тѣ пути, по которымъ шло дальнѣйшее развитіе ученія о цѣнности. Аристотель ясно различаетъ цѣнность мѣновую и цѣнность потребительную, но и на этомъ не останавливается. Онъ ищетъ мѣрило цѣнности. Судя по нѣкоторымъ опредѣленіямъ, общею мѣрою цѣнности для Аристотеля является полезность предмета, его χρεία. Полезность же предмета обусловливается потребностью въ немъ. Но это не единственный критерій цѣнности. Наряду съ полезностью, Аристотель указываетъ на два другихъ критерія

[1]) Она отличается и отъ πολιτική и отъ οἰκονομική.

© "Научное наследие России"

цѣнности въ зависимости 1) отъ степени его рѣдкости и 2) отъ трудности добыванія. „Благо, которое отличается рѣдкостью. — говоритъ Аристотель, — превосходитъ благо, имѣющееся въ изобиліи". Въ то же время онъ однако не упускаетъ изъ виду, что болѣе рѣдкій предметъ можетъ удовлетворять менѣе настоятельную потребность. чѣмъ имѣющійся въ изобиліи, и что, слѣдовательно, опредѣленіе цѣнности по потребности не совпадаетъ съ опредѣленіемъ по рѣдкости. Самая потребность въ предметѣ, его значеніе для насъ, можетъ обусловливаться отчасти и его количествомъ. Р. Орженцкій, говоря объ опредѣленіи Аристотелемъ критерія цѣнности, приписываетъ философу заслугу изложенія различія между родовою полезностью какихъ-нибудь предметовъ и конкретной полезностью ихъ части, въ зависимости отъ общаго количества предметовъ [1]).

Проф. Р Орженцкій поясняетъ эту мысль примѣрами, взятыми у самаго Аристотеля. „Желѣзо, вообще, полезнѣе золота, если понимать полезность въ смыслѣ всей совокупности примѣненій того или другого рода предметовъ, но обладаніе даннымъ количествомъ золота неизмѣримо важнѣе такового же обладанія желѣзомъ, благодаря тому, что желѣза имѣется большое количество, тогда какъ золота—крайне ограниченное, чѣмъ больше общее количество полезныхъ предметовъ, тѣмъ меньше значеніе данной ихъ мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ больше общая сумма удовлетворяемыхъ этими предметами потребностей". „Въ этихъ взглядахъ, — замѣчаетъ Р. Орженцкій,—не трудно увидѣть тѣ основныя положенія, логическое развитіе которыхъ приводитъ къ понятію такъ называемой предѣльной полезности". Конечно, замѣтить это трудно, но сходство съ будущей теоріей субъективной школы вообще,—а не съ теоріей предѣльной полезности въ частности,—памѣтить у Аристотеля возможно.

Полезность предмета является также опредѣляющимъ началомъ и въ процессѣ обмѣна его на другой предметъ. Пріобрѣтеніе благъ путемъ обмѣна приводитъ къ необходимости устанавливать между ними извѣстное соотношеніе. Вопросъ о томъ, какъ устанавливается это соотношеніе, рѣшается Аристотелемъ въ связи съ вопросомъ о справедливомъ распредѣленіи благъ между членами государства. Такая постановка его значительно затрудняетъ смыслъ самого его разрѣшенія. Примѣшивая къ чисто экономическому изслѣдованію соображенія, исходящія изъ ученія о справедливости, развиваемаго имъ очень подробно, Аристо-

[1]) Р. Орженцкій: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 150.

ЭБ "Научное наследие России"

тель отклоняется отъ единственно правильнаго въ этомъ случаѣ пути и приходитъ къ результатамъ, разобраться въ которыхъ представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Неудивительно поэтому, что толкованіе взглядовъ Аристотеля на обмѣнъ вызываетъ очень серьезныя разногласія [1]).

Повидимому, задача выясненія основаній обмѣна еще вообще не была достаточно сознана Аристотелемъ. Онъ удѣляетъ больше вниманія, такъ сказать, описательной сторонѣ, характеризуя самый процессъ обмѣна, независимо отъ его принципіальнаго содержанія. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, онъ считаетъ возможнымъ, въ отвѣтъ на вопросъ о сравненіи благъ между собою, ограничиться указаніемъ на практическое средство, облегчающее въ сознаніи обмѣнивающихся это сравненіе, т. е. указаніемъ на то, что соотношеніе между благами опредѣляется д е н ь г а м и Деньги, νόμισμα, представляютъ собою, во-первыхъ (по Никомаховой Этикѣ), нѣчто, что дѣлаетъ „всѣ вещи сравнимыми"—πάντα ποιεῖ σομμετρα, во-вторыхъ (по „Политикѣ"), нѣчто, чѣмъ измѣряется какъ значеніе тѣхъ предметовъ, которыхъ у насъ больше чѣмъ надо, такъ и потребность въ тѣхъ, которыхъ у насъ не достаетъ. Однако же и значеніе денегъ, какъ орудія обмѣна, Аристотелемъ не выяснено вполнѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, его отношеніе къ вопросу о взиманіи процентовъ. Употребленіе денегъ, по мнѣнію Аристотеля, вошло въ обычай, когда „разныя страны почувствовали надобность взаимной помощи для привоза въ одну изъ нихъ того, чего въ ней недостаетъ, и для вывоза изъ нея того, въ чемъ у нея избытокъ".

„Вмѣсто мѣры вещей натурою,—говоритъ онъ,—люди согласились давать и получать за предметы нѣчто такое, что, будучи цѣнно, имѣетъ ту выгоду передъ прочими предметами, что оно удобно для обращенія: таковы мѣдь и серебро или что-нибудь подобное". Понимая

---

[1]) Б е м ъ - Б а в е р к ъ считаетъ достойнымъ вниманія только одно мѣсто въ „Политикѣ" (III, 23), гдѣ, въ сущности, говорится лишь о природѣ денегъ. Болѣе подробно останавливается на ученіи о сравненіи обмѣниваемыхъ благъ у Аристотеля Р. О р ж е н ц к і й въ цитированной выше книгѣ. Онъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе A l e s s i o, полагающаго, что Аристотель устанавливаетъ весьма простую схему для сравненія благъ. „Одинъ продуктъ,—говоритъ Alessio,—обмѣнивается на другой въ такомъ же отношеніи, въ какомъ потребности одного производителя относятся къ потребностямъ другого". Подобное выраженіе Аристотелева закона цѣнности Орженцкій считаетъ абсолютно невѣрнымъ. Столь же невѣрно и то толкованіе, къ которому прибѣгаетъ С т ю а р т ъ и которое приписываетъ Аристотелю мысль о соотвѣтствіи отношенія между обмѣниваемыми благами съ отношеніемъ между количествами затраченнаго для производства этихъ благъ труда Орженцкій держится того мнѣнія, что Аристотель ограничивается указаніемъ на оцѣнку той полезности, какую представляютъ избыточные и недостающіе предметы, какъ на основанія установленія ихъ цѣнности, но не развиваетъ этого положенія. Аристотель, по его словамъ, не показалъ, какимъ образомъ возможенъ переходъ отъ субъективной оцѣнки предмета на основаніи его полезности къ объективной цѣнѣ вещи, для всѣхъ одинаковой. Ученіе Аристотеля въ этомъ пунктѣ оказывается неполнымъ и незаконченнымъ.

ЭБ "Научное наследие России"

что для того, чтобы стать орудіемъ обмѣна, деньги должны быть сдѣланы изъ вещества, которое само по себѣ представляетъ извѣстную цѣнность, онъ однако же считаетъ ихъ совершенно лишенными значенія внѣ обмѣна.

„Сами по себѣ деньги,— говоритъ Аристотель,—суть совершенные пустяки и имѣютъ лишь значеніе условное". Какъ будто прямо въ назиданіе меркантилистамъ новыхъ вѣковъ высказываетъ Аристотель слѣдующее положеніе: „тѣ, которые правильно понимаютъ богатство, ищутъ иного богатства (не исключительнаго накопленія денегъ), иного рода богатство — богатство естественное"[1]). „Какъ только вслѣдствіе необходимыхъ условій мѣновой торговли изобрѣтена была монета,—говоритъ Аристотель,—появился новый видъ пріобрѣтенія богатства — торговля съ барышемъ. Богатство стали полагать во множествѣ денегъ".

Торговля вообще признается Аристотелемъ дѣломъ полезнымъ, но лишь въ томъ случаѣ, если ее не дѣлаютъ средствомъ пріобрѣтенія безграничныхъ богатствъ и роскоши. Какъ ни критически относится Аристотель къ новымъ формамъ хозяйственной жизни—денежному хозяйству, онъ все-же пытается дать объективную характеристику этихъ новыхъ формъ. Онъ устанавливаетъ три вида торговли, при чемъ причисляетъ къ нимъ и такія явленія, какъ заработную плату и полученіе прибыли съ капитала. Получается слѣдующая схема „искуственной хрематистики", по терминологіи Аристотеля, 1) торговля (ἐμπορία — коммерція и καπηλική — торгъ) морская, сухопутная и мелочная, 2) отдача денегъ въ ростъ (τοκισμός, ὁβολοστατική) — взиманіе процентовъ и 3) наемничество—μισθαρνία,—плата за трудъ. Признавая законность перваго и послѣдняго видовъ торговли, Аристотель весьма недружелюбно относится къ взиманію процентовъ. „Изъ самой природы богатства слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—что каждый видъ богатства долженъ быть ограниченъ извѣстными предѣлами. Взиманіе же процентовъ означаетъ стремленіе безпредѣльно увеличивать богатство". Въ этомъ случаѣ пріобрѣтеніе денегъ, которыя всегда должны оставаться только средствомъ, обращается, по мнѣнію Аристотеля, въ цѣль. „Ростовщичество по всей справедливости заслуживаетъ презрѣнія, такъ какъ при-

[1]) Аристотель: Политика, пер Скворцова, изд. 1865 г., стр. 28.

© "Научное наследие России"

быль получается здѣсь отъ самихъ денегъ; слѣдовательно, деньги употребляются не на то, для чего онѣ изобрѣтены. Онѣ изобрѣтены только для удобства мѣны, а ростъ умножаетъ ихъ самихъ. Рожденное обыкновенно бываетъ только подобіемъ родившаго его, а посредствомъ роста изъ денегъ рождаются же деньги“ [1]). Другими словами, „деньги не родятъ денегъ“ или, какъ выражается Бемъ-Баверкъ, „деньги по своей природѣ неспособны приносить плоды“. Такимъ образомъ, ростовщичество оказывается „дѣломъ неестественнымъ“. Здѣсь Аристотель, конечно, смѣшиваетъ „процентъ“ и „agio“. „Именно изъ того соображенія,— говоритъ проф. А. Онкенъ,—что деньги сами по себѣ служатъ лишь знакомъ богатства, а не богатствомъ, Аристотель могъ бы заключить, что процентъ можетъ являться и обыкновенно является вознагражденіемъ за представляемое деньгами богатство“ [2]). Для Аристотеля эта ошибка извинительна, такъ какъ въ его времени въ Аѳинахъ капиталистическое хозяйство существовало далеко еще не въ развитомъ видѣ, являясь лишь зародышемъ, такъ и не успѣвшимъ расцвѣсть на почвѣ античныхъ укладовъ.

„Доходъ, который получаетъ заимодавецъ отъ отдачи денегъ на проценты, не можетъ поэтому вытекать изъ присущей имъ хозяйственной силы; онъ вытекаетъ изъ эксплуатаціи должника (ἐπ ἀλλήλων ἐστίν) и процентъ является поэтому незаконнымъ доходомъ, достигаемымъ путемъ обмана“ [3]).

Установить правильный взглядъ на абстрактное содержаніе мѣновой сдѣлки и на многія другія стороны хозяйственной дѣятельности Аристотелю помѣшало его типичное для древней Греціи пониманіе сущности и значенія труда. Презрительное отношеніе къ дѣятельности, имѣющей въ виду производство матеріальныхъ благъ, было совершенно понятно въ тѣ времена, когда свободные люди считали ее вообще несовмѣстимой со свободной жизнью и участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Въ V книгѣ „Политики“ Аристотель останавливается на значеніи, такъ называемыхъ, реме-

[1]) Аристотель: „Политика“, стр. 33. Въ „Никомаховой этикѣ“ онъ говоритъ. ὁ δὲ χρηματιστης βιαίος τίς ἐστιν (Этика, 1, 5). Это же мѣсто (III, 23) Бемъ-Баверкъ считаетъ единственно важнымъ и характернымъ.

[2]) Онкенъ: Geschichte der Nationaloekonomie, B. I., Die Zeit vor A. Smith, Лейпцигъ, 1902, гл. I. § 2, стр. 43.

[3]) Бомъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль, рус. пер. СПБ., 1909 г, стр. 34.

ЭБ "Научное наследие России"

сленническихъ занятій и занятіи свободныхъ. „Ремесленническимъ занятіемъ,—говоритъ онъ,—должно называть такое занятіе и такія искусства и знанія, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей свободныхъ дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной дѣятельности“ [1]). Это опредѣленіе не даетъ въ сущности никакихъ указаній на то, какой родъ дѣятельности относится имъ къ ремесленничеству, а скорѣе является выраженіемъ его отрицательнаго отношенія ко всякому несвободному труду. Аристотель даже подчеркиваетъ ту мысль, что здѣсь имѣется въ виду не столько самое содержаніе той или иной работы, сколько ея несвобода. „Большая разница въ томъ,—говоритъ онъ,—съ какою цѣлью кто что-либо дѣлаетъ или изучаетъ: если для себя, или для друзей, или просто изъ добродѣтели, то въ такомъ случаѣ никакое занятіе не недостойно свободнаго человѣка; а если то же самое дѣло дѣлаетъ кто-либо по волѣ другихъ, то въ этомъ случаѣ, кажется, онъ работаетъ какъ наемникъ и рабъ“. Съ этой только точки зрѣнія онъ и производитъ классификацію различныхъ видовъ труда. По его мнѣнію, можетъ быть нѣсколько видовъ труда: 1) самый искусственный, т. е. такой, который требуетъ знанія и искусства, 2) ремесленный (βαναυσότατος), который обезображиваетъ тѣло, 3) самый „рабскій“, для котораго достаточно одной физической силы и 4) презрѣннѣйшій, не требующій никакой доблести. Для рабскаго труда самой природой предназначены особые индивиды, полезные только своимъ тѣломъ, — рабы. На рабовъ Аристотель смотрѣлъ, согласно съ господствовавшими въ его время воззрѣніями и вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ софистовъ, только какъ на орудіе производства. „Для успѣха каждаго дѣла,—аргументируетъ свой взглядъ философъ,—необходимо должны быть спеціальныя средства, такъ и для хозяйственныхъ цѣлей необходимо должны быть извѣстныя средства. Эти средства двоякаго рода: одни неодушевленныя... Рабъ, какъ и всякій вообще слуга, будучи одушевленнымъ имуществомъ, есть лучшее средство для разныхъ потребностей жизни“ [2]).

Вопросъ о законности рабства очень занималъ Аристотеля тѣмъ болѣе, что ему приходилось полемизировать съ мыслителями, отрицавшими рабство. „Нѣкоторые

[1]) Аристотель: Политика, русск. пер., стр. 226.
[2]) Аристотель. Политика, I кн., русск. пер., стр. 13.

ЭБ "Научное наследие России"

думаютъ,—говоритъ Аристотель, — что пользоваться господскою властью противоестественно, потому что рабъ и свободный... по природѣ своей ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга“ [1]).

Этотъ взглядъ онъ считаетъ несостоятельнымъ, такъ какъ, принявъ его, пришлось бы лишить свободныхъ людей необходимаго для нихъ досуга Пользоваться хорото досугомъ, такова задача свободнаго человѣка; и, съ другой стороны, только свободный по природѣ человѣкъ можетъ пользоваться досугомъ съ пользою для государства. Безъ рабовъ можно было бы обойтись лишь въ томъ случаѣ, если бы, напримѣръ, ткацкій челнокъ могъ вертѣться самъ, а плектры сами играли на цитрѣ Однако было бы ошибочно думать будто Аристотель не пытался ввести никакихъ коррективовъ въ обычное для того времени представленіе о рабствѣ и будто онъ заодно со всѣми наивно мыслящими людьми своей эпохи считалъ всякаго, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ попадалъ въ положеніе раба, дѣйствительно предназначеннымъ къ тому самой природой; онъ различаетъ рабовъ по природѣ отъ рабовъ по закону. Рабы по закону могутъ, конечно, не быть рабами по природѣ Отношеніе власти и подчиненности принадлежитъ къ числу необходимыхъ, слѣдовательно, природою установленныхъ условій общественнаго быта. „По природѣ рабъ тотъ, кто способенъ принадлежать другому, и тотъ, кто настолько лишь причастенъ разуму, чтобы понимать разумное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ... Справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ“. „Въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ, если каждый изъ нихъ таковъ по природѣ, имѣютъ мѣсто какъ взаимная польза, такъ и взаимная дружба Противоположныя слѣдствія бываютъ тогда, когда эти отношенія обусловливаются не природою лицъ, но закономъ и силою“ [2]).

Аристотель увѣренъ, что только разумное и человѣчное отношеніе къ рабамъ можетъ дѣлать обладаніе ими полезнымъ. „Дурная власть, какъ и дурное повиновеніе, не полезны ни для властвующаго, ни для подчиненнаго“. Аристотель не замѣчалъ однако же того, что если даже признать существованіе природныхъ рабовъ, то все же фактически существовавшее дѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ до такой степени мало опредѣлялось устанавливаемыми имъ признаками, что доводы, приводимые имъ въ защиту рабства, отнюдь не могутъ считаться убѣдительными. Въ лучшемъ случаѣ его теорія могла бы опровергнуть лишь тотъ приводимый имъ доводъ противниковъ рабства, что люди отъ природы равны. Но это одно положеніе еще не

---

[1]) Аристотель: Политика, I кн., русск. пер , стр. 12
[2]) Тамъ же, стр. 21.

ЭБ "Научное наследие России"

заключаетъ въ себѣ всего того, что могли имѣть противъ рабства современники Аристотеля. Такъ, напримѣръ, философъ Митродоръ, какъ о томъ сообщаетъ со словъ Аѳинея въ комментаріи къ „Политикѣ“ Аристотеля его русскій переводчикъ, считалъ рабовъ, прежде всего, „невыгодною собственностью“. Алкидамъ требовалъ полнаго уничтоженія рабства. Софисты и циники вообще устанавливали идею полной свободы каждой личности и осуждали рабство съ такой точки зрѣнія, опровергнуть которую Аристотелю во всякомъ случаѣ не удалось

Исходя изъ ассоціаціи, связывающихъ трудъ вообще съ представленіемъ о природномъ рабствѣ, т е со сравнительно низшимъ нравственнымъ состояніемъ человѣка, Аристотель не допускаетъ мысли, чтобы свободные граждане основаннаго на добродѣтели государства могли заниматься ремеслами или промышленностью Они не должны быть даже земледѣльцами, такъ какъ такая жизнь противна добродѣтели „Для развитія начала добродѣтели и для политической дѣятельности имъ необходимъ философскій досугъ“ Всѣ работы должны быть предоставлены рабамъ, ремесленникамъ (свободнымъ?) и всѣмъ тѣмъ, „дѣятельность которыхъ не состоитъ въ разработкѣ элементовъ ихъ нравственной природы и которые не составляютъ собой существенной части государства“, т. е. не являются даже гражданами въ строгомъ смыслѣ этого слова Однако классъ людей, составляющихъ гражданъ и нуждающихся для развитія добродѣтели въ досугѣ и въ свободѣ отъ хозяйственной дѣятельности, не освобождается Аристотелемъ отъ обладанія собственностью. Этому классу должна принадлежать вся земельная собственность. Земледѣльцами же должны быть рабы, періеки и варвары [1]). Такимъ образомъ, по Аристотелю, всякая исполнительная дѣятельность—антитеза „философскому досугу, единственно достойному дѣлу свободныхъ“. Хозяйствованіе вообще—безнравственно и низменно Впрочемъ, у Аристотеля встрѣчаются мѣста (наприм., кн I, гл 5, § 3), смягчающія категоричность этого сужденія.

Что касается столь занимавшаго умы современниковъ Аристотеля вопроса о формахъ землевладѣнія, то онъ сводится философомъ къ другому: отдать ли предпочтеніе общинному или частному землевладѣнію? Отношеніе Аристотеля къ этому вопросу не отличается опредѣленностью, если не считать за окончательное рѣшеніе тотъ проектъ раздѣленія земель, который предлагается Аристотелемъ въ IX главѣ IV книги „Политики“. Въ общемъ, а это и типично,—Аристотель не рѣшается отдать абсолютное

[1]) Тамъ же, стр. 195.

ЭБ "Научное наследие России"

предпочтеніе той или другой формѣ. Въ данномъ случаѣ Аристотель исходитъ изъ того положенія, что человѣку свойственны эгоистическая жажда собственности и альтруистическія чувства („каждому пріятно оказать какую-нибудь услугу и помощь своимъ друзьямъ, знакомымъ и другимъ ближнимъ"), что дѣлаетъ болѣе предпочтительнымъ для человѣка частное владѣніе, хотя есть нѣкоторыя условія, въ силу которыхъ необходимо допустить иногда общинное владѣніе землей. Поэтому Аристотель готовъ рекомендовать въ иныхъ случаяхъ общинное, а въ иныхъ частное землевладѣніе, а въ иныхъ соединеніе той и другой формы вмѣстѣ. При этой нерѣшительности Аристотель, тѣмъ не менѣе, рѣзко расходится съ Платономъ въ оцѣнкѣ, такъ называемой, общности имуществъ. Ему кажется. что общинное владѣніе землей необходимо сопряжено съ внутренними раздорами. „Землевладѣніе только частью должно быть частнымъ", такъ какъ въ этомъ случаѣ „раздѣльные интересы гражданъ не будутъ служить поводомъ къ неудовольствію ихъ другъ другомъ" [1]). Особенно симпатичнымъ представляется для Аристотеля тотъ порядокъ, когда при частномъ владѣніи землепользованіе остается общимъ. „Допуская дружеское общеніе въ пользованіи имуществомъ, мы высказались противъ общиннаго владѣнія". Упомянутый выше проектъ устройства земельныхъ отношеній заключается въ томъ, чтобы вся страна „раздѣлена была на двѣ части, изъ которыхъ одна должна быть въ общемъ владѣніи гражданъ, а другая принадлежать частнымъ владѣльцамъ" [2]). „Тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые поселены на общественномъ полѣ, должны принадлежать цѣлому обществу, а поселенные на земляхъ частныхъ владѣльцевъ — должны быть собственностью этихъ владѣльцевъ".

Самую лучшую форму хозяйственнаго существованія Аристотель усматриваетъ въ земледѣльческомъ государствѣ. Въ „Политикѣ" имъ указываются даже всѣ нужныя къ тому мѣры и охотно опредѣляются рамки для удержанія въ странѣ мелкаго, равнаго по своимъ размѣрамъ, землевладѣнія. Отсюда понятно, что Аристотель очень сочувственно относится ко всякимъ законамъ, ограничиваю-

[1]) Тамъ же, стр. 54
[2]) Тамъ же, стр. 198.

ЭБ "Научное наследие России"

щимъ концентрацію земель (воспрещеніе пріобрѣтать земли больше опредѣленнаго количества, ограниченіе права пріобрѣтенія ихъ извѣстнымъ разстояніемъ отъ города, воспрещеніе продавать родовыя имѣнія). Сдача земель въ аренду также не находитъ у него сочувствія. По его мнѣнію, землевладѣлецъ можетъ отдавать въ аренду только часть своей земли. Философъ рекомендуетъ также обратить вниманіе на законъ Афитеевъ, у которыхъ система взиманія податей приводила къ тому, что даже бѣдные были въ состояніи владѣть достаточнымъ количествомъ поземельной собственности [1]). Такимъ образомъ, мелкое и равное для свободныхъ гражданъ землевладѣніе, по Аристотелю, и лучшая форма поземельной собственности и лучшая основа для хозяйственной дѣятельности. Это вполнѣ гармонируетъ съ общими „умѣренными“ и „оппортунистическими“. съ современной точки зрѣнія, взглядами великаго Стагирита. Модернизируя же его экономическій идеалъ. его можно охарактеризовать, какъ мелко-буржуазный сисмондизмъ. Другими словами, Аристотель въ вопросахъ экономической политики своего рода предтеча современнаго экономическаго оппортунизма и пресловутой Mittelstandspolitik, окрашенной къ тому же опредѣленнымъ влеченіемъ „къ землѣ“.

Изъ остальныхъ взглядовъ Аристотеля мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, на которые общепринято ссылаться. Это, во-первыхъ, сужденіе Аристотеля по вопросу объ экономической эволюціи и, во-вторыхъ, такъ называемый, „мальтузіанизмъ“ Аристотеля. Мы увидимъ, что обѣ установившіяся репутаціи его по этому вопросу совершенно ошибочны.

Нѣкоторые считаютъ, что вопросъ о періодахъ экономической эволюціи былъ впервые поднятъ Аристотелемъ; такое мнѣніе невѣрно. Аристотель не давалъ какой-либо системы эволюціи, а далъ лишь схему разныхъ видовъ пріобрѣтеній матеріальныхъ благъ, своего рода классификацію промышленной дѣятельности его времени. Только это мы и находимъ въ его „Политикѣ“. „Система“ заключается въ слѣдующемъ: Все искусство пріобрѣтенія, „ктетику“, по Аристотелю можно подраздѣлить на двѣ части:

---

[1]) Тамъ же, стр. 304. Необходимо, впрочемъ замѣтить, что въ комментаріяхъ къ Аристотелю, сдѣланныхъ Susemihl'емъ (т II, стр. 306), это мѣсто объясняется иначе.

ЭБ "Научное наследие России"

на охотничество и на „хрематистику“, что значитъ „знаніе“ или „искусство о богатствѣ“. Охоту онъ раздѣляетъ на два вида — „на охоту за звѣрями и на охоту за всѣмъ тѣмъ, что является рабскимъ отъ природы“. Дѣленіе второй и наиболѣе существенной формы хозяйства, хрематистики, много сложнѣе. Во-первыхъ, она раздѣляется на натуральную, смѣшанную и искусственную, а каждая изъ этихъ на рядъ болѣе мелкихъ подъотдѣловъ; въ итогѣ получается слѣдующаго рода система, изложенная въ гл. IX въ п. I „Политики“ Аристотеля:

I. Естественная хрематистика, которая дѣлится на 5 видовъ: 1) скотоводство; 2) земледѣліе, включая плодоводство; 3) пчеловодство; 4) рыбоводство и 5) птицеводство.

II. Смѣшанная хрематистика двухъ видовъ: 1) лѣсоводство и 2) горное дѣло.

III. Искусственная хрематистика, носящая названіе „метаблетики“ или „обмѣна“: 1) торговля (коммерція и мелочной торгъ): a) морская, b) сухопутная и c) лавочный торгъ; 2) отдача денегъ въ ростъ; 3) наемный трудъ: a) обученныхъ и b) необученныхъ. Нельзя не убѣдиться, что отъ этой „системы“ до эволюціи формъ хозяйства очень большое разстояніе.

По другому вопросу, по вопросу о „мальтузіанствѣ“ Аристотеля, царило до самаго послѣдняго времени рѣдкое единодушіе, тѣмъ болѣе, что самъ Мальтусъ ссылается въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ на великаго Стагирита[1]). Всѣ писатели усматривали въ воззрѣніяхъ Аристотеля на народонаселеніе то, что съ XIX столѣтія стали именовать мальтузіанствомъ[2]). Въ дѣйствительности изслѣдованіе текстовъ Аристотеля доказало ошибочность приведеннаго утвержденія.

Недавно одинъ экономистъ, нашъ талантливый соотечественникъ, берлинскій профессоръ В. І Борткевичъ, кореннымъ образомъ пересмотрѣлъ весь вопросъ о мальтузіанствѣ Аристотеля[3]). Строжай-

[1]) Malthus An Essay on the Principle of Population, лондонское изд. Ward'a, стр. 132.

[2]) Напримѣръ, проф. Рюмелинъ въ извѣстномъ учебникѣ (Handbuch, т. 1, стр. 1233) Шенберга; проф. Шмоллеръ въ своемъ Grundriss'ѣ, т I, стр 173; комментаторъ Аристотеля Зюсемиль въ своемъ изданіи (Лейпцигъ, 1879) „Политики“ Аристотеля (часть 2-ая, стр. 58).

[3]) Prof L. von Bortkiewicz: War Aristoteles Maltusianer? въ „Zeitschrift fur die Gesam Staatswissenschaften“ за 1906 г., кн. 3-я.

ЭБ "Научное наследие России"

ший анализъ текста и связанныхъ съ нимъ контекстныхъ сопоставленій привелъ его къ выводу, что всѣ раньше высказывавшіяся въ экономической и исторической литературѣ сужденія объ Аристотелѣ покоились или на невѣрномъ текстѣ или на недостаточно вдумчивомъ отношеніи къ отдѣльнымъ выраженіямъ великаго мыслителя. Проф. Борткевичъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лже-Аристотелемъ, съ воззрѣніями, приписываемыми философу послѣдующими изслѣдователями. Онъ полагаетъ, что причислять Аристотеля къ мальтузіанцамъ—большая ошибка.

Литература объ Аристотелѣ безбрежна; изъ сочиненій болѣе новыхъ и касающихся экономическихъ взглядовъ великаго философа могутъ быть указаны: Lorenz Stein: Die staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Platon въ „Zeitschrift fur d. gesam. Staatswis.“, 1859, Glaser. De Aristotelis doctrina de divitiis, Берлинъ, 1856; Steinheim: Aristoteles uber die Sklavenfrage, Гамбургъ, 1853. Особенно важны Onken: Die Staatslehre des Aristoteles, 2 тома, Лейпцигъ, 1870—1875, и Teichmuller: Aristotelische Forschungen, 3 тома, Галле, 1867—1873. S Talamo: Il concetto della schiaitu secondo Aristoteli, Римъ. 1881. Bradley, A.· Ueber die Staatslehre des Aristoteles, 2 изд., Берлинъ, 1887 Hohoff, W.. Die Werthlehre des Aristoteles, въ журн. „Monatsschrift fur christlich. Socialreform“, 1893. Wilamowitz-Moellendorff: Aristoteles und Athen, 2 тома, Берлинъ, 1893. Achley: Aristotles'doctrines, въ „Quartety Journal of Economic“, Бостонъ, апрѣль 1895 г. Loos: The political philosophy of Aristotle, Филадельфія, 1897. E. Szanto: Aristoteles, въ „Handwörterbuch'ѣ“ Conrad'a, 2 изд., т. I, 1893 г. Zmaoc: Die Geldtheorie und ihre Stellung innerhalb der wirtschafts- und staatswissenschaftlichen 'Anschauungen des Aristotels въ „Zeitschrift f. die Ges. Staatswis.“, тетрадь I за 1902 г..

V. Общіе выводы.

Изъ всего сказаннаго, мы приходимъ къ тому выводу, что древній міръ далъ для развитія экономической мысли какъ рядъ весьма важныхъ сужденій, замѣчаній и отдѣльныхъ мыслей, такъ и начатки общей постановки соціальной проблемы. Аристотель и Платонъ, каждый по своему освѣщаютъ возможное отношеніе къ этой проблемѣ, или защищая существующія соціально-экономическія условія или критикуя ихъ, стремясь замѣнить ихъ иными, лучшими.

Въ античной литературѣ мы видимъ зародыши двухъ, повторяющихся впослѣдствіи типовъ экономической литературы, „домостроевъ“ и „соціальныхъ романовъ“. Науч-

ЭБ "Научное наследие России"

наго отношенія къ экономическимъ вопросамъ еще не существуетъ, какъ не существуетъ, еще и самаго понятія народнаго хозяйства. Зато соціальная проблема дискутируется и съ буржуазной (Аристотель) точки зрѣнія и съ утопической (Платонъ). Анализъ соціальныхъ условій того времени приводитъ къ развитію двоякаго утопизма: къ призыву къ золотому вѣку, „назадъ къ старому“ (стоики и всѣ писатели утопическихъ романовъ, кромѣ Платона) и къ призыву создать новое лучшее будущее на основахъ разума (Платонъ). Циники древней Греціи впервые высказываютъ начатки анархистской доктрины, а еврейскіе мыслители восхваляютъ крестьянство и сельскій бытъ. Но если наслѣдіемъ античной Греціи въ области утопизма является аскетическій и аристократическій коммунизмъ Платона, то наслѣдіемъ античнаго Рима были, какъ мы сейчасъ увидимъ, начатки аграрнаго соціализма.

Гл. 4. Римъ.

I.

Для ознакомленія съ экономическими воззрѣніями римлянъ у насъ имѣется еще меньше источниковъ, чѣмъ для опредѣленія только что намѣченнаго абриса экономическаго міросозерцанія грековъ. У древне-римскихъ писателей нѣтъ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ хозяйственной жизни, если не считать таковыми отдѣльныя, болѣе или менѣе случайныя, мнѣнія писателей, обсуждавшихъ хозяйственныя событія дня или разрабатывавшихъ вопросы права и морали въ приложеніи къ хозяйству. Лишь ко времени обостренія противорѣчія классовыхъ интересовъ, въ эпоху, когда, по выраженію одного римскаго оратора, населеніе Рима „разбилось на два государства: нуждающихся бѣдняковъ и роскошествующихъ богачей“, — жизнь заставила, наконецъ, удѣлить больше вниманія на вопросы общественно-экономическаго порядка[1]). Тогда былъ выдвинутъ и поставленъ соціальный

[1]) Pöhlmann, Robert: Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Zweiter Band, Munchen, 1901; см., напр., главу „Das Erwachen der Armut zum socialen Selbstbewusstsein“ (524—559 стр.).

ЭБ "Научное наследие России"

вопросъ, рѣшавшійся или въ духѣ стоической или въ духѣ эпикурейской школы, двухъ важнѣйшихъ направленій римской философіи практической жизни [1]).

Римская жизнь временъ Имперіи глубоко бороздилась двумя важными экономическими явленіями: чрезвычайнымъ ростомъ крупныхъ земельныхъ владѣній, латифундій [2]), и наростаніемъ новыхъ капиталистическихъ отношеній [3]).

Несмотря на это, несмотря на развитіе хозяйственнаго кризиса, научные политико-экономическіе вопросы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса аграрнаго, такъ и не возбудили у римлянъ какого-либо живого интереса. Причиною этого, какъ указываютъ почти всѣ историки, служилъ самый строй хозяйственной жизни Рима. Главнымъ источникомъ его богатства долгое время, какъ извѣстно, служила военная добыча. Всѣ помыслы были сосредоточены около войны. Пріобрѣтательная дѣятельность Рима,—говоритъ Р. Іеринг ъ [4]), — выражалась въ дѣйствіи, именуемомъ capere—„хватать“; даже переходъ собственности разсматривали не какъ передачу („traditio“), а какъ односторонній актъ взятія: пріобрѣтавшій бралъ вещь („mancipatio“). Всѣ тѣ богатства, которыя не составляли непосредственно отнятой у побѣжденныхъ добычи, составлялись путемъ взиманія постоянныхъ поборовъ съ покоренныхъ провинцій. Производительная дѣятельность внутри государства сводилась къ труду рабовъ. Что касается внутренняго обмѣна или внѣшней торговли, которые могли бы все же остановить на себѣ вни-

[1]) Мы опускаемъ здѣсь, за общеизвѣстностью, эти оба замѣчательныя философскія построенія соціальной проблемы, давшія, по вѣрному замѣчанію придающаго имъ громадное значеніе профессора Шмоллера, все дальнѣйшее направленіе въ развитіи соціальныхъ воззрѣній. Имъ отводитъ значительное мѣсто и Bonar (Philosophy and Political Economy, Лондонъ, 1893) въ спеціальной главѣ: „Stoics and Epicureans“, стр 47 и слѣд. Профессоръ Гасбахъ доказываетъ, что эпикурейцы оказали черезъ Гассенди крупное вліяніе на все развитіе современной философіи и политической экономіи (Hasbach: Allgemeine Philosophische Grundlage der polit Oekonomie 1890, стр. 7 и слѣд.).

[2]) Римляне ясно сознавали опасность концентраціи земель. Объ этомъ предупреждали ихъ и Плиній и Катонъ На латифундіи жаловались также и поэты Пельманъ приводитъ жалобу бѣднаго крестьянина изъ одного собранія рѣчей, гдѣ образно повѣствуется о ростѣ все поглощающаго вокругъ себя земельнаго владѣнія богача. Pöhlman Geschichte des ant. Kommunismus etc. B II, стр. 528)

[3]) См. интересную книгу Sabvialr Le capitalisme dans le monde antique, Парижъ, 1906.

[4]) Jehring, R.: Geist des römischen Rechtes, 1866. часть I, стр. 110.

ЭБ "Научное наследие России"

маніе римскихъ писателей, то такъ какъ они долгое время оставались въ совершенно неразвитомъ видѣ, то и литературнаго отзвука ихъ не существовало. Натуральное хозяйство сохранялось въ Римѣ довольно долго. Подати взимались преимущественно натурою. Внутренняя торговля, конечно, существовала, но въ крайне незначительныхъ размѣрахъ. Международная торговля римлянъ въ эпоху завоеваній, какъ и для всякаго народа-завоевателя, въ значительной мѣрѣ замѣнялась непосредственнымъ захватомъ имущества покореннаго населенія. Усложненіе жизни создало иное отношеніе, но къ этому времени были уже на лицо греческая литература и философія, а позднѣе и христіанство, направлявшіе мысль римскихъ писателей въ нѣсколько иную сторону. О спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, за исключеніемъ вопросовъ сельскаго хозяйства, res rustica,—въ разсматриваемую нами эпоху не могло быть и рѣчи. Если римская литература и даетъ намъ кое-какой матеріалъ, позволяющій выяснить представленія римлянъ о хозяйственной жизни, то лишь въ видѣ разбросанныхъ у разныхъ авторовъ отрывочныхъ замѣчаній и случайныхъ соображеній. Этотъ матеріалъ можетъ быть использованъ только для самой общей характеристики экономическихъ воззрѣній римлянъ. Однако даже этотъ скудный матеріалъ даетъ возможность констатировать существованіе въ сознаніи римлянъ двухъ различныхъ уклоновъ мысли. Здѣсь также, какъ и въ древней Греціи, мы находимъ, съ одной стороны, воззрѣнія, исходящія изъ существующаго и считающіяся только съ нимъ, а съ другой стороны, идеальныя построенія и мечты о болѣе совершенномъ порядкѣ. Критика тѣхъ или иныхъ явленій хозяйственной жизни не чужда, конечно, и носителямъ взглядовъ перваго рода, но эта критика не идетъ дальше осужденія процесса разложенія стараго аграрнаго уклада. Утописты, наоборотъ, отвергали самыя основы старой хозяйственной организаціи, видя въ нихъ источникъ всѣхъ бѣдствій, и переносили свои симпатіи либо въ сказочное прошлое, въ золотой вѣкъ младенчества человѣчества, либо въ весьма отдаленное будущее.

Обыкновенно изслѣдователи исторіи человѣческой мысли останавливаютъ свое вниманіе преимущественно на первыхъ. Они находятъ болѣе или менѣе цѣнныя указанія на взгляды

ЭБ "Научное наследие России"

римлянъ въ области экономіи у такихъ писателей, какъ Цицеронъ („De re publica“ и особенно книга II-ая „De officiis“), Сенека, Плиній („Historia naturalis“) и др. Кое-что даютъ также, такъ называемые „scriptores rei rusticae“, какъ Катонъ старшій, Варронъ, Колумелла и Палладій, а отчасти и „gromatici“, т. е. землемѣры Фронтинъ, Флаккъ и др. Наконецъ, необходимо упомянуть излюбленнаго въ средніе вѣка архитектора Полліо Витрувія (10 книгъ „De architectura“) и нѣкоторыхъ юристовъ.

Цицеронъ [1]), Сенека и Плиній старшій касаются вопросовъ экономической жизни мимоходомъ, при обсужденіи различныхъ темъ политическаго, описательно-историческаго и морально-философскаго характера. Такъ, наприм., Плиній старшій только въ 3-хъ главахъ (17—19) своей „Naturalis historia“ касается сельскаго хозяйства. Ихъ общая характерная для той эпохи черта—отрицательное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ, свидѣтельствовавшимъ о разложеніи стараго римскаго строя: къ непомѣрной роскоши, къ обуявшей богачей жаждѣ обогащенія, къ новымъ формамъ денежнаго хозяйства, къ новымъ „неблагороднымъ“ занятіямъ. Вышеупомянутые римскіе писатели, извѣстные подъ общимъ именемъ писателей сельскихъ дѣлъ (de re rustica), посвящали свои труды земледѣлію и сельскому хозяйству, скотоводству и садоводству. Они, до извѣстной степени, „скорѣе имѣютъ отношеніе къ исторіи науки о сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ къ исторіи политической экономіи въ собственномъ смыслѣ, а вторые касаются больше области аграрной статистики и землемѣрнаго искусства“ [2]). Но въ ихъ работахъ нерѣдко попадаются цѣнныя указанія на современный имъ строй аграрныхъ отношеній и дается общая оцѣнка нѣкоторыхъ явленій хозяйственной жизни.

Литература по экономіи сельскаго хозяйства и агрономіи расцвѣла въ послѣдніе годы республики и обращала на себя вниманіе вплоть до 5-го вѣка по Р. Х. Среди появившихся сочиненій особенно любопытны три книги: („Rerum rusticarum libri tres“) Марка Теренція Варрона;

---

[1]) Въ рѣчахъ: „De lege agraria“ и „In C Verrem“

[2]) Onken, A: Geschichte der Nationalökonomie, Лейпцигъ, 1902, Erster Teil, стр 54. Это замѣчаніе особенно справедливо по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, напримѣръ, къ 3-му вѣку (Gargilius, Martialis и Apicius)

ЭБ "Научное наследие России"

12 книгъ „De re rustica“ Люція Юнія Модерата Колумеллы; четырнадцать книгъ „Opus agriculturae“ Рутилія Палладія, писателя IV вѣка [1]). Наиболѣе важенъ изъ нихъ трудъ Колумеллы, который до сихъ поръ служитъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ древняго Рима.

Маркъ Порцій Катонъ старшій (234—139 гг. до Р. Х.) оставилъ сочиненіе „De agricultura“ [2]), гдѣ онъ вмѣстѣ съ совѣтами по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства даетъ прекрасное описаніе жизни римскаго помѣщика. По своимъ симпатіямъ Катонъ—приверженецъ старыхъ условій и патріархальнаго уклада. Онъ высказывается за предпочтеніе другимъ занятіямъ сельскаго хозяйства, среди отраслей котораго выдвигаетъ на первый планъ скотоводство, впрочемъ, не интенсивнаго типа [3]).

Воззрѣнія римскихъ писателей постепенно измѣнялись въ зависимости отъ измѣненія самого соціально-экономическаго уклада. Эту эволюцію можно прослѣдить въ сочиненіяхъ Катона, Варрона и Колумеллы, экономическіе взгляды которыхъ развиваются въ видѣ послѣдовательныхъ этаповъ.

Катонъ рекомендуетъ устройство оливковыхъ плантацій, являвшихся новымъ дѣломъ въ его эпоху, и вообще озабоченъ судьбою средняго землевладѣльца. Варронъ интересуется только крупною виллою развивающагося капиталистическаго магнатства и вообще большимъ интенсивнымъ хозяйствомъ, связаннымъ съ введеніемъ подсобной сельскохозяйственной промышленности. Вмѣсто оливковыхъ плантацій, онъ рекомендуетъ устройство плодовыхъ садовъ,

---

[1]) До него писали: карѳагенянинъ Маго, 28 книгъ котораго римскій сенатъ, послѣ разрушенія Карѳагена, приказалъ обслѣдовать спеціальной комиссіи; затѣмъ отецъ и сынъ Сасерна, „Libri de agricultura“ которыхъ написаны въ концѣ II в. до Р. Х. Ср. Kopp-Niemeyer: Geschichte der römischen Literatur, изд. 8-е, Берлинъ, 1909, стр. 30. Дошедшіе до насъ фрагменты собраны Ретценштейномъ и изданы въ 1884 г. въ Берлинѣ (Reitzenstein: De scriptorum rei rusticae qui intercedunt inte Catinem et Columellam libri deperditis).

[2]) Нѣкоторые считаютъ, что дошедшій до насъ текстъ Катона „De agricultura“ только позднѣйшая переработка утраченнаго подлинника. (См. Keil, H.: Observationes criticale in Catonem et Varronem. 1849, стр. 65.). Иного взгляда Hauber E: Zu Catos Schrift uber das Landwesen. Вѣна, 1896.

[3]) Объ аграрныхъ взглядахъ Катона подробно говоритъ Dureaux de la Malle: Économie politique des romains, Парижъ, 1840, т. II, начиная со стр. 55.

ЭБ "Научное наследие России"

откормъ скота и птицы, организацію въ имѣніяхъ кирпичныхъ заводовъ и ткацкихъ мастерскихъ. Совѣты Варрона понятны. Онъ жилъ въ эпоху наибольшаго числа дешевыхъ рабочихъ рукъ, въ эпоху усиленнаго накопленія и концентраціи денежнаго и земельнаго капитала. Колумелла дѣлаетъ шагъ дальше; онъ уже обдумываетъ цѣлый планъ сельско-хозяйственной политики въ зависимости отъ видовъ культуры и реальныхъ условій. Такъ онъ рекомендуетъ сдачу въ аренду и болѣе отдаленныхъ участковъ и хлѣбныхъ полей, а заботу о лѣсѣ и виноградникахъ возлагаетъ на рабовъ. Интенсификація использованія рабскаго труда,— этого „обладающаго голосомъ инвентаря“ („instrumentum vocale“), доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Ужасная каторжная дисциплина царитъ среди двуногаго рабочаго скота имѣній,—среди скованныхъ рабовъ, брошенныхъ въ эргастулъ, чудовищную подземную тюрьму римскихъ помѣстій. Яркія описанія Колумеллы проникнуты къ тому же и „реалистической откровенностью какого-нибудь учебника по животноводству“, какъ мѣтко выразился одинъ изъ нашихъ историковъ о характерѣ описаній положенія римскихъ рабовъ у Колумеллы [1]).

Другая группа,—писатели de re agraria, или, вѣрнѣе, gromatici, землемѣры—agrimensores, ставили себѣ цѣлью дать статистическій матеріалъ, который могъ бы служить основаніемъ для введенія новыхъ нормальныхъ налоговъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: Юлій Фронтинъ, написавшій „De re militari“, „Strategemata“ и „De aquis urbis“, Сицилiусъ Флаккъ: „De conditionibus agrorum“, Траянъ Гигинусъ (Hyginus), составившій „De conditionibus agrorum“ и, наконецъ, Бальбъ, начавшій сочиненіе подъ заглавіемъ: „Expositio et ratio omnium formarum“ [2]). Естественно, что такого рода работы не могутъ заключать въ себѣ особенно цѣнныхъ данныхъ для уясненія теоретическихъ воззрѣній ихъ авторовъ въ области общихъ экономическихъ вопросовъ.

Но кромѣ указанныхъ источниковъ у насъ есть еще одинъ, который помогаетъ разобраться въ представленіяхъ

---

[1]) Виппперъ, Р: Очерки исторіи римской имперіи. М, 1908. стр. 148.

[2]) Большинство изъ нихъ перепечатано Lachman'омъ въ сборникѣ: „Schriften der romischen Feldmesser“.

ЭБ "Научное наследие России"

древнихъ римлянъ объ экономическихъ отношеніяхъ. Какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ завоеваній, сдѣланныхъ древне-римскою культурою, является детальная разработка вопросовъ права. Систематизація законоположеній римскаго государства потребовала огромнаго количества теоретической работы и создала рѣдкую по богатству юридическую литературу. А такъ какъ право по самому существу своему выражаетъ и явленія хозяйственной жизни, регулируя взаимоотношенія участвующихъ въ экономической жизни лицъ и группъ, то разработка его, само собою разумѣется, должна была заставить юристовъ останавливаться на вопросахъ общественнаго хозяйства. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей уже пытались извлечь экономическое зерно изъ римскаго права.

Одной изъ болѣе интересныхъ попытокъ выяснить политико-экономическіе взгляды римскихъ юристовъ является работа „Экономическое ученіе Corpus juris civilis“, принадлежащая перу Эртмана. Эртманъ оговаривается однако, что „о какой-либо системѣ римской политической экономіи ни въ какомъ случаѣ говорить не приходится; экономическіе вопросы могли, конечно, оказывать извѣстное вліяніе на правовыя воззрѣнія римлянъ, но наука о народномъ хозяйствѣ отступила на задній планъ передъ всемогущей юриспруденціей“ [1]). Эртманъ, впрочемъ, не стоитъ одиноко. Ингремъ констатируетъ, что „въ трудахъ юристовъ мы не найдемъ самостоятельнаго мышленія по экономическимъ вопросамъ“, хотя онъ и признаетъ, что они имѣютъ для насъ большой интересъ, что въ тѣхъ областяхъ юриспруденціи, которыя соприкасаются съ экономіей, юристы сдѣлали нѣсколько классификацій и установили болѣе или менѣе точныя различія [2]). За то проф. Онкенъ [3]) предпочитаетъ говорить только объ „экономическихъ предпосылкахъ, отражающихся на правовыхъ нормахъ“, и считаетъ даже „попытки, подобныя попыткѣ Эртмана, малопродуктивными“, тѣмъ болѣе, что „кодексъ Юстиніана не представляетъ римскаго права какъ такового, а лишь

---

[1]) Oertman: Die Volkswirthschaftslehre des Corpus juris civilis, Берлинъ, 1891, стр. 5.

[2]) Ингремъ: „Исторія политической экономіи“, 1 изд., рус. пер., стр. 28.

[3]) Onken: Geschichte der Nationalökonomie, F. T, стр. 58, Leipzig, 1902 г.

© "Научное наследие России"

римское право въ его окончательной формѣ, предполагающей предварительное развитіе". Однако и Онкенъ находитъ возможнымъ воспользоваться римскимъ правомъ для пополненія данныхъ о политико-экономическихъ понятіяхъ древнихъ римлянъ.

Еще менѣе разработана литература, которая могла бы дать намъ представленіе объ у т о п и ч е с к и х ъ построеніяхъ римлянъ. Этимъ вопросомъ спеціально занялся проф Р. П ѐ л ь м а н ъ. Въ его большой работѣ по исторіи античнаго коммунизма и соціализма содержится много цѣнныхъ указаній на ту критику общественнаго порядка и на тѣ идеалы лучшаго соціальнаго устройства, которыми вдохновлялись люди, возстававшіе противъ существующаго въ Римѣ хозяйственнаго и политическаго уклада. Пёльманъ считаетъ совершенно ни на чемъ не основаннымъ тотъ распространенный взглядъ, по которому римскій народъ отличается якобы какою-то особою „трезвостью" мысли, непозволявшей ему увлекаться несбыточными мечтами. Это можно было бы пожалуй, утверждать относительно сельскихъ жителей тѣхъ временъ, когда старый національный бытъ еще не начиналъ разлагаться. „Но.—говоритъ Пёльманъ,—было бы весьма ошибочно предполагать, что даже этотъ крестьянинъ-республиканецъ добраго стараго времени вполнѣ соотвѣтствовалъ шаблонному типу римлянина. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло объ его классовыхъ интересахъ, или когда онъ поддавался искушенію воспользоваться своимъ политическимъ преобладаніемъ на форумѣ для того, чтобы отдѣлаться отъ невыгодныхъ для него тенденцій народнаго хозяйства, его консерватизмъ не мѣшалъ ему,—достаточно напомнить уходъ плебеевъ въ 286 году,—иной разъ отстаивать свои желанія посредствомъ обращенія къ революціонной силѣ" [1]). Что же касается временъ упадка римской имперіи, то, по мнѣнію Пёльмана, къ нему можно было бы примѣнить многое, что обыкновенно говорятъ о развитіи современнаго соціализма. Мы должны необходимо предположить,—замѣчаетъ здѣсь Пёльманъ,—что параллельно съ революціями въ жизни должна была происходить извѣстная революція въ сферѣ соціальной мысли [2]). Помимо утопическихъ мечтаній, отражавшихся въ

---

[1]) P o h l m a n n, R: Geschichte des antiken Kommunismus etc., B. 2, Munchen, 1901, стр. 537; русс. перев. СПБ, 1910, стр. 547/548.

[2]) P o h l m a n n, R: Ibid., стр. 539/540; русс. пер. стр 548.

ЭБ "Научное наследие России"

рѣчахъ многихъ ораторовъ того времени, помимо отдѣльныхъ случайныхъ высказываній со стороны тѣхъ или иныхъ ораторовъ, раздѣлявшихъ вѣру въ лучшій порядокъ, мы находимъ въ римской литературѣ нѣсколько поэтическихъ и прозаическихъ работъ, дающихъ описаніе будущаго или далекаго прошлаго, освѣщеннаго идеалами равенства и всеобщаго счастья. Пёльманъ называетъ это теченіе мысли соціалистическимъ.

Идеалъ всеобщаго счастья, основаннаго на радикально-измѣненномъ соціальномъ порядкѣ, изображенъ, между прочимъ, у Тибулла въ „Элегіяхъ“, у Овидія въ „Метаморфозахъ“, у Сенеки, у Вергилія въ „Георгикахъ“ и т. д. Нѣкоторый интересъ для историка, изслѣдующаго экономическія воззрѣнія древнихъ римлянъ, представляетъ также знаменитая поэма Лукреція Кара: „О природѣ вещей“ („De rerum natura“), въ которой, по выраженію Онкена, „дается нѣчто въ родѣ теоріи общественнаго развитія въ духѣ современнаго дарвинизма“. Здѣсь, между прочимъ, содержится рядъ указаній и на идеалы „золотого вѣка“ и на пройденный уже путь хозяйственнаго развитія, вплоть до ея наиболѣе сложныхъ формъ [1]).

При изложеніи общественно-экономическихъ воззрѣній древнихъ римлянъ мы не касаемся замѣчательнаго круга идей, вызванныхъ въ свѣтъ сильнымъ аграрнымъ движеніемъ римскаго народа, что уже въ достаточной мѣрѣ разработано въ цѣломъ рядѣ историческихъ и юридическихъ трудовъ и трактатовъ [2]). Поэтому мы опускаемъ здѣсь и тѣ реформы, которыя предлагались для исцѣленія связанныхъ съ аграрными безпорядками бѣдствій, реформы и мысли, которыя легли въ основу круга идей, объединяемыхъ нынѣ въ понятіе—аграрный соціализмъ.

II.

Созданію болѣе или менѣе правильныхъ взглядовъ на сущность хозяйственной жизни мѣшало римскимъ писателямъ ихъ, обычное для культурныхъ народовъ древности, пренебрежительное отношеніе къ производительному труду. Въ немъ они совершенно не усматривали фактора экономической жизни. При разсмотрѣніи хозяйственныхъ явленій римляне исходили, такъ сказать, изъ той предпосылки, что для экономической дѣятельности въ наличности должны быть извѣстныя

---

[1]) Такова пѣснь 5; см. Лукрецій Каръ: О природѣ вещей, рус. переводъ И. И. Рачинскаго, изданіе „Скорпіона“, М., 1904 г.

[2]) Важнѣйшіе изъ нихъ приведены въ концѣ настоящей главы.

ЭБ "Научное наследие России"

блага. Какимъ путемъ создаются эти блага, доставляются-ли они непосредственно природой помимо труда человѣка, являются ли они добычей солдатъ или разбойниковъ, или составляютъ продуктъ труда, — это не вліяло на свойство самого блага, и потому, съ точки зрѣнія древнихъ, благо становилось объектомъ хозяйствованія съ того момента, какъ оно было создано. Трудъ человѣка, какъ процессъ, создающій блага, разсматривался въ большинствѣ случаевъ по аналогіи со всѣми другими создающими блага процессами самой природы. Создавшій „благо“ рабъ не принималъ, по ихъ мнѣнію, участія въ хозяйственной дѣятельности, какъ не принимало въ ней участія дерево, дававшее плоды.

Больше другихъ римскихъ писателей надъ вопросами хозяйства задумывался Цицеронъ, который перевелъ на латинскій языкъ „Экономику“ Ксенофонта [1]). Къ вопросу о трудѣ онъ подходитъ почти исключительно съ той точки зрѣнія, которая не имѣетъ никакого отношенія къ хозяйству, какъ таковому. Если вообще древніе писатели часто не въ состояніи были отдѣлить вопросовъ экономическихъ отъ вопросовъ моральной оцѣнки, то по отношенію къ труду дѣло ограничивалось въ большинствѣ случаевъ разсужденіями исключительно моральнаго характера. Цицеронъ сравнивалъ различные виды труда, но лишь со стороны ихъ позволительности для „благороднаго“ [2]). Онъ понималъ, что въ Италіи городское хозяйство даетъ больше доходовъ, чѣмъ сельское, но, говоря о видахъ производительнаго рабства, онъ приводитъ отвѣтъ Катона на вопросъ о наилучшей дѣятельности. Таковою для италійскаго хозяйства II-го вѣка, т. е. хозяйства, обезцѣненнаго конкурренціею Сициліи и Сардиніи, Катонъ считалъ хорошее скотоводство, второю за нимъ—посредственное скотоводство, третьею — плохое скотоводство и только на четвертомъ мѣстѣ онъ ставилъ земледѣліе. Самъ же Цицеронъ высказывается въ одномъ мѣстѣ въ томъ смыслѣ, что „самымъ достойнымъ

---

[1]) См. М. Туллій Цицеронъ: „Полное собраніе рѣчей“, т I, пер. Ѳ Ф. Зѣлинскаго, СПБ., 1901. Зѣлинскій полагаетъ, что къ Цицероновымъ текстамъ надо относиться осмотрительно, такъ какъ сохранились только такія сочиненія, которыя были интересны для средневѣковья.

[2]) Напримѣръ, въ De officiis, 1, 42, говорится „Opifices omnes in sordida arte versantur, nec enim quidquam ingenuum habere potest officina“. „Всѣ ремесленники занимаются грязнымъ дѣломъ, ибо въ мастерской не найдешь ничего приличествующаго благородному“.

35 "Научное наследие России"

человѣка и благороднаго трудомъ является земледѣліе". У него, впрочемъ, уже имѣется нѣкоторая попытка выдѣлить изъ ряда другихъ создающихъ блага процессовъ—человѣческій трудъ, хотя, впрочемъ. лишь со стороны его техническихъ особенностей. Есть цѣлый рядъ богатствъ, говоритъ онъ, которыя не могутъ быть получены иначе, какъ съ помощью человѣческой дѣятельности. „Ни забота о здоровьи, ни мореплаваніе, ни земледѣліе, ни собираніе и сохраненіе плодовъ не могутъ обойтись безъ дѣятельности человѣка... Безъ человѣческаго труда нельзя было бы доставать ни необходимыхъ для насъ камней изъ земли. ни серебра, ни золота, ни мѣди, ни желѣза"... [1])

Нѣкоторые заходятъ, впрочемъ, такъ далеко. что видятъ въ этомъ свидѣтельство пониманія Цицерономъ хозяйственнаго значенія труда. Здѣсь сдѣланъ былъ къ этому только первый шагъ, поскольку обращено уже вниманіе на техническое значеніе труда Въ общемъ же, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Онкенъ, „въ древности экономическая проблема вертѣлась больше около того, какія отрасли хозяйства можно считать болѣе приличными, чѣмъ около того, какія изъ нихъ продуктивны" [2]). Полезность дѣятельности даже какъ-будто ставилась иногда Цицерономъ въ зависимость отъ ея моральной цѣнности. „Ничто не можетъ быть полезно, что недозволено,—даже тогда, если мы дѣйствительно пріобрѣтаемъ искомое кажущееся благо... Нравственное благо должно быть для насъ критеріемъ, съ помощью котораго опредѣляется то. что полезно такимъ образомъ добродѣтель и польза суть лишь два имени, обозначающія одно и то же, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ природѣ неотдѣлимое" [3]). Это относится, конечно, не столько къ дѣламъ хозяйственнымъ, сколько къ человѣческому поведенію, но несомнѣнно, что та же точка зрѣнія прилагалась Цицерономъ и по отношенію къ труду.

Трудъ вообще, даже и трудъ наиболѣе достойный человѣка, не пользовался въ древности почетомъ. Нѣкоторые знатоки античнаго міра, какъ, наприм., проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, считаютъ такой взглядъ одностороннимъ, заимствованнымъ изъ той римской литературы, которая ютилась около знати. По ихъ мнѣнію, рядъ мѣстъ изъ надписей свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ труду. Но, по Титу Ливію,— „всякіе промыслы считались предосудительными для сенаторовъ" [4]). — Это, какъ уже мы говорили, объясняется

---

[1]) Цицеронъ: De officiis, кн II, гл. 2.
[2]) Onken: loc. cit, стр. 51.
[3]) Cicero: De officiis, III, 12.
[4]) „Quaestus omnis patribus iudecorus visus est". Tit. Livii, XXI, 63

главнымъ образомъ тѣмъ, что всякій ручной физическій трудъ считался дѣломъ раба. Поэтому трудъ у древнихъ не могъ стать предметомъ обсужденія съ экономической точки зрѣнія. Рабы въ Римѣ находились въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ въ Греціи. Они подвергались свирѣпымъ наказаніямъ и должны были исполнять самыя изнурительныя работы, а на старости лѣтъ ихъ буквально выбрасывали за негодностью „издыхать“ голодною смертью. „Трудъ рабовъ доставлялъ собственнику земли сырые продукты, другіе рабы обрабатывали ихъ, посредствомъ рабовъ доставлялись продукты и на рынокъ“...,—такъ рисуетъ то желѣзное кольцо рабскаго труда, которымъ было окружено древнее хозяйство, Родбертусъ-Ягецовъ [1]).

Лишь по мѣрѣ того, какъ съ эволюціей древне-римскаго хозяйственнаго уклада въ рукахъ крупныхъ собственниковъ стали скопляться огромныя богатства, а старые способы производства начали оказываться маловыгодными, приступили къ разбивкѣ большихъ владѣній на мелкія хозяйства; это произвело измѣненія и въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабовъ. Работники на такихъ отрубныхъ участкахъ становились фактически самостоятельными лицами. „Далѣе, по мѣрѣ накопленія богатства исчезала одна изъ главныхъ причинъ существованія рабства, — недостатокъ капитала, и это отражалось не только въ общемъ облегченіи положенія раба, но и проявлялось въ возрастающемъ числѣ случаевъ освобожденія рабовъ“ [2]). И только тогда трудъ сталъ обособляться въ особую хозяйственную категорію.

При обычномъ для римскихъ писателей взглядѣ на трудъ, пониманіе ими цѣнностей, создаваемыхъ трудомъ, должно было оставаться слишкомъ примитивнымъ. У нихъ нѣтъ по этому поводу даже сколько-нибудь интересныхъ соображеній. Случайныя высказыванія, касающіяся вопроса объ опредѣленіи цѣнности или цѣны, по явленіямъ обмѣна не даютъ возможности составить болѣе или менѣе яснаго представленія о взглядахъ римскихъ писателей на этотъ предметъ. Нужно думать, что сама проблема не останавливала на себѣ ихъ вниманія.

---

[1]) Rodbertus-Jagetzow, C: Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalokonomie des klassischen Alterthums въ журн. „Zeitschr für Nationaloek und Statistik“, томъ IV, Іена, 1865, стр. 343 (есть русск. пер. проф. П. Тарасова).

[2]) Орженцкій: loc. cit., стр. 175.

© "Научное наследие России"

Кое-какія замѣчанія встрѣчаются у Цицерона [1]), у писателей de re rustica, у Плинія. Послѣдній, напримѣръ, задумывался о причинахъ высокой цѣнности золота, указывая, впрочемъ, лишь на его драгоцѣнное качество, а о хозяйственной его роли Плиній считаетъ возможнымъ замѣтить только, что преступленіе совершилъ тотъ, кто „первый сдѣлалъ изъ золота монету". Ростовщичество Цицеронъ жестоко осуждаетъ „Отдавать деньги въ ростъ,—патетически восклицаетъ ораторъ,—не то же ли это, что убить человѣка!" [2])

Обмѣнъ вообще долгое время оставался слишкомъ мало развитымъ для того, чтобы онъ могъ обратить на себя вниманіе писателей временъ римской республики. Цицеронъ однако довольно снисходительно относился съ нравственной точки зрѣнія къ торговлѣ въ большомъ масштабѣ. „Къ крупной торговлѣ,—говоритъ онъ,—въ силу которой въ страну ввозится много всякаго рода чужеземныхъ богатствъ, не слѣдуетъ относиться такъ неодобрительно, какъ къ мелкой" [3]). Послѣдняя же ему представляется дѣломъ грязнымъ и низкимъ, подобно занятію ростовщичествомъ [4]). Особенно отрицательно относится къ торговлѣ Катонъ, который прямо заявляетъ, что хозяинъ еще можетъ продавать свои продукты, но отъ покупокъ онъ долженъ воздерживаться; впрочемъ, экономный Катонъ вообще рекомендуетъ продажу всего излишняго въ хозяйствѣ.

Кромѣ Цицерона заслуживаютъ вниманія воззрѣнія Сенеки [5]) и Плинія. Первый изъ нихъ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ стоической философіи, возставалъ противъ роскоши и завоевательной политики; слѣдуя греческимъ стоикамъ, онъ восхвалялъ бережливость,

---

[1]) См. Masé Dari. Cicerone e le sue idee sociali et economiche. Туринъ, 1900, стр. 59

[2]) „Quid fenerari? Quid hominem occidere?" Cicero De officiis, 25. Въ томъ же духѣ, впрочемъ, смотрятъ на отдачу денегъ въ ростъ и другіе писатели: Катонъ, Сенека, Плиній, Колумелла

[3]) „Торговля въ розницу—непристойна" (Mercatura, si tenuis est, sordida putanda est). Cicero, M. T. De officiis, I, 42.

[4]) Экономическія воззрѣнія Цицерона собраны голландскимъ экономистомъ Кальхоэномъ и напечатаны въ VII томѣ сборника de von Hall'я: Bydragen tot Regsgelen Wetgeving, 1831—32 (Calkoen: Over eenige staathnishoudkundige gevoelens en stellingen in de geschriften van Cicero и пр.). Такая же сводная работа появилась недавно въ Конрадовскомъ Ежегодникѣ (Conrad's Jahrbucher) за 1906—7 гг

[5]) Сочиненія Сенеки были изданы въ трехъ томахъ подъ редакціею Гаазе: „Luciae Annaei Senecae opera, quae supersunt", Лейпцигъ, 1886 — 1887. Это изданіе Гаазе уже устарѣло и есть новое Gereke и Henoe. Лучшею, хотя и устарѣлою монографіею о Сенекѣ является работа М Дидро. „Essai sur la vie de Sénèque, le philosophe, etc.". Парижъ, 1779. О времени появленія въ свѣтъ сочиненій Сенеки имѣется изслѣдованіе А. Мартенсъ („De L. A. Senecae vita et de tempore", Альтона, 1871).

35 "Научное наследие России"

умѣренность и трудъ. Второй извѣстенъ, какъ критикъ тогдашняго крупнаго землевладѣнія и защитникъ національныхъ интересовъ торговли. Плиній точно также высказался противъ вывоза металлической монеты и противъ ввоза конкуррентныхъ иностранныхъ товаровъ.

Экономическія идеи римлянъ отразились и на ихъ законодательствѣ. Ярче всего на кодексѣ Юстиніана.

III.

Немного богаче тѣ свѣдѣнія о политико-экономическихъ воззрѣніяхъ римлянъ, которыя можно почерпнуть изъ сочиненій римскихъ юристовъ.

На нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, на сочиненіе римскаго юриста III-го вѣка по Р. Х., Павла, высказавшагося по вопросу о происхожденіи и функціи денегъ, обратили вниманіе еще въ серединѣ XVIII-го столѣтія. Такъ, итальянцы Нэри [1]) и Джіованни Карли доказывали сходство современныхъ имъ воззрѣній съ римскими. Затѣмъ, на тотъ же вопросъ, слѣдуя отчасти примѣру экономиста Кауца, обратилъ вниманіе Тидеманъ [2]). Но Тидеманъ, какъ указываетъ итальянецъ Косса, „произвольно сблизилъ отрывки изъ авторовъ, писавшихъ на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій для того, чтобы съ большимъ трудомъ извлечь изъ нихъ нѣчто вродѣ компендіума по политической экономіи, составленнаго на современный ладъ“ [3]). Болѣе удачно работаютъ по этому вопросу фонъ-Шелль [4]), Брудеръ [5]), Алезіо [6]) и, наконецъ, Эртманъ [7]).

---

[1]) Il Нэри Osservationi sul prezzo legale delle monete. Миланъ, 1751

[2]) Тидеманъ: Disquisitio de Oeconomiae Politicae notionibus in Corpore Juris civilis Justinianeo, 1838.

[3]) Косса: Исторія политической экономіи, русск. пер., стр. 129

[4]) Фонъ-Шелль: Die wirtschaftlichen Grundbegriffe in Corpore Juris civilis въ „Jahrbucher f. Nat.“ B. Hildebrandt'a. Iena, 1865.

[5]) Bruder, Ad: Zur ökonomischen Charakteristik des römischen Rechtes, въ Тюбингенскомъ „Zeitschrift f d. Gesam. Staatsw.“ за 1878—79 гг.

[6]) Alesio, G.: Alcune reflessioni ai intorno cincetti del valore nell'antichità classica въ „Archivo juridico“, т XLII, Болонья, 1889.

[7]) Самъ Эртманъ упоминаетъ во введеніи къ своей книгѣ о двухъ своихъ предшественникахъ по разработкѣ экономическаго содержанія Corpus'a, Германъ и Тидеманъ, а также о статьяхъ Данквардта въ спеціальныхъ журналахъ. Но всѣ они, строго говоря, мало касаются теоретическихъ и экономическихъ взглядовъ римскихъ авторовъ и законодателей. Нѣчто большее въ этой области даетъ работа Шелля, заглавіе которой приводится нами въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній; но книга Шелля, во всякомъ случаѣ, слабѣе работы Эртмана

Работа послѣдняго, о которой мы уже говорили вскользь раньше, „Экономическое ученіе Corpus Juris Covilis“, изданная въ Берлинѣ въ 1891 году, является лучшею въ этой области. Ею мы и воспользуемся дальше для общей характеристики экономическихъ представленій римскихъ юристовъ.

Римскіе юристы вполнѣ усвоили себѣ обычную для римскихъ гражданъ точку зрѣнія на хозяйственныя блага, какъ на fructus, экономическая роль которыхъ начинается съ того мамента, когда хозяйствующій овладѣваетъ имъ, capit, rapit, occupat. Принадлежность вещи тому или иному лицу обусловливается, по ихъ представленію, не трудомъ а тѣмъ фактомъ, что данное лицо имѣетъ, какъ формулируетъ эту мысль Онкенъ, „силу утвердить за собою на продолжительное время обладаніе вещью“. Презрительное отношеніе къ труду было также характерно и для Corpus Juris Civilis. Эртманъ приводитъ нѣсколько цитатъ изъ Ульпіана и другихъ юристовъ, ясно показывающихъ отвращеніе римскихъ гражданъ ко всякой физической дѣятельности. „Умственная же работа, напротивъ,—по словамъ Эртмана,—въ Римѣ не презиралась, она была даже почетнымъ занятіемъ самыхъ благородныхъ римлянъ, но зато она и разсматривалась не какъ трудъ и лишена была вознагражденія, которое давалось лишь за низшую, презрѣнную, ручную работу“ [1]).

Лишь въ болѣе позднюю эпоху въ римскомъ правѣ появляются намеки на признаніе за трудомъ нѣкоторой цѣнности. „Правда,—замѣчаетъ Эртманъ,—въ этомъ нельзя еще видѣть сознательнаго и полнаго разрыва со старыми понятіями о собственности“ [2]). Однако, появленіе этой мысли уже само по себѣ представляетъ для насъ большой интересъ. У юристовъ временъ имперіи встрѣчаются выраженія уже иного характера [3]).

Отношеніе къ рабамъ, въ общемъ не отличающееся отъ того, какое вообще проявляли благородные римляне, подверглось все-таки къ этому времени уже нѣкоторому измѣненію.

---

[1]) Oertmann, P.: Die Volkswirtschaftslehre des Corpus juris civilis, Берлинъ, 1891, стр. 123—4.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

[3]) Выраженія въ родѣ: „magis propter rem meam, quam, ex re mea pecunia mihi daretur“ (D. XV, c. 50, § 3), „pretium enim operae artis est velamentum“ (I. 52, § 2) и т. д Діоклетіанъ прямо постановляетъ: „societatem uno pecuniam conferente alio operam posse contracti magis obtinuit“.

ЭБ "Научное наследие России"

У нѣкоторыхъ юристовъ мы находимъ сознаніе того, что рабство не предписывается самой природой, а даже отчасти противорѣчитъ ей, такъ какъ „naturali jure omnes homines liberi sunt".—Ульпіанъ совершенно ясно высказывается въ томъ смыслѣ, что для „jus naturale" — всѣ люди равны и что рабы существуютъ только для jus civile. Флорентинъ точно также признаетъ, что „рабство есть установленіе juris gentium, по которому человѣкъ вопреки природѣ (contra naturam) подпадаетъ подъ власть другого" (Institut. I, 3). Эту точку зрѣнія развиваетъ также Гермогенъ и др. „Такимъ образомъ,—говоритъ Эртманъ,—новѣйшій взглядъ на естественную свободу всѣхъ людей является дѣтищемъ средняго періода эпохи имперіи" и, добавимъ мы, косвенно греческой философіи [1]). Разсматривая всякій предметъ торговли, какъ товаръ, римскіе юристы однако же исключаютъ изъ этого понятія рабовъ и потому работорговцевъ не считаютъ купцами. Что касается вопроса о цѣнности, то римское право даетъ слишкомъ мало матеріала для уясненія взглядовъ на этотъ предметъ римскихъ юристовъ. Въ большинствѣ случаевъ благо опредѣляется ими, какъ полезность, при чемъ, однако, проводится уже рѣзкая грань между экономическимъ благомъ и просто вещью. Павелъ говоритъ (l. 5, D. Z. 16): „понятіе вещи шире, чѣмъ pecuniae, потому что имъ охватывается и то, что лежитъ внѣ нашихъ хозяйственныхъ заботъ, тогда какъ признакъ pecuniae имѣетъ лишь то, что заключается въ имуществѣ". Здѣсь, по мнѣнію Эртмана, уже намѣчается различіе между свободными и связанными благами.

Цѣнность вещи, по мнѣнію юристовъ, опредѣляется однако же не ея собственной природой, а отношеніемъ къ ней человѣка. При извѣстныхъ условіяхъ, какъ указываетъ Ульпіанъ (l. I. DXXXIV, 1), даже вода, въ общемъ „свободное" благо, можетъ пріобрѣтать значеніе хозяйственнаго блага, имущества. Различіе между цѣнностью и цѣною не было еще выяснено съ достаточной полнотой. По крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи не выработано юристами точной терминологіи. „Слово цѣна (pretium),—говоритъ Эртманъ,—употреблялось безразлично для обоихъ понятій" [2]) Тѣмъ не

---

[1]) Oertmann: loc. cit., стр 9.
[2]) Тамъ же, стр. 39.

ЭБ "Научное наследие России"

менѣе, различіе между цѣнностью, какъ абстрактнымъ понятіемъ „общей возможности“, и цѣною, являющейся лишь конкретнымъ эквивалентомъ даннаго объекта, римлянамъ было уже извѣстно. Ульпіанъ (l. 1, pr. D. XIX, I) устанавливаетъ даже два термина: res valet (цѣнность) и res empta est (цѣна).

Сущность обмѣна уже останавливала на себѣ вниманіе юристовъ Рима. Павелъ, напримѣръ, давая теорію происхожденія торговли, указываетъ на то, что она возникла изъ потребности въ обмѣнѣ [1]). Обмѣнъ же становился необходимымъ потому, что не всегда люди потребляютъ сами всѣ пріобрѣтенныя ими блага, не всегда они удовлетворяютъ всѣ свои потребности продуктами собственнаго хозяйства. „Первоначально существовалъ,—говоритъ Павелъ,—непосредственный обмѣнъ товара на товаръ. Но такой обмѣнъ не могъ удовлетворить увеличившейся потребности въ обращеніи. Поэтому изобрѣтенъ былъ товаръ, который имѣлъ бы одинаковое значеніе для всѣхъ,—деньги, и обмѣнъ сталъ производиться путемъ купли-продажи“. Но въ пониманіи отношенія, существующаго между торговлей и обмѣномъ, не всѣ юристы были солидарны. Павелъ указываетъ на различіе, существовавшее по этому поводу во взглядахъ Кассія и Сабина, съ одной стороны, и Нервы и Прокула, съ другой.

О функціи денегъ римляне имѣли достаточно ясное представленіе. Павелъ устанавливаетъ слѣдующіе признаки этого общезначимаго товара, являющагося орудіемъ обмѣна благами: 1) деньги должны сами по себѣ обладать извѣстной цѣнностью, 2) онѣ должны быть признаны общимъ орудіемъ обмѣна общественной властью [2]). Юристы отмѣчали также ту особенность денегъ, что, физически оставаясь неизмѣнными, онѣ выполняютъ свою функцію для собственника только въ процессѣ передачи... Поэтому накопленіе денегъ ради нихъ самихъ является нецѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія хозяйства [3]).

Понимая значеніе денегъ, римскіе юристы не могли такъ отрицательно отнестись къ проценту, какъ это дѣлали другіе писатели. Конечно, сущность процента, какъ гово-

[1]) Тамъ же, стр. 82
[2]) Тамъ же, стр. 87.
[3]) Тамъ же, стр. 96.

ЭБ "Научное наследие России"

ритъ Онкенъ, не была вполнѣ ясна [1]). Хозяйственная жизнь еще не достигла тогда той ступени развитія, на которой возможно было бы отчетливое пониманіе всего значенія кредита. Основаніемъ процента римляне считали не продуктивную цѣнность капитала, а obligatio, добровольное соглашеніе относительно кредита. Лишь въ отдѣльныхъ случайныхъ опредѣленіяхъ находимъ мы слѣды болѣе правильной оцѣнки процента. Эртманъ указываетъ на постановленія, касающіяся faenus nauticum. Здѣсь въ силу чисто случайныхъ обстоятельствъ выяснилось значеніе процента, правда, только какъ вознагражденія за рискъ [2]).

IV.

Если у писателей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія существующаго, мы еще находимъ нѣкоторыя попытки освѣтить вопросы экономическаго порядка, то у утопистовъ и мыслителей, подвергавшихъ критикѣ существующій строй, никакихъ теоретическихъ соображеній въ этой области нѣтъ. Они ограничиваются исключительно осужденіемъ бѣдствій и несправедливости даннаго строя и прославленіемъ лучшаго, болѣе справедливаго, по ихъ мнѣнію, уклада жизни. Однако, ихъ критическая позиція заставила ихъ установить на нѣкоторыя явленія хозяйственной жизни совершенно новую точку зрѣнія, чуждую писателямъ, отстаивающимъ status quo. Это относится прежде всего къ вопросу о трудѣ, о рабствѣ и о собственности.

Критика общественнаго строя римскаго государства исходила изъ констатированія того рѣзкаго противорѣчія, которое, ко времени развитія крупнаго хозяйства въ Римѣ стала обнаруживаться между богатыми и бѣдными классами населенія. Уже въ пятомъ столѣтіи до Р. Х., какъ говоритъ Пёльманъ [3]), право собственности обнаруживало до нѣкоторой степени современный характеръ, двумя же столѣтіями позже индивидуалистическая тенденція въ экономическомъ развитіи Рима приняла самыя рѣзкія формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ дали себя знать, конечно, всѣ связанныя съ индивидуалистическимъ строемъ противорѣчія. Послѣд-

---

[1]) Onken: loc cit., стр 61.
[2]) Эртманъ: loc. cit, стр 149.
[3]) Pöhlmann: Geschichte etc., томъ II, стр. 466.

ЭБ "Научное наследие России"

нія же вызвали сомнѣнія въ справедливости существующаго, обратившись въ радикальную критику самихъ основъ общественнаго порядка. Въ литературѣ остались сравнительно немногочисленные слѣды этой радикальной критики. Носителями ея въ Римѣ являлись главнымъ образомъ ораторы и агитаторы, не оставившіе послѣ себя никакихъ литературныхъ твореній. Таковы Катилина, Долабелла и другіе демагоги. Только изъ чужихъ, иногда враждебныхъ имъ, произведеній можно почерпать о нихъ свѣдѣнія. О Катилинѣ, какъ о народномъ вождѣ, мы узнаемъ изъ рѣчей Цицерона и записокъ Саллюстія. О характерѣ рѣчей другихъ ораторовъ мы узнаемъ изъ работъ чисто историческаго характера. „Когда въ массахъ,—говоритъ Пельманъ [1]),—пробудилось классовое самосознаніе, былъ поставленъ вопросъ: какая польза намъ отъ людей, которые надъ нами властвуютъ? Что даютъ они для благополучія всѣхъ? И отвѣтъ гласилъ: „это бездѣльники, живущіе нашимъ потомъ".

Ораторы, шедшіе заодно съ низшими классами населенія, говорили, какъ передаетъ Діонисій, что „между классами, изъ которыхъ одинъ желаетъ только властвовать, а другой борется за свободу, не можетъ быть продолжительнаго мира". „Поняли ли вы,—говоритъ другой демагогъ,—въ какомъ униженіи вы живете? Они не даютъ вамъ солнечнаго свѣта, ихъ злитъ даже, что вы еще дышите, что вы имѣете образъ человѣческій" [2]). „Нужно сравнять съ землею,—такъ говорили агитаторы,—диктатуру и консулатъ для того, чтобы римскій народъ могъ поднять голову". Критическое отношеніе къ существующему порядку давало себя знать и въ поэзіи. Горацій, напримѣръ, яркими красками описывалъ безвыходное положеніе сельскихъ бѣдняковъ и жадность богачей (Оды, 11, 18). Ювеналъ предлагаетъ въ одной сатирѣ воздвигнуть храмъ Пекуніи (деньгамъ), такъ какъ у монетъ храмъ и безъ того былъ и такъ какъ, по его словамъ, богатство обладаетъ всемогуществомъ (I, 113). Тиверій Гракхъ говорилъ: „дикіе звѣри Италіи имѣютъ свои пещеры и пристанища, а люди, которые боролись и умирали за господство Италіи, владѣютъ развѣ воздухомъ и свѣтомъ, такъ какъ ихъ-то никто не можетъ

---

[1]) Pöhlmann: loc cit., стр. 568.
[2]) Pöhlmann: loc. cit., стр. 572.

ЭБ "Научное наследие России"

отнять; безъ крова и пристанища блуждаютъ они съ женами и дѣтьми по всей странѣ".

Мысль людей, сочувствующихъ бѣднякамъ, пораженная вопіющими противорѣчіями существующаго строя, невольно обращалась къ идеаламъ общественнаго равенства.

Эти идеалы приписываются историками даже людямъ болѣе отдаленной эпохи. Такъ, Діонисій, очевидно, подъ впечатлѣніемъ происходящей въ его время борьбы, заставляетъ царственнаго сторонника плебеевъ, Сервія Туллія, высказать тотъ взглядъ, что „земля, пріобрѣтенная гражданами цѣною крови, должна доставаться не самымъ безстыднымъ, а тѣмъ, у кого нѣтъ своего поля". По его мнѣнію, понятіе свободы противорѣчитъ подчиненію одного человѣка другому.

Что массы вообще были настроены въ пользу экономическаго равенства и обобщенія имуществъ, это видно хотя бы изъ того, какъ одинъ демократически настроенный народный трибунъ, Л. Марцій Филиппъ [1]), обосновалъ въ 104 г. до Р. Х. аграрный проектъ. Онъ возмущенъ, главнымъ образомъ, неравенствомъ, въ силу котораго одни должны работать для того, чтобы другіе пользовались плодами ихъ трудовъ.

Стремленіе къ равенству приводило къ созданію идеальныхъ картинъ общественнаго строя, отличительными чертами котораго является болѣе или менѣе полно осуществленная общность имущества и обусловленное имъ равенство. Утопизмомъ заражены были не только широкія массы подавленнаго нуждой народа, но и извѣстные круги образованнаго аристократическаго общества. Въ этомъ мірѣ мечтанія о лучшемъ порядкѣ связывались въ большинствѣ случаевъ съ легендою о золотомъ вѣкѣ, оставшемся далеко позади. Богачъ Сенека мечтаетъ о „тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда дарами природы пользовались всѣ безъ различія, когда не существовало бѣдныхъ" [2]). Помпей Трогъ (Trogue) разсказываетъ въ своей исторіи о времени Сатурна, когда „всѣ нераздѣльно пользовались общимъ имуществомъ, какъ-будто они были наслѣдниками общаго отцовскаго имѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 592
[2]) Тамъ же, стр. 611.

ЭБ "Научное наследие России"

нія“ [1]). Тацитъ, Овидій, Тибуллъ и Вергилій—всѣ отдавали дань этимъ увлеченіямъ мечтою о „золотомъ вѣкѣ“.

Съ этимъ направленіемъ мысли были связаны практическія соображенія, вызывавшіяся требованіемъ радикальной реформы земельныхъ отношеній. Вопросъ о реформѣ землевладѣнія обострился еще во времена республики и выступившіе съ проектомъ реорганизаціи ихъ братья Гракхи являлись, такъ сказать, первыми аграрными соціалистами. Поднимая вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи земель, Гракхи мечтали, какъ говоритъ К. Каутскій [2]), вернуть къ землѣ не только обнищавшихъ крестьянъ, но и пролетаріевъ. Если это, такимъ образомъ, есть увѣреніе соціалистическое, то, съ нашей современной точки зрѣнія, это — соціализмъ мелкобуржуазный, крестьянскій. Однако здѣсь уже сдѣланъ былъ одинъ крупный шагъ къ развитію идеи, отрицающей имущественное неравенство. Говоря о собственности на землю, Гракхи проводили идею общности и равенства за тѣсные предѣлы стараго коммунизма потребленія. Тутъ впервые совершенно сознательно поставленъ былъ вопросъ о равенствѣ владѣнія средствами производства. Это уже не мечтательный, сектанскій коммунизмъ потребленія, а живая практическая идея уравненія, освященная признаніемъ цѣнности и огромнаго соціальнаго значенія труда. Можетъ быть именно поэтому мы и не видимъ въ этомъ движеніи достаточно радикальныхъ построеній: оно для этого было слишкомъ практическимъ. Рѣшительнаго отрицанія частной собственности отъ Гракховъ ждать было нельзя, такъ какъ имъ приходилось считаться съ условіями производства того времени.

Аграрный соціализмъ древности, настаивая на идеѣ равенства, тѣмъ самымъ внесъ весьма существенный коррективъ въ экономическое міросозерцаніе культурныхъ людей античнаго міра: онъ заставилъ ихъ признавать права труда.

Таковы въ самихъ общихъ чертахъ экономическія идеи, на которыхъ останавливалась мысль античныхъ писателей. Мы видимъ, что она не уклонилась отъ постановки соціальной проблемы во всей ея широтѣ, освѣтивъ ее не только

---

[1]) Въ Historiae Philippicae, изложенной Іюніаномъ Юстиномъ. См. Niemeyr: Geschichte der romischen Literatur, 8 изд., 1909 г, стр. 78-ая.

[2]) Каутскій: Изъ исторіи общественныхъ теченій, русск. пер., СПБ., 1905, стр. 29.

ЭБ "Научное наследие России"

въ полярностяхъ стоическаго и эпикурейскаго ученій, но и разсмотрѣвъ съ реальной консервативно-раціональной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія утопическаго идеала. Не уклонилась мысль и отъ анализа другихъ чисто теоретическихъ вопросовъ. Словомъ, всюду въ античномъ мірѣ мы находимъ цѣнное творчество и богатство идей, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ ассимилированы основоположеніями нашей культуры. И, дѣйствительно, правъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, говоря, что въ античности, „въ этой великой мастерской, въ которой распорядителемъ былъ Разумъ, были выработаны немногими для немногихъ всѣ драгоцѣнныя понятія, которыми мы теперь гордимся“ [1]).

Другія данныя объ экономическихъ воззрѣніяхъ римлянъ можно найти въ слѣдующихъ работахъ: Alonico, C. G: L'economia humana dell'antica, Roma, 1893; Drumann; Die Arbeiter und Kommunisten in Grichenland und Rom, Кенигсбергъ, 1860; Dureau de la Malle Economie politique des Romains, 2 т., Парижъ, 1840, Hofmeister Die wirtschaftliche Entwicklung Roms, Вѣна, 1899 Lewandowsky La question sociale à Rome au temps des Gracques. Парижъ, 1896, Nitzsch: K. W., Die Gracchen, Берлинъ, 1877: Rodbertus-Jagetzow: Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalokonomie des Klassischen Altertums въ Jahrbucher f Nation, т II, 1864, т. IV, 1865 и т. VIII, 1867; Weber, M: Die Romische Agrargeschichte, Штутгартъ, 1891. Schulten, A: Die romische Grundherrschaft, Веймаръ, 1896. Turaldo Bassia: Les classes ouvrières à Rome, Парижъ, 1892; Beaudouin, E: Les grands domaines dans l'empire romain, Парижъ, 1899; Meyer, Ed, Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Iena, 1895 Neurath, Otto: Zur Anscaûng der Antike uber Handel, Gewerbe und Landwirtschaft въ „Conrand's Jahrbucher“, 1907 August, Bd 34. Gummerus: Der romische Gutsbetrieb nach den Werken des Cato, Varro und Columella въ „Klio“ за 1906 г., кн. V (Beiheft); Гревсъ, И.: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, т. I, СПБ. 1899. продолженіе въ „Журналѣ М. Н. П.“ за 1905 г, кн IX; Бѣлоруссовъ, М.: Колонатъ, очеркъ возникновенія римскаго крѣпостного права, Варшава, 1903; Фюстель де-Куланжъ: Римскій колонатъ, СПБ., 1908. Низе, Б.: Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія, русск. пер., СПБ., 1908. Здѣсь указана новѣйшая европейская литература, а въ приложеніи—русская. Синайскій, В.: Очерки изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ, Юрьевъ, 1908. Фельсбергъ, Э.: Братья Гракхи, Юрьевъ, 1910. Ростовцевъ, М.: Происхожденіе колоната, „Филологическое Обозрѣніе“ за 1900 г. (XIX т.); его же Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ Римѣ. „Русская Мысль“, за 1900 г., кн. III; Кречмаръ: Къ вопросу о хозяйственной эволюціи древняго Рима, „Извѣстія Варшавскаго Университета“ за 1905 г.

---

[1]) Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій: Античный міръ въ поэзіи Майкова, въ его сборникѣ „Изъ жизни идей“, СПБ. 1905.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ II-ой.

Изъ исторіи экономическихъ идей ранняго средневѣковья.

Христіанство. Его коммунизмъ. Отцы и учители церкви. Ученіе о justum pretium. Ѳома Аквинскій.

I.

Эпоха паденія античной культуры и сложенія новой европейской цивилизаціи неразрывно связана съ появленіемъ христіанства. Послѣднее давало рамки духовной жизни и само являлось идеологіею болѣе или менѣе опредѣленныхъ отношеній, которая наполнялась содержаніемъ въ зависимости отъ хода реальныхъ событій. Считая земную жизнь временною, христіанство не имѣло сколько-нибудь опредѣленнаго экономическаго ученія, но зато выработало контуры общественно-государственнаго идеала, бросающаго лучи свѣта на характеръ идеологіи того времени вообще и воззрѣній на хозяйственную жизнь въ частности.

Относительно этого общественнаго идеала, принесеннаго христіанствомъ, существуютъ двоякаго рода предразсудки. Въ то время какъ одни видятъ въ христіанствѣ ученіе родственное соціализму и считаютъ первыхъ христіанъ проповѣдниками чисто-коммунистическихъ идей, другіе готовы совершенно игнорировать коммунистическія тенденціи христіанства, а въ осужденіи христіанскими проповѣдниками богатства усматриваютъ простое морализированіе или демагогическую декламацію. И то и другое пониманіе христіанскаго ученія, съ нашей точки зрѣнія, одинаково невѣрны, не потому, что они представляютъ собою крайніе взгляды и что истина находится посединѣ между ними, а просто потому, что обѣ эти точки зрѣнія страдаютъ въ концѣ

ЭБ "Научное наследие России"

концовъ, неясностью и натяжками. О какой-либо опредѣленной коммунистической теоріи, какъ объ ученіи, рекомендующемъ новую болѣе совершенную форму хозяйственной организаціи, христіанство рѣшительно ничего не знало, хотя нѣкоторыми писателями христіанская проповѣдь отреченія отъ собственности именно такъ и истолковывалась; христіанству вообще была чужда мысль о томъ, что хозяйственный строй можетъ быть радикальнымъ образомъ измѣненъ. Оно брало хозяйственную и соціальную жизнь такой, какой она была въ то время, и оно революціонно не призывало массы къ активному выступленію съ цѣлью преобразованія экономическихъ отношеній. Къ такимъ преобразованіямъ христіанство вообще относилось въ высокой степени безразлично или безнадежно.

Это, конечно, не значитъ, чтобы распространеніе христіанства въ древнемъ мірѣ по своему не являлось симптомомъ величайшей культурной революціи, революціи, которая естественно способствовала созданію новыхъ хозяйственныхъ формъ. Но религіозная идея, увлекавшая въ то время низшіе слои общества, не заключала въ себѣ сознательнаго выраженія уже намѣчавшейся въ экономической жизни тенденціи. Даже отрицательное отношеніе христіанскихъ проповѣдниковъ къ рабству въ большинствѣ случаевъ облекалось въ форму моральнаго осужденія жестокости, а не осужденія рабства, какъ экономическаго явленія. Наконецъ, тотъ или иной способъ производства совершенно не останавливалъ на себѣ вниманія христіанскихъ философовъ. Поэтому, если понимать подъ коммунизмомъ опредѣленно высказываемый принципъ хозяйственной организиціи или даже, какъ у Платона, извѣстную форму жизни, рекомендуемую ради опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, то приписываніе христіанству коммунистическаго характера оказывается совершенно невѣрнымъ.

Однако нельзя согласиться и съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому первоначальное христіанство являлось какъ бы ученіемъ, вполнѣ санкціонирующимъ существующій хозяйственный порядокъ. Новое религіозное движеніе, охватившее широкіе слои угнетеннаго народа и увлекшее за собой тѣхъ представителей господствующихъ классовъ, которые предчувствовали неизбѣжную смерть старой культуры и старыхъ формъ общественной жизни, оставаясь индиф-

ЭБ "Научное наследие России"

ферентнымъ къ данному соціальному политическому строю,—не могло не выставлять новыхъ идеаловъ общежитія, радикальнымъ образомъ расходившихся съ господствовавшими въ то время формами.

Всякое новое религіозное движеніе in statu nascendi, т. е. пока оно остается въ широкомъ смыслѣ революціоннымъ, если бы даже непосредственно и не означало возстанія противъ существующихъ властей, обнаруживаетъ склонность именно къ коммунистическимъ началамъ. Вспомнимъ хотя бы исторію ученія Будды. Первыя группы послѣдователей новой истины, монахи и аскеты, устраиваютъ мужскія и женскія общины, въ которыхъ царитъ равенство и общность имущества. То же можно сказать и про первыхъ глашатаевъ исламизма, анабаптизма, квакерства и другихъ религіозныхъ, а впослѣдствіи и революціонныхъ ученій. Но только такой коммунизмъ не проникнутъ опредѣленною коммунистической теоріей; онъ не выражается въ проповѣди новаго экономическаго строя, а сводится къ установленію извѣстныхъ этическихъ положеній и практическихъ требованій съ ярко выраженной общинной окраской. Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ,—коммунизмъ отнюдь не былъ чуждъ христіанству.

Итакъ, какъ движеніе, знаменовавшее собой великій переломъ, христіанство прежде всего создало такой подъемъ общаго настроенія, который уже по самой религіозной сущности своей не могъ не увести человѣческую мысль далеко отъ простыхъ заботъ объ устроеніи жизни,—хотя бы и жизни цѣлаго общества; всѣ идеалы христіанства находили себѣ выраженіе въ формѣ вѣрованій въ нѣкоторыя „вѣчныя и божественныя“ этическія истины, отсюда—идея отказа отъ индивидуальнаго владѣнія и идея общности, какъ форма жизни, а не какъ новая экономическая сущность.

Вообще, повторяю, можно считать общимъ явленіемъ, что религіозное движеніе, пока оно остается живымъ и не успѣло застыть въ какой-либо ортодоксіи, т. е. пока оно дѣйствительно является симптомомъ глубокаго перелома, вызываетъ къ жизни идею общности. Вытекаетъ ли эта идея изъ сущности религіознаго ученія или является результатомъ аскетическаго настроенія, всегда до извѣстной степени сопутствующаго религіозному подъему,—поднимать здѣсь этотъ вопросъ намъ представляется излишнимъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Безразлично также, проповѣдывали ли или нѣтъ адепты христіанства идеалы коммунизма, какъ такового; въ этическихъ воззрѣніяхъ христіанъ коммунистическія черты имѣлись налицо. Христіанское движеніе пробудило къ жизни идею общности и выяснило свое отношеніе къ вопросамъ о собственности, бракѣ и т. д.

Нельзя видѣть, кромѣ того, въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ какого-либо единаго соціально-экономическаго ученія. Такъ можетъ представляться дѣло только людямъ, стоящимъ на „церковной“ точкѣ зрѣнія и готовымъ не считать христіанскими тѣ ученія, которыя расходятся съ установившимися въ церкви догматами. Но если принять во вниманіе все огромное количество различныхъ сектъ и общинъ, выступившихъ подъ знаменемъ ученія Христа, или, даже шире, все религіозное движеніе тої эпохи, то нельзя не признать значительности въ этомъ движеніи проповѣди и практическаго осуществленія коммунизма. Нужно помнить только, что не всѣ общины и не всѣ секты одинаково послѣдовательно проводили этотъ принципъ. Тѣ ученія, которыя впослѣдствіи были признаны церковными соборами, можетъ быть, дѣйствительно, склонны были къ отрицанію непосредственнаго проведенія въ жизнь крайне коммунистическихъ принциповъ.

Всякій религіозный коммунизмъ во всѣ историческія эпохи былъ прежде всего коммунизмомъ потребленія. Христіанство въ этомъ отношеніи не дало ничего новаго. О соціалистической организаціи производства или распредѣленія христіанскіе реформаторы не мечтали. Это происходило прежде всего потому, что религіозное міросозерцаніе ихъ вообще не заключало въ себѣ какихъ-либо представленій о болѣе совершенныхъ способахъ производства. Ничего нравственно предосудительнаго въ томъ или иномъ способѣ производства не усматривалось. И имъ казалось, что всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдало человѣчество, обусловлены его нравственнымъ несовершенствомъ. И самая общность имущества, какъ мы уже видѣли, обосновывалась ими, какъ требованіе этическаго порядка.

Первоначально коммунизмъ потребленія для христіанскихъ общинъ былъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ. Всему этому имѣются многочисленныя свидѣ-

ЭБ "Научное наследие России"

тельства. Такъ первая община, по свидѣтельству Дѣяній Апостольскихъ (IV, 32, 34), была организована на строго коммунистическихъ началахъ: „имъ нельзя было ничего называть своимъ, а все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями и домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ. И каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду". Естественнымъ слѣдствіемъ такого обычая были общія трапезы и общіе дома. Здѣсь, такимъ образомъ, проводился принципъ: каждому по его потребностямъ.

Въ своей „Апологіи" Тертулліанъ удостовѣряетъ о наличности общности имуществъ у христіанъ его эпохи. „Мы живемъ,—говоритъ онъ,—по братски на счетъ общности имуществъ, между тѣмъ какъ у васъ эти имущества производятъ ежедневные раздоры между братьями. Составляя между собою одно сердце, одну душу, можемъ ли мы отказываться отъ общности имуществъ? Все у насъ общее, исключая женъ". „Зная духъ христіанъ ничего нѣтъ удивительнаго, что у нихъ общіе столы" [1]).

Въ томъ же духѣ говоритъ Климентъ Александрійскій († 215). (Сочиненія: „Кто изъ богатыхъ спасется?" и „Педагогъ") и св. Кипріанъ Карѳагенскій († 258), которые усматриваютъ „признакъ христіанскаго совершенства въ отказѣ отъ собственности" и стоятъ за общее пользованіе [2]).

Василій Великій († 374) въ своихъ „Бесѣдахъ" считаетъ христіанина-собственника только случайнымъ хранителемъ собственности. „Алчущему — говоритъ онъ, — принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; обнаженному — одежда, которую охраняешь въ своихъ кладовыхъ; необутому — обувь, которая гніетъ у тебя; нуждающемуся — серебро, которое зарыто у тебя". Тѣ же идеи распространяетъ св. Амвросій Медіолан-

---

[1]) Тертулліанъ, Сочиненія, пер. Карнѣева, 4 ч. 1847—1850. Гл. VII, стр. 104 Апологетика переведена раньше Аѳанасіемъ (Квинта Септимія Флорента Тертулліана защищенія христіанъ противъ язычниковъ. М., 1802). Литературу о Тертулліанѣ см. у К. Мазурина: Тертулліанъ и его творенія М., 1893.

[2]) Экземплярскій, В.: Ученіе древней церкви о собственности и милостынѣ. Кіевъ, 1910, стр. 32. Здѣсь собраны многочисленныя цитаты изъ отцовъ церкви и духовныхъ писателей

скій († 391) [1]). „Земля, говоритъ онъ, принадлежитъ всѣмъ, а не только богатымъ“ [2]). Въ томъ же духѣ высказывались въ IV в. Руникъ, Григорій Нисскій, св. Хризостомъ, въ VI в. папа Григорій Великій (590—604).

Но никто изъ духовныхъ писателей, даже наиболѣе послѣдовательный и радикальный блаженный Іеронимъ, не предлагаютъ уничтожить институтъ частной собственности. Они рекомендуютъ въ лучшемъ случаѣ отреченіе, (бл. Іеронимъ — „Письмо къ Евстохіи“) въ худшемъ „воздержаніе“ (блаж. Августинъ — „Бесѣда на псаломъ XXXI“).

Тотъ же чисто-этическій духъ въ постановкѣ соціально-экономическихъ вопросовъ встрѣчаемъ мы и въ трактованіи проблемы роскоши, денегъ, торговли, ростовщичества. Но опредѣленнаго экономическаго ученія во всемъ этомъ отнюдь не содержится. Да и вообще коммунизмъ потребленія никогда не можетъ стать общей формой жизни. Онъ неминуемо сталкивается со старой индивидуалистической формой производства, съ принципомъ частной собственности на орудія производства и съ основами денежнаго хозяйства. Отсюда его быстрое разложеніе, приводящее къ отказу отъ проведенія его въ жизнь, а затѣмъ и отъ принципіальнаго признанія. Съ исчезновеніемъ того религіознаго энтузіазма, которымъ вообще характеризуются первые шаги каждаго новаго движенія, исчезаетъ изъ сознанія христіанъ и коммунистическій идеалъ жизни. Слѣды этого идеала продолжаютъ жить лишь въ обособленныхъ монашескихъ общинахъ, существующихъ на иждивеніи у „мірянъ“.

„Отцы церкви“ уже относились неодобрительно къ тѣмъ сектантамъ, которые продолжали фанатически отстаивать принципы строгаго коммунизма. Правда, нѣкоторые слѣды коммунистическаго міросозерцанія надолго сохранились въ этическихъ воззрѣніяхъ церковныхъ учителей. Такъ, св. Іеронимъ говоритъ, что излишнее владѣніе есть ограбленіе общества; Василій Великій провозглашаетъ, что богатый—это воръ; Іоаннъ Богословъ, предвосхищая Прудона, утверждаетъ, что собственникъ — грабитель; Амвросій считаетъ частную собственность „узурпаціей“.

---

[1]) Св. Амвросій: Объ обязанностяхъ, русск. пер. Г. Прохорова. Казань, 1908 г., т. I, стр. 17.

[2]) Тоже, стр 121.

ЭБ "Научное наследие России"

Но эти заявленія не означали прямого сочувствія коммунизму, а являлись или проповѣдью милосердія и братскаго отношенія къ людямъ или просто „соціалистическою“ или, что быть можетъ вѣрнѣе, своего рода морализирующею декламаціею.

Практически коммунизмъ рекомендовался, и то не какъ обязательное требованіе, самоотверженнымъ идеалистомъ Византійскаго міра, Іоанномъ Златоустомъ. Каутскій приводитъ интересную выдержку изъ проповѣди этого смѣлаго человѣка. Говоря о первыхъ христіанахъ и указывая на царившую въ ихъ средѣ любовь, Іоаннъ Златоустъ предлагаетъ согражданамъ послѣдовать ихъ примѣру. „Если бы мы теперь сдѣлали то же самое, то всѣ мы богатые и бѣдные, жили бы гораздо счастливѣе; и бѣдные выиграли бы отъ этого не больше, чѣмъ богатые... ибо дающіе не только не бѣднѣли бы, но обогащали бы бѣдныхъ“. „Представимъ себѣ дѣло такъ: всѣ передаютъ свое имущество въ общественную собственность. Пусть никто не тревожится объ этомъ, ни бѣдный, ни богатый. Сколько же, думаете вы, соберется денегъ? Я полагаю,—утверждать это категорически, конечно, трудно,—что если бы каждый далъ всѣ свои деньги, поля, помѣстья, дома, (я не хочу говорить о рабахъ, первые христіане вѣроятно неимѣли ихъ, потому что, должно быть, отпускали ихъ на волю), то собрался бы навѣрно, милліонъ фунтовъ золота, и пожалуй даже вдвое или втрое больше“... „Раздробленіе имущества является причиною излишней траты, а потому и бѣдности“... „Если бы мы только сдѣлали попытку и смѣло взялись за дѣло. Сколько благъ могло бы это принести. Если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ ничтожно, всего три—пять тысячъ, когда весь міръ относился къ нимъ непріязненно и когда имъ негдѣ было искать утѣшенія, если тогда наши предшественники такъ рѣшительно взялись за дѣло — насколько больше увѣренности должны мы имѣть теперь, когда, милостію Божіей, повсюду есть вѣрующіе“ [1]).

Но отцы церкви вообще были слишкомъ заняты дѣломъ практическаго устроительства церкви для того, чтобы увлекаться мечтами о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ.

---

[1]) Каутскій: Изъ исторіи общественныхъ теченій, СПБ., 1905, стр. 34.

ЭБ "Научное наследие России"

Какъ „реальные политики“, они понимали, что безъ компромисса съ существующимъ государственнымъ и экономическимъ порядкомъ церковь не могла бы пріобрѣсти той силы, которая сдѣлала ее постоянной вліятельной организаціей. Изъ протестантовъ съ коммунистическими симпатіями церковные писатели превратились мало по малу въ сторонниковъ существующаго порядка вещей.

II

По мѣрѣ развитія феодализма и укрѣпленія схоластики духовные писатели отрѣшаются отъ всякой тѣни коммунизма и оппозиціи. Ѳома Аквинскій является уже горячимъ сторонникомъ института частной собственности, на защиту которой становится уже офиціальная церковь. Но и въ новую эпоху мы видимъ то же сочетаніе элементовъ въ идеологіи: защиты существующаго строя и морализированія по поводу его грѣховности. Поэтому писатели, касавшіеся экономическихъ вопросовъ, были философами нравственности, мораль-философами [1]). Ихъ исходная точка зрѣнія, съ которой они разсматривали и экономическія проблемы, заранѣе опредѣлена догматомъ церкви „о долженствующемъ“. Да и по самому существу христіанской этики проповѣдь ея не могла давать особеннаго простора обсужденію вопросовъ экономики.

Экономическая наука въ эту эпоху занимается вопросами объ обоснованіи частной собственности, приростѣ капитала и распредѣленіи земныхъ благъ. Вопросы возникали здѣсь также при разсмотрѣніи вопросовъ права. „Экономическія воззрѣнія канонической доктрины нашли себѣ теоретическое выраженіе въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда богослововъ и юристовъ. Сначала онѣ излагались по поводу тѣхъ или иныхъ случаевъ, или въ формѣ комментаріевъ къ положеніямъ каноническаго права, впослѣдствіи же были сдѣланы общіе выводы и ученіе канонистовъ приведено, такъ сказать, въ систему“ [2]).

---

[1]) Brentano, L: Ethik und Volkswirthschaft in der Geschichte Мюнхенъ, 1902 г., 2-е изд., стр. 4

[2]) Орженцкій, Р.: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 197.

ЭБ "Научное наследие России"

Чему же могли учить „отцы церкви“ и канонисты? Для нихъ высшимъ авторитетомъ, кромѣ Евангелія, былъ Аристотель.

Въ первое время Аристотель былъ доступенъ массамъ исключительно въ одной своей части: дозволялось читать только его Логику, всѣ остальныя сочиненія были строжайше запрещены. Кромѣ того и та часть, которая была доступна, была извращена, такъ какъ не была еще къ тому времени въ точности возстановлена изъ сохранившихся текстовъ его сочиненій. Итакъ, это былъ с в о й особый схоластическій Аристотель, или, такъ наз., лже-Аристотель, чуждавшійся и физики, и метафизики, и политики дѣйствительнаго Аристотеля Въ началѣ XIII вѣка въ Парижѣ были сожжены всѣ найденныя тамъ сочиненія Аристотеля. Тѣ же, кто осмѣливался протестовать противъ этого, подвергались безпощадному преслѣдованію Такъ длилось нѣсколько поколѣній Еще въ 1629 году, т. е. при Людовикѣ XIII, погибъ трагическою смертью Рамусъ за протестъ противъ лже-Аристотеля и за желаніе возстановить истинное ученіе Стагирита Но и изувѣченный Аристотель давалъ въ руки мыслящихъ людей того времени дивное оружіе: безпощадную логику Этимъ оружіемъ и пользовались к а н о н и с т ы.

О средневѣковыхъ канонистахъ установилось вполнѣ естественное съ перваго взгляда, но совершенно невѣрное при ближайшемъ изученіи, представленіе, что это были простые толкователи идей офиціальной хрпстіанской религіи, распространявшіе основныя положенія этой религіи на всѣ области человѣческаго знанія. Съ этой точки зрѣнія они якобы смотрѣли на всѣ правовыя, этическія и, что для насъ въ данномъ случаѣ самое главное, э к о н о м и ч е с к і я я в л е н і я. Между тѣмъ въ дѣйствительности канонисты не уклонялись никогда отъ обоснованія своего ученія на доводахъ разума и никогда не закрывали глазъ на факты дѣйствительной жизни. Канонисты всегда искали, всегда непремѣнно требовали разумнаго обоснованія каждаго догмата и были твердо увѣрены, что путемъ разсужденій, а въ этомъ и помогали силлогизмы Аристотеля, и путемъ изученія фактовъ они непремѣнно придутъ къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя даны Св. Писаніемъ. Затѣмъ для обоснованія своего ученія въ деталяхъ канонисты пользовались принципами римскаго права. Въ послѣднемъ же, какъ извѣстно, цѣлый рядъ экономическихъ явленій получилъ уже нѣкоторую разработку. Для центральнаго пункта политической экономіи, у ч е н і я о ц ѣ н ѣ (цѣнности), канонисты создали обстоятельную и вполнѣ оригинальную теорію.

ЭБ "Научное наследие России"

III.

Ученіе о justum pretium. Цѣна разсматривалась канонистами, какъ результатъ цѣлаго ряда факторовъ. Первоначально цѣну опредѣляетъ субъективная полезность, случайная необходимость вещи для удовлетворенія нѣкоторой потребности. Цѣна является результатомъ сдѣлки двухъ обмѣнивающихся сторонъ. Но съ развитіемъ обмѣна субъективная сторона цѣны нѣсколько стушевывается и на первый планъ выдвигается нѣчто новое, значеніе вещи для обмѣна, т. е. мѣновая цѣнность предмета. Мѣновая цѣнность—понятіе отвлеченное, одно изъ первыхъ, при помощи котораго экономія вступила въ новую область абстрактнаго мышленія и чисто теоретическаго изученія. Но мѣновую цѣнность еще не совсѣмъ точно отличали отъ цѣны, ее еще считали совокупностью единицъ цѣны, которая заключается въ данной вещи и обнаруживается при ея обмѣнѣ на другую.

Для канонистовъ однако понятіе цѣнности еще связывалось съ понятіемъ цѣнности въ смыслѣ нравственной категоріи. Канонисты усвоили себѣ ученіе о двухъ видахъ цѣнъ (цѣнности): номинальная цѣнность — pretium rerum singularum, или utilitatis singularum, и цѣнность реальная, дѣйствительная—verum pretium. Первая опредѣлялась случаемъ, нуждою, эксплоатаціею, въ ней констатировался фактъ, вторая носила въ себѣ идею справедливости и была абстракціею. Принявъ это дѣленіе, канонисты вмѣсто pretium verum стали еще типичнѣе называть мѣновую цѣнность justum pretium—справедливая цѣна.

Вотъ съ этой-то „justum pretium“ и долженъ былъ сообразоваться торговецъ: не брать за свой товаръ болѣе его стоимости, не скрывать его недостатковъ, не пользоваться незнаніемъ покупателя. Такимъ образомъ товары должны продаваться и покупаться согласно размѣрамъ труда, затраченнаго на ихъ производство и такой только торгъ можетъ почитаться справедливымъ. Другими словами: несправедливы всѣ цѣны, уклоняющіяся отъ трудового начала, хотя отдѣльныя рыночныя цѣны могутъ и не соотвѣтствовать въ дѣйствительности этому требованію.

Выражаясь современною терминологіею, воззрѣніе канонистовъ въ ихъ ученіи о цѣнѣ не опредѣляло законъ реальныхъ экономическихъ отношеній, а только указывало

ЭБ "Научное наследие России"

на высшую норму хозяйственнаго долженствованія. Это была такимъ образомъ этическая трудовая теорія цѣнности (цѣны). Но на подобнаго рода этическихъ пожеланіяхъ не останавливались. Государственная власть и духовенство проводятъ эту идею на практикѣ, секретно вмѣшиваясь въ процессъ обмѣна товаровъ. Появились знаменитыя средневѣковыя таксы и запрещенія. Итакъ, канонисты требовали, чтобы цѣна всегда отражала въ себѣ идею справедливости; покупка и продажа, не отвѣчающія этому требованію, осуждались. Отсюда вытекало во-первыхъ, что одну и ту же вещь всегда нужно продавать или покупать по одной и той же цѣнѣ, во-вторыхъ, что сколько бы разъ одна и та же вещь ни служила предметомъ сдѣлки, цѣна ея не можетъ измѣняться, пока самъ предметъ не измѣнится. Прибыль торговца, согласно воззрѣніямъ канонистовъ, считалась грѣховной, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, она основана на обманѣ. И если заработокъ торговца можетъ быть допущенъ, то долженъ являться лишь оплатой, вознагражденіемъ за трудъ (за доставку, перевозку, сохраненіе и т. п.).

Такимъ образомъ обмѣнъ является процессомъ мѣны одного предмета на другой, ему вполнѣ эквивалентный. Исходя ихъ этого положенія, запрещали ростъ при займѣ или ссудѣ. Впрочемъ, это запрещеніе, какъ и все каноническое ученіе о ростѣ, съ теченіемъ времени подвергалось измѣненію. Дѣло въ томъ, что отсутствіе капиталистическаго производства въ раннемъ средневѣковьѣ мало-по-малу уступило мѣсто отдѣльнымъ случаямъ производительнаго употребленія капитала. Не взирая на всѣ запрещенія, кредитъ и ростъ стали мало-по-малу обычнымъ и необходимымъ явленіемъ средневѣковой жизни. Пришлось искать выходовъ изъ противорѣчія между жизненной практикой и ученіемъ и прибѣгать къ ухищреніямъ для выясненія законности и необходимости процента. Въ немъ увидѣли вознагражденіе за ущербъ, происходящій отъ непользованія, damnum emergens, и указывали на различіе въ пользѣ, приносимой извѣстнымъ и имѣющимся налицо, съ одной стороны, и неизвѣстнымъ и только ожидаемымъ, съ другой. Кромѣ того существовала масса случаевъ, когда изъ общаго правила, запрещавшаго ростъ, дѣлались исключенія.

Итакъ, канонисты задолго до австрійской школы опредѣляли цѣну по ея отношенію къ полезности. Затѣмъ, по

ЭБ "Научное наследие России"

ихъ мнѣнію, цѣнность опредѣлялась также трудомъ и отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Трудовой источникъ цѣнности не представлялся имъ въ духѣ трудовой теоріи цѣнности такъ, какъ будто цѣна предмета зависитъ отъ количества труда, требуемаго на его изготовленіе Они имѣли въ виду вообще расходы, затраченные на пріобрѣтеніе и доставку предмета.

При этомъ принимался во вниманіе не трудъ дѣйствительно затраченный, а только трудъ и расходы, которые обыкновенно производятся въ ихъ среднихъ размѣрахъ, соотвѣтственно данному состоянію производственной техники, т. е. выражаясь современнымъ языкомъ, общественно-необходимый трудъ. Но указаніе на эту основу цѣнности особой роли въ ученіи канонистовъ не играло.

Важнѣе было ученіе о вліяніи спроса и предложенія. Въ спросѣ и предложеніи канонисты различали объективную и субъективную экстенсивность. Объективная экстенсивность—это количество товара на рынкѣ. Субъективная экстенсивность — это количество продавцевъ. Недостатокъ товара повышаетъ цѣну, избытокъ понижаетъ. Малочисленность конкурентовъ-продавцевъ тоже повышаетъ цѣну, многочисленность — понижаетъ. Искусственное или естественное ограниченіе количества продавцевъ создавало монополію. Монополіи вредны для всѣхъ, для народа и государей, занимающихъ деньги у монополистовъ - банкировъ. Особенно вредна монополія предметовъ первой необходимости.

Затѣмъ, въ спросѣ и предложеніи различалась интенсивность ихъ, т. е. степень настоятельности для купца сбыта его товара. Какое вліяніе оказываетъ степень этой настоятельности на цѣны товара вполнѣ понятно. Наконецъ, послѣдняя составная часть, опредѣляющая спросъ и предложеніе,—это покупательная способность населенія. Цѣна тѣмъ выше, чѣмъ состоятельнѣе покупатели, тѣмъ ниже, чѣмъ покупатель бѣднѣе.

Такимъ образомъ, теорія цѣнности канонистовъ представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ отношеніи стройно и детально разработанное ученіе, эклектическаго характера по существу. Цѣна опредѣляется полезностью предмета, трудомъ и расходами по доставкѣ и пріобрѣтенію, спросомъ и предложеніемъ его. Эта теорія господствовала безгранично

ЭБ "Научное наследие России"

до XVII-го вѣка, т. е. до времени, когда основы средневѣковаго каноническаго права стали рушиться. Съ современной точки зрѣнія это весьма полное и замѣчательное для своего времени ученіе.

Любопытно прослѣдить его дальнѣйшую судьбу. Вліянію каноническаго ученія о цѣнности подчинились и протестантскіе писатели, между прочимъ Лютеръ и Меланхтонъ. Зародившіяся уже въ эту эпоху новыя ученія, стоящія въ значительной мѣрѣ внѣ вліянія каноническаго права, являлись во многомъ шагомъ назадъ. Послѣдующіе экономисты не пытались охватить вопросъ со всѣхъ сторонъ и детально его проанализировать. Они останавливались на одномъ изъ указанныхъ канонистами источникѣ цѣнности и возводили его въ универсальную теорію. Такъ, сэръ Вилльямъ Петти далъ теорію трудовой цѣнности, но въ ея самой примитивной формѣ; итальянецъ Даванцати создалъ субъективную теорію, основанную на предположеніи, будто вся сумма благъ имѣетъ въ силу какого-то общаго соглашенія между людьми цѣнность, равную всей суммѣ имѣющихся въ данное время денегъ. Цѣна предмета по этой теоріи опредѣляется количествомъ денегъ, которыя находятся въ такомъ отношеніи ко всему количеству денегъ, какъ доля благополучія, производимая даннымъ предметомъ ко всему благополучію производимому всей совокупностью вещей. Философъ Локкъ устанавливаетъ теорію предложенія и спроса, сосредоточивая при этомъ свое вниманіе исключительно на количественномъ моментѣ предложенія и спроса.

Каноническая доктрина достигла наиболѣе полнаго своего развитія въ XIII-мъ вѣкѣ у Ѳомы Аквинскаго. Знакомство съ воззрѣніями послѣдняго можетъ поэтому полнѣе всего охарактеризовать намъ основы и общее содержаніе ученія канонистовъ въ его болѣе развитомъ видѣ. Къ этому мы и перейдемъ.

© "Научное наследие России"

IV.

Изъ числа мыслителей, оказавшихъ наибольшее вліяніе на установленіе каноническихъ воззрѣній на право и экономію, особаго вниманія заслуживаетъ Ѳома Аквинскій [1]).

Взгляды Ѳомы Аквинскаго на экономическіе вопросы содержатся въ его знаменитой энциклопедіи: „Summa Theologica“ и въ книгѣ: „De regimine principum“ [2]).

Въ „Summa Theologica“ Ѳома Аквинскій посвящаетъ каждому явленію отдѣльный „вопросъ“, который онъ раздѣляетъ на §§. При этомъ методъ изложенія всегда одинъ и тотъ же: въ видѣ вступленія авторъ приводитъ нѣсколько пунктовъ, которые, повидимому, служатъ оправданіемъ данному явленію, но затѣмъ однимъ текстомъ изъ священнаго писанія, или „отцовъ церкви“, или Аристотеля, онъ опровергаетъ все предыдущее и выводитъ даже заключеніе, въ которомъ примиряются видимыя противорѣчія. Затѣмъ онъ уже развиваетъ всѣ положенія, приведенныя первоначально бездоказательно во вступительныхъ положеніяхъ. Въ „Summa Theologica“ (вопр. 66) онъ принимаетъ въ основаніе своихъ разсужденій тотъ выводъ предшествовавшихъ ему теологовъ, по которому все, что противно естественному праву, не дозволено, а все, что согласовано съ естественнымъ правомъ, должно быть признано общечеловѣческимъ и дозволеннымъ.

---

[1]) Подробныя указанія о дѣятельности и значеніи Ѳомы Аквинскаго можно найти во всѣхъ лучшихъ курсахъ исторіи философіи и исторіи богословія. Спеціально интересующимся этимъ выдающимся средневѣковымъ мыслителемъ съ экономической точки зрѣнія можно указать на монографіи Oncken'a, Froschhammer'a, Gonzalez'a, Max'a Maurerbrecher'a, у насъ на работу Р. Орженцкаго (Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г.); переводъ на русскій языкъ нѣкоторыхъ важныхъ для экономической науки мѣстъ изъ сочиненій Ѳомы Аквинскаго сдѣланъ студентомъ А. Арсеневичемъ въ вышедшемъ подъ моею редакціею студенческомъ сборникѣ „Рефераты и работы“, СПБ., 1905 г.

[2]) Переводы текстовъ приводимыхъ далѣе взяты изъ указаннаго выше перевода А. Арсеневича. Переводчикъ для своей работы пользовался наилучшимъ текстомъ П. Брука: S. Thomae Aquinatis: Summa Theologica, Nicolai, Sylvii Bilnati et C.-S. Drioux notis ornata, Tomus IV, Editio sexta, 1870, Luxemburgi, P. Bruck editor. Этотъ переводъ былъ просмотрѣнъ извѣстнымъ переводчикомъ Лукреція Кара И. И. Рачинскимъ по болѣе старому и лишенному комментаторскихъ измѣненій изданію Брука 1612 г. (Divi Thomae Aquinatis, doctoris angelici, operum omnium tomus XI, стр. 117 и слѣд.).

ЭБ "Научное наследие России"

Съ этой точки звѣнія онъ обсуждаетъ вообще вопросъ объ имуществѣ и о владѣніи имъ. Онъ устанавливаетъ два вида отношенія человѣка къ внѣшнимъ благамъ: здѣсь можетъ имѣть мѣсто распоряженіе и хозяйственное владѣніе благами или только пользованіе ими, потребленіе ихъ. По отношенію къ этому послѣднему человѣкъ ничего не долженъ считать своимъ, а во всемъ видѣть общее достояніе; что касается распоряженія, то здѣсь не только дозволено, но даже необходимо для сохраненія человѣческой жизни, чтобы земныя блага находились въ частной собственности. Такимъ образомъ, какъ вѣрно замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь Ѳ. Аквинскаго Маурербрехеръ, „если къ этому присоединить еще то, что указанный коммунизмъ потребленія in concreto сводится лишь къ оказанію помощи другимъ въ нуждѣ, то мы должны согласиться, что Ѳома старается выказать себя защитникомъ частной собственности“ [1]). „Естественное право,—говоритъ тотъ же авторъ,—потеряло у Ѳомы свое коммунистическое содержаніе, которое оно имѣло въ прежней теологіи. Собственность, въ которой раньше видѣли слѣдствіе грубаго и несправедливаго захвата, теперь разсматривается какъ необходимая основа общественной жизни“[2]). Отцы церкви также не были, конечно, коммунистами и у нихъ были только неясныя симпатіи къ коммунизму потребленія; о коммунизмѣ, который охватывалъ бы все хозяйство и требовалъ бы общественной собственности на средства производства, имъ ничего неизвѣстно. Но для нихъ и не существовало противоположности между коммунизмомъ потребленія и коммунизмомъ въ смыслѣ формы хозяйственной жизни. Впервые со всей опредѣленностью подчеркнуто было это различіе именно Ѳомой Аквинскимъ, обсуждавшимъ этотъ вопросъ уже не только съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, но и съ точки зрѣнія интересовъ хозяйства. „Въ этомъ, — какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Маурербрехеръ, — ему въ значительной степени помогъ Аристотель“.

Но есть одинъ существенный пунктъ, въ которомъ міровозрѣніе Ѳомы Аквинскаго представляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ Аристотелемъ и даже рим-

---

[1]) Maurerbrecher: Thomas von Aquinus Stellung zum wirtschaftlichen Leben seiner Zeit, 1898, стр. 99.

[2]) Maurerbrecher: тамъ же, стр. 121

ЭБ "Научное наследие России"

скими юристами. Тутъ сказалось уже вліяніе христіанскаго міросозерцанія. Этотъ пунктъ—вопросъ о трудѣ. Съ полной отчетливостью и опредѣленностью Ѳома Аквинскій устанавливаетъ то положеніе, что пріобрѣтеніе имущества должно основываться на производительномъ трудѣ. Исходя изъ того мнѣнія апостола Павла, что „если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ (Второе Посланіе къ Ѳесс., III, 10), Ѳома Аквинскій считаетъ физическій трудъ не только нравственно благимъ дѣломъ, но и необходимымъ требованіемъ божественнаго закона и естественнаго права. Однако это требованіе не можетъ быть, по его мнѣнію, предъявляемо къ каждому индивидууму въ отдѣльности, а только къ человѣческому роду въ цѣломъ. „Отдѣльный человѣкъ не можетъ самъ удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей“. Благодаря господствующему въ обществѣ раздѣленію труда, становится возможнымъ не требовать отъ каждаго физическаго труда. При этомъ каждый, кто желаетъ трудиться, имѣетъ и „право на трудъ“, но,—учитъ Ѳ. Аквинскій,—только обязанности имѣютъ рѣшающее значеніе [1]). Нѣкоторые изъ членовъ общества заслуживаютъ пропитанія дѣятельностью иного рода, столь же необходимой для общаго благополучія и для развитія хозяйственной жизни. Въ оцѣнкѣ того и другого вида дѣятельности Ѳома Аквинскій снова приближается нѣсколько къ Аристотелю, такъ какъ считаетъ физическій трудъ хотя и не презрѣннымъ, но все же стоящимъ ниже духовнаго. Столь же сильное вліяніе Аристотеля на Ѳому Аквинскаго сказывается и во взглядахъ послѣдняго на рабство. Подобно Аристотелю, онъ обосновываетъ необходимость рабства тѣмъ, что человѣкъ нуждается для веденія хозяйства въ помощи слугъ, которые „должны быть орудіемъ въ рукахъ хозяина“ (cum servus sit quasi instrumentum domini in operando [2]). Впрочемъ, Ѳома Аквинскій старается подчеркнуть, что власть хозяина должна ограничиваться лишь правомъ на трудъ раба, но не должна затрагивать его внутренней, духовной жизни, такъ какъ „въ духѣ и рабъ свободенъ“. Съ точки зрѣнія идеала, рабство вообще должно, по его мнѣнію, быть осуждаемо; оно до-

---

[1]) См. Цвиденекъ-фонъ-Зюденгорстъ: „Теорія и политика заработной платы“, рус. пер., СПБ, 1906 г., стр. 147.

[2]) Thomae Aquinatis: Summa Theologica, II, I-ый вопр., 105 § 4, и sent. ч. 36, кн. 1, § 4.

пустимо лишь, какъ учрежденіе существующаго права.

Вопросъ объ обмѣнѣ также занималъ Ѳому Аквинскаго и ему удалось, несмотря на отсутствіе у него спеціально посвященныхъ обмѣну работъ, вывести въ этой области церковную мысль на путь примиренія съ настойчиво заявлявшимъ о себѣ голосомъ жизни.

Въ сложной цѣпи развитія средневѣковыхъ ученій Ѳома Аквинскій играетъ роль перепутья. Старая, созданная канонистами на основаніи Аристотеля и нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія, теорія справедливой цѣны, justum pretium, и теорія денегъ болѣе не удовлетворяли. Онѣ стали въ полное противорѣчіе съ начавшею усиленно развиваться жизнью. Населеніе возрастало, раздѣленіе труда и промышленная дѣятельность получали все большее и большее развитіе, крестовые походы оживляли торговлю. . Экономическая жизнь все болѣе требовала заемнаго капитала и процентныхъ сдѣлокъ, а отцы церкви учили, что торговля— обманъ, что взиманіе процентовъ — грѣхъ и несправедливость. Необходимо было или опровергнуть ученіе церкви, что представлялось опаснымъ, или найти какой-нибудь примиряющій выходъ. Такой компромиссъ и находитъ Ѳома Аквинскій, а отсюда его историческая роль въ развитіи этого вопроса.

Свои взгляды на торговлю Ѳома Аквинскій излагаетъ въ особомъ вопросѣ „Summae Theologicae“. Этотъ вопросъ (77-ой), озаглавленный: „объ обманахъ, которые совершаются при покупкахъ и продажахъ“, раздѣленъ на 4 параграфа (Quaestio LXXVII, De fraudulentia, quae committitur in emptionibus et vendicionibus in quattuor articulos divisa). Въ опредѣленіи цѣнности онъ сходится съ Августиномъ, который (De civitate Dei, кн. XI, гл. 16) говоритъ, что „цѣна вещи разсматривается не по ея природѣ, такъ какъ иногда лошадь продается дороже раба, но по степени ея употребленія“, т. е., другими словами, въ зависимости отъ ея полезности, пригодности. Поэтому при обмѣнѣ „вознагражденіе должно производиться согласно полученной пользѣ“ [1]). Явленія, которыми часто сопровождается обмѣнъ, онъ называетъ грѣхами. „Мы должны разсмотрѣть грѣхи, которые

[1]) Th. Aquinatis: loc. cit., вопр. 77-ой, § 1.

касаются добровольнаго обмѣна; это, во-первыхъ, обманъ, который совершается въ покупкахъ и продажахъ; во-вторыхъ, процентъ, который бываетъ при займахъ. Что касается другого рода обмѣна не по собственной волѣ, въ немъ мы не находимъ никакого грѣха, который отличался бы отъ грабежа или отъ воровства". Тутъ возникаютъ вопросы: „позволяется ли продать что-нибудь дороже, чѣмъ оно стоитъ"? „Обязанъ ли продавецъ указать покупателю на недостатки продаваемой вещи" и „позволительно ли при занятіи торговлей продать дороже, чѣмъ куплено?" и т. д.

Отвѣты на эти вопросы заключаются въ слѣдующемъ: „Хотя купить что-нибудь дешевле или продать дороже стоимости вещи само по себѣ,—говоритъ Ѳома,—не дозволено и несправедливо, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообразно условіямъ покупающаго и продающаго и ихъ нуждѣ (въ вещи), можетъ быть позволено продать дороже и купить дешевле, чѣмъ вещь сама по себѣ стоитъ, но всегда будетъ грѣхъ, если съ этимъ связанъ какой-либо обманъ". „Продать и купить одну вещь за другую можно только въ должной мѣрѣ и качествѣ, въ противномъ же случаѣ недозволено". Что касается критерія оцѣнки вещей, то „въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ правители государства должны опредѣлить справедливыя мѣры продаваемыхъ вещей, принявъ во вниманіе условія мѣстности и вещей". Компромиссъ, допускаемый Ѳомою Аквинскимъ между требованіями жизни и нравственными законами, освященными писаніемъ, весьма сильно даетъ себя чувствовать, когда онъ обсуждаетъ вопросъ о томъ, обязанъ ли продавецъ указать недостатокъ продаваемой вещи, заботясь о своей безубыточности, пока это не обращается въ ущербъ или опасность покупателю, въ особенности, если изъянъ не замѣтенъ.

Для измѣренія цѣны предметовъ изобрѣтена, по словамъ Ѳомы Аквинскаго, монета. Вопросъ о деньгахъ разработанъ имъ особенно интересно въ произведеніи, носящемъ названіе: „De regimine principum" (1274). Необходимость денегъ для Ѳомы Аквинскаго несомнѣнный фактъ. Но все значеніе ихъ должно ограничиться ролью мѣновой мѣры цѣнности. Самостоятельнаго богатства деньги представлять не могутъ. Такимъ богатствомъ могутъ быть только есте-

ЭБ "Научное наследие России"

ственныя богатства земли. Деньги получаютъ значеніе орудія обмѣна, благодаря опредѣленіямъ общественной власти. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы онѣ могли не представлять никакой цѣнности. „Деньги должны быть дѣйствительно цѣнными и всякая поддѣлка ихъ пагубна для населенія“!

Совершенно недопустимымъ считаетъ Ѳома Аквинскій взиманіе процентовъ за ссужаемыя деньги и на томъ именно основаніи, что назначеніе денегъ заключается только въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна. „Нужно сказать,—говоритъ Ѳома Аквинскій,—что получать процентъ за отданныя взаймы деньги само по себѣ несправедливо, такъ какъ продается то, чего нѣтъ, вслѣдствіе чего устанавливается неравенство, которое противополагается справедливости. Для очевидности этого нужно знать, что существуютъ нѣкоторые предметы, пользованіе которыми есть самое ихъ потребленіе; какъ, напр., вино мы потребляемъ, пользуясь имъ для питья, и пшеницу потребляемъ, пользуясь ею для ѣды. Поэтому въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ считать отдѣльно пользованіе вещью для нея самой“. „Поступаетъ несправедливо и тотъ, кто даетъ взаймы вино или пшеницу, требуя получить обратно двойное возмѣщеніе“. „Деньги же,—согласно философу (Этика, кн. V, гл. 5, и Политика, кн. I, гл. 5 и 6),—главнымъ образомъ, изобрѣтены для совершенія обмѣновъ“, а такимъ образомъ собственно и главное пользованіе деньгами есть потребленіе ихъ самихъ, почему онѣ и уплачиваются при обмѣнахъ. „А потому само по себѣ недозволительно получать цѣну, которая называется пользованіемъ (процентомъ) за пользованіе деньгами, данными взаймы“ [1]).

Свои экономическіе взгляды Ѳома Аквинскій черпаетъ главнымъ образомъ у Аристотеля. Также какъ и онъ Аквинатъ разбирается въ вопросахъ о цѣнѣ, обосновываетъ и отстаиваетъ частную собственность, оправдываетъ умѣренное ростовщичество, равнодушенъ къ рабству, враждуетъ съ коммунистическимъ идеаломъ.

Своимъ ученіемъ о частной собственности Ѳома Аквин-

---

[1]) Тамъ же, вопросъ 78-ой, § 1.

ЭБ "Научное наследие России"

скій совершенно порываетъ съ прежнимъ направленіемъ христіанства и этимъ подготовляетъ почву для новыхъ вѣяній. [1])

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе ученія знаменитаго канониста XIII столѣтія. Сходныя съ нимъ мысли, притомъ часто съ новою аргументаціею, высказывали Гонзалецъ Теллецъ и Ваконій Вакунійскій. Послѣдній приравнивалъ присвоеніе „плодовъ отъ ссужаемыхъ денегъ“ воровству [2]). Дальнѣйшій ходъ развитія экономической мысли состоялъ прежде всего въ опроверженіи самыхъ основъ теоріи Ѳомы Аквинскаго и его послѣдователей.

Литература о соціально-экономическихъ воззрѣніяхъ Ѳомы Аквинскаго довольно богата Jourdain: La philosophie de Saint Thomas d'Aquin. 1858. Werner, K: Der W. Thomas von Aquine. 3 т. Регенсбургъ, 1859. Frohschammer: Die Philosophie des Thomas von Aquino kritisch gewurdigt. Лейпцигъ, 1889. Jourdain: Les commencements de l'économie politique dans les écoles du Moyen-Age, въ „Mémoires de l'Académie des ins. et. bel. let“ 28 т, 1879 Contzen, H. Geschichte der volkswirtschafflichen Literatur im Mittelalter. 2 изд. 1875 Antoniades: Die Staatslehre des Thomas von Aquino. Лейпцигъ, 1890. Maurenbrecher, M.: Thomas von Aquinos Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. Лейпцигъ, 1898. Franz Walter: Das Eigentum nach der Lehre des hl. Thomas von Aquin und des Socialismus. Фрейбургъ, 1895. Schaub, Fr.: Die Eigentumslehre nach Tomas von Aquin und dem modernen Socialismus. Фрейбургъ, 1898.

---

[1]) Walter, Franz: Das Eigentum nach der Lehre des hl. Thomas von Aquin und der Socialismus, Фрейбургъ, 1885 Schraul, Franz: Die Eigentumslehre nach Thomas von Aquin und dem modernen Socialismus. Фрейбургъ, 1898.

[2]) Изложеніе ученія Теллеца, Ваконія и нѣкоторыхъ другихъ, см. E. von Böhm-Bawerk: Geschichte und Kritik der Capitalzins-Theorien. I B. 2 Aufl. Innsbruk, 1900, стр. 22 и слѣд.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ III-ій.

Наканунѣ меркантилизма.

Гл. I. Зарожденіе меркантилизма.

I.

Вліяніе стройнаго и глубокопродуманнаго ученія канонистовъ на экономическіе взгляды было громадно и имѣло силу въ теченіе долгаго періода времени. Въ продолженіе всего XIV-го и начала XV-го вѣка цѣлый рядъ менѣе извѣстныхъ канонистовъ разрабатываетъ и повторяетъ воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго на цѣну, ростъ и процентъ. Таковы: Гонзалецъ Теллецъ, Ваконій, Цабарелла, Коваррузій. За ними идутъ другіе, менѣе оригинальные мыслители. Среди послѣднихъ, питающихся воззрѣніями первыхъ канонистовъ XIII вѣка, извѣстны: французы—Александръ д'Алессъ (1245) и Раймондъ де-Паппенфортъ (1265), итальянскій монахъ Павелъ Миноритъ „De regimine rectorum“ (1313 или 1315)[1]), Энгельбертъ (ум. 1331), монахъ Адмонтскаго монастыря въ Штиріи, которому принадлежитъ трудъ въ 7 книгахъ „De regimine principum“, наставникъ французскаго короля Филиппа Красиваго, монахъ августинскаго монастыря Эдигій Колонна, ученикъ Ѳомы Аквинскаго, написавшій „De regimine principum“ и Франческо Петрарка (1304—1374) съ его „De republica optime administranda“.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ неаполитанскій юристъ Андреа д'Изерніа (1220—1316), касавшійся экономическихъ вопросовъ въ своихъ трактатахъ по различнымъ вопросамъ юриспруденціи [2]).

---

[1]) Сочиненіе это переиздано Адольфомъ Муссафіа въ 1868 г. въ Вѣнѣ.

[2]) Л. Косса полагаетъ, что Д'Изерніа заслуживаетъ вниманія какъ защитникъ неотчуждаемости общественныхъ владѣній и какъ человѣкъ, писавшій „о преимуществахъ сдачи налоговъ на откупъ“. Впрочемъ самъ Косса руководится въ данномъ случаѣ словами другого автора, Л. Палумбо, издавшаго въ 1886 году въ Неаполѣ трактатъ объ этомъ авторѣ.

ЭБ "Научное наследие России"

Изъ младшихъ схоластическихъ писателей XIII вѣка отмѣтимъ Hanri de Gand („De mercimoniis et negotiationibus"), стоявшаго на почвѣ ученія Ѳомы Аквинскаго.

Канонистамъ подражали и свѣтскіе писатели. Мнѣ удалось найти неизвѣстный въ исторіи политической экономіи весьма интересный экономическій памфлетъ нѣкоего Albert'a von Blanckenburg'a, изданный въ 1562 году и посвященный жадности землевладѣльцевъ и ростовщичеству Заглавіе памфлета весьма оригинально. „Vom Juncker Geitz und Wucherteufel, so jezt in der Welt in allen Stenden gewalt iglichvegieret". Послѣ стиховъ, обращенныхъ къ благочестивому читателю и обширнаго къ нему прозаическаго воззванія, авторъ приступаетъ къ предисловію, въ которомъ, констатируя всеобщую жадность и страсть къ ростовщичеству, напоминаетъ, что „нашему міру существовать недолго", ибо послѣ 6 тысячъ лѣтъ его существованія онъ будетъ сожженъ и замѣненъ новымъ. Тогда наступятъ „Zwey tausend jhar O'de, zwey tausend jhar das Gesetz und zwey tausend jhar die Tag Messie".

Вся брошюра полна тѣми „свидѣтельствами" изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ которыхъ говорится противъ корысти и лихоимства. Увѣщевая и уговаривая „изъ-за временныхъ выгодъ не утрачивать благъ вѣчныхъ", авторъ указываетъ, что эти грѣхи дѣло рукъ діавола. Иногда онъ подкрѣпляетъ свои доводы ссылками на „философа", т е. Аристотеля. Общій тонъ памфлета боевой и страстный. И надо думать, въ тѣ дни это не было „единственное въ своемъ родѣ" произведеніе.

Повидимому, памфлеты играли въ общественной жизни того времени довольно крупную роль. Особенно интересовались всѣмъ, что касалось качества денегъ, вопроса о хорошей и плохой монетѣ, повышенія цѣнъ и пр. Литература этого рода уже подходила къ нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ будущей экономической науки и въ силу разумности и глубины высказанныхъ взглядовъ можетъ быть признана родоначальницею современной политической экономіи. Таковы, напримѣръ, анонимные памфлеты альбертинцевъ, сочиненія епископа Орезміуса и Николая Коперника. Эти сочиненія, какъ одни изъ древнѣйшихъ памятниковъ европейской экономической литературы, требуютъ къ себѣ особаго вниманія. Къ этимъ сочиненіямъ мы и перейдемъ.

II.

Развитіе новыхъ условій жизни, приводившее къ необходимости въ наличныхъ деньгахъ, заставляло тогдашнихъ государей Европы изыскивать средства къ притоку денегъ

© "Научное наследие России"

и усиленному выпуску монеты. Невѣжество и алчность естественно подсказали прежде всего простѣйшій путь обогащенія: ухудшеніе качества монеты, ея фальсификацію и порчу во всевозможныхъ направленіяхъ.

Такая „почтенная“ дѣятельность не могла долго оставаться безнаказанною. Возникла экономическая неурядица, населеніе разорялось и голодало, и, наконецъ, все громче роптало. Вскорѣ появились листки, памфлеты, записки, гдѣ доказывался вредъ „новаго“ порядка и излагалась истинная природа денегъ. Къ числу болѣе видныхъ памфлетовъ относятся въ Германіи такъ называемые альбертинскіе, во Франціи—двумя вѣками раньше—Орезміуса.

Когда въ началѣ XVI вѣка саксонскіе государи изъ Альбертинскаго и Эрнестинскаго дома занялись усиленною поддѣлкою монетъ, противъ нихъ возсталъ анонимный авторъ „Gemeine Stymme von der Münze“ [1]), вызвавшій отвѣтъ со стороны правительства („Die Münz Belangende“). Контръ-отвѣтъ („Apologia und Verantwortung“) также не замедлилъ послѣдовать. Эти три сочиненія, вновь недавно переизданныя, носящія общее названіе „Трехъ памфлетовъ о монетномъ спорѣ альбертинцевъ и эрнестинцевъ“ [2]) являются также, какъ и сочиненіе Орезміуса, родоначальниками и старѣйшими памятниками современной экономической литературы.

Литературныя произведенія, касавшіяся, подобно упомянутымъ только что памфлетамъ, вопроса о монетѣ, имѣли въ средніе вѣка огромное значеніе. Этотъ, повидимому, частный вопросъ, служилъ пунктомъ, вокругъ котораго главнымъ образомъ вертѣлись всѣ политико-экономическія концепціи того времени. Объясняется это, конечно, тѣмъ значеніемъ, которое въ государствахъ Европы пріобрѣло въ то время накопленіе денежныхъ запасовъ.

Хорошо извѣстная еще древнимъ цивилизаціямъ

---

[1]) Недавно Wuttke нашелъ въ дрезденскомъ архивѣ неоспоримыя доказательства, что авторъ эрнестинской рукописи—нѣкій Reichmeister Adam Ries. Сохранилась рукопись и таблица умноженія, написанная Рисомъ, почеркъ которыхъ тотъ же самый, что и эрнестинской рукописи.

[2]) „Die drei Flugschriften uber den Munzstreit der Sachsischen Albertiner und Ernestiner um 1550“. Издали, перевели и объяснили K. Lotze и D—r Walter Lotz. Лейпцигъ, 1893 г., выпускъ 8-ой собранія древнихъ авторовъ: „Sammlung alterer etc.“, подъ ред. L. Brentano и E Leser'a.

ЭБ "Научное наследие России"

чеканка металлическихъ денежныхъ знаковъ сдѣлалась подъ вліяніемъ разложенія натуральнаго хозяйства существеннымъ элементомъ политики. Увеличивающіяся потребности обмѣна не могли уже удовлетворяться тѣми запасами золота и серебра, которые были въ распоряженіи Европы. Пришлось прибѣгнуть къ чеканкѣ низкопробной серебряной и мѣдной монеты. Мѣдная монета не была новостью въ исторіи. Ее чеканили уже и въ древнемъ мірѣ. Въ Римѣ, какъ извѣстно, въ ходу была мѣдная монета, называвшаяся „а с с ъ“. Теперь она появилась въ массѣ новыхъ типовъ и, будучи денежнымъ знакомъ весьма малаго достоинства, сдѣлалась доступной массамъ народа.

Чеканку монеты вѣдали государи, свѣтскія, духовныя и нѣкоторыя юридическія лица, какъ, напримѣръ, рыцарско-монашескіе ордена или вольные города, владѣвшіе суверенными правами. Чеканка монеты приносила извѣстный доходъ скудной казнѣ тогдашнихъ правителей. Съ усиленіемъ центральной власти прежній бюджетъ становился все болѣе и болѣе недостаточнымъ, приходилось изыскивать новые источники. Крайняя нужда въ деньгахъ вызвала фальсификацію монеты самими правительствами. Какъ въ наше время при введеніи бумажныхъ денегъ и цѣнностей первое время увлекались издѣліями печатнаго станка, такъ и тогда въ фальсификаціи монеты видѣли дешевое средство добыванія денегъ. Скоро финансовая политика всѣхъ странъ поставила своимъ девизомъ поддѣлку монеты. Монету поддѣлывали и удешевляли самыми безсовѣстными способами.

Любопытенъ тотъ фактъ, что фальсификаціи подверглась, главнымъ образомъ, м ѣ д ь, металлъ, обращавшійся преимущественно въ низшихъ слояхъ народныхъ массъ. Благородные же металлы, въ особенности золото, этой операціи не подвергались. Золотая монета была въ ходу только среди людей состоятельныхъ, могущихъ немедленно замѣтить поддѣлку, внутри же страны, въ народѣ, бѣдствовавшемъ и голодавшемъ, золото было совсѣмъ неизвѣстно. При томъ же золото въ большинствѣ случаевъ шло на вѣсъ, что опять таки способствовало обнаруженію неполновѣсности, фальсификаціи. Французскіе, англійскіе, итальянскіе, нѣмецкіе и польскіе правители усердно портили монету цѣлыя столѣтія. Величайшимъ поддѣлывателемъ монетъ можетъ считаться французскій король Филиппъ Красивый. То же

ЭБ "Научное наследие России"

самое продѣлывалось и у насъ въ Россіи. Монета „удешевлялась“ и при великихъ князьяхъ и при царяхъ московскихъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ были настоящіе мѣдные кризисы и народные безпорядки, выванные ненормальностями денежнаго обращенія [1]).

Поэтому отъ такихъ „финансовыхъ мѣръ“ пришлось въ скоромъ времени отказаться. Къ тому же мыслители и писатели среднихъ вѣковъ, увидавъ результаты подобныхъ правительственныхъ мѣропріятій, выступили въ защиту стараго порядка. Они порицали правительства и поясняли вредъ, проистекающій отъ порчи монеты для населенія. Имъ пришлось впервые разбираться въ сложномъ вопросѣ денежнаго обращенія и тѣмъ самымъ положить начало современной экономической наукѣ и поздѣйшимъ финансовымъ ученіямъ.

Такимъ образомъ, можно считать, что современныя теоріи денежнаго обращенія возникли въ результатѣ борьбы съ правительственною политикою въ области ухудшенія монетъ [2]).

Первыми выступили въ этомъ направленіи французы, среди которыхъ выдѣляются Филиппъ Дюбуа и Николай Орезміусъ [3]). Въ 1300 г. Филиппъ Дюбуа въ своемъ сочиненіи „Summa brevis“ горячо упрекаетъ короля Филиппа Красиваго за порчу монеты и говоритъ, что это угрожаетъ большими опасностями. Онъ вскорѣ повторилъ свои напоминанія въ новомъ сочиненіи „De recuperatione sanctae terrae“, написанномъ въ 1306 году [4]).

Особенно крупную роль въ исторіи вопроса сыгралъ замѣчательно даровитый епископъ Николай Орезміусъ, учитель Карла V-го [5]). Человѣкъ рѣдкаго образованія и трудолюбія, онъ перевелъ Аристотеля, философовъ, Библію и написалъ превосходное сочиненіе о деньгахъ, гдѣ въ краткихъ и поразительно вѣрныхъ чертахъ даетъ цѣлую теорію денежнаго обращенія. Небольшой трактатъ Орезміуса

---

[1]) См. Брикнеръ: „Мѣдныя деньги въ Россіи“. Стр.

[2]) Ср. Ernest Babelon: „La théorie féodale de la monnaie“, Парижъ, 1908 г.

[3]) Кромѣ нихъ въ XIV вѣкѣ писали: Жанъ Бюриданъ (1350) Дюранъ де-Сентъ-Пурсенъ (1359), Филиппъ де-Мезьеръ (1362), Жанъ Герзонъ (1420), Генрихъ Лангенштейнъ (онъ же Accia) и Генрихъ де-Гойта.

[4]) См. Onken: Geschichte etc., томъ I.

[5]) Onken, A. (Geschichte der Nationalökonomie, томъ I), совершенно несправедливо считаетъ Орезміуса не заслуживающимъ того мѣста въ исторіи экономической науки, какое ему отводитъ Роширъ.

является родоначальникомъ обширной литературы послѣдующихъ вѣковъ, посвященной вопросу о деньгахъ, но ни у кого изъ послѣдующихъ писателей нельзя найти такихъ вѣрныхъ взглядовъ и положеній.

Сочиненіе Николая Орезміуса озаглавлено: „Tractatus brevissimus optimis tamen sententiis refertissimus, de mutatione monetarum ac variatione facta per reges aut principes editus, a reverendo in Christo patre Nicolao Oresmio Lexoviensis, quondam antistote, theologo pariter ac philosopho acutissimo". Оно появилось въ печати впервые въ 1511 году въ Парижѣ [1]). Написано же оно было въ серединѣ XIV вѣка. Такъ какъ книгопечатанія еще не существовало, то трактатъ по обычаю того времени распространялся во множествѣ рукописныхъ копій. Рядъ такихъ списковъ сохранился во французской Національной Библіотекѣ. Среди хранящихся тамъ списковъ три признаны наиболѣе ранними [2]). Ими и пользовался французскій экономистъ проф. Воловскій, переиздавая въ 1884 году латинскій текстъ трактата съ интереснымъ введеніемъ и французскимъ переводомъ [3]).

---

[1]) Отпечат. въ тип. Томаса Кетта: Parisii Thomae Kett circa an. 1511

[2]) Одинъ изъ нихъ, болѣе изящный, озаглавленъ: R. P. D. Nicolai Oresmii Lexoviensis Episcopi et praeceptoris Caroli V cognomento sapientis Regis Christi Tractatus de origine et naturae jure et mutationibus monetarum.

[3]) Въ печати знаменитый трактатъ Орезміуса появился впервые въ томѣ 9-омъ собранія сочиненій средневѣковыхъ богослововъ: „Sacra Bibliotheca Sanctorum Patrum" Послѣднее издавалось въ Парижѣ Margarinus'омъ de la Bigne; девятый томъ вышелъ въ 1859 г. Вскорѣ, въ самомъ началѣ XVII столѣтія, появилось новое изданіе трактата въ собраніи сочиненій о деньгахъ (Op. de moneti), предпринятомъ Готардомъ Фогелиномъ въ 1605 г. въ Лионѣ. Слѣдующее изданіе было предпринято въ 1642 г. въ Аугсбургѣ Давидомъ Ѳомою де-Гагельштейномъ и носило названіе. „De origine et jure nec non et de mutationibus monetarum". Этимъ изданіемъ пользовался Роширъ Четвертое изданіе трактата вышло въ 24 томѣ громаднаго собранія „Maxima Bibliotheca Veterum Patrum" съ помѣткою „primo quidem a Margarino de la Bigne in lucem exita, 1697, Lugdini apud Aussonios". Въ этомъ изданіи имѣется замѣтка: „Fuit hic Nicolaus Oresmius Caroli V Francorum Regis cognomento sapientes praeceptor, qui multos Aristotelis, Ciceronis aliorumque autorum libros convertit in gallicam linguam, larebat circa annum Domini, 1376". На французскій языкъ сочиненіе Орезміуса было переведено и напечатано въ XV столѣтіи Это старинное изданіе составляетъ величайшую рѣдкость: оно сохранилось всего въ одномъ экземплярѣ. Какъ видно изъ надписи на экземплярѣ, принадлежащемъ нынѣ французской Національной Библіотекѣ (въ 1811 г. при продажѣ книгъ нѣкоего Hallet de Couronne этотъ экземпляръ въ числѣ другихъ изданій Коларда Манзіона былъ купленъ Ванъ-Претомъ (van Praet) за 670 франковъ и пожертвованъ впослѣдствіи французской Національной Библіотекѣ). (Ср. van Praet:

ЭБ "Научное наследие России"

Въ XVIII и первую половину XIX вѣка Николай Орезміусъ былъ совершенно забытъ. Его какъ бы „открылъ“ и ввелъ въ науку нѣмецкій экономистъ-историкъ Вильгельмъ Рошеръ, сдѣлавшій объ Орезміусѣ особый докладъ въ 1862 году во французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ [1]).

Какъ ни привлекательны стремленія „отцовъ церкви“ сдѣлать общественную жизнь отвѣчающей требованіямъ идеала, однако они не могли найти себѣ опоры въ дѣйствительности. Приходилось признать за жизнью ея права и считаться съ ея велѣніями, внимательно изучая ея законы. Орезміусъ сталъ именно на этотъ путь. Ему представлялось необходимымъ заняться прежде всего самымъ живымъ въ его время вопросомъ, вопросомъ о деньгахъ. Съ этимъ вопросомъ связывается у него и проблема цѣнности.

Орезміусъ стремился разрушить тѣ предразсудки относительно роли денегъ, которые позволили видѣть въ нихъ какой-то самостоятельный источникъ богатства. „Деньги сами по себѣ не составляютъ,—говорилъ Орезміусъ,—богатства, деньги—простая мѣновая цѣнность, онѣ получаютъ свою цѣну не отъ указа короля, а только отъ того количества благороднаго металла, которое заключается въ каждой монетѣ“.

Если государство хорошо организовано, то при извѣстныхъ условіяхъ можно выпустить и условные денежные знаки, но при этомъ количество ихъ должно быть строго сообразовано съ тѣми нуждами, которыя вызываютъ выпускъ условныхъ знаковъ. Всякая же порча, измѣненіе установленной стоимости денежной единицы—есть посягательство на народный карманъ. Орезміусу представляется желательнымъ

Notice sur Colard Mansion, libraire et imprimeur de la ville de Bruges dans le quinzième siècle, Парижъ, 1829, стр. 63) Переводъ былъ изданъ въ Брюггѐнѣ Колардомъ Манзіономъ, извѣстнымъ въ городѣ издателемъ и книгопродавцемъ

[1]) Докладъ проф В. Рошера и обширное введеніе проф. Воловскаго вошли въ роскошное изданіе трактата Орезміуса, вышедшее въ 1864 г подъ заглавіемъ: „Traité de la première invention des monnaies de Nicole Oresme; texte français et latin... publié et annoté par L. Wolowsky, membre de l'Institut“, Парижъ (Guillaumin), 1864 Воловскій издалъ два текста Орезміуса: на старо-французскомъ языкѣ и на латинскомъ Первый воспроизведенъ съ хранящагося во французской національной библіотекѣ манускрипта и свѣренъ съ изданіемъ Коларда Манзіона, второй напечатанъ съ лучшаго и старѣйшаго манускрипта Именно этимъ изданіемъ я и пользуюсь при дальнѣйшемъ изложеніи.

ЭБ "Научное наследие России"

введеніе повсюду однообразной монетной системы. „Оно было бы возможнымъ,—говоритъ Орезміусъ,—если бы сильные міра сего, напримѣръ, свѣтскіе государи и папа римскій стремились къ этому. Болѣе слабыя государства волею-неволею должны были бы подчиниться установленной нормѣ. Если даже оказалось бы, что система избрана не совсѣмъ удачно, то и тогда при полномъ однообразіи отъ этого не возникло бы большихъ затрудненій".

Существуютъ однако, по мнѣнію Орезміуса, безусловно необходимыя требованія, которымъ должны удовлетворять деньги. Они заключаются въ томъ, чтобы деньги представляли извѣстную цѣнность и состояли исключительно изъ металловъ. Монета должна выпускаться высокопробная. Въ противномъ случаѣ оказался бы подорваннымъ кредитъ и потерпѣла бы ущербъ внѣшняя торговля [1]).

Драгоцѣнный вкладъ въ обширную литературу о деньгахъ внесъ также Николай Коперникъ (1473—1543), великій польскій астрономъ. По порученію польскаго короля Сигизмуда и канцлера Шидловецкаго онъ написалъ въ 1526 году замѣчательное сочиненіе „Monetae cudendae ratio". Оно было въ свое время распространено въ спискахъ и напечатано впервые въ началѣ XIX столѣтія. „Какъ бы ни были многочислены причины, которыя ведутъ къ упадку государство, — начинаетъ свое сочиненіе Коперникъ, — наиболѣе вліятельными изъ нихъ являются, по моему мнѣнію, четыре: междоусобіе, смертность, неплодородіе земли и паденіе стоимости денегъ (monetae vilitas) Первыя три настолько очевидны, что никто не обрѣтается по отношенію къ нимъ въ невѣдѣніи, но четвертая, касающаяся денегъ, извѣстна только немногимъ ученымъ и умнымъ людямъ, вслѣдствіе того, что она разрушаетъ государство не сразу, а понемногу, дѣйствуя какъ бы скрытымъ образомъ".

---

[1]) Объ Н. Орезміусѣ и его трактатѣ писали: W. Roscher, въ „Comptes rendus de l'Académie de sciences morales et politiques", т. LXII, стр. 435 и слѣд.; онъ же въ „Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland", Мюнхенъ, 1874, стр 24—28; Meunier, F. Essai sur la vie et les ouvrages de Nicolas Oresme, Парижъ, 1857; Séguin: Histoire des évêques de Lisieux, 1832; Lecointre-Dupont: Lettres sur l'histoire monétaire de la Normandie et du Perche, 1848; Боловскій въ предисловіи къ изданію трактата, 1884, Prou: Esquiss de la politique monétaire des rois de France, Парижъ, 1901. Emile Bridrey: Nicole Oresme. La théorie de la monnaie au XIV-e siècle, а также Contzein: Die Nationalokonomie im Mittelalter

ЭБ "Научное наследие России"

Выясняя сущность денежнаго обращенія, Коперникъ высказываетъ ту мысль, что деньги являются въ извѣстномъ смыслѣ общимъ мѣриломъ стоимости („est ergo moneta tanquam mensura quaedam communis aestimationis"), но это мѣрило должно быть всегда опредѣлено и закрѣплено закономъ; иначе продавцы и покупатели могутъ быть обмануты. Монеты должны находиться подъ строгимъ контролемъ государства и быть однообразны по всей его территоріи. Порча монеты въ Пруссіи привела къ упадку это государство. Монеты должны чеканиться только изъ благородныхъ металловъ. золота и серебра, а не изъ сплавовъ, такъ какъ эти драгоцѣнные металлы не мѣняютъ своей стоимости. Не должны монеты также дѣлаться изъ кожи. Что касается взаимоотношенія золота и серебра, то оно согласно наблюденіямъ должно быть признано равнымъ отношенію 1 : 12. „Hoc argumento invenimus communiter apud omnes gentes libram unam auri puri tantum valere, quantum argenti puri librae XII". Въ заключеніи (Epilogus reductiones monetae) Коперникъ приходитъ къ слѣдующимъ, необходимымъ, по его мнѣнію, положеніямъ: во-первыхъ, деньги должны измѣняться только по зрѣлому обсужденію вопроса Государственнымъ Совѣтомъ, по его единодушному постановленію; во-вторыхъ, для чеканки монеты должно быть избрано одно опредѣленное мѣсто, при чемъ на монетѣ должна чеканиться не эмблема отдѣльнаго города (civitas), а всей страны (quottiterrae). Эта эмблема указывала бы на то, что монета сохраняетъ свою цѣнность по всему пространству королевства; въ-третьихъ, при выпускѣ новой монеты, монета стараго чекана должна быть переплавляема или уничтожаема; въ-четвертыхъ, дѣленія фунта должны быть строго согласованы съ разъ принятымъ рѣшеніемъ. Въ-пятыхъ, необходимо избѣгать слишкомъ многочисленныхъ типовъ монеты и, наконецъ, въ-шестыхъ, всѣ части монетной единицы (ея подраздѣленія) должны чеканиться и выпускаться одновременно.

Во второй половинѣ того же XVI вѣка сочиненія о деньгахъ становятся очень распространенными. О нихъ пишутъ итальянцы, которые и раньше усиленно занимались этимъ вопросомъ, французы и англичане[1]).

[1]) Бартоло ди Сассоферато въ XIV в, Мартино Гарато и Франческо Корти въ XV в, Юлій Агрикола („De

Изъ числа писателей этой категоріи выдѣляются: итальянецъ Альберто Бруни, писавшій въ извѣстномъ тогда сборникѣ „De monetiis“, Бернардо Даванцати („Lezione della moneta“, 1588 г.), Гаспаро Скаруффи, Джіовани Турболо, испанецъ Маріано изъ Толедо (1599), французы: Гарро (Garrauet,—1586 г.), Бутру (Boutteroue,—1666 г.), Буазаръ (Boizard,—1692 г.) и Жанъ Боденъ. Въ сочиненіи послѣдняго „О Республикѣ“ (1576 г.), предлагаются чеканка монеты изъ чистаго металла (безъ лигатуры), единство монетныхъ дворовъ, введеніе биметаллизма при отношеніи серебра къ золоту, какъ 1:12. Позднѣе тотъ же вопросъ о деньгахъ трактуютъ въ Англіи труды сэра Вильяма Петти, Джона Локка, Николая Барбона, Исаака Ньютона, Джозефа Гарриса. Но такъ какъ послѣдніе изъ названныхъ писателей сыграли видную роль въ послѣдующемъ развитіи экономическихъ идей, то мы откладываемъ ихъ изложеніе до слѣдующихъ главъ.

Литература этого періода, помимо указанныхъ въ сноскахъ сочиненій, сводится главнымъ образомъ къ трудамъ: C Conigliani La dottrina monetaria in Francia durante di medio evo. Модена 1890 г A. Saetbeer· Litteraturnachweis uber die Geltung des Munzwesen Берлинъ, 1892. Ernest Babelon: La théorie féodale de la monnaie Парижъ, 1908. Нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній можно найти и въ устарѣломъ очеркѣ Рошера: Ueber die Bluthe deutscher Nationalokonomie im Zeitalter der Reformation, напечатанномъ въ „Berichte der sachsischen Gesellschaft der wiss phil-hist. Classe“ за 1862, стр. 145 и слѣд

Гл. 2. Наканунѣ меркантилизма въ Россіи.

1. Даніилъ Заточникъ и Поученія Соловецкаго Измарагда (протестъ противъ соціальнаго неравенства). „Слово о Правдѣ“ Стефана Вонифатьева II Отношеніе къ проценту. Сказаніе о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ III. „Домострой“ Сильвестра Медвѣдева. — Его экономическое содержаніе. IV. А. Л. Ордынъ-Нащокинъ. Его экономическое міровоззрѣніе и начинанія. V Подготовительная эпоха. О Юріѣ Крыжаничѣ „Инструкція“ Волынскаго.

I. Средневѣковая Русь рѣзко отличается отъ современныхъ ей европейскихъ странъ отсутствіемъ идейной работы въ области соціальнаго вопроса и неформулированностью своихъ общественно-экономическихъ желаній и воззрѣній. Грубый произволъ, притѣсненія, систематическое истязаніе

---

rerum metallica“, 1535 г.), Августъ Нифъ („De divitiis“, 1531 г.), Антоніо Сола (1541).

ЭБ "Научное наследие России"

рабовъ-холоповъ, безпощадное ростовщичество, подкупность суда, пытки, — все это не встрѣчало отпора ни со стороны лучшихъ людей, ни со стороны массы [1]). И если рѣдко, крайне рѣдко слышался гдѣ-либо голосъ протеста или твердое заявленіе возмутившейся мысли, — это былъ просто вопль истерзанной души, просто неоформленный крикъ негодованія. Онъ исходилъ изъ низшихъ слоевъ населенія, отъ народа.

Этотъ вопль мы встрѣчаемъ во многихъ памятникахъ; въ знаменитомъ словѣ несчастнага Даніила Заточника, въ рядѣ сказаній, проповѣдяхъ, въ церковныхъ поученіяхъ и проч. Онъ интересенъ и важенъ какъ характеристика отношенія народа къ соціальной проблемѣ, какъ свидѣтельство о чувствѣ соціальнаго протеста.

Благородный Даніилъ Заточникъ предпочитаетъ нищету, связанную съ нравственной свободою, матеріальному благополучію въ домѣ своего притѣснителя. „Лучше мнѣ видѣть,—восклицаетъ онъ изъ далекаго заточенія,—свою ногу въ лаптѣ, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько не гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ“.

Въ нѣкоторыхъ церковныхъ проповѣдяхъ, разысканныхъ А. Щаповымъ въ монастырскихъ библіотекахъ,[2]) также встрѣчается этотъ вопль, но цѣнность его въ значительной мѣрѣ умаляется общимъ свойствомъ всѣхъ церков-

---

[1]) „Богатые и сильные“,—по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка епископа Серапіона,—„акы звѣрье“ въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію „жаждали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнія порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества“ („Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ“ за 1843 г, ч 2, стр 195).

[2]) См. А Щаповъ: Голосъ древне русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Казань, 1859. Изъ этой интересной брошюры мы и заимствуемъ нѣсколько приводимыхъ далѣе текстовъ поученій.

ЭБ "Научное наследие России"

ныхъ проповѣдей, обыкновенно далекихъ отъ жизни и чуждыхъ реальныхъ мотивовъ,—впадать въ декламатическій тонъ, чуждый искренности и простоты

Впрочемъ, и здѣсь встрѣчаются выраженія неподдѣльнаго и глубокаго негодованія „Богачъ,—гремитъ „Слово о немилостивыхъ богатыхъ“ невѣдомаго пастыря въ рукописномъ Измарагдѣ XV вѣка, сохранившемся въ библіотекѣ Соловецкой обители.—ты зажегъ на свѣтильникахъ Церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобою рабы, сироты и вдовы съ воздыханіемъ къ Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О, лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня,—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада, потравили нивы спротины, а другіе рабы твои мукою и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,—тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда дастъ“.

Позднѣе, обличеніе общественнаго неустройства и хозяйственныхъ укладовъ страны становится уже на болѣе конкретную почву. Въ нихъ начинаютъ слышаться уже указанія на недостатки финансоваго хозяйства, на неравномѣрность обложенія, на обременительную и невозможную систему организаціи взиманія налоговъ и оброковъ и т. п. Изъ писаній и обличеній подобнаго типа обращаетъ на себя вниманіе любопытный проектъ. приписываемый Стефану Вонифатьеву, духовнику царя Алексѣя. объ основаніяхъ благоустройства крестьянства. Онъ помѣщенъ въ „Словѣ о Правдѣ“, напечатанномъ въ книгѣ 2-ой „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи“. „Если поискать въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя, — льстиво говорится здѣсь,—то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою

правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. Ибо вельможи нужны, но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего, нужны земледѣльцы; отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ .. Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней, на ямскіе расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры—писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врозь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію—отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупками богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ большими прибытками. Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ“.

II. Податная система и порядокъ взиманія въ древней Руси вообще являлись большимъ зломъ для населенія.

Какъ сборщики податей, особенно мыта, такъ и ростовщики вызывали глухой народный ропотъ. Мытари, сборщики пошлинъ, или мыта, считались великими грѣшниками: „мытоимство разбойничества злѣе“. Также смотрѣли и на взиманіе процентовъ, „рѣзовъ“, которые доходили до невѣроятной высоты. Русская правда узаконяла необыкновенно высокій ростъ, результатомъ котораго являлась кабала. Въ XIII, XIV и XV вв. „рѣзы“ были также очень высоки. Взиманіе большихъ процентовъ считалось дѣломъ кровавымъ

ЭБ "Научное наследие России"

(„кровавое рѣзоимство“). Митрополитъ Никифоръ въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ, что плоть братскую ѣдятъ рѣзоимцы. Но онъ не настаиваетъ, какъ можно было бы ожидать, на полной отмѣнѣ процента и лишь рекомендуетъ ихъ пониженіе. По его мнѣнію слѣдуетъ взимать „на пять шестой“, т. е. не болѣе 20% .

Къ сужденію народа о ростовщичествѣ даетъ намъ характерную иллюстрацію новгородское сказаніе о посадникѣ Щилѣ Въ юности Щилъ былъ великій рѣзоимецъ, чѣмъ нажилъ себѣ большое состояніе. Почувствовавъ приближеніе смерти и желая „замолить грѣхи“, посадникъ строитъ обширный храмъ. на освященіе котораго приглашается архіепископъ. Послѣ освященія Щилъ все же не успокаивается и проситъ у владыки совѣта о полномъ очищеніи отъ грѣховъ. Архіепископъ совѣтуетъ лечь посреди церкви въ саванѣ въ гробъ и отпѣть себя. Но когда совѣтъ былъ исполненъ, совершается чудо: живой „мертвецъ“ съ гробомъ проваливается въ разступившуюся землю. Только посадскому сыну. совершившему рядъ богоугодныхъ дѣлъ, удается отмолить отца и гробъ постепенно возвращается на поверхность земли.

Подобнаго рода легенды при своей образности уже аллегорически рисуютъ общее направленіе мысли и настроеніе народныхъ массъ. Трудно точно указать, гдѣ начинаются первые этапы русской общественной мысли, гдѣ первая заря нашего народно-хозяйственнаго самосознанія. Медленно, едва замѣтно пробиваются они на протяженіи вѣковъ.

III. Мы выше уже видѣли, какъ опредѣлялось народное отношеніе къ соціальному вопросу и хозяйственнымъ явленіямъ. Высшіе и притомъ зажиточные классы смотрѣли иначе: они поучали въ своихъ книгахъ обогащенію. Таковъ цѣнный памятникъ XVI в. знаменитый „Домострой“ протопопа Сильвестра Медвѣдева. Вотъ характерное зеркало времени, типичный выразитель воззрѣній вѣка!

О „Домостроѣ“ Сильвестра очень много писали; и книга и ея авторъ хорошо извѣстны каждому школьнику, а безсмертныя крылатыя выраженія варварской патріархальности—у всѣхъ на устахъ. Въ дальнѣйшемъ памятникъ разбирается съ иной точки зрѣнія: мы дѣлаемъ попытку опредѣлить его соціально-экономическое содержаніе, вы-

ЭБ "Научное наследие России"

дѣлить зерно политико-экономическихъ взглядовъ его составителя [1]).

„Домострой“ не знаетъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго. Матеріальный бытъ подданныхъ составлялъ тогда еще одну изъ вѣтвей хозяйства властителя, который по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ князей разсматриваетъ страну, какъ свое имѣніе. Поэтому „Домострой“ могъ представлять собою только сводъ правилъ домашней экономіи, принципы которой, какъ принципы частнаго хозяйства, антагонистичны общественно-хозяйственнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Домострой“ даетъ намъ картину замкнутаго и самодовлѣющаго полуфеодальнаго хозяйства, въ которомъ уже въ значительной мѣрѣ развиты потребности. Каково было въ эту эпоху крестьянское хозяйство, мы изъ этого памятника не узнаемъ, ибо „Домострой“ не знаетъ крестьянства; правила его непригодны для деревенскаго хозяйства, а лишь для домоводства „избранныхъ“. Только князь да большой бояринъ, имѣющій чревоугодливое настроеніе крѣпостника, большія владѣнія и множество домочадцевъ, могъ что-либо почерпнуть изъ наставленій московскаго протопопа. Въ этомъ, конечно, могла бы быть и хорошая сторона этого сочиненія: „Домострой“ не могъ имѣть значительнаго распространенія въ массахъ, но если, впрочемъ, вспомнить что говоритъ о тогдашнихъ массахъ Флетчеръ, то всѣ слова замираютъ на устахъ.

По своему матеріальному содержанію и по характеру изложенія „Домострой“—простая сводка практическихъ рецептовъ и лукавыхъ совѣтовъ, проникнутыхъ духомъ мелочнаго скопидомства и тревожной подозрительности. Это одна изъ разновидностей поученій въ той „разумной и трезвой“ экономіи, которою во всѣ времена гордилось всесвѣтное мѣщанство. За рецептами лукулловскихъ постныхъ блюдъ и за перечисленіемъ средствъ сохраненія столь обильныхъ запасовъ, что имъ могли бы позавидовать наиболѣе прожор-

---

[1]) Съ экономической точки зрѣнія подходили къ оцѣнкѣ „Домостроя“ проф В. Н Лешковъ („Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи“) и А. Брикнеръ („Иванъ Посошковъ“). Первый, пытаясь установить несуществовавшую въ дѣйствительности преемственность во взглядахъ Сильвестра, Волынскаго и Посошкова, приходитъ въ полное умиленіе отъ домостроевской проповѣди „правильнаго житія“, которую считаетъ „истинно-христіанскою философіею“. Второй касается Домостроя лишь какъ небольшого эпизода предшествовавшей Петру эпохи.

ЭБ "Научное наследие России"

ливые гоголевскіе персонажи, слѣдуютъ варварскія правила обращенія съ домочадцами и слугами и рядъ плутовскихъ совѣтовъ для производства выгодной покупки и прибыльной продажи. Особенно антипатична современному чувству послѣдняя, 64-я по счету, глава „Домостроя", содержащая „посланіе и наказаніе отца (т. е. самого попа Сильвестра) къ сыну (Анфиму)". Но, по крайней мѣрѣ, эта глава даетъ цѣльное впечатлѣніе, тогда какъ остальная часть представляетъ механическую смѣсь всевозможныхъ отрывковъ изъ пестрой книжной сокровищницы древней Руси. Чего тутъ только нѣтъ! И начало „Стоглава" Геннадія, патріарха Константинопольскаго, и „Измарагдъ" Златоуста и курьезный сборникъ „Златая цепь", и „Прологъ", и „Поученіе Серапіона Владимірскаго"...

Кромѣ всего этого, заимствованнаго „безъ ссылокъ на источники", попадаются краткія выписки изъ „Номоканона", изъ „Соборныхъ Постановленій" и т. п. Послѣднія уже съ прямыми указаніями источниковъ. Такимъ образомъ, работа Сильвестра скорѣе редакторская; но однако чѣмъ больше историческая и филологическая критика развѣнчивала его, какъ самобытнаго автора, тѣмъ цѣннѣе становился этотъ памятникъ, какъ зеркало коллективной мысли эпохи.

Переходя къ самой экономикѣ Домостроя, необходимо замѣтить, что чисто хозяйственные вопросы занимаютъ 23 главы, что составляетъ около одной трети всей книги. Но ни въ одной главѣ нѣтъ ни единой общей мысли, кромѣ вульгарныхъ наставленій узкой прописной морали. „Торгуй полюбовно, а деньги плати вручъ".—„Хотя и ненадобе, а дешево—купи".—„Запасено слишкомъ, на томъ деньги будутъ съ прибылью".—Вотъ важнѣйшіе хозяйственные тезисы „Домостроя. Не спасаютъ убогости содержанія и вкрапленныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ филантропическія декламаціи въ лицемѣрно-елейномъ стилѣ. Напримѣръ: „Смирена Богъ любитъ, а покорѣному Богъ благодать даетъ" или: „нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ" и пр.

Какую же эпоху характеризуетъ „Домострой", разъ онъ повторяетъ положенія столь, какъ мы видѣли, различныхъ памятниковъ?

„Домострой" не старъ: древнѣйшій списокъ, по даннымъ палеографіи, относится къ первой половинѣ XVI вѣка. На

ЭБ "Научное наследие России"

то же указываютъ и его тенденціи: „Домострой“ вѣренъ своей эпохѣ—онъ бюрократиченъ и буржуазенъ. Его первая половина составлена, какъ то видно изъ указанія специалиста-изслѣдователя, въ началѣ XVI или въ концѣ XV вѣка и, притомъ, ярымъ сторонникомъ усиленія царской власти Московскаго государства; вторая—писана не позже XV вѣка богатымъ новгородцемъ, промѣнявшимъ тревожную вольность вѣчевика на сытое спокойствіе царскаго холопа [1]). Судя по значительному числу списковъ, московская знать зачитывалась „Домостроемъ“, но въ петербургскую эпоху онъ былъ совершенно забытъ. Вновь этотъ памятникъ сталъ извѣстенъ со времени его перваго напечатанія, т. е. съ 1849 года [2]); послѣ этого онъ нѣсколько разъ переиздавался [3]).

Намъ остается сдѣлать общую характеристику соціальнаго настроенія Домостроя.

Узость общественнаго кругозора и интеллектуальная приниженность допетровской Руси вполнѣ отразились во взглядахъ на народное хозяйство и благосостояніе, содержащихся въ „Домостроѣ“, во всемъ его направленіи и сентенціяхъ. Онъ типичный образчикъ московскаго самодержавія и всѣхъ тенденцій допетровской Руси. „Образъ воспитанія,— какъ говоритъ, образно характеризуя эпоху, Флетчеръ,— чуждый всякаго основательнаго образованія и гражданственности и признаваемый властями самымъ лучшимъ для государства и вполнѣ согласнымъ съ образомъ правленія“ [4]),

---

[1]) Некрасовъ, И. С.: „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя“. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1873 г., стр 137. Некрасовъ полагаетъ, что, кромѣ двухъ указанныхъ частей, третью часть Домостроя составляетъ болѣе древнее его ядро, „пр домострой“, по его терминологіи Авторъ высказываетъ также предположеніе, что Сильвестру, быть можетъ, принадлежитъ компиляція, приспособленіе этого новгородскаго памятника къ московскимъ условіямъ.

[2]) Изданъ впервые Сахаровымъ во II томѣ его „Сказаній русскаго народа“ и въ томъ же году Д. Голохвостовымъ („Домострой попа Сильвестра“) во „Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“.

[3]) Таковы изданія: 1) Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1881 г., 2) В. Я. Яковлева. Москва, 1887 г., 3) А. Н. Чудинова въ его „Русской классной библіотекѣ“, Спб., 1891.—Полное заглавіе „Домостроя“, по нѣкоторымъ спискамъ слѣдующее: „Книга, глаголемая Домострой, имать въ себѣ вещи зѣло полезны во ученіи и наказаніе всякому христианину, мужу и женѣ, чадомъ и рабомъ и рабынямъ“.

[4]) Сочиненіе Флетчера: О Государствѣ русскомъ. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина, 1905 г., гл. XXVIII, стр 127—128

ЭБ "Научное наследие России"

наложилъ на все свою неизгладимую печать, усиливая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и контрастъ съ Западомъ. И, дѣйствительно, въ ту эпоху, когда смѣлая мысль европейца уже формулировала высокій соціальный идеалъ, въ то время, когда на Западѣ становились ходячими многіе изъ боевыхъ девизовъ и тезисовъ современности, наши „лучшіе люди" благоговѣйно твердили сомнительныя положенія убогой и лицемѣрной мудрости раболѣбствующихъ подъячихъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія современной оцѣнки,—а она для того времени во многомъ допустима,—гордость вѣка знаменитый „Домострой"—удивительная смѣсь напвнаго и невѣжественнаго варварства съ коварнымъ смиреніемъ и самоувѣренностью. Читая этотъ памятникъ, не знаешь, чему больше удивляться: дикой ли грубости нашихъ предковъ или печальной скудости ихъ общественной мысли. Жестокость и приниженность даже у домашняго очага! И никакого противовѣса, ничего, что могло бы компенсировать этотъ безпросвѣтный эгоизмъ, это животное себялюбіе! Участь русскаго человѣка того времени несравненно печальнѣе, чѣмъ участь раба античнаго Рима или франконскаго виллана въ самую темную эпоху средневѣковаго варварства: у нихъ есть хоть свой Спартакъ, свой Флоріанъ Гейеръ. Гнѣвное возмездіе, кровь и огонь подымали по временамъ человѣческое достоинство угнетенныхъ. И въ мірѣ идей всегда создавался серьезный противовѣсъ мѣщанской пошлости и злорадному филистерству. Такъ, рядомъ съ древне-греческимъ варіантомъ „Домостроя", съ „Экономикою" Ксенофонта,—свободолюбивая мысль грека создала суровую „Политику" Аристотеля и вдохновенную, заоблачную утопію Платона. Такъ, рядомъ со скопидомными поученіями европейскаго Сильвестра—„Заточника въ Бари"[1]) и одновременно съ плоскими выходками италіанскаго „Домостроя" Пандольфини[2]), средневѣковый европеецъ грезилъ о Новомъ Сіонѣ

---

[1]) Сочиненіе Заточника въ Бари относится къ XIII вѣку и озаглавлено: „Dottrina o proverbi dello Schiano di Bari".

[2]) Аніоло Пандольфини (XV в.) принадлежитъ „Разсужденіе объ управленіи семьею" („Trattato del governo della famiglia"). Изъ остальныхъ западно-европейскихъ домостроевъ выдѣляются: „французскій домострой—„Парижскій хозяинъ" (Menagier de Paris), составленный въ XV вѣкѣ де Латуръ-Ландри, нѣмецкій „Vridankes Be cheidenheit"—XVI в., чешскіе—Ѳомы Щитнаго, Смила Фляшки и Шимона Ломницкаго и нѣк. другіе.

ЭБ "Научное наследие России"

анабаптистовъ, вѣрилъ въ „Вѣчное Евангеліе“, зачитывался Томасомъ Моромъ и Кампанеллою, бѣжалъ за Гуссомъ и Саванароллою... А у насъ... русскому „Домострою“ нечего противопоставить. Зато „Домострой“ и царствовалъ безгранично.

IV. Ближе къ эпохѣ Петра затхлая атмосфера холопства и домостроевскихъ настроеній начинаетъ уже нѣсколько освѣжаться. Въ серединѣ слѣдующаго—XVII вѣка находятся люди, высказывающіе самостоятельные взгляды на народное хозяйство въ его совокупности. Такъ, совершенно инымъ духомъ вѣетъ отъ предтечи просвѣтительной эпохи — Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина. Проницательный и свободолюбивый, знаменитый бояринъ отрѣшаясь отъ національной замкнутости и шовинизма, этихъ ужасныхъ язвъ московской Руси,— вырабатываетъ самостоятельные политическіе и экономическіе взгляды. Онъ первый провозгласилъ у насъ правило: „доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ“. Будучи человѣкомъ государственнымъ въ истинномъ смыслѣ слова и обладая реформаторскою натурою, онъ всю жизнь стремился осуществить это правило на дѣлѣ.

Ордына-Нащокина нѣкоторые, наприм., проф. В. О. Ключевскій, совершенно справедливо называютъ первымъ русскимъ экономистомъ [1]). Онъ, дѣйствительно, первый понялъ, что домашнее хозяйство властителя и народное хозяйство не одно и то же. „Наблюденія надъ жизнью Западной Европы,— говоритъ проф. В. О. Ключевскій, — привели Нащокина къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключается въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народныхъ массъ, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ, лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ московскомъ государствѣ. Онъ

---

[1]) Ключевскій, В. О., проф.: А. Л Ордынъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII-го вѣка. Въ журналѣ „Научное Слово“ за 1904, кн. III, стр. 132.—Брикнеръ эту честь приписываетъ Посошкову.

ЭБ "Научное наследие России"

едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія". Основнымъ факторомъ развитія народнаго хозяйства Нащокинъ считалъ самоуправленіе. Путемъ послѣдняго онъ и самъ пытался поднять производительныя силы промышленныхъ сословій стараго Пскова, гдѣ съ 1665 года онъ былъ воеводою.

Нащокинъ усматривалъ главные недостатки русской торговли въ духовныхъ свойствахъ самихъ торговцевъ. „Русскіе люди, — говоритъ онъ,—въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ", т. е. не держатъ даннаго слова, несолидарны и не умѣютъ противостоять иностранцамъ. И это не преувеличеніе. Флетчеръ свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „что касается до вѣрности слову, то русскіе большею частію считаютъ его почти ничемъ, какъ скоро могутъ что-нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать, какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ, — что отъ большого до малаго всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться. Эти свойства дѣлаютъ ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ ихъ сосѣдей" [1]).

Къ тому же недостатокъ въ деньгахъ и отсутствіе организованнаго кредита, стѣсненія администраціи и боязнь самозащиты — ставило гражданственность на шаткое основаніе, а невѣжество и взаимное недовѣріе подрывали въ корень всякое начинаніе. Попавъ во Псковъ воеводою, Нащокинъ издаетъ особое положеніе о торговлѣ съ иноземцами, въ которомъ пытается бороться съ только что указанными недостатками. Съ этой цѣлью онъ устраиваетъ цѣлую систему патроната сильныхъ надъ слабыми. „Маломочные" торговцы распредѣляются „по свойству и знакомству" между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ

---

[1]) Флетчеръ: О государствѣ русскомъ, рус. пер., изд. А. С. Суворина, СПБ., 1905 г., стр. 128.

ЭБ "Научное наследие России"

двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ отъ 6-го января и отъ 9-го мая. Въ этихъ ярмаркахъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ ихъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки товаровъ къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ „наддачу“ къ этой покупной цѣнѣ „для прокормленія“, а продавъ иноземцамъ довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ „полную прибыль“. Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ Надо замѣтить, что вообще идея торговыхъ товариществъ была для того времени не нова. Во всей Западной Европѣ, начиная съ XVI вѣка, появляются купеческіе союзы, а англійское товарищество — „братство святото Бекета“—славилось далеко за предѣлами своей родины. Правда, эти союзы, какъ равно и возникшія у насъ позднѣе „кумпанства“, преслѣдовали иныя цѣли, чѣмъ Нащокинскіе патронаты, но и послѣдніе заслуживаютъ извѣстнаго вниманія. Нащокинъ своими торговыми товариществами предполагалъ сблизить зажиточныхъ торговцевъ, богатыхъ буржуа города, съ торгующею посадскою массою. Это создавало извѣстную организацію, основанную не только на внѣшнемъ сближеніи, но и на выгодѣ: по плану Нащокина патроны-капиталисты должны были доставлять хорошую прибыль своимъ кліентамъ, „маломочнымъ компанейщикамъ“, а послѣдніе, въ видѣ посильнаго реванша, не „портили цѣнъ“ остальнымъ.

Товарищества благодаря такту Ордына-Нащокина и его энергіи осуществились. Они были пріурочены къ городской управѣ, которая превратилась въ своего рода ссудный банкъ для „маломочныхъ“ и въ контрольное учрежденіе для ихъ патроновъ. Посадское общество г. Пскова, при зависимости отъ него пригородовъ, получило возможность черезъ свой судебно-административный органъ руководить внѣшнею торговлею всего края. Но такой порядокъ, пріятный „маломочнымъ“, былъ тягостенъ капиталистамъ. „Нащокинъ, какъ заводчикъ дѣла, попалъ—говоритъ проф. Ключевскій,—межъ

ЭБ "Научное наследие России"

двухъ огней. Сохранилась челобитная, въ которой маломочные посадскіе псковичи извѣщаютъ Царя, что его государевъ указъ о новомъ положеніи они приняли, какъ милость, дали на него приговоръ всѣмъ городамъ, но „нарочитые прожиточные люди", богачи, привыкшіе ворочать городскими дѣлами безъ мірского вѣдома, оказали ему противодѣйствіе, а отъ городского совѣта отстали, и даже первые ихъ земскіе выборные, которые должны были вводить новое положеніе, его не одобряли, примыкая къ прожыточнымъ" [1]).

Ордыну-Нащокину Россія обязана появленіемъ въ 1667 году торговаго устава, пытавшагося сократить монополіи иноземныхъ торговцевъ и поднять самостоятельность русскихъ. Мелочной торгъ иностранцевъ внутри Россіи воспрещался и вводилась новая организація торговаго суда и сбора пошлинъ. Это уже былъ явный переходъ къ торговому протекціонизму, который вводилъ и современникъ Нащокина, знаменитый Кольберъ.

Ордынъ-Нащокинъ не оставилъ послѣ себя литературнаго наслѣдства и мы не можемъ болѣе точно установить его экономическія воззрѣнія. Можно думать, что онъ въ нихъ былъ довольно одинокъ и, по всей вѣроятности, мало понимаемъ современниками

То же можно сказать и о другомъ выдающемся дѣятелѣ московской эпохи—о Юріи Крыжаничѣ, непосредственномъ предтечѣ Петра и Посошкова. Но міровоззрѣніе Крыжанича относится уже къ иной эпохѣ, къ меркантилизму, хотя меркантилизмъ его еще недостаточно ясно выраженъ.

V. Въ Юріѣ Крыжаничѣ мы видимъ замѣчательнаго ученаго, первокласснаго экономиста, симпатичнаго и честнаго писателя, съ рѣдкою эрудиціею и тонкостью анализа [2]). Трагическая судьба дѣлаетъ его имя надолго безвѣстнымъ. Крыжаничъ — жертва невѣжественности и бездушія московскаго приказнаго строя. Пришелецъ въ Московію, которую онъ заранѣе горячо полюбилъ, какъ восторженный славянофилъ и неисправимый идеалистъ, Крыжаничъ, повидимому, могъ бы много дать своей новой

[1]) Ключевскій, В. О., проф.: А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка. „Научное Слово" за 1904 г.

[2]) См Вальденбергъ, В: Государственно-правовыя идеи Крыжанича. СПБ. 1912 г.

ЭБ "Научное наследие России"

родинѣ, если бы она не встрѣтила его суровою, безсмысленною и безпричинною ссылкою. И сосланный, онъ все же имѣлъ человѣколюбіе и мужество написать замѣчательное сочиненіе, изданное и оцѣненное только спустя... три столѣтія. Для современныхъ Крыжаничу россіянъ его искреннія мысли остались совершенно невѣдомыми и въ этомъ коренится причина, почему при всемъ своемъ дарованіи и замѣчательной эрудиціи Крыжаничъ не оказалъ вліянія на все послѣдующее развитіе русской экономической мысли. Да, дѣятельность и идеи Крыжанича—большой трагическій эпизодъ русскаго общественнаго развитія, безъ корней въ предыдущемъ, безъ связей въ послѣдующемъ!...

При другихъ условіяхъ,—какъ вѣрно замѣтилъ еще проф. Брикнеръ,—Крыжаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Однако, онъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Современники не знали о томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу Россіи. Современники не могли учиться у него. Его сочиненія, столь богатыя содержаніемъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И не только историческая справедливость требуетъ остановиться на Крыжаничѣ: его сочиненія и понынѣ заслуживаютъ вниманія, а какъ историческій источникъ для сужденія о меркантилизмѣ, они неоцѣнимы. Это становится особенно яснымъ при сравненіи его съ Сильвестромъ.

„Его кругозоръ несравненно шире кругозора „Домостроя“, авторъ котораго едва заслуживаетъ названіе писателя экономиста, но Крыжаничъ, почти вовсе неизвѣстный на Западѣ и весьма мало извѣстный у насъ въ Россіи, принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей экономистовъ XVII вѣка“ [1]).

И дѣйствительно, въ главномъ трудѣ Крыжанича [2]) мы встрѣчаемъ рядъ главъ, посвященныхъ исключительно экономическимъ вопросамъ [3]).

---

[1]) Брикнеръ: „Иванъ Посошковъ“, стр 85.

[2]) Издано проф. Безсоновымъ подъ неподходящимъ заглавіемъ „Русское государство въ половинѣ XVIII стол.“ „Русская Бесѣда“ за 1859 г.; „О промыслѣ“ издано тѣмъ же Безсоновымъ въ 1860 году.

[3]) Таковы: Дѣлъ I. (О благу): разд. I О торговству; разд. II. О реместву, разд. III. (О тежачеству). Дѣлъ II (Объ силѣ государства) разд. I. (О твердыняхъ); разд. II. (Объ оружію); разд. III. (О строяхъ военныхъ); разд. IV. (О ратникахъ); разд. V. (О

© "Научное наследие России"

Крыжаничъ — по своему направленію меркантилистъ, но взгляды его часто шире этого ученія. Какъ меркантилистъ, Крыжаничъ не можетъ не смотрѣть мрачно на отсутствіе отечественной промышленности. „Мы,—ѣдко замѣчаетъ онъ,—продаемъ многія кожи инымъ народамъ, а сами босы ходимъ“ („Свитный строй“, стр. 3).

На роль и задачи государственнаго управленія и на отношеніе его къ народному хозяйству Крыжаничъ смотритъ очень широко. „Не королевство для королей,—говоритъ онъ,—а короли для королевствъ“. „Въ королевствѣ убогомъ, — добавляетъ Крыжаничъ, — не лестно быть королемъ“. „Въ королевствѣ убогомъ и не общественномъ король не можетъ имѣть обстоятельнаго богатства“—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Гдѣ законы добры,—разсуждаетъ Крыжаничъ о политическомъ строѣ—тамъ домовиты и подданные, и радостно живутъ и чужимъ желаютъ (къ нимъ) прійти, а гдѣ законы лакомы, тамъ своевластные подданные желаютъ перемѣнъ государству“.

Экономическое міровоззрѣніе Крыжанича сказалось въ цѣнномъ для меркантилизма положеніи: „та страна богата, въ горномъ дѣлѣ которой имѣются какъ рудники драгоцѣнныхъ металловъ, такъ и произведенія добывающей и обрабатывающей промышленности“. Но въ то же время Крыжаничъ противъ монополіи и монополистовъ, которыхъ называетъ „самотержцы“, противъ фальсификаціи монетъ и небрежной системы налоговъ. Зато онъ рекомендуетъ устройство цеховъ („дружинъ“), банковъ („общая кладовая денегъ“) и ломбардовъ („милосердныхъ складовъ“).

О модной на исходѣ средневѣковья плохой чеканкѣ монетъ и о средствѣ извлекать такимъ путемъ доходъ Крыжаничъ говоритъ: „Сей способъ не токмо есть несправедливъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ“. Мнимая прибыль правителей отъ порчи денежной системы является, по его мнѣнію, „истинною убылью и тщетою“ для народа. При-

---

воеводахъ); разд. VI. (О бесѣдѣ именохъ и платьѣ); разд VII. (О нравахъ, и объ неумѣтельности нашеи, и что ины народы объ насъ судятъ (разговоръ Бориса съ Хервоемъ), разд. VIII (Объ русской земли, причины убожесва и богатства, нуждъ и щастія; разд. IX. (О русскихъ законахъ); разд. X Отвѣтъ на инородческое лаяніе, злоумышленія и соблазны; разд XI Объ общихъ народа нашего признакахъ и недостаткахъ; разд. XII Объ чужебѣсію; разд XIII. Какими способы иноземцы бываютъ вредны народомъ; разд XIV. (О женихахъ русской короны).

ЭБ "Научное наследие России"

бѣгать къ такому средству равносильно рискованной хирургической операціи: „злыхъ пѣнязь кованіе подобно отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ“. И если постоянно ухудшать монету, то, какъ „кровь изъ открытой жилы“, „все благо изъ народа истечетъ“.

Неумѣренное и неустанное обложеніе („обтяженіе“) населенія также встрѣчаетъ энергичный протестъ нашего экономиста. Пользуясь каждымъ случаемъ, онъ горячо защищаетъ интересы народа, или „людства“, какъ онъ выражается. Что создается „безъ труда и пота“, „безъ правы и терпѣнія“, то, по глубокому убѣжденію Крыжанича, „временно и непрочно“.

Широта взглядовъ Крыжанича не соотвѣтствовала эпохѣ приказовъ, застѣнка и повальнаго холопства. Онъ былъ столь же одинокъ, какъ и благородной Ордынъ-Нащокинъ.

Между тѣмъ на Руси наступали новыя времена. Центральная власть въ лицѣ Императора суровою рукою внѣдряла новыя идеи и новыя учрежденія Всеобщая регламентація, опека, надзоръ стали девизомъ новой системы. Варварская, проникнутая духомъ полицейскаго сыска и бюрократическаго цинизма „Инструкція для управленія имѣніемъ“ Волынскаго (1740 г.) превосходно иллюстрируетъ систему организованнаго, всепроникающаго надзора [1]). Когда забытая „Инструкція“ была напечатана въ „Москвитянинѣ“ (1854 г., №№ I — II), всѣ приспѣшники Николаевскаго режима приходили въ восторгъ отъ этого эмбріона будущей Управы Благочинія и III-го Отдѣленія. Полицейскій кодексъ меркантилизма, „Инструкція“ Волынскаго, уже находится въ тѣсной связи съ новымъ теченіемъ—съ энергично вводимымъ въ жизнь меркантилизмомъ. Трудно придумать лучшую экономическую систему для самодержавія, чѣмъ меркантилизмъ. Вскорѣ Петръ I терроризировалъ ею страну, а политическій младенецъ Посошковъ довѣрчиво создалъ ей патріотическую идеологію.

---

[1]) На значеніе этой инструкціи чуть-ли не впервые обратилъ вниманія изложившій ее подробно проф. В. Лешковъ въ своей извѣстной статьѣ: „Древне-русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи“.

ЭБ "Научное наследие России"

Гл. 3. Зарожденіе меркантилизма.

XIV и XV столѣтія, какъ эпоха наростанія новаго денежнаго хозяйства, выдвинули на первый планъ вопросъ о деньгахъ. Качество монеты и смыслъ правильно организованнаго денежнаго обращенія—вотъ двѣ важнѣйшихъ стороны этого вопроса, логически приведшаго къ отождествленію драгоцѣнныхъ металловъ съ богатствомъ, т. е къ меркантилизму. Меркантилизмъ, какъ доктрина, постепенно осложнялся, создавъ и свою собственную экономическую политику. Но все это произошло постепенно, въ теченіи ряда лѣтъ,—къ обзору которыхъ мы сейчасъ и переходимъ.

Въ XV столѣтіи наибольшее количество экономическихъ сочиненій появилось въ Италіи. Большинство изъ нихъ не принесло новыхъ теоретическихъ идей, а лишь разрабатывало вопросы, намѣченныя средневѣковьемъ и поставленные уже на очередь самою жизнью. Таковы вопросы о цѣнахъ и ихъ повышеніи, о деньгахъ, о вредѣ порчи монеты, о нуждахъ торговли и торговаго кредита, о векселяхъ, банкахъ, ломбардахъ и пр. [1]).

Нѣсколько иной характеръ принимаетъ экономическая литература въ слѣдующемъ XVI вѣкѣ, когда открытіе Америки (1492 г.), новый морской путь въ Индію (1498 г.) и разработка громадныхъ залежей золота и серебра дали сильный толчокъ къ развитію торговли и денежнаго хозяйства новаго времени, передвинувъ центры хозяйственной жизни къ новымъ странамъ. Помимо Италіи экономическіе вопросы начинаютъ обсуждаться въ Англіи, Франціи и Германіи и притомъ, въ направленіи противоположномъ воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ экономическія сочиненія утрачиваютъ характеръ случайныхъ памфлетовъ и пріобрѣтаютъ болѣе систематическій и стройный характеръ. Зарождаются и начатки экономической политики. Но все же единаго, общаго для всѣхъ направленія еще не вырабаты-

[1]) Среди итальянцевъ этой эпохи выдѣляются: св Антонинъ Флорентинскій („Summa Theologica“ Флоренція, 1451 г.), св. Бернардинъ Сіеннскій („Sermones“, Венеція, 1445), Мартино Гаррати, Франческо Корти, Баріано, Ѳома де Віо, (онъ же Гаэтенъ, писалъ въ „De Cambiis“, 1499, противъ взиманія процентовъ и ломбардовъ), Бернардинъ де Бисто, Понтана Картульи Каррафа. По тому же пути шли и нѣкоторые нѣмецкіе писатели XV вѣка: Куппенеръ, Зуммнегартъ де Калова.

ЭБ "Научное наследие России"

вается. Таковы первые неувѣренные проблески будущаго меркантилизма. Но яркаго меркантилизма послѣдующихъ вѣковъ еще нѣтъ; затрагиваемые вопросы и характеръ ихъ трактованія пока еще мелко-практическій, наивно-морализирующій, не дающій почвы для сколько-нибудь широкихъ обобщеній или теоретическихъ построеній. Меркантилизмъ же, какъ мы увидимъ далѣе, уже возвышается до національной точки зрѣнія, а выдвигаемые имъ вопросы обсуждаются съ точки зрѣнія пониманія нуждъ и идей государственности. Не даромъ вдумчивый Бруно Гильдебрандъ усматривалъ въ меркантилизмѣ дыханіе суровой идеи римскаго права и античнаго государства.

Въ эту эпоху,—а періодъ съ половины XV по начало XVII вѣка можетъ быть выдѣленъ въ самостоятельный періодъ зарожденія меркантилизма, — выступало нѣсколько значительныхъ писателей по экономическимъ вопросамъ. На нихъ отразилось переходное состояніе и неопредѣленность эпохи. Отсюда трудность классификаціи писателей этого времени. Ихъ легче разгруппировать по темамъ, ими затрагиваемымъ, чѣмъ по способу разрѣшенія темъ. Большинство изъ нихъ такъ или иначе уже стоитъ на пути къ меркантилизму. Отдѣльныя положенія этого направленія встрѣчаются уже у философа Бэкона Веруламскаго (1561—1626) [1]). Изъ наиболѣе важныхъ сочиненій Бэкона. имѣвшихъ вліяніе на дальнѣйшее развитіе ученій о народномъ хозяйствѣ, могутъ быть упомянуты „Novum organon“ (1620) и „Nova Atlantis“. Послѣднее является небольшимъ отрывкомъ изъ интересно задуманной утопіи, служащей какъ бы возраженіемъ на „Утопію“ Томаса Мора.

Къ этой эпохѣ относятся также сочиненія государствовѣдовъ итальянца Макіавелли, французовъ Малеструа и Бодэна, а также сочиненія религіозныхъ реформаторовъ Кальвина и Лютера. Всѣ они касаются экономическихъ вопросовъ только попутно.

Малеструа [2]), совѣтникъ французскаго короля, играетъ роль въ исторіи не какъ самостоятельная величина, а какъ мишень для нападокъ Бодэна. Его взгляды игра-

---

[1]) Наприм, въ „Essays moral, economical and political“, 1597 (по латыни — Sermones fideles, гл. 15, тоже въ „De seditionibus et tuzbis“, гл. 30; „De usura sive foenere“ и др, въ Амстердамскомъ изданіи, 1730.

[2]) До него писалъ еще Гуго Латимеръ.

ЭБ "Научное наследие России"

ютъ ту же роль для Бодэна, что воззрѣнія Годвина для Мальтуса, Шульце-Делича для Лассаля. Малеструа увѣрялъ, что происшедшее за три послѣднихъ столѣтія возвышеніе цѣнъ, въ дѣйствительности, не происходило и что это возвышеніе, какъ явленіе относительное, произошло только номинально: de facto. въ силу порчи монетъ. цѣны остались на прежнемъ уровнѣ. Точно также, по мнѣнію Малеструа, не измѣнилась и цѣнность самыхъ драгоцѣнныхъ металловъ. Бодэнъ съ этимъ не соглашался.

Николай Макіавелли[1]) (1469—1521) отмѣчаетъ важность экономическаго элемента въ политической жизни, а эгоизмъ считаетъ пружиной хозяйственной дѣятельности. Для него важна только практическая политическая философія, отсюда и практицизмъ въ вопросахъ экономіи[2]).

Жанъ Бодэнъ[3]) (1530—97) пересматриваетъ основы воззрѣній Макіавелли и развиваетъ свои взгляды въ полемикѣ съ Малеструа и въ своей книгѣ о „Республикѣ“, 1576.

Его возраженія противъ Малеструа сводятся къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ: 1) Чѣмъ болѣе увеличивается привозъ какого нибудь товара, тѣмъ ниже падаетъ цѣна его; это правило справедливо также относительно благородныхъ металловъ и денегъ. 2) Но чѣмъ болѣе падаетъ цѣна денегъ, тѣмъ выше подымается цѣна товара, какъ достаточно доказалъ это привозъ денегъ изъ Вестъ-Индіи, поднявшій вдесятеро цѣны на товары. 3) Съ пониженіемъ цѣнъ на деньги поднимаются въ цѣнѣ: земельная собственность. заработки и постоянные оклады жалованья и, наоборотъ, падаетъ процентъ съ капитала. 4) Слѣдовательно, излишекъ благородныхъ металловъ не составляетъ народнаго богатства, а запрещеніе вывозить золото и серебро тѣмъ безполезнѣе, что вслѣдствіе общей необходимости въ торговлѣ, оно въ дѣйствительности никѣмъ не исполняется.

---

[1]) Экономическія идеи, имѣющія всюду у Макіавели второстепенное значеніе, собралъ и пытался синтезировать Паскаль Валери: „Nicolò Machiavelli e i suoi tempis“, 3 тома, Флоренція, 1877—1882. См. также Knies: Niccolo Machiavelli als volkswirtschaftlicher Schriftsteller въ „Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss.“ Tubingen, 1852 г., Band VIII.

[2]) См. Knies, K. Machiavelli als volkswirtschaftlicher Schriftsteller, въ журн. „Zeitschrift f. d ges. Staatswiss“ за 1852 г.

[3]) О Боденѣ см. Baudrillart, H.: J. Bodin et son temps. Tableau des théories politiques et des idées économiques au 16-e siècle, Paris, 1853.

ЭБ "Научное наследие России"

Идеи, развиваемыя Боденомъ, являются совершенно новыми идеями, идущими въ разрѣзъ съ вѣкомъ.

Бодэнъ типичная фигура XVI вѣка. Предшественникъ меркантилистовъ, которыхъ онъ какъ бы предчувствуетъ, роялистъ и государственникъ, Бодэнъ отличный теоретикъ по вопросамъ денежнаго обращенія, въ сужденіи о которыхъ онъ расходится съ меркантилистами. Бодэнъ также отлично судитъ объ измѣненіи цѣнъ, ихъ зависимости отъ рынка и значеніи денегъ для народнаго хозяйства. Вообще, Бодэнъ придаетъ большое значеніе денежному хозяйству. „Rei publicae nervos in pecuniis consistere“, такъ начинаетъ Бодэнъ главу: „De aerario“. Въ противоположность Малеструа Бодэнъ вполнѣ справедливо считалъ, что цѣны въ дѣйствительности возросли и что это возрастаніе произошло, главнымъ образомъ, благодаря увеличенію въ обращеніи количества золота и серебра, которые вслѣдствіе этого сами понизились въ цѣнѣ. „Я нахожу,—говоритъ Бодэнъ,—что дороговизна, которую мы видимъ, происходитъ отъ трехъ причинъ: главная и почти единственная—это обиліе золота и серебра, которыхъ „теперь въ государствѣ значительно больше, чѣмъ четыреста лѣтъ тому назадъ“, вторая причина—монополіи, третья происходитъ отъ недостатка нѣкоторыхъ товаровъ, что въ свою очередь зависитъ „отъ прихотей короля и вельможъ, повышающихъ цѣну нравящихся имъ предметовъ“. Вредъ отъ порчи монетъ также сознается Бодэномъ, рекомендующимъ чеканку высокопробной и однообразной монеты. Общую сумму обращающихся въ странѣ денегъ онъ не считаетъ опредѣлителемъ богатства страны. Модное тогда запрещеніе вывоза драгоцѣнныхъ металловъ, по его мнѣнію, совершенно безполезно, потому что потребности торговаго оборота лишаютъ это запрещеніе всякаго значенія.

Лучшимъ условіемъ для развитія народнаго благосостоянія Бодэнъ считалъ абсолютную форму правленія съ сильною центральною властью. Отсюда естественно, что Бодэнъ одобрялъ и рекомендовалъ самое энергичное вмѣшательство государства въ промышленную жизнь страны и отсюда его меркантильная таможенная политика, т. е. высокія пошлины на ввозъ мануфактуры, низкія на ввозъ съѣстныхъ припасовъ и сырья.

ЭБ "Научное наследие России"

Въ духѣ своего времени Бодэнъ придаетъ также большое значеніе густотѣ народонаселенія.

Несмотря на такіе взгляды, Бодэна все же нельзя считать меркантилистомъ, тѣмъ болѣе, что онъ высказывается за свободу торговли и противъ торговаго баланса. Финансовому устройству, въ смыслѣ правильной системы налоговъ и равномѣрности обложенія, Бодэнъ также придаетъ большое значеніе и притомъ совершенно не въ духѣ меркантилистовъ. Вообще, большинство экономическихъ вопросовъ Бодэнъ разсматриваетъ не въ цѣляхъ обогащенія или развитія однихъ матеріальныхъ благъ, а съ точки зрѣнія гармоніи ихъ съ духовными интересами и высшими запросами человѣческаго общества. Но Бодэнъ не соціалистъ, напротивъ, онъ яро защищаетъ буржуазный строй и индивидульную собственность. При этомъ онъ не жалѣетъ нападокъ на коммунистическія идеи. Платонъ. Томасъ Моръ и его современники и анабаптисты Бодэну одинаково ненавистны.

Въ этомъ же XVI вѣкѣ падаетъ доктрина канонистовъ. Какъ уже было сказано, каноническое ученіе о цѣнѣ и процентѣ достигло наивысшаго развитія въ XIII вѣкѣ. Основы этого міровоззрѣнія вошли къ этому времени въ плоть и кровь какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго законодательства и при томъ настолько глубоко, что папа Климентій V на вѣнскомъ соборѣ (1311 г.) грозилъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ изъ свѣтскихъ государей, которые въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не отмѣнятъ законовъ, потакающихъ взиманію процентовъ [1]). Главнымъ противникомъ каноническаго ученія явилась практика повседневной жизни. Экономическій бытъ народа искалъ выхода изъ запрещеній; изобрѣтались способы обхода суровыхъ постановленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при закладахъ въ ломбардахъ, процентъ взимался подъ маскою „услуги“ и т. п. Въ итогѣ, несоотвѣтствіе между ученіемъ церкви и нуждами практической жизни не могли не почувствовать и религіозные реформаторы,—Цвингли, Лютеръ, Меланхтонъ,—стремившіеся къ сближенію закона съ жизнью. Они не заняли той прежней, типичной для представителей церкви, позиціи по от-

---

[1]) Bohm-Bawerk: Capital und Capitalzins, I Abt., 2 Auf., Инсбрукъ, 1900 г., стр. 27

ношенію къ этому вопросу и, что, пожалуй, еще важнѣе, уже не выступали болѣе съ рѣзкимъ осужденіемъ процента.

Но настоящая и открытая оппозиція тоже не заставила себя долго ждать. Проповѣдь новыхъ взглядовъ на цѣну и деньги, т. е. новое отношеніе къ проценту, появляется въ XVI вѣка. Религіозный реформаторъ Кальвинъ и французскій юристъ Дюмуленъ (Королусъ Молинеусъ) первые выступаютъ съ новыми теоріями процента.

Кальвинъ въ своихъ извѣстныхъ письмахъ къ Эколампадіусу,—(онѣ позднѣе были собраны въ особомъ сборникѣ „Epistolae et responsa“, Ганноверъ, 1597 г.), — а Дюмуленъ главнымъ образомъ въ своемъ: „Tractatus contractum et usurarum redituumque pecunia constitutorum“, 1546, — находятъ, что вопросъ о деньгахъ и процентахъ разрѣшается въ Св. Писаніи двояко и что запрещеніе было направлено только противъ безчеловѣчнаго и ростовщическаго взиманія процентовъ. Что же касается взиманія процента низкаго, то онъ, по ихъ мнѣнію, оправдывается возможнымъ нанесеніемъ убытка владѣльцу капитала. По мнѣнію Дюмулена „употребленіе капитала“ представляетъ собою самостоятельную полезность и можетъ рядомъ съ капиталомъ самостоятельно продаваться. Деньги сами по себѣ безплодны, какъ безплодна земля безъ труда человѣка, поэтому онѣ должны быть употребляемы; плодомъ этого и является процентъ. Въ силу такихъ соображеній, Дюмуленъ находитъ, что „первое, что необходимо и полезно— это, чтобы извѣстный обычай взиманія процентовъ былъ удержанъ и терпимъ“. Взгляды Кальвина и Дюмулена являлись очень смѣлыми. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что книга Дюмулена была сожжена, а ея авторъ изгнанъ изъ Франціи.

Лютеръ также въ своихъ нацадкахъ на взиманіе процентовъ не такъ ужъ рѣшителенъ и даже допускаетъ „умѣренное“ ихъ взиманіе. Вообще взгляды его менѣе оригинальны и послѣдовательны [1]).

Воззрѣнія Кальвина и Дюмулена повторили позже гуманисты Камераріусъ, Броницъ и Христофъ Безольдъ (1577 — 1638). Послѣдній въ своемъ сочиненіи: „Questiones aliquot de usuris“, 1598 г., особенно обстоятельно и

[1]) См. Онкенъ. Исторія политич экономіи, русс. пер., стр. 150. Ward Franz: Darstellung und Wurdigung der Ansichten Luthers vom

и безпощадно полемизируетъ съ канонистами. Менѣе рѣшителенъ Борницъ, выступившій позднѣе съ рядомъ сочиненій по экономическимъ вопросамъ [1]).

Названные нѣмецкіе ученые высказывались уже не только по вопросу о процентахъ. Наоборотъ, они были по своему очень разносторонни и касались большинства вопросовъ практической и особенно государственно-хозяйственной жизни. Ихъ сочиненія о торговлѣ, лѣсномъ и горномъ дѣлѣ, земледѣліи и взиманіи налоговъ, о государственной казнѣ и доменахъ и пр. и пр., были такъ же многочисленны, какъ неинтересны и безыдейны. Все это входило въ составъ особой ими созданной науки—камералистики, представляющей собою своеобразную календарную смѣсь финансовыхъ и экономическихъ свѣдѣній съ элементарными фактами изъ области государственнаго и полицейскаго права. Въ статистикѣ этому теченію соотвѣтствовало государствовѣдѣніе, лишившее одно время статистику ея высокаго идейнаго содержанія. Развитію камеральнаго направленія способствовало усиленное вниманіе нѣмецкихъ государей къ промышленной и финансовой дѣятельности ихъ подданныхъ. Такъ какъ во взиманіи налоговъ, важнѣйшемъ источникѣ средневѣковаго бюджета, правительства были силно ограничены привилегіями обширной родовой аристократіи, то они искали новыхъ источниковъ доходовъ. Послѣдніе были изысканы въ улучшенномъ управленіи государственными или камерными (откуда и „камералистика“) имуществами казны и въ установкѣ монополіи на рядъ новыхъ отраслей промышленности, вродѣ напримѣръ, правительственной ковровой или стеклянной мануфактуръ. Чиновникамъ этихъ управленій необходимо было ознакомиться съ соотвѣтствующей суммой практическихъ знаній. Элементарныя свѣдѣнія по экономическимъ вопросамъ, полицейскому праву, горному и лѣсному дѣлу, техно-

Staat und seinen wirthschaftlichen Aufgaben. Jena, 1898. Schmoller, G. Zur Geschichte der nationalokonomischen Ansichten in Deutschland wahrend der Reformationsperiode въ „Zeitschrift f. d. ges. Staatswiss.“ за 1860 г. Wiskemann, H.: Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden nationalokonomischen Ansichten. Лейпцигъ, 1861 г.

[1]) Борницъ написалъ слѣдующія сочиненія: De nummis in republica percutiendis et conservandis, 1608. — Aerarium sive tractatus politicus de aerario sacro, civili, militari, communi et sacratiori etc. Франкфуртъ, 1612 — Tractatus politicus de rerum sufficientia in republica et civitate procuranda, Франкфуртъ, 1625.

ЭБ "Научное наследие России"

логіи, замѣняли имъ общую теорію науки. Такая же псевдонаука преподавалась и въ германскихъ университетахъ, на особыхъ, такъ и называвшихся, камеральныхъ факультетахъ, выходя откуда, молодые люди пополняли кадры чиновниковъ финансоваго вѣдомства. Эти факультеты кое-гдѣ сохранились и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, такъ называемое, камеральное направленіе въ политической экономіи, или камералистика, представляетъ собою quasi-научную школу, гдѣ все вниманіе сосредоточено на мелкихъ практическихъ вопросахъ. Среди другихъ первое мѣсто здѣсь занимаетъ собраніе правилъ обогощенія казны хорошимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ. Не меньшее мѣсто отводится заботамъ о созданіи на счетъ казны различныхъ монополизированныхъ отраслей промышленности. Одинъ изъ основателей камералистики былъ писатель первой половины XVI вѣка Мельхіоръ фонъ-Осса (1506 — 1557), написавшій нѣсколько мало-интересныхъ компилятивныхъ сочиненій [1]).

Лояльные и буржуазные взгляды камералистовъ напоминаютъ въ общихъ чертахъ взгляды Жана Бодэна, но безъ его широты обоснованія. Въ сходномъ духѣ высказываются и тогдашніе итальянскіе экономисты: Скаруффи, Даванцатти, Турбалло, но съ рѣзкою окраской меркантилизма; также говоритъ и статистикъ Ботеро. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Итальянецъ графъ Гаспаръ Скаруффи (1519—1584) былъ торговцемъ и банкиромъ изъ города Феджіо (въ Эмиліи) [2]). Этому автору принадлежатъ два сочиненія:

a) „Alitinuofo„ — („Истинный совѣтъ“), написанное въ 1575 году и изданое въ 1582 г., и

b) Discorso spora la moneta e della vera proporzione fra l'oro e l'argento, 1582.

Скаруффи не даетъ теоріи денегъ, а касается только практическихъ мѣропріятій, съ помощью которыхъ можно

---

[1]) Мельхіору фонъ-Осса посвящена спеціальная монографія Лангенна: Doctor Melchior von Ossa, eine Darstellung aus dem 16. Jahrhundert. 1858. О немъ же говоритъ и В. Рошеръ въ своей „Geschichte der Nationalokonomie in Deutschland“, Мюнхенъ, 1874 г., стр. 30 и слѣд.

[2]) О Скаруффи имѣется прекрасная монографія Андреа Балетти: G. Scaruffi e la questione monetaria del secolo XVI. Модена, 1882.

35 "Научное наследие России"

было бы упорядочить денежное обращеніе въ Италіи. Считая, что правильная циркуляція денегъ должна покоиться на довѣріи къ монетѣ и на однобразіи вещества, изъ котораго она чеканится, онъ полагалъ, что должны съ этою цѣлью имѣться и внѣшнія ручательства цѣнности денегъ. Для этого, по его мнѣнію, государства должны вмѣшаться въ техническія условія чеканки монетъ и установить ея общіе принципы. Монетныя системы всѣхъ европейскихъ странъ должны свестись къ одной общей системѣ, а вмѣсто безчисленнаго множества типовъ монетъ должна быть установлена одна общая монета, единой формы, состава и обезпеченія. Осуществленіе же такого проекта возможно, по мнѣнію Скаруффи, только при созывѣ обще-европейскаго денежнаго конгресса.

Относительно самой чеканки Скаруффи предлагаетъ, какъ единственно разумное, обозначать на монетѣ: стоимость, смѣсь, доброкачественность, число единицъ нужное для составленія фунта (вѣсового). Монета должна чеканиться только изъ золота и серебра и отношеніе между ними должно быть всегда какъ 1 : 12. Монета должна быть крупная и мелкая. Количество послѣдней должно равняться, примѣрно, половинѣ всего чеканеннаго металла. Размѣра же всей чеканки опредѣлять нельзя: это зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Вообще же количество монеты должно быть пропорціонально быстротѣ экономическаго оборота, а количество разныхъ типовъ (величинъ) монеты обратно пропорціонально ихъ количеству и удѣльному вѣсу.

Издержки по чеканкѣ должны быть отнесены на счетъ государства и ихъ не нужно принимать въ разсчетъ при опредѣленіи цѣнности монеты. Наконецъ, для упорядоченія товарнаго обращенія золота и серебра, въ особенности въ той его части, которая служитъ промышленнымъ цѣлямъ, Скаруффи предлагаетъ введеніе клейма золотыхъ и серебряныхъ издѣлій [1]).

Вскорѣ послѣ Скаруффи новое изслѣдованіе о деньгахъ выпустилъ флорентинецъ Бернардъ Даванцати, еще ранѣе извѣстный, какъ переводчикъ сочиненій Тацита. Работа Даванцати, написанная, кстати сказать, прекраснымъ

---

[1]) Вернадскій въ своей „Исторіи политической экономіи въ Италіи“ (СПБ., 1858 г.,) говоритъ: „Между заслугами Скаруффи должна быть почтена, между прочимъ, и мысль о клеймѣ на золотыхъ

языкомъ, носитъ названіе: „Lezioni della moneta“, 1588 г. Даванцати считаетъ, что въ основѣ всего денежнаго обращенія лежитъ безмолвное соглашеніе, а именно, что сумма цѣнности всѣхъ вещей равна суммѣ всѣхъ имѣющихся въ обращеніи денегъ. Каждая вещь соотвѣтствуетъ тѣмъ большей части общаго благополучія, чѣмъ значительнѣе потребность, которая удовлетворяется данною вещью. Такимъ образомъ, хотя оцѣнка каждой вещи опредѣляется ея полезностью, тѣмъ не менѣе цѣнность денегъ—чисто условная величина, зависящая отъ предварительнаго соглашенія людей.

Къ Скаруффи и Даванцати примыкаетъ, писавшій спустя полстолѣтія, неаполитанецъ Джіанъ Донато Турбало, высказавшійся противъ какихъ бы то ни было измѣненій и опытовъ съ раціонально поставленною чеканкою монетъ. Сочиненіе Турбало „Discorsi e Relazioni“, 1629, пользовалось вниманіемъ современниковъ. Тотъ же вопросъ въ слѣдующихъ вѣкахъ, развивали въ XVII в.:— Клодъ Сомезъ [1]) и Гуго Гроцій [2]), и въ XVIII в.— Сципіонъ Маффеи [3]) и Маркъ Мидрофани [4])

Итальянская литература о новыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ (банки, ломбарды), о векселяхъ, государственныхъ займахъ въ XVII вѣкѣ была вообще весьма обширна. Писатели раздѣлились на два лагеря: одни защищали всѣ нововведенія и новыя формы экономичесткой науки, другіе нападали на нихъ и тяготѣли къ старымъ укладамъ [5]). Изъ нихъ особенно выдѣлялся Дж. Ботеро (1540—1617). Онъ авторъ крупнѣйшаго для XVI вѣка статистико-экономическаго сочиненія: „Della grandezza delle citta“, 1588. Его можно считать однимъ изъ наиболѣе раннихъ предшественниковъ Мальтуса. Ботеро придаетъ громадное значеніе

и серебряныхъ вещахъ, этомъ первомъ проявленіи промышленной гарантіи, гдѣ контроль общественной власти соединяется съ гласностью имени частнаго производителя“ (Вернадскій, стр. 27)

[1]) Claude Saumaise: De usuris, 1638, De modo usuram, 1639, De foenore trapezitica, 1640

[2]) Hugo Grotius въ „De jure pacis ac belli“, а именно въ кн. II-ой гл. XII (de contractibus), §§ XVI и XVII (monoplia и pecunia).

[3]) Dell' impigo de donaro, Римъ, 1744.

[4]) De usure, Римъ 1831.

[5]) Къ первой группѣ относятся: Александръ до Фо, Ферраи (1625), Кантони (1623), Дуньяни (1627), Бернарденъ де Фельтръ, Бернарденъ де Бюсто, де Розел-

35 "Научное наследие России"

многочисленному населенію и выгодности положенія территоріи [1]).

Литература объ этомъ періодѣ весьма обширна. Помимо сочиненій, уже указанныхъ въ сноскахъ, назовемъ: Contzen: Geschichte der volkswirthschaftl. Literatur im Mittelalter, 2 изд. Берлинъ. 1872. Gibrario: Dell' Economia Politica nel Medio Evo. Туринъ, 1861. Kautz: Theorie und Geschichte der Nationalokonomik, Вѣна, 1860. Cusumano, V. L'Economia Politica nell medio-evo, Палермо, 1874 E de Girard: Histoire de l'économie sociale jusqu'a la fin du XVI siecle, Парижъ, 1900. Roscher, W. Geschichte der Nationalokonomik in Deutschland. Мюнхенъ, 1874. Neumann, M.: Geschichte des Wachers in Deutschland, 1865. Funk, F.: Geschichte des Kirchlichen Zinsverbots, 1876. Endemann: Studien in der romanisch-kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre bis gegen Ende des 17. Jahrhunderts, Берлинъ, т. I 1874, т. II 1883

лисъ, Ѳома де Віо (1499), Ѳома Боуниисьени Сіенскій, Клаваріо, Коли, Бернардо Джустиніани (1610), Ортензій Капеллоне (1621), де С.-Сальваторе, Базиліо Алемани (1623), Бернардъ Даванцати (1529—1606) и Паоло Парута (1599).

[1]) См. Э Вреденъ: Государствовѣдѣніе Сансовино и всемирныя реляціи Ботеро. СПБ., 1866.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ IV-ый.

Меркантилизмъ.

Гл. 1. Общая характеристика.

Примѣрно съ конца XIII столѣтія въ Западной Европѣ начинаютъ обнаруживаться новыя хозяйственныя условія и развиваться новыя формы экономической жизни. Въ началѣ случайныя и мѣстныя—эти явленія становятся съ теченіемъ времени все типичнѣе, распространеннѣе и ярче. Измѣненія происходятъ и внутри населенія и внѣ его (т. е. и въ сферѣ внѣшнихъ международныхъ отношеній) и, въ общемъ, сводятся къ постепенной замѣнѣ прежняго натуральнаго хозяйства новымъ — денежнымъ. Въ основѣ перемѣны лежитъ измѣненіе характера и системы производства. Съ паденіемъ старофеодальной системы выступаютъ новыя силы—центральная власть и города. Чиновники и войско новаго государства, торговцы и ремесленники городовъ начинаютъ смѣнять на аренѣ общественной жизни феодаловъ. съ ихъ вассалами и вилланами. Денежныя отношенія, денежный оброкъ, болѣе правильные налоги замѣняютъ собою старые натурально-патріархальные обычаи, барщину, натуральныя повинности, безсистемность обложенія. Развивается кредитъ, внутренняя торговля, вексельные обороты.

Растущая центральная власть нуждается въ деньгахъ, въ драгоцѣнномъ металлѣ для расплатъ по найму и содержанію войска, чиновниковъ, дипломатовъ, для поддержанія своего престижа и связанныхъ съ нимъ блеска двора и показного просвѣщенія.

Города нуждаются въ деньгахъ для тѣхъ же цѣлей. Нуждается въ нихъ и населеніе, платящее денежныя подати. покупающее новыя орудія производства, вступающее въ новыя экономическія отношенія. Представители производства

ЭБ "Научное наследие России"

нуждаются въ деньгахъ для найма подмастерьевъ, которымъ за отсутствіемъ у нихъ движимаго и недвижимаго капитала уже закрытъ доступъ въ мастера. Вскорѣ они уже навсегда останутся „вѣчными подмастерьями"—наемными рабочими за плату.

Одновременно съ внутреннимъ перерожденіемъ экономическаго быта, съ новою соціальною перегруппировкою населенія, идутъ и измѣненія внѣшняго характера. Открытіе Америки и новаго пути въ Индію—измѣняетъ направленіе старыхъ торговыхъ путей и необычайно расширяетъ міровой рынокъ. Береговая торговля и береговой каботажъ отходятъ на второй планъ, вытѣсняемые океанскими. Морской торгъ переходитъ изъ рукъ итальянскихъ государствъ къ Испаніи и Португаліи, затѣмъ къ Голландіи, наконецъ, къ Франціи. Наплывъ благородныхъ металловъ изъ другихъ частей свѣта производитъ полную революцію въ цѣнахъ на предметы первой необходимости, въ денежныхъ системахъ, въ стоимости предметовъ роскоши. Отношеніе золота и серебра, считавшееся вѣками неизмѣннымъ, нарушается. Паденіе серебра влечетъ за собою то, что цѣны на всѣ предметы увеличиваются, появляется недовольство, ропотъ, желаніе понять и выяснить причину возрастающей дороговизны. Отсюда первые шаги къ изученію хозяйственныхъ вопросовъ, первыя попытки раскрыть смыслъ и значеніе происходящихъ явленій. Всѣ указанныя измѣненія отражаются въ идеологіи, создать которую теперь стремятся во что бы то ни стало. Правительства отдѣльныхъ странъ, увлеченныя общимъ теченіемъ, своими мѣропріятіями стараются идти въ тонъ общему движенію. Эти мѣропріятія направлены на увеличеніе источниковъ дохода казны, на увеличеніе количества денегъ, хотя бы путемъ ихъ фальсификаціи, на развитіе промышленныхъ силъ страны для цѣлей обложенія, на усиленіе внѣшней торговли, служащей, казалось, источникомъ денегъ, на развитіе и монополизированіе отдѣльныхъ, преимущественно новыхъ, отраслей промышленности. Въ экономической политикѣ государственной власти появляется, такъ называемое, торговое, или, что то же, меркантильное направленіе. Послѣднее по мѣрѣ роста экономической революціи, по мѣрѣ сопутствующихъ ей правительственныхъ мѣропріятій, развивается въ типичную систему меркантилизма

© "Научное наследие России"

(système mercantile), которая возникла, такимъ образомъ, въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ [1]). Меркантилизмъ такимъ образомъ есть идеологія новыхъ условій, а именно идеологія третьяго городского сословія, связаннаго съ абсолютизмомъ. Меркантилизмъ, поэтому, является типичною политическою экономіей абсолютизма и связанной съ нимъ, нарождающейся буржуазіи. Онъ, по выраженію Шмоллера, есть ничто иное, какъ созиданіе (новаго) государства [2]). Но общей теоріи, а, главное, философскаго ея обоснованія, у новаго направленія еще нѣтъ. Меркантильная литература представляетъ собою простую апологію существующаго, панегирики законодателю, льстивую протоколизацію бурно надвигающейся дѣйствительности, восторгъ передъ этой дѣйствительностью. Не ищите въ меркантилизмѣ объединяющей философской мысли, не ищите геніальнаго синтеза, проницательнаго анализа! Экономическія воззрѣнія меркантилизма, его теоретическое воззрѣніе, его литература—зеркало событій, бумажная пѣна водоворота жизни и законодательства. „Идея, такъ называемой, меркантильной школы была вѣрнымъ теоретическимъ снимкомъ съ практической дѣйствительности того времени; націи и правительства прибѣгли къ меркантильной политикѣ вовсе не благодаря влеченію къ особой научной формѣ мышленія, а подъ давленіемъ тогдашнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе наблюденія слишкомъ очевидныхъ для всякаго фактовъ дѣйствительности“ [3]). Обыкновенно къ представителямъ этого направленія причисляютъ всевозможныхъ писателей, начиная съ XIII вѣка; также и всѣхъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ этой главы, относятъ часто къ меркантилистамъ. Эту ошибку дѣлаютъ даже такіе компетентные историки политической экономіи, какъ Джонъ Ингремъ и Луиджи Косса; они какъ бы не даютъ себѣ отчета въ особенностяхъ меркантилизма и не понимаютъ его специфическихъ изслѣдованій. Онкенъ видитъ въ меркантилистахъ только группу такихъ писателей, которые касались вопросовъ безъ опасностей и благосостоянія и предла-

---

[1]) Самый терминъ mercantilisme, système mercantile, système commercial употребляется впервые въ XVIII столѣтіи физіократами

[2]) Schmoller, G.: Studien uber die wirtschaftliche Politik Friedrich d. Grossen въ „Jahrbuch für Gesetzgebung etc.“, т. VIII, стр. 43.

[3]) Д. Ингремъ: Исторія политической экономіи, рус. пер., 2-е изд., стр. 55.

© "Научное наследие России"

гаетъ поэтому и самое направленіе меркантилизма именовать иначе, а именно „системою государственной полиціи благосостоянія“ [1]).

Всѣхъ меркантилистовъ, какъ сказано выше, объединяетъ не философскій фундаментъ, а жизнь и апологія новыхъ теченій; въ ней они защищаютъ одно только общее положеніе—идею торговаго баланса. Однако все это отнюдь не должно умалять для насъ ихъ важности и достоинства.

Меркантилизмъ подъ вліяніемъ рѣзкой критики послѣдующихъ ученій, подъ вліяніемъ критически и оппозиціонно настроенныхъ теченій, третировался какъ нѣчто низменное и вульгарное, какъ система сознательно и преднамѣренно потакающая наживѣ и эксплуатаціи. Въ дѣйствительности это не вѣрно. Меркантилизмъ не состоялъ въ заботѣ о накопленіи денегъ и въ стремленіи къ наживѣ. Онъ вовсе не отождествлялъ денегъ съ богатствомъ, какъ утверждалъ о немъ ложно Адамъ Смитъ.

Меркантилизмъ за отдаленностью эпохи и благодаря пренебрежительному къ нему отношенію, мало изученъ. Даже самое существованіе такой системы отрицалось. Литературные памятники того времени составляютъ библіографическую рѣдкость и за немногими исключеніями не переведены на другіе языки. Другою трудностью изученія меркантилизма является то, что вся система никогда не была обработана въ одно синтетическое цѣлое, въ логически стройное ученіе, изложенное полностью въ одномъ какомъ нибудь исчерпывающемъ это направленіе сочиненіи. У меркантилизма не было ни своего Аристотеля, ни своего Ѳомы Аквинскаго, ни Адама Смита, ни К. Маркса, ни Рошера. Но теорія меркантилизма какъ бы носилась въ воздухѣ, выражаясь болѣе или менѣе ясно то у одного, то у другого писателя.

Идеи меркантилизма въ настоящее время не совсѣмъ забыты. Между эпохою меркантилизма и современною во многомъ имѣется громадное сходство. Какъ тогда, такъ и теперь европейскіе народы переживаютъ серьезныя измѣненія въ своемъ хозяйственномъ укладѣ. Какъ тогда, такъ и теперь интересы и значеніе центральной власти занимаютъ господствующее мѣсто. Меркантилисты были буржуа-государственники, преклонявшіеся

[1]) Dr. August Oncken. Geschichte der Nationalokonomie. Erster Teil, Leipzig, 1902, стр. 148.

ЭБ "Научное наследие России"

передъ капиталомъ, но не знавшіе еще капитализма. Они являлись идеологами городского зажиточнаго слоя, стремившегося къ накопленію капитала, подъ охраною сильной монархической власти. Меркантилизмъ былъ экономическою доктриною абсолютизма. Современный буржуазный капиталистическій строй весь держится на государственномъ содѣйствіи, начиная отъ мелкихъ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ промышленности, кончая активнымъ содѣйствіемъ гигантскимъ трестамъ.

Меркантилизмъ особенно мало изученъ въ той позднѣйшей его части, которая представляетъ собою его разложеніе. Причины неудачъ меркантильной политики особенно интересны. Если бы въ экономической литературѣ появилось изслѣдованіе, которое поставило бы своею задачею указать новыя явленія, которыя выдвинула жизнь противъ меркантилистовъ, то такая работа безусловно принесла бы пользу экономической политикѣ настоящаго времени.

Меркантилисты, какъ было уже указано, являлись идеологами новыхъ хозяйственныхъ условій Европы, которыя они часто неумѣренно восхваляли. Феодальный строй и патріархальныя привычки находили въ нихъ горячихъ порицателей. Ихъ защита денежнаго хозяйства и государственнаго вмѣшательства первоначально была по своему революціонна, хотя аргументы свои они черпали изъ сомнительнаго „здраваго смысла“, а въ духовныхъ своихъ повадкахъ и вкусахъ являлись скорѣе чистокровными консерваторами худшаго типа. Меркантилисты хотя и не создали цѣлостной теоріи, но всѣ взгляды и рецепты ихъ проникнуты единымъ настроеніемъ. И если въ наукѣ нельзя указать Евангелія меркантилизма, подобнаго святая святыхъ буржуазіи—„Богатству народовъ“ Адама Смита,—зато всегда легко угадать меркантилиста любой страны и эпохи. Только современные меркантилисты въ своей аргументаціи болѣе робки, чѣмъ меркантилисты стараго времени.

Центральными пунктами въ воззрѣніяхъ меркантилистовъ были: правительственная опека всѣхъ слоевъ населенія и всѣхъ хозяйственныхъ его функцій и стремленіе къ возможно большему количеству благороднаго металла, запасы котораго отождествлялись имъ съ народнымъ богатствомъ. Переходъ къ денежному укладу сверху до низу, усиленіе центральной власти, образованіе великихъ государствъ—

ЭБ "Научное наследие России"

заставляли искать возможно большихъ денежныхъ средствъ. Если разсмотрѣть формы, въ которыхъ выразилась эта забота о приливѣ матеріальныхъ средствъ въ страну, то легко можно различить три стадіи въ развитіи меркантилизма: 1) варварскую, 2) торговую и 3) стадію расчетнаго баланса.

Разсмотримъ бѣгло каждую изъ нихъ.

Въ первой стадіи развитія меркантилизма на деньги смотрятъ очень примитивно: считаютъ, что чѣмъ больше въ странѣ благороднаго металла, тѣмъ страна богаче. Поэтому повсемѣстно усиливается чеканка монеты. Когда для чеканки не хватаетъ металла, усиливается фальсификація и порча монеты; съ цѣлью накопленія ея запрещается вывозъ благородныхъ металловъ за границу и поощряется ихъ ввозъ. Въ первый періодъ прибѣгали еще и къ самымъ жестокимъ средствамъ—грабили и убивали капиталистовъ, особенно евреевъ, чтобы добыть денегъ поддерживали работорговлю, пиратовъ и т. д., словомъ. ни предъ чѣмъ не останавливались, лишь бы захватить побольше благороднаго металла. Такая хищническая экономическая политика поддерживалась обязательствомъ ввозить обратно часть денегъ, вырученныхъ отъ иностранцевъ въ звонкой монетѣ. Въ Англіи кромѣ того иностранные купцы обязывались тратить всю выручку на покупку англійскихъ товаровъ. Для этого существовалъ спеціальный надзоръ правительственныхъ чиновниковъ въ staple towns и функціонировалъ особый государственный мѣняла (royal exchanger). Типичнымъ выразителемъ этого періода является Миссельденъ. Первоначально указанныя меркантильныя идеи распространяются въ Англіи, Испаніи и Португаліи, затѣмъ уже переходятъ на сѣверъ и востокъ.

Во второй стадіи начинается усиленная погоня за товарами. Уже не довольствуются однимъ запрещеніемъ вывоза золота и серебра, но придумываютъ новыя средства завладѣть богатствами. Начинаютъ зорко слѣдить за тѣмъ, какъ идетъ обмѣнъ различныхъ товаровъ, какъ происходятъ торговыя сдѣлки. Для всѣхъ операцій внѣшней торговли назначаются особыя мѣста, особые чиновники, которые должны слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ страны никто не вывозилъ металловъ. Если, напримѣръ, кто-либо изъ иностранцевъ продалъ товару на 100,000 рублей, онъ долженъ эти деньги оставить въ странѣ и, если все-таки окажется

ЭБ "Научное наследие России"

излишекъ, онъ долженъ показать его чиновникамъ. Такимъ образомъ, всѣ денежныя сдѣлки проходили черезъ правительственный контроль. Какъ въ первомъ періодѣ находились экономисты (напримѣръ, Миссельденъ), которые защищали положеніе, что все богатство заключается въ металлическихъ деньгахъ, такъ во второмъ періодѣ нашлось еще большее число защитниковъ теоріи денежнаго баланса [1]).

Третья стадія въ развитіи меркантилизма еще болѣе осложняетъ вопросъ. Въ эту эпоху основной заботой являются мѣропріятія, направленныя на то, чтобы стоимость вывоза превосходила стоимость ввоза. При этомъ необходимо было, чтобы получился возможно большій излишекъ, т. е. балансъ при вывозѣ, выгодный для казны. Такимъ образомъ вмѣсто балансовъ денежнаго и товарнаго, направленнаго на наблюденіе за товарными сдѣлками, появляется балансъ, въ себя ихъ вмѣщающій, какъ часть, именно—разсчетный. Меркантилизмъ въ такомъ видѣ современные ему экономисты признавали наиболѣе правильнымъ и долгое время думали, что найденъ истинный путь къ благосостоянію государства. Съ этою цѣлью преслѣдуется роскошь и все то, что требуетъ прилива иностранныхъ товаровъ въ страну. Новую точку зрѣнія защищаетъ цѣлая группа экономистовъ, которые, въ концѣ концовъ, являются наиболѣе типичными представителями теоріи меркантилизма. Таковы, напримѣръ, англичане Томасъ Мэнъ, Чайльдъ, Дэвенантъ, Вилліамъ Темпль и др. Большинство европейскихъ странъ, не исключая Россіи, увлекается воззрѣніями меркантилизма и имѣетъ своихъ представителей этого направленія. Въ эту же эпоху, послѣднюю эпоху меркантилизма, наступаетъ и разочарованіе имъ. Причинъ для такого отношенія было много. Во первыхъ, было обращено вниманіе на то, что деньги имѣютъ значеніе не только въ силу своего количества, но и въ силу быстроты обращенія. Затѣмъ, въ связи съ этимъ было отмѣчено, что въ торговлѣ все болѣе преобладающее значеніе получаетъ кредитъ и векселя, вытѣсняющіе наличный металлъ. Поэтому сами меркантилисты начинаютъ отказываться отъ защиты торговаго баланса и переходятъ къ заботамъ о внутренней торговлѣ и промышленности.

---

[1]) Изъ русскихъ экономистовъ эту эпоху обстоятельно разсмотрѣлъ акад. И. Янжулъ, въ сочиненіи: „Исторія англійской свободной торговли“, т. I. М, 1876 г

ЭБ "Научное наследие России"

Наконецъ, самый ходъ экономической жизни Европы, особенно участь Испаніи, о которой мы будемъ еще говорить ниже, а также развитіе новыхъ, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ жизни, идей окончательно разрушаютъ меркантилизмъ, какъ систему. Его послѣднимъ выраженіемъ была такъ называемая система кольбертизма, единственное, что сравнительно полезное оставилъ послѣ себя меркантилизмъ. Главнымъ выразителемъ этой новой политики былъ французскій министръ Кольберъ (1661 — 1683), по имени котораго иногда и вся меркантильная система называется „кольбертизмъ“. Послѣднее названіе („colbertismo“) далъ этому направленію итальянскій публицистъ Менготти [1]). Правильно, однако, подъ кольбертизмомъ разумѣть чисто французскую разновидность меркантилистической политики (Онкенъ). Мѣропріятія Кольбера, какъ извѣстно, являются сравнительно удачнымъ и полезнымъ моментомъ въ экономической исторіи Франціи XVII вѣка. Блестящее развитіе послѣдняго было лебединою пѣснею меркантилизма. Наступила эпоха его окончательнаго паденія.

Гл. 2. Экономическая политика меркантилизма.

Усиливавшееся могущество центральной власти постепенно суживаетъ экономическую инициативу подданныхъ. И самыя начинанія, и планъ, и исполненіе, и надзоръ за ними постепенно переходятъ въ руки государства Государство,—этотъ Левіафанъ современности,—становится главнымъ рычагомъ всей промышленной жизни народа, которымъ оно распоряжалось, согласно принципу: „l'état c'est tout“. Личность поэтому дѣлается все болѣе безправной, безвольной и беззащитной. Она становится простымъ объектомъ государственныхъ мѣропріятій въ области промышленности и торговли. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ Вильгельмъ I схватываетъ, несмотря на протесты, слесарей и шлетъ ихъ къ Петру I. Карлъ Вюртембергскій, введя соляную монополію и недовольный размѣрами поступающихъ къ нему доходовъ, приказываетъ каждому изъ подданныхъ покупать соль въ бо́льшихъ, чѣмъ имъ нужно, размѣрахъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ деспотовъ точно также приказываетъ своимъ вѣрноподд-

[1]) Il Colbertismo, 1792

ЭБ "Научное наследие России"

даннымъ покупать изданные имъ въ пользу казны календари, грозя въ противномъ случаѣ штрафомъ въ 10 талеровъ. На основѣ такихъ воззрѣній возникла всеобъемлющая, широкая и детализированная опека центральной власти съ полнымъ внѣдреніемъ во всѣ стороны народной жизни. Огражденіе, запрещеніе, содѣйствіе становятся девизами новой политики—государственнаго вмѣшательства въ частное и народное хозяйство. Послѣднее сказалось въ двухъ направленіяхъ, во-первыхъ, въ видѣ тенденціи въ стѣсненіи частной иниціативы и индивидуальной свободы, во-вторыхъ, въ видѣ защиты одной группы населенія отъ другой и отъ внѣшнихъ вліяній. Въ итогѣ получилось то типичное соединеніе политическаго угнетенія съ защитою исключительно экономическихъ интересовъ, которымъ всегда характеризовался абсолютизмъ.

Въ зависимости отъ реализаціи той или другой тенденціи проводились и государственныя мѣропріятія. Одна группа мѣръ, какъ было указано, направлялась или къ передачѣ частной иниціативы правительству, или къ общей опекѣ надъ всѣмъ народонаселеніемъ, или, что чаще, къ опекѣ надъ его отдѣльными классами.

Общая опека выразилась въ запрещеніи вывоза денегъ, въ установленіи вначалѣ торговаго, а потомъ денежнаго баланса. Что касается опеки надъ отдѣльными классами населенія, то ее можно подраздѣлить на три группы: на опеку надъ производителями, посредниками и потребителями. Опека надъ производителями, или, такъ называемый, „кольбертизмъ“, состояла въ особомъ покровительствѣ туземной промышленности какъ путемъ насажденія ея, такъ и путемъ защиты отъ конкуренціи иностранцевъ. Защита была двоякаго рода: установленіе пошлинъ или же привозъ мастеровъ, которые могли бы конкурировать съ иностранцами.

Въ то же самое время запрещается ввозить въ страну, съ которой установились враждебныя отношенія, сырье, машины. Такъ, въ Англіи Генрихъ VI запрещаетъ вывозъ пряжи, Генрихъ VIII—кожи. Рука объ руку съ этимъ идетъ и колоніальная политика и мѣры пресѣченія конкурентной торговли колоній. Разрѣшается производить торговлю только на судахъ метрополіи; въ этомъ духѣ издается извѣстный навигаціонный актъ Кромвеля въ 1651 году: согласно акту Кромвеля всѣ привозимые въ Великобританію товары

ЭБ "Научное наследие России"

должны приходить только на британскихъ корабляхъ. Въ томъ же духѣ были изданы и испанскіе эдикты Филиппа III, который грозилъ смертною казнью за ввозъ чужеземныхъ товаровъ въ американскія колоніи Испаніи. Ради той же опеки надъ производителями Елизавета въ 1563 году устанавливаетъ особый постъ для поощренія рыболовства, а нѣсколько позже, ради содѣйствія шерстяному дѣлу, требуетъ погребенія въ шерстяномъ платьѣ, грозя штрафомъ въ 5 ф. стерлинговъ всѣмъ отступникамъ отъ ея приказа.

За опекой слѣдуетъ контроль. Контроль надъ производствомъ и его рекламентація переходятъ къ центральной власти отъ цеховыхъ организацій. Такъ, напримѣръ, въ 1363 году издается приказъ, чтобы всѣ англійскія сукна для продажи шли черезъ правительственнаго сукномѣра, конечно, съ оплатой соотвѣтственной пошлины. Въ 1463 году издается особый указъ о законной длинѣ и ширинѣ отдѣльныхъ сортовъ той же матеріи. При Тюдорахъ издается соотвѣтствующее постановленіе о выдѣлкѣ деревенской шерсти, выработкѣ пива, серебряно-золотыхъ издѣлій и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается строгій надзоръ за мѣрами и вѣсами, клеймомъ и пробой издѣлій.

Исполненіе всѣхъ постановленій гарантируется суровыми наказаніями. Было уже сказано, что Филиппъ III испанскій за ввозъ товаровъ въ испано-американскія владѣнія грозилъ смертною казнью. То же дѣлаетъ Филиппъ IV по отношенію ввоза золота. Такъ же суровъ Генрихъ VIII въ Англіи.

Не менѣе тяжела опека надъ посредниками. Международные торговые договоры стремились дипломатическимъ путемъ устранить конкурентовъ. Акціонерныя и торговыя компаніи, напримѣръ, Остъ-Индская, получаютъ различныя привилегіи въ торговлѣ колоніальными товарами. Мѣры и вѣсъ на рынкѣ становятся объектомъ наблюденія рыночной полиціи. Филиппъ IV разрѣшаетъ ввозить всѣ иностранные товары въ Испанію только черезъ одну гавань, именно, Кадиксъ.

Еще детальнѣе была опека надъ потребителями. Тутъ мы видимъ и таксу на предметы первой необходимости, и контроль за качествомъ товаровъ (рыночная полиція), и таксу заработной платы, какъ минимумъ ея, и борьбу съ роскошью, и законъ о бѣдныхъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Таксы устанавливались почти на всѣ предметы первой необходимости. Исполненіе таксаціи цѣнъ гарантировалось штрафомъ за уклоненіе и конфискаціею какъ денегъ, такъ и товаровъ при продажѣ не по таксѣ. Такъ, Генрихъ VIII англійскій устанавливаетъ слѣдующую таксу на вино и мясо: говядина и свинина—1/3 пенса, баранина—3 фартинга за фунтъ, французское и нѣмецкое вино—18 пенсовъ галонъ, испанское и португальское—1 шиллингъ галонъ. Помимо таксы издаются очень грозныя запрещенія торговцамъ притѣснять производителей и потребителей. Не менѣе назойливо производится контроль надъ качествомъ товаровъ. Рыночная полиція захватываетъ подъ свой надзоръ всѣ торговые обороты.

Таксы заработной платы устанавливаются уже съ половины XIV вѣка. Такъ, статуты рабочихъ 1350 года знаютъ плату, такъ называемую „плату до моровой язвы“ и плату позднѣйшую. Въ 1388 году устанавливаются штрафы за плату, превышающую опредѣленный максимумъ. По знаменитому закону Елизаветы 1562 г. заработная плата рабочимъ устанавливается на судѣ экспертами и опубликовывается въ каждомъ отдѣльномъ округѣ до всеобщаго свѣдѣнія. Согласно статьѣ 15-й этого закона плата должна „доставлять рабочему человѣку пропитаніе на цѣлый годъ“. Эта система стоитъ въ связи съ принудительнымъ трудомъ такъ какъ никто не можетъ отказаться отъ работы, предложенной ему по платѣ, установленной закономъ. Точно такія же таксы на заработную плату устанавливаются и въ области земледѣлія. Вся дальнѣйшая исторія рабочаго движенія сводится къ тому, чтобы отмѣнить ненавистные законы о заработной платѣ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ въ Англіи, сами рабочіе добиваются установленія опредѣленной заработной платы. Одновременно издается законъ противъ союзовъ рабочихъ, связанный съ закономъ объ осѣдлости (1662 г.).

Законы противъ роскоши извѣстны съ половины XIV вѣка. Такъ, по англійскому закону 1363 г. пахари и пастухи не должны носить матерію дороже 1 шиллинга за аршинъ. Обѣдъ и ужины простолюдина не должны состоять болѣе, чѣмъ изъ 2-хъ блюдъ и 2-хъ сортовъ пищи, а въ праздникъ—3-хъ. По закону 1463 г. прислуга не должна носить платье дороже 2-хъ шиллинговъ за ярдъ, чулки не

ЭБ "Научное наследие России"

дороже 18 пенсовъ за штуку, платки не дороже 20 пенсовъ за штуку. Въ 1482 г. опубликовывается повтореніе этого закона. Многія изъ мѣропріятій этого типа сохраняются надолго въ европейскомъ законодательствѣ и переживаютъ самый смыслъ его. Нѣкоторыя же изъ этихъ мѣръ, своевременно исчезнувшія, появляются вновь только въ 19 вѣкѣ съ развитіемъ протекціонной политики. Нѣмецкій экономистъ Конрадъ считаетъ вѣкъ XVI,—вѣкъ особеннаго развитія меркантилизма, и вѣкъ XIX—близнецами. Но Конрадъ имѣетъ передъ своимъ умственнымъ взоромъ только условія германскія и вообще европейскія. Еще болѣе типичны въ этомъ смыслѣ русскія условія. Если Бруно Гильдебрандъ, сказалъ, что меркантилизмъ есть политика абсолютизма, то мы, основываясь на примѣрахъ 19 столѣтія, можемъ утверждать, что абсолютизмъ и меркантилизмъ не только взаимно дополняютъ другъ друга, но одинъ безъ другого совершенно немыслимы.

Гл. 3. Меркантилизмъ въ Западной Европѣ.

I.

Идеологію новыхъ буржуазныхъ отношеній выясняли съ большимъ усердіемъ въ Испаніи, Англіи и Италіи. Франція и Германія также не остались чужды этому движенію, хотя меркантилизмъ въ первой изъ нихъ выразился скорѣе въ экономической политикѣ, въ системѣ мѣропріятій, законовъ, правилъ поведенія, а во второй — въ особомъ направленіи, въ камералистикѣ Не осталась чужда меркантилизму и Россія.

Общаго исчерпывающаго обзора меркантилизма до сихъ поръ нѣтъ, какъ не было у меркантилизма — единаго евангелія, главной теоретической книги, излагающей основныя положенія системы. Существуетъ нѣсколько объясненій отсутствія общей теоретической системы у меркантилистовъ. Здѣсь, между прочимъ, можетъ быть принято во вниманіе удачное замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу проф. А. Онкеномъ.

„Понятіе торговаго баланса,—говоритъ Онкенъ,—всегда принимается (меркантилистами) за нѣчто, не требующее болѣе глубокаго основанія. Въ этомъ лежитъ причина, почему меркантилизмъ, несмотря на свою необыкновенно бо-

ЭБ "Научное наследие России"

гатую литературу, не можетъ быть признанъ собственно теоретическою системою. Его представители разрабатываютъ исключительно практическіе вопросы торговой и экономической политики. Теоріи еще не существуетъ. Меркантилизмъ является практической, а не теоретической или научною системою политической экономіи“ [1]).

Отсутствіе теоретической системы у меркантилистовъ въ значительной степени обязано тому, что центромъ вниманія общественной мысли того времени была идея государственной власти, территоріальной организаціи, національно-политическаго могущества. Интересы хозяйства были средствомъ, а не цѣлью. Мысль писателей была направлена на то, главнымъ образомъ, к а к ъ достигнуть государственнаго благополучія, національнаго богатства, а не на причинный анализъ существующихъ формъ. Такое отношеніе отразилось на ученіи меркантилистовъ всѣхъ странъ. Конечно идеи, основоположенія меркантилизма развивались медленно и постепенно, принимая въ каждой изъ европейскихъ странъ совершенно особый характеръ. Разсмотримъ поэтому, какъ развивались меркантилистическія идеи въ каждой изъ странъ въ отдѣльности. Начнемъ съ Испаніи.

II. Меркантилизмъ въ Испаніи.

Если всмотрѣться въ ходъ экономической жизни въ теченіи долгаго періода, начиная съ XIII, кончая XVII столѣтіемъ, то первое, что бросается въ глаза, — это все ускоряющаяся смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, а отсюда всеобщее стремленіе къ наличнымъ металлическимъ деньгамъ. Погоня за деньгами одушевляла всѣ слои населенія и особенно жгуча была у многочисленныхъ европейскихъ правительствъ. И, дѣйствительно, падающее земледѣліе феодаловъ не могло предоставить выгодныхъ источниковъ. Необходимо было обратиться къ новымъ источникамъ—торговлѣ, промышленности, завоеваніямъ. Мануфактура и колоніальная политика сдѣлались предметомъ особаго покровительства. У правительства же всѣ мѣры сводились къ тому, чтобы довести цифру бюджета до возможно большей величины, что было естественно связано съ

---

[1]) Dr. August Oncken: Geschichte der Nationalokonomie. Erster Teil. Leipzig, 1902, стр. 157—158, (русс. пер. СПБ., 1908, стр. 163)

ЭБ "Научное наследие России"

созданіемъ особой національной политики. Послѣдняя была наиболѣе типична въ тогдашней „первой странѣ міра“—Испаніи. Къ тому же здѣсь и меркантилизмъ достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Одно время Испанія стояла впереди всѣхъ государствъ Европы. Въ ея рукахъ были пути въ Индію и въ Новый свѣтъ. Ей же принадлежали и громадные запасы драгоцѣнныхъ металловъ въ видѣ мексиканскихъ серебряныхъ рудниковъ, и обширный флотъ, и многочисленныя заатлантическія колоніи, безпрекословно подчинявшіяся метрополіи, словомъ, все, что являлось вожделѣннымъ по рецепту меркантилистовъ. Но такъ продолжалось недолго. Тѣ же факторы, которые служили какъ бы признаками могущества, оказались причинами разложенія экономическаго строя этой злосчастной страны. Великолѣпная нѣкогда страна Сида Компеадора, блестящаго рыцаря и героя, превратилась въ страну, гдѣ уныло бродили одни Донъ-Кихоты. Признаніе нидерландской независимости было формальнымъ завершеніемъ политическаго паденія Испаніи[1]). Вскорѣ и первенство въ міровой торговлѣ изъ рукъ Испаніи переходитъ въ руки Голландіи, а позднѣе—Англіи. Если всмотрѣться въ причины паденія Испаніи, то мы прежде всего увидимъ правительственный абсолютизмъ, который въ своихъ проявленіяхъ ничѣмъ не сдерживается, — это не „просвѣщенный абсолютизмъ“, а абсолютизмъ безмозглый, жестокій, свирѣпый.

Въ остальной Европѣ власть держится соединеніемъ

---

[1]) Историческая наука удѣлила много вниманія выясненію причинъ паденія Испаніи. Съ экономической точки зрѣнія лучшимъ изслѣдованіемъ является небольшая работа Морица Бона, мюнхенскаго доцента, озаглавленная „Паденіе Испаніи“—Spaniens Niedergang, Штутгартъ, 1896 г. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія L. v. Ranke: Zur venetianischen Geschichte, собраніе соч. 42 т.—Его же: Geschichte der romanischen und germanischen Volker, соч. 33 и 34 т.т.—Его же: Die Spanische Monarchie im 16 und 17 Jahrhundert, собр. соч. 35 и 36 т.т.—Labarde: Itinéraire de l'Espagne, 2 изд. 1839 г.—Adolf Ebert: Quellenforschungen aus der Geschichte Spaniens. Кассель, 1849 г.—Hermann Baumgarten: Geschichte Karls V. Штутгартъ, 1885 г., стр. 60 и сл.; особенно стр. 64 и 74.—Peschel: Zeitalter der Entdeckungen. 2 ч. Штутгартъ 1877 г.—Häbler: Die wirtschaftliche Blute Spaniens im 16 Jahrhundert und ihr Verfall Берлинъ, 1888 г.—См. также Scherer: Allgemeine Geschichte des Welthandels II, 142—272.—Beer: Allgemeine Geschichte des Welthandels I, 213—218, 2 ч., 113—167.—Zimmermann: Die Kolonialpolitik Portugals und Spaniens in ihrer Entwickelung von den Anfangen bis zur Gegenwart. Берлинъ, 1896 г.—Haebler: Die Geschichte der Fugger'schen Handlung in Spanien. Веймаръ, 1897 г.—Hermann Müller: Les origines de la compagnie de Jésus, Ignace et Lainez Парижъ, 1898 г.

35 "Научное наследие России"

центральнаго правительства съ мелкими феодалами, на связи съ городами, съ буржуазіей. Въ Испаніи же эта власть держится единственно на одномъ дворянствѣ, и это положеніе очень своеобразно. Испанское дворянство — гидальго для Испаніи является чѣмъ-то съ внѣшней стороны привлекательнымъ. Но по существу дворянство выражаетъ собою презрѣніе къ труду, особенно промышленному. Представители труда во время феодализма несли всѣ налоги, а рыцари были свободны. Съ паденіемъ феодализма въ Европѣ, внутренняя энергія рыцарства направилась на новыя формы жизни, на экономическій подъемъ. Но не то въ Испаніи. Здѣсь рыцарство, въ силу войны съ Италіей и Европой, благодаря маврамъ и открытію Америки, удержалось надолго. Испанія въ свое время поставляла на весь міръ интеллигентныя силы солдатъ и чиновниковъ и этимъ себя ослабила. Испанскіе гидальго принесли съ собою только феодальный строй; съ паденіемъ его гидальго оказались неспособными къ труду. Немногочисленная буржуазія и разоренное простонародье подражало только гидальго. Повсюду въ Европѣ короли и города соединились для борьбы съ феодализмомъ, въ Испаніи дѣло пошло иначе. Карлъ V получалъ деньги изъ Голландіи, Филиппъ II изъ Перу и Мексики, города имъ были не нужны. Затѣмъ всюду, въ тогдашней Европѣ, шло усиленное развитіе индивидуальной иниціативы и хозяйственнаго строя. Между тѣмъ, и въ этомъ отношеніи въ Испаніи было иначе. Здѣсь укрѣплялось военно-чиновничье государство. Здѣсь же создалась неслыханная въ Европѣ организація подавленія индивидуума и индивидуализма. Рука объ руку съ обществомъ Св. Іисуса развивался и самый крайній абсолютизмъ. Рыцари буквально всѣхъ терроризировали. Феодальные маіораты, прежде преслѣдуемые, теперь начинаютъ усиленно поощряться. Изыскивая способы къ существованію, рыцари берутся, но неудачно, за овцеводство. Вся Андалузія принадлежала тогда пяти лицамъ, крестьянство было разорено, дома сожжены, заборы сломаны, сельское хозяйство было совершенно заброшено. Рыцарское овцеводство въ концѣ концовъ поглотило и самихъ овцеводовъ.

Европейцы того времени усердно однако старались подражать испанскому „рыцарю безъ страха и упрека“. Королевская власть, опиравшаяся только на дворянство,

ЭБ "Научное наследие России"

была безъ денегъ. Начинается отчаянная погоня за деньгами. При Филиппѣ пользуются рудниками Новаго Свѣта и даже покровительствуютъ корсарамъ, съ цѣлью полученія возможно бо́льшаго количества драгоцѣнныхъ металловъ. Государственные долги возрастаютъ. По смерти Карла V ихъ осталось на 20 милл. дукатовъ. Филиппъ II, дважды объявлявшій себя банкротомъ, все же оставилъ долгъ въ 20 милл. дукатовъ. Единовременно развивается покровительство государства и церкви... бездѣлью. Массы уходятъ въ монастыри, число которыхъ чрезвычайно увеличивается. Рядомъ съ безразсуднымъ гидальго появляется не менѣе характерная фигура безпечнаго монаха.

Такія ненормальныя условія при почти полномъ отсутствіи своего производства вызвали громадный подъемъ цѣнъ. Къ этому присоединилось безразсудство экономической политики, вдохновляемой идеями меркантилизма Испанія покровительствовала ввозу чужихъ товаровъ, наивно запрещая вывозъ металла. Въ итогѣ металлическія деньги ушли, а мѣстные промыслы, убитые дешевымъ иноземнымъ товаромъ, прекратились. Вскорѣ оказалось, что Колумбъ открылъ Америку не для Испаніи, а только для двора Леона и Кастильи. Кромѣ 323 тысячъ монаховъ въ Испаніи постепенно оказалось около 160 тысячъ чужихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Высылая колоніи своихъ за границу, Испанія внѣдряла у себя колоніи чужеземцевъ. Всѣ свободныя деньги уходили въ колоніи и на платежъ процентовъ по государственнымъ займамъ. Цѣна мѣдной монеты въ теченіи XVI вѣка удвоилась, а населеніе Испаніи уменьшилось въ два раза. Къ началу 1600 года народонаселеніе Испаніи съ 10 милліоновъ 1500 года уменьшилось до 5 милліоновъ. Кромѣ того, замѣчается одно любопытное явленіе: деньги уплываютъ изъ страны и чѣмъ больше ограничиваютъ циркуляцію металловъ, тѣмъ быстрѣе деньги уходятъ и, въ концѣ концовъ, страна, которая обладала громадными запасами золота, лишается его почти совсѣмъ. Въ обращеніи находятся только однѣ мѣдныя деньги, а золотыя представляютъ большую рѣдкость. Испанія въ XVI вѣкѣ находится прямо таки въ трагическомъ положеніи.

Таковъ былъ результатъ послѣдовательнаго проведенія идей меркантилизма въ экономической политикѣ.

ЭБ "Научное наследие России"

Въ то время, когда абсолютизмъ въ Испаніи усиливался и поддерживалъ дворянство и духовенство, всѣ остальные классы начали эмигрировать. Когда же почти вся торговля очутилась въ рукахъ иностранцевъ, то правительство только радовалось этому, думая, что въ страну благодаря этому приливаютъ иностранные капиталы. Въ нѣкоторыхъ испанскихъ городахъ около $^2/_3$ торговаго и промышленнаго населенія были иностранцы. Каждый испанецъ презиралъ трудъ и торговлю, а если находилъ ихъ полезными, то не оставался въ странѣ, а эмигрировалъ за-границу. Единственный способъ, возможный для населенія страны,—вывозъ хлѣба и шерсти,—воспрещался. Разрѣшалось ввозить только то, что нужно большимъ городамъ, двору и придворнымъ. И при всемъ томъ свирѣпствовала ужасающая система налоговъ, особенно на производство; за переходъ же съ мѣста на мѣсто полагался 10%-ный налогъ. Въ результатѣ—нѣкогда богатая страна разорилась, торговля и промыслы исчезали. Все это заставило правителей и мыслителей Европы задуматься. Очевидно, что съ меркантилизмомъ обстояло не такъ благополучно, и вотъ правительства понемногу начинаютъ отказываться отъ политики меркантилизма. Сфера государственнаго вмѣшательства становится постепенно все меньше, обращается вниманіе на развитіе промышленности, фабрикъ. Наступаетъ полоса болѣе умѣреннаго меркантилизма.

Изъ отдѣльныхъ представителей меркантилистическаго ученія въ Испаніи могутъ быть упомянуты Іеронимъ де Уцтарицъ, написавшій Teórico y práctica de Commercio y de Marino (1724), и Бернардъ де Уллоа, авторъ Restablecimiento de las Fábricos y Commercio Espanol (1740).

III. Меркантилизмъ въ Англіи.

Меркантилизмъ во Франціи, какъ удачно замѣтилъ Онкенъ, носитъ характеръ мануфактурный, на Пиринейскомъ полуостровѣ—колоніальной торговли, въ Голландіи онъ сосредоточивается на мореплаваніи и посредничествѣ, а въ Англіи онъ захватываетъ сферой своего вліянія и земледѣліе, получая, такимъ образомъ, аграрный оттѣнокъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь не только навигаціонный актъ Кромвеля (1651), но и Хлѣбный Законъ Вильгельма III—1689 года, проникнутый заботами о сельскомъ хозяйствѣ.

ЭБ "Научное наследие России"

Еще въ 1599 году, по указанію „Календаря государственныхъ бумагъ“ за 1598—1601 г., англійскіе купцы ходатайствовали о свободѣ торговли съ Германіей по рѣкамъ Эльбѣ и Везеру. Тогда же, по свидѣтельству академика Янжула, детально изучившаго происхожденіе идей англійской свободной торговли, впервые создалось и самое наименованіе—свободная торговля, free trade, несходившая затѣмъ уже со сцены англійской мысли и жизни [1]). Правда, свобода торговли тогда понималась еще очень ограниченно и условно [2]), но важно, что новая идея уже была создана. Вскорѣ она становится центромъ вниманія. Литература того времени въ формѣ памфлетовъ, летучихъ листковъ и цѣлыхъ ученыхъ трактатовъ посвящаетъ свое вниманіе новой идеѣ. Литература меркантилизма въ Англіи разнообразна и обширна. Онкенъ дѣлитъ ее на три группы: купеческую, философскую и статистическую.

Къ первой, купеческой, онъ относитъ писателей, касавшихся денежно-процентнаго вопроса и вопроса о внѣшней торговой политикѣ; это Миссельденъ, Томасъ Мэнъ, Джосія Чайльдъ, Николай Барбонъ, Дэдлей Нортсъ, Джосуа Ги, Матью Денкеръ. Ко второй, философской,—Томасъ Моръ, В. Стаффордъ, Бэконъ Веруламскій, Т. Гоббзъ, Д. Локкъ, Джемсъ Стюартъ. Къ третьей, статистической, — Джонъ Граунъ, сэръ В. Петти, Галлэй, Девэнантъ, Григорій Кингъ.

Однимъ изъ первыхъ писателей въ духѣ меркантилизма былъ Жерардъ де Мэлайнесъ (Malynes), купецъ, консультантъ по торговымъ вопросамъ при Совѣтѣ Елизаветы и Якова I. Ему принадлежитъ нѣсколько экономическихъ сочиненій. Первое изъ нихъ [3]) появилось въ 1601 году и касалось вопроса о причинахъ экономическаго упадка Англіи, которыя, по его мнѣнію, заключались въ вывозѣ монеты, въ дешевыхъ цѣнахъ на туземные и высокихъ на иностранные товары. Мэланесъ также касается вопроса о монополіяхъ, противъ которыхъ онъ отнынѣ выступаетъ и приводитъ доводы въ защиту противоположной идеи—идеи свободы.

[1]) Янжулъ, И: Англійская свободная торговля, т I, 1876 г. стр 57.

[2]) См. Heyking: Zur Geschichte der Handelsbilanztheorie, Berlin, 1880, стр 36. Schmoller, G: Die englische Handelspolitik des 17. und 18. Jahrhunderts въ „Jahrbucher fur Gesetzgeb. Verwaltung und Volkswirthschaft“. Neue Folge, Berlin, 1899

[3]) Оно озаглавлено. A Treatise of the Canker of England's Commonwelth, Лондонъ, 1601

ЭБ "Научное наследие России"

Сходясь въ опредѣленіи понятія монополіи съ Жаномъ Бодэномъ, полагавшимъ, что монополія—есть соединеніе купцовъ ради произвольнаго повышенія цѣнъ на товары, Мэлайнесъ считаетъ монополію причиною повышенія цѣнъ. Ратуя противъ монополій и за свободу вообще, Мэлайнесъ, тѣмъ не менѣе, далеко не фритрэдеръ въ современномъ смыслѣ этого слова [1]). Его взгляды на экономическую свободу являлись исключеніемъ въ общемъ потокѣ ограничительныхъ идей меркантилизма.

Его сочиненія слѣдующія:

1. Lex Mercatoria, сборникъ морскихъ законовъ, начавшій выходить съ 1622 года и считавшійся современниками „великою книгою";

2. The Maintenance of Free Trade according to the essential parts of traffique etc., 1622, трактатъ противъ Миссельдена и

3. The Centre of the Circle of Commerce, 1623 г., второй трактатъ противъ Миссельдена.

Изъ писателей-меркантилистовъ, писавшихъ еще до Мэлайнеса, можетъ быть упомянутъ Джонъ Гейльсъ (John Hales) или Вилльямъ Стаффордъ (William Stafford),—одинъ изъ еще болѣе раннихъ англійскихъ меркантилистовъ. Въ англійской экономической литературѣ трудъ только что названнаго писателя представляетъ весьма важное явленіе. Ученымъ долгое время была извѣстна только книга: „Три разговора о распространенныхъ въ народѣ жалобахъ", изданная „дворяниномъ W. S." и помѣченная 1581 годомъ [2]). Первоначально полагали, что подъ этими иниціалами скрывается великій драматургъ Вилльямъ Шекспиръ (W. Shakespeare). Но съ конца же XVIII вѣка, на основаніи данныхъ сочиненія нѣкоего Антона Вуда: „Alhenea Otonienses",— эти иниціалы читаются иначе, а именно какъ— „Вилльямъ Стаффордъ". Указанія Вуда подкрѣплялись и біо-

[1]) Мнѣніе Jones'a: Primitive Political Economy of England 1859, стр. 61.

[2]) Полное заглавіе этого изданія: „A Compendious or Brief Examination of certayne ordinary complaints of divers of countrymen in these our dayecs, wich, although they are in some part unjust and frivolous, yet are they all by way of dialogues thoroughly debated and discussed, by W S. Ientleman. Imprinted—1581. Ингрэмъ въ своей „Исторіи политической экономіи" совершенно невѣрно титулуетъ это сочиненіе, какъ: „Brif Conception of English Policy", 1581.

графическими данными о богатой приключеніями жизни этого англичанина.

На сочиненіе „Стаффорда“ долго не обращалось особаго вниманія ни на его родинѣ, ни на континентѣ. Только въ XIX вѣкѣ Рошеръ усиленно подчеркнулъ его значеніе. То же, съ его словъ, дѣлаетъ и нашъ экономистъ Янжулъ. Послѣдній, впрочемъ, пренебрежительно замѣчаетъ: „По словамъ Рошера, который знакомъ съ этою книгою только изъ вторыхъ рукъ (бѣдный Рошеръ!), она составляетъ большую рѣдкость въ Англіи. Это не совсѣмъ вѣрно: трудъ W. S. находится въ Британскомъ Музеѣ (въ отдѣленіи Bibliotheca grenviliana,—а Британскій Музей далеко не лучшая англійская библіотека по книгамъ XVI вѣка“ [1]). Но и почтенный ученый тоже не правъ. На основаніи замѣчательно остроумнаго изслѣдованія г-жи Елизаветы Ламондъ [2]), а еще болѣе на основаніи найденныхъ ею манускриптовъ того же труда болѣе ранняго происхожденія [3]), можно вполнѣ безошибочно заключить, что сочиненіе, приписываемое Вилльяму Стаффорду, было написано нѣкимъ Джономъ Гейльсомъ около 1549 года [4]). Здѣсь не мѣсто приводить всѣ весьма вѣскія доказательства, собранныя нѣмецкими издателями Гейльса (Стаффорда). Интересующимся слѣдуетъ обратиться къ ихъ труду [5]).

Точное заглавіе сочиненія Гейльса слѣдующее: „Краткое изслѣдованіе объ извѣстныхъ ежедневныхъ жалобахъ различныхъ нашихъ земляковъ нашихъ дней, которыя хотя отчасти несправедливы и поверхностны, все же всѣ въ формѣ діалога основательно изложены и объяснены дворяниномъ W. S“. Книга изложена въ формѣ діалоговъ, что самъ авторъ считаетъ „лучшимъ способомъ для разъясненія

[1]) Янжулъ, Ив: Англійская свободная торговля, т. 1, 1876 г. стр. 39.

[2]) Lamond, E: ст. въ „English historical Review“ за 1891 годъ, апрѣльская книжка.

[3]) Одинъ манускриптъ Оксфордской библіотеки, другой частнаго лица, нѣкоего Ламбарда изъ г. Беехмонта (Кентъ), переписанный по приказанію частнаго лица въ 1565 году.

[4]) А быть можетъ, какъ есть предположеніе, и Thomas'омъ Smithe'омъ, (родив. 1514., ум 1577).

[5]) Prof. Emanuel Leser въ своемъ „Einleitung des Herausgebers“, предпосланномъ къ переводу сочиненія Гейльса-Стаффорда „Drei Gespräche, uber die in der Bevolkerung verbreitenden Klagen“ (№ 5 изъ серіи Brentano u. Leser). Sammlung älterer und neuerer staatswissenschaftlicher Schriften des In- und Auslandes. Лейпцигъ 1895. Duncker u Humblot). Болѣе раннихъ изданій, кромѣ изданія 1581 года, имѣется два: 1751 года (въ IX т. Hatleian Miscellany) и (Шекспировскаго общества) съ предисловіемъ J. Matthew и съ примѣчаніями F. Furnivall'я, Лондонъ, 1876.

ЭБ "Научное наследие России"

вопроса“ и написана очень интересно и живо. „Трудъ“ посвященъ королевѣ Елизаветѣ и распадается на три діалога: 1. „Краткое изложеніе государственнаго быта Англійскаго королевства“ 2. „Второй діалогъ, гдѣ излагаются далѣе причины названныхъ жалобъ“. 3 „Третій діалогъ, гдѣ будутъ приведены средства помощи для приведенныхъ бѣдствій“.

Діалогъ ведутъ: дворянинъ, купецъ, докторъ, сельскій хозяинъ (фермеръ) и ремесленникъ [1]). Всѣ жалуются, докторъ рѣшаетъ споръ. Центральнымъ пунктомъ служитъ характерное явленіе того времени—жалобы на „господствующую дороговизну“, на „отсутствіе денегъ“, на „упадокъ деревень“, на отрицательныя стороны вновь развивающагося крупнаго землевладѣнія и, наконецъ, на явленія не экономическаго порядка, на „религіозныя смуты“. Дороговизна и отсутствіе денегъ объясняются порчею монетъ, практиковавшеюся Генрихомъ VIII. Различные классы страдаютъ отъ порчи монетъ неодинаково. Земледѣльцы, продавая хлѣбъ, даже выигрываютъ отъ такого порядка вещей. Тѣмъ не менѣе, общее зло сильно, оно перевѣшиваетъ выгоды землевладѣльцевъ, что и вызываетъ всеобщія жалобы. Та же порча монетъ, по мнѣнію Стаффорда, ведетъ „къ полному обѣднѣнію государства и къ необыкновенному ослабленію государственнаго могущества“ (стр. 81) и даже къ полному „уничтоженію страны“ (стр. 69). Особенно страдаютъ рабочіе, заработная плата которыхъ хотя и повысилась, но покупательная сила ея уменьшилась. Замѣчаніе это должно быть признано имѣющимъ высокую теоретическую цѣнность.

Интересны въ этомъ сочиненіи взгляды на деньги и торговлю. По справедливому мнѣнію Стаффорда, только содержаніе чистаго металла въ монетѣ опредѣляетъ ея стоимость, а не названіе, даваемое денежному знаку. Поэтому покупательная сила денегъ равна содержанію въ нихъ чистаго металла. „Названіе вещи,—говоритъ Стаффордъ,—можно измѣнить, но не цѣнность, по крайней мѣрѣ не на долгое время, ибо мы не живемъ въ странѣ, какъ Утопія, у которой нѣтъ внѣшнихъ сношеній“. Такимъ образомъ старое право государства чеканить монету по своему усмотрѣнію и безъ всякой

[1]) Послѣдній изъ собесѣдниковъ почему-то пропущенъ ак. И. И. Янжуломъ въ его I томѣ „Англійской свободной торговли“.

ЭБ "Научное наследие России"

осмотрительности, приводитъ къ абсурду. Такой порядокъ, по мнѣнію автора, долженъ быть измѣненъ.

Отъ порчи монеты страдаетъ и иностранная торговля, а равно иностранцы, чеканя у себя дурную монету, могутъ импортировать ее въ данную страну. Въ наше время надѣлало много шуму наблюденіе, что дурныя деньги совершенно вытѣсняютъ изъ обращенія хорошія. Это наблюденіе легло въ основу, такъ называемаго, закона Грешема о роли разноцѣнныхъ денегъ въ народномъ обращеніи. Но онъ уже былъ извѣстенъ и Копернику и еще яснѣе выраженъ у Стаффорда. Онъ говоритъ: „Когда кузнецы, купцы и другіе опытные въ обращеніи съ металлами замѣтятъ, что одинъ грошъ лучше другого, а что между тѣмъ на плохой можно купить столько же, сколько и на хорошій, не отложатъ ли они въ сторону хорошіе гроши и не употребятъ ли для иныхъ цѣлей, и не начнутъ ли пускать въ обращеніе только плохіе, которые также отлично служатъ".

Касаясь сельскаго хозяйства, Стаффордъ разражается жалобами въ духѣ Томаса Мора. Наблюдаемое имъ паденіе урожая („добычи зерна") вызываетъ у него консервативныя похвалы старой системѣ землевладѣнія. Затѣмъ Стаффордъ обращаетъ вниманія на паденіе мелкихъ провинціальныхъ городовъ, на бѣгство ремесленниковъ въ города и на развитіе роскоши. Ремесленному производству Стаффордъ рекомендуетъ мѣры въ духѣ строгихъ цеховыхъ постановленій, но разрѣшаетъ передвиженіе ремесленниковъ въ мѣстности, гдѣ есть спросъ на рабочія руки. Особенно сильно хлопочетъ авторъ о развитіи національной промышленности. У кого есть мануфактура, „тѣмъ не нужно, — говоритъ онъ, — ѣхать въ Перу или копаться въ пескѣ африканскаго берега, тѣ умѣютъ изъ шерсти, изъ волоконъ и корней извлекать золото и серебро". Промышленность должна удовлетворять какъ мѣстнымъ нуждамъ, такъ и служить экспорту. Чужіе товары не должны быть допускаемы. Въ борьбѣ съ ними Стаффордъ въ строго меркантилистическомъ духѣ рекомендуетъ таможни и пошлины. При этомъ Стаффордъ различаетъ пошлины, налагаемыя съ фискальною цѣлью, и пошлины запретительныя. Въ духѣ времени Стаффордъ обращаетъ также усиленное вниманіе на размноженіе населенія, многочисленность котораго

ЭБ "Научное наследие России"

онъ считаетъ прямымъ залогомъ благосостоянія. Какихъ бы вопросовъ Стаффордъ ни касался, онъ не только перечисляетъ и старается объяснить „неудовольствія“, но и пытается установить общія теоретическія основанія для ихъ объясненія Въ силу всего этого Стаффордъ является первымъ теоретикомъ меркантилизма въ XVI вѣкѣ [1]).

Томасъ Мэнъ (1571—1641), выступившій въ началѣ XVII столѣтія, развиваетъ взгляды, являющіеся поворотнымъ пунктомъ въ исторіи меркантилизма въ Англіи. Томасъ Мэнъ—теоретикъ и апологетъ торговаго баланса Ему принадлежатъ два сочиненія: одно „Разсужденіе о торговлѣ Англіи съ Индіею“, 1609 г. [2]), и другое „Сокровища Англіи—въ иностранной торговлѣ“, 1644 г. [3]). Особенно любопытно второе сочиненіе, на которомъ подробно останавливается Адамъ Смитъ и которое, по мнѣнію Онкена, есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе принциповъ изданнаго Остъ-индскою компаніею памфлета „A discourse of Trade from England unto the East Indies“, 1621 г, направленнаго въ защиту предоставленнаго компаніи права ввоза денегъ въ уплату за индійскіе товары. „Заглавіе этого сочиненія, — говоритъ А. Смитъ [4]),—„англійскія сокровища (заключаются) въ иностранной торговлѣ“—стало основнымъ закономъ для народнаго хозяйства не только Англіи, но и во всѣхъ прочихъ торговыхъ странахъ. Внутренняя или домашняя—самая важная торговля, въ которой одинъ и тотъ же капиталъ приноситъ странѣ больше прибыли, считалась ниже торговли иностранной. Внутренняя торговля, по этому мнѣнію, не привлекала въ страну. не отправляла изъ нея денегъ. Стало-быть, она не могла доставить ни обога-

---

[1]) На этомъ сходятся всѣ историки воззрѣній этого періода. а именно Travers Twiss: View of the Progress of Political Economy. 1847, стр. 30 и слѣд., Kautz: Die geschichtliche Entwickelung der Nationalökonomie, 1860, т. II, стр 278; Roscher, W.: Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftlehre im 16 und 17 Jahrh. 1852, стр. 18; Янжулъ, И.: Англійская свободная торговля, 1876, т. I, стр. 48.

[2]) Thomas Mun: A Discourse of Trade from England into the East Indies, 1609, 2 изд. 1621; оба изданія нынѣ представляютъ собой большую библіографическую рѣдкость. Въ этой книгѣ восхваляется меркантилизмъ и запретительные „statuts of employments“ Генриха VIII. Деньги, — увѣряетъ здѣсь Мэнъ, — создаютъ торговлю, а торговля — деньги.

[3]) Его же: England's Treasure by Foreign Trade or the balance of our foreign trade is the roule of our treasure, 1644.

[4]) Адамъ Смитъ· Изслѣдованіе причинъ и пр, рус. пер., кн. 4. гл. I, стр. 235.

ЭБ "Научное наследие России"

щенія, ни обѣднѣнія, развѣ только косвеннымъ образомъ дѣйствуя на состояніе иностранной торговли".

Но правительства многихъ странъ думаютъ, что, торгуя съ иностранцами, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вывозить въ чужія земли въ качествѣ товаровъ денегъ, монетъ, золота и серебра. Мэнъ противъ этого запрещенія, какъ крайне вреднаго для торговли. „Вывозъ золота и серебра,—говоритъ онъ,—не всегда уменьшаетъ въ странѣ количество этихъ металловъ. Напротивъ того, часто вывозъ можетъ увеличить количество благородныхъ металловъ, ибо потребленіе иностранныхъ товаровъ не усилится такою мѣрою, но ввезенные товары могутъ быть ввезены въ другія страны, въ которыхъ будутъ проданы съ большею выгодою, а потому выручатъ больше денегъ, чѣмъ сколько было первоначально заплочено за нихъ. Мэнъ сравниваетъ такой оборотъ иностранной торговли съ тѣмъ, что встрѣчается въ земледѣліи во время посѣва и жатвы. „Если бы мы стали судить,—говоритъ онъ,—о земледѣльцѣ только въ минуту посѣва, когда онъ разбрасываетъ по землѣ такое количество прекрасныхъ зеренъ, то мы могли бы принять его за безумнаго. Но если мы вспомнимъ въ то время о жатвѣ, составляющей цѣль его заботъ, то можемъ оцѣнить по достоинству его труды и вытекающее изъ нихъ изобиліе". Наконецъ, Мэнъ полагаетъ, что неудобно имѣть въ обращеніи много металлической монеты, потому что она повышаетъ цѣны; впрочемъ, по его мнѣнію, это выгодно для государства. Мэнъ отстаиваетъ полноцѣнную монету, строго отличая деньги (money) отъ богатства (wealth) и драгоцѣнныхъ металловъ (treasure), т. е. не смѣшиваетъ воедино всѣ эти понятія, какъ увѣрялъ Адамъ Смитъ, а за нимъ и вся экономическая литература XIX столѣтія.

Въ томъ же духѣ, какъ Мэнъ, пишетъ и Джосія Чайльдъ (Josiah Child; 1630—1699).

Джосія Чайльдъ[1]) рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ Голландію, какъ образецъ экономическаго благоустройства. Онъ приписываетъ громадное значеніе низкому проценту, развивающему, по его мнѣнію, народное бо-

[1]) Josiah Child: Brief Observations concerning Trade and the Interest of Money, 1668, его же: A new Discourse of Trade, I-oe изд. 1660 г, II-oe 1690; его же: A Treatise concerning the East India Trade, 1681.

ЭБ "Научное наследие России"

гатство и благосостояніе всей страны. Процентъ, по словамъ Чайльда, „душа“ экономической науки и основопричина всякаго богатства. Правительство должно опредѣлять размѣръ процента и постоянно держать его на низкомъ уровнѣ. Чайльдъ признаетъ ученіе Мэна о торговомъ балансѣ, но замѣчаетъ, что нельзя постоянно продавать иностранцамъ, ничего не покупая. Вывозъ металловъ онъ считаетъ, вопреки мнѣнію многихъ меркантилистовъ, неразорительнымъ. Въ духѣ своего времени онъ также ратуетъ за многочисленность населенія и за мѣры, ведущія къ его увеличенію. По вопросамъ колоніальной политики Чайльдъ вполнѣ солидаренъ съ меркантилистами:—колоніи могутъ торговать только съ метрополіею, ввозъ и вывозъ товаровъ должны при томъ производиться на судахъ метрополіи, торговыя компаніи должны при помощи спеціальныхъ привилегій являться монополистами въ колоніяхъ и расширять обороты внѣшняго торга. Навигаціонный актъ Кромвеля Чайльдъ тѣмъ не менѣе считаетъ больше политическимъ, чѣмъ экономическимъ. Чайльдъ не особенно типичный меркантилистъ, хотя, несомнѣнно, меркантилистъ. Но, видимо, за его нерѣшительность и некатегоричность по ряду вопросовъ Ингремъ признаетъ Чайльда „эклектикомъ“. Нѣкоторые экономисты относятъ Чайльда къ числу предшественниковъ школы свободной торговли. Такое мнѣніе еще менѣе вѣрно, чѣмъ приведенное выше мнѣніе Ингрема.

Вильямъ Темпль[1]), голландскій посланникъ, такой же, какъ и предыдущіе экономисты, защитникъ торговаго баланса и меркантильной политики Голландіи. Какъ вѣрно выразился Дж. Ингремъ, „правильныя идеи“,—напримѣръ, о трудѣ, роли сбереженій, монетѣ,—у него уживаются „рядомъ съ меркантильными предразсудками и предубѣжденіями“.

Къ Чайльду и Темплю близокъ по идеямъ Чарльзъ Дэвенантъ[2]). Это меркантилистъ-эклектикъ. Онъ, рядомъ съ усердною защитою правительственнаго вмѣшательства въ колоніальныя дѣла и торговлю, ревностно отстаиваетъ полную свободу внутренняго товарообмѣна Англіи.

[1]) W. Temple. Observations upon the United Provinces of the Netherlands, 1672; его же Essay on the Trade of Ireland, 1673.

[2]) Davenant, Ch.: Essay on the East-India Trade, 1696—97; его же: Essay on the Probable ways of making the People gainers in the Balance of Trade, 1669; ему принадлежитъ также нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ сочиненій

ЭБ "Научное наследие России"

То, что было въ зародышѣ у Стаффорда, спустя 40 лѣтъ, уже въ XVII столѣтіи систематизируетъ другой англійскій экономистъ Эдуардъ Миссельденъ. Его главное сочиненіе вышедшее въ свѣтъ въ 1620 году, можно считать первымъ систематическимъ изложеніемъ началъ меркантилизма [1]). Онъ же. вмѣстѣ съ Мэлайнесомъ, является обоснователемъ теоріи торговаго баланса,—основной идеи меркантилизма.

IV. Меркантилизмъ во Франціи и Италіи.

Меркантилизмъ во Франціи почти не имѣетъ литературнаго выраженія и заключается преимущественно въ административныхъ предписаніяхъ и законодательныхъ актахъ. Тѣ немногіе авторы, сочиненія которыхъ относятся къ этой эпохѣ, какъ Бодэнъ (De la République, 1576). герцогъ Сюлли (Economies Royales, 1638) или братья Сиварн (Dictionnaire universel de commerce etc., 1723) касаются экономическихъ вопросовъ только попутно. Исключеніемъ является только одинъ Антуанъ де Монкретьенъ де Ваттевиль съ его „Traité de l'économie politique“, вышедшимъ въ 1615 году и пустившимъ впервые въ обиходъ терминъ „политической экономіи“.

Меркантилизмъ въ Италіи также не былъ отмѣченъ чѣмъ-либо выдающимся. Изъ итальянскихъ писателей-меркантилистовъ могутъ быть отмѣчены Антоніо Серра изъ Калабріи, написавшій „Breve Trattato della cause, che possono fare abondare li regui d'oro e d'argento, dove non sono miniere“, 1613 г. [2]).

Согласно воззрѣніямъ Серры главными условіями народнаго благосостоянія являются: 1) плодородіе, дающее избытокъ хлѣба для вывоза; 2) выгодное географическое положеніе среди путей міровой торговли и 3) индустрія, въ особенности произведенія обрабатывающей промышленности, за которыя уплачивается драгоцѣнными металлами, что особенно важно, если въ отечествѣ нѣтъ рудниковъ.

[1]) Честь открытія для современной науки трактата Э. Миссельдена (во 2-мъ изд.) безспорно принадлежитъ акад. И. Янжулу (см. его „Англійская свободная торговля“, т. I, 1876, стр. 60). Оно озаглавлено: Edward Misselden: Free-Trade or the Means to make Trade florisch, wherin the Causes of the Decay of Trade in their Kindom are discovered and the Remedies also to remove the same are represented 1620; 2-ое изд. 1622 Кромѣ названнаго Миссельдену принадлежитъ небольшой памфлетъ: „The Circl of Commerce“. 1623

[2]) (Перепечатано въ сборникѣ Кустоди „Scrittori classici italiani di economia politica“, Миланъ, 1803)

ЭБ "Научное наследие России"

Серра въ тоже время выступаетъ противъ запрещенія вывоза денегъ [1]) и придаетъ большое значеніе труду.

Въ слѣдующемъ столѣтіи въ Италіи пріобрѣтаютъ популярность Антоніо Броджіа, написавшій: „Tratti dei tributie delle monete“, 1743 г., и излагающій основу ученія о торговомъ балансѣ и системѣ налоговъ, и Антоніо Дженовези, написавшій: „Lezioni di Commerzio e di economia civile“, 1760, нѣм. пер. 1776 г., и пытавшійся, составить систематическій обзоръ политической экономіи, шире рамокъ меркантилизма. Раньше него о деньгахъ писали: Гаспаръ Скаруффи (1582), Бернардо Даванцати (1588) и нѣкот. др. (См. U. Gobbi: L'Economia politica del secolo XVI—XVII, Milano, 1889; также Andrea Baletti. Scaruffi et la questione monetaria del secolo XVI, Modena, 1882).

Гл. 4. Меркантилизмъ въ Россіи.

Меркантилизмъ нашелъ себѣ откликъ и въ другихъ менѣе значительныхъ государствахъ Европы.—Мы имѣемъ свѣдѣнія о меркантилистахъ Швеціи, Польши. Это направленіе нашло себѣ отраженіе и у насъ въ Россіи. Здѣсь общественно-экономическій переломъ, назрѣвавшій еще съ XVI вѣка, получилъ завершеніе въ эпохѣ Петра Великаго. Вся сумма тогдашнихъ соціально-историческихъ условій способствовала созданію направленія, родственнаго западному меркантилизму.

Меркантилизмъ въ Россіи получилъ двоякое выраженіе: теоретическое и практическое. Какъ характерная русская особенность, теоретическій меркантилизмъ былъ самобытнаго направленія, а практическій—скорѣе заимствованный изъ западныхъ образцовъ, хотя, по апріорному предположенію, дѣло должно было бы обстоять какъ разъ обратно.

Типичными выразителями самобытно-московскаго литературнаго меркантилизма былъ Посошковъ, а прогрессивнаго западнаго — самъ Петръ I-ый и нѣкоторые изъ его сподвижниковъ.

Посошковъ — необыкновенно оригинальная крупная историческая фигура, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, все еще мало изученная. Многіе изъ взглядовъ его заслуживаютъ болѣе детальной квалификаціи, чѣмъ это обыкновенно у

[1]) Тексты какъ этихъ, такъ и ряда другихъ экономистовъ Италіи въ сборникѣ Custodi: Scrittori classici italiani di Economia Politica. 50 том. Миланъ, 1802 Меркантилисты въ Parte Antica, т. II и III.

35 "Научное наследие России"

насъ до сихъ поръ дѣлалось [1]). Впрочемъ, одинъ изъ историковъ, покойный Н. П. Павловъ-Сильванскій, пытался уже реабилитировать Посошкова и въ этомъ направленіи, приведя рядъ любопытныхъ мѣстъ изъ его религіозныхъ сужденій [2]).

Ивану Тихоновичу Посошкову (1670—1726) принадлежитъ рядъ сочиненій и записокъ [3]), изъ которыхъ наиболѣе выдающимися являются два религіозныхъ труда: 1) Зеркало очевидное и 2) отеческое завѣщаніе, написанное между 1719—1720, и одно общественно-экономическое: 3) Книга о скудости и богатствѣ, законченная около 1723 года.

„Книга о скудости и богатствѣ" писалась въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, 1712 — 1723, когда автору ея было 70 лѣтъ отъ роду. Она предназначалась въ первую голову для чтенія „самому царю" и представляла собою синтезъ жизненнаго опыта проницательнаго наблюдателя и недюжиннаго человѣка. Это безъ всякаго сомнѣнія совершенно оригинальный opus и никакого литературнаго вліянія на немъ прослѣдить, какъ нѣкоторые указывали [4]), нельзя. Посошковъ не былъ теоретикомъ ученымъ, а лишь публицистомъ-практикомъ, публицистомъ-патріотомъ и гражданиномъ, оптимистически мечтавшимъ о реформахъ Россіи и безотрадно смотрѣвшимъ на ея дѣйствительность [5]). Критика

[1]) Напр, отрицательное отношеніе къ религіознымъ сужденіямъ Посошкова у П. Н. Милюкова и у проф. А. А. Царевскаго, въ предисловіи къ „Зеркало очевидное", вып. I Казань, 1898 г.

[2]) Таково, напримѣръ, его раціоналистическое сужденіе о чудесномъ. См. Н. П. Павловъ-Сильванскій: Новыя извѣстія о Посошковѣ, въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ", т. IX (1904), кн. 3, стр 105—148.

[3]) Важнѣйшія бумаги И. Т. Посошкова были опубликованы Г. В Есиповымъ („Иванъ Посошковъ", „Русское Слово", 1861 г, іюнь) и М. И Погодинымъ (Сочиненія Ив Посошкова, М, 1863). Письма Посошкова отчасти изданы В. И. Срезневскимъ „Извѣстія отдѣл. рус. языка и слов. Им Акад. Наукъ", 1899 г, т IV., кн. 4.— „Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправ.", писанное до 1704 г. и нѣк. другія мелочи изданы Павловымъ-Сильванскимъ въ 1904 г. „Книга о скудости" переиздана недавно Н. Клочковымъ въ IX вып. „Памятники русской исторіи", подъ ред. А. А. Кизеветтера

[4]) Такъ, наприм., Брикнеръ полагаетъ, что Посошковъ близокъ по взглядамъ англичанину Вальтеру Раллею и голландцу Питеру де ла Куру. Брикнеръ, А: „Иванъ Посошковъ"; нѣм. изд, часть II, Посошковъ, какъ экономистъ СПБ, 1876 г, стр 178—191.

[5]) О Посошковѣ, кромѣ сочиненій, указанныхъ въ другихъ сноскахъ этой же главы,—Царевскій, А. Посошковъ и его сочиненія. М., 1883 г.—Н. Павловъ-Сильванскій: Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, СПБ. 1897 г. — Миклашевскій, А.: Посошковъ Иванъ, въ словарѣ Брокгауза, т. 29-ый, стр. 600.—М В. Клочковъ: Посошковъ о крестьянахъ (ст. въ VII вып. сборника „Великая реформа", изд. Сытина).

ЭБ "Научное наследие России"

Посошкова безпощадна. „Аще кто восхощетъ умными очами воззрѣнія на житіе наше православно россійское и на вся повѣденія и дѣла наша,—говоритъ Посошковъ,—то не узритъ онъ ни во единой какой-либо вещи здраваго дѣла".

Въ Петрѣ Посошковъ цѣнилъ не столько его реформы, нѣкоторыя изъ нихъ онъ не совсѣмъ понималъ,—а ту смѣлость духа, „презельную горячность" и „явное правдолюбіе", которыми онъ самъ былъ преисполненъ Этическая точка зрѣнія заставляетъ его выискивать и въ новыхъ формахъ „древностную неправду" и увлекаться религіозною постановкою соціальной проблемы. Заимствованія у иностранцевъ Посошковъ цѣнитъ. но не понимаетъ „людской ереси". „Всѣ иноземцевъ житейскіе уставы весьма добры, кромѣ вѣры",—говоритъ онъ въ „Зеркалѣ очевидномъ" (гл. 23). Впрочемъ объ иноземномъ Посошковъ имѣетъ только смутное представленіе, какіе-то темные и неопредѣленные слухи. „Слухъ есть про иноземцевъ" или „сказываютъ про иноземцевъ",—такъ онъ самъ опредѣляетъ источники своихъ свѣдѣній о Западѣ. Отсюда смѣшеніе „нѣмецкихъ" и „турецкихъ" законовъ и учрежденій, которыя рекомендуются одинаково безъ разбора.

„Книга о скудости и богатствѣ" наполовину этическаго, наполовину экономическаго содержанія. Обѣ темы:—„народное обогащеніе" и „правдоисканіе"—переплетаются между собою. Посошковъ,—какъ удачно формулировалъ Павловъ-Сильванскій,—въ „истинной правдѣ" видитъ „невещественное богатство" и находитъ, что „безъ насажденія правды" нельзя „народъ весь обогатить". Народное обогащеніе, т. е. экономическіе мотивы, Посошковъ тѣсно связываетъ съ правовымъ и юридическимъ строемъ и прекрасно понимаетъ, что правильная постановка правосудія—залогъ хозяйственнаго развитія.

Посошковъ полагалъ, что государственная власть можетъ устанавливать „естественную справедливую цѣну", за нарушеніе которой рекомендуетъ суровыя наказанія. Главнымъ источникомъ богатства онъ считаетъ земледѣліе, хотя придаетъ большое значеніе обилію денегъ. Онъ желалъ бы урегулировать отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, улучшить способы обработки земли, противится истребленію лѣсовъ и семейнымъ раздѣламъ. Налоговая система должна быть радикально реформирована. Въ

ЭБ "Научное наследие России"

духѣ „dîme royale“ маршала Вобана Посошковъ рекомендуетъ единый „государственный правдивый сборъ“ — „десятину“, установленную „со дня Христова воплощенія“. Таможенный сборъ тоже долженъ быть единый, „ибо и съ вола едина кожа собирается“

Воззрѣнія Ивана Посошкова раздѣляли многіе изъ его современниковъ. Это, быть можетъ, и дало поводъ П. Н. Милюкову считать Посошкова простымъ отраженіемъ того, что говорилось вокругъ него въ ту эпоху. Это, конечно, невѣрно, но во всякомъ случаѣ, Посошковъ не былъ такъ одинокъ въ своихъ политическихъ и соціально-экономическихъ воззрѣніяхъ, какъ одно время думали. Изъ лицъ, которыя раздѣляли и высказывали меркантилистическія воззрѣнія,— можно назвать Савву Рогузинскаго, Ѳеодора Салтыкова, барона Любераса и нѣкоторыхъ другихъ. Но эти лица принадлежали скорѣе къ лагерю Петра т. е. къ лагерю болѣе прогрессивнаго направленія.

Посошковъ совѣтуетъ всячески поощрять національную торговлю и промышленность и бороться противъ иноземцевъ. Но борьба эта своеобразная: „прогнать“, „заградить“, „запретить“ и пр. Онъ даже доходитъ до идеи организовать общую стачку для повышенія цѣнъ.

Имѣются достаточно вѣскія доказательства того, что Петръ Великій усвоилъ себѣ воззрѣнія меркантилизма изъ сочиненій барона Любераса, типичнаго меркантилиста того времени.

Люберасъ составилъ спеціально для царя любопытную записку: „Oeconomia generalis Russiae“, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не напечатанную и хранящуюся въ одномъ изъ большихъ правительственныхъ архивовъ Петербурга [1]).

„Извѣстно,—говоритъ Люберасъ,—что въ нѣкоторыхъ странахъ, не смотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это (во-первыхъ) тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обрабатываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе. Или же (во-вторыхъ) тогда, когда въ странѣ потребляютъ чужихъ товаровъ больше, чѣмъ можно оплатить

[1]) Милюковъ, П. Н: Государственное хозяйство, стр 527—531, приводитъ рядъ выписокъ изъ Любераса, откуда мы и заимствуемъ ихъ

© "Научное наследие России"

вывозомъ туземныхъ товаровъ: балансъ въ такомъ случаѣ долженъ быть оплаченъ деньгами и страна, необходимо, будетъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе бѣднѣть... Или же (въ-третьихъ) тогда, когда государь либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого по видимости и вначалѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія; общая же торговля, которая только тогда и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями съ помощью ихъ кредита и ихъ индивидуальныхъ усилій, — испытываетъ великій вредъ для своего правильнаго теченія, часто вовсе непоправимый отъ перерыва товарнаго обмѣна, корреспонденціи и предпринимательности Всѣ указанныя черты встрѣчаются у націй, которыя не особенно заботятся объ улучшеніи продуктовъ собственной страны и вовсе не стараются узнать куда и съ какой прибылью сбываютъ эти продукты иностранные коммерсанты. Поэтому у такихъ націй и не особенно цѣнятся совѣты, клонящіеся къ вывозу на собственный рискъ ихъ товаровъ и къ развитію необходимаго для этого мореплаванія. Обо всемъ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ примѣры многихъ странъ, которымъ частью воспрепятствовали вести торговлю, частью обманули или усыпили ихъ".

„Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ,— говоритъ онѣ далѣе,—дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія существуютъ два главныхъ пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ, именно—м о р е п л а в а н і е и п р о м ы ш л е н н о с т ь. Живые и наглядные примѣры этого даютъ: Испанія, зависящая въ имущественномъ отношеніи отъ воли голландцевъ вслѣдствіе своего усыпленія: Англія, достигшая столь значительнаго процвѣтанія, благодаря строгому, но теперь уже отчасти смягченному правилу Кромвеля, что всѣ англійскіе товары вывозятся только на англійскихъ корабляхъ и на нихъ же ввозятся нужные для Англіи; Швеція, Данія, Норвегія, которыя стали заботиться о собственномъ судостроеніи и еще недавно ввели нѣкоторыя улучшенія; Голландія, стремящаяся своимъ предпріим-

ЭБ "Научное наследие России"

чивымъ мореходствомъ отовсюду извлечь пользу, вездѣ добиться выгоднаго баланса и возможности самой установлять цѣны; наконецъ, самыя страны Вашего Величества, превосходные и необходимые продукты которыхъ до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, частью вовсе ненужнымъ, такъ какъ Ваше Величество имѣете возможность завести собственныя подобныя мануфактуры".

„Одно мореплаваніе само по себѣ не можетъ поднять страны на высокую ступень процвѣтанія, столь же необходимо распредѣленіе мануфактуръ, приспособленное къ свойствамъ страны: распредѣленію въ ней лѣсовъ, горъ и рѣкъ, различію почвъ, флоры, фауны и т. д. Такъ какъ „Specialia русскаго государства не извѣстны автору, то онъ ограничивается „главными замѣчаніями", необходимыми для „связи вещей"; другими словами, онъ набрасываетъ общую классификацію внутреннихъ богатствъ страны и построенныхъ на нихъ отраслей промышленности".

Такіе совѣты были, конечно, гораздо прогрессивнѣе того, что рекомендовалъ Посошковъ.

Меркантилизмъ въ Россіи значительно разнился отъ европейскаго. Послѣдній являлся идеологіею новыхъ нарождавшихся классовъ: торговцевъ, промышленниковъ и горожанъ, интересы которыхъ охранялись нароставшею силою, центральною государственною властью, почти всегда съ ними солидарною. Эмансипація и объединеніе городовъ, ростъ бюргерства, паденіе феодализма и схоластики, развитіе новыхъ формъ торговли и промышленности, все это создало новые классовые интересы, грубо выдвигало впередъ заботы о развитіи денежнаго хозяйства, о развитіи духа иниціативы и индивидуальности. Ничего подобнаго въ Россіи, не знавшей ни цеховъ, ни бюргерства, не было. Даже торговля и та была только побочнымъ занятіемъ при домостроевскомъ замкнутомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Очевидно, при желаніи вступить на путь меркантилизма, Петру оставалось только насаждать его правительственными силами и сдѣлать его монополіей нейтральной власти. Меркантилизмъ, такимъ образомъ, у насъ не естественно развивался, а искусственно прививался, хотя въ общемъ его цѣли, соціальная подпочва и характеръ были тѣ же, что и на

ЭБ "Научное наследие России"

западѣ. Цѣлью Петра было создать сильное внѣшнее политическое могущество, хотя бы за счетъ внутреннихъ силъ народа. Всѣ средства казны ставились на карту ради нуждъ арміи и флота. Изъ прекраснаго изслѣдованія проф. П. Н. Милюкова мы знаемъ, что расходы на эти нужды доходили до 96% всего бюджета [1]), а остававшіяся въ нѣкоторые годы средства шли на меркантилистическія предпріятія, преслѣдовавшія въ конечномъ итогѣ все тѣ же нужды милитаризма [2]).

Вся тяжёсть нашего меркантилизма упала на крестьянство; эта тяжесть окончательно поработила и помогла окрѣпнуть землевладѣльческому дворянству. Оно вскорѣ и выступаетъ, какъ классъ со склонностью воспринять новую идеологію, которую окрѣпшее самодержавіе ему услужливо подсовывало. Но и послѣдующее, пришедшее на смѣну меркантилизму, теченіе, нашъ физіократизмъ. было малосознательнымъ, какъ это мы увидимъ далѣе,—было еще болѣе наноснымъ вѣяніемъ, чѣмъ нашъ меркантилизмъ, а также, пожалуй, оно было слишкомъ благороднымъ ученіемъ для реакціонныхъ и примитивныхъ интересовъ нашихъ дворянъ-крѣпостниковъ.

Литература о меркантилизмѣ въ Россіи сравнительно мало разработана. Лучшія работы, кромѣ указанныхъ въ сноскахъ: Брикнеръ, А. Посошковъ, какъ экономистъ. Въ „Жур Мин. Народ. Просв." за 1875 и 1879 гг и отдѣльно СПБ., 1876 Царевскій, А. Посошковъ и его сочиненія, М, 1883 г.—Рагузинскій, С В.: „Статьи по умноженію государственной казны для нуждъ настоящей войны", Госуд Арх., Каб. д кн. 14, л. 724—731. О Рагузинскомъ а) Письма и бумаги Петра, в. I, 761. b) Голиковъ, V 69, 107. c) Милюковъ, 2 изд., стр. 388. О Курбатовѣ см. Милюковъ, П Н.: Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго, стр. 390 и сл. Гос. Арх. Каб д кн № 55 л. 1128–1134 Баронъ Люберасъ: a) „Oeconomia generalis Russiae" и b) „Superfiele Raisons uber generale Ursachen der Ab und Zuhnahme der Negotie eine Landes" etc. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бумаги Люберасса № № 73 и 105. c) „Naheie Verzeigniss der in dem General Project

---

[1]) П. Н. Милюковъ: Государственное хозяйство въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. СПБ, 1902 г., стр. 162.

[2]) „Но военныя цѣли, — какъ совершенно справедливо замѣтилъ проф. Г. фонъ Шульце-Геверницъ,—не могли быть достигнуты тѣми средствами, какими пользовались западно—европейскія монархіи: организаціей денежнаго финансоваго хозяйства, опирающагося на буржуазію, ибо подобнаго класса не было въ Россіи. Поэтому центръ тяжести финансоваго хозяйства составляло подушное обложеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ". (Геверницъ: Очерки хозяйственнаго быта Россіи, стр. 13).

ЭБ "Научное наследие России"

Gemeldeten Einrichtungen“ См Милюковъ, стр. 428—429, Архивъ Кодиф. Отд. Госуд. Сов. № 366/372 и Э. Берендсъ: Баронъ А. Х. фонъ-Люберасъ, Имп Археолог Инст, 1891, № 77 (проектъ Коммерцъ-Коллегіи), № 72 (коллег экономіи). Афанасьевъ, А.: Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ. „Современникъ“, 1847, т. III, стр 75—134, т. IV, стр. 1—79 Ѳеодоръ Салтыковъ: „Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ“, Госуд. Арх. Каб. д кн. 88, №№ 55, 76 и 79. См Милюковъ, 2 изд, стр. 398. Пропозиціи Ѳеодора Салтыкова. напеч П Н Тихоновымъ въ приложеніи V-омъ къ отчету о засѣданіяхъ Общ Любителей Древней Письмен СПБ, 1891.

Изъ общихъ сочиненій, характеризующихъ эпоху меркантилизма, можно указать на слѣдующія: Meusel: Litteratur der Statistik. 2 т., Лейпцигъ, 1790—1793. — Heeren: Handbuch der Geschichte des europaischen Staatensystems und seiner Kolonien. 2 части, Геттингенъ. 1830 — Scherer: Allgemeine Geschichte des Welthandels, Лейпцигъ, 1853. — Kiesselbach· Der Gand des Welthandels im Mittelalter, Штутгартъ, 1860 (послѣднія главы). — Ferrari: Historie de la raison d'etat, Парижъ, 1860. — Kortum: Geschichte Europas im Ubergang vom Mittelalter zur Nerzeit. 2 тома, Лейпцигъ, 1861. — Beer: Allgemeine Geschichte des Welthandels, 2 части, Вѣна 1862. — Bidermann: Ueber den Merkantilismus, Иннсбрукъ, 1870 — Schmollen. Der Merkantilismus in seiner historischen Bedeutung in Umrissen und Untersuchung, zur Vervassungs-und Vervaltungs-und Wirtschaftsgeschichte besonders des preussischen Staats im 17. und 18. Jahrhundert. Лейпцигъ, 1898. — Cunningham: Adam Smith und die Merkantilisten въ „Tübinger Zeitschrift für die gesam. Staatswissenschaft“, 1874, стр. 41—67.— Статья „Merkantilsystem“ E. Leser'a въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. — v. Schulze-Gävernitz: Volkswirtschaftliche Studien aus Russland, Лейпцигъ, 1899. (рус. пер. 1900 г.). — Янжулъ, И. И.: Англійская свободная торговля, т. I (періодъ меркантильный) М., 1876.— Cohn, G.: Colbert, въ „Zeitschrift für gesam Staatsw.“ 1869.— Hecht. Colbertis politische und volkswirtsch. Grundanschauungen. 1898.

Рядъ полезныхъ свѣдѣній о меркантилизмѣ можно найти у Clément: Histoire du système protecteur en France. 1854.—Compte Chaptal: Mes souvenirs sur Napoleon Парижъ, 1893—.Bidermann: Ueber deu Merkantilismus, 1870.—Schanz: Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters mit besonderer Berücksichtigung des Zeitalters der beiden erstens Tudors. 2 т 1881.—Sieveking: Die Genueser Seidenindustrie im 15. und 16. Jahrhundert. Лейпцигъ, 1897.—Faber, R.: Die Entstehung des Agrarschutzes in England, Страссбургъ, 1888.—Чернышевъ, И. В.: Экономическая политика англійской республики, въ „Книгѣ для чтеній“ по исторіи новаго времени. М. 1910 г.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ V-ый.

Переходная эпоха.

Паденіе меркантилизма и начало новыхъ вѣяній Переходная эпоха въ Англіи: Вильямъ Петти; Дэдлей Нортсъ; Джонъ Локкъ; Давидъ Юмъ. Переходная эпоха во Франціи: Вобанъ, Буагильберъ; Д'Аржансонъ, Ричардъ Кантильонъ.

I. Паденіе меркантилизма и начало новыхъ вѣяній.

Меркантилизмъ, какъ система, существовалъ въ Европѣ въ періодъ времени между XIV и XVII столѣтіями. Открытіе Новаго Свѣта, усиленіе центральной власти, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, ростъ торговли и промышленности, — все это было факторами, создавшими и утвердившими меркантильную систему. Провести въ жизнь и укрѣпить эту систему помогъ абсолютизмъ, выросшій къ тому времени въ руководящую силу и въ качествѣ „просвѣщеннаго“ взявшій на себя миссію устроенія національнаго государства на основѣ развивающагося торговаго капитала.

Укрѣпляясь меркантилизмъ не остановилъ развитія экономической жизни. Къ XVII вѣку уже и меркантильная система осталась далеко позади быстро развернувшихся новыхъ хозяйственныхъ началъ. Но отвергнуть ее и придти къ новому принципу было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что идеологи меркантилизма, Серра, Скаруффи, Стаффордъ, Миссельденъ и другіе, обосновываютъ меркантилизмъ теоретически. Правда у послѣднихъ изъ названныхъ меркантилизмъ содержитъ зародышъ новыхъ вѣяній. Миссельденъ стоитъ за принципъ свободнаго обмѣна въ торговлѣ, принципъ, который впослѣдствіи развивается до идеи полной экономической свободы.

Идейная реакція противъ меркантилизма начинается только въ половинѣ XVII вѣка и разражается въ концѣ

ЭБ "Научное наследие России"

XVIII вѣка новымъ, антагонистическимъ меркантилизму теченіемъ, — физіократизмомъ. Но смѣна одного направленія другимъ не произошла сразу и не представила собою только одной логической реакціи одного теченія другому. Между тѣмъ и другимъ теченіемъ — цѣлая эпоха, причемъ въ переходный періодъ мы находимъ постепенное отмираніе одной и наростаніе другой системы идей. Находятся также писатели, — таковъ прежде всего замѣчательный французскій экономистъ Кантильонъ, — въ сочиненіяхъ которыхъ воззрѣнія двухъ смѣнившихъ другъ друга школъ одухотворенно уживаются рядомъ въ опредѣленномъ философскомъ синтезѣ.

Реакція противъ меркантилизма начинается по вопросамъ обмѣна. Такъ, нѣкоторые писатели, вначалѣ робко, а потомъ все рѣшительнѣе, высказываются противъ господствовавшей теоріи денегъ, какъ источника народнаго богатства, и все чаще выставляютъ въ качествѣ центральнаго пункта народной жизни не благородный металлъ, а трудъ. Они начинаютъ утверждать, что цѣнность предметовъ сообщается имъ только трудомъ и что народное богатство можетъ вырасти и помимо увеличенія денежныхъ средствъ. Движеніе впервые исходило изъ Англіи. Первыми выступаютъ въ этомъ направленіи замѣчательные англійскіе писатели XVII вѣка: Миссельденъ, философъ Локкъ, сэръ Вилльямъ Петти, Дэдлей Нортсъ и Юмъ. За ними вскорѣ слѣдуютъ популяризировавшіе на континентѣ англійскія идеи французы: Кантильонъ, Буагильберъ, маршалъ Вобанъ и д'Аржансонъ, — первый въ концѣ XVII, а послѣдніе три въ первой половинѣ XVIII столѣтія,—отступая отъ меркантилизма и развивая новыя идеи, расчищающія почву для господства новаго экономическаго міровоззрѣнія.

Названная группа писателей, начиная Локкомъ и кончая д'Аржансономъ, является группой, такъ называемыхъ, переходныхъ писателей: у Джона Локка, сэра Вилліяма Петти и Давида Юма, хотя и можно еще найти глубокое вліяніе меркантилизма, но имѣется уже зародышъ совершенно новыхъ либеральныхъ вѣяній. Въ эту эпоху вообще еще не было точно установленной границы между меркантилизмомъ и экономическимъ либерализмомъ. „Единственное различіе, которое въ дѣйстви-

ЭБ "Научное наследие России"

тельности могло быть проведено, состояло въ томъ, что меркантилизмъ полагалъ наилучшимъ способомъ развитія народнаго благосостоянія—государственную опеку и законодательныя мѣропріятія, между тѣмъ приверженцы либерализма оставляли естественнымъ законамъ свободное поле дѣйствія и старались возможно меньше вмѣшиваться въ ходъ экономическаго развитія [1])".

Экономисты неправильно освѣщаютъ эпоху, слѣдовавшую за формулировкою меркантилизма. Они изображаютъ ее реакціею противъ взглядовъ Мэна, Чайльда или Скаруффи, вылившуюся въ форму новаго заблужденія, въ физіократизмъ. Но смѣна меркантилизма физіократизмомъ не была столь проста и не являлась лишь логическою реакціею антитезиса противъ тезиса [2]). Эта смѣна, даже съ точки зрѣнія хронологіи, произошла очень медленнымъ и сложнымъ образомъ въ особый періодъ исторіи экономической мысли, который можно назвать „переходною эпохою".

II. Переходная эпоха въ Англіи.

Первоначальной ареной развитія только что названной эпохи была Англія, гдѣ развитіе меркантилизма было особенно типично.

Еще въ XIX столѣтіи въ Англіи становится модною Голландія; на экономическую политику послѣдней, указываютъ, какъ на примѣръ достойный подражанія. Вальтеръ Ралей, выдающійся англійскій меркантилистъ того времени, выпускаетъ особый памфлетъ, посвященный выясненію причинъ торговаго могущества сосѣда и разработкѣ мѣропріятій, съ помощью которыхъ Англія смогла бы подняться на равную высоту; здѣсь же, хотя и ради меркантилистическихъ соображеній, ради поощренія вывоза, но все же умѣренно и осторожно рекомендуется облегченіе тяжести таможеннаго взиманія.

Въ слѣдующемъ столѣтіи Джосіа Чайльдъ восхваляетъ голландскую политику пониженія процента, а сэръ Вилльямъ

---

[1]) Raffel, Fr: Englische Freihandler vor Adam Smith. Tubingen, 1905, стр. 2.

[2]) Такъ, между прочимъ, смотритъ Гиггсъ: Физіократы, русск. пер. СПБ., 1899, стр. 105

© "Научное наследие России"

Петти — голландскіе акцизы и рекомендуетъ Англіи переходъ къ системѣ косвенныхъ налоговъ. Послѣдній является наиболѣе типичнымъ выразителемъ идей переходной эпохи. Съ него мы и начинаемъ характеристику послѣдней.

Сэръ Вилльямъ Петти (Petty, 1623—1687) былъ многостронній талантливый человѣкъ: экономистъ, математикъ, землемѣръ, техникъ, музыкантъ и т. д. Біографія его очень характерна для своей эпохи. Сынъ мелкаго и бѣднаго ремесленника, онъ оканчиваетъ жизнь милліонеромъ и перомъ Англіи.

Петти вообще сыгралъ роль въ развитіи основныхъ идей тогдашней экономической политики Англіи [1]). Такъ, онъ доказалъ, что ввозная торговля необходима Англіи такъ же, какъ и ея вывозъ, что являлось новымъ для того времени. Экономисты того времени, слѣдуя общепринятому мнѣнію, полагали, что вывозные предметы данной страны—предметы полезные и необходимые, а ввозные—излишніе или вредные Поэтому вся иностранная торговля представлялась сплошнымъ убыткомъ, какъ обмѣнъ необходимаго на ненужное, если, конечно, убытокъ не пополнялся ввозомъ монеты. Противъ этого воззрѣнія возсталъ Петти, обосновавъ свои возраженія серьезными экономическими доказательствами.

„Если кто-нибудь, — говоритъ Петти, объясняя происхожденіе цѣны и ея зависимость отъ затраченнаго труда,— можетъ добыть въ Перу и доставить въ Лондонъ унцъ серебра въ то же самое время, которое необходимо для производства одного бушеля хлѣба, то одно составитъ натуральную цѣну другого, т. е. данныя количества серебра и хлѣба будутъ стоять въ одной цѣнѣ. Но теперь, если по причинѣ болѣе изобильныхъ рудниковъ, этотъ человѣкъ можетъ добыть два унца серебра такъ же легко, какъ прежде одинъ, то хлѣбъ будетъ стоить 10 шиллинговъ, если прежде стоилъ 5, и если остальныя обстоятельства остались тѣ же самыя“. „Пусть сто человѣкъ десять лѣтъ трудится надъ добываніемъ хлѣба и то же самое число людей и столько же лѣтъ трудится надъ добываніемъ серебра; я утверждаю, что при этомъ чистый доходъ серебра составитъ цѣну всего

---

[1]) Ср. Янжулъ, И. И.: Англійская свободная торговля, т I. М., 1876, стр. 94

35 "Научное наследие России"

чистаго дохода хлѣба и равныя части одного—цѣну равныхъ частей другого".

Итакъ, цѣна предметовъ измѣряется количествомъ затраченнаго труда. Вообще Петти особенно высоко ставитъ трудъ. Онъ говоритъ — и это его руководящая идея, — что „трудъ есть отецъ и активное начало всякаго богатства, а земля его мать". Отсюда раздѣленіе всего общества на два класса — производительный и непроизводительный.

Петти различаетъ цѣну и цѣнность. Цѣнность вещей, по его мнѣнію, находится въ зависимости отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство. И стремясь найти всеобщее мѣрило цѣнности, онъ за всеобщую единицу измѣренія принимаетъ среднее количество самой дешевой пищи, которое необходимо для дневного пропитанія человѣка.

Мы уже видѣли выше, каковы были принципы экономической политики Петти. Онъ являлся приверженцемъ голландской системы косвенныхъ налоговъ. Естественно, что Петти вообще отрицалъ всякое государственное вмѣшательство въ промышленныя дѣла и тѣмъ самымъ предвосхищалъ послѣдующія либеральныя идеи. Стоя на той же точкѣ зрѣнія, онъ порицалъ правительственное регулированіе процента и считалъ, что только общія полезныя мѣры въ сферѣ кредита и народнаго хозяйства могутъ въ достаточной мѣрѣ понизить высоту процента. Онъ порицаетъ также запрещеніе вывоза монеты, — это излюбленное мѣропріятіе меркантилизма, — ясно сознавая, что каждая страна для обмѣна своихъ продуктовъ должна обладать опредѣленнымъ количествомъ монеты, которая при избыткѣ можетъ вывозиться. Въ сферѣ денежнаго обращенія Петти высказывался за монометализмъ. Онъ вполнѣ справедливо полагалъ, что во всякой странѣ одинъ какой-либо изъ драгоцѣнныхъ металловъ можетъ служить орудіемъ обращенія, а всѣ остальныя можно разсматривать какъ простые товары.

У Петти же находимъ мы и первое понятіе о дифференціальной рентѣ. Онъ выводитъ ее не изъ различнаго плодородія земельныхъ участковъ одинаковой величины, а изъ различнаго положенія, изъ различнаго разстоянія отъ рынка при одинаковомъ плодородіи участковъ. Онъ гово-

ЭБ "Научное наследие России"

ритъ: „Какъ сильный спросъ на деньги повышаетъ процентъ, такъ сильный спросъ на хлѣбъ повышаетъ его цѣну, а потому и ренту земли, на которой растетъ хлѣбъ [1]), и въ заключеніе, цѣну самой земли. Если, напримѣръ, хлѣбъ, которымъ питается Лондонъ или какая-нибудь армія, долженъ быть подвозимъ изъ мѣстъ, отстоящихъ на 40 миль, то хлѣбъ, растущій на разстояніи только одной мили отъ Лондона или отъ мѣста квартированія этой арміи, принесетъ столько сверхъ своей естественной цѣны, сколько составляютъ издержки перевозки на 39 миль... Такимъ образомъ, по близости населенныхъ мѣстъ, для пропитанія которыхъ нужны большіе районы, земля не только приноситъ на этомъ основаніи болѣе высокую ренту, но стоитъ большей суммы годичныхъ рентъ, чѣмъ земля совершенно такого же качества, но находящаяся въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ и т. д.“.

Петти упоминаетъ также и о второй основѣ дифференціальной ренты, о различномъ плодородіи земли и, слѣдовательно, о различной производительности труда на количественно равныхъ участкахъ земли: „Богатство или скудость земли или ея стоимость опредѣляется отношеніемъ той, большей или меньшей, части приносимаго ею дохода, которая платится за пользованіе ею, къ тому простому труду, который нужно было затратить для того, чтобы она приносила этотъ доходъ“.

Петти изложилъ идею дифференціальной ренты раньше и лучше, чѣмъ Адамъ Смитъ.

Особенно важнымъ является у Петти положеніе относительно земельной ренты, согласно которому прибавочная стоимость объясняется простымъ слѣдствіемъ большой производительности труда: „Если-бы можно было,—говоритъ Петти,—сдѣлать (названныя) графства болѣе плодородными путемъ приложенія большаго, чѣмъ прежде, количества труда, — напримѣръ, посредствомъ замѣны плуга лопатой, введеніемъ посадки сѣмянъ вмѣсто сѣянья, сортировкой ихъ вмѣсто употребленія безъ разбора, размачиваніе ихъ вмѣсто примѣненія безъ всякой предварительной обработки, удобреніемъ

[1]) Слѣдовательно, здѣсь прямо говорится, что цѣна хлѣба опредѣляетъ ренту подобно тому, какъ уже изъ предыдущаго изложенія слѣдуетъ, что рента не опредѣляетъ собою стоимости хлѣба.

ЭБ "Научное наследие России"

почвы солями вмѣсто гніющей соломы и т. д., — тогда земельная рента взросла бы тѣмъ больше, чѣмъ больше увеличившійся доходъ превзошелъ бы увеличенный трудъ".

Литература о Петти до сихъ поръ еще недостаточна. Его сочиненія больше упоминаются въ исторіи статистической литературы, чѣмъ въ исторіи политической экономіи. По-русски, если не считать небольшой переводной замѣтки въ журн проф. Л. В Ходскаго „Народное Хозяйство", ничего о Петти не имѣется По-англійски новое частное изданіе текста Петти сдѣлано въ 1894 году. Лучшая монографія о немъ Dr C. Hul'я: „The economic writings of sir William Petty" Together with the observations upon the Bills of mortality more probably by Captain John Graunt, edited by Charles Henry Hull, Ph. D. Cornell University, Cambridge, At the University Press, 1899 Подробная біографія: Lord Edmond Fitz-Maurice'a: „The Life of sir William Petty". London, 1895 Rei Dr. Cunningham. „The growth of Englisch industry and commerce in modern times". Cambridge, 1890, 1892. Dr. W L Bevan: „Sir William Petty", a study in Englisch economic litterature New-York, 1894. О Петти также см. R. H. Inglis Palgrave: Dictionary of Political Economy. London, 1894. Maurice Pasquier: „Sir William Petty. Ses idées économiques". Paris, 1903

Изъ современниковъ къ Петти близки по выраженію новыхъ идей и стремленій: анонимный авторъ памфлета „England's Great Happines" (1677), сэръ Дэдлей Нортсъ и Николай Барбонъ [1]).

Дэдлей Нортсъ (Dudley North) (1641 — 1690), торговецъ, написалъ свое основное сочиненіе въ 1691 году [2]). Здѣсь яснымъ и простымъ языкомъ онъ изложилъ рядъ идей, шедшихъ вразрѣзъ съ господствующими воззрѣніями. Дэдлей Нортсъ не только отвергаетъ основу меркантилизма — государственное вмѣшательство, — но идетъ дальше, провозглашая новый принципъ: свободу экономической дѣятельности. Въ защитѣ принципа свободы Нортсъ неуклонно послѣдователенъ и является однимъ

1) Лучшее сочиненіе Н. Барбона (1640—1698): Discourse of Trade, 1690 Объ немъ Stephan Bauer: Zur Vorgeschichte der Klassischen Oekonomik въ Jahrb. Conrad'a за 1890 г.

2) „Discourses upon trade by Sir Dudley North". Лондонъ (Bosset). 1691. Эта книга вскорѣ послѣ своего изданія была изъята изъ обращенія и, какъ думаетъ В. Роширъ, самимъ авторомъ. Экземпляры этого изданія нигдѣ не сохранились. Сочиненіе Д. Нортса было вновь воспроизведено въ точности въ 1822 году въ Эдинбургѣ (by James Ballautyne), въ количествѣ 80 экземпляровъ. Біографія Д. Нортса написана его братомъ Роджеромъ Нортсомъ, давшимъ жизнеописанія двухъ Нортсовъ—Франциса, крупнаго вельможи Карла II, и Дэдлея—торговца и путешественника. (Life of Sir Dudley North, 1744). Спеціальной монографіи, посвященной Нортсу, до сихъ поръ не имѣется.

© "Научное наследие России"

изъ первыхъ предвѣстниковъ новой эпохи. Дэдлей Нортсъ также полагаетъ, что богатство народовъ складывается независимо отъ количества золота и серебра. По его мнѣнію, источникъ богатства—трудъ. приложенный и къ землѣ и къ промысламъ. Отливъ и приливъ денегъ происходитъ совершенно самопроизвольно, независимо отъ правительственныхъ мѣропріятій. Застой торговли происходитъ не отъ недостатка денегъ, а отъ переполненія рынка товарами, отъ разстройства въ иностранной торговлѣ и отъ уменьшенія потребленія, слѣдующаго за обѣдненіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дэдлей Нортсъ, въ противоположность меркантилистамъ, придаетъ важное значеніе внутренней торговлѣ. Касаясь ея нуждъ онъ говоритъ, что низкій % зависитъ отъ относительнаго увеличенія капитала и отъ состоянія рынка. Мѣстный же рынокъ находится въ зависимости отъ внѣшняго. Торговые интересы всѣхъ народовъ крайне тѣсно связаны между собою, а для развитія и процвѣтанія торговли вообще необходима ея полная свобода (free trade). Разсуждая о свободной торговлѣ, Нортсъ говоритъ, что отдѣльныя лица дѣлаютъ часто свой частный интересъ мѣриломъ всего добраго и хорошаго и съ большой охотой лишили-бы другихъ равно принадлежащаго всякому права покупать и продавать. Всякая выгода, предоставляемая какому-нибудь частному интересу или отрасли торговли, является несправедливостью съ общественной точки зрѣнія. Всѣ промыслы, по мнѣнію Нортса, выгодны, ибо, въ противномъ случаѣ не было бы расчета ими заниматься; гдѣ процвѣтаетъ промышленность, тамъ и благосостояніе націи. Цѣны должны опредѣляться сами собой, всякое вмѣшательство закона въ это дѣло принесетъ вредъ вмѣсто пользы. Интересны подлинные слова Д. Нортса. Онъ говоритъ:

„Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ-бы одну націю или народъ, всѣ отдѣльныя націи — все равно какъ индивиды одного народа. Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастья только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами".

„Не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо, если таковая оказалась бы, люди ее оставили-бы;

ЭБ "Научное наследие России"

а гдѣ торговцы преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ. Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ, пожалуй, принести выгоду, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо, что дается одному подданному, то берется у другого".

„Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлить цѣнъ въ торговлѣ; послѣднія должны установится сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія". Нортсъ заканчиваетъ свою книгу замѣчательными словами. „Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство".

Однимъ изъ первыхъ борцовъ за новое направленіе въ Англіи, кромѣ Петти и Нортса, является Локкъ, извѣстный болѣе какъ философъ, чѣмъ экономистъ [1]) Вообще, вліяніе философіи на новое теченіе въ Англіи было особенно плодотворно. Мы уже не первый разъ видимъ, что философія и ея представители играютъ рѣшающую роль въ судьбахъ экономической мысли. Новыя условія, создавая новую идеологію, отражаются во всѣхъ сферахъ человѣческихъ идей. Новое міровоззрѣніе и новыя точки зрѣнія, разъ достигнувъ господства, съ логическою неизбѣжностью проникаютъ во всѣ теоретическія построенія. Такъ было и въ Англіи XVII вѣка, гдѣ сама жизнь порвала съ традиціями тогдашняго меркантилизма и расчистила путь для воспріятія новыхъ идей.

Три сочиненія Локка о деньгахъ, появившіяся въ 1689 году, содержатъ уже тѣ новыя ученія, которыя одновременно съ Локкомъ развивали сэръ Вилльямъ Петти и

---

[1]) Экономическими сочиненіями Локка считаются слѣдующія: Two treatises of governement: in the former the false principles and foundation of Sir Robert Filmer are detected and owerthrown. The latter is an essay concerning the true original extend, and end of civil governement, Лондонъ, 1689.—Some considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money, 1691. — Short observations on a printed paper, intitled „For incouraging the coining silver money in England, and after for keeping it here", 1695.—Forther observations concerning raising the value of money, 1696 — Ихъ можно найти въ Полномъ собраніи сочиненій Локка, Лондонъ, 1853 г., 9 томовъ; біографическія свѣдѣнія о Локкѣ въ книгѣ Fox Bourne: The life of I. Locke. 2 тома. Лондонъ, 1876. См. также Bonar: Philosophy and political economy. Лондонъ, 1909, кн. II, гл. V

Дэдлей Нортсъ, два другихъ писателя изъ „знаменитаго“, по выраженію Рошера, — „тріумвирата“, выступившаго въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія.

Локкъ наноситъ принципіальный ударъ меркантилизму своими доказательствами вреда государственнаго вмѣшательства. Въ противоположность меркантилизму, покоившемуся на привилегіяхъ, Локкъ говоритъ о равенствѣ, какъ основѣ хорошаго правленія. Ему ясно классовое дѣленіе общества и онъ утверждаетъ, что ни одно правительство не можетъ „висѣть въ воздухѣ“, а должно опираться на какой-нибудь классъ общества.

Локкъ отрѣшается отъ основного символа вѣры меркантилистовъ—націонализма, онъ космополитъ и ратуетъ за международную гармонію, а не таможенную и торговую борьбу государства. Во взглядахъ Локка на деньги, товаръ и цѣнность—много новаго и значительнаго. По мнѣнію Локка, въ основѣ цѣнности лежитъ трудъ. Между цѣнностью рабочей силы и издержками производства также существуетъ тѣсная связь. „Доля рабочаго, — писалъ Локкъ, какъ бы предугадывая позднѣйшія воззрѣнія, — рѣдко была больше необходимыхъ средствъ существованія; рабочіе никогда не имѣли возможности повысить свои требованія и вступить изъ-за нихъ въ борьбу съ богатыми людьми“. Ставъ на такую точку зрѣнія, Локкъ тѣмъ самымъ указывалъ новые широкіе горизонты. Наконецъ, онъ рѣзко протестуетъ противъ порчи монетъ, что по тому времени было еще очень важно.

Дж. Ингремъ, не оцѣнившій ни Петти, ни Дэдлей Нортса, идетъ въ своихъ сужденіяхъ по рутинному трафарету и старается умалить значеніе Локка, предъявляя къ нему непомѣрныя по тому времени требованія. Онъ говоритъ: „У Локка мы встрѣчаемъ много заблужденій, которыя служатъ доказательствомъ того, что онъ никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ идей меркантильной системы. Напримѣръ, онъ придаетъ монетѣ, какъ таковой, слишкомъ большое значеніе: онъ утверждаетъ прямо, что богатство заключается въ изобиліи золота и серебра; богатство, какъ поясняетъ онъ, состоитъ въ пропорціонально большей наличности драгоцѣнныхъ металловъ у даннаго народа“. „Страна, у которой нѣтъ рудниковъ, можетъ обогатиться лишь двумя способами: завоеваніемъ и торговлей“. Локкъ поэтому признаетъ и ученіе о торговомъ балансѣ. Онъ, въ

ЭБ "Научное наследие России"

противоположность Чайльду, считаетъ столь же невозможнымъ законодательное установленіе процента, какъ опредѣленіе ренты съ домовъ и наемной платы съ кораблей. Но онъ въ то же время совершенно ошибочно объясняетъ паденіе процента увеличеніемъ количества обращающихся денегъ послѣ открытія американскихъ рудниковъ. Онъ такъ же, какъ и Петти, придаетъ слишкомъ большое значеніе многочисленности населенія. Заработная плата, по мнѣнію Локка, должна покрывать необходимыя издержки работника; когда цѣны на средства существованія повышаются, заработная плата должна повышаться въ той же пропорціи, если такого повышенія не произойдетъ, рабочее населеніе необходимо должно будетъ содержаться на средства налоговъ для бѣдныхъ. Паденіе земельной ренты, по его мнѣнію, есть вѣрный признакъ уменьшенія національнаго богатства. „Налоги, въ какой бы формѣ они не придумывались, и изъ чьихъ бы рукъ они непосредственно ни брались, должны падать, въ конечномъ результатѣ, въ странѣ, гдѣ главнымъ источникомъ богатства является земледѣліе, на землю“. Въ этихъ словахъ проглядываетъ уже физіократическое представленіе „объ единомъ налогѣ“ (impôt unique).

Совершенно иначе смотритъ на Локка Бёмъ-Баверкъ, авторитетъ котораго въ исторіи денегъ и процента не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Локкъ,—утверждаетъ Бёмъ-Баверкъ,—оставилъ намъ весьма замѣчательныя изслѣдованія о происхожденіи заемнаго процента. Онъ начинаетъ съ нѣкоторыхъ положеній, очень напоминающихъ точку зрѣнія канонистовъ. Деньги, — говоритъ онъ, — это безплодная вещь, ничего не приносящая: онѣ только переносятъ путемъ договора прибыль, вознаграждающую работу одного человѣка, въ карманъ другого“. И тѣмъ не менѣе Локкъ признаетъ заемный процентъ справедливымъ. Доводомъ и соединительнымъ знакомъ служитъ для него полная аналогія между заемнымъ процентомъ съ одной стороны и наемною платою за земельный участокъ съ другой.

Ближайшей причиной обоихъ является неравное распредѣленіе. У одного больше денегъ, чѣмъ ему нужно, у другого—меньше; поэтому первый находитъ „нанимателя“ для своихъ денегъ совершенно такъ же, какъ землевладѣлецъ, обладающій избыткомъ земельныхъ участковъ, въ то время, какъ его арендаторъ чувствуетъ въ нихъ недоста-

ЭБ "Научное наследие России"

токъ. Но почему же должникъ соглашается платить за занятыя деньги процентъ? Опять по той же причинѣ, по которой арендаторъ соглашается платить ренту за пользованіе земельнымъ участкомъ. Вѣдь деньги,—правда, какъ рѣшительно подчеркиваетъ Локкъ,—только съ помощью дѣятельности должника способны доставить ему въ оборотѣ болѣе шести процентовъ, совершенно такъ же, какъ земля посредствомъ труда арендатора въ состояніи доставить болѣе плодовъ, чѣмъ сколько стоитъ его арендная плата. Итакъ, если заемный процентъ, получаемый капиталистомъ, тоже долженъ быть разсматриваемъ, какъ плодъ труда другого лица, то это имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ въ случаѣ земельной ренты. Даже, наоборотъ, здѣсь мы видимъ гораздо меньшее. Дѣйствительно, земельная рента обыкновенно оставляетъ арендатору отъ плодовъ его прилежанія гораздо меньше, нежели заемный процентъ можетъ оставить берущему взаймы денежную сумму изъ общаго количества добытой имъ прибыли. Такимъ образомъ, Локкъ приходитъ къ выводу: „Занимать деньги за проценты не только неизбѣжно для многихъ людей вслѣдствіе требованій дѣловой жизни и по причинѣ устройства человѣческаго общества, но можно сказать даже, что полученіе прибыли отъ отдачи денегъ взаймы такъ же справедливо и законно, какъ и полученіе земельной ренты и даже легче для должника“.

Какъ одинъ изъ представителей переходной эпохи наряду съ Локкомъ, долженъ быть отмѣченъ и другой философъ-экономистъ, Давидъ Юмъ (1711 — 1776), который впервые выдвигаетъ, и въ этомъ его громадная заслуга, трудовое начало и считаетъ, что запасъ труда („Stock of labour“), а не деньги, опредѣляетъ національное богатство. Но далѣе Юмъ не идетъ, признавая вѣрными идеи меркантилизма. Такъ онъ традиціонно хвалитъ торговлю и промышленность, защищаетъ роскошь и стоитъ за развитіе иностранной торговли. Деньги Юмъ считаетъ простымъ орудіемъ, но не первоисточникомъ, какъ меркантилисты, а слѣдствіемъ богатства, т. е. устанавливаетъ воззрѣніе, которое неизмѣнно сохраняется послѣ него въ политической экономіи. Юму же принадлежитъ первая попытка дать характеристику экономической эволюціи. Въ своемъ ученіи о стадіяхъ экономическаго развитія Юмъ дѣлитъ экономическій процессъ на 4 періода: первый, въ которомъ главное занятіе охота и рыбо-

ЭБ "Научное наследие России"

ловство, второй—земледѣліе, третій—мануфактурный періодъ и, наконецъ, четвертый—торговый. Что касается основныхъ типовъ хозяйства, то Юмъ признаетъ таковыхъ два: натуральное и денежное, понятія утвердившіяся послѣ него въ наукѣ. На тотъ же вопросъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи обратили вниманіе Кэри, Листъ, Бруно Гильдебрандъ, Бюхеръ и Вернеръ Зомбартъ [1]).

III. Переходная эпоха во Франціи.

Во Франціи переходная эпоха выразилась въ трудахъ маршала Вобана, Буагильбера. Д'Аржансона и Кантильона.

Маршалъ Себастьянъ ле-Претръ-де-Вобанъ (1633—1707) полагаетъ, что общественная организація покоится не на деньгахъ, а на рабочихъ классахъ и что истинное богатство заключается не въ благородныхъ металлахъ, а въ товарахъ, вырабатываемыхъ промышленностью и земледѣліемъ [2]). Онъ считаетъ, что разореніе народонаселенія, бывшее въ его время во Франціи особенно рѣзкимъ, происходитъ отъ налоговъ. Противъ этого, по мнѣнію Вобана, лучшее средство — введеніе „единаго налога", единой королевской десятины. Этотъ единый налогъ касается всѣхъ подданныхъ, но Вобанъ, въ силу условій времени, чувствуетъ необходимость даже въ немъ сдѣлать 18 категорій разнаго рода изъятій. Вобанъ полагаетъ, что внутренняя торговля бываетъ двухъ видовъ: одна, которая увеличиваетъ богатство и которую слѣдуетъ поощрять, а другая ничего неприносящая, которую слѣ-

---

[1]) Нѣмецкій протекціонистъ Фридрихъ Листъ не ушелъ далеко отъ Юма Онъ только замѣняетъ первый періодъ Юма кочевничествомъ, а къ двумъ послѣднимъ присоединяетъ каждый предыдущій, такъ что четвертый періодъ по Листу—„земледѣльческо-мануфактурно-торговый" Болѣе упрощено смотритъ Кэри. Онъ дѣлитъ экономическую эволюцію на три періода охотничій, торговый и промышленный Съ Гильдебрандомъ и слѣдовавшимъ ему Рошеромъ возрождается Юмово ученіе о двухъ типахъ,—натуральномъ и денежномъ, къ которымъ Гильдебрандъ прибавляетъ третій, кредитный типъ. Гильдебрандъ и Рошеръ вносятъ кромѣ того существенную поправку, гласящую, что природныя и климатическія условія опредѣляютъ отдѣльные типы хозяйства. Принятое въ настоящее время дѣленіе принадлежитъ К. Бюхеру, различающему древнее замкнутое хозяйство, городское средневѣковое хозяйство (на заказъ) и современное капиталистическое.

[2]) Маршалъ Вобанъ въ „Dîme royale" говоритъ: „La vraie richesse d'un royaume consiste dans l'abondance des denrées, dont l'usage est si nécessaire au soutien de la vie des hommes qui ne sauraient s'en passer"

ЭБ "Научное наследие России"

дуетъ запрещать. Свои взгляды онъ изложилъ въ сочиненіи „Projet d'une dîme Royale", появившемся въ 1707 г. [1]).

Родственный Вобану экономистъ Пьеръ-ле-Пезанъде-Буагильберъ (1646—1714) въ рядѣ сочиненій рисуетъ мрачными красками положеніе французскаго народа. Послѣдній онъ дѣлитъ на два класса: производящій и не пользующійся, — таковъ народъ въ собственномъ смыслѣ, и пользующійся, но не производящій, — таково дворянство и другіе привилегированные классы. Дворянство, по мнѣнію Буагильбера, находится въ бездѣйствіи, а народъ въ бѣдности. Бѣдность происходитъ отъ государственнаго вмѣшательства и неравномѣрности налоговъ, а богатство не отъ денегъ, какъ думали меркантилисты, а отъ пользованія товарами, потребленія ихъ и умноженія земледѣльческихъ продуктовъ. Для Франціи, думаетъ Буагильберъ, необходимы: „свободныя дороги и правильно распредѣленные налоги". Увеличеніе количества денегъ ничего не дастъ странѣ, „ибо деньги не богатство". „Ни золото, ни серебро, — говоритъ Буагильберъ,—нельзя ѣсть и ими одѣваться". „Небо такъ же далеко отъ земли, — продолжаетъ онъ, — какъ теорія меркантилистовъ отъ истины".

Буагильберъ ставитъ Сюлли выше Кольбера, отвергаетъ пользу низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, высказывается за земледѣліе противъ промышленности и торговли и находитъ, что согласно „естественнымъ законамъ" необходима экономическая свобода.

Нѣкоторые считаютъ Буагильбера не оригинальнымъ писателемъ [2]), а заимствующимъ многіе свои взгляды у малоизвѣстнаго англичанина Теккера, который нѣсколько ранѣе проповѣдывалъ гармонію классовыхъ и государственныхъ интересовъ и говорилъ о всеобщей солидарности.

Въ духѣ Буагильбера пишетъ Монтескьё, но спеціальныхъ сочиненій по политической экономіи у Монтескьё

---

[1]) О Вобанѣ академическая рѣчь Фонтенелля: Eloge du maréchal de Vauban, Парижъ, 1907. Michel et Liesse: Vauban économiste, 1891.

[2]) Его сочиненія: Détail de la France (1697), Dissertation sur la nature des rischesses (1699), Factum de la France (1706) и Traité de la nature, culture, commerce en intérêt des Grains (1704—5). О немъ см. J E Horn: L'economie politique avant les physiocrates, Парижъ, 1867; G. Cohn: Pierre de Boisguillebert въ „Zeitschr. f. d. Ges. Staatswiss." за 1869 г.; F. Cadet: Pierre Boisguillebert, sa vie, ses oeuvres, son influence, 1871.

© "Научное наследие России"

не было. Въ главѣ I книги XIII своихъ персидскихъ писемъ Монтескьё высказываетъ, между прочимъ, соціалистическую идею права на трудъ.

Послѣднимъ изъ этого ряда былъ маркизъ Рене Люи де-Вуайе д'Аржансонъ (1694—1757), своеобразный писатель и мыслитель.

Д'Аржансонъ является первымъ принципіальнымъ республиканцемъ до-революціоннаго времени. Онъ предлагаетъ организовать демократію при монархіи, что, въ концѣ концовъ, представляетъ собою ни что иное, какъ планъ уничтоженія государства и превращенія Франціи въ рядъ маленькихъ независимыхъ республикъ. Политическимъ идеаломъ д'Аржансона были древне-греческія республики, штаты Голландіи и швейцарскіе кантоны.

Руссо оказалъ на него громадное вліяніе, что сказалось на его первомъ, циркулировавшемъ вначалѣ въ рукописномъ видѣ, сочиненіи, которое появилось въ печати только въ 1764 году въ Амстердамѣ [1]). Д'Аржансонъ высказывается за идею вѣчнаго мира, просвѣщенія и усиленія политической власти третьяго сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдуя свободу личности, равенство правъ и имуществъ, онъ предлагаетъ каждой общинѣ самой избрать себѣ особую отрасль мануфактуры, чтобы отобрать у центральной власти ея права на промышленность. Онъ надѣется, что государство, такимъ образомъ, обѣднѣетъ. „Чтобы лучше управлять, — говоритъ онъ, — необходимо по меньше управлять" („Pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins"). Д'Аржансону первому принадлежитъ высказанный имъ въ печати принципъ: „Laissez faire — laissez passer". „При государственныхъ заботахъ,—говоритъ онъ, исходя изъ того же принципа,—столицы полнѣютъ, деревни пустѣютъ". Д'Аржансонъ также энергично проповѣдуетъ вѣчный миръ и необходимость уравненія въ правахъ съ духовенствомъ и дворянствомъ буржуазіи.

Идею вѣчнаго мира и любовь къ третьему сословію онъ заимствуетъ у аббата Сэнъ Пьера (1658—1742), написавшаго въ 1713: „Проектъ вѣчнаго мира".

---

[1]) Второе изданіе въ Брюсселѣ въ 1878 году. Оно озаглавлено: „Considérations sur le gouvernement de la France". Въ другомъ его сочиненіи: „Pensées la Reformation de l'Etat" Д'Аржансонъ говоритъ: „Свобода—мать всѣхъ благъ, когда она соединена со справедливостью":

ЭБ "Научное наследие России"

Наиболѣе крупнымъ изъ перечисленныхъ является Ричардъ Кантильонъ, написавшій между 1730—1734 гг. замѣчательную книгу: „Опытъ о природѣ торговли“ („Essai sur la nature du commerce en général“ [1]).

Ко времени Кантильона въ переносѣ англійской мысли на континентъ Европы лежалъ весь историческій смыслъ эпохи. Эту задачу и исполнилъ Кантильонъ, но онъ не былъ простымъ переводчикомъ, а именно однимъ изъ тѣхъ завершителей и развивателей идей туманнаго Альбіона, которыми была полна Франція въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Кантильонъ здѣсь является связующимъ звеномъ. Его сочиненіе показываетъ не только глубокое пониманіе вышеназванныхъ экономистовъ, но уже содержитъ критическій разборъ нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній и дальнѣйшее ихъ развитіе. Въ концѣ концовъ, Кантильонъ справедливо можетъ оспаривать у Гурнэ честь исторической заслуги ознакомленія Франціи съ англійскими экономическими ученіями, которому, по незнанію Кантильона, эта честь обыкновенно приписывается.

Біографія Кантильона не можетъ считаться еще вполнѣ выясненной. Ричарда Кантильона, долгое время смѣшивали съ его двоюроднымъ братомъ Филиппомъ Кантильономъ, авторомъ „The Analysis of Trade“, появившагося въ 1759 г., что между прочимъ дѣлаетъ и г. Руксель [2]). Обычно, біографія Р. Кантильона представляется въ такомъ видѣ: родился онъ около 1680 г. въ Ирландіи, гдѣ его отецъ, Ричардъ Кантильонъ [3]), владѣлъ землями въ баронствѣ Клерморисъ, пожалованными ему Карломъ I за услуги. Дѣтство и юность Кантильона намъ неизвѣстны; мы сразу застаемъ его въ 1716 году въ Парижѣ [4]), занимающимъ видное положеніе въ торговомъ мірѣ и при-

[1]) О Кантильонѣ писали: Sivers, V.: Turgot's Stellung in der Geschichte der Nationalokonomie въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ за 1874 г., стр. 145.—Robert Legrand: Richard Cantillon. Un mercantiliste, précurseur des physiocrates. Парижъ, 1906 г.—Wilhelm Kretzschmer: Ueber den Richard Cantillon zugeschriebenen Essai... mit besonderer Berücksichtigung der Lehren von Otto Effertz. Листаль, 1899. См Кричевскій: Ричардъ Кантильонъ, ст. въ сб. „Рефераты и работы 1902—1904 г.“ (Студен. сборникъ подъ ред. В. В Святловскаго). СПБ., 1905 г. Такъ какъ въ эту работу вложено значительное количество моего труда, то отсюда мною и заимствованы какъ приведенныя въ текстѣ цитаты, такъ и большая часть изложенія.

[2]) Roxel: Un précurseur des physiocrates въ Journal des Economistes, 1891, іюль.

[3]) Полный титулъ котораго: Richard Cantillon, CO. Carry, Ireland

[4]) Впрочемъ, изъ писемъ Pape'a къ Caryll'ю (отъ 23-го іюня 1713 г.), маркиза Townshend'a (отъ 10-го мая 1715 г.), изъ свидѣтельства небезызвѣстнаго поэта Matthew Prior'a и оффиціальныхъ доку-

томъ главой одного изъ крупнѣйшихъ банкирскихъ домовъ Карьера Кантильона складывалась столь блестяще, что возбудили опасенія всемогущаго въ то время Ло, видѣвшаго въ Кантильонѣ соперника. Не останавливаясь передъ средствами, Ло предложилъ Кантильону оставить Парижъ въ двадцать четыре часа, угрожая въ противномъ случаѣ заключеніемъ въ Бастилію Кантильону удалось, однако, смягчить гнѣвъ своего врага обѣщаніемъ содѣйствовать успѣху его извѣстныхъ финансовыхъ комбинацій [1]) Кантильонъ умеръ въ 1734 году насильственной смертью: онъ былъ убитъ съ корыстной цѣлью своимъ слугой, который, чтобы скрыть слѣды преступленья, поджогъ домъ своего хозяина [2]).

Банкирская дѣятельность, постоянныя сношенія съ иностранными государствами, рядъ путешествій, предпринятыхъ Кантильономъ, отразились на его сочиненіи. Не говоря уже о денежномъ обращеніи, механизмѣ обмѣна, теоріи банковъ, — вопросахъ, разработка которыхъ у Кантильона отвѣчаетъ даже требованіямъ современной науки, — можно указать и на другую черту, стоящую также въ несомнѣнной связи съ его дѣятельностью. Это — к о с м о п о л и т и з м ъ, переходъ при разсмотрѣніи экономическихъ вопросовъ къ болѣе широкой, общей точкѣ зрѣнія [3]).

Извѣстно только одно сочиненіе Кантильона. „Essai sur la nature du commerce en général, traduit de l'anglais“, вышедшее въ свѣтъ безъ указанія имени автора черезъ двадцать одинъ годъ послѣ его смерти, т. е въ 1755 году; несмотря, однако, на анонимность „Опыта о природѣ торговли“, никто изъ писателей XVIII в., на него ссылавшихся, не оспаривалъ принадлежности труда перу Кантильона. Съ этимъ согласны и всѣ изслѣдователи [4])

Трудъ Кантильона до напечатанія былъ въ обращеніи въ рукописи, а въ виду заимствованій его взглядовъ Мирабо [5]), знакомство физіократовъ съ идеями Кантильона также несомнѣнно [6]).

ментовъ, относящихся къ 1706, 1709 и 1718 гг. видно, что какой-то Ричардъ Кантильонъ, „парижскій купецъ“, „парижскій банкиръ“, былъ въ Парижѣ уже въ 1705 г.

[1]) Этотъ разсказъ основанъ на сообщеніи Гримма въ „Correspondance littéraire philosophique et critique“ за 1-ое августа 1755 г. (nouv. éd. Paris, 1878, t. III, p. 72). Однако, сообщеніе его опровергается подлинными документами и собственнымъ письмомъ Кантильона къ его другу Гарвану отъ 21-го іюня 1730 г.

[2]) Подробности о Кантильонѣ см. у Г и г г с а въ „The Economical Journal“ за 1891 г.

[3]) См. Г и г г с ъ: Физіократы, русск. пер., 1899, стр. 14.

[4]) Кромѣ К р е ч м е р а, который въ этомъ сомнѣвается.

[5]) Сочиненіе Мирабо „L'Ami des Hommes“ есть ни что иное, какъ комментарій съ дополненіями, не имѣющими теоретическаго значенія, къ названному сочиненію Кантильона.

[6]) Знакомство съ ними К е н э несомнѣнно уже потому, что онъ съ глубокимъ уваженіемъ цитируетъ Кантильона въ ст „Grains“, напечатанной въ 7 т. „L'Encyclopédie“ (1857 г.). Кенэ читалъ „Essai“ Кантильона еще до появленія „Ami des Hommes“ и до своего знакомства съ Мирабо. Изъ „Мемуаровъ“ М о р е л л э видно также, что съ Кантильономъ былъ хорошо знакомъ и Гурнэ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ среди физіократовъ (см. Mémoires inédits de l'Abbé Morellet, Парижъ 1822, tome I, p. 38).

ЭБ "Научное наследие России"

„Земля—говоритъ Кантильонъ,—является источникомъ и матеріальнымъ основаніемъ, изъ котораго создается богатство. Человѣческій трудъ является формою, производящею богатство, а само богатство есть ни что иное, какъ средства существованія, удобства и жизненнаго комфорта". Уже одно опредѣленіе богатства, какъ „средствъ существованія, удобства и жизненнаго комфорта", представляетъ значительный прогресъ въ сравненіи съ отождествленіемъ богатства и денегъ — основнымъ тезисомъ меркантилизма; но Кантильонъ не рѣшается еще вполнѣ порвать съ этимъ догматомъ своихъ предшественниковъ: положеніе объ отождествленіи денегъ и богатства все же входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ его экономическое міровоззрѣніе, уживаясь съ новымъ, болѣе широкимъ опредѣленіемъ богатства и не исключая его.

Отличіе Кантильона отъ меркантилистовъ заключается въ томъ, что онъ иначе понимаетъ источники и элементы богатства: по его мнѣнію, богатство состоитъ исключительно изъ вещественныхъ элементовъ, — потребительной стоимости; по мнѣнію же меркантилистовъ,—изъ элементовъ вещественныхъ и личныхъ: — продуктовъ и населенія. Источники его Кантильонъ видитъ въ землѣ и трудѣ вообще; меркантилисты же — еще въ частности и во внѣшней торговлѣ, что чуждо Кантильону. Дѣло въ томъ, что въ „Опытѣ о природѣ торговли" различаются два вида богатства: дѣйствительное, естественное, или внутреннее богатство (richesse intrinsèque, réelle) и сравнительное, или относительное (richesse comparative). Подъ послѣднимъ разумѣется сравнительное количество денегъ, т. е. золота и серебра, которымъ владѣютъ государства. Дѣйствительное же богатство заключается не въ золотѣ и серебрѣ, а, какъ было уже сказано, въ „средствахъ существованія, удобства и жизненнаго комфорта". Съ понятіемъ дѣйствительнаго богатства приходится имѣть дѣло когда изучаютъ какое-нибудь государство въ изолированномъ состояніи, когда разсматриваютъ данную страну только въ отношеніи къ ней самой, ея доходу, ея обрабатывающей и добывающей промышленности и торговлѣ. Такъ какъ, однако, государства не живутъ и не могутъ жить изолировано, то начинаетъ имѣть значеніе и ихъ

ЭБ "Научное наследие России"

сравнительное богатство, денежный фондъ, находящійся въ ихъ распоряженіи.

Подобно двумъ видамъ богатста, Кантильонъ различаетъ и два вида цѣнностей: дѣйствительную, внутренную цѣнность (valeur intrinsèque) и мѣновую цѣнность, называемую рыночной цѣнной (prix des marchés) такъ какъ она выражается чаще всего въ деньгахъ [1]). „Дѣйствительная, или внутренная, цѣнность всѣхъ вещей пропорціональна количеству земли и труда, необходимыхъ для ихъ производства“ [2]). „Въ своемъ сочиненіи, — продолжаетъ Кантильонъ,—я постоянно пользовался терминомъ „дѣйствительная цѣнность“ для опредѣленія количества земли и труда, входящихъ въ производство тѣхъ или иныхъ вещей, не находя болѣе подходящаго способа выразить мою мысль“.

Понятіе дѣйствительной цѣнности, установленное Кантильономъ, отличаетъ его отъ меркантилистовъ, невидѣвшихъ иной цѣнности, кромѣ рыночной, мѣновой, находящей свое выраженіе въ деньгахъ. Отъ физіократовъ Кантильона отдѣляетъ признаніе имъ мѣновой цѣнности. Вопросъ этотъ физіократами почти игнорировался, такъ какъ въ центрѣ ихъ теоретическихъ изысканій стояла дѣйствительная цѣнность, созидаемая, однако, не трудомъ и землей, какъ училъ Кантильонъ, а одной только землей, такъ какъ трудъ, по мнѣнію физіократовъ, не творитъ цѣнности. Мы знаемъ, что Кантильонъ не первый указалъ на роль труда при созданіи цѣнностей: такъ, еще Петти говорилъ, что „трудъ можетъ считаться отцомъ, а земля—матерью богатства“. Съ Петти сближаетъ Кантильона и попытка опредѣлить цѣнность предметовъ указаніемъ количества земли и труда, заключенныхъ въ нихъ, причемъ Кантильонъ подражаетъ Петти и въ стремленіи выражать одинъ изъ творящихъ цѣны факторовъ въ другомъ, т. е. опредѣлять трудъ въ землѣ или приводить землю къ труду. Петти держался второго пріема, замѣняя при опредѣленіи цѣнности количество земли, заключенное въ данномъ предметѣ, количествомъ труда, необходимаго для обработки

---

[1]) Здѣсь уже можно видѣть пониманіе Кантильономъ различія между „цѣнностью“ и „цѣною“.

[2]) „Essai sur la nature du commerce en général“ 1 и 2. Цитаты дѣлаются по послѣднему изданію сочиненія Кантильона, перепечатанному въ 1892 году для Гарвардскаго университета съ изданія 1755 года.

Научное наследие России

потребной площади земли, и приходя, такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ къ труду, какъ къ единому фактору цѣнности. Количество же этого труда онъ выражалъ въ количествѣ тѣхъ средствъ существованія, которыя необходимы рабочему для пропитанія и размноженія. Они-то и являются, по его мнѣнію, общимъ мѣриломъ „стоимости земли" и „стоимости труда". Кантильонъ, напротивъ, опредѣляетъ цѣнность при помощи второго фактора— „земли". Къ такому выводу онъ приходитъ путемъ слѣдующихъ соображеній: трудъ, необходимый для созданія какой-либо цѣнности, замѣняется средствами существованія, необходимыми рабочему во время производства, средства же существованія извлекаются изъ земли, отсюда вытекаетъ возможность замѣнить трудъ опредѣленнымъ количествомъ земли. „Дѣйствительная цѣнность, — замѣчаетъ Кантильонъ, — измѣряется количествомъ земли, употребленной на производство, и количествомъ входящаго въ производство труда, т. е. земли, продукты которой потребляются лицами, принимающими участіе въ производствѣ" [1]).

Въ вопросѣ о цѣнности Кантильонъ далеко оставилъ за собой меркантилистовъ. Кардинальное значеніе, придаваемое имъ при опредѣленіи цѣнности землѣ, даже въ ущербъ другому фактору—труду, уже сильно сближаетъ его съ физіократами, которые въ разработкѣ вопроса о стоимости не сдѣлали въ сравненіи съ нимъ ни одного шага впередъ.

Изучая обмѣнъ товаровъ, легко убѣдиться, что товары не всегда продаются по ихъ дѣйствительной, внутренней цѣнности. Причину отклоненій рыночныхъ цѣнъ отъ дѣйствительныхъ Кантильонъ видитъ „въ потребленіи населенія, его настроеніи, прихоти". „Кто можетъ,— говоритъ Кантильонъ,—предвидѣть число рожденій и смертей въ государствѣ въ теченіе года? Кто въ состояніи предсказать увеличеніе или уменьшеніе издержекъ населенія? Цѣна товаровъ зависитъ, однако, отъ этихъ фактовъ, предусмотрѣть ихъ невозможно, почему предпріятія и ве-

1) „Essai", стр. 127. La valeur réelle ou intrinsèque de toutes choses est proportionée à la terre et au travail nécessaires à leur production.

© "Научное наследие России"

дутся съ рискомъ“ [1]). Правда, въ культурныхъ странахъ цѣны товаровъ, спросъ на которые отличается однообразіемъ. обыкновенно близки къ ихъ дѣйствительной цѣнности, почему, по мнѣнію Кантильона, въ этомъ случаѣ возможно правительственное установленіе цѣнъ.

Значеніе спроса и предложенія, какъ факторовъ, устанавливающихъ рыночныя цѣны, вполнѣ понималъ Кантильонъ. Изобиліе или рѣдкость денегъ, большее или меньшее количество предлагаемыхъ товаровъ,—всѣ эти моменты отмѣчаются Кантильономъ при анализѣ понятій спроса и предложенія. Знакомый по своей дѣятельности со всѣми тонкостями обмѣна, Кантильонъ добавляетъ, что цѣны устанавливаются немногими, остальные же соглашаются на нихъ, причемъ большое значеніе имѣютъ ловкость и опытность, которыя позволяютъ обладающимъ этими качествами продавцамъ и покупателямъ при одинаковыхъ условіяхъ извлекать большія выгоды, чѣмъ могли бы получать контрагенты, лишенныя указанныхъ способностей. Нельзя думать, что только наличное предложеніе играетъ роль при установленіи цѣнъ: „иностранные рынки всегда вліяютъ на данный рынокъ; если хлѣбъ дорогъ во Франціи, онъ поднимается въ цѣнѣ въ Англіи и другихъ сосѣднихъ странахъ“ [2]). Рыночныя цѣны, образуемыя уравненіемъ спроса и предложенія, оказываютъ вліяніе на производство, которое стремится приноравливаться къ потребленію. Земледѣльцы,—замѣчаетъ Кантильонъ,—будутъ изъ года въ годъ измѣнять употребленіе обрабатываемыхъ ими земель, пока мало-по-малу не будутъ въ состояніи соразмѣрить количество получаемыхъ продуктовъ съ потребностями населенія“ [3]). Образовавшаяся уравненіемъ спроса и предложенія мѣновая цѣнность обыкновенно выражается въ деньгахъ. „Деньги обозначаютъ обыкновенно отношеніе цѣнностей“ [4]).

Нами разсмотрѣны понятія дѣйствительной и мѣновой цѣнности и дѣйствительнаго богатства. Сравнительное богатство, къ которому теперь необходимо перейти, заключается въ фондѣ, остающемся у государства послѣ годового

---

[1]) Cantillon: „Essai“, стр. 53.
[2]) „Essai“, стр. 63.
[3]) „Essai“, стр. 81.
[4]) „Essai“, стр. 54.

ЭБ "Научное наследие России"

потребленія. Фондъ этотъ можетъ заключаться въ магазинахъ съ хлѣбомъ, сукномъ и другими товарами, но обыкновенно состоитъ въ золотѣ и серебрѣ, большее или меньшее количество которыхъ и опредѣляетъ сравнительное богатство государствъ. Почему золото и серебро замѣняютъ въ этомъ фондѣ другія цѣнности, Кантильонъ излагаетъ въ связи съ теоріей денегъ. Приходя въ конечномъ результатѣ къ отождествленію сравнительнаго богатства съ золотомъ и серебромъ, Кантильонъ не устанавливаетъ этого положенія съ исключительностью, свойственной меркантилистамъ. Запасы хлѣба и другихъ товаровъ важны не только для дѣйствительнаго, но и для сравнительнаго богатства.

Какъ могло возникнуть двойное пониманіе богатства Кантильономъ? Въ какомъ отношеніи находятся между собою дѣйствительное и сравнительное, относительное богатства? Отвѣтъ на эти вопросы надо искать въ своеобразныхъ воззрѣніяхъ автора „Опыта о природѣ торговли“ на историческія судьбы народовъ. Въ исторіи каждаго государства можно, по мнѣнію Кантильона, подмѣтить циклы, состоящіе въ чередованіи бѣдности и богатства; подъ бѣдностью и богатствомъ въ данномъ случаѣ понимается изобиліе или недостатокъ денегъ. Исторія всякаго народа начинается съ состоянія бѣдности, затѣмъ мало-по-малу государство начинаетъ богатѣть, но процвѣтаніе смѣняется бѣдностью, и круговоротъ возобновляется въ томъ же порядкѣ. Народъ не можетъ быть постоянно богатъ, всѣ страны не могутъ одновременно процвѣтать. Легранъ высказываетъ предположеніе, что пессимистическій взглядъ Кантильона на неизбѣжное паденіе даже наиболѣе богатыхъ странъ былъ внушенъ ему примѣрами упадка Венеціи, ганзейскаго союза, Испаніи [1]). Это, можетъ быть, и вѣрно, но, во всякомъ случаѣ, не на этихъ примѣрахъ обосновывалась вѣра Кантильона въ возрожденіе впавшихъ въ бѣдность странъ. Чередованіе богатства и бѣдности возможно только тамъ, гдѣ имѣется достаточный производительный фондъ, т. е. годная для обработки земля и трудящееся населеніе въ необходимомъ числѣ.

Если въ вопросахъ цѣнности и богатства Кантильонъ какъ бы примиряетъ воззрѣнія меркантилистовъ и физіо-

[1]) Legrand: Richard Cantillon. Парижъ, 1900, стр. 31.

ЭБ "Научное наследие России"

кратовъ, то по взглядамъ на значеніе земледѣлія, земледѣльцевъ и ихъ отношеніе къ другимъ классамъ населенія, Кантильонъ скорѣе предшественникъ Кенэ и Мирабо, — настолько его идеи близки къ основнымъ положеніямъ физіократовъ. Всякій членъ государства, по утвержденію Кантильона, зависитъ отъ землевладѣльцевъ, которые, не захотѣвъ обрабатывать своей земли, оставили бы все населеніе безъ необходимыхъ средствъ существованія. Свои земли собственники или эксплоатируютъ сами или сдаютъ въ аренду фермерамъ. „Изслѣдуя средства существованія населенія и поднимаясь до ихъ источника, всегда найдемъ, что они коренятся въ землѣ“ [1]). Дѣленіе продукта земли рисуется автору „Опыта о природѣ торговли“ въ слѣдующемъ видѣ: фермеры за пользованіе землей отдаютъ обыкновенно собственнику земли треть продукта, другая треть остается у фермера, какъ его доходъ, третья же поглащается издержками по обработкѣ земли и заработной платой. Фермеры и землевладѣльцы часть своего продукта отдаютъ фабрикантамъ, ремесленникамъ и другимъ классамъ населенія, не принимавшихъ прямого участія въ земледѣліи, въ обмѣнъ за ихъ услуги и произведенія. Очевидно, что классы населенія не занятые въ земледѣліи, могутъ существовать только при условіи, если на ихъ произведенія есть спросъ въ деревнѣ. На всей вообще экономической дѣятельности населенія отражается образъ жизни землевладѣльцевъ, такъ какъ, давая средства существованія ремесленникамъ и предпринимателямъ, землевладѣльцы регулируютъ распредѣленіе занятій; землевладѣльцами опредѣляется и численность населенія, которое ограничивается средствами существованія.

Нельзя въ виду этого не признать правильнымъ замѣчанія Гиггса, что въ разсужденіи Кантильона о дѣленіи продукта земли и роли землевладѣльцевъ содержится уже вся теорія „Tableau Economique“ Кенэ [2]). Взгляды Кантильона на населеніе во многомъ уже предвосхищаютъ ученіе Мальтуса. Подобно Мальтусу, Кантильонъ утверждалъ, что недостатокъ пищи наиболѣе могучій регуляторъ населенія, такъ какъ, не будь средства

[1]) Cantillon: „Essai“, стр. 58.
[2]) Гиггсъ: Физіократы, стр. 28.

© "Научное наследие России"

существованія ограничены, увеличенію населенія не было бы предѣловъ. Тамъ, гдѣ средства существованія имѣются въ изобиліи, „люди размножаются какъ мыши на гумнѣ“ [1]). Примѣръ англійскихъ колоній, гдѣ населеніе черезъ три поколѣнія увеличивается настолько, насколько въ самой метрополіи черезъ тридцать, служитъ Кантильону наглядным подтвержденіемъ его мысли. Впрочемъ, Кантильонъ, предсказываетъ, что съ ростомъ потребностей и паденіемъ производительности земли, быстрота возрастанія населенія должна уменьшиться, такъ какъ на каждаго члена государства должна будетъ приходиться большая площадь земли, чтобы дать ему возможность жить сообразно его увеличившимся потребностямъ.

Признавая первенствующее значеніе за земледѣльческимъ трудомъ, Кантильонъ констатируетъ, однако, высшую оплачиваемость ремесленнаго труда, понимая подъ послѣднимъ не только физическій трудъ рабочаго, занятаго при производствѣ тѣхъ или иныхъ товаровъ, но и такъ называемый интеллектуальный трудъ, какъ то: трудъ инженера, предпринимателя, кассира и т. д. Въ ученіи Кантильона о заработной платѣ утвержденіе, что въ нее всегда входитъ не только сумма, необходимая для жизни рабочаго, но вдвое большая, такъ какъ на вторую половину платы содержится семья рабочаго, нормальный составъ которой предполагается состоящимъ изъ двухъ дѣтей и жены рабочаго; что заработная плата соразмѣряется съ семьей изъ двухъ дѣтей, объясняется, по Кантильону, большою смертностью дѣтей, доходящей до того, что половина дѣтей умираетъ еще до начала своей трудовой дѣятельности. Заработная плата должна не только содержать наличный составъ рабочихъ, но и обезпечить контингентъ ихъ въ будущемъ [2]).

Изложеніе экономическихъ взглядовъ Кантильона было бы далеко неполнымъ, если бы не было указано на его теорію денегъ. Кантильонъ отмѣтилъ слѣдующія функціи

---

[1]) Cantillon „Essai“, стр. 110

[2]) Эта идея заимствована Кантильономъ у Петти, который говоритъ, что рабочій долженъ увѣковѣчивать себя „какъ увѣковѣчиваетъ всякій индивидъ, т. е. путемъ размноженія“. См. W. Petty: The Polithical Anatomie of Ireland, p. 181, въ The economic Writings ed. by Hull, Кембриджъ, 1899.

ЭБ "Научное наследие России"

денегъ: во-первыхъ, деньги — наиболѣе вѣрный способъ сравненія обмѣниваемыхъ товаровъ, наилучшее мѣрило мѣновой цѣнности; во-вторыхъ, деньги—средство сбереженія. и, наконецъ, въ-третьихъ, Кантильонъ указываетъ и на покупательную силу денегъ. Если въ культурныхъ государствахъ для чекана денегъ употребляется преимущественно золото и серебро, то объясненіе этому надо искать въ свойствахъ указанныхъ металловъ [1]). Какъ и всякій товаръ, деньги имѣютъ дѣйствительную и мѣновую цѣнность. Дѣйствительная опредѣляется количествомъ земли и труда, необходимыхъ для ихъ добыванія, сравнительная—по закону спроса и предложенія.

Какъ практическій выводъ изъ своей теоріи денегъ, Кантильонъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, какое количество денегъ нужно для обращенія. Опираясь на свои наблюденія, онъ пришелъ къ выводу, что потребное количество денегъ должно равняться девятой части годового продукта земли въ данномъ государствѣ. Впрочемъ, часть выпущенныхъ въ обращеніе денегъ задерживается и перестаетъ такимъ образомъ, выполнять свое назначеніе, почему является необходимымъ нѣсколько увеличить ихъ количество.

Изобиліе денегъ въ государствѣ, какимъ бы путемъ оно не было достигнуто, не спасетъ страну отъ упадка, къ которому оно въ силу естественнаго закона должно придти. „Черезчуръ большое количество денегъ, — замѣчаетъ Кантильонъ, вѣрный своей исторической теоріи,— сначала образуетъ основу могущества государствъ, но затѣмъ незамѣтно, но неизбѣжно приводитъ ихъ къ бѣдности“ [2]). Правда, правительство располагаетъ средствами нѣсколько замедлить процессъ паденія путемъ займовъ, пользованія своими запасами и т. д., но естественный ходъ событій неминуемо приведетъ страну къ паденію.

Напротивъ, увеличеніе населенія, проникновеніе денежнаго обращенія въ сферы, имъ прежде незатронутыя, возвышеніе предложенія при возросшемъ спросѣ,—всѣ эти

---

[1]) Cantillon: „Essai“, стр. 145.
[2]) „Essai“, стр. 244.

ЭБ "Научное наследие России"

причины могутъ даже при сильномъ увеличеніи денегъ не дать подняться цѣнамъ.

Въ вопросѣ о торговомъ балансѣ Кантильонъ наиболѣе близокъ къ меркантилистамъ. Достиженіе благопріятнаго баланса ставится у Кантильона цѣлью правительственной политики.

Слѣдуя Локку и другимъ англійскимъ писателямъ 17-го вѣка, Кантильонъ признавалъ, что важенъ только общій итогъ, балансъ же съ отдѣльными странами можетъ быть и невыгоднымъ.

У экономистовъ XV-го и XVI-го столѣтій было обычнымъ соединять изученіе торговаго баланса съ разсмотрѣніемъ вопроса о процентѣ. Объяснялось это тѣмъ, что высота процента оказывала вліяніе на балансъ, почему правительственное установленіе процента представлялось весьма желательнымъ. Кантильонъ, слѣдуя примѣру Петти, порвалъ съ традиціонными взглядами меркантилистовъ, высказавшись противъ регламентированія процента. Только при отсутствіи правительственнаго вмѣшательства процентъ будетъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, какимъ его создаютъ существующія условія. Къ числу ихъ Кантильонъ относилъ вліяніе закона спроса и предложенія, вліяніе риска, которому подвергаются, помѣщая деньги въ чужія руки, наконецъ, имѣетъ значеніе и та прибыль, которую можно было бы получить, оставляя капиталъ у себя, не отдавая его въ ссуду. Высокіе проценты, разъ они вызваны этими условіями, не только терпимы, но и справедливы, тѣмъ болѣе, что попытки опредѣленія процента всегда были и будутъ безполезными. Процентъ въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же государствѣ не одинаковъ для различныхъ классовъ населенія. Такъ какъ въ числѣ условій, вліяющихъ на высоту процента, занимаетъ мѣсто и рискъ, то проценты по сдѣлкамъ и займамъ „крупныхъ и пользующихся репутаціей состоятельныхъ негоціантовъ“ [1]) ниже, чѣмъ у другихъ классовъ. По наблюденіямъ Кантильона, высота процента у богатыхъ негоціантовъ совпадаетъ съ процентомъ, платимымъ по земельнымъ ипотекамъ. Помимо всѣхъ указанныхъ причинъ, раз-

[1]) Cantillon: „Essai“, стр. 279.

© "Научное наследие России"

личіе высоты процента въ государствахъ обусловлено и значеніемъ, которымъ пользуются въ данной странѣ землевладѣльцы.

Заканчивая изложеніе воззрѣній Кантильона, мы не можемъ не остановиться на двухъ разбираемыхъ имъ вопросахъ, а именно на вопросѣ объ отношеніи правительства къ хозяйственной жизни и на томъ методѣ, которымъ этотъ экономистъ пользуется.

Въ вопросахъ экономической политики Кантильонъ старается избѣжать безусловныхъ, категорическихъ и непоколебимыхъ положеній. Отрицая, напримѣръ, полную свободу хозяйственной дѣятельности, онъ равно далекъ и отъ требованій всеобъемлющей мелочной регламентанціи; все зависитъ, по его мнѣнію, отъ сущности данныхъ отношеній. Въ вопросахъ о процентѣ. о направленіи хозяйственной дѣятельности страны, установленіи числа лицъ, занимающихся той или иной профессіей, Кантильонъ является сторонникомъ идеи „laissez faire“, которая находитъ въ немъ горячаго защитника. Наоборотъ, въ вопросахъ внѣшней торговли, протекціонизма, установленія цѣнъ на предметы первой необходимости — Кантильонъ вполнѣ слѣдуетъ воззрѣніямъ меркантилистовъ. И эта кажущаяся на первый взглядъ двойственность зависитъ не отъ отсутствія принципіальности во взглядахъ, а отъ той же исходной точки зрѣнія, ставящей интересы реальныхъ отношеній выше доктринерской схоластики.

Вопросы методологіи были, какъ извѣстно, совершенно чужды экономической наукѣ въ эпоху Кантильона [1]), поэтому едва-ли можно говорить о сознательномъ примѣненіи имъ какого-либо метода въ его замѣчательномъ изслѣдованіи. Здѣсь болѣе интересенъ тотъ инстинктъ, то, такъ сказать, удивительное провидѣніе, которое возвышаетъ Кантильона до сознанія своей исторической задачи. Такъ, напримѣръ, говоря о торговомъ балансѣ, Кантильонъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „только разсматривая каждую отрасль торговли отдѣльно можно съ пользою регулировать торговлю съ за-границей; общими разсужденіями

---

[1]) См. Святловскій, В В.: Исторія развитія воззрѣній на методъ въ политической экономіи. Статья въ журналѣ: „Народное Хозяйство“ за 1901 г., кн V.

ЭБ "Научное наследие России"

нельзя этого узнать опредѣленнымъ образомъ“ [1]). Вообще въ „Опытѣ о природѣ торговли“ абсолютныя утвержденія встрѣчаются очень рѣдко, выводы, къ которымъ приходитъ Кантильонъ, всегда покоятся, на признаніи относительности явленій, на опредѣленіи и учетѣ вліянія мѣстныхъ условій. Въ другую историческую эпоху, при другихъ обстоятельствахъ, данныя положенія и найденныя утвержденія могутъ, по его мнѣнію, вполнѣ утратить свою силу. Обращаясь постоянно къ исторіи, Кантильонъ въ ней ищетъ подтвержденія своихъ взглядовъ. Съ этой точки зрѣнія Кантильонъ является какъ бы отдаленнымъ предтечей современнаго историзма, отвергающаго абсолютное въ экономической теоріи и возводящаго относительность явленій на степень универсальнаго закона.

Кантильонъ не былъ единственнымъ писателемъ, который переносилъ освободительныя идеи Англіи во Францію. Къ серединѣ XVIII столѣтія цѣлый рядъ мыслителей проповѣдуетъ новые взгляды, въ значительной мѣрѣ основанные на англійскихъ сочиненіяхъ предшествовавшаго періода. Но то, что въ странѣ туманнаго Альбіона было больше предметомъ отвлеченной кабинетной теоріи, во Франціи пріобрѣтаетъ живой, дѣятельный и популярный характеръ. Особенно увлекаются идеями естественнаго права; изъ нихъ выводятъ ученіе объ общественномъ договорѣ и доктрину о правѣ индивидуума на всѣ естественныя блага, которыя онъ можетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Преклоненіе передъ сельскою жизнью и законами природы и проповѣдь свободы личности въ области хозяйства, перенесенныя въ сферу экономическихъ взглядовъ, приводятъ къ новому ученію — физіократизму.

---

[1]) Cantillon „Essai“, изд. 1892. стр. 308.

© "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ VI-ой.

Физіократизмъ.

Физіократизмъ въ Западной Европѣ. Гурне и его направленіе; Франсуа Кенэ Физіократизмъ въ Россіи.

Гл. 1. Физіократизмъ въ Западной Европѣ.

Въ области теоріи физіократы дали первую научную экономическую систему. Это, дѣйствительно, была и „первая научная политико-экономическая школа“, какъ говоритъ Гиггсъ [1]).

Эта школа имѣла опредѣленное классовое основаніе. Физіократизмъ съ точки зрѣнія классовой идеологіи являлся идеологіею третьяго сельскаго сословія,—буржуа-землевладѣльцевъ. Идеологію другого подъотдѣла того же класса, идеологію третьяго городского сословія,—мы уже имѣли въ ученіи меркантилистовъ; теперь подымали голову помѣщикъ и крестьянинъ, сельскіе хозяева, задавленные феодализмомъ и государственнымъ предпочтеніемъ промышленности. По взглядамъ этой идеологіи мелкій помѣщикъ и крестьянинъ,—оба мелкіе производители,—приближались другъ къ другу, стоило только послѣднему подняться „до высоты сельскохозяйственнаго предпринимателя,

---

[1]) *Гиггсъ:* Физіократы, русск. пер., СПБ., 1900. „Физіократы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—являются первою и въ то же время наиболѣе тѣсно сплоченною школою въ исторіи политической экономіи. Раздѣляя сами, а также возбуждая и въ другихъ, горячій интересъ къ изученію экономическихъ причинъ и слѣдствій, они стойко отстаивали занятую ими позицію, отличались смѣлостью и оригинальностью, иногда парадоксальностью, и оказали огромную услугу послѣдующимъ поколѣніямъ своими глубокими теоріями, которыя подобно волнамъ, разлились по всѣму континенту. Земные владыки не гнушались обращаться къ нимъ за поученіями И хотя родина, для которой они писали и работали, до сихъ поръ еще осталась глуха къ одной части ихъ ученія, тѣмъ не менѣе, необходимо вспомнить, что Адамъ Смитъ и Питтъ, Гэскисонъ, Пилль и Гладстонъ только повторяли ихъ аргументы, когда они, къ счастью или несчастью Англіи, насаждали въ ней политику свободной торговли“. (Стр. 90).

ЭБ "Научное наследие России"

до высоты арендатора буржуа, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи“ [1]).

Близко къ физіократизму по своему духу и то направленіе, выразителемъ котораго является Гурнэ. О немъ и его школѣ здѣсь должно быть упомянуто.

Школа Гурнэ представляетъ собою особое направленіе, предшествовавшее физіократамъ. Одно время Гурнэ, подъ вліяніемъ Мирабо и Дюпонъ де Немюра, ошибочно считали и основателемъ физіократизма и авторомъ формулы „laissez faire“. Гурнэ въ дѣйствительности былъ только предтечею физіократовъ, а формула „laissez-faire“, провозглашенная впервые купцомъ Лежандромъ, была пущена въ литературный оборотъ другимъ предтечею физіократизма, вышеупомянутымъ талантливымъ публицистомъ, д'Аржансономъ [1]). Итакъ, Гурнэ является только предшественникомъ физіократовъ.

Жанъ Клодъ Мари Винценто де Гурнэ (1712—1759) былъ нѣсколько лѣтъ однимъ изъ четырехъ „интендатовъ торговли въ Парижѣ“. Онъ много путешествовалъ. затѣмъ переводилъ иностранныхъ экономическихъ писателей (Чайльда и др.) и самъ написалъ нѣсколько сочиненій. По своимъ взглядамъ,—мы излагаемъ ихъ ниже,—Гурнэ не только не былъ одинокъ, но вокругъ него группировался рядъ писателей, цѣлая „школа“, притомъ настолько солидарная съ своимъ „руководителемъ“, что ихънадо разсматривать какъ одно цѣлое.

Въ „школѣ Гурнэ“—числится довольно большое число писателей; изъ нихъ Фарбонэ былъ болѣе правый, Тюрго, перешедшій затѣмъ къ Кенэ, — болѣе лѣвый. Въ центрѣ вмѣстѣ съ Гурнэ были Морелле, Клико деБлервашъ и нѣкоторые другіе.

Школа Гурнэ отрицательно относилась къ существующему порядку вещей; она скорѣе стояла на почвѣ меркантилизма, освѣщеннаго либеральными взглядами, чѣмъ являлась выразительницею физіократизма, обоснованнаго Кенэ. Къ тому же такое направленіе, какъ справедливо замѣтилъ проф. А. Онкенъ, „составляло только новость для Франціи“. Это было типичное переходное направленіе.

Школа Гурнэ все еще придаетъ громадное значеніе

---

[1]) Онкенъ, А.: Исторія полит. экономіи. рус. пер. стр. 347

[2]) См. Onken, A.: Die Maxime laisser faire, laisser passer, ihr Ursprung, ihr Werden. 1886.

© "Научное наследие России"

торговому балансу, который Франсуа Кенэ считалъ „химерою“, она восхваляетъ „навигаціонный актъ“ Кромвеля и проникнута настроеніемъ меркантилистическаго націонализма. Но Гурнэ и его послѣдователи уже либеральнѣе англійскихъ меркантилистовъ и больше сочувствуютъ идеямъ свободной торговли. Они являются уже рѣшительными противниками запретительной экономической политики, рекомендуя лишь покровительственную. Гурнэ точно также возставалъ и противъ внутреннихъ пошлинъ — этого оплота меркантильной политики — и указывалъ на необходимость введенія „единаго таможеннаго тарифа“.

Практическое по тому времени значеніе имѣли взгляды Гурнэ и его послѣдователей на хлѣбную торговлю. Они горячо возставали противъ оковъ, наложенныхъ властями на хлѣбную торговлю. Нѣтъ сомнѣнія, что именно подъ вліяніемъ сочиненія одного изъ представителей этой школы. былъ изданъ указъ (1754 года), впервые отмѣнявшій всѣ внутреннія стѣсненія хлѣбнаго оборота.

Гурнэ еще чуждъ основной догмѣ физіократизма, что земледѣліе — единственный источникъ богатства, онъ признаетъ въ качествѣ таковыхъ и земледѣліе, и промышленность, и торговлю; что касается экономической политики, то Гурнэ полагаетъ, что внутренняя торговля должна проникнуться принципами неограниченной свободы конкурренціи, а промышленность — освободиться отъ цеховой регламентаціи, монополіи и корпорацій. Что касается общей политики, Гурнэ стоялъ на сторонѣ просвѣщеннаго абсолютизма, но допускалъ государственное вмѣшательство только въ нѣкоторыя области, напримѣръ, въ дѣло регламентаціи высоты процентовъ.

Итакъ, Гурнэ—типичная переходная фигура отъ меркантилизма къ физіократизму. Отсюда—отсутствіе особенной собственной точки зрѣнія и „собственнаго ученія“.

„Гурнэ сознательно распространялъ, — говоритъ А. Онкенъ [1]),—только тотъ запасъ идей, который онъ извлекъ изъ иностранныхъ либерально-меркантилистическихъ сочиненій. Оригинальностью отличалось не его ученіе, а его способъ пропаганды. Онъ основалъ школу изъ молодыхъ чиновниковъ, чтобы такимъ образомъ ввести новый

---

[1]) А. Онкенъ: Исторія политической экономіи, рус. пер. СПБ. 1908 г., стр. 305.

35 "Научное наследие России"

духъ въ управленіе торговлей, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался литературной агитаціей заинтересовать общественное мнѣніе экономической жизнью. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ онъ и былъ предшественникомъ физіократовъ; что касается доктрины, то между нимъ и физіократами нѣтъ ничего общаго. Для этого ему недоставало, главнымъ образомъ, философскаго образа мышленія Кенэ". Несмотря на это, слава Гурнэ превышала его значеніе; этимъ исторія, повидимому, обязана Тюрго, который старается приписать своему герою рядъ достоинствъ. но неудачно. „Гурнэ,—говоритъ Онкенъ—былъ по происхожденію купцомъ, подобно Чайльду, и его кругозоръ ни въ какомъ отношеніи не былъ шире кругозора послѣдняго".

Между тѣмъ физіократизмъ представляетъ собою цѣлое міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежатъ стройно продуманныя воззрѣнія естественнаго права, „порядокъ натуральный и соціальный" („ordre naturel et social"), въ который вылилась соціальная философія той эпохи.

„Отцомъ" физіократизма считается врачъ Франсуа Кэне (1694—1774) [1]).

Кэне родился въ 1694 году въ мало зажиточной семьѣ и поздно научился грамотѣ. Свои профессіональныя познанія онъ получилъ сперва у провинціальнаго хирурга, а затѣмъ въ медицинскихъ школахъ Нанта и Парижа. Въ 1736 г. онъ былъ уже профессоромъ и секретаремъ хирургической академіи. Впослѣдствіи Кенэ дѣлается домашнимъ врачемъ m-me де Помпадуръ, что въ 1755 году приводитъ его къ званію „перваго медикъ-консультанта короля Людовика XV".

Первое сочиненіе Кенэ по экономическимъ вопросамъ, „Essai phisique sur l'Economie Politique", появилось въ 1736 году. Кенэ смотрѣлъ на свои экономическіе труды, какъ на работу въ области практической философіи. Онъ считалъ себя Сократомъ новаго времени и полагалъ, что производитъ въ тогдашней философіи, руководившейся Декартомъ и Мельбраншемъ, тотъ же поворотъ въ область практическаго, какой сдѣлалъ въ античномъ мірѣ его мнимый alter-ego. „Сократъ низвелъ мораль съ неба,—воскликнулъ Мирабо въ надгробномъ словѣ о Кенэ,—нашъ же учитель далъ ей возможность пустить всходы на землѣ".

[1]) См. Oeuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay, publiées avec introduction et des notes par A. Onken. Парижъ 1888.

ЭБ "Научное наследие России"

Вообще, по мысли Кенэ, политическая экономія есть только часть философіи и не должна отдѣляться отъ сливающихся съ нею этикою и политикою. Ея цѣль—содѣйствовать соціальной и государственной реформѣ, направленной на осуществленіе естественнаго порядка. Въ то же время не должно быть перевѣса одного класса надъ другимъ, а равно розни между классами, вродѣ розни, существующей между представителями землевладѣнія и капитала; въ обществѣ должна быть соціальная гармонія.

Экономическое ученіе Кенэ изложено въ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія:

1) Экономическая таблица съ ея объясненіемъ и „общими правилами“ экономической политики земледѣльческаго государства, озаглавленнымъ „Экстракты изъ королевскихъ экономій господина Сюлли“ 1758 г. и [1]).

2) Естественное право. 1765.

Кэне написалъ еще рядъ статей: „Люди“ (Hommes), „Налогъ“ (Impôt) и „Процентъ“ (Interêts), но онѣ были утеряны и найдены только въ концѣ XIX вѣка. Ему же принадлежитъ рядъ статей въ „Журналѣ агрикультуры, коммерціи и финансовъ“ съ 1754 и 1766, въ журналѣ „Эфемериды“, „Ephémerides du citoyen“, основанномъ Бозо и продолжавшемся Дюпонъ де Намюромъ, а именно: „Діалоги о ремесленномъ трудѣ“ (Dialogues sur les travaux des artisans); „Наблюденіе надъ денежнымъ процентомъ“ (Observation sur l'argent); „Взглядъ на правительство инковъ“ (Analyse du gouvernement des Incas Pérou), и „Деспотизмъ Китая“ (Le despotisme de la Chine), 1767 г. [1]).

Изъ перечисленныхъ сочиненій Кенэ наиболѣе важнымъ является „Экономическая таблица“; здѣсь излагаются какъ методъ, такъ и основоположенія Кенэ.

Методу Кенэ придаетъ большое значеніе. Онъ слѣдуетъ въ своей методологіи Декарту, который примѣняетъ дедуктивный методъ „ариѳметико-геометрическій“, или „методъ точнаго изслѣдованія“, какъ онъ его называетъ [2]).

Какъ извѣстно, дедукція у Декарта не дедукція діалектическая Аристотеля, а своя собственная, основанная на

---

[1]) Эти статьи въ 1767 году были переизданы Дюпонъ де Немюромъ въ книгѣ „Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain“.

[2]) На Кенэ, какъ и вообще на физіократовъ, имѣли вліяніе также стоики и Мельбраншъ. См. Raymund de Waha: Die Nationalökonomie in Frankreich, Штуттгартъ, 1900 г., стр. 3.

ЭБ "Научное наследие России"

своеобразномъ эмпиризмѣ математики, которую Декартъ считалъ единственною дедуктивною областью знанія. Математическія знанія, по Декарту, одни свободны отъ заблужденія и недостовѣрности, ибо опытъ подверженъ невольному обману, дедукція же нѣтъ. „Изъ этого,—говоритъ Декартъ въ своихъ „Правилахъ для управленія разумомъ“ [1]),—вовсе не слѣдуетъ, что ариѳметика и геометрія являются единственными науками, достойными изученія, но отсюда вытекаетъ, что, кто ищетъ пути къ истинѣ, тотъ долженъ заниматься только такими объектами, познаніе которыхъ столь же достовѣрно, какъ ариѳметическія и геометрическія доказательства“.

Какъ и Декартъ, Кенэ не различаетъ при этомъ области моральныхъ и физическихъ отношеній и полагаетъ, что одинъ и тотъ же способъ изслѣдованія примѣнимъ и въ естествознаніи и соціальной области. Не только въ методологіи, но и въ содержаніи своей догмы Кенэ вообще находится подъ вліяніемъ Декарта. Онъ признаетъ тѣ же доказательства бытія Бога, что развиваетъ и Декартъ, такъ же обосновываетъ человѣческую свободу и свободу воли и признаетъ страсти основнымъ феноменомъ человѣческой души.

Отсюда склонность къ своего рода фаталистическому оптимизму. Въ мірѣ, по Кенэ, дѣйствуютъ нѣкоторые физическіе и нравственные законы естественнаго и наивыгоднѣйшаго порядка для людей. Указанные нравственные законы способствуютъ возникновенію и развитію такого же нормальнаго порядка въ человѣческомъ обществѣ, какъ и законы физическіе въ сферѣ внѣшней природы. И тѣ и другіе законы—не продуктъ человѣческаго творчества, а божественнаго установленія. Но люди не знакомы со всѣмъ этимъ, а потому поступаютъ вопреки принципамъ естественнаго порядка. Отсюда создается неудовлетворительный, несчастный для человѣчества, существующій порядокъ.

Вывести человѣка изъ печальнаго настоящаго могутъ только знаніе естественныхъ законовъ и свободная воля. „Свобода, — говоритъ Кенэ, — заключается въ возможности обсуждать, чтобы разумно рѣшиться дѣйствовать или не дѣйствовать“.

1) Декартъ. Сочиненія, т. XI.

© "Научное наследие России"

„Активное поведеніе“, рекомендуемое поэтому Кенэ, находится въ логическомъ противорѣчіи съ его детерминизмомъ въ міровомъ устройствѣ, но этого тогда не замѣчали.

Но прослѣдимъ далѣе свободу дѣйствій, рекомендуемую Кенэ. Она направляется, съ одной стороны, эгоизмомъ, съ другой, общественнымъ интересомъ, intérêt bien entendu. Нужно стремиться преимущественно къ преобладанію послѣдняго. Онъ есть примиреніе индивидуальныхъ воль и желаній; черезъ него лучше всего достигаются и личныя цѣли.

Физіократъ Дюпонъ де Немюръ, единовременно съ Кенэ выступившій въ литературѣ, въ двухъ строкахъ формулировалъ оба принципа Кенэ, поставивъ ихъ рядомъ въ эпиграфѣ къ своей „Физіократіи“, 1767 г.:

Ex natura—jus, ordo et leges,
Ex homine arbitrium, regimen et coercitio.

Отсюда Кенэ, а за нимъ и его послѣдователи возлагали большія надежды на просвѣщенный абсолютизмъ. Тюрго приписывали ходячую въ то время фразу: „дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма,—и Франція будетъ свободной“. Первымъ дѣломъ деспотизма было бы отмѣна стѣсненій, привилегій и монополій, созданныхъ въ эпоху меркантилизма. Новое и лучшее создалось бы само собою. „Il mondo va da se“—міръ идетъ самъ собою. Правительству остается только облегчать развитіе естественнаго порядка и „убирать камни съ пути“. Тогда человѣчество быстро приблизится къ своему идеалу, къ свободѣ. Кенэ энергично старался обосновать свое стремленіе къ свободѣ, какъ къ разумному основанію экономической жизни. Онъ не только провозглашалъ этотъ принципъ, но и обосновывалъ его и философски и экономически. Онъ далъ любопытный и по времени первый въ экономической наукѣ радикальный анализъ хозяйственнаго механизма. Въ той же замѣчательной „Экономической Таблицѣ“ онъ прослѣживаетъ весь процессъ товарообмѣна и хозяйственныхъ отношеній между отдѣльными классами общества.

Послѣднихъ, по мнѣнію Кенэ, три: классъ производительный, классъ собственниковъ и классъ безплодный (stérile). Къ первому—относятся всѣ земледѣльцы, ко второму—король, землевладѣльцы и духовенство, къ третьему — всѣ занятые выполненіемъ услугъ и работами, кромѣ земледѣльческихъ.

Такъ какъ основою соціальнаго порядка является собственность, то поэтому и первоисточникомъ хозяйственной

© "Научное наследие России"

энергіи служитъ классъ собственниковъ. Они даютъ толчекъ круговороту жизни своими расходами, но они, какъ и классъ мануфактуристовъ и торговцевъ, не создаютъ новыхъ цѣнностей. Послѣднія — дѣло класса земледѣльцевъ, которые одни во всемъ обществѣ не только воспроизводятъ всю свою цѣнность, но вырабатываютъ еще чистый доходъ.

Выработанный въ странѣ чистый доходъ переходитъ отъ одного класса къ другому, но классы безплодные его только поглощаютъ, а земледѣльцы, получивъ его, — удваиваютъ. При этомъ каждый изъ классовъ тратитъ половину своего прихода на поддержаніе жизни, т. е. на съѣстные припасы, что, тѣмъ самымъ, даетъ приходъ классу земледѣльцевъ. На этихъ основаніяхъ и покоится круговоротъ цѣнностей въ обществѣ въ его нормальномъ состояніи. Кенэ даетъ рисунокъ, изображающій этотъ процессъ [1]). Исходною точкою его является чистый доходъ,—въ примѣрѣ самого Кенэ, въ двѣ тысячи ливровъ, который былъ полученъ собственниками за предшествующій годъ въ видѣ арендной платы. Этотъ доходъ раздѣлится между двумя классами, занятыми въ производствѣ, т. е. между земледѣльцами и промышленниками. Перешедшее къ производительнымъ классамъ воспроизводится вдвойнѣ, а перешедшее къ непроизводительному (безплодному) классу потребляется безъ остатка. Приэтомъ каждый изъ классовъ постоянно отдѣляетъ часть дохода въ пользу земледѣльцевъ, которые имѣютъ средства отъ половины происходящихъ процессовъ. Въ конечномъ итогѣ двѣ тысячи ливровъ, дробясь и переходя отъ класса къ классу, уничтожаются безъ остатка, при чемъ самый процессъ замедляется частичнымъ воспроизводствомъ дѣлящихся средствъ. Такова основная схема „соціальнаго распредѣленія“ великаго физіократа, чисто механически понимавшаго процессъ круговращенія цѣнностей.

Помимо Кенэ въ его „школѣ“ во Франціи выдвигаются: Дюпонъ де Немуръ (Dupont de Nemours), 1739—1817, Мирабо-старшій, Мерсье де ла Ривьеръ (Mercier de Larivière), 1720—1797, Тюрго, Бодо (Baudeau), 1730—1792,

[1]) Эта таблица по-французски воспроизведена въ русской экономической литературѣ у А. Онкена: Исторія политической экономіи до А. Смита Пер. подъ ред. М. Бернацкаго. СПБ., 1908, по-русски—въ выпускѣ VI библіотеки экономистовъ. М. 1886

Сенъ Перави (Saint Péravy), 1732—1789, Абейль (Abeille), 1719—1807, Рубо (Roubaud), 1730—1789, Патулло и маркизъ де Тюрбильи и др.

Названные писатели стремились поднять угнетенные классы, особенно сельское населеніе. Они ставили во главу угла интересы сельскаго хозяйства, влеченіе къ которому поддерживалось всѣмъ настроеніемъ эпохи. Нѣжныя симпатіи къ природѣ и первобытной простотѣ вообще были девизомъ тогдашняго общества и проявлялись въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Поэзія, живопись, философія, личная и общественная жизнь были проникнуты стремленіемъ подражать, или „творить“ (κρατεῖν) „природу“ (φύσις). Въ картинахъ Ватто, въ романсахъ и романахъ, въ серьезныхъ трактатахъ, какъ „Эмиль“ Руссо и „Кодексъ Натуры“ Гольбаха, прославлялись сельская идиллія, пасторальные пейзажи и настроенія, безхитростная деревенская жизнь и общеніе съ первоисточникомъ благъ — природою.

Этотъ новый потокъ идей и настроеній производилъ глубокое впечатлѣніе на умы образованныхъ людей того времени. Кромѣ справедливой реакціи противъ предшествовавшей эпохи, кромѣ новизны и оригинальности новыхъ вѣяній, физіократизмъ производилъ давленіе и обаяніемъ тѣхъ личностей, которыя стояли во главѣ движенія. Въ этомъ смыслѣ особенно выдѣляются Кенэ и Тюрго. О Кенэ мы уже выше говорили.

Тюрго (Аннъ-Робертъ-Жакъ Тюрго, баронъ д'Олькъ), (1727—1781), авторъ ряда сочиненій, появившихся въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVIII столѣтія, и иниціаторъ ряда государственныхъ мѣропріятій, проведенныхъ въ 70-хъ годахъ, въ періодъ фактическаго управленія имъ Франціею. Тюрго осуществилъ на практикѣ рядъ идей физіократовъ и самъ развивалъ послѣднія въ рядѣ принципіальныхъ положеній. Такъ, Тюрго отстаивалъ право свободной торговли и конкуренціи, онъ добился отмѣны ряда ограниченій въ хлѣбной торговлѣ (1764) и отмѣны средневѣковыхъ цеховъ (1776). Защищая низшіе классы, Тюрго первый провозгласилъ принципъ, по которому заработная плата рабочаго ограничивается тѣмъ, что необходимо для его существованія. Все его ученіе проникнуто глубокой симпатіею къ соціальному вопросу того времени, къ крестьянству, а отсюда стремленіе разобраться въ вопросѣ о составѣ общества вообще, его классахъ и

ЭБ "Научное наследие России"

распредѣленіи среди нихъ матеріальныхъ благъ. Все это приводитъ въ свою очередь къ необходимости опредѣлить природу капитала, способы его производства и перехода изъ рукъ въ руки. Соображенія по этимъ вопросамъ Тюрго излагаетъ въ сочиненіи: Reflexions sur la formation et la distribution des richesses, 1770 г. Здѣсь онъ особенно интересуется важною проблемою, какъ и въ какой формѣ распадается продуктъ между тѣми, кто его получаетъ [1]). Въ итогѣ Тюрго становится на защиту капиталистическаго хозяйства.

О Тюрго имѣется довольно обширная литература. Болѣе новыя сочиненія Batbie: Turgot, philosophe, économiste et administrateur, 1866. Martier: Turgot, 1867 Foucin: Essai sur le ministère de Turgot, 1877. Neymarck: Turgot et ses doctrines, 1885, Feilbogen: Smith und Turgo, 1892. W Walker Stephens Life and Writings of Turgot. 1895 Shepherd: Turgot and the Six Edicts, Нью-Іоркъ, 1903

Русская литература также удѣляла вниманіе Тюрго. У насъ извѣстны: Муравьевъ, С: Тюрго, его ученая и административная дѣятельность. М. 1858. Афанасьевъ, Е: Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго и ихъ значеніе Одесса, 1884. Его же: Очеркъ дѣятельности Тюрго, Одесса, 1886 Лучицкій, И.. Тюрго. Энциклоп. Словарь Брокгауза. Т. 34, 1902 Стр. 334—339.

Физіократизмъ изъ Франціи распространился во всей Европѣ, вызывая литературу и практическія мѣропріятія. Въ Италіи идеи физіократовъ пропагандировалъ Фердинандъ Паолетти (1717 — 1801), писавшій въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII столѣтія, въ Германіи—представителемъ физіократизма являлся маркграфъ баденскій Карлъ Фридрихъ, переписывавшійся съ Мирабо и Дюпономъ и написавшій въ 1772 г. поученіе для своихъ сыновей („Abrégé des principes d'économie politique"), не имѣющее, впрочемъ, научнаго значенія. Кромѣ высокопоставленнаго автора, нѣмецкими физіократами являются также: Шлештвайнъ (1731 — 1802), Мовиллльонъ и Теодоръ Шмальцъ (1764—1831). Въ Австріи физіократамъ покровительствовалъ Леопольдъ, вел. герцогъ Тосканскій, позднѣе австрійскій императоръ. Въ Швеціи—король Густавъ III-ій и т. д.

Физіократизмъ имѣлъ успѣхъ и въ отдаленныхъ, въ то время чисто-земледѣльческихъ, странахъ—въ Польшѣ и Россіи. О Россіи мы скажемъ далѣе подробно. Въ Польшѣ выдѣлились три физіократа: Антонъ Поплавскій, Іеро-

[1]) См Cannan, E.: A History of the Theories of Production and Distribution. 2-ое изд. Лондонъ 1903., стр. 185

нимъ и Валеріанъ Стройновскіе [1]). Всѣ трое талантливые писатели. Здѣсь физіократизму покровительствовалъ король Станиславъ.

Литература о физіократахъ весьма обширна

Во Франціи, помимо прекрасныхъ предисловій къ изданію текстовъ (въ извѣстной Collection des principaux économistes, 1846), можно указать: L. de Lavergne: Les économistes français du XVII siècle. 1870.—Schell, G D. de Nemours et l'école physiocratique 1888.—Du Puynode: Etudes sur les principaux économistes, 1868.—Homel. Les causes financières de la revolution. Парижъ, 1893 —Schatz: L'Individualisme économique et social. Парижъ, 1907

По нѣмецки можно указать на слѣдующія сочиненія: Kelner, G. Zur Geschichte des Physiocratismus. Гёттингенъ 1847.—Onken, A.: Die Maxime laissez-faire, laissez-passer Бернъ, 1886.—Bauer, S. Zur Entstehung der Physiocratie въ жур. Jahrbuch für National. und Stat, за августъ 1890 г —Hassbach, W.. Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von F. Quesnay und A. Smith begründeten politischen Oekonomie. Лейпцигъ, 1890.—Von Sivers Turgot's Stellung in der Geschichte der Nat. Oekonomie, 1902.—R de Waha Die Nationaloekonomie in Frankreich. Штутгартъ, 1910.

По англійски превосходна монографія Higgs'a: The Physiocrats. 1897, есть рус. пер, 1899 г. О польскихъ физіократахъ писали Корзонъ (1881), Мякотинъ (1889), Мархлевскій (1897). О шведскихъ—проф Берендсъ Меркантилисты и физіократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. 1892.

Русская литература о физіократахъ не богата. Кромѣ устарѣлаго сочиненія Гейсмана, А.. О сущности основного физіократическаго ученія. Кіевъ, 1849 Можно отмѣтить Миклашевскаго, А.: Жизнь и произведенія Франсуа Кенэ,—въ предисловіи къ сокращенному изданію Кенэ въ „Библіотекѣ экономистовъ“ (К. Солдатенковъ), вып. VI, М. 1896. Здѣсь приведенъ полный списокъ сочиненій Ф Кенэ. Тюрго: размышленія о созданіи и распредѣленіи богатствъ, рус. пер. Юрьева, 1905. Шелгуновъ, Н. Тюрго. „Русская Мысль“, кн. 8. 1885 г. Герценштейнъ, М.: Физіократы и классическая школа, въ журн. „Юридическій Вѣстникъ“ за 1889 г. Нѣкоторыя указанія можно найти у М. Ковалевскаго: Происхожденіе современной демократіи, т. I, Москва, 1895 г, у Бржескаго Податныя теоріи XVIII вѣка, СПБ., 1885, у Хорошуна: Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г. т I, 1899.

---

[1]) См. Marchlewski, I.: Der Physiokratismus in Polen Zurich (Albert Muller). 1897.

ЭБ "Научное наследие России"

Гл. 2. Физіократизмъ въ Россіи.

„Наказъ“ и начало изученія сельскаго хозяйства въ Россіи Екатерина II и физіократъ Mercier de la Rivière — Экономическія идеи Наказа. Вольное Экономическое Общество.— Программа фонъ-Клингштета.—Премія и тема Екатерины — А. Т. Болотовъ.— Англійская система. — Переводы Боудена, Шубарта фонъ Кеефельда, Рогенбука и др.—Шубартовская система, Шубартъ, Бланкеннагель, Рознотовскій — Система Полтарацкаго. — Ливановъ и Левшинъ Московское Общество Сельскаго Хозяйства.—Развитіе изученія сельскаго хозяйства въ Россіи

Физіократизмъ, смѣнившій у насъ, въ Россіи, и на Западѣ меркантилизмъ, такъ же, какъ и послѣдній, не имѣлъ представителя среди русскихъ экономистовъ и писателей по вопросамъ сельскаго хозяйства. У насъ не было ни одного теоретика и ученаго, котораго можно было бы назвать русскимъ физіократомъ. Вполнѣ правъ поэтому проф. П. Н. Милюковъ, который говоритъ, что „чистыхъ представителей физіократической теоріи въ Россіи не было“, но что „вліяніе прикладныхъ выводовъ ихъ ученія сказалось въ первой половинѣ царствованія Екатерины II“ [1]).

Симпатіи Екатерины къ физіократизму выразились въ рядѣ законовъ и мѣропріятій, въ Наказѣ, въ сношеніяхъ съ иноземными физіократами, въ учрежденіи извѣстнаго Вольнаго Экономическаго Общества. Во всемъ этомъ ясно выразилось то новое теченіе мыслей, которое было вызвано физіократизмомъ. Такъ, Екатерина уничтожила привилегіи и монополіи фабрично-заводскихъ предпріятій, отмѣнила посессіонной порядокъ ихъ устройства и способствовала внѣдренію въ Россіи системы свободной конкурренціи. Ея экономическій либерализмъ отражается и на дѣтищѣ меркантилизма, на таможенной политикѣ: она вводитъ значительно отступающій отъ принципа протекціонизма таможенный тарифъ 1766 года.

Учрежденіе въ 1765 году Вольнаго Экономическаго Общества является событіемъ большой исторической важности въ дѣлѣ послѣдующаго развитія русской экономической науки вообще и сельско-хозяйственныхъ знаній въ частности. Екатерина содѣйствовала не только организаціи, но и первымъ шагамъ дѣятельности этого учрежденія. Изда-

[1]) Милюковъ, П. Н.. Физіократы въ Россіи Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. т. XXXV, стр. 694. СПБ. 1902 г.,

ніе Наказа и отношеніе Екатерины къ Вольному Экономическому Обществу еще точнѣе указываетъ на настроеніе первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины. Екатерининскій Наказъ возвеличиваетъ земледѣліе и свободу торговли. Впрочемъ, Наказъ, къ которому мы еще вернемся, нельзя назвать произведеніемъ физіократическимъ: въ немъ много оговорокъ и отступленій отъ ученія Тюрго и Кенэ.

Поклонница Монтескье, Вольтера и энциклопедистовъ, особенно Дидро, Екатерина не могла не пожелать ближе познакомиться съ родственнымъ энциклопедизму ученіемъ. И, дѣйствительно, Екатерина пыталась вступить въ непосредственное сношеніе съ французскими физіократами, которые являлись какъ бы вѣтвью энциклопедистовъ—ея друзей и наставниковъ. Одного изъ нихъ, именно французскаго физіократа Мерсье де-ла-Ривьера [1]), она даже выписала въ Петербургъ, хотя, услыхавъ и увидавъ этого ученаго, она поспѣшила отъ него отдѣлаться. Извѣстно и ея отрицательное отношеніе къ А. Н. Радищеву, который являлся послѣдователемъ коммуниста Мабли [2]), по своимъ воззрѣніямъ приближавшагося къ физіократизму.

Мерсье де-ла-Ривьеръ хотя и былъ убѣжденнымъ монархистомъ, но смотрѣлъ на соціальные вопросы совсѣмъ иначе, чѣмъ Екатерина. Онъ находилъ страну совершенно неустроенною, рабство крѣпостныхъ—возмутительнымъ, порядки — архаическими. Не обладая тою осторожностью, которую проявилъ пріѣхавшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ него его единомышленникъ Дидро [3]), Мерсье де-ла-Ривьеръ, конечно, возбудилъ неудовольствіе Екатерины, стремившейся маскировать либеральною декламаціею ей хорошо извѣстное положеніе вещей въ странѣ.

Мерсье де-ла-Ривьеръ отрицательно взглянулъ на Россію съ ея крѣпостнымъ правомъ. Въ сохранившихся его двухъ письмахъ отъ времени поѣздки его въ Петербургъ, т. е. отъ $176^{7}/_{8}$ гг., встрѣчаются суровые отзывы этого непонятаго въ Россіи экономиста и философа [4]).

---

[1]) Основное сочиненіе Мерсье (Mercier) L'Ordre naturel et essentiel de sociétés politiques. 2 т. Парижъ, 1767.

[2]) О вліяніи Мабли на Радищева см. А. Радищевъ: „Путешествіе", новое изд. 1905 г.

[3]) См. Бильбасовъ: Дидро въ Петербургѣ. СПБ., 1884 г.

[4]) Они найдены и изданы В. А. Бильбасовымъ въ приложеніи (1, 2) къ его изслѣдованію: „Дидро въ Петербургѣ", СПБ., 1884 г.

ЭБ "Научное наследие России"

„Въ Россіи,—пишетъ онъ аббату Райналю въ октябрѣ 1767 г.,—еще все необходимо устраивать. Чтобы выразиться лучше, слѣдовало бы сказать, что въ Россіи все необходимо уничтожить и затѣмъ вновь создать. Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, абсолютное рабство и крайнее невѣжество глубоко укоренили всевозможныя злоупотребленія, ибо нѣтъ растенія болѣе плодовитаго, болѣе трудно искоренимаго, чѣмъ злоупотребленія. И они растутъ повсюду, гдѣ только ихъ культивируетъ невѣжество". Въ другомъ мѣстѣ того же письма М. де-ла-Ривьеръ пишетъ: „Культура земли находится въ Россіи совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности, но какое же потребленіе возможно среди рабовъ. которые не смѣютъ ничего ни произвести, ни показать, чтобы не привлечь къ этому взора ихъ господина?" Этимъ же де-ла-Ривьеръ объясняетъ скудость скота, жатвы и вообще всякаго достатка у крѣпостныхъ. „Вотъ почему,—говоритъ онъ, повторяя наблюденія Наказа,—между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только по этому одному деньги могутъ быть рѣдкими въ Россіи" [1]).

Теперь выяснены отношенія Дидро къ Екатеринѣ: послѣдняя была лицемѣрна, фальшива и лжива съ великимъ французомъ. Ея извѣстные „отвѣты" на его 88 письменныхъ вопросовъ доставили бы удовольствіе жрецамъ дельфійскаго оракула или отцамъ-іезуитамъ. Съ теченіемъ времени и внѣшняя маска почтенія передъ Европою исчезла у Екатерины и она вернулась ко многимъ самодержавнымъ идеаламъ въ духѣ меркантилизма. Перемѣна въ воззрѣніяхъ Екатерины совершилась постепенно.

Уже въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина саркастически говоритъ о де-ла-Ривьерѣ, что онъ „считалъ русскихъ за четвероногихъ и очень любезно соглашался принять на себя трудъ поставить ихъ на заднія ноги". Правда, Вольтеръ самъ высмѣялъ лучшую работу этого физіократа: „L'ordre

[1]) „Они закапываютъ,—говорится въ Наказѣ,—въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться: боятся, чтобы богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія". (Гл. XII, 276). Да и знаменитый „Денисъ" (Дидро) взглянулъ на русскія условія не снисходительнѣе, хотя ихъ ему вполнѣ сознательно извращали.

ЭБ "Научное наследие России"

naturel des sociétés politiques", въ безсмертной сатирѣ „L'homme aux quarante écus"; правда, и де-ла-Ривьеръ сдѣлалъ непростительную ошибку, искренне повѣривъ либеральной декламаціи Екатерины, но все это уже предвѣщало скорый разрывъ. Онъ наступилъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи, когда Екатерина жалуется на навязчивость непрошенныхъ совѣтниковъ, развязно величаетъ „экономистовъ", — какъ тогда называли физіократовъ, — „дурачьемъ" и „крикунами". За критикою былыхъ друзей наступила и измѣна ихъ принципамъ въ практическихъ мѣропріятіяхъ. Прежде поборница свободы, Екатерина теперь стоитъ уже на скользкомъ пути оправданія ограниченій. „Я не сторонница запрешеній, — пишетъ Екатерина, — но полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ введены съ цѣлью устраненія неудобствъ и было бы неблагоразумно и опрометчиво ихъ касаться". Вскорѣ вся экономическая политика Екатерины радикально измѣняется въ сторону охранительной и протекціонной системы. Физіократизмъ былъ навсегда оставленъ и забытъ.

Но если опытъ съ де-ла-Ривьеромъ былъ не удаченъ, то направленіе его идей все же, хотя и временно, не могло не отразиться на міровоззрѣніи Екатерины. Было уже указано, что экономическія идеи Наказа навѣяны физіократами. Къ нему было добавлено и извѣстное ученіе о необходимости для центральной власти поддерживать размноженіе народонаселенія, которое было модно въ популяціонистикѣ XVIII столѣтія.

Восхваленіе сельскаго хозяйства, какъ важнѣйшаго фактора народнаго богатства, — этотъ основной девизъ физіократизма, — цѣликомъ отразилось и въ Наказѣ. „Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, — гласитъ 293 статья Наказа, — гдѣ земледѣліе въ уничиженіи или нерачительно производится" [1]). „Земледѣліе есть самый большой трудъ для человѣка", — „земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно", говорится нѣсколько далѣе. Но земледѣліе не можетъ быть успѣшнымъ въ старомъ аграрномъ, полукоммунистическомъ строѣ. Только экономическій индиви-

[1]) „Наказъ", глава XIII, стр. 101. Всѣ цитаты, какъ настоящая, такъ и послѣдующія, взяты изъ прекраснаго изданія „Наказа" Л. Ф. Пантелѣева. СПБ., 1893 г.

ЭБ "Научное наследие России"

дуализмъ, только частная собственность могутъ дать прочное основаніе для земледѣлія. Эта мысль, проникающая черезъ сочиненія физіократовъ и особенно ярко формулированная однимъ изъ величайшихъ индивидуалистовъ вѣка, Мерсье де-ла-Ривьеромъ, всегда занимала Екатерину II.

На эту тему она назначаетъ первую свою премію Вольному Экономическому Обществу; на этотъ же смѣлый и опасный, по мнѣнію современниковъ вопросъ [1]), она категорически отвѣчаетъ въ Наказѣ: „не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“ [2]).

Раціональными пріемами къ веденію въ Россіи земледѣлія Екатерина считала „побужденіе закономъ“ (стр. 297), „награжденіе“ лучшихъ земледѣльцевъ (стр. 299) и „изданіе правительствомъ книгъ о земледѣліи, изъ которыхъ каждый крестьянинъ можетъ во своихъ недоумѣніяхъ пользоваться наставленіями“ (ст. 302).

По вопросу о торговлѣ, промышленности. машинахъ, Екатерина уже не стоитъ на столь опредѣленной точкѣ зрѣнія, а скорѣе на средней, примирительной. хотя и съ явнымъ предпочтеніемъ въ сторону либерализма.

По важному вопросу о свободѣ торговли она уклончиво замѣчаетъ, что „торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“ (ст. 317). Она высказывается въ пользу уничтоженія таможенныхъ откуповъ и введенія облегченной системы показаній „на вѣрѣ“, но признаетъ необходимость таможни („гдѣ есть торги, тамъ есть и таможни“). Ея таможенная политика и отношеніе къ вопросу о свободѣ торговли и протекціонизму выливаются въ форму срединной позиціи. „Государство — говоритъ она, —

[1]) Мы знаемъ изъ „Исторіи Вольнаго Экономическаго Общества“, составленной Ходневымъ, какъ подозрительно отнесся къ темѣ Екатерины весь комитетъ и какихъ усилій стоило либеральной группѣ послѣдняго добиться печатанія нѣкоторыхъ работъ, наприм., Барбье де л'Абейля, представленныхъ на соисканіе этой преміи. Послѣдній, между прочимъ, рекомендовалъ „дать свободу невольникамъ“.

[2]) Необходимость выбора между обѣими формами землевладѣнія занимала не одну Екатерину. Въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся ей Дидро, имѣлся вопросъ: „Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?“ („Questions et réponses“, „Русскій Архивъ“, 1880 г., кн III, стр. 6)

ЭБ "Научное наследие России"

должно держать средину между таможнею и торговлею и дѣлать такія распоряженія, чтобѣ сіи двѣ вещи одна другой не запутывали: тогда наслаждаются люди вольностью торговли“ (ст. 323).

По вопросу о свободѣ промышленности Екатерина придерживается той же „золотой середины“. „О цеховыхъ мастерствахъ и установленіи цеховъ для мастеровъ по городамъ еще состоитъ великій споръ: лучше ли имѣть цехи по городамъ или безъ нихъ быть, и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ рукодѣліямъ и ремесламъ?“ (ст. 400). Для Россіи Императрица предлагаетъ слѣдующій выходъ изъ дилеммы: „не то безспорно, что для заведенія мастерства цехи полезны: а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено“, т. е., высказываясь формально за цехи, она желаетъ лишить этотъ институтъ его основного нерва, монопольнаго захвата производства, достижимаго только ограниченіемъ числа лицъ, входящихъ въ цехи.

Такъ же осторожно говорится въ Наказѣ и о новшествѣ, волновавшемъ ту эпоху, о машинахъ. „Махины, которыя служатъ къ сокращенію рукодѣлія, не всегда полезны. Если что сдѣланное руками стоитъ посредственной (т. е. недорогой) цѣны, которая равнымъ образомъ сходна и купцу и тому, кто ее сдѣлалъ, то махины, сокращающія рукодѣліе, то-есть уменьшающія число работающихъ, во многонародномъ государствѣ будутъ вредны“ (ст. 314). „Однако,—замѣчается далѣе,—надлежитъ различать то, что дѣлается для своего государства, отъ того, что (производится) для вывоза въ чужія краи“ (ст. 315).

Эта забота о „многолюдствѣ“ государствъ, лежавшая въ основѣ системы народнаго хозяйства у всѣхъ экономистовъ и писателей XVIII вѣка, не исключая и нашего Ломоносова, очень сильна и у Екатерины. Здѣсь она цѣликомъ и безъ колебаній примыкаетъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывали въ XVII в. — Секкендорфъ, Конригъ, Локкъ, Петти, въ XVIII в.—Монтескье, Руссо и физіократы. Въ этомъ основномъ вопросѣ тогдашней экономіи и статистики Екатерина разобралась основательно. Особая, XII-ая, глава Наказа спеціально посвящена вопросу о „размноженіи народа въ государствѣ“. Согласно господствовавшему взгляду, заботы объ увеличеніи народонаселенія признавались важ-

35 "Научное наследие России"

нѣйшею задачею государства, которое принимало всѣ мѣры для поощренія размноженія, сохраненія дѣтей и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавалось, что размноженіе населенія стоитъ въ тѣсной связи съ формою производства: „страны луговыя, и къ скотоводству способныя, обыкновенно мало имѣютъ народа потому, что мало людей находятъ себѣ тамо упражненіе; пахотныя же земли большее число людей въ упражненіи содержатъ и имѣютъ“ (ст. 273). Въ этомъ замѣчаніи Екатерина на столѣтіе опередила ученіе Левассера и мысли Дюринга по вопросу о соотношеніи народонаселенія съ формою производства.

Весною 1764 года были первыя засѣданія новаго Вольнаго Экономическаго Общества и вышла въ свѣтъ первая часть „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства“.

„При неусыпномъ стараніи всѣхъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ о приведеніи себя поправленіемъ земледѣлія въ лучшее состояніе, что можетъ быть,—спрашивается въ „предувѣдомленіи“ перваго тома „Трудовъ“,—нужнѣе и полезнѣе, какъ къ таковой же ревности побудить любезныхъ согражданъ нашихъ?“ И, не видя ничего иного болѣе полезнаго, редакція „Трудовъ“ развиваетъ цѣлый планъ „къ ревности побужденія“. Она ставитъ себѣ цѣлью „всѣ полезныя и новыя земледѣлія и экономіи, чужестранными народами понынѣ изобрѣтенныя и опытами уже извѣданныя матеріи, прилежно сообщать любезнымъ своимъ согражданамъ“, затѣмъ, производить „собственные опыты“ и „объ успѣхахъ ихъ народъ увѣдомлять“ и, наконецъ, „подробно узнать внутреннее состояніе здѣшнихъ провинцій, открыть ихъ недостатки и изыскать полезныя къ отвращенію тѣхъ недостатковъ средства“. Послѣдняя задача приводила къ экономической анкетѣ и къ системѣ заданія темъ на премію, которыя были вскорѣ введены въ нашъ обиходъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

И первая тема и способъ установки преміи были очень характерны для всей эпохи. „Неизвѣстная особа“ прислала 1 ноября 1766 г. въ Вольное Экономическое Общество заявленіе „черезъ подъячаго ямской канцеляріи отъ секретаря Языкова“, что ею объявляется конкурсная тема: „въ чемъ должна состоять собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движи-

ЭБ "Научное наследие России"

мости, и какое онъ право на то или на другое для пользы общенародной имѣетъ".

Къ заявленію была приложена тысяча червонцевъ. Общество не особенно охотно пошло на встрѣчу желанію „неизвѣстной особы" и когда въ его канцелярію поступило до 160 отвѣтовъ на разныхъ языкахъ, оно не нашло возможнымъ ни печатать болѣе радикальные изъ нихъ, ни перевести на русскій языкъ напечатанную по-французски работу Барбье де л'Абейля, получившаго первую премію. Въ архивѣ Общества и до сихъ поръ хранится въ рукописи главная масса поступившихъ отвѣтовъ.

Не болѣе практичны были и результаты первой анкеты. Программа этого перваго русскаго экономическаго обслѣдованія была составлена членомъ-основателемъ Общества Т. фонъ-Клингштетомъ и носила названіе: „Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій". На нее послѣдовали многочисленные отвѣты, иногда блестяще характеризовавшіе отдѣльныя провинціи. Часть этихъ описаній провинцій была напечатана, а часть и до сихъ поръ хранится въ рукописяхъ въ забытомъ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. И какъ мы смогли лично убѣдиться изъ дѣлъ послѣдняго, шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. были временемъ большого оживленія въ дѣлѣ европеизаціи многихъ сельскихъ хозяйствъ. Мы приводимъ далѣе свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ писателей и произведеній, выступившихъ въ это время и положившихъ начало развитію русской агрономической литературы и тѣсно связанной съ нею литературы по экономіи сельскаго хозяйства.

Первымъ нашимъ писателемъ по вопросамъ сельскохозяйственной экономіи былъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ (7 окт. 1738 г.—7 окт. 1833 г.). Изъ его знаменитыхъ записокъ („Записки Болотова") [1]) видно, какое дѣятельное участіе принималъ онъ въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества послѣ того, какъ первый томъ работъ этого Общества попалъ къ нему въ деревню. Замѣчательную статью Болотова „О раздѣленіи полей" [2]), гдѣ онъ возстаетъ про-

[1]) „Записки А. Т. Болотова", 3 т. Приложеніе къ „Русской Старинѣ" 1870 г. 3-е изд. СПБ., 1875 г

[2]) Болотовъ, А. Т. О раздѣленіи полей Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1771 г., часть XVII, стр. 186.

ЭБ "Научное наследие России"

тивъ рутиннаго трехполья и рекомендуетъ модную въ его дни мекленбургскую семипольную систему сѣвооборота, можно считать первымъ русскимъ оригинальнымъ изслѣдованіемъ по сельско-хозяйственной экономіи.

Въ 1778 и 1779 гг. Вольное Экономическое Общество, кромѣ „Трудовъ", издавало еще „Сельскій Житель". первую русскую земледѣльческую газету, въ которой Болотовъ являлся единственнымъ сотрудникомъ. Послѣ закрытія „Сельскаго Жителя" Болотовъ, по приглашенію знаменитаго Новикова, издававшаго тогда „Московскія Вѣдомости", продолжалъ свое дѣло въ приложеніи къ „Вѣдомостямъ", называвшемся „Экономическій магазинъ" и издававшемся съ 1780 по 1790 г. Позднѣе Болотовъ сотрудничалъ въ журналѣ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Болотовъ получилъ разностороннее, а также и свое естественнонаучное и сельско-хозяйственное, образованіе за границею. „Пребываніе Болотова за границею, — говоритъ К. Вернеръ,—совпало съ началомъ того стремленія къ улучшенію сельскаго хозяйства, которое во второй половинѣ XVIII вѣка охватило всю Западную Европу. Артуръ Юнгъ въ это время еще не появлялся, и наибольшимъ кредитомъ тогда пользовалась выгонная система полеводства, дававшая прекрасные результаты въ Голштиніи и, по словамъ Маршаля, утроившая доходность земли въ Іоркширѣ. Въ первой четверти XVIII вѣка передовые хозяева Мекленбурга и Западной Пруссіи начали уже вводить эту систему въ своихъ имѣніяхъ, но ихъ попытки были встрѣчены правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ крайне несочувственно. Агрономическія улучшенія нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянства и мелкихъ арендаторовъ; такъ оно было въ Англіи, гдѣ лэндлорды принялись за „огораживаніе" земель, такъ оно было и въ Мекленбургѣ, гдѣ помѣщики начали сгонять мелкихъ арендаторовъ, чтобы присоединить ихъ земли къ владѣльческой запашкѣ. Мекленбургскій герцогъ вступился за крестьянъ, тогда помѣщики, по словамъ Теэра, принуждены были дѣйствовать скрытно, „публично опорачивая" новую систему полеводства. Но послѣ семилѣтней войны обстоятельства рѣзко измѣнились: война разорила крестьянъ и мелкихъ арендаторовъ, вслѣдствіе чего у многихъ помѣщиковъ на рукахъ осталось много земли, съ которой они не знали, что дѣлать. Тогда то

ЭБ "Научное наследие России"

открыто заговорили о преимуществахъ мекленбургской системы полеводства.

„Вдругъ начали замѣчать,—говоритъ Тэеръ,—что многія помѣстья, весьма истощенныя трехпольнымъ сѣвооборотомъ и въ коихъ годъ отъ году убавлялось количество навоза и запашки, посредствомъ вновь принятой системы весьма поправились и начали доставлять гораздо бо́льшіе урожаи". „Выгоды, получаемыя изъ сего рода хозяйства,—продолжаетъ Тэеръ, — столь были очевидны, что начали эту систему почитать совершеннѣйшею изъ всѣхъ возможныхъ, и помѣщики тѣхъ странъ поспѣшили воспользоваться правами своими надъ поселянами, чтобы соединить всѣ свои пахотныя земли и раздѣлить ихъ на клины. Съ сего-то времени начали только познавать истинную цѣнность земли".

Весь этотъ процессъ происходилъ почти на глазахъ молодого Болотова. Поселившись въ деревнѣ, онъ продолжалъ слѣдить за нимъ по газетамъ и сельско-хозяйственнымъ сочиненіямъ. Изучая „экономическія сочиненія", авторъ, по его собственнымъ словамъ, всегда останавливалъ свое вниманіе на раздѣленіи полей и разнообразныхъ способахъ пользованія землею. „Признаюсь, — говоритъ онъ, — что сначала всѣ эти способы казались мнѣ непримѣнимыми къ русскому хозяйству, но когда я внимательно ихъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ причины, мѣшавшія примѣненію ихъ у насъ, то пришелъ къ иному заключенію" [1]).

Результатомъ всѣхъ приведенныхъ выше мыслей и сомнѣній явилась вышеназванная статья Болотова „О раздѣленіи полей". Изложенныя здѣсь идеи онъ вскорѣ имѣлъ случай примѣнить и на практикѣ въ одномъ казенномъ имѣніи Московской губерніи, но опыты его, по обстоятельствамъ отъ него не зависѣвшимъ, дальше выработки плана и первыхъ шаговъ не пошли. Онъ не забылъ своей системы и въ послѣдующіе годы въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ. Здѣсь же онъ впервые проповѣдывалъ о необходимости введенія у насъ травосѣянія и о раціональномъ садоводствѣ [2]).

---

[1]) Вернеръ, К. А.: Текстъ къ собранію портретовъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Отдѣльные оттиски изъ журнала „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства". Москва, 1902.

[2]) Результатомъ пятидесятилѣтнихъ занятій Болотова по садоводству былъ его обширный трудъ по русской помологіи „Изобрѣтеніе и описаніе разныхъ породъ яблоковъ и грушъ,

Почти одновременно съ появленіемъ статей Болотова началась серія переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ агрономическихъ сочиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается у насъ проповѣдь англійской („англинской“) системы хозяйства.

Первымъ былъ переведенъ трудъ англичанина Томаса Боудена: „Наставникъ земледѣльческій“, вышедшій въ Москвѣ, въ 1780 году, въ переводѣ профессора Десницкаго [1]). Выборъ страны и книги свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ тогдашнихъ людей науки къ Англіи; впрочемъ, Десницкій являлся англоманомъ и въ силу своего обученія въ этой странѣ.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Боудена Десницкій, восхваливъ „земледѣльческое художество“, рекомендуетъ соотечественникамъ полное усвоеніе какъ общей постановки, такъ и системы сельско-хозяйственной культуры въ Англіи. „Въ Англіи,—говоритъ переводчикъ,—никакихъ препятствій политическихъ земледѣлію теперь нѣтъ, и обрабатываемая тамъ земля повсемѣстно отдана въ торгъ, такъ что всякій желающій можетъ имѣть оную безпрепятственно; отъ чего вся Великобританія сдѣлалась повсемѣстнымъ почти пахотнымъ полемъ“, при этомъ цвѣтущеее положеніе земледѣлія не зависитъ отъ „приставовъ и приказчиковъ“, которыхъ такъ цѣнятъ въ Россіи. Для Россіи,—по мнѣнію Десницкаго,—только тогда можно ожидать такого же успѣха, когда „сами помѣщики предварительно по содержащемуся въ сей книгѣ способу не учинятъ опытовъ сперва на своихъ боярскихъ земляхъ“, а потомъ уже на крестьянскихъ. Съ этою

родящихся въ Дворенинскихъ, а отчасти въ другихъ садахъ“. Значеніе этой работы ясно уже изъ того, что даже въ 1861 году она была переиздана въ „Журналѣ Садоводства“ (К. Вернеръ: loc. cit., стр. 15).

[1]) Полное заглавіе этой книги слѣдующее: Томасъ Боуденъ. Наставникъ земледѣльческій или краткое англинскаго хлѣбопашества показаніе. Въ пріуготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ, въ посѣвѣ, и удобреніе разнаго хлѣба разнымъ образомъ, въ поправленіи сѣнокосныхъ травъ, съ описаніемъ различныхъ ихъ питательныхъ свойствъ для скота, въ содержаніи луговъ и паствъ по новому употребленію пахотныя земли подъ сѣно, со многими къ тому принадлежащими начертанными орудіями и поправленіями, каковыми вся сія книжка наполнена и издана на англійскомъ языкѣ Томасомъ Боуденомъ славнымъ землевладѣльцемъ въ провинціи Кентъ, а переведена на россійской языкъ и притомъ изъ наилучшихъ Англійскихъ земледѣлій писателей пріумножена и пополнена профессоромъ Семеномъ Десницкимъ въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1780 г.

ЭБ "Научное наследие России"

цѣлью Десницкій рекомендуетъ выписать всѣ необходимыя для земледѣлія орудія изъ Англіи, а также и „Фермера Англійскаго, коему отдать желаемое число десятинъ земли въ кортому на семь или на девятнадцать лѣтъ, какъ то водится въ Англіи, дать и учениковъ для наученія симъ способомъ производимому хлѣбопашеству Англѣскому". Менѣе состоятельнымъ хозяевамъ Десницкій совѣтуетъ слѣдовать непосредственно тѣмъ указаніямъ, которыя содержатся въ переведенной имъ книгѣ Боудена.

Въ слѣдующемъ, 1781 году появляется уже и русское оригинальное сочиненіе, рекомендующее „любезнымъ соотечественникамъ" ту же англійскую систему. Это небольшая книжка Андрея Симборскаго: „Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія" [1]). Книжка Симборскаго выходила изъ того же кружка лицъ, что и предыдущая: редакція Десницкаго, типографія Новикова.

Симборскій не совсѣмъ основательно указалъ на англійскихъ писателей, какъ на источники своихъ свѣдѣній: онъ ссылается на всѣхъ еще въ средніе вѣка любимыхъ, агрономическихъ писателей, какъ Колумелла или Плиній; среди же англичанъ руководителями автора являются Гомъ (очевидно Юмъ), Арбуртомъ и, главнымъ образомъ, Артуръ Юнгъ; попадаются ссылки на Линнея и „Лорда Бакона".

Въ книжкѣ разсматриваются „общія примѣчанія о земляхъ", которыя различаются по влажности, крѣпости и другимъ внѣшнимъ признакамъ. За отсутствіемъ свѣдѣній по агрономической химіи, тогда еще только зарождавшейся, „неложные знаки качества земли" узнавали по „естественнымъ произрастѣніямъ, напр., Тиміанъ или Чеберъ показываютъ хорошую землю для корма скотины, Буковица и Земляника означаютъ землю угодную для лѣсовъ, Ромашка родится на рыхлой землѣ и т. д." (стр. 11). Разобравъ черноземъ, суглинокъ, глинистую, „хрящеватую", песчаную мѣловатую, авторъ переходитъ къ доказательствамъ необходимости перемѣны растеній въ полѣ, что, по его мнѣнію, вы-

---

[1]) Полное ея заглавіе: Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія. Собранное изъ разныхъ Англійскихъ Писателей Андреемъ Афанасьевичемъ г. Симборскимъ, протоіереемъ находящимся при Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ; изданное подъ смотрѣніемъ г Профессора Семена Десницкаго, въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, у Н. Новикова, 1781 г.

ЭБ "Научное наследие России"

зывается разпымъ строеньемъ ихъ корней. Затѣмъ рекомендуется удобреніе (навозъ, мергель и зола) и разбираются культуры отдѣльныхъ хлѣбовъ.

Итакъ, первою системою полеводства, у насъ пропагандируемою, была система „англійскаго“ хозяйства. Десницкій, Симборскій, Комовъ, Либановъ, Бакунинъ и другіе наши агрономы очень увлекались этою системою, которая была введена въ рядѣ крупныхъ помѣстій. Она являлась системою безъ обязательнаго сѣвооборота, но покоилась на одномъ правилѣ, а именно, чтобы при всѣхъ комбинаціяхъ, которыя могли прійти въ голову изобрѣтательному хозяину, злаки чередовались съ корнеплодами. Наименованіе „англійскимъ“ укрѣпилъ за этою системою Вернеръ, ссылаясь на такое же наименованіе его старыми агрономами [1]).

Послѣ Боудена у насъ переводился и рекомендовался нѣмецкій агрономъ Шубартъ фонъ-Клеефельдъ, прославившійся введеніемъ въ сѣвооборотъ клевера, за что онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Это была уже иная, не „англинская“, а „Шубартова“ или, какъ ее часто тогда называли, „Коппельная“ система земледѣлія.

Съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ книги Шубарта и Россія стала мѣстомъ столь же шумной, хотя и весьма кратковременной, пропаганды идей этого агронома. „Славный Шубартъ“, „рыцарь клевера“,—нашелъ у насъ цѣлый рядъ поклонниковъ, среди которыхъ выдѣляется извѣстный дѣятель того времени генералъ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, кстати сказать, и піонеръ русскаго сахарнаго дѣла. Бланкеннагель въ началѣ 90-хъ годовъ побывалъ въ саксонскихъ имѣніяхъ Шубарта, — въ мѣстѣ паломничества всѣхъ тогдашнихъ прогрессивныхъ хозяевъ, — и перенесъ систему Шубарта въ Россію, гдѣ примѣнялъ ее не только къ своему, но и къ крестьянскому хозяйству.

---

[1]) „Такое названіе прямо соотвѣтствуетъ сути дѣла,—хозяйства этого типа были настоящими копіями съ англійскихъ и шотландскихъ фермъ. Во главѣ хозяйства обыкновенно стоялъ англичанинъ, часто называющійся „фермеромъ“; коренныя улучшенія почвы производились англійскими рабочими; на поляхъ работалъ инвентарь, либо выписанный изъ Англіи, либо построенный по англійскимъ образцамъ; скотъ былъ англійскій. Въ с Вороновѣ (Подольскаго уѣзда, Московской губерніи) возвышался даже обелискъ, поставленный въ честь Артура Юнга, а сынъ послѣдняго въ 1807 году объѣзжалъ лучшія хозяйства для собиранія хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній. Словомъ, все здѣсь напоминало Англію“ (ср. Вернеръ: ibid, стр. 33).

35 "Научное наследие России"

Труды Шубарта были, по свидѣтельству современниковъ, настольною книгою каждаго нѣмецкаго агронома, а его русскій адептъ, Бланкеннагель, скоро заслужилъ то же уваженіе среди своихъ соотечественниковъ. Наши старые агрономы очень цѣнили Бланкеннагеля. О немъ съ большимъ почтеніемъ упоминаютъ Рознотовскій и Захаровъ. Рознотовскій въ своей книгѣ „Новое земледѣлье“ называетъ Бланкеннагеля піонеромъ Шубартовской системы въ Россіи. За Бланкеннагелемъ шелъ цѣлый рядъ подражателей (Ярославовъ, Поляковъ, Рознотовскій, Всеволжскій, Борисовъ, Угрюмовъ, Захаровъ и др.) [1]).

Въ Россіи „шубартовская система“, т. е. его сѣвообороты, продержалась недолго. „Они,—говоритъ К. Вернеръ.—вывелись подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній, какъ и въ Германіи: съ одной стороны, новое ученіе о плодосмѣнѣ не допускало слѣдованія двухъ колосовыхъ хлѣбовъ другъ за другомъ, а съ другой,—клеверомъ стали пользоваться не одинъ, а два года“ (стр. 25). Вообще же, по всей вѣроятности, сѣвообороты Шубарта не удержались въ силу появленія, такъ называемаго, „клевероутомленія“, т. е. полнаго истощенія почвы клеверомъ.

Необходимо упомянуть о другомъ апологетѣ Шубарта, его переводчикѣ Рознотовскомъ, который издалъ въ 1794 году въ Москвѣ книгу „Новое земледѣліе“ [2]).

„Нѣтъ истины“,—говоритъ Рознотовскій „любезнымъ соотчичамъ“,—„столь доказанной ученѣйшими мужами, какъ сія, что земледѣліе есть самый изобильнѣйшій и существеннѣйшій источникъ государственнаго и частнаго хозяйства“. Вообще же Рознотовскій ратуетъ за новое земледѣліе, болѣе интенсивное, основанное на удобреніи и содержаніи скота въ стойлѣ и введеніи травосѣянія на пустовавшемъ ранѣе парѣ.

Помѣщикъ Дмитрій Марковичъ Полтарацкій пытался ввести у насъ еще и третью систему—„сѣворальную“ или „рядо-полосную“. Она заключалась въ примѣненіи машиннаго посѣва, причемъ самая машина соединяется съ плу-

---

[1]) Хозяйство самого Бланкеннагеля было описано въ брошюрѣ Захарова „Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ. (С.-Петербургъ, 1801).

[2]) Андрей Рознотовскій, московской придворной экспедиціи членъ: Новое земледѣліе, основаное на правилахъ тайнаго совѣтника Іоанна Христіана Шубарта фонъ-Клеефельда, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ 1786 года третьимъ тисненіемъ. Москва (университетская типографія), 1794 г.

35 "Научное наследие России"

гомъ. Рядовая сѣялка, изобрѣтенная англійскимъ агрономомъ Кукомъ, могла примѣняться и для злаковъ и для корнеплодовъ. Но его идеи оказались практически неосуществимыми. Таковы всѣ три первыхъ нашихъ направленія въ агрономіи. Но ими литература не исчерпывалась. Такъ, передъ Шубартомъ фонъ-Клеефельдомъ переводился Герцель, а послѣ, Рогенбукъ [1]). Книжка послѣдняго — совершенно безцвѣтное произведеніе, нѣчто вродѣ краткаго и элементарнаго учебника.

Въ самомъ концѣ XVIII-го вѣка выступаютъ еще два болѣе раннихъ русскихъ писателя—Ливановъ и Левшинъ.

Михаилъ Ливановъ въ своей книгѣ, вышедшей въ 1799 году и посвященной Потемкину [2]), совѣтуетъ слѣдующіе пріемы полеводства. „Раздробляй землю и приводи частицы оной до такой степени мелкости, чтобы растенія корни между оными могли свободно расширяться и доставать себѣ питательныя соки". Любопытно его опредѣленіе земли: „земля въ общемъ разумѣніи есть такое существо, которое въ водѣ распускается и мягчится такъ, что оное можно мѣсить какъ тѣсто". Ливановъ, помимо механической обработки („раздробляй землю" и пр.). рекомендуетъ также удобренія ея. Въ кругъ рекомендуемыхъ имъ удобреній входятъ: навозъ, „мѣловая глина", известь и „всѣ роды солей" (?).

Много болѣе плодовитымъ писателемъ, чѣмъ Ливановъ, былъ Василій Левшинъ.

Перу Левшина принадлежитъ цѣлый рядъ агрономическихъ сочиненій, изъ нихъ нѣкоторыя — громадныя по своимъ размѣрамъ. 1. „Словарь ручной натуральной исторіи". Москва, 1788 г.; 2. „Садоводство полное". Москва, 1806 г.; 3. „Полное наставленіе, на гидростатическихъ правилахъ основанное, о строеніи мельницъ каждаго рода. водяныхъ, также вѣтромъ, горячими парами, скотскими и человѣческими силами, въ дѣйствіе приводимыхъ, по которому каждый хозяинъ можетъ то производить. Со многими рисунками въ шести частяхъ состоящее. Переведено съ нѣмецкаго языка, съ

---

[1]) Федоръ Рогенбургъ: Руководство къ землепашеству или главнѣйшія правила сельскаго хозяйства. СПБ., 1792 г. Оно мало чѣмъ разнится отъ другого болѣе ранняго, но отечественнаго произведенія: „О земледѣліи, писано Иваномъ Комовымъ, кол. асессоромъ, Московскаго Директора Экономіи Помощника, земледѣлія и другихъ наукъ профессора и пр" Москва, тип. Пономарева, 1788 г.

[2]) Ливановъ, М., проф. земледѣлія: „О земледѣліи, скотоводствѣ и птицеводствѣ", въ Николаевѣ, 1799 г.

ЭБ "Научное наследие России"

приложеніемъ особливаго прибавленія о разныхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ и прочихъ полезностяхъ въ хозяйствѣ", 6. т. Москва, унив. типогр., 1810—1811.; 4. „Книга для охотниковъ до звѣриной и птичьей ловли". Москва, 1814 г., 5. „Русская поварня". Москва, 1816 г., 6 „Карманная книга для скотоводства" Москва. 1817 г. 7. „Огородникъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ до сего относящимся", Москва 1817 г., 8. „Цвѣтоводство подробное или русская флора". 2 ч. Москва, 1826 г. и друг.

Всѣ работы Левшина — простыя, безыдейныя компиляціи, подходящія къ типу тѣхъ руководствъ, которыми и до сихъ поръ снабжаетъ Никольская хозяевъ „практиковъ" нашихъ глухихъ медвѣжьихъ угловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на „трудахъ" Левшина видно, что въ первыя два десятилѣтія XIX столѣтія интересъ къ сельскому хозяйству отошелъ на второй планъ, уступивъ мѣсто другимъ симпатіямъ и задачамъ.

Кромѣ теоретиковъ въ эту же эпоху стали извѣстными и нѣкоторые сельскіе хозяева практики. Таковъ уже упомянутый Бланкеннагель. Затѣмъ въ началѣ столѣтія обращаютъ на себя вниманіе агрономы: англичанинъ Роджерсъ, графъ Ѳ. В. Растопчинъ и проф. А. А. Прокоповичъ-Антонскій [1]).

Но вернемся еще на минуту къ концу XVIII вѣка.

Параллельно съ научными изданіями тогда же началась работа по популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній. Эта популяризація производилась въ духѣ того времени съ образнымъ морализированіемъ, съ нравоучительными діалогами между добродѣтельными Правдиными, Мудромысловыми и Кривдиными, Обмановыми, Свиньиными и проч. Такова написанная въ фонвизинскомъ духѣ книга „Деревенское Зерцало или общенародная книга, сочиненная не столько, чтобы ее читать, но по ней исполнять" [2]).

Въ „Деревенскомъ Зерцалѣ" добродѣтельный помѣщикъ Честанъ подробно наставляетъ своихъ крестьянъ во всѣхъ необходимыхъ имъ

---

[1]) О нихъ у К. Вернера: Текстъ къ собранію портретовъ. М. 1902 г.

[2]) Изданіе Вольнаго Экономическаго Общества, СПБ., 1898 г. Это извлеченіе изъ большого рукописнаго труда, хранящагося, какъ мы убѣдились, и понынѣ въ Архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества и представленнаго въ свое время на премію. Какъ рукопись, такъ и напечатанная подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ ея часть, снабжены наивными рисунками съ подписанными подъ ними нравоучительными стихами.

ЭБ "Научное наследие России"

предметахъ Книжки подобнаго рода, очевидно, имѣли успѣхъ, такъ какъ въ спискѣ именъ „особъ, подписавшихся на эту книгу", я нашелъ требованіе свыше 225 экземпляровъ, т. е. на количество значительное для того времени.

Итакъ, послѣдняя четверть XVIII вѣка является у насъ начальнымъ временемъ развитія какъ спеціальныхъ агрономическихъ свѣдѣній, такъ и пробужденія интереса къ тѣмъ общимъ вопросамъ, которые входятъ въ область начинавшей зарождаться въ Россіи экономіи сельскаго хозяйства. Послѣдующее Александровское царствованіе мало подвинуло дѣло, начатое при Екатеринѣ. Писатели, какъ Левшинъ, не шли дальше практической рецептуры и страдали полнымъ отсутствіемъ общихъ мыслей, синтеза и общихъ горизонтовъ.

Къ тому же, появленіе смитіанства на нѣкоторое время оттѣснило интересъ къ вопросамъ земледѣлія и сельскохозяйственной экономіи. Этотъ интересъ проснулся нѣсколько позднѣе, въ Москвѣ, гдѣ вокругъ основавшагося въ 1818 году Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства сгруппировался рядъ талантливыхъ писателей и дѣятелей, какъ Масловъ, Павловъ, Шелеховъ и др.

Дѣятельность Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ связи съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ знаменитой книги отца агрономической науки, Теэра, отдѣляетъ первый, такъ печально кончившійся, періодъ пробужденія интереса къ сельской экономіи отъ новой эпохи, когда свѣтъ науки и болѣе раціональная культура проникаютъ въ сельскую Россію. Вмѣсто маниловщины и узкой прописной морали „Деревенскаго Зерцала", вмѣсто совѣтовъ слѣпо подражать Англіи и удобрять землю „всѣми солями", появляется осмысленное знаніе научныхъ основъ земледѣлія и практическое примѣненіе ихъ на родной нивѣ. Правда, „новое" еще рядъ долгихъ лѣтъ будетъ достояніемъ „верхнихъ десяти тысячъ", но все же одна изъ труднѣйшихъ задачъ будетъ сдѣлана: добыто знаніе. И отнынѣ вопросъ уже сводится не къ тому, что именно нужно сдѣлать, а къ тому, какъ сдѣлать доступнымъ для массъ всѣ тѣ пріобрѣтенія, которыя уже давно являются достояніемъ привилегированныхъ культурныхъ одиночекъ.

Московское Общество Сельскаго Хозяйства, придерживаясь теоретическихъ взглядовъ московскихъ профессоровъ университета, само должно было, въ противовѣсъ Петер-

ЭБ "Научное наследие России"

бургскому, развить исключительно практическую дѣятельность.

Вотъ что писалось по этому поводу въ первомъ № журнала Общества „Земледѣльскій Журналъ“ (1818 г, стр. 158—159): „Великая Екатерина, вскорѣ по вступленіи своемъ на Престолъ, обратила вниманіе на улучшеніе въ Государствѣ земледѣлія и 1765 года учредила въ С-Петербургѣ Вольное Экономическое Общество, снабдившее Россію хорошими объ удобреніи и обработаніи полей сочиненіями. Поощряемые наградою золотыхъ медалей, ученые удачно рѣшили многія хозяйственныя задачи, но диссертаціи никакъ не могли сочетать теоріи съ практикою. Давно надлежало завести земледѣльческую школу съ практическою фермою — и сіе-то исполняется во дни наши подъ покровительствомъ благодѣтельнаго Монарха Александра I. Добровольно составившемуся въ Москвѣ Обществу Сельскаго Хозяйства Онъ дарствуетъ на первоначальныя издержки значительную сумму денегъ и нѣсколько десятинъ земли близъ столицы для образцоваго заведенія въ семъ родѣ. Все, издаваемое нынѣ въ свѣтъ симъ Обществомъ, будетъ, такъ сказать, въ очахъ совершаться для жителей Москвы. Близкое къ ней устроеніе опытнаго хутора привлечетъ туда любопытныхъ и будетъ занимательною прогулкою для тѣхъ, которые пожелаютъ свѣрить печатаемыя въ семъ Журналѣ открытія и наставленія съ самыми произведеніями природы“.

Появленіемъ знаменитой и, какъ говорятъ спеціалисты, не утратившей и до сихъ поръ своего значенія книги Теэра русская сельско-хозяйственная экономія обязана С. А Маслову [1]). Онъ перевелъ знаменитый многотомный трудъ Теэра: Объ основаніяхъ раціональнаго сельскаго хозяйства (М., 1830), который М. Н. Муравьевъ снабдилъ обширными примѣчаніями. Руководство это долго было единственною настольною книгою передовыхъ сельскихъ хозяевъ.

Въ эту эпоху прогрессомъ сельскаго хозяйства признавалось—переходъ къ травосѣянію, искусственному удобренію, плодосмѣнной системѣ, къ изученію своей почвы и флоры.

Переходъ отъ трехполья къ плодоперемѣнному полеводству сталъ мечтою всѣхъ прогрессивныхъ сельскихъ хозяевъ. Въ посвященной этому вопросу книгѣ Людвига Фишера, вышедшей въ 1824 году [2]) и одобренной автори-

---

[1]) Дѣятельность Маслова не ограничилась переводомъ Теэра,—хотя и это одно уже было, особенно по тому времени, большою заслугою,—онъ много писалъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“, гдѣ излагалъ научные пріемы особенно отсталой у насъ сельско-хозяйственной техники.

[2]) Людвигъ Фишеръ. Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству, съ показаніемъ примѣра перехода къ оному отъ трехпольнаго, переводъ съ нѣмецкаго“. 2 ч. Москва. Типографія Селиванскаго. 1823 г.

ЭБ "Научное наследие России"

тетнымъ „Земледѣльческимъ Журналомъ“ [1]), приводился рядъ образныхъ примѣровъ и указывались практическіе пріемы для этого перехода.

Но раціональная постановка земледѣлія, какъ извѣстно, немыслима безъ естественно-научной основы. Много нужно было пережить нашей агрономіи, пока она дошла и осуществила это положеніе; впрочемъ, горячо написанная небольшая статья-докладъ Михаила Павлова „О теоріи и практикѣ въ сельскомъ хозяйствѣ“ [2]) даетъ цѣнное указаніе на высоту пониманія въ началѣ 20-хъ годовъ затронутаго вопроса. Въ такъ, назыв., „практикѣ“ Павловъ видитъ только рутинное повтореніе изъ года въ годъ, „черезъ цѣлыя столѣтія и безъ малѣйшаго разсужденія“ [3]), тѣхъ же самыхъ пріемовъ, а, слѣдовательно, „безъ всякаго помышленія объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства“. Между тѣмъ, „къ совершенствованію сельскаго хозяйства приступить съ успѣхомъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ понятіе о началахъ, на коихъ производства онаго основываются“ [4]) „Познаніе сихъ началъ и показаніе, какъ симъ знаніемъ пользоваться, и есть теорія. Приведеніе теоріи въ дѣйствіе есть практика“ [5]).

„Итакъ, если подъ именемъ теоріи разумѣть не игру воображенія, не мечтательность такъ наз. прожектеровъ, не все то, что говорится и пишется безъ должной основательности; но знаніе дѣла въ отношеніи къ началамъ, по коимъ ходъ онаго направляется, а подъ словами: практика, разумѣть не все то, что дѣлается безъ понятія о семъ дѣлѣ, но приведеніе теоріи въ дѣйствіе: то предложенный вопросъ: что болѣе способствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, — теорія или практика? — хотя и кажется нѣкоторымъ нерѣшеннымъ, не основателенъ“ [6]). „Теоріи отъ практики,—говоритъ далѣе Павловъ,— никакъ отдѣлить нельзя; одна неминуемо предполагаетъ другую; практика есть теорія въ дѣйствіи, а теорія есть практика въ мысли“ [7]). Ссылаясь на примѣръ Запада и восхваляя „нѣкоторыхъ изъ именъ, внесенныхъ для безсмертія въ исторію сельскаго

---

[1]) „Земледѣльческій Журналъ“, кн. VII за 1823 г., стр. 123.

[2]) Земледѣльческій Журналъ, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. № VII за 1823 г. Москва.

[3]) Тамъ же, стр. 45. [4]) Тамъ же, стр 47. [5]) Тамъ же, стр. 47. [6]) Тамъ же, стр. 47. [7]) Тамъ же, стр. 48.

ЭБ "Научное наследие России"

хозяйства“ (труды Оливье де Серръ, Розье, Парматье, Артура Юнга, Кука, Шубарта, Теэра, Фелленберга). Павловъ заканчиваетъ свою статью указаніемъ, что „успѣхи сельскаго хозяйства приписываются (на Западѣ) не работникамъ, а людямъ высшей образованности, которые свѣдѣнія свои въ естественныхъ наукахъ старались приноровить къ земледѣлію“ [1]).

Тотъ же Павловъ въ статьѣ „О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи“ („Земледѣльческій Журналъ“ за 1823 г., кн. VIII) горячо отстаиваетъ преимущества сельско-хозяйственной промышленности передъ другими отраслями народнаго хозяйства, мотивируя тѣмъ, что сельское хозяйство „превосходитъ всѣ средства, служащія къ составленію богатства“, и что „имущества искусственныя получаются уже изъ естественныхъ“, т. е. первичныхъ.

Но „сельское хозяйство находится еще въ младенчествѣ“, и какъ поднять его на надлежащую высоту?

„Мечтатели,—говоритъ Павловъ,—поставляютъ высоту оной въ томъ, чтобы и послѣдній изъ простолюдиновъ разсуждалъ о политикѣ“, но „ужасныя событія, за образованностью сего рода въ новѣйшія времена послѣдовавшія, ясно показываютъ неестественность оной“, поэтому образованіе простолюдина „должно состоять въ надлежащемъ разумѣніи дѣла своего знанія“, т. е. въ сельскохозяйственномъ образованіи. Послѣднее же цѣликомъ покоится на естествовѣдѣніи“. Изъ практическихъ мѣръ Павловъ рекомендуетъ „землеудобреніе и плодопеременіе“. Другой авторъ прибавилъ къ этому „уничтоженіе неразмежеванныхъ и черезполосныхъ владѣній“ и осушеніе и орошеніе почвы (стр. 192—197).

Высказавшій вышеприведенныя мысли М. Г. Павловъ, врачъ, проф. физики Московскаго университета, усиленно занимался агрономіею, которую изучалъ за границею; онъ затѣмъ излагалъ ее и въ университетѣ, и внѣ стѣнъ его, въ публичныхъ лекціяхъ. Ему Россія обязана появленіемъ и первыхъ разсадниковъ сельско-хозяйственныхъ знаній, а именно основаніемъ „Земледѣльческаго Училища“, и понынѣ существующаго въ Москвѣ, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ того же журнала, стр. 110, другой авторъ (С. М—овъ) относитъ „земледѣліе“ къ числу „естественныхъ наукъ, не могущихъ имѣть иного основанія, кромѣ опытныхъ свѣдѣній“.

ЭБ "Научное наследие России"

также „Учебнаго хутора" при этомъ Училищѣ. Лучшимъ изъ многочисленныхъ трудовъ Павлова считается „Курсъ сельскаго хозяйства".

Другимъ извѣстнымъ агрономомъ былъ Шелеховъ, тверской помѣщикъ, написавшій популярную книгу: „Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ". Онъ читалъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и издалъ нѣсколько спеціальныхъ агрономическихъ сочиненій Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ „Главныя основанія земледѣлія". М., 1826. Здѣсь Шелеховъ находитъ, что при замѣтномъ общемъ ростѣ экономическаго успѣха Россіи отечественное земледѣлие остается неподвижнымъ" Считая одною изъ причинъ послѣдняго невѣжество. онъ предлагаетъ желающимъ присылать къ нему на лѣто въ помѣстье молодыхъ крестьянъ для обученія управленію земледѣльческими орудіями. Но основною идеею его была пропаганда плодоперемѣннаго хозяйства и уничтоженіе нашего рутиннаго трехполья

Тотъ же тверской помѣщикъ, Дмитрій Шелеховъ, оставилъ намъ любопытную картину той борьбы съ рутиною и стариною, которую ему пришлось выдержать за новую систему земледѣлія

Веденное столѣтіями однимъ и тѣмъ же способомъ хозяйство въ сельцѣ Фроловѣ, гдѣ поселился Шелеховъ, „находилось въ печальной необходимости ожидать изобилія и урожаевъ отъ случайности погодъ, зависѣть только отъ благопріятныхъ для урожая годовъ и страдать при малѣйшемъ ихъ измѣненіи". Невѣдѣніе заставляло быть „слѣпымъ исполнителемъ безотчетныхъ дѣйствій и предразсудковъ крестьянъ", степень успѣшности хозяйства которыхъ (у лучшихъ изъ нихъ) была руководящимъ образцомъ для каждаго „благомыслящаго" помѣщика.

Переломъ въ теоретическомъ міровоззрѣніи не могъ, въ концѣ концовъ, не отразиться и на практикѣ. Но реформа русскаго помѣщичьяго хозяйства,—а оно только, и то въ лучшей своей части, было доступно реформѣ,—произошла позднѣе, а именно въ 20-годахъ. Въ то время, когда на общественной аренѣ героическое политическое движеніе, не опираясь на реальныя силы, не имѣло практическаго успѣха, незамѣтный глазу, но глубокій и чреватый послѣдствіями экономическій переворотъ, который происходилъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, не могъ быть остановленъ никакою внѣшней силою.

Въ слѣдующей эпохѣ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, русская сельско-хозяйственная наука уже совершенно выбилась на правильный научный путь. Таковъ былъ результатъ толчка, даннаго въ свое время физіократизмомъ. Можно допустить. что и воззрѣнія декабристовъ могли находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ физіократовъ, особенно въ области аграрнаго вопроса. Но во всякомъ случаѣ Пестель, знавшій уже Ад. Смита и Сисмонди и высказывавшій ради-

© "Научное наследие России"

кальные взгляды на аграрныя отношенія [1]), подъ вліяніемъ физіократовъ уже не могъ находиться [2]).

Итакъ, мы видѣли, что физіократизмъ, какъ опредѣленное экономическое ученіе, имѣлъ успѣхъ не только на своей родинѣ, но и далеко за ея предѣлами. Первая стройная экономическая теорія, — воззрѣнія физіократовъ, — не оставалась только новымъ явленіемъ въ области теоріи: она имѣла и несомнѣнный, хотя и кратковременный, практическій успѣхъ. Основаніемъ послѣднему являлись въ конечномъ итогѣ двѣ причины: назрѣвшая реакція устарѣлой политикѣ меркантилизма и соотвѣтствіе многимъ новымъ требованіямъ жизни, шедшей впередъ быстрыми шагами. Физіократизмъ разчищалъ путь надвигавшему торжеству индивуализма и облагораживалъ трудъ — пока, впрочемъ, еще только въ области землевладѣнія. Углубить и завершить эти тенденціи пришлось уже новому направленію — школѣ Адама Смита или школѣ классической, органически развившейся изъ новыхъ началъ жизни и теоріи. Къ изложенію этого новаго этапа развитія сейчасъ и переходимъ.

---

[1]) См. Семевскій, В.: Политическія и общественныя идеи декабристовъ Спб. 1909, стр. 627 и слѣд.

[2]) Такъ ошибочно указываетъ, напр., проф. А. Миклашевскій: Исторія политической экономіи. Юрьевъ, 1909, стр. 160 (сноска).

© "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ VII-ой.

Классическая школа.

Гл. 1. Общій обзоръ.

Классическая школа въ политической экономіи. — эта блестящая и законченная идеологія европейской буржуазіи, — находила, что основной принципъ существующаго соціальнаго строя—естественная его гармонія. Она проявляется всегда и вездѣ, если дается просторъ естественной игрѣ силъ. Этой гармоніи интересовъ противорѣчитъ вмѣшательство въ хозяйственную жизнь отдѣльныхъ лицъ и государственной власти. Поэтому основной принципъ эпохи меркантилизма, — активное вмѣшательство, является тормазомъ развитія народнаго хозяйства, а смѣнившая меркантилизмъ классическая школа — прогрессивной и либеральной. Свобода личности и самодѣятельность были первыми лозунгами новаго направленія.

Ученіе классической школы очень законченное цѣлое. Гармонія достигается при помощи основного фактора хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго индивидуума—эгоизма, заложеннаго въ каждомъ хозяйствующимъ субъектѣ и двигающаго его поведеніемъ. Руководясь эгоизмомъ, хозяйствующій индивидуумъ достигаетъ максимальнаго благополучія при минимальной затратѣ силъ. При этомъ онъ трудится не только лично для себя: все человѣчество достигаетъ высшаго благополучія, ибо частная польза совпадаетъ съ общественной. Итакъ, полная индивидуальная свобода въ области народнаго хозяйства — вотъ лозунгъ и идеалъ. Полная свобода промышленности, торговли, всякаго хозяйственнаго дѣйствія — вотъ принципы, которыми необходимо руководиться. Отсюда, — изучая частное хозяйство, экономическую жизнь индивидуума, можно понять и осново-

ЭБ "Научное наследие России"

начала народнаго хозяйства. Познаніе частнохозяйственной системы возможно путемъ одной простой дедукціи изъ общихъ положеній естественнаго права и смитовой теоріи. Изъ этихъ основныхъ началъ можно легко постулировать и законы обмѣна, распредѣленія и пр.

Происхожденіе изложенныхъ взглядовъ весьма интересно.

Къ концу 18 столѣтія европейская промышленность развила тѣ специфическія формы капитализма, которыя характеризуютъ ее во всей послѣдующей ея исторіи. Къ этому времени въ техническомъ производствѣ произошелъ цѣлый переворотъ. Въ 1770 году ткачъ Джемсъ Гаргревсъ изобрѣлъ прядильную машину „Дженни“, съ помощью которой можно было сразу пропускать цѣлый рядъ нитей, между тѣмъ какъ прежде можно было пропускать только одну нить. Это изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ расширить въ значительной мѣрѣ производство. Въ слѣдующемъ 1771 году Аркрайтъ изобрѣлъ, такъ наз., „ватерную“ машину, дѣйствовавшую при помощи воды и значительно облегчавшую производство нитей изъ хлопка. Дальнѣйшее изобрѣтеніе (1779 г.) Самуила Кромптона поставило прядильное производство на такую недосягаемую высоту, о которой прежде нельзя было и думать: одинъ рабочій при помощи новой „мюльной“ машины, объединившей два предыдущихъ изобрѣтенія Гаргревса и Аркрайта, могъ приводить въ движеніе 12.000 веретенъ. Эти всѣ изобрѣтенія касались превращенія хлопка въ нить. Затѣмъ въ 1785 году Картрайтомъ былъ изобрѣтенъ механическій станокъ, который перемѣнилъ всю физіономію крупной промышленности. Измѣненія механическаго станка продолжались вплоть до 1813 г., чему не мало способствовало примѣненіе силы пара, сдѣланное въ 1769 году Уаттомъ для горнозводской промышленности и вошедшей съ 1785 года въ бумагопрядильное производство.

Кромѣ того, и въ транспортѣ замѣчались усовершенствованія. Въ 1777 году между Трентомъ и Мерсеемъ былъ вырытъ каналъ въ 96 миль, въ 1820-хъ годахъ появились шоссейныя, а съ 1827 и желѣзныя — дороги.

Въ результатѣ оказалось, что капиталистическое производство въ Англіи стало на твердую почву; по одному подсчету въ 1811 году въ Англіи было въ ходу около $4^1/_2$

милліоновъ механическихъ веретенъ. Экспортъ невѣроятно возросъ. Въ 1793 году изъ Англіи экспортировали на 17 мил. фунт. стерлинговъ, а спустя семь лѣтъ вывозъ удвоился и дошелъ до 34 мил. фунт. стерл.

Все показывало, что капитализмъ шелъ быстрыми шагами въ Англіи и былъ первое время плодотворенъ, если имѣть въ виду приростъ населенія за періодъ времени съ 1751 по 1821 гг. Данныя очень любопытны. Первоначально населеніе въ каждыя 10 лѣтъ увеличивалось только на 3%; появились изобрѣтенія и усовершенствованія въ области техники и за періодъ съ 1771 г. по 1781 г. мы замѣчаемъ приростъ населенія на 6%, съ 1781 г. по 1791 г. — на 9%, съ 1791 г. по 1801 г. — на 11%, съ 1801 г. по 1811 г. — нѣчто неслыханное на 14%, а съ 1811 г. по 1821 г. — даже на 21%, цифра, которая никогда не повторялась, и такого роста населенія въ Англіи больше никогда не было. Развитіе экспорта къ тому же показывало, что съ появленіемъ капитализма для Англіи наступилъ небывалый расцвѣтъ внѣшней торговли.

Къ этому времени и появляются классическія сочиненія А. Смита, Мальтуса, Рикардо и другихъ, менѣе извѣстныхъ писателей того же направленія. Они встали на защиту новыхъ условій, на защиту капитала. Рабочій вопросъ всѣ эти экономисты оставляли на второмъ планѣ, ставя условія рабочаго существованія всецѣло отъ развитія самаго капитала и особенно отъ его роста. Улучшеніе быта и условій труда рабочаго класса, говорили они, возможны только съ улучшеніемъ положенія всего населенія.

Въ ту же эпоху, когда происходили техническіе перевороты, приходилось бороться и съ условіями стараго строя. По закону Елизаветы нельзя было устраивать фабрикъ и заводовъ тамъ, гдѣ дѣйствовала цеховая система, такъ что капиталистическія предпріятія могли возникать только въ новыхъ городахъ или внѣ городовъ, т. е. въ мѣстностяхъ, на которыя не распространялось дѣйствіе ограничительнаго закона Елизаветы. Когда классъ капиталистовъ возросъ, то онъ сталъ домогаться уничтоженія прежняго закона. Подъ его напоромъ парламентъ сталъ сначала давать разрѣшенія на годъ-два на устройство фабрики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовалъ старый законъ. Но, такъ какъ фабрику и заводъ невыгодно было открывать только

ЭБ "Научное наследие России"

на 1—2 года, то приходилось каждый разъ возобновлять условія. Наконецъ, капиталисты добились того, что законъ Елизаветы былъ отмѣненъ.

Новый строй, основанный на капиталѣ, сталъ рѣшающимъ въ англійской промышленности и открылъ собою новую эпоху, эпоху капитализма. То же произошло во Франціи во время революціи и нѣсколько позднѣе въ Германіи. Почти одновременно такое же движеніе шло и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но вмѣстѣ съ быстрымъ проникновеніемъ капитализма въ нѣдра хозяйственнаго строя и ростомъ капитала, совершались тяжелые и разрушающіе процессы въ нижнихъ слояхъ массъ народа: разорялось крестьянство, оставались безъ работы кустари и ремесленники. Фабрика и новыя машины вытѣсняли рабочія руки. Рабочимъ приходилось приспособляться къ новымъ условіямъ съ неимовѣрными усиліями. Безработица, нищета, дешевизна рабочей силы— все это являлось неизбѣжными спутниками ранняго капитализма въ его побѣдоносномъ шествіи. Отсюда, на ряду съ идеей соціальной гармоніи, въ Англіи мы встрѣчаемъ одновременно же и антикапиталистическія идеи, связанныя съ развитіемъ нищеты событія приводили вмѣстѣ съ тѣмъ къ мысли, что въ сущности дурное экономическое положеніе зависитъ отъ политическаго устойства и что экономическое измѣненіе должно зависѣть отъ ряда реформъ. Эта мысль была формулирована въ 1393 году Вильямомъ Годвиномъ.

Противъ такого строя идей — выступили апологеты буржуазнаго строя Адамъ Смитъ и его ученики, изъ которыхъ особенно выдѣляются довершители его воззрѣній Р. Мальтусъ и Д. Рикардо, затѣмъ Джонъ Стюартъ Милль, Макъ-клеодъ, Сэй, Бастія, Кэрнсъ и др.

Гл. 2. Адамъ Смитъ.

(1723—1790).

Экономическая жизнь въ концѣ 18 столѣтія представляетъ собою рѣдкую въ исторіи революцію, экономически глубоко связанную съ радикальными измѣненіями во всей техникѣ и промышленности. На протяженіи какихъ нибудь 30—40 лѣтъ мы видимъ, какъ старый феодальный, цеховой и крѣпостной строй окончательно превращается въ крупно-

ЭБ "Научное наследие России"

капиталистическій, вмѣстѣ съ тѣмъ. падаютъ послѣднія преграды, мѣшавшія изолированному національстическому государству, съ его системой феодальнаго натуральнаго производства, внутреннихъ рынковъ и таможенной борьбы, превращаться въ одно торгово-промышленное космополитическое единство, съ общими кредитно-денежными операціями и со сложными экономическими взаимодѣйствіями и взаимоотношеніями.

На протяженіи очень короткаго промежутка времени мы видимъ, что промышленность изъ ремеслъ превращается въ фабрику. ярмарочная торговля претворяется въ мировые рынки, кустарь и ремесленникъ превращается въ рабочаго, въ пролетарія. Кадры феодаловъ замѣняются бюрократіей, а былая организація военнаго государства смѣняется политической централизаціей.

Въ концѣ этого періода политически окрѣпло третье сословіе, стало устойчивымъ, соотвѣтствующимъ крупному производству. и вмѣстѣ съ тѣмъ произошли такіе радикальные процессы въ области внѣгородской, что и въ аграрномъ отношеніи произошла коренная перемѣна. Такъ, вмѣсто неподвижной земельной собственности, охраняемой сословіями и закономъ, мы встрѣчаемъ уже полную свободу въ ея мобилизаціи, вмѣсто единой, управляемой феодаломъ, деревни, ея разложеніе.

Правда, такая экономическая революція, реализировавшаяся на протяженіи очень короткаго промежутка времени, не создалась только въ этотъ періодъ. Она только реализировалась въ немъ.

Процессъ подготовлялся давно, еще въ предыдущемъ столѣтіи, когда падалъ феодализмъ, росли города, а меркантильная система создавала промышленность, усиливала торговлю и собирала бюджетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходили и тѣ внутреннія измѣненія, которыя были связаны со всѣмъ этимъ вторженіемъ государственной власти въ область хозяйственныхъ отношеній ея подданныхъ. Очевидно, что идеологія, развивающаяся на каждой изъ смѣняющихся ступеней этого развитія, была совершенно иной. Она формировалась каждый разъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тою жизнью, которая служила ей почвой и, будучи завершеніемъ, осознаваніемъ процесса, помогала, въ свою очередь, обратному воздѣйствію теоріи на жизнь. Съ паденіемъ

ЭБ "Научное наследие России"

міровоззрѣнія меркантилизма развивается идейная его противоположность — космополитизмъ, раскрѣпощеніе личности, свобода экономической дѣятельности, вообще свобода промышленности.

Хотя физіократизмъ представлялъ собою нѣкоторые элементы стараго пониманія, наприм., въ вопросахъ земледѣлія и налоговъ, но они скоро были изжиты надвигающимися новыми теченіями. Стоило было только формулировать въ видѣ законченной теоретической системы процессъ, который совершался въ жизни, какъ эта формулировка получила первенствующее, исключительное значеніе.

Это формулированіе тѣхъ процессовъ, которые совершались раньше всего въ Англіи, и выпало на долю Смита.

Такъ обстояло дѣло въ исторіи ученій, поскольку они касались экономической дѣятельности. Но если ихъ разсматривать, какъ непрерывно связанную между собою цѣпь, то мы видимъ, что къ этому моменту и въ области экономическихъ ученій назрѣлъ тотъ переворотъ, который въ это время происходилъ и въ области философской.

Меркантилисты и физіократы такъ же, какъ и предшествующіе Канту метафизики, видѣли основные центры всѣхъ явленій во внѣшнемъ мірѣ и пытались извлечь свои истины изъ познанія внѣшней природы. Меркантилисты считали центромъ хозяйственной дѣятельности деньги и товарный обмѣнъ; физіократы полагали, что основнымъ импульсомъ для созданія хозяйства является сельскій земледѣльческій трудъ и физическая природа.

Совершенно иначе взглянулъ на дѣло Смитъ. Вмѣсто внѣшней природы онъ поставилъ въ основу всего внутреннюю природу человѣка и его способности, т. е. совершилъ такую же самую революцію въ области пониманія экономическихъ явленій, какую къ этому времени совершилъ Кантъ въ области философіи. Какъ у Канта умственная природа человѣка является отнынѣ основной и исходной точкой для міропониманія, такъ и у Смита въ основѣ всего экономическаго міровоззрѣнія лежитъ психическая природа того же человѣка. Какъ исходной точкой своего ученія Кантъ ставитъ познаваніе способности людей, такъ и Смитъ полагаетъ, что все зависитъ отъ экономическаго импульса того же человѣка.

На это соотношеніе между экономическими ученіями

Смита съ одной стороны и философскими ученіями Канта съ другой. обратилъ впервые вниманіе экономистъ Онкенъ [1]). Онкенъ полагаетъ, что, какъ у Смита, такъ и у Канта, въ противоположность до нихъ господствовавшему атомизму, появляется космизмъ, что, въ противоположность прежнимъ воззрѣніямъ, у Канта въ основѣ стоитъ „человѣческое познаніе“, его натура, а у Смита „экономическій человѣкъ“, и что того и другого объединяетъ абстрактная структура ихъ ученій. Государственно-правовая школа Канта и народнохозяйственная школа Смита представляютъ собою по этой концепціи двѣ родственныя, почти тождественныя доктрины.

Кантъ считаетъ, что разумная природа существуетъ, какъ „цѣль сама въ себѣ“ и что высшимъ практическимъ принципомъ, категорическимъ императивомъ, являются опредѣленныя свойства человѣческой воли. Сходно смотритъ и Смитъ: въ основѣ общественно-хозяйственныхъ явленій лежитъ внутренній порядокъ, достижимость всѣхъ экономическихъ благъ свободной дѣятельностью (волею) индивидуумовъ. Категорическимъ императивомъ хозяйственной дѣятельности у человѣка является эгоизмъ. Кантъ и Смитъ находятъ, что наилучшая и наивысшая свобода заключается въ естественномъ порядкѣ.

Таковы сходныя антропоцентрическія точки зрѣнія у Канта и Смита. Вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены тождества и тѣ методы, при помощи которыхъ они изучали соотвѣтствующія явленія. Какъ ни относиться къ кантіанству, но во всякомъ случаѣ дедукція при общей постройкѣ кантовскаго міровоззрѣнія является не менѣе очевидной, чѣмъ та же дедукція у Смита, хотя Смитъ часто безсознательно и отступаетъ отъ этого метода.

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія развитія цѣпи идей, Адамъ Смитъ представляетъ собою совершенно новое явленіе въ области исторіи ученій. Стоя на рубежѣ двухъ въ корнѣ противоположныхъ эпохъ, перелома двухъ совершенно противоположныхъ системъ міросозерцанія, онъ завершаетъ собою то, что уже къ его времени назрѣло, и формулируетъ тѣ принципы, которые надолго становятся особенно типичными для экономической теоріи и хозяйственной практики.

---

[1]) См. Onken, A., Smith und Kant. Leipzig, 1877.

35 "Научное наследие России"

Вотъ почему на Адама Смита принято смотрѣть, какъ на основателя политической экономіи, на „отца“ ея, хотя по существу, онъ является только представителемъ новой эпохи. Если оцѣнивать Смита съ точки зрѣнія предшествовавшаго ему времени и перенестись въ тѣ условія и въ ту эпоху, когда писалъ Смитъ, то мы имѣемъ передъ собою безусловно первоклассную величину.

Если же, какъ часто дѣлаютъ, разсматривать Смита съ точекъ зрѣнія, развившихся послѣ него, и съ точки зрѣнія того тормаза, который оказала его доктрина для развитія идей народнаго хозяйства всего слѣдующаго времени, то, конечно, это будутъ два совершенно различныхъ отношенія, которыя не слѣдуетъ между собою смѣшивать.

Съ первой точки зрѣнія ученіе Смита безусловно революціонно, со второй—реакціонно. Остановимся на первой.

Весь тотъ меркантилизмъ съ его внѣдреніемъ въ личную и общественную жизнь инвидуума, безцеремонное государственное вмѣшательство, всѣ тѣ узко-эгоистическіе, національные, фискальные и полицейско-государственные интересы, которые занимали тогдашнихъ руководителей народнаго хозяйства и законодательства, находятъ себѣ суровую отповѣдь и энергичное противодѣйствіе со стороны Адама Смита. Идея естественнаго права и высшей внутреннеи гармоніи человѣческихъ отношеній, — а на нихъ то и стоялъ Смитъ, — не позволяла отнынѣ связывать и принуждать отдѣльнаго индивидуума, какъ это было раньше. Смитъ требуетъ полной свободы въ области хозяйственной, хотя онъ считаетъ полную свободу только цѣлью и идеаломъ. Точно такую же полную свободу отдѣльный индивидуумъ предоставляетъ самъ себѣ и, какъ эгоистъ, онъ конечно стремится къ осуществленію своихъ эгоистическихъ выгодъ. „Преслѣдуя свою собственную выгоду,—говоритъ Смитъ на страницѣ 264, II тома,—человѣкъ часто работаетъ на пользу общую болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы онъ прямо задался этой цѣлью“. „Каждый человѣкъ“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 261 тома II, русск. перев.),—старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе своего капитала. Правда, онъ имѣетъ въ виду при этомъ свои собственные интересы, а вовсе не общественную пользу, но всетаки его выгода съ естественною необходимостью побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который

ЭБ "Научное наследие России"

оказывается самымъ выгоднымъ для общества". Такимъ образомъ, цѣли отдѣльныхъ хозяйствующихъ индивидуумовъ и способы осуществленія этихъ цѣлей самымъ точнымъ образомъ совпадаютъ съ цѣлями общественными и имъ ни въ коемъ случаѣ не противорѣчатъ. Такое соотношеніе между общественной пользой и максимумомъ, развиваемымъ эгоизмомъ отдѣльныхъ хозяйствующихъ индивидуумовъ, становится понятнымъ, если мы вспомнимъ основную идею Смита—естественную гармонію человѣческихъ отношеній.

Смитъ выбираетъ эпикурейское обоснованіе міровоззрѣнія—эгоизмъ и индивидуализмъ. Онъ выводитъ и. кстати сказать, выводитъ изъ единаго принципа все экономическое ученіе, стоя на почвѣ тождества интересовъ отдѣльнаго человѣка и той среды, въ которой происходитъ его дѣйствіе. Отсюда понятны и всѣ дальнѣйшіе практическіе выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ его ученія. Всякія формы стѣсненія индивидуальной дѣятельности, будь то охрана труда отъ посягательства предпринимателей, будь то стѣсненіе свободной торговли, будь то стѣсненіе промышленной и земледѣльческой дѣятельности, встрѣчаетъ въ немъ горячаго противника.

Но нельзя сказать, чтобы Смитъ всегда и абсолютно отстаивалъ свою идею свободы, — онъ къ очень многимъ явленіямъ относится съ тѣмъ здравымъ пониманіемъ реальныхъ условій, которое было вообще свойственно его практической природѣ. Выставляя какой нибудь принципъ, онъ разсматриваетъ его, какъ принципъ конечный и вовсе не требуетъ немедленнаго и безусловнаго примѣненія его къ дѣйствительности, такъ что всѣ тѣ, которые впослѣдствіи стали на точку зрѣнія Смита, развивая эту точку зрѣнія абсолютно, очень скоро явились бо́льшими „смитіанцами", чѣмъ самъ Смитъ. Въ то же самое время, тѣ замѣчанія, которыми сопровождалъ Смитъ реализацію различныхъ своихъ принциповъ, въ смыслѣ ихъ практическаго примѣненія, стали исходной точкой для лицъ, разсматривающихъ совершенно иначе ученіе Смита; всѣ тѣ его практическія замѣчанія о невозможности медленной реализаціи, скажемъ, напримѣръ, свободы торговли или иныхъ принциповъ, послужили отправнымъ пунктомъ для тѣхъ, которые стремятся съ иной точки зрѣнія, чѣмъ первая группа

ЭБ "Научное наследие России"

смитіанцевъ, понять народно-хозяйственныя отношенія. Такимъ образомъ, Смитъ давалъ исходный пунктъ для двухъ совершенно противоположныхъ выводовъ, которые въ результатѣ, будучи подробно обоснованы, и даютъ тѣ двѣ взаимно проворѣчащія экономическія школы, которыя во взаимной борьбѣ погребли наконецъ и самое ученіе Смита.

Экономическое ученіе А. Смита вылилось, главнымъ образомъ, въ его „Богатствѣ народовъ". „Богатство народовъ" А. Смита не являлось отдѣльнымъ трудомъ, исключительно посвященнымъ экономическимъ вопросамъ. Оно лишь часть общаго философскаго [1]) міровоззрѣнія этого писателя. Все ученіе Адама Смита раздѣлялось на четыре части: первая—такъ называемое, „естественное богословіе", „Natural Theologja", вторая—этика, которую онъ изложилъ въ своей книгѣ: „Теорія нравственныхъ чувствъ", затѣмъ третья „Юриспруденція", которая, какъ видно изъ изслѣдованія спеціалистовъ по Смиту, является для насъ утерянной, и, наконецъ, четвертая—„Изслѣдованіе о природѣ и о причинахъ богатства народовъ". Такое дѣленіе ученія на нѣсколько частей указываетъ, что Смитъ излагаетъ свои взгляды на экономическіе вопросы не только какъ таковые, но и въ зависимости съ общими своими положеніями. Какъ профессоръ нравственной философіи, онъ былъ по профессіи философомъ, принадлежа къ т. н. шотландской школѣ [2]), а не экономистъ, и въ этой философской области Смитъ допускалъ и альтруистическіе и эгоистическіе мотивы человѣческой дѣятельности. Но эти мотивы онъ считалъ дѣйствующими совершенно изолированно въ соотвѣтствующихъ областяхъ. Въ то время, какъ человѣкъ обнаруживаетъ максимумъ альтруистическихъ чувствъ въ области правовой, этической, богословской,—въ области экономической онъ является исключительно эгоистомъ.

Такимъ образомъ, тѣ нападки на Смита, которыми пытаются опровергнуть эгоизмъ человѣческой природы,

[1]) По мнѣнію одного американца—„соціологическаго міровоззрѣнія" („If we did not Know that Smith's economic philosophy was merely a division of his sociology, the beginning of his Wealth o seem to be very abrupt". Albion Small· Adam Smith and modern Sociology. Chicago. 1907, стр. 5).

[2]) Къ ней принадлежали Шафтесбюри и Гартней; Смитъ также связанъ съ Бутлеромъ, Гутчисономъ и Юмомъ Ср Hasbach, W.: Untersuchungen über Adam Smith etc. Leipzig, 1891.

ЭБ "Научное наследие России"

доказывая, что человѣкъ не только эгоистъ, но полонъ и иныхъ чувствъ, представляютъ собою ничто иное, какъ неправильное пониманіе того дѣленія. разграниченія человѣческихъ чувствъ, которое даетъ въ своей системѣ Смитъ. Если обратиться къ его основному сочиненію: „Изслѣдованіе о природѣ и о причинахъ богатства народовъ“, то мы видимъ, что оно распадается на введеніе и 5 книгъ, включающихъ въ себѣ, съ современной точки зрѣнія, нѣсколько отдѣловъ экономической науки.

Такъ называемая „теорія политической экономіи“ занимаетъ у Смита всего только введеніе и двѣ первыхъ книги. Экономической политикѣ онъ посвящаетъ 3-ью и 4-ю и, наконецъ. ученію о финансахъ — послѣднюю, 5-ю, книгу. Такимъ образомъ, все то драгоцѣнное въ экономической наукѣ, что далъ намъ Смитъ, занимаетъ меньше половины всего его труда „О богатствѣ народовъ“.

Во введеніи Смитъ разсматриваетъ трудъ, какъ годовой трудъ народа, который даетъ первоначальный запасъ всякаго рода благъ, затѣмъ разсматриваетъ отношеніе произведеній труда къ числу потребителей, т. е. опредѣляетъ размѣры снабженія народовъ предметами первой необходимости.

Въ книгѣ первой онъ говоритъ о раздѣленіи труда, анализируетъ причины, вслѣдствіе которыхъ увеличивается производительность труда, и порядокъ, въ которомъ естественнымъ образомъ распредѣляются между классами людей, образующими общества; даетъ ученіе о деньгахъ и образованіи товарныхъ цѣнъ; говоритъ о прибыли, заработной платѣ и земельной рентѣ.

Въ книгѣ второй онъ разсматриваетъ капиталъ, всѣ его свойства, способы его умноженія, различное количество труда, приводимое капиталомъ въ движеніе и сообразно съ способами его примѣненія, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ.

Такимъ образомъ, съ современной научной точки зрѣнія Адамъ Смитъ излагаетъ всѣ три главныхъ процесса хозяйственной жизни: производство, обмѣнъ и распредѣленіе, почти не касаясь отдѣла „потребленія“; послѣднему онъ удѣляетъ только самое ничтожное вниманіе. Но эти три процесса у А. Смита еще не получили себѣ опредѣленнаго мѣста, въ видѣ трехъ раздѣловъ

ЭБ "Научное наследие России"

экономической системы. Строгой классификаціи ихъ у А. Смита мы еще не находимъ. Нѣкоторые вопросы, чисто теоретическіе, освѣщены у него и въ его „экономической политикѣ“, изложенной къ книгѣ 3-ей и 4-ой, при этомъ въ 3-ей онъ указываетъ на разное отношеніе у различныхъ народовъ къ разнымъ видамъ промышленности и возникновеніе отсюда разной политики, а въ 4-ой разсматриваетъ различные варіанты экономическихъ теорій, указываетъ на слѣдствіе ихъ примѣненія въ области хозяйства. Такимъ образомъ, книга Смита еще не дифференцирована на отдѣльные экономическіе отдѣлы; въ ней еще не установился тотъ типъ экономическихъ сочиненій, который развился впослѣдствіи при болѣе детальномъ расчлененіи вопросовъ.

Въ своемъ изложеніи, какъ условій труда, такъ и свойствъ капитала, Смитъ придерживается англійскихъ условій, которыя онъ считаетъ естественными, въ значительной мѣрѣ постоянными и неизмѣнными. Всѣ тѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ, между фабрикантами и рабочими, между землевладѣльцами и фермерами, которые существовали въ то время въ Англіи, Смитъ закрѣпляетъ въ своей книгѣ, въ качествѣ постоянныхъ, чуть-ли не вѣчныхъ категорій народнаго хозяйства. На то явленіе, что эти основанія создались постепенно и, слѣдовательно, являются измѣнчивыми, историческими категоріями, и на то, что эти отношенія въ другихъ странахъ складываются иначе,—Смитъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія. Онъ усматриваетъ въ англійскихъ отношеніяхъ нѣчто постоянное, нѣчто закономѣрное, общее для всѣхъ временъ и народовъ. Это его обобщеніе мѣстныхъ и временныхъ условій въ общія и постоянныя является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и типичныхъ признаковъ всего ученія Адама Смита.

И, дѣйствительно, поскольку въ англійскомъ народномъ хозяйствѣ того времени сложилось и отразилось все то типично буржуазное, что формировалось уже въ то время въ Европѣ, постольку и ученіе Смита стало характернымъ выразителемъ буржуазныхъ отношеній вообще,—и все то, что представлялось въ его ученіи только отрицательнымъ, исключительно мѣстнымъ, то особенно скоро обнаружилось въ качествѣ противорѣчія съ его основнымъ положеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, въ исторіи развитія европейской экономической жизни, ученіе Смита представляетъ собою

ЭБ "Научное наследие России"

идеологію одной изъ наиболѣе характерныхъ эпохъ ея развитія.

Литература объ Ад. Смитѣ чрезвычайно обширна

Біографію Смита излагали: впервые Дюгальдъ Стюартъ, В Смеллie, Playfair (1805), J. Patterson, Brougham. M'Culloch, Беджготъ, Лезеръ (1881), Фарреръ (1881). Делакуръ (1886), Халданъ „Life of Smith", 161 стр. (Лондонъ 1887). Курсейль-Сенейль (1888). Лучшими слѣдуетъ признать работы: M-r John Rae's: Life of Adam Smith, 449 стр. (Лондонъ 1895) и Hirst, W: Adam Smith, London, 1904, 240 стр Работа Дюгальда Стюарта (Dugald'a Stewart'a)—представляетъ собою рефератъ, прочитанный имъ въ теченіи 2-хъ вечеровъ, въ 1793 году, въ засѣданіи Royal Sociaty of Edinburg, и была опубликована въ 1810 году подъ заглавіемъ: „Account of the Lofe and Writings of Adam Smith". Эта книжка была основною до появленія труда Джона Рэ и Гирста.

О міровоззрѣніи Смита болѣе выдающіяся сочиненія.

Baert, J. F. B Adam Smith en zijn onder zoek naar den rijkdom der volken, Лейденъ 1858. Weiss Zu Smiths Wealth of nations. Zeitsch. f. d. ges. Staatswiss. T. 33, 1877. Hasbach, W.: Untersuchungen uber Adam Smith und die Entwicklung der politischen Oekonomie Leipzig, 1891, 440 стр. Onken, A.: Adam Smith and Immanuel Kant. Leipzig, 1877. Skarzynsky, W.: Adam Smith, als Moralphilosoph und Schopfer der Nationalokonomie. Berlin, 1886. Braun: Die religiosen und sittlichen Anschauungen von Adam Smith, Theologische Studien und Kritiken. T. 51, 1878 Helferich: Adam Smith und sein Werk uber die Natur und die Ursachen des Reichtums der Volker. 1877. Отдѣльно и въ „Zeitschrift fur d. gesam. Staatswissenschaft". T. 33, 1878. Cliffe Leslie: The political economy of Adam Smith in ssays in political and moral philosophy. 1879. Baumann: Adam Smith's allgemeine Ansichten uber Menschen und menschliche Verhaltnisse въ „Philosophische Monatshefte", XVI, 1880. Ad. Held: Zwei Bucher zur sozialen Geschichte Englands Leipzig, 1881. (Есть русск пер.). Cunnigham: Adam Smith und die Merkantilisten, „Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft". Bd. 40. (1884) Его же: The progress of economic doctrine in England in the eighteenth century, въ „Economic Journal", 1, 1891. Haldane: Life of Adam Smith. 1887. Paszkowsky: Adam Smith als Moralphilosoph. 1890. (диссертація). Walker. Adam Smith, der Begrunder der modernen Nationalokonomie. Sein Leben und seine Schriften. 1880. Schubert: Adam Smiths Moralphilosophie. „Philosophische Studien" Вундта. T. VI, 1891, 52 стр. Chevalier: Etude sur Adam Smith et l'origine de la science économique въ „Journal des économistes", 3 série, 33 т. Stall, A.: Adam Smith and modern sociology, Chicago, 1907.—Наиболѣе подробная библіографія изданій Смита и монографій о немъ — это „The Catalogue ot the Library of Adam Smith", изданный лондонскимъ экономическимъ клубомъ. (Макмилланъ) 1894 г., — содержитъ около 1000 названій.

Сочиненія: Smith Adam: A review of Johnson's English Dicnary въ „Edinburgh Review", 1755 г.; Posthumous essays, published

by dr. Black and Dr. Hutton. 1795 Содержаніе послѣднихъ согласно указаніямъ Аллибона (Dictionary of English literature II, 1871) слѣдующее: I Отрывки изъ неоконченной книги „On the principles which lead and direct philosophical inquiries, illustrated 1) by the history of astronomy, 2) by the history of the ancient logics and metaphysics".—II. Of the nature of that imitation which takes places in what are called the imitative arts. III Of the external senses".—Его же Essays on Philosophical Subjects. Лондонъ, 1795. (Шесть статей, перечисленныхъ у Палгрева, т. III, стр. 423, изд. 1899). Въ 1896 году Кэнанъ (Edwin Cannan) нашелъ лекціи Adam'a Smith, 1766 года, озаглавленныя Juris Prudence, ar Notes from the Lectures on Justice, Police, Revenue and Arm's deliveret in the University of Glasgow by Adam Smith, Oxford, 293 стр. 1896 г Лучшимъ изданіемъ А Смита является изданіе William'a Playfair'a (съ примѣчаніями и краткой біографіей А. Смита). Лондонъ, 1805.

Изъ переводовъ А Смита (переведено на всѣ европейскіе языки), лучшими считаются нѣмецкій Garwe, 1791; французскій—Germain Garnier, 1802: датскій — Drabye, 1779; испанскій — Alonzo Ortiz.

На русскомъ языкѣ: Смитъ, Адамъ Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ 4 тома. СПБ., 1802—1806. (Переводъ Николая Политковскаго). — Опытъ о богатствѣ народовъ. Съ примѣчаніями Бентама, Гарнье, Буханана, Макъ-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сея, Сисмонди и Тюрго Пер. П. А Бибиковъ. СПБ., 1866.—Теорія нравственныхъ чувствъ, или опытъ изслѣдованія о законахъ, управляющихъ сужденіями, естественно составляемыми нами сначала о поступкахъ прочихъ людей, а затѣмъ нашихъ собственныхъ Съ письмами М. Кондорсе къ Кабанису. Перев. П. Бибиковъ. СПБ, 1868.

Адаму Смиту на русскомъ языкѣ посвящены слѣдующія работы

Сарторіусъ: Начальныя основанія народнаго богатства и государственнаго хозяйства, слѣдуя системѣ Ад. Смита. Пер. П. Кондыревъ. Казань, 1812. Нейманъ, И.: Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Ад. Смита. СПБ, 1817. Цѣхановскій, Гр.: Значеніе Ад. Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ. Кіевъ, 1859. Бибиковъ, В.: Значеніе А. Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ. „Отечественныя Записки". 1860. 1. Яковенко, В.: Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ. СПБ., 1893. Бедждготъ: Адамъ Смитъ, какъ личность. „Знаніе" за 1876 г., кн. 8.

Гл. 3. А. Смитъ и смитіанская литература въ Россіи.

Физіократическія тенденціи, вызвавшія у насъ оживленіе общественной и литературной дѣятельности, продержались у насъ до начальныхъ лѣтъ XIX столѣтія, т. е. значительно больше, чѣмъ на Западѣ, гдѣ ученіе Адама Смита

очень быстро вытѣснило воззрѣнія Кенэ и Тюрго. Чтобы понять медленность этой смѣны въ Россіи, надо вспомнить условія того времени. Жизнь шла медленнымъ темпомъ. Хотя и пресса, и почта уже почти правильно функціонировали, но съ достаточною быстротою распространялись однѣ придворныя и политическія новости и сплетни. Все же новое въ сферѣ науки, литературы или искусства подолгу оставалось неизвѣстнымъ маленькому интеллигентному міру, а если что и проникало, то больше случайно. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и величайшее экономическое твореніе того времени—система Адама Смита, въ цѣломъ своемъ видѣ долго оставалась у насъ неизвѣстною. Его „An inquiry into the nature and cause of the wealth of nations", появившееся въ Лондонѣ въ 1776 году, появляется въ русскомъ переводѣ впервые только спустя четверть вѣка, періодъ времени, если вспомнить силу всеобщаго увлеченія и значеніе для эпохи Смита,—немалое. За этотъ срокъ въ самой Англіи уже вышло пять изданій одного смитовскаго текста, да нѣсколько съ добавленіями другихъ экономистовъ [1]), а на континентѣ появился рядъ переводовъ на другіе европейскіе языки Въ журналахъ и курантахъ, въ альманахахъ и вѣдомостяхъ конца восемнадцатаго вѣка не только не содержится изложенія основныхъ мыслей замѣчательнаго творенія „великаго шотландца", но нигдѣ нѣтъ упоминанія самаго имени Адама Смита. Оправданіемъ „любознательныхъ россіянъ" служитъ ихъ исключительное вниманіе къ Франціи, къ ея блестящимъ, краснорѣчивымъ и популярнымъ философамъ и къ тому грандіозному зрѣлищу, которое „являла міру" невиданная эпопея Великой Революціи и которое долго заслоняло собою всѣ интересы. Но то, что оправдывало общество, не можетъ быть простительнымъ ученымъ, академіи, всѣмъ этимъ дорого стоившимъ нѣмцамъ, выдававшимъ себя „за кладезь учености". Они ничего не говорили о Смитѣ, хотя трудъ Смита былъ для тогдашняго времени тоже немаловажнымъ явленіемъ и въ своей области производилъ революціонный переворотъ. Вспомнимъ, что, по авторитетному мнѣнію профессора А. Онкена, Адамъ Смитъ произвелъ въ политической экономіи такой же пере-

---

[1]) Лучшее изъ нихъ трехтомное изданіе William'a Playfair's'a, съ примѣчаніями и краткою біографіею А. Смита. Лондонъ, 1805 года.

ЭБ "Научное наследие России"

воротъ, какой его современникъ Эммануилъ Кантъ въ философіи. Изъ исторіи же экономической науки мы знаемъ, какое въ свое время громадное и быстрое вліяніе на науку и общественное мнѣніе Европы оказало появленіе творенія великаго шотландца. Но такъ было на Западѣ.

У насъ, въ Россіи, ученіе А. Смита въ систематическомъ видѣ стало доступно лишь въ 1804 году, т. е. со времени перевода его „Изслѣдованія“ на русскій языкъ. До того же времени взгляды Смита, и притомъ лишь нѣкоторые, были доступны лишь самымъ тѣснымъ кругамъ русскаго образованнаго общества, имѣвшимъ возможность слушать лекціи и рѣчи московскихъ профессоровъ Десницкаго и Третьякова

Оба эти ученыхъ познакомились съ доктриною Смита не изъ книгъ, а лично присутствуя на его лекціяхъ Еще въ 1763 году они были посланы академіею наукъ въ Глазго (въ Шотландію), гдѣ тогда въ качествѣ профессора читалъ лекціи великій шотландецъ. Правда, тогда Смитъ еще не былъ извѣстенъ Европѣ какъ экономистъ, а лишь какъ философъ и талантливый представитель такъ называемой школы нравственной философіи. Теперь мы знаемъ, что взгляды Смита, какъ экономиста, есть продолженіе его философскихъ воззрѣній, но тогда, по всей вѣроятности, это не было ясно. Во всякомъ случаѣ, ни Десницкому, ни Третьякову не пришлось основательно познакомиться съ экономическимъ ученіемъ А Смита, во-первыхъ, потому, что время, когда они слушали Смита, приходилось почти за 15 лѣтъ до написанія его „Богатства народовъ“, во-вторыхъ, потому, что уже въ 1764 году Смитъ, уѣзжая на континентъ, прекратилъ чтеніе лекцій.

Болѣе талантливый изъ двухъ командированныхъ за границу аспирантовъ, Десницкій, интересовался преимущественно философской и юридической стороною ученія Смита и, заимствуя у него лишь общее направленіе, почти не обратилъ вниманія на Смитово ученіе о народномъ богатствѣ; зато его менѣе даровитый collega, Третьяковъ, именно на послѣдней сторонѣ дѣла остановился, а потому и смогъ сообщать и на лекціяхъ, а также въ своей рѣчи,— первомъ русскомъ сочиненіи, излагавшемъ Смита, нѣкоторыя изъ основныхъ идей своего учителя, которыя, очевидно, уже и тогда опредѣленно формулировались Смитомъ Упомянутая рѣчь Третьякова: „Разсужденіе о причинѣ изобилія и медленнаго обогащенія государствъ, какъ у древнихъ, такъ и у нынѣшнихъ народовъ“ появилась въ 1772 году, т. е. за четыре года до опубликованія самимъ Смитомъ его знаменитаго труда. Но „разсужденіе“, какъ и лекціи Третьякова, конечно, не могли ни дать полнаго представленія объ А. Смитѣ, ни способствовать популяризаціи его воззрѣній.

Увлеченіе Смитомъ началось значительно позднѣе, а именно, въ первыхъ годахъ новаго столѣтія.

ЭБ "Научное наследие России"

Смитіанство и въ Россіи пришлось особенно по душѣ либеральной бюрократіи. Министры и высшія правительственныя инстанціи скоро прониклись основными положеніями экономическаго либерализма и стремились обосновать на немъ свои мѣропріятія въ области промышленности и торговли. Въ „Отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 годъ" задачи государственной власти прямо формулируются по „Смиту" [1]). То же направленіе отражается и на всей таможенной политикѣ этого времени [2]).

Вскорѣ появилось и систематическое изложеніе Смита.

Въ 1804 году, почти одновременно, трудъ А. Смита появился у насъ и въ изложеніи и въ переводѣ.

Первое изложеніе мы нашли на страницахъ оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ на страницахъ „С.-Петербургскаго Журнала"; во второмъ отдѣлѣ, носившемъ названіе: „Разсужденія и извѣстія, до внутренняго (?) управленія принадлежащія", появилось „Изложеніе ученія Адама Смита и сравненіе онаго съ ученіемъ французскихъ экономистовъ. Въ этомъ „толстомъ" журналѣ того времени, издававшемся, къ сожалѣнію, всего шесть лѣтъ (съ 1804 по 1810 г.), удѣлялось значительное мѣсто статьямъ экономическаго характера. Такова статья „О свободномъ торгѣ золотомъ и серебромъ", помѣщенная въ томъ же 1804 году; статьи: 1) „Объ исключительныхъ привилегіяхъ и злоупотребленія ихъ", 2) „О роскоши", 3) „Нѣчто о существенномъ богатствѣ людей, о полезномъ употребленіи людей и о распространеніи торговли и землепашества", 4) „О бѣдности и о способахъ совершенно истребить нищенство". Въ 1806 году были напечатаны: 1) „О началѣ и успѣхахъ торговли", 2) „О деньгахъ". „О препятствіяхъ въ усовершенствованіи земледѣлія", 4) „О свободѣ торговли хлѣбомъ" и 5) „О роскоши и великолѣпіи". Въ 1807 г: 1) „Откуда правительство можетъ заимствовать деньги въ чрезвычайныхъ случаяхъ", изъ сочиненія Струензе. 2) „Должно ли правительство ободрять торговлю и фабрики предпочтительно земледѣлію?" изъ Ферье и 3) „О торговыхъ запрещеніяхъ", оттуда же. Въ послѣдніе два года (1808 и 1809) также помѣщались статьи о кредитѣ, налогахъ, о правѣ на изобрѣтенія, о свойствахъ хлѣбной торговли и о податяхъ вообще. Въ этомъ журналѣ впервые бѣгло реферировались важнѣйшія положенія доктрины главы классической школы, котораго оффиціальные авторы именуютъ „великимъ человѣкомъ" и указываютъ, что имъ „постигнута великая истина".

---

[1]) „Общія правила управленія" заключаются въ томъ, чтобы „оставлять въ свободѣ частную промышленность; имѣть, сколько можно, достовѣрныя объ успѣхахъ ея свѣдѣнія, доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія, особливо удалять отъ нея всякое стѣсненіе".

[2]) См. Лодыженскій, К.: Исторія русскаго таможеннаго тарифа. СПБ., 1886 г.

© "Научное наследие России"

Такимъ образомъ на симпатіи къ Адаму Смиту сходились въ ту эпоху всѣ слои русскаго общества и знакомство съ идеями Смита являлось непремѣннымъ условіемъ образованія.

Болѣе обстоятельно ознакомилъ съ Адамомъ Смитомъ русское общество Христіанъ Шлецеръ[1]). Политическая экономія Шлецера[2]) уже удѣляетъ достаточно мѣста для основательной критики физіократовъ[3]), а высказываемыя ея составителемъ взгляды находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Ад. Смита. На него Шлецеръ часто ссылается[4]), титулуетъ его „славнымъ“[5]). Подъ еще бо́льшимъ вліяніемъ Смита, чѣмъ Шлецеръ, находился другой экономистъ того времени — Гереншвандъ. Гереншвандъ сочеталъ Смита съ принципами прусской камералистики. Въ своей книгѣ, изданной „по Высочайшему повелѣнію“ и озаглавленной: „О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ“ (СПБ., 1807), авторъ называетъ А. Смита „знаменитымъ Англійскимъ писателемъ“ (стр. 147), и признается въ заимствованіи у него „важнѣйшихъ идей“[6]). Подъ такимъ же сильнымъ вліяніемъ Смита находился извѣстный экономистъ того времени Шторхъ, хотя и знавшій, но не писавшій, впрочемъ по-русски[7]). Генрихъ

[1]) Шлецера, Шторха, Канкрина и нѣк. другихъ часто относятъ къ числу представителей, такъ назыв., русско-нѣмецкой школы въ политической экономіи Такъ дѣлаетъ, напр, Рошеръ въ своей исторіи политической экономіи въ Германіи, гдѣ онъ удѣляетъ этой группѣ экономистовъ значительное вниманіе. Но строго говоря, выдѣлять названныхъ писателей въ особое направленіе нѣтъ никакихъ основаній.

[2]) Подлинное заглавіе этого забытаго, но превосходнаго для своего времени курса политической экономіи слѣдующее: „Начальныя основанія государственнаго хозяйства или науки о народномъ хозяйствѣ, сочиненныя Христіаномъ Шлецеромъ, надворнымъ совѣтникомъ и политики профессоромъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Далѣе слѣдуютъ два типичныхъ добавленія: „переводъ съ нѣмецкаго“ (С Смирнова, магистра свободныхъ наукъ) и „для употребленіи обучающихся въ гимназіяхъ“. 2 части. Москва, 1805—6 гг. Этотъ трудъ Шлецера былъ выдающимся для своего времени произведеніемъ и былъ переводимъ на языки нѣмецкій и французскій, — рѣдкая честь для русскаго автора того времени.

[3]) Шлецеръ: Начальныя основанія, ч. II, стр. 267—291. О школѣ физіократовъ Шлецеръ говоритъ, что она „составила во Франціи политическую секту, члены коей назывались экономистами или физіократами“.

[4]) Шлецеръ, ч. II, стр. 141.

[5]) Шлецеръ, ч. II, стр 27.

[6]) „Одинъ изъ первоклассныхъ писателей о Государственномъ Хозяйствѣ (Смиттъ), которымъ и я руководствовался отчасти, болѣе всѣхъ“ и т. д. Гереншвандъ, стр. 92

[7]) О немъ см. ниже.

ЭБ "Научное наследие России"

Шторхъ, преподаватель экономіи великимъ князьямъ Николаю и Константину Павловичамъ, былъ видный смитіанецъ фритредерскаго толка и крупный авторитетъ въ высшихъ сферахъ. Но Шторхъ къ этому времени не далъ еще ничего законченнаго, почему я и отношу его къ числу экономистовъ нѣсколько болѣе поздняго періода. Затѣмъ помимо названныхъ писателей Смита излагалъ проф. Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій[1]). Это былъ европейски образованный экономистъ, извѣстный, впрочемъ, болѣе какъ талантливый сотрудникъ Сперанскаго.

Балугьянскій, въ бытность свою профессоромъ Педагогическаго Института, писалъ о „Θеоріи Адама Смитта“ въ издававшемся академикомъ Карломъ Германомъ „Статистическомъ Журналѣ“[2]). Здѣсь Балугьянскій (или по невѣрной транскрипціи Кондырева Балудянскій) напечаталъ первый на русскомъ языкѣ очеркъ исторіи экономическихъ ученій: „Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ“. Въ этой статьѣ прекрасно и послѣдовательно изложены воззрѣнія меркантилистовъ, физіократовъ („экономистовъ“) и „Θеорія“ А. Смита. Кондыревъ въ восторгѣ отъ этого труда: „Изображеніе сіе показываетъ, — говоритъ онъ (стр. 248), — что оно писано мужемъ ученымъ и съ большимъ знаніемъ въ политической экономіи; кратко и ясно представляетъ оно три главнѣйшія системы Государственнаго Хозяйства: 1) Систему, основанную на торговлѣ, богатство народное представляющую въ деньгахъ; 2) Систему экономистовъ, — въ необработанныхъ произведеніяхъ земли, и 3) Θеорію Адама Смитта, — въ трудѣ и мѣнѣ“.

Послѣ Балугьянскаго Смита у насъ пропагандировали: въ 1812 году уже разъ упомянутый Кондыревъ, въ 1817 году И. Нейманъ[3]) и свободолюбивый Карлъ

---

[1]) См. П. Барановъ: Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ (1769—1847 г.). Біографическій очеркъ. СПБ., 1882 г. Его некрологъ, написанный Н. Алединскимъ, былъ въ свое время помѣщенъ на страницахъ „Сѣверной Пчелы“ (СПБ., 1847 г., № 99). См. также Энцикл. словарь Брокгауза, т. II, стр. 835.

[2]) Выходилъ только съ 1806 по 1808 г.: издано было всего 4 книжки.

[3]) Нейманъ, Иванъ, проф.: „Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Адама Смита“, изд. Главнымъ Управленіемъ Училищъ. СПБ., 1817 г. „Извлеченіе сіе изъ сочиненія Адама Смита о народномъ богатствѣ издается, — говоритъ въ предисловіи авторъ, — въ пользу училищъ, какъ руководствующая книга для пре-

ЭБ "Научное наследие России"

Германъ [1]), отчасти Стройновскій [2]). Въ результатѣ имя Смита въ Александровскую эпоху стало очень популярно. Мы всѣ знаемъ прелестное мѣсто изъ біографіи Евгенія Онѣгина, гдѣ поэтъ даетъ слѣдующую характеристику:

„За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ".

Но эти идеи оставались для большинства простой декламаціею и не встрѣчали отклика въ помѣщичьей средѣ. Мы знаемъ, какъ относился къ идеямъ Смита отецъ Евгенія:

„Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ"

Ко времени появленія перечисленныхъ выше первыхъ изложеній Смита, даже нѣсколько ранѣе, а именно въ 1804 г., вышелъ въ свѣтъ и первый томъ русскаго перевода труда Адама Смита; переводъ сдѣланъ прямо съ англійскаго переводчикомъ Александровской эпохи Николаемъ Романовичемъ Политковскимъ-старшимъ (1763—1830).

подаванія Политической Экономіи, дабы ученики въ своихъ занятіяхъ неотмѣнно имѣли въ виду самыя положенія и мысли славнѣйшаго по оной части сочинителя. Для сего приложено было стараніе обработать сію книгу по Англійскому подлиннику съ наблюденіемъ строгой точности, наипаче въ выборѣ техническихъ словъ".

[1]) Германъ рекомендовалъ Смита въ качествѣ руководства по статистикѣ. „Знаменитое сіе о политической экономіи сочиненіе указываетъ статистику предметы, на кои онъ преимущественно долженъ обращать свое вниманіе; а какъ оно главнѣйше основывается на статистикѣ, то въ ономъ обрѣтается сокровище отборныхъ Статистическихъ Свѣдѣній. Классическое сіе сочиненіе должно быть ручною книгою каждаго статистика". К. Германъ: Историческое обозрѣніе литературы статистики. СПБ., 1817 г., стр. 11.

[2]) Нѣсколько хаотическое сочиненіе польскаго экономиста Валеріана Стржемень изъ Стройнова, графа Стройновскаго, оваглавленное: „Всеобщая экономія народовъ", переведено было съ польскаго и издано въ С.-Петербургѣ въ 1817 году въ 3 томахъ. Стройновскій чувствуетъ большую слабость къ физіократамъ и старается умалить заслуги Смита, которымъ онъ широко пользуется и котораго онъ уличаетъ въ притязательности на ему не принадлежащее. „Самолюбіе, подъ личиною неразумѣнія оныхъ правилъ (т. е. правилъ Кенэ), такъ водило перомъ его (Смита), — говоритъ Стройновскій, — какъ будто онъ творилъ въ сей наукѣ новыя понятія". Глава 19 (томъ 1) этого сочиненія посвящена горячей, но совершенно ошибочной полемикѣ съ Ад. Смитомъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Политковскій былъ черниговскимъ вице-губернаторомъ и сдѣлалъ переводъ по распоряженію министра финансовъ, графа Ал. Ив. Васильева. Онъ издалъ А. Смита подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ; твореніе Адама Смита, переводъ съ Англинскаго", въ четырехъ томахъ, выходившихъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ (I въ 1802, II въ 1803, III въ 1805 и въ 1806 гг.) и напечатанныхъ въ Петербургѣ, въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. Изданіе, внѣшній видъ котораго весьма недуренъ [1]), имѣло большой успѣхъ и доставило переводчику солидное имя. Впрочемъ, Петръ Кондыревъ, популяризовавшій Смита и отзывавшійся съ похвалою объ идеѣ изданія въ русскомъ переводѣ Смита, не былъ доволенъ самимъ переводомъ. Онъ писалъ въ 1812 г. о переводѣ Политковскаго слѣдующее: „Отдавая почтенному г. переводчику всю должную справедливость за его подъятый трудъ,—нельзя однако-жъ умолчать здѣсь того, что нѣкоторые изъ ученыхъ, сличавшіе оный съ Англинскимъ подлинникомъ, въ иныхъ хотя и немногихъ, нашли невѣрность въ переводѣ, что особенно въ классической книгѣ весьма вредно; сіе, напр., можно замѣтить болѣе сначала до половины перваго тома". „Впрочемъ, безспорно,— смягчаетъ далѣе свой суровый отзывъ Кондыревъ,—что г. Политковскій переводомъ симъ пріобрѣлъ въ ученомъ свѣтѣ славу и благодарность отечественниковъ, равно показалъ и знаніе свое въ сей наукѣ" [2]).

Такимъ образомъ, цѣховые ученые жаловались на отсутствіе хорошаго перевода и хулили трудъ Политковскаго. Въ 1817 году профессоръ И. Нейманъ [3]), издавая свое краткое изложеніе Смита, обѣщалъ опубликовать и нѣчто болѣе подробное, въ виду того, что ощущался „недостатокъ хорошихъ переводовъ главнѣйшихъ, касающихся до системы Адама Смита сочиненій". Позднѣе о переводѣ Политковскаго отзывались еще болѣе сурово. Такъ, извѣстный экономистъ Вернадскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи политической экономіи" (СПБ., 1858) считаетъ, что переводъ Политковскаго во многихъ мѣстахъ „не точенъ и теменъ, и притомъ не полонъ, не заключая нѣкоторыхъ позднѣйшихъ прибавленій. Научные термины также устарѣли;

[1]) Оно появилось при матеріальномъ участіи правительства, и раньше дававшаго средства для изданія выдающихся иностранныхъ сочиненій. Расходы по изданію Ад. Смита были покрыты изъ суммы въ 120 тыс. рублей, ассигнованныхъ въ 1803 — 1816 гг. на переводы сочиненій: Ад. Смита, Бентама, Беккаріа, Монтескье, Фенелона, Тацита и нѣкот. др.

[2]) „Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита. Сочиненіе Геттингенскаго Университета профессора Григорія Сарторіуса. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Импер. Казанскаго Университета адъюнктъ Историческихъ наукъ и Политической Экономіи Петръ Кондыревъ". Казань, въ универс. типогр., 1812, приложеніе, стр. 246-я. И. Вернадскій (Очеркъ исторіи etc., стр. 14) считаетъ, что Кондыревскій переводъ Сарторіуса „очень невразумителенъ по номенклатурѣ".

[3]) Нейманъ, И.: Изслѣдованіе правилъ политической экономіи. СПБ., 1817 г., стр. IV.

ЭБ "Научное наследие России"

книга же эта теперь рѣдка“ [1]). Тотъ же Вернадскій полагаетъ, что съ „Шотландцемъ Адамомъ Смитомъ“ познакомилъ впервые Россію Шлецеръ. Мы видѣли изъ всего вышеприведеннаго, что мнѣніе Вернадскаго ошибочно [2]).

Желаніе Вернадскаго исполнилось уже въ пореформенное время, когда извѣстный переводчикъ 60-хъ годовъ, Бибиковъ, издалъ свой, по мнѣнію академика Янжула „довольно гладкій, но не безъ ошибокъ“ переводъ классическаго труда Смита [3]).

Итакъ, когда сто лѣтъ назадъ ученіе Адама Смита впервые появилось въ Россіи, оно быстро завоевало себѣ вниманіе, а затѣмъ пріобрѣло господство. Въ силу этого многое другое, что волновало тогда экономистовъ иного направленія, чѣмъ Смитъ, надолго осталось намъ чуждо. Общая скудость жизни сказывалась и на томъ, что своей оригинальной экономической литературы у насъ почти не было, все сводилось къ переводамъ. „Словесность Политической Экономіи на Россійскомъ языкѣ,—свидѣтельствуетъ намъ Кондыревъ,—у насъ малозначительна; мы имѣемъ одни переводы, но и тѣхъ не весьма въ достаточномъ количествѣ“.

Переводная литература была, впрочемъ, не первоклассная.

Вотъ перечень главнѣйшихъ переводовъ: сочиненія барона Бильфельда: „Наставленія политическія“, перев. I ч. кн. Ѳ. Шаховской въ 1768 г., II-ю ч. пер. проф. Антонъ Барсовъ въ 1775 г.; Юсти: „Основанія силы и благосостоянія царствъ“, перев Ив. Богаевскій. СПБ. 1772—1778 г. 4 части. (Политической экономіи касаются части I-я и II-я); Муратopія: „Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ“, перев. М. Поповъ. М. 1780 г., 2 ч. (Политической экономіи касается только II-я часть); Вирста: „Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской Имперіи“, пер. И. Степанова. 2 ч. СПБ. 1807 г.; его же: „Собраніе превосходныхъ сочиненій, до зако-

[1]) Вернадскій: Очеркъ, стр. 143

[2]) „Въ Россіи первый представилъ Смитово ученіе Хр. Шлецеръ, профессоръ Московскаго университета, въ своихъ „Начальныхъ основаніяхъ государственнаго хозяйства“, М., 1805 г., переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языки и изданныхъ 2-мъ изданіемъ въ 1821 г. Вернадскій: Очеркъ, стр. 146.

[3]) „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, съ примѣчаніями, переводъ П. Бибикова. (Томъ I, со статьею Бланки „Жизнь и труды Адама Смита“, съ предисловіемъ Гарнье). СПБ, 1866“.— П. А. Бибиковъ отзывается о переводѣ Политковскаго: „забытый переводъ этотъ, составляющій библіографическую рѣдкость, сдѣланъ былъ даже въ свое время на тяжеломъ, канцелярскомъ языкѣ, который въ настоящее время устарѣлъ, тѣмъ болѣе, что наука полит. экономіи сдѣлала значительные успѣхи“. Популярное сокращенное изданіе „Богатства народовъ“ Смита сдѣлано въ 1895 г., въ переводѣ Щепкина. Библіотека экономистовъ Вып I. Адамъ Смитъ. М. Изд. Солдатенкова.

ЭБ "Научное наследие России"

нодательства и управленія государственнаго хозяйства, особенно финансовъ и коммерціи, относящихся". Ч. I. СПБ. 1808 г.; Де Верри: „Политическая экономія", пер. Померанцева, съ франц. СПБ., 1810 г. Кромѣ того въ обращеніи были переводы талантливаго протекціониста и критика Смита, Александра Гамильтона (СПБ., 1807), Стройновскаго В.. „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами", пер. В. Анастасевичъ. Вильна, 1809 г., и писателя, непосредственно слѣдовавшаго за Смитомъ, Лаудердаля (СПБ., 1811)

Впослѣдствіи къ этой литературѣ присоединились кое-какія сочиненія учениковъ Смита, но они переводились не въ академическихъ цѣляхъ, а какъ ученое оружіе въ возникшемъ вскорѣ и у насъ спорѣ между приверженцами фритредерскихъ взглядовъ и защитниками протекціонизма. Среди фритредеровъ у насъ повезло Сею и Дюнойе, нѣкоторые изъ памфлетовъ которыхъ были у насъ, какъ указано ниже, переведены. Иначе дѣло обстояло съ протекціонизмомъ, защитниками и апологетами котораго наши отечественные экономисты выступили очень рано, даже раньше, чѣмъ ихъ европейскіе собратья.

Намъ остается еще указать на нѣкоторыя наши оригинальныя сочиненія по экономическимъ вопросамъ, вышедшія въ періодъ между 1800—1815 гг. Таковы книги: Василія Каницкаго: „О черезполосномъ владѣніи" (С.-Петербургъ, 1805 г.), проф. Якоба: „О деньгахъ разсужденіе" (СПБ., 1812) и нѣк. друг

Такова была вся наша скромная экономическая библіотека перваго десятилѣтія 19-го столѣтія. Добавивъ къ этому нѣсколько книгъ и брошюръ по финансамъ и статистикѣ, уже начавшихся разрабатываться, мы имѣемъ передъ собою весь, такъ сказать, экономическій багажъ того времени. Эпоха Наполеоновскаго нашествія, всколыхнувъ страну, внесла оживленіе и въ изученіе политической экономіи. Совершился переворотъ въ умахъ и настроеніи, и уже во второмъ десятилѣтіи чувствовалось воодушевленіе приближавшейся эпохи 20-хъ годовъ. Вотъ какъ наканунѣ послѣдней пишетъ о Смитѣ въ 1810 году лучшій экономистъ того времени, Николай Тургеневъ. „Въ нашемъ отечествѣ свѣдѣнія по части Политической экономіи начали распространяться съ очевиднымъ успѣхомъ. Даже иностранцы, занимающіеся этою наукою, съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ учреждены для Политической Экономіи особыя каѳедры". Отмѣчая значеніе политической экономіи въ смыслѣ вліянія ея на созданіе по-

ЭБ "Научное наследие России"

литической нравственности, Тургеневъ о Смитовомъ ученіи отзывается какъ о системѣ критической. „Занимающійся, проходя эту систему, научается вѣрить только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему тому, что естественно-непринужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ людей, обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую смѣлость за другихъ смотрѣть и думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать самое мелочное и всегда тщетное попеченіе“ [1]).

Власть имущіе не послушались совѣта Тургенева, не послушались его и ученые. Дальнѣйшія и жизнь и наука представили собою рядъ блужданій отъ одного ученія къ другому, отъ стараго тезиса къ новому. Часто, очень часто всѣ забывали, „что благое основывается на свободѣ“. Но какъ бы тамъ ни было, знакомство съ классическою школою не пропало даромъ, и, хотя до сихъ поръ русская политическая экономія все еще не отдѣлалась отъ заимствованій и подражаній, нѣкоторыя раціональныя положенія глубоко запали и въ народную душу, и въ сознаніе интеллигенціи.

Гл. 4. Ученики А. Смита. I. Робертъ Мальтусъ.

(1766—1834).

Біографія Томаса Роберта Мальтуса не представляетъ собой ничего интереснаго [2]). Знаменитый ученикъ Смита былъ скромнымъ протестантскимъ пасторомъ, жизнь котораго въ тихой деревенской обстановкѣ ничѣмъ не отличалась отъ обычной жизни представителей сельскаго духовенства въ Англіи. Изъ фактовъ его внѣшней, скудной событіями, жизни можно отмѣтить только два: посѣщеніе имъ знаменитаго соціальнаго предпріятія Роберта Оуэна въ Нью-Ламаркѣ и участіе сначала въ королевскомъ научномъ обществѣ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ и Рикардо, въ основанномъ экономистомъ-статистикомъ Тукомъ „экономическомъ клубѣ“. Начиная съ 1810 года, Мальтусъ много лѣтъ велъ инте-

---

[1]) Тургеневъ, Ник.: Опытъ теоріи налоговъ. СПБ., 1818 г., Типографія Н. Греча, стр. VIII.

[2]) См. I. Bonar: Maltus and his work. Лондонъ, 1885.

ресную переписку съ Рикардо, съ которымъ сохранялъ все время дружественныя отношенія.

Первое литературное произведеніе Мальтуса появилось въ 1798 году и имѣло большой успѣхъ. Это былъ тотъ самый „Опытъ о законѣ народонаселенія", который сыгралъ такую важную роль въ исторіи развитія экономической науки и создалъ автору всемірную извѣстность

Въ слѣдующемъ году Мальтусъ издаетъ небольшой анонимный трактатъ „О причинахъ дороговизны товаровъ" Въ 1805 году онъ перерабатываетъ, дополняетъ и выпускаетъ въ свѣтъ 2-ое изданіе своего „Опыта", который затѣмъ при его жизни выдерживаетъ 4 изданія. Въ 1815 году Мальтусъ пишетъ „Замѣчанія на хлѣбные законы", особое мнѣніе по вопросу объ ограниченіи ввоза хлѣба и весьма важное, хотя сравнительно мало извѣстное, сочиненіе: „Природа и возрастаніе ренты". Наконецъ, въ 1820 году появилась въ свѣтъ его „Политическая экономія", за которой шелъ рядъ болѣе мелкихъ теоретическихъ работъ.

Изъ тѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя въ достаточной степени имѣются въ настоящее время о Мальтусѣ, раскрывается для насъ своего рода человѣческая трагедія, трагедія, которую самъ Мальтусъ не переживалъ, но которая ясна намъ. По духу и сущности своего ученія, Мальтусъ—квинтъ-эссенція опредѣленной классовой точки зрѣнія; это страстный, узко-партійный апологетъ буржуазнаго строя и міровоззрѣнія, лично не будучи однако таковымъ. Мальтусъ былъ человѣкъ убѣжденный, идейный, никогда не дѣйствовавшій ради непосредственныхъ партійныхъ интересовъ въ ущербъ истинѣ, какъ онъ ее понималъ; при этомъ, незлобивость. невозмутимость, полное душевное равновѣсіе—вотъ черты, составлявшія истинную основу характера Мальтуса. Честность убѣжденій Мальтуса отмѣчаются здѣсь не въ похвалу, а какъ весьма важный для выясненія его взглядовъ моментъ, такъ какъ то, о чемъ училъ по вопросу о народонаселеніи Мальтусъ, послужило впослѣдствіи орудіемъ для реакціонныхъ партій всѣхъ странъ.

Съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ ученій Мальтусъ горячій приверженецъ классической школы и можетъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе правовѣрныхъ учениковъ Адама Смита. Міровоззрѣніе Мальтуса типично буржуазное: умѣренный либералъ въ политикѣ, онъ является горячимъ

35 "Научное наследие России"

защитникомъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ послѣднихъ онъ усматриваетъ „потребителей“ тѣхъ „избыточныхъ“ продуктовъ, которые остаются въ итогѣ дѣятельности промышленныхъ классовъ общества. Стремленіе къ накопленію и расширенію производства вызываетъ перепроизводство, а затѣмъ и кризисы. Поэтому, чтобы установить равновѣсіе, наравнѣ съ классами, производящими по преимуществу, необходимы классы, по преимуществу потребляющіе, а таковыми, по мнѣнію Мальтуса, и являются крупные землевладѣльцы. Защищая вообще свободную торговлю, Мальтусъ, однако, считаетъ необходимымъ, чтобъ для хлѣба практиковалась иная политика; въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ должны быть установлены хлѣбныя пошлины.

Уже изъ этого мы можемъ видѣть, что Мальтусъ врагъ абстрактныхъ рѣшеній, онъ стоитъ за осторожность и индуктивное обоснованіе выводовъ. Его теорія земельной ренты появилась въ 1815 году и въ общемъ совпадаетъ съ воззрѣніями на земельную ренту Рикардо.

„Опытъ“ Мальтуса касается самаго основного вопроса—„соціальнаго вопроса“. А. Смитъ не представлялъ себѣ всей важности и специфичности этой проблемы, которая, впрочемъ, встала во всю свою трагическую высоту уже послѣ его смерти. О ней-то и трактовалъ Мальтусъ. Поднятый имъ вопросъ—пріобрѣлъ громкую извѣстность, страстность и крайне продолжительное обсужденіе. Сама же данная Мальтусомъ формулировка вопроса оказала глубокое вліяніе не только на теоретическую мысль, но и на законодательство и общественныя отношенія. „Опытъ“ Мальтуса—одна изъ самыхъ горячихъ защитъ буржуазнаго строя, восхваленіе роковой неизбѣжности и естественной необходимости соціальнаго неравенства, человѣческой нищеты и экономическихъ бѣдствій. Задача „Опыта“—выяснить причины нищеты въ общественной жизни и поставить послѣднюю въ связь со всѣмъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ. Соціальный вопросъ и нищета людей, по Мальтусу, неизбѣжный продуктъ измѣняющихся соціальныхъ условій,—необходимый и закономѣрный процессъ естественнаго развитія общественной жизни. Вся природа управляется естественными законами, подъ властью которыхъ находится и людское хозяйство. Біологическіе законы, особенно законъ

ЭБ "Научное наследие России"

размноженія,—одинаковы и для человѣка, и для всей органической жизни. Нищета—закономѣрна, а самый законъ о народонаселеніи для Мальтуса только спеціальный случай общаго закона органическаго размноженія, который гласитъ, что живыя существа размножаются въ зависимости отъ средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, народное хозяйство, по Мальтусу, является областью воздѣйствія естественныхъ законовъ, а изученіе соціальныхъ явленій должно происходить по общему методу, принятому въ естествознаніи.

Мальтусъ доказывалъ, что отъ политическихъ реформъ не могутъ произойти экономическія измѣненія, а тѣ неурядицы, которыя наблюдаются въ народной жизни произошли отъ размноженія населенія. При такой постановкѣ вопроса, политическая агитація соціалистовъ становилась ненужной, а такъ какъ это было на руку консервативному режиму, то эти взгляды привились среди правящихъ сферъ. Всѣ требованія рабочаго класса въ политической области отвергались, какъ отвергнутыя и съ научной точки зрѣнія.

Эта теорія была на руку и капиталистамъ и земельнымъ собственникомъ.

Рикардо-Мальтусовское толкованіе смитіанства придавало послѣднему мрачный характеръ. Жизнерадостное ученіе великаго шотландца, этотъ розовый вѣнецъ молодой буржуазіи, принимало пессимистическій оттѣнокъ, слышались трагическія ноты безнадежности и безвыходности страданія. Но изъ ученія Смита, экклектическаго и мало систематизированнаго, можно было извлечь иныя ноты, иное, болѣе родственное самому Смиту, ученіе. Стоило только соединить во-едино весь его апофеозъ индивидууму съ безбрежностью космополитизма, съ безразличіемъ къ мѣстнымъ національнымъ условіямъ.

Это и сдѣлала позднѣе другая группа смитіанства—„индивидуалисты и оптимисты“,—Ж. Б. Сей, Бастіа, Принсъ Смитъ и другіе, извѣстные подъ общимъ названіемъ ф р и т р е д е р о в ъ.

Ученіе Мальтуса о законѣ народонаселенія оставило глубокій слѣдъ на развитіи экономической мысли.

Основными законами, по которымъ размножается населеніе, являются слѣдующія положенія, ясно и опредѣленно формулированныя Мальтусомъ: 1) н а р о д о н а с е-

леніе строго ограничено средствами существованія; 2) народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой-нибудь могущественной встрѣчной причиной; 3) всѣ препятствія, которыя могутъ стать на пути увеличенія населенія, ограничивая силу размноженія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастьямъ; 4) въ то время какъ средства существованія выростаютъ въ ариѳметической прогрессіи, размноженіе населенія совершается въ геометрической.

Отсюда видно, что пища и размноженіе населенія находятся въ строгой зависимости и что рабочій классъ, предоставленный свободному, безпрепятственному размноженію, естественнымъ образомъ, наталкивается на естественную ограниченность средствъ существованія и повергается въ безысходную нищету.

Слѣдовательно, между средствами существованія и количествомъ народонаселенія должна существовать строгая гармонія, и всякое ея нарушеніе влечетъ за собою соціальныя бѣдствія. Только обезпеченные или лица, въ которыхъ по условію времени есть необходимость, имѣютъ право на существованіе. Всѣ остальные должны погибнуть. „Человѣкъ,—говоритъ Мальтусъ,—который вступилъ въ міръ, не имѣя заранѣе заготовленнаго мѣста, если его семья не имѣетъ средствъ воспитать его или если общество не нуждается въ его трудѣ,—такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права заявлять притязанія на кусокъ хлѣба. Онъ лишній на землѣ. На жизненномъ великомъ пиру нѣтъ для него мѣста на землѣ“. Эта черезчуръ откровенная фраза, правда, имѣется только въ двухъ первыхъ изданіяхъ. Первое изданіе значительно рѣзче послѣдующихъ. Въ немъ порокъ или разнаго рода бѣдствія являются единственными регуляторами равновѣсія между количествомъ народонаселенія и средствами потребленія, а въ послѣдующихъ изданіяхъ появляется уже принципъ моральнаго воздержанія. Къ излишнему населенію, къ человѣку „безъ мѣста на землѣ“ Мальтусъ суровъ и безпощаденъ. „Природа,—грозитъ онъ,—повелѣваетъ ему удалиться изъ-за стола и она не замедлитъ сама исполнить свое повелѣніе“. Такого рода мрачная и жестокая теорія являлась шагомъ впередъ въ

развитіи ученія о народонаселеніи и въ то же время рѣзкой реакціей противъ господствовавшихъ тогда воззрѣній.

Въ основѣ ученія Мальтуса имѣются положенія разнаго научнаго достоинства и качества. Три группы этихъ положеній: 1) естественно-научное наблюденіе. 2) его закрѣпленіе въ математическую формулу (прогрессіи) и 3) соціально-политическіе выводы по рабочему вопросу—являются самыми главными. Закрѣпленіе въ формулу—наукою отрицается; признаютъ эту формулу лишь немногіе изъ оставшихся вѣрными Мальтусу (наприм., проф. Георгіевскій); существованіе прогрессій, даже какъ тенденцій, отрицается за отсутствіемъ статистическаго основанія въ „законѣ“ Мальтуса.

Къ соціальной политикѣ въ борьбѣ съ нищетой Мальтусъ относится весьма скептически. „Законъ“ объясняетъ, по мнѣнію Мальтуса, причину бѣдности. „Большею частью,—говоритъ Мальтусъ,—закону о народонаселеніи слѣдуетъ приписать, какъ нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа во всякой странѣ, такъ и безплодность усилій, употреблявшихся до сихъ поръ высшими классами для облегченія этихъ бѣдствій“. „Бѣдный“, по его представленію, „долженъ пріучиться полагаться на собственныя силы“.

Въ книгѣ IV „Опыта“ Мальтусъ говоритъ: „Почти все, что до сихъ поръ предпринималось для облегченія участи бѣдныхъ, стремилось, при содѣйствіи изысканной заботливости, только покрыть непроницаемымъ покровомъ этотъ вопросъ и скрыть отъ несчастныхъ настоящую причину ихъ нищеты“. Между тѣмъ,—говоритъ Мальтусъ далѣе,—хотя заработной платы едва хватаетъ для прокормленія двухъ дѣтей, работникъ женится — и на рукахъ его оказывается пятеро или шестеро“.

Ученіе о народонаселеніи, этотъ важный отдѣлъ статистики, куда, строго говоря, и относится весь поднятый Мальтусомъ вопросъ,—занималъ умъ человѣческій уже съ древности. Еще античный міръ развилъ довольно законченное ученіе о народонаселеніи. И это ученіе не было только теоретическимъ построеніемъ: оно рѣзко повліяло на все законодательство о бракахъ и на всѣ законодательные акты, имѣвшіе отношеніе къ вопросу о ростѣ народонаселенія.

Этимъ-же вопросомъ занимались и въ средніе вѣка, особенно во 2-ой половинѣ, когда ученіе о народонасе-

ЭБ "Научное наследие России"

леніи стало центромъ тогдашней экономической политики. Государство желало быть сильнымъ и богатымъ. Для перваго требовалось, согласно условіямъ той эпохи имѣть какъ можно больше солдатъ, для второго—купцовъ и ремесленниковъ. И то и другое было тѣсно связано съ общимъ возрастаніемъ населенія, на что и были направлены всѣ заботы правительства. Поощряя многосемейныхъ, сокращая вдовьи сроки и создавая различные сроки для брачущихся,—государственная власть устанавливала спеціальные налоги на холостяковъ, боролась съ эмиграціей и твердо уповала, что чѣмъ больше явится людей, тѣмъ больше создастся и средствъ для ихъ пропитанія. Ученіе Мальтуса возвѣстило какъ разъ обратное: побольше средствъ—и явятся люди! — такова была формула, а отсюда всѣ прежнія государственныя поощренія къ человѣческому размноженію признавались безусловно вредными. Такимъ образомъ, появилась совершенно новая точка зрѣнія, которая заставила разобраться болѣе глубоко и подробно въ важномъ для науки и человѣчества ученіи о народонаселеніи.

Что-же касается другого отношенія, а именно условія общественныхъ настроеній, то, какъ уже было сказано, сочиненіе Мальтуса и здѣсь представляло собой реакцію. Къ моменту появленія Мальтусова „Опыта“ великая французская революція только еще завершалась и порождаемыя ею идеи потрясали установившіеся строй и міровоззрѣніе съ необычайной силой. На родинѣ Мальтуса зачитывались сочиненіями анархиста Вильяма Годвина, вѣрили въ теорію неограниченнаго прогресса, возвѣщенную Кондорсэ, и съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за первыми соціальными опытами Оуэна. Соціальныя бѣдствія объяснялись, какъ результатъ неустройства, какъ слѣдствіе плохой хозяйственной организаціи и дурного государственнаго управленія. Отсюда проистекало требованіе немедленныхъ соціальныхъ и политическихъ реформъ. Состоятельные классы и правительство, на нихъ опиравшееся, были встревожены. Тутъ-то и появилось успокоившее ихъ сочиненіе протестантскаго пастора. Соціальныя и политическія реформы не мыслимы и не нужны—возвѣстилъ Мальтусъ, — необходимо только нравственное воздержаніе низшихъ классовъ. Соціальныя бѣдствія происходятъ не отъ плохой организаціи и управленія, а являются резуль-

ЭБ "Научное наследие России"

татомъ нарушенія естественной гармоніи природы, нарушеніемъ равновѣсія между числомъ людей и количествомъ средствъ. Люди несчастны только отъ раннихъ браковъ и множества дѣтей, что создаетъ усиленное размноженіе. перепроизводство людей, т. е. нарушеніе важнѣйшаго закона народнаго хозяйства—баланса спроса и предложенія. Какъ перепроизводство товаровъ нарушаетъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, создавая перепроизводство, т. е. гипертрофію предложенія,—такъ и перенаселеніе, создавая неестественно большой спросъ. нарушаетъ то же равновѣсіе. Соціальный вопросъ, такимъ образомъ, есть только простой логическій выводъ изъ нарушенія закона спроса и предложенія и составляетъ. по Мальтусу. только небольшую главу изъ ученія о народонаселеніи.

Лица, не знакомыя съ ученіемъ Мальтуса или непонимающія Мальтуса, связываютъ все его ученіе съ пресловутыми прогрессіями. съ мнимымъ утвержденіемъ Мальтуса. что человѣчество растетъ въ геометрической, а средства существованія въ ариѳметической прогрессіи. Эти злосчастныя прогрессіи, о которыхъ такъ много писалось въ экономической литературѣ, представляютъ собою въ сочиненіи Мальтуса только случайно взятый примѣръ, небольшую и, надо сознаться, неудачную иллюстрацію для выраженія его мысли Разсужденія „о прогрессіяхъ“ не стоятъ въ связи съ существомъ его ученія и, кромѣ того, самая наличность разсужденія, выдвигающая впередъ его пресловутыя прогрессіи, оставляетъ въ тѣни все то, что именно составляетъ самую сущность Мальтусова ученія.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что подобнаго рода непониманіе возмущало самого Мальтуса. Во второмъ изданіи своего „Опыта“ Мальтусъ категорически говоритъ слѣдующее: „Говорятъ, что я написалъ большой томъ in 4⁰ для доказательства той мысли, что народонаселеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а продовольствіе въ ариѳметической. Это не вѣрно. Одно изъ этихъ двухъ положеній казалось для меня очевиднымъ, когда была обнаружена степень возрастанія населенія въ Америкѣ; второе—въ моментъ, когда оно было формулировано. Главная же цѣль моего сочиненія иная: она состояла въ изученіи слѣдствій и вліянія на человѣческое общество естествен-

ЭБ "Научное наследие России"

ныхъ законовъ, которые я разсматривалъ, какъ доказанные на первыхъ страницахъ".

Инкриминируемое мѣсто таково: „Можно утверждать,— говоритъ Мальтусъ,—что если населеніе не встрѣчаетъ въ своемъ ростѣ препятствій, то оно удваивается каждыя 25 лѣтъ или растетъ въ геометрической прогрессіи". Здѣсь говорится только о возможности утвержденія при наличности извѣстныхъ условій, т. е.—самъ Мальтусъ придаетъ этой прогрессіи смыслъ гипотетическаго положенія, какъ общей тенденціи. Дѣйствительная жизнь полна, по Мальтусу, разнаго рода препятствій, не дающихъ возможности осуществиться намѣченной прогрессіи. Мальтусъ перечисляетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для увеличенія народонаселенія факторовъ, цѣлую систему всякаго рода препятствій, недопускающихъ въ реальномъ мірѣ осуществленія его теоретической прогрессіи. Всѣ препятствія онъ раздѣляетъ на двѣ группы: 1) предупредительныя, и 2) разрушительныя. Къ числу первыхъ Мальтусъ причисляетъ:

„Предупредительныя препятствія, если они добровольны, составляютъ свойство человѣческой природы, вытекающее изъ способности, которою человѣкъ отличается отъ животныхъ, а именно, изъ способности предвидѣть отдаленныя послѣдствія и взвѣшивать ихъ" [1]). „Такія соображенія дѣлаются для предупрежденія и, дѣйствительно, предупреждаютъ во всякомъ цивилизованномъ обществѣ множество супружествъ. Они останавливаютъ большое число ранновременныхъ браковъ и противодѣйствуютъ въ этомъ отношеніи естественнымъ побужденіямъ" [2]).

Разрушительныя препятствія для размноженія населенія бываютъ весьма разнообразны. Къ нимъ относятся всѣ причины, клонящіяся какимъ бы то ни было образомъ сократить естественную продолжительность человѣческой жизни посредствомъ порока или несчастія. Поэтому къ этому разряду можно отнести всѣ вредныя для здоровья занятія, всякій трудъ грубый, чрезмѣрный и подвергающій человѣка опасностямъ непогоды, крайнюю бѣдность, скверное

---

[1]) Мальтусъ: Опытъ о законѣ народонаселенія или изложеніе прошедшаго и настоящаго дѣйствія этого закона на благоденствіе человѣческаго рода, съ приложеніемъ нѣсколькихъ изслѣдованій о надеждѣ на отстраненіе или смягченіе причиняемаго имъ зла. Пер. П. А. Бибиковъ. СПБ., 1895, т 1, стр. 104.

[2]) Мальтусъ: Опытъ и пр., стр. 105.

ЭБ "Научное наследие России"

содержаніе дѣтей, нездоровыя условія жизни въ большихъ городахъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодъ.

Такимъ образомъ, препятствія играютъ очень важную роль и это даетъ возможность Мальтусу сказать, что „населеніе строго ограничено средствами къ существованію", т. е. оно никакъ фактически не можетъ расти быстрѣе послѣднихъ, хотя имѣетъ такую тенденцію.

Согласнаго съ нами мнѣнія въ пониманіи Мальтуса и значенія его ученія держится и Н. В. Водовозовъ. „Не вникнувъ въ эту совершенно понятную мысль,—говоритъ онъ,—критики, въ родѣ Поля Леруа-Болье, думаютъ уничтожить Мальтуса простой ссылкою на одинаковую заселенность земли въ настоящее время и въ древности, что, впрочемъ, еще подлежитъ очень большому сомнѣнію, а между тѣмъ проведенное Мальтусомъ разграниченіе между дѣйствительнымъ и возможнымъ приростомъ населенія само по себѣ въ высшей степени плодотворно, и современная наука охотно пользуется имъ въ различныхъ цѣляхъ, между прочимъ, и для опроверженія геометрической прогрессіи Мальтуса" [1])

Всѣ недоразумѣнія, происходящія изъ теоріи Мальтуса, имѣютъ своимъ источникомъ слѣдующее, весьма остроумно формулированное Бонаромъ, наблюденіе: „Смитъ написалъ книгу, которую всѣ хвалятъ, хотя никто не читаетъ. Мальтусъ же создалъ книгу, которую тоже никто не читаетъ, но всѣ бранятъ [2]).

Если прочесть сочиненіе Мальтуса и извлечь изъ него весь экстрактъ, который для удобства изложенія мы раздѣлимъ на три части, то мы получимъ: 1) Три основныхъ положенія ученія о народонаселеніи. 2) Ученіе о бѣдности (соціальный вопросъ) и практическое разрѣшеніе существующихъ соціальныхъ недоразумѣній. 3) Различные добавочные вопросы: критика коммунистическаго ученія Годвина и другихъ, вопросъ о препятствіяхъ, прогрессіи и т. д.

Центромъ тяжести являются два первые пункта—ученіе о народонаселеніи и ученіе о бѣдности. Ихъ Мальтусъ соединяетъ въ одно цѣлое, но было бы крайне ошибочно думать, что каждое изъ этихъ ученій не можетъ быть принято или отвергнуто въ отдѣльности. Нѣкоторые эконо-

[1]) Н. В. Водовозовъ: Очерки и статьи. М., 1894.

[2]) As it is Adam Smith has left a book which „every one praises and nobody reads", Malthus a book which „no one reads and all abuse" Bonar. I.: „Malthus and his work" London, 1885 (стр. 3).

мисты, совершенно отвергая Мальтусово ученіе о бѣдности, принимаютъ его теорію народонаселенія. Но если и съ нею не соглашаться, то во всякомъ случаѣ возможно признать, что постановка этой проблемы—большая заслуга Мальтуса.

Мальтусъ и его теорія имѣютъ, конечно, своихъ предшественниковъ. Еще писатели XVII и XVIII в., трактуя вопросы народонаселенія, высказываются за увеличеніе населенія и указываютъ на мѣры, содѣйствующія его развитію. Но среди этихъ писателей выдѣляется небольшая группа съ обратною тенденціею.

Въ Италіи на рубежѣ XVII вѣка Джіованни Ботеро въ своей книгѣ „Delle cause della grandezza e magnificenza delle citta", вышедшей въ 1598 г., даетъ рядъ соображеній о ростѣ народонаселенія, которое онъ считаетъ съ теченіемъ времени замедляющимся въ своемъ первоначально быстромъ ростѣ за отсутствіемъ „питающей силы". Въ XVIII вѣкѣ неаполитанецъ Антоніо Джевонези и венеціанецъ Джаммаріа Ортесъ развиваютъ взгляды Ботеро. Джевонези считаетъ густое населеніе столь же вреднымъ, какъ и рѣдкое. Оно должно согласоваться со страною и ея плодородіемъ. „Вполнѣ справедливо наши государственные люди,—писалъ онъ,—кричатъ со всѣхъ сторонъ: населеніе! населеніе! Но это послѣднее можетъ сдѣлаться самой ужасною причиною обезлюденія, если его не регулировать на вышеприведенныхъ основаніяхъ. Ибо когда природа болѣе уже не въ состояніи кормить людей, они начинаютъ уничтожать другъ друга".

Ортесъ, придерживаясь тѣхъ же взглядовъ, кромѣ того полагаетъ, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи и что для задержки этого роста нужно прибѣгнуть къ принужденію. Безбрачіе и воздержаніе отъ дѣторожденія—наилучшее, по мнѣнію Ортеса, средство.

Въ Англіи въ томъ же духѣ писали—въ XVII вѣкѣ Джозіа Чайльдъ, въ XVIII—Веньяминъ Франклинъ, Артуръ Юнгъ и многіе другіе.

Въ Германіи въ XVIII вѣкѣ по вопросу о народонаселеніи высказывался Юстусъ Мозеръ, авторъ „Патріотическихъ фантазій". Этотъ прославленный нѣмцами писатель, по мнѣнію Рошера, „величайшій нѣмецкій политико-экономъ XVIII в."—и филистеръ, съ обычною своею злобною и брюзгливою манерою, кажущеюся нѣмцамъ глубоко-

ЭБ "Научное наследие России"

мысленною, заявляетъ, что увеличеніе народонаселенія—это созданіе „нищихъ и воровъ“ и что „прививку оспы“ и дѣятельность врачей слѣдовало бы прекратить, такъ какъ оспа удачное средство для сокращенія человѣческой плодливости. Чума и оспа—мудрая мѣра мудраго Провидѣнія.

Изложеніемъ точки зрѣнія этого христіанскаго писателя и прославленнаго нѣмецкаго патріота—мы и окончимъ краткій обзоръ предшественниковъ Мальтуса, оставляя въ сторонѣ многихъ, высказавшихся по этому вопросу, но не говорившихъ такъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно, какъ указанные писатели.

Изъ ученія Мальтуса возникъ цѣлый рядъ теорій, такъ или иначе его дополняющихъ или развивающихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно исказили основныя мысли Мальтуса и дали такое направленіе его ученію, которое въ сущности является ни чѣмъ инымъ, какъ отрицаніемъ самой теоріи Мальтуса. Измѣненный, а часто и извращенный Мальтусъ ложится въ основу взглядовъ большинства послѣдующихъ представителей мальтузіанства и еще болѣе—новомальтузіанскаго теченія.

Къ сторонникамъ теоріи Мальтуса слѣдуетъ отнести: въ Англіи обоихъ—Джемса и Джона Стюарта Миллей, во Франціи—Жана Баптиста Сея и Сисмонди, затѣмъ итальянца Пеллегримо Росси и бельгійца Кетле; въ „благоразумной“ Германіи ихъ гораздо больше (правда, не всѣ воспринимаютъ теорію Мальтуса цѣликомъ): изъ числа старыхъ экономистовъ—Карлъ Генрихъ Рау, Робертъ фонъ-Моль, Генрихъ Люденъ, изъ новыхъ—Адольфъ Вагнеръ, Рюмелинъ, Густавъ Конъ.

Многіе очень давно поняли мальтузіанство съ совершенно узкой специфически-половой точки зрѣнія; нашлись такіе, которые немедленно по выходѣ въ свѣтъ книги Мальтуса указывали на недостаточность предлагаемыхъ имъ средствъ, которыя бы уменьшали приростъ населенія. Въ итогѣ создалось цѣлое направленіе, отстаивавшее необходимость примѣненія физическихъ средствъ, могущихъ уменьшить плодовитость и тѣмъ ограничить численность семьи.

Одинъ изъ сторонниковъ этого направленія—англійскій общественный дѣятель начала XIX вѣка Фрэнсисъ Плессъ убѣдилъ даже Роберта Оуэна въ справедливости своей точки трѣнія; и Оуэнъ пропагандировалъ ее въ Нью-

ЭБ "Научное наследие России"

Ламаркѣ. Направленіе это обычно называется нео-мальтузіанствомъ.

Въ 70-хъ годахъ это такъ называемое нео-мальтузіанское теченіе приняло большіе размѣры.

17 іюля 1877 года въ Лондонѣ была основана „Лига мальтузіанцевъ", которая съ 1 февраля 1879 года издаетъ ежемѣсячный журналъ „Мальтузіанецъ". Эпиграфъ этого листка гласитъ „Всякому разумному существу мѣры, предупреждающія зачатіе, должны казаться столь же естественными, какъ мѣры предохраненія противъ обѣдненія и преждевременной смерти" (Мальтусъ). Кромѣ того, это общество стремится распространить свое ученіе при помощи памфлетовъ, брошюръ и т. п. Основными задачами Лиги являются: 1) агитація въ пользу отмѣны всякаго рода наказаній за публичное обсужденіе вопроса о народонаселеніи, съ цѣлью добиться изданія такихъ законоположеній, чтобы на будущее время нельзя было подводить на основаніи обычнаго права такого рода публичныя обсужденія подъ понятіе проступка и 2) распространеніе среди народа всѣми подходящими для этого средствами свѣдѣній о законѣ народонаселенія, его послѣдствіяхъ и вліяніи на нравы и мораль Основные тезисы лиги—слѣдующіе 1) населеніе имѣетъ постоянную тенденцію размножаться свыше средствъ продовольствія: 2) препятствія, противодѣйствующія этой тенденціи, суть частью положительныя, разрушающія жизнь, частью предохранительныя, ограничивающія рождаемость; 3) положительныя препятствія суть: высокая смертность дѣтей, голодъ, война и дѣтоубійство; 4) предохранительныя препятствія состоятъ въ ограниченіи численности потомства при помощи воздержанія отъ вступленія въ бракъ и соблюденія благоразумной предусмотрительности по заключеніи брака, 5) продолжительный целибатъ, котораго требуетъ Мальтусъ, является причиной многихъ пороковъ въ половой сферѣ и многихъ болѣзней; раннее же вступленіе въ бракъ имѣетъ тенденцію благопріятствовать цѣломудрію, домашнему комфорту, общественному счастью и индувидуальному здоровью, но какъ мужчины, такъ и женщины совершаютъ тяжкій проступокъ по отношенію къ обществу, если производятъ на свѣтъ болѣе дѣтей, чѣмъ сколько они могутъ прокормить, одѣть, воспитать и пріютить; 6) перенаселеніе — самый главный источникъ пауперизма, невѣжества, преступленій и болѣзней; 7) публичное обсужденіе вопросовъ

Теорія Мальтуса имѣетъ критиковъ не меньше, чѣмъ и послѣдователей. Критику Мальтуса принято дѣлить на три группы: 1) соціалисты, 2) оптимисты исходящіе изъ теоріи гармоніи хозяйственныхъ силъ и, 3) приверженцы естествознанія. Возбуждавшій въ Россіи вопросъ о пересмотрѣ теоріи Мальтуса рано умершій экономистъ Водовозовъ дѣлитъ всю критику Мальтусова ученія на: А) критику, отвергающую какъ наличность, такъ и возможность перенаселенія; В) кри-

ЭБ "Научное наследие России"

тику, дающую особое объясненіе фактамъ перенаселенія; С) критику, допускающую наличность перенаселенія, но считающую возможнымъ такъ или иначе устранить его въ будущемъ. Но было бы правильнѣе дѣлить по пріемамъ опроверженія на: 1) опровергающихъ съ точки зрѣнія общихъ положеній всю систему, сюда относятся, главнымъ образомъ всѣ соціалисты, 2) опровергающихъ противопоставленіемъ статистическаго анализа и 3) опровергающихъ анализомъ самой теоріи ея внутреннимъ противорѣчіемъ

Сама книга Мальтуса была написана противъ соціалиста Годвина, полагавшаго, что истинная причина всѣхъ страданій заключается въ недостаткахъ человѣческихъ учрежденій и полной негодности правительствъ. Понятно, что экономисты, согласные въ этомъ съ Годвиномъ, высказываются противъ Мальтуса. Фурье и Прудонъ негодуютъ противъ ученія Мальтуса, тщетно ищутъ опроверженія и примиряются на указаніи, что соціалистическая организація создаетъ искомое равновѣсіе между размноженіемъ и пропитаніемъ. Евгеній Дюрингъ считаетъ теорію Мальтуса реакціонною. У каждаго экономическаго строя — по мнѣнію Дюринга, — своя емкость населенія, а потому нужно раздвинуть, если они недостаточны, рамки строя, препятствующаго увеличенію населенія. Генри Джорджъ,— яро нападая на Мальтуса, утверждаетъ какъ разъ обратное. „Опасность, что родъ человѣческій размножится, что для него не хватитъ мѣста,— говоритъ Джоржъ, — такъ отдаленна, что она имѣетъ для насъ не болѣе практическаго значенія, чѣмъ новое возвращеніе ледниковаго періода или имѣющее въ концѣ концовъ произойти потуханіе солнца". Ф Энгельсъ считаетъ теорію Мальтуса глубочайшимъ униженіемъ человѣчества такъ же, какъ и К. Марксъ. Послѣдній — рѣшительный противникъ мальтузіанства. Возраженія Маркса сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) абстрактный законъ размноженія, примѣнимый къ флорѣ и фаунѣ, не приложимъ къ человѣчеству; 2) обѣдненіе и вымираніе часто не находятся въ указанной Мальтусомъ связи и 3) каждая историческая эпоха и каждый способъ производства связаны со своими „законами населенія"

У насъ въ Россіи такъ же сильно и рѣшительно высказывался Н. Г. Чернышевскій въ своихъ „примѣчаніяхъ къ Миллю".

ЭБ "Научное наследие России"

Среди соціалистическихъ писателей нѣкоторымъ исключеніемъ является Карлъ Каутскій. Въ своемъ сочиненіи „Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft“ (Вѣна, 1880 г.) онъ принимаетъ теорію Мальтуса. Объ опасности перенаселенія Каутскій говоритъ, что „опасность только можетъ быть отсрочена, эта опасность грозитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе стараются распространить счастье“. Необходимы искусственныя предохранительныя мѣры противъ рожденій (präcervativer Verkehr), какъ средства регулировать взаимоотношеніе между количествомъ населенія и средствами пропитанія [1])

Таково, вкратцѣ, отношеніе различныхъ экономистовъ къ мальтузіанству. Вообще же доктрина Мальтуса важна тѣмъ, что дала могучій толчокъ къ разработкѣ вопроса и подчеркнула связь между населеніемъ и пропитаніемъ. Связь между ними — не подлежитъ сомнѣнію; но въ такомъ случаѣ мы не должны дѣлать выводовъ, сдѣланныхъ Мальтусомъ, а только видѣть одно изъ подтвержденій теоріи экономическаго матеріализма. Статистика до сихъ поръ не указала объективнаго недостатка въ пропитаніи, о чемъ не можетъ быть и рѣчи въ настоящее время. Мальтузіанство, быть можетъ,— вопросъ будущаго.

И правъ Марксъ, указывающій на то, что каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ народонаселенія; правъ Дюрингъ, говорящій о „емкости“, правъ и Листъ, когда онъ говоритъ, что каждое слѣдующее за другимъ — состояніе народнаго хозяйства имѣетъ особую, ему свойственную, емкость населенія, о чемъ развивалъ позднѣе Левассёръ.

Вопросъ же объ уменьшеніи или увеличеніи плодовитости людей — научно до сихъ поръ не выясненъ и не доказанъ; вопросъ объ увеличеніи или сокращеніи средствъ производства — тоже проблема болѣе, чѣмъ неясная.

Итакъ ученіе о народонаселеніи — важный отдѣлъ народнаго хозяйства, но ученіе Мальтуса и его политика въ

---

[1]) Книга „Der Einfluss der Volksvermehrung“ была написана авторомъ еще весною 1878 года и нѣкоторое время не могла выйти по цензурнымъ условіямъ. Каутскій, однако, не долго придерживался взглядовъ, развиваемыхъ имъ въ этомъ своемъ юношескомъ трудѣ. Знакомство, съ одной стороны, съ критикой идей Мальтуса, данной Чернышевскимъ, котораго Каутскій основательно изучалъ, съ другой стороны—непосредственное соприкосновеніе и знакомство съ Марксомъ и Энгельсомъ и ихъ работами (особенно съ книгой Энгельса—Анти-Дюрингъ) окончательно расшатали первоначальные взгляды Каутскаго на мальтузіанскую проблему. Свои новѣйшіе взгляды по данному вопросу Каутскій развиваетъ въ недавно вышедшемъ новомъ изслѣдованіи о „Размноженіи и развитіи въ природѣ и обществѣ“ (русск. переводъ подъ ред. Н. Рязанова. Кіевъ, 1910).

ЭБ "Научное наследие России"

этой области — недоказанная доктрина. Эта теорія близка къ сердцу всѣхъ защитниковъ существующаго строя, всѣхъ боящихся соціализма. И принятіе теоріи Мальтуса есть опасность бо́льшая, чѣмъ та опасность, о которой говорятъ „пророчествующіе мальтузіанцы", по крайней мѣрѣ эта указываемая опасность ближе и реальнѣе.

Для экономиста проповѣдь мальтузіанства — лицемѣріе, лицемѣріе пошлое и неблагородное: оно создаетъ почву для индифферентизма къ вопросу объ улучшеніи и измѣненіи окружающихъ насъ соціальныхъ условій, оно заставляетъ человѣка въ вопросѣ соціальномъ быть слѣпцомъ, холодно и равнодушно относяться къ бѣдствіямъ; въ результатѣ этого появляется конфликтъ между высокою теоріею, проповѣдуемой въ храмѣ науки, и отношеніемъ къ окружающему, конфликтъ, составляющій язву жрецовъ науки.

И даже лучшіе жрецы —
Во храмѣ вѣщіе пророки —
Внѣ храма — жалкіе слѣпцы'..

Литература о Мальтусѣ необычайно обширна Сочиненія Мальтуса переиздавались не разъ Изъ изданій Мальтуса могутъ быть отмѣчены слѣдующія: 1. Malthus, Thomas Robert. An Essay on the Principle of Population as, it affects the Future Improvement of Society, with Remarks. on the Speculations of M-r Godwin, M. Condorcet and other Writers: 1798 г (1803, 06, 07 17 и др. изд.).—2 Malthus. Principles of PoliticalEconomy 1820 —3 Malthus Definitions in political Economy. 1822 и пр.

„Опытъ о законѣ народонаселенія" Мальтуса былъ переведенъ на всѣ главнѣйшіе европейскіе языки Русскій переводъ П А. Бибикова со статьей переводчика „Жизнь и труды Мальтуса" появился въ 1868 году, въ изданіи книжнаго магазина Семенова. Въ „Библіотекѣ экономистовъ", издававшейся въ Москвѣ Солдатенковымъ, подъ ред. Щепкина, третій выпускъ, составленный Ипполитомъ Вернеромъ, посвященъ Мальтусу, но „Опытъ" здѣсь приведенъ въ сильно сокращенномъ видѣ. Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ (1815 года) пер. и издалъ для практическихъ занятій со студ. А. Миклашевскій. Юрьевъ, 1908. Здѣсь переведены 1) Изслѣдованіе о природѣ и развитіи ренты, 2) Замѣчанія о возрѣніяхъ на земельную ренту Мальтуса о вліяніи хлѣбныхъ пошлинъ, 3) основанія для мнѣнія о цѣлесообразности ограничить „ввозъ хлѣба" О возрѣніяхъ на земельную ренту Мальтуса. Zeser Rob. Malthus als Entdecker der modernen Grundrentenlehre. Jena 1881 (въ его Untersuchungen zur Geschichte der Nationalokonomie).

О теоріи народонаселенія Мальтуса писали необычайно много: лучшими сочиненіями о Мальтусѣ считаются: Thornton:

© "Научное наследие России"

Overpopulation and itz Remedy. Лондонъ, 1846. Proutdhon. Contradictions Economiques Парижъ, 1847. Kautzky: Der Einflu s der Volksvermehrung auf den Fortschrittder Gesellshaft. Берлинъ 1880 Franz Oppenheimer: Das Bevolkerungsgesetz des T R. Malthus und der neueren Nationaloconomie Berlin & Bern (Jederhein) 2-е изд. 1901. L. von Bortkiewicz. Въ юбилейномъ сборникѣ въ честь Шмоллера. В I.

О неомальтузіанствѣ трактуютъ: Charles Drysdale. The population Question accordins to Malthus, Лондонъ 1878 Annie Besant The Law of Population. Лондонъ 1878. Stille Bevolkerungsfrage. Берлинъ, 1879. Otto: Kunstliche Unfruchtbarkeit. Берлинъ, 1884. Журналъ „Malthusian“ съ 1879, изд лиги „Malthusian League“.

О самомъ Мальтусѣ и его жизни—можно найти подробныя свѣдѣнія въ работахъ: J. Bonar Malthus and his work Лондонъ, 1885 Payne: History of the Family of Malthus Лондонъ, 1890.

У насъ ученіе Мальтуса анализируется въ слѣдующихъ работахъ: въ значительной части примѣчаній Н. Г Чернышевскаго къ „Основаніямъ политической экономіи“ Дж. Ст Милля, а также въ "Соціологическихъ очеркахъ“ С. Южакова (СПБ, 1891 г.) Отличный очеркъ жизни и научной дѣятельности Мальтуса даетъ въ серіи Павленковскихъ біографій покойный экономистъ Н Водовозовъ, которому принадлежитъ и прекрасная статья: „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“, помѣщенная въ посмертномъ сборникѣ его статей „Экономическіе этюды“, изд. М И. Водовозовой М., 1897 г. („Экономическіе взгляды Мальтуса“, Журн. Моск Юр. Об.“ 1895 т, іюнь). Кромѣ того, хороша статья Г Валентинова (Плеханова): „Возрожденіе мальтузіанства въ современной Европѣ“, „Отечеств. Записки“, 82 г. 9, 10 кн Наконецъ, отмѣтимъ Горбата, П. П.: Мальтусъ и его ученіе, „Всемірный трудъ“ 70 г. 2; Милютинъ, В. А.: Мальтусъ и его противники. „Современникъ“ 64 г., 4 и 5; Янжулъ: Очерки и изслѣдованія М., 1884 г.

Гл. 5. Давидъ Рикардо.

(1772—1823).

При одномъ взглядѣ на портретъ Рикардо видно, что мы имѣемъ передъ собою незауряднаго человѣка; въ его физіономіи есть нѣчто необычайное, геніальное, то, что отличаетъ ли[redacted]напр., Бетховена, Шумана, Моцарта и др. По общему [redacted]женію, по чертамъ лица вы какъ бы предчувствуете, что передъ вами нѣчто выдающееся. Дѣйствительно, всѣ сочиненія Рикардо отмѣчены печатью необычнаго таланта и рѣзко выдѣляются изъ общепринятыхъ рамокъ. Какъ въ ряду другихъ экономистовъ, такъ и въ самой классической школѣ Рикардо занимаетъ особое положеніе, которое онъ сохраняетъ весь XIX вѣкъ и послѣ крушенія клас-

© "Научное наследие России"

сицизма. Такова сила воздѣйствія геніальнаго мыслителя на успѣхъ развитія знанія!

Давидъ Рикардо родился въ 1772 г., т. е. за 4 года до появленія книги Ад. Смита. Сынъ голландскаго еврея, эмигрировавшаго въ Англію, онъ не получилъ систематическаго образованія. Крестившись, оскорбивъ этимъ своего отца, правовѣрнаго еврея, Рикардо рано ушелъ изъ дому. Онъ начинаетъ заниматься торговыми и коммерческими дѣлами, но главнымъ образомъ играетъ на биржѣ. 25 лѣтъ отъ роду Рикардо былъ уже однимъ изъ крупнѣйшихъ лондонскихъ биржевыхъ дѣльцовъ, милліонеромъ.

Но въ одинъ прекрасный день онъ прекращаетъ биржевую игру и всякую коммерческую дѣятельность, селится въ своемъ имѣніи и посвящаетъ весь свой досугъ научнымъ занятіямъ, преимущественно естественнымъ наукамъ. Прочитавъ однажды „Изслѣдованіе причинъ богатства и бѣдности народовъ“ Адама Смита, Рикардо настолько заинтересовывается экономическими вопросами, что съ тѣхъ поръ всецѣло и навсегда посвящаетъ себя политической экономіи. То обстоятельство, что Рикардо былъ на биржѣ, положило очень ясный отпечатокъ на его дальнѣйшую дѣятельность и объясняетъ очень многое въ его теоріи. Находясь на биржѣ и наблюдая, какъ легко цѣнности переходятъ изъ рукъ въ руки, какъ почти абстрактно распредѣляется капиталъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, Рикардо могъ научиться столь же просто и абстрактно изображать экономическія отношенія людей. Анализъ практической жизни ему чуждъ. Рикардо путемъ сильнаго раціоналистическаго мышленія, путемъ отвлеченій и логики, теоретически возсоздаетъ весь по его мнѣнію основной хозяйственный процессъ окружающаго его соціальнаго строя. Рикардо даетъ при этомъ поразительно красивыя и изящныя построенія.

Было уже сказано, что Рикардо занялся политической экономіей подъ вліяніемъ книги Ад. Смита, оказавшаго сильное вліяніе и на самое развитіе Рикардо; потребовалось много времени, пока Рикардо смогъ освободиться отъ непосредственнаго воздѣйствія великаго шотландца. Рикардо выступаетъ впервые на литературномъ поприщѣ по денежному вопросу. Дѣло въ томъ, что въ 10-хъ годахъ 18 столѣтія Англія была усиленно занята валютными вопросами:

© "Научное наследие России"

въ тѣ дни здѣсь были серьезныя денежныя затрудненія и весь Лондонъ интересовался вопросами денежнаго обращенія. Экономистамъ необходимо было отстаивать золотые слитки, и вотъ въ ихъ защиту выступилъ Рикардо. Тонкое пониманіе вопроса, ясность и точность изложенія сразу сдѣлало Рикардо замѣтной величиной въ этой области. Естественно, что дальше молодой писатель вынуждается вступить въ полемику съ другими писателями по тому же вопросу.

Продолжая полемизировать по вопросамъ денежной системы, Рикардо въ то же время пишетъ „Начала политической экономіи", не думая сначала отдавать свое произведеніе на судъ публики. Но подъ вліяніемъ доводовъ своего друга Джемса Милля, отца знаменитаго экономиста, Рикардо рѣшается выпустить свой трудъ въ свѣтъ; правда, его побудили къ этому лишь спустя 15 лѣтъ послѣ написанія. „Начала" Рикардо, написанныя съ необыкновенной простотой, ясностью и законченностью, имѣли огромнѣйшій успѣхъ. Рикардо сталъ величайшимъ авторитетомъ у современниковъ. Въ Россіи также интересовались и изучали Рикардо [1]).

Сдѣлавъ многое для науки, Рикардо, однако, написалъ мало. Всѣ его сочиненія, составляющія всего одинъ только томъ, переиздавались неоднократно. Лучшимъ изданіемъ считается изданіе 1848 года. О самомъ Рикардо и его воззрѣніяхъ существуетъ обширная литература. Большинство сочиненій о немъ имѣютъ, однако, скорѣе въ виду приведеніе въ систему воззрѣній Рикардо, чѣмъ ихъ критику.

---

1) Нашъ экономистъ 60-хъ годовъ Жуковскій настолько увлекся Рикардо, что пытался даже перевести языкъ Рикардо на математическія формулы: такъ логически стройна вся теорія Рикардо Покойный московскій проф. А. И Чупровъ клалъ въ основу всего экономическаго образованія студентовъ текстуальное изученіе Рикардо Къ тому же тексты Рикардо у насъ хорошо извѣстны. Такъ имѣется прекрасный переводъ Н И. Зибера въ изданіи Пантелѣева. Недавно вышелъ другой переводъ издательства „Звено". Кромѣ того, имѣется сокращенный переводъ подъ редакціей М Щепкина и И. Вернера въ солдатенковской „Библіотекѣ экономистовъ".

О Рикардо у насъ въ высшей степени обстоятельно писалъ—Н И. Зиберъ въ своемъ трудѣ: „Д Рикардо и К Марксъ, въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ" Изъ болѣе второстепенныхъ изслѣдованій отмѣтимъ книгу Пытлаевскаго, изданную въ 1881 году въ Одессѣ; нѣкоторыя другія русскія работы о Рикардо указаны въ концѣ главы

Обратимся теперь къ самому Рикардо, къ его способу изложенія и къ его ученію. Обычный пріемъ, которымъ Рикардо излагаетъ вопросы, несложенъ: онъ беретъ нѣсколько основныхъ положеній и изъ нихъ путемъ строгой логики, дедукціи, выводитъ дальнѣйшее въ цѣльную и стройную систему. Отсюда, если вы принимаете одно изъ его основныхъ положеній, то логически принуждены принять и всѣ его воззрѣнія по данному вопросу: критика самихъ логическихъ построеній Рикардо почти невозможна. Лишь изрѣдка удается подмѣтить нѣкоторую шаткость, колебаніе въ изложеніи, но и это встрѣчается крайне рѣдко. Критика поэтому и не направляется на логическую сторону ученія Рикардо, а обращается къ самымъ основнымъ положеніямъ. Къ одному изъ такихъ основныхъ положеній Рикардо принадлежитъ его ученіе о цѣнности. Вслѣдъ за Смитомъ Рикардо различаетъ потребительную и мѣновую цѣнности. Мѣновая цѣнность свободно воспроизводимыхъ товаровъ опредѣляется затраченнымъ на производство этихъ товаровъ трудомъ: это обобщеніе наиболѣе простое и понятное для каждаго мыслящаго человѣка. Но Рикардо не говоритъ, что цѣнность опредѣляется исключительно трудомъ, онъ допускаетъ, что нѣкоторыя категоріи цѣнностей опредѣляются по иному принципу, по ихъ рѣдкости.

Современная критика установила, что Рикардо нѣсколько смѣшиваетъ трудъ съ издержками производства; это вопросъ, изъ-за котораго дальнѣйшіе изслѣдователи разошлись и который послужилъ краеугольнымъ камнемъ для равногласій. По Рикардо, трудъ опредѣляетъ цѣнность не всѣхъ товаровъ, а только части — свободно воспроизводимыхъ товаровъ, трудъ, являясь регуляторомъ среднихъ, а не рыночныхъ цѣнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть важнѣйшій, а не единственный регуляторъ этихъ среднихъ цѣнъ. Въ вопросѣ о цѣнности Рикардо не былъ оригиналенъ: связь между цѣнностью товаровъ и трудомъ еще до Рикардо устанавливали сэръ Вилльямъ Петти, Франклинъ, Юмъ, Стюартъ, Кантильонъ, Смитъ, но Рикардо дѣлаетъ новый шагъ — онъ сводитъ къ трудовому принципу всѣ явленія производства, логически объединяя ихъ въ одномъ цѣломъ и, кромѣ того, даетъ попытку выдѣлить въ особую проблему ученіе о распредѣленіи внѣ связи ея съ теоріей цѣн-

ЭБ "Научное наследие России"

ности, считая это даже основной задачей. „Опредѣлить законы, регулирующіе распредѣленіе, — говоритъ Рикардо въ предисловіи къ „Началамъ“, — составляетъ главную задачу политической экономіи“. Съ современной точки зрѣнія въ трудовой теоріи цѣнности у Рикардо отсутствуетъ этическій моментъ соціализма; это у него лишь методологическое допущеніе. Прибыль и заработная плата — это доли, на которыя, по Рикардо, распадается весь общественный доходъ. Эти доли взаимно противоположны, антагонистичны. Но Рикардо не дѣлалъ практическихъ выводовъ изъ обоснованныхъ имъ противоположенностей интересовъ труда и капитала.

Самый трудъ Рикардо разсматриваетъ какъ простой товаръ и не отличаетъ его отъ другихъ видовъ товаровъ. Что трудъ тѣсно связанъ съ личностью человѣка, — это Рикардо игнорируетъ. Трудъ оплачивается заработною платою, а капиталъ прибылью. И то и другое входитъ въ цѣну товара, но при этомъ чѣмъ больше прибыль на капиталъ, тѣмъ меньше заработная плата. Отношеніе ихъ обратно пропорціальное. Рикардо, высказывая это отнынѣ знаменитое положеніе, тѣмъ самымъ доказалъ все противорѣчіе, весь неустранимый антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Классовая борьба, борьба рабочихъ и капиталистовъ получила такимъ образомъ строго научное обоснованіе. Вопросъ поставленъ у него рѣзко и опредѣленно, но Рикардо не дѣлаетъ изъ него необходимыхъ соціально-политическихъ выводовъ.

Ученіе о заработной платѣ Рикардо формулируется слѣдующимъ образомъ; заработная плата опредѣляется цѣнностью (количествомъ) средствъ, необходимыхъ для существованія рабочихъ; но что такое представляетъ собою лицо, получающее заработную плату, — Рикардо не разсматриваетъ. Для него рабочій — лицо, не обладающее капиталомъ Тотъ, кто получаетъ заработную плату, тотъ продаетъ свой трудъ, какъ торговецъ, продающій свой товаръ. Заработная плата — это просто цѣна рабочей силы. Всякая цѣна колеблется подъ вліяніемъ спроса и предложенія; но имѣется одинъ общій уровень тяготѣнія—„естественная цѣна труда“. „Естественная цѣна труда, — говоритъ Рикардо, — та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ про-

ЭБ "Научное наследие России"

должению рабочаго рода". Рыночная цѣна труда не расходится на долго съ естественной. Если жизненные припасы дороги, то и заработная плата должна быть такая, чтобы человѣкъ могъ пропитаться. Если заработная плата повысится, то улучшится матеріальное положеніе рабочихъ, проснутся половые инстинкты, населеніе увеличится и заработная плата должна будетъ опять понизиться Если, наоборотъ, заработная плата понизится, то наступитъ большая смертность и заработная плата должна опять повыситься.

Такимъ образомъ у Рикардо имѣется не одна, а двѣ различныхъ теоріи заработной платы, — теорія фонда, которая говоритъ, что весь капиталъ страны надо дѣлить на населеніе и этимъ опредѣлится заработная плата, и „желѣзный законъ" заработной платы, такъ формулированный впослѣдствіи Лассалемъ, по которому цѣна труда не должна быть ниже издержекъ производства рабочей силы.

Наиболѣе интереснымъ у Рикардо является постановка вопроса о земельной рентѣ, данная имъ въ 1815 году. Земельная рента по Рикардо представляетъ собою доходъ землевладѣльца. Трудовая цѣнность, создаваемая рабочимъ, распредѣляется между капиталистомъ, получающимъ прибыль, и рабочимъ, получающимъ заработную плату. Землевладѣльцу достается уже часть изъ прибыли капиталиста (по Марксу — прибавочной цѣнности). Слѣдовательно, такъ же, какъ и прибыль, рента представляетъ собою нетрудовой доходъ; однако, сходная въ этомъ отношеніи съ прибылью, рента разнится отъ нея тѣмъ, что не зависитъ отъ заработной платы. Рента подчиняется своимъ особымъ законамъ Ея основаніе — неизбѣжное неравенство производительныхъ силъ природы на разныхъ участкахъ, ибо цѣна хлѣба опредѣляется стоимостью затратъ, обработки на наихудшемъ участкѣ, который не даетъ ренты. Рента можетъ существовать при землѣ и равнаго плодородія, но при условіи затратъ въ нее различнаго по размѣрамъ капитала, въ результатѣ чего будемъ имѣть неравную производительность послѣдующихъ затратъ. Благодаря большему спросу на хлѣбъ и повышенію цѣны, становится выгоднымъ увеличить затрату капитала. Болѣе раннія затраты даютъ избытокъ. Высокая рента не причина, а слѣдствіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Если бы землевладѣльцы

ЭБ "Научное наследие России"

отказались отъ ренты, цѣна бы на хлѣбъ не понизилась. Ибо, говоритъ Рикардо, „хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ".

Землевладѣльцы, такимъ образомъ, являются монополистами; они участвуютъ въ экономическомъ процессѣ по праву силы „Они жнутъ, гдѣ не сѣяли", по выраженію А. Смита. Но какъ и въ вопросѣ о соотношеніи прибыли и заработной платы, на этомъ Рикардо и останавливается. Логическій выводъ изъ его положеній, что землевладѣльцы, въ концѣ концовъ, враги общества, сдѣлали уже за него другіе, впослѣдствіи.

Современная наука можетъ уже многое возразить какъ противъ ограничительнаго Рикардовскаго пониманія земельной ренты, такъ и противъ самаго метода доказательства ея происхожденія. Рикардо выяснилъ происхожденіе земельной ренты, какъ экономическаго явленія, при помощи метода дифференціи изъ естественныхъ условій, что является методологической ошибкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не подмѣтилъ явленія абсолютной ренты, столь существенной и важной стороны вопроса, указанной позднѣе Карломъ Марксомъ. Отсюда все дальнѣйшее развитіе теоріи земельной ренты должно представлять собою постепенное освобожденіе отъ неправильностей и ошибокъ Рикардо.

Вообще же вся теорія Рикардо была далеко отъ практической жизни: онъ не зналъ ни исторіи Англіи, ни дѣйствительности своего времени. Историческая перспектива и картина развитія капитализма была ему совершенно чужда. Соціальный строй для Рикардо — нѣчто навсегда застывшее. Онъ проанализировалъ капиталистическое производство и рѣшилъ, что оно одинаково для всѣхъ временъ и народовъ; изъ Рикардовской абстракціи и создалась его теорія. Всѣ его положенія о рентѣ, прибыли капиталистовъ и заработной платѣ есть теоретизація того времени, когда жилъ Рикардо Для того времени капитализмъ въ Англіи былъ уже достаточно типиченъ. Картину условій своего времени Рикардо объяснилъ и выставилъ въ качествѣ общей структуры всей Европы.

Еще много раньше того времени, когда печатались сочиненія Рикардо, начали появляться и сочиненія, въ которыхъ относились съ состраданіемъ къ рабочему классу и

ЭБ "Научное наследие России"

въ которыхъ отмѣчали, что экономическая жизнь всюду не такъ благополучна, какъ утверждаютъ авторитетные экономисты Публицисты и государственные дѣятели начали уже давать новыя указанія, служащія предостереженіемъ оптимизму. Общественное мнѣніе начало прислушиваться къ нуждамъ низшихъ классовъ: ихъ положеніемъ заинтересовался и Рикардо. Онъ специально изучилъ вліяніе машинъ на рабочихъ и указалъ что на рабочій классъ машины производятъ вредное вліяніе. Вопросъ этотъ очень миніатюрная глава въ его сочиненіи, но она все же идетъ въ разрѣзъ съ его основными положеніями и стоитъ отдѣльнымъ эпизодомъ.

Идеи Рикардо послужили основаніемъ для сочиненій цѣлаго ряда экономистовъ — англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ и распространялись по всѣмъ странамъ. По „Началамъ" Рикардо учились, имъ подражали и ихъ развивали.

Сочиненія Рикардо въ хронологическомъ порядкѣ: 1) The high price of bullion a proof of the Depreciation of Bank Notes. 1809. 2) Reply to Mr Bosanquets „Practical Observations on the Report of the Bullion Committee" 1811 3) An Essay on the Influence of a low Price of corn on the profits of stock, with remarks on Mr Malthus last two publications 1815. 4) Proposals for an Economic and Secure Currency, with observations on the profits of the Bank of England 1816. 5) The Principles of Political Economy and Taxation. 1817. 2-ое изд. 1819, 3-ье изд. 1821. Новое изд E. C K. Gonner Лондонъ, 1895 французское изд. F. S Constancio Парижъ, 1819, 1835. Нѣмецкое изд. A Schmidt. Веймаръ 1821. Нѣмецк. изд E. Baumstark. Лейпцигъ. 1857 — 58. 6) Essay on the fonding system Encyclopaedia Britannica. 1820. 7) On protection to Agriculture. 1822 8) Speech on Mr. Western motion for a Committee to consider the effects produced by ther esumption of cash payments, delivered the 22 th of June, 1822. Посмертное произведеніе: Plan for the establishment of a national bank 1824. Парламентскія рѣчи. Изд. Hansard'a. Parlam. Debats. 1819—1823

Полныя собранія сочиненій Рикардо: The works of Ricardo. Изд. Y R Mac Culloch. Лондонъ. 1846. Oeuvres complètes de Ricardo. Парижъ. 1847. Тоже новое франц. изд., перев. Constancio et A. Fontegrand (Съ прим. I. B Say, Malthus, Sismondi, Ross, Blanqui и т. д). Парижъ. 1882. Principles of Political Economy and taxation, Conner'a. London, 1895, лучшее изданіе

О Рикардо и его воззрѣніяхъ писали: Jemment, H: Observations on Mr. Ricardo's Principles of political economy and taxation. Въ „The Pamphleteer" Томъ XXVII. Лондонъ. 1813. Thomson, Th. P.: Въ „The Pamphleteer" Томъ XXVII. Лондонъ. 1813 Jacob, W: A letter to S Whitbread, being a sequel to Considerations on the protection,

SS "Научное наследие России"

required by British Agriculture; to which are added remarks on the publications of Mr. Ricardo's Proposals for an Economical Currency. Лондонъ 1815 Torrens, R.: A comparative estimate of the effects wich a continuance and a removal of the restriction upon cash payments are respectively calculated to produce, with strictures on Mr Ricardo's proposal for obtaining a secure currency Лондонъ. 1819 Pinsent: Lettre to D Ricardo in answer to his speech of the 7h of March 1821, Лондонъ. 1821. Butler, T. W: A. reply to a Pamphlet published by David Ricardo on Protection to Agriculture Лондонъ 1822 Turner Considerations upon the agriculture etc. with observations on the pamphlet by D Ricardo entitled protection to Agriculture. Лондонъ. 1822 Reynolds, I S: Practical Observations on Mr Ricardo's Principles. Лондонъ. 1822. Sinclair. Answer, to a tract recently published by D Ricardo, an protection to Agriculture. Эдинбургъ 1822 Mill James: Некрологъ Рикардо въ „Morning Chronicle". Сент. 1823 и въ „Annual obituary". 1823. Porter Некрологъ Рикардо въ „The Peney Cyclopaedia". Лондонъ 1823 Quincey de: Dialogues of three templars Лондонъ 1824 Bailey: A critical Dissertation on the Nature of value. Chiefly in reference to the weritings of Mr Ricardo and his followers Лондонъ 1825 West: Price of corn and wages of labor; with observations upon Dr. Smith's, Ricardo's and Malthus' doctrines upon these subjects. Лондонъ. 1826. Ross, I. C.: An examination of theopinions maintained in the principles of D. Ricardo Лондонъ 1827. Mill, John Stuart· Chapters on Socialism „Fortnightly Review". Книга XXV. Лондонъ 1829 Jones, R·Essai on the Distribution of wealth Лондонъ. 1831. Leckie Review of the prohedings of the committee of the House of Commons on banks of issue. 1840 24 Его-же: An inquiry into the effects of the Bank restriction and the changes in the value, with an examination of the leading principles in the work on pol ec. of D Ricardo 1841 Craig, I.: Remarks on some fundamental doctrines of political economy Эдинбургъ 1844. Mc Culloch См. его введение къ полному собранію соч. и его трудъ·The literature of Political Economy. Лондонъ. 1845. Bernhard, Th. v: Versuch einer Kritik der Grunde, die fur grosses und kleines Grundeigentum angefuhrt werden. Спб 1849 Banfield: Six letters to the Right Hon. Sir R Peel. Bart being an attempt to expose the dangerous tendency of the Theory of Rent advocated by Mr Ricardo. Лондонъ 1853. Mc Culloch: Treatises and Essais on subjects connected with Economical Policy. with biographical sketches of Quesnay, A. Smith and Ricardo. Эдинбургъ 1853 Статья: Ricardo, соч. Garnier въ Dictionaire de l'Economie politique (Coquelin и Guillaumin). Парижъ 1853 Brougham: Lives of men of letters in time of George III. Т. II. Лондонъ. 1856. Trunk. Geschichte und Theorie der Lehre von der Grundrente, въ Jahrb, f. Nat. u. Staat. Т 6. (1866) и Т. 12 (1868). Berens: Versuch einer kritischen Geschichte der Grundrente. Москва. 1868. Adler, A.: Ricardo und Carey in ihren Ansichten über die Grundrente. Лейпцигъ, 1873. Carey, H. C· Principles of social Science 3 кн. Филадельфія. 1877. Held, A.: Zwei Bucher zur socialen Geschichte Englands Лейпцигъ 1881. Leser: Untersuchungen zur Geschichte der Nationalokonomie 1881 Nicholson: Tenant's Gain

not Landlord's loss. Эдинбургъ. 1883. Lexis, W.: Zur Kritik der Rodbertusschen Theorien въ Jahrb fur Nat.-Oekon. und Statistik N. Folge. IX, 1884 Brougham: Historical sketches of statesman who flourished in the time of George III Филадельфія. 1885 Todd, H.: The uncarred increment: observations on Ricardo's Theory of rent. Лондонъ. 1885. Cohn, Gustav Nationalökonomische Studien Стр 641 Штутгартъ. 1886. Dunbar The Reaction in Political Economy in Quarterly Jonrnal of Economics. Кн. I. Бостонъ 1887. Brentano: Die klassische Nationalokonomie Лейпцигъ 1888. Horton, D The portig of Moneys, as regarded by A. Smith, Ricardo and Mill. Лондонъ. 1888 Posnet: The Ricardian theory of rent. Лондонъ. 1888 Zuckerhandl.: Zur Theorie der Preise. Лейпцигъ. 1889. Patten. Malthus und Ricardo. Балтимора. 1889. Block: Le progrès de la Science Economique depuis A. Smith. Парижъ 1890. 60 Stuart Verijn: Ricardo en Marx. Гаага 1890. Aschley: The rehabilitation of Ricardo. Въ „Economic Journal". 1891 за сент. Rae, John: Contemporary Socialism. Лондонъ 1891. Nouveau Dictionaire d'économie politique Парижъ. 1892 (Статья: Ricardo, соч Vidal-Naquet, Patten: The Development of English thought Нью-Іоркъ 1893. Стр, 303—311 Cannan: A history of the theories of production and distribution in english political economy from 1776—1848 Лондонъ 1894 Hollander: Some unpublished letters of D. Ricardo (Quarterly Journal of Economics). Іена 1896 Diel. Socialwissenschaftliche Erlauterungen zu David Ricardo's Grundgesetzen der Volkswirtschaft und Besteuerung I. Theil 2-te Aufl Leipzig. 1905. Oppenheimer, Franz: David Ricardo's Grundrententheorie. Berlin, 1909.

На русскомъ языкѣ о Рикардо писали Зиберъ: Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ 1894. Энциклопедическій словарь Брокгауза. Т 26. Стр. 696—98. (Статья М С—въ) см. также общіе курсы по исторіи политической экономіи

Гл 6. Остальные послѣдователи классической школы.

Помимо Мальтуса и Рикардо идеи А. Смита развивали: Джемсъ Милль (1777—1830), Джонъ Стюартъ Милль (1806—1833), Джонъ Эллiотъ Кэрнсъ (1824—1875), Генри Кэри (1793—1879) и др. При этомъ школа А. Смита развивалась въ двухъ направленіяхъ—въ пессимистическомъ, куда принадлежатъ Рикардо, Мальтусъ и ихъ единомышленники и въ оптимистическомъ, во главѣ котораго были фритредеры Сэй и Бастіа. Они разрабатывали высказанныя Смитомъ положенія, согласно своей субъективной оцѣнкѣ. При этомъ взгляды Рикардо и Мальтуса повліяли на теорію науки, на ходъ ея дальнѣйшаго развитія, а воззрѣнія Сэя и Бастіа — на законодательство и правительство. Смитіанцы разныхъ оттѣнковъ, такимъ образомъ, какъ бы раз-

ЭБ "Научное наследие России"

дѣлили между собою область вліянія. Въ итогѣ, классическая школа разрослась и укоренялась въ Европѣ. Позднѣе потребовалось много усилій для того, чтобы освободиться отъ „смитіанства“. Это „освобожденіе“ шло различными путями; впереди другихъ необходимо упомянуть разложеніе, начавшееся внутри классической школы, т. е. среди самихъ смитіанцевъ.

Движеніе начинается въ Соединенныхъ Штатахъ [1]), въ лицѣ Кэри [2]). Кэри, кстати сказать, по своимъ взглядамъ настолько близко подходитъ къ Бастіа, что нѣкоторые считали его даже плагіаторомъ.

Американецъ Генри Кэри (1793—1879) родился въ 1793 году въ Филадельфіи. Онъ былъ сыномъ ирландскаго книгопродавца, засадившаго его съ 12 лѣтъ за прилавокъ Разбогатѣвъ Кэри посвятилъ себя наукѣ, гдѣ быстро выдвинулся. Кэри скончался въ 1879 году въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ провелъ почти всю свою жизнь.

Число его сочиненій очень велико. Главнѣйшее изъ нихъ: „Principles of social sciense“, 3 тома, 1858—59 г. [3]). Воззрѣнія Кэри въ теченіе его жизни не претерпѣвали эволюціи. Его неумѣренно превознесъ Дюрингъ. Кэри не первый американецъ, выдвинувшійся въ политической экономіи До него тамъ въ этой области были извѣстны: Бенжанмэнъ-Франклинъ, принадлежавшій къ числу послѣдователей, но сравнительно независимыхъ, Адама Смита [4]), а также Александръ Гамильтонъ, написавшій „Отчетъ, представленный въ палату депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ“ (1791) [5]). Здѣсь излагаются Гамильтономъ тѣ мѣропріятія, при помощи которыхъ, по его мнѣнію, можно было бы поднять туземную промышленность. Онъ критикуетъ смитову свободу торговли, которую считаетъ осуществимою только тогда, когда она

---

[1]) Нѣкоторые считаютъ родоначальникомъ антисмитовскаго движенія лорда Лодэрдэля („изслѣдованіе о природѣ и происхожденіи общественнаго богатства“ 1804). См. А. Мануйловъ: Понятіе о цѣнности по ученію экономистовъ классической школы М 1901, стр. 62

[2]) О Кэри писали Ienks, I W: Henry C. Carey als Nationalokonom. Iena, 1885, Held, A.: Carey und das Merkantilsystem. Вюрцбургъ, 1866.

[3]) На нѣмецкій языкъ сочиненія Кэри перевелъ Адлеръ. („Handbuch der Socialwissenschaften“, Мюнхенъ. 1868.

[4]) Hildebrand, R: Benjamen Franklin въ „Jahrbuch fui National-Oeconomie“ за 1864 г.

[5]) Hamilton, A.: Reports presented to the House of Representative of the United States.

ЭБ "Научное наследие России"

будетъ одновременно принята во всѣхъ странахъ. Думая, что благосостояніе страны быстрѣе поднимется отъ фабрикъ, чѣмъ отъ процвѣтанія земледѣлія, онъ высказывается въ пользу протекціонной системы для Америки. Къ тому же самому пришелъ впослѣдствіи и Кэри, стоявшій первоначально на почвѣ свободной торговли. Здѣсь Кэри совершенно отклоняется отъ воззрѣній Бастіа, бывшаго болѣе послѣдовательнымъ.

Необходимо отмѣтить воззрѣнія Кэри на народное богатство, рабочій вопросъ, деньги, земельную ренту и теорію Мальтуса, протекціонизмъ [1]).

Кэри полагаетъ, что народное богатство измѣряется не мѣновой цѣнностью а полезностями жизни, предлагающимися населенію. Между мѣновой и потребительной цѣнностями противорѣчіе, не сознанное классическою школою. Съ прогрессомъ культуры, по его мнѣнію, создается все больше потребностей, подымающихъ благосостояніе, но все съ меньшею мѣновою цѣнностью (больше и дешевле). Новыя машины удешевляются, благосостояніе усиливается, положеніе массъ улучшается.

Кэри даетъ свое опредѣленіе цѣнности. Цѣнность, по Кэри, мѣра господства человѣка надъ природою. Цѣнность опредѣляется противодѣйствіемъ, которое нужно преодолѣть, чтобы овладѣть предметомъ. Чѣмъ больше человѣческая сила,—тѣмъ меньше цѣнность вещей. Цѣнность опредѣляется не стоимостью производства (Рикардо), а созданіемъ. При открытіи новой стали — вся сталь разцѣнивается уже по этой новой цѣнѣ.

Положеніе рабочаго класса, по взглядамъ Кэри, постепенно улучшается. Прежде рабъ, затѣмъ крѣпостной, нынѣ вольно-наемный—рабочій пользуется громаднымъ вліяніемъ. Въ то время какъ доля капиталиста падаетъ, доля рабочаго возрастаетъ. Достигается не только свобода и

---

[1]) Сочиненія Кэри: Essay on the Rate of Wages 1835.—Harmony of Nature. 1836 —Principles of Political Economy 3 т. 1837—40 —The Credit System in France, Great Britain and the United States. 1838.—Answers to the Questions. 1840.—The Post, The Present and the Future 1848 — Harmony of Interest, Agricultural, Manufacturing and Commercial. 1850 —Slave Trade, Domestic and Foreign. 1853 —Principles of Social Science 3 т. 1858—59 —Letters to the President on the foreign and domestic Policy of The Union 1858.—Manual of Social Science, edit. by M Mc. Kean. 1864.—The way to Qutdo England without Fighting her 1865 — The Unity of Law. 1872.

ЭБ "Научное наследие России"

самостоятельность, но и вліяніе на народное хозяйство и государство. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ.

Деньги, по мнѣнію Кэри,—инструментъ для циркуляціи. Но ростъ ихъ непосредственно отражается на ходѣ народнаго хозяйства. „Предметы потребленія,—говоритъ Кэри,—всегда стремятся покинуть тѣ мѣста, въ которыхъ они имѣютъ наименьшую полезность и наибольшую цѣнность, и отыскиваютъ тѣ, въ которыхъ цѣнность наименьшая и полезность наибольшая". Сырой матеріалъ денегъ стремится поэтому отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пища и шерсть дешевы, а ткани и желѣзо дороги, къ мѣстамъ, гдѣ первые дороги, а послѣдніе дешевы. Благородные металлы всегда стремятся къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ цѣны на сырыя произведенія и фабричныя издѣлія наиболѣе сближаются; способность располагать услугами этихъ металловъ есть очевидный признакъ преуспѣвающей цивилизаціи. Съ возрастаніемъ количества денегъ—сырье становится дороже, мануфактура дешевле (Кэри, гл. XXIV). Кэри возстаетъ противъ теоріи земельной ренты Рикардо. Онъ утверждаетъ, что наблюденія въ Штатахъ показываютъ совершенно противоположное, чѣмъ утверждалъ Рикардо; Кэри объясняетъ ренту не изъ разницы цѣнъ. Рента, по Рикардо, появляется, когда приходится обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества, послѣ того какъ всѣ лучшія земли заняты; хлѣбъ собранный на лучшихъ земляхъ, произведенъ съ наименьшей затратой труда и потому даетъ излишекъ, который и образуетъ ренту. Кэри не соглашается съ этимъ. Наблюденія въ Америкѣ показываютъ, что происходитъ какъ разъ наоборотъ. Піонеры вначалѣ селились здѣсь на худшихъ мѣстахъ и затѣмъ уже переходили въ другія мѣста, лучшія, но которыя уже требуютъ примѣненія машинъ. Когда такія мѣста были захвачены—обратились къ самымъ лучшимъ, къ самымъ плодороднымъ мѣстамъ, преимущественно лѣсистымъ, гдѣ требуется не только примѣненіе машины, но и затрата капитала. Такъ было въ Америкѣ и жизнь населенія тамъ шла иначе, чѣмъ указываетъ Рикардо. Вначалѣ люди жили плохо, говоритъ Кэри, затѣмъ лучше и только въ третій періодъ живутъ превосходно, такъ какъ получаютъ наиболѣе высокую заработную плату. Основываясь на наблюденіяхъ жизни въ Америкѣ, Кэри доказываетъ ошибочность взглядовъ Рикардо.

ЭБ "Научное наследие России"

Кэри возражалъ также и Мальтусу и энергично возставалъ противъ положенія, что чѣмъ меньше людей, тѣмъ лучше имъ живется. Люди, когда были дикими, жили плохо; но чѣмъ больше проявлялось сожительство и общежитіе, тѣмъ людямъ становилось жить лучше. Взять, напримѣръ, средніе вѣка, средневѣковый городъ... жизнь не была хорошей потому, что людей было мало. обмѣнъ былъ незначителенъ, такъ какъ трудно было передавать вещи изъ одной страны въ другую. По мѣрѣ же развитія населенія, общеніе людей увеличивается, культура развивается, и жизнь человѣка становится все лучше и лучше. Такимъ образомъ Кэри смотритъ на Божій міръ болѣе оптимистически, чѣмъ мрачно настроенные Рикардо и Мальтусъ. Послѣдніе вынесли такой пессимизмъ изъ наблюденій надъ Англіей. Кэри же наблюдаетъ Америку и приходитъ къ противоположнымъ выводамъ. Очевидно, Мальтусъ и Рикардо указали не общіе законы природы. а лишь представили теоретизацію мѣстныхъ англійскихъ условій того времени, какъ въ сущности сдѣлалъ и Кэри для Америки.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что производится опытъ на опредѣленномъ пространствѣ, въ опредѣленное время, и дѣлается соотвѣтственный выводъ, который приложимъ только къ частному случаю, а его прилагаютъ къ общему ходу экономической исторіи. Такая ошибка повторяется часто.

Любопытно отношеніе Кэри къ свободной торговлѣ. Если бы Кэри былъ вполнѣ послѣдователенъ, то онъ долженъ былъ бы требовать полнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь. Въ началѣ, въ своемъ „Principles of social science“, Кэри, дѣйствительно, является полнымъ сторонникомъ свободы торговли. Но впослѣдствіи круто измѣняетъ въ этомъ вопросѣ свои взгляды. Въ то время очень громадное вліяніе имѣли взгляды Юстуса фонъ-Либиха, который высказалъ взгляды на истощеніе земли. Онъ говорилъ. что если не возобновлять экстрагированнаго, то почва будетъ постепенно истощаться, такъ что минеральное содержаніе растеній, самый хлѣбъ—тотъ же капиталъ. Вывозъ хлѣба заграницу можетъ вызвать, такимъ образомъ, истощеніе почвы. На этомъ и основывается протекціонизмъ Кэри. Защищая эту точку зрѣнія, Кэри сталъ требовать запрещенія вывоза хлѣба и доказывалъ, что этого можно достигнуть различными таможенными заставами. Точку зрѣ-

ЭБ "Научное наследие России"

нія Кэри можно представить себѣ такимъ образомъ. Между двумя странами существуетъ обмѣнъ продуктовъ земледѣлія на предметы мануфактурной промышленности. Отъ такого круговращенія нельзя ждать обоюднаго благосостоянія, такъ какъ въ этой странѣ, гдѣ господствуетъ земледѣліе, отъ вывоза хлѣба истощается почва Поэтому этотъ процессъ обмѣна долженъ происходить только внутри земледѣльческаго государства. Поэтому Кэри и возставалъ противъ вывоза хлѣба заграницу. Это — главнѣйшія точки зрѣнія Кэри.

Помимо очень остроумнаго изложенія своего ученія, Кэри любопытенъ еще тѣмъ, что обладалъ громаднымъ естественно-научнымъ и философскимъ образованіемъ. Читая его произведенія, вы видите, что это не заурядный экономистъ; по его воззрѣніямъ—наука переводчица природы, а экономическая наука даетъ человѣку власть надъ природой. Поэтому понятно его вліяніе на американцевъ; протекціонизмъ Америки создался подъ вліяніемъ Кэри и заимствованъ былъ Европой. Особенно сочувственный отзвукъ нашелъ Кэри въ Германіи, гдѣ классическая школа утвердилась нѣсколько позднѣе.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ VIII-ой.

Начало оппозиціи классицизму.

До сихъ поръ приходилось говорить только объ экономистахъ французахъ, англичанахъ, испанцахъ, итальянцахъ и ни разу о нѣмцахъ. Послѣдніе въ качествѣ руководящаго элемента появляются въ экономической литературѣ только съ 19 столѣтія.

Конечно нѣмецкіе писатели высказывались по экономическимъ вопросамъ и раньше, но они, по признанію самихъ же нѣмецкихъ авторитетовъ, были совершенно лишены оригинальности. „Ee fehlte durchaus an Originalität", какъ сказалъ проф. Конрадъ [1]). Англійскіе классики, особенно въ духѣ Смита, начали здѣсь свое неотразимое вліяніе на экономистовъ. Послѣдніе занимались лишь тѣмъ, что добросовѣстно комментировали Смита или Рикардо. Но нѣмецкая наука, дѣлаетъ исключеніе для одной школы,—хотя и мало любопытной въ теоретическомъ отношеніи,—романтической, представителями которой являются Адамъ Мюллеръ (1779—1829) и К. фонъ-Галлеръ. Эта школа считала, что въ основѣ ученія Адама Смита лежитъ неправильное представленіе объ обществѣ—анатомическое,—безнравственный матеріализмъ. Но какъ же можно достигнуть благосостоянія? Надо вернуться назадъ, въ средніе вѣка, къ средневѣковому хозяйству, нѣсколько улучшенному; тогда и получится вполнѣ хорошій и правильный строй. Мюллеръ былъ клерикаломъ и большимъ крѣпостникомъ; родился въ Берлинѣ, центрѣ протестантизма, принялъ католичество и переѣхалъ въ Австрію. Въ

---

1) Conrad: Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. I. Theil, Iena, 1900 г. Стр. 345

ЭБ "Научное наследие России"

сущности, ни А. Мюллеръ ни ф.-Галлеръ никакого вклада въ науку не сдѣлали.

Но важный поворотъ наступаетъ въ развитіи экономической мысли въ Германіи и въ отношеніи послѣдней къ англійскому классицизму съ появленіемъ Фридриха Листа (1189—1846).

Листъ очень интересная фигура самъ по себѣ. Его жизнь прошла очень бурно. Онъ былъ профессоромъ, депутатомъ, промышленникомъ и всю жизнь провелъ въ борьбѣ. Любопытна здѣсь та безжалостность, съ которой онъ относился къ благамъ жизни, и то упорство, съ которымъ онъ боролся. Онъ также возсталъ противъ смитіанства, особенно противъ основной его идеи—космополитизма По мнѣнію Листа, каждая страна подчиняется своимъ законамъ и должна имѣть свою собственную національную систему. Свою политическую экономію онъ такъ и озаглавилъ: „Національная система политической экономіи". Онъ много говоритъ о производительныхъ силахъ каждой страны, указываетъ, что должны быть проведены желѣзныя дороги, каналы, ратуетъ за устройство таможеннаго союза и является однимъ изъ отцовъ его; Листъ произноситъ много рѣчей и въ концѣ концовъ прививаетъ нѣмцамъ идею національнаго единства.

Съ особенной страстностью Листъ говоритъ о таможенныхъ пошлинахъ и о протекціонизмѣ. Онъ считаетъ, что свободная торговля—идеалъ, къ которому можно только приближаться, что протекціонизмъ и свободная торговля относительны, что для Германіи и Америки нуженъ протекціонизмъ, для Англіи—возможно свободная торговля.

Каждая страна,—говоритъ Листъ,—развивается постепенно; имѣются періоды или стадіи развитія: пастушескій, земледѣльческій, земледѣльчески-промышленный, и земледѣл.-промышл.-торговый. При земледѣльческомъ періодѣ требуется протекціонизмъ, при торговомъ и земледѣльческій—тоже, а для странъ, гдѣ наступилъ послѣдній періодъ—мануфактурно-торговый,—протекціонизма не нужно. Англія находится въ этомъ послѣднемъ періодѣ и потому не нуждается въ протекціонизмѣ, а Германія и Россія нуждаются. Листъ, такимъ образомъ, признаетъ свободную торговлю лишь въ извѣстной степени, между тѣмъ, какъ его послѣдователи, „листіанцы", ее абсолютно отрицаютъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Изъ другихъ взглядовъ Листа любопытны: стремленіе къ уничтоженію табачной и соляной регалій, желаніе продать въ частныя руки всѣ домены, стремленіе уничтожить косвенные налоги и пламенная защита устройства путей сообщенія.

Книга Листа пришлась ко двору во всѣхъ странахъ европейскаго континента; всѣ видѣли, что Англія процвѣтала, и надѣялись на такое процвѣтаніе и у себя. Государственная власть повсемѣстно сдѣлалась сторонницею взглядовъ Листа. Книга Листа написана очень живо, сильно, снабжена крикливымъ предисловіемъ, читается легко. Если ее прочесть, то станетъ видно, какъ въ основу политики Листа легли національныя идеи, какъ постепенно изъ взглядовъ антисмитіанскихъ выработались положенія дѣйствительной практической жизни. Такимъ образомъ, всѣ экономисты, которые стоятъ на теоретической точкѣ зрѣнія А. Смита, по своимъ практическимъ выводамъ отъ него уклоняются. Оппозиція ихъ—очень смѣлая и рѣзкая не могла, въ концѣ концовъ, не поколебать престижа А. Смита. Почти единовременно подобная же оппозиція появляется и во Франціи, гдѣ она связывается съ именемъ Симонда де Сисмонди (1773—1842).

Біографія Сисмонди очень несложна. Онъ родился 9-го мая 1773 года въ Женевѣ, гдѣ провелъ почти безвыѣздно и всю свою жизнь. Деревенская жизнь въ окрестностяхъ Женевы и тихая кабинетная работа—вотъ образъ жизни Сисмонди. Онъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, посвятившимъ всю свою жизнь наукѣ.

Какъ ученый, Сисмонди отличался оригинальными взглядами, выдѣлявшими его изъ главной массы современниковъ, внѣ группировки и теченій которыхъ онъ всегда стоялъ. Въ силу своихъ обширныхъ трудовъ и рѣдкой эрудиціи онъ былъ приглашаемъ въ Виленскій университетъ и въ Сорбонну, но скромный ученый отказался отъ профессуры, боясь, что жизнь въ Россіи и Франціи не дастъ ему условій для свободной работы мысли. Въ 1800 году онъ былъ секретаремъ торговой камеры въ департаментѣ „Леманъ“, какъ тогда называлась присоединенная къ Франціи Женева. Въ 1815 году Сисмонди посѣтилъ Лондонъ, какъ разъ въ разгарѣ промышленнаго кризиса.

Сочиненій Сисмонди написалъ очень много. Ими, безъ

ЭБ "Научное наследие России"

преувеличенія, можно наполнить цѣлый шкафъ; одна его „Исторія Франціи“ представляетъ собою трудъ въ 31 томъ; „Исторія Италіи“—тоже объемиста.

Наиболѣе типичнымъ изъ экономическихъ воззрѣній Сисмонди является его ученіе о доходѣ, объ отношеніи дохода къ производству и населенію, о кризисахъ и рынкахъ. Сисмонди полагаетъ, что по мѣрѣ развитія капитализма, производство обгоняетъ потребленіе. Пролетаризированная, въ силу того же процесса, страна не даетъ необходимаго избытка потребителей, а внѣ ея грозитъ конкурренція другихъ, выступающихъ съ тѣмъ же запросомъ, капиталистическихъ странъ. Возникаетъ грозный вопросъ о внутреннемъ рынкѣ, который, такимъ образомъ, въ силу появленія капитализма, сокращается [1]). Этому способствуетъ и разореніе мелкаго производства. Въ итогѣ, отъ капиталистическаго производства —„потеря для всѣхъ, уменьшеніе національнаго дохода, которое въ слѣдующемъ году поведетъ къ уменьшенію общаго потребленія“ (Сисмонди, I, 344).

Послѣдующая экономическая теорія доказала, что Сисмонди былъ неправъ: развитіе капитализма вообще и фермерства, въ частности, не сокращаетъ, а создаетъ внутренній рынокъ. „Сисмонди, бившійся надъ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ отношенія капитала къ доходу и на самомъ дѣлѣ обративший особую формулировку этого отношенія въ differentia specifica своихъ „Nouveaux Principes“, не сказалъ ни одного научнаго слова, не внесъ ни одного атома въ разрѣшеніе проблемы“. (Marx, Das Kapital, II, 385, 1-ое изд.). Капитализмъ,—говоритъ Сисмонди,—пріучилъ рабочаго жить отъ субботы до субботы, не заботясь о будущемъ. „Въ рабочемъ притупили, такимъ образомъ, нравственное чувство симпатіи“. (266). „Супружеское благоразуміе“ тутъ не находитъ мѣста. „Дѣти рождаются только для нищеты и для порока“. Противъ такого положенія вещей должны возстать и „религіозная мораль“, на обязанности которой

---

[1]) „Итакъ, вслѣдствіе концентраціи имуществъ у небольшого числа собственниковъ, внутренній рынокъ все болѣе и болѣе сокращается, и промышленности все болѣе и болѣе приходится искать сбыта на внѣшнихъ рынкахъ, гдѣ ей угрожаютъ великія революціи“ (Сисмонди, I, 361).

ЭБ "Научное наследие России"

проповѣдь брачнаго цѣломудрія, и административная мудрость, доженствующая „не обманывать людей надеждою на независимое положеніе“. Всего этого, конечно, не было, „когда соціальная организація не отдѣляла класса трудящагося отъ класса владѣющаго какой-нибудь собственностью“. Тогда „одного общественнаго мнѣнія было достаточно для предотвращенія язвы нищества“. „Въ это хорошее время“ для земледѣльца—продажа наслѣдія его отцовъ. для ремесленника—растрата его маленькаго капитала всегда заключала въ себѣ нѣчто постыдное“. Но въ современномъ строѣ, „люди, осужденные не имѣть никогда никакой собственности“, не могутъ испытывать чувства стыда при обнищаніи. Вообще и деализація мелкой собственности особенно типично для Сисмонди и проникаетъ все его міровоззрѣніе.

Сисмонди не раздѣляетъ взглядовъ Рикардо на р е н т у. Онъ опровергаетъ взгляды Рикардо и полагаетъ, что перенесеніе на земледѣліе категорій товарнаго хозяйства и капитализма — недопустимо. Онъ разсматриваетъ ренту (le fermage) такъ же, какъ и физіократы, какъ чистый „продуктъ“ (produit net), какъ „трудъ природы“ и наивно полагаетъ, что рента „не отнимаетъ никакой доли ни у фермера ни у потребителя“ (I, 312). Надъ всѣмъ этимъ покоится идеализація патріархальныхъ отношеній мелкаго земельнаго собственника, крестьянина.

Стоя на и с т о р и ч е с к о й почвѣ, Сисмонди пересмотрѣлъ ученіе Смита и сравнилъ его выводы данными реальной дѣйствительности. Итоги этой работы онъ и опубликовалъ въ своей „Политической экономіи“. Значеніе этихъ сочиненій было огромно. Взгляды Сисмонди были новыми и расходились съ общепринятыми. Въ итогѣ Сисмонди выступаетъ въ роли горячаго критика смитіанскаго оптимизма, а это въ его время была большой заслугой.

Сисмонди оцѣниваетъ новый строй не съ точки зрѣнія Смита,—съ точки зрѣнія роста общей суммы національнаго богатства, — а съ новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія б л а г о п о л у ч і я б о л ь ш и н с т в а населенія. Національное богатство и народное благосостояніе для Сисмонди далеко не одно и то же. Капитализму Сисмонди даетъ о т р и ц а т е л ь н у ю о ц ѣ н к у. Свою критику онъ обосновываетъ массою историческихъ ф а к т о в ъ, рисующихъ губительное

ЭБ "Научное наследие России"

вліяніе крупной промышленности на массы англійскаго народа. Кризисъ, по Сисмонди, результатъ недостаточнаго потребленія. Критика его мягче и слабѣе глубокихъ и обобщающихъ замѣчаній соціалистовъ, но зато болѣе обоснована, болѣе „документальна“.

Капиталистическій строй, по мнѣнію Сисмонди, обладаетъ слѣдующими ему присущими недостатками: отсутствіе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ и отсутствіе равновѣсія между ростомъ національнаго дохода и ростомъ населенія. Этимъ объясняются кризисы и пауперизмъ.

Теорія кризисовъ, теорія, объясняющая кризисы недостаткомъ потребленій, Сисмонди замѣчательна и имѣла глубокое вліяніе на науку. Рикардо и Сей игнорируютъ дѣйствительную цѣль всякаго хозяйства; по Сисмонди же, богатство — не цѣль, а средство для удовлетворенія нашихъ потребностей. Конечная же цѣль хозяйства заключается въ потребленіи. Воззрѣнія Сисмонди вошли въ ученіе Родбертуса, Геркнера, Дюринга, а у насъ воззрѣній Сисмонди придерживаются проф. А. А. Исаевъ и В. В. (Воронцовъ). Нѣкоторые утверждаютъ, что Сисмонди оказалъ большое вліяніе даже и на Маркса; но Туганъ-Барановскій, въ своей теоріи кризисовъ, находитъ, что Сисмонди оказалъ большее вліяніе на Родбертуса, чѣмъ на Маркса.

По своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ Сисмонди былъ „умѣреннымъ либераломъ“; противникомъ и абсолютизма и всеобщихъ демократическихъ выборовъ въ Женевѣ, былъ скромнымъ романтикомъ, и потому идеалъ видѣлъ не въ будущемъ, а въ возвращеніи назадъ къ патріархальному крестьянскому хозяйству, къ тому, что онъ видѣлъ въ Швейцаріи: мелкому производству, мелкой собственности, землевладѣнію, къ кустарнымъ и ремесленнымъ промысламъ и т. п. Будучи врагомъ капитализма, онъ рекомендовалъ то мелкое хозяйство, среди котораго жилъ самъ, т. е. то, которое у насъ рекомендуютъ народники: мелкую крестьянскую собственность, кустарные промыслы и т. д. Но такъ какъ капитализмъ есть уже фактъ, то надо смягчить формы его проявленія. Для этого Сисмонди предлагаетъ цѣлую программу, развитую въ послѣдствіи въ воззрѣнія катедеръ-соціализма.

ЭБ "Научное наследие России"

Ученіе Сисмонди, особенно въ первой части имѣетъ связь съ ученіемъ нашихъ народниковъ. Идеи Сисмонди въ 20-хъ годахъ были распространены у насъ, равно какъ и всѣ другія народническія идеи перенесены къ намъ изъ Франціи, съ Запада, находя у насъ подходящую почву. Сисмонди оказалъ вліяніе на Гакстгаузена, вліяніе котораго сказалось на Чернышевскомъ, а послѣдній въ свою очередь, оказалъ вліяніе на В. В. Такимъ образомъ, наши народники имѣютъ преемственную связь съ Сисмонди.

Важнѣйшія сочиненія Сисмонди (экономическія): 1. Tableau d'agriculture toscane Женева, 1801. 2. De la richesse commerciale ou principes de l'économie politique, appliqués à la législative du commerce. 2 т Женева, 2 изд Парижъ, 1837 3. Mémoire sur le papier monnaie dans les États autrichiens et de smoyens de le supprimer. Веймаръ, 1810. 4 Nauveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population, 2 т. Парижъ, 1819 (то же 1827).5 Études sur l'économie politique т. Парижъ, 1836/1837.

О Сисмонди писали Elster, L „Simonde de Sismondi" въ Jahb. fur Nation Oekon за 1887 г. (N. F. т. XIV) Lippert: „Sismondi", Handworterbuch der Staatswissenschaften, томъ VI (2 Auf., 1901), стр 747 Spahn, C. Der socialpolitische Standpunkt der Schweiz. Nationalokonomen Simonde de Sismondi. Шаффгаузенъ, 1886 Fournier de Flaix: „Simonde de Sismondi" въ „Neuveau dictionnaire d'économie politique", Т II, Парижъ, 1892. Aftalion: L'ouvre économique de Sismondi. Парижъ, 1899.

На русскомъ языкѣ о Сисмонди писали: Эфруси, Б: „Социально-экономическія воззрѣнія Сисмонда де Сисмонди", въ жур. „Рус. Богатство", 1896 г., кн. 7 и 8. Ильинъ, В: Къ характеристикѣ экономическаго романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты). Статья въ сборникѣ статей того же автора „экономическія этюды и статьи" СПБ, 1899.

Въ Германіи однимъ изъ первыхъ критиковъ классической школы, впрочемъ, все еще стоящимъ на ея основоположеніяхъ является оригинальный и замѣчательный экономистъ Іоганнъ Генрихъ фонъ Тюненъ (1783—18).

Личность Тюнена вполнѣ своеобразна. Скромный мекленбургскій помѣщикъ, онъ терпѣливо и осторожно производилъ въ теченіе долгихъ лѣтъ рядъ естественно-научныхъ и статистико-экономическихъ наблюденій и опытовъ въ своемъ имѣніи Телловъ. Этимъ путемъ Тюненъ желалъ провѣрить основныя положенія экономической науки, между прочимъ, такъ наз. „законъ падающаго плодородія почвы". Его агрономическія изысканія, дѣлавшіяся въ духѣ Либиха

и Теэра, печатаются въ "Анналахъ" мекленбургскаго сельскохозяйственнаго общества, а важнѣйшія экономическія наблюденія сведены въ его замѣчательномъ трудѣ: „Изолированное Государство" (Der isolirte Staat).

По счастливой случайности трудъ ф. Тюнена съ момента его выхода въ свѣтъ замѣченъ; книга была встрѣчена громаднымъ сочувствіемъ и скоро получила оцѣнку и признаніе. Оригинальность, логичность и гуманность воззрѣній Тюнена была отмѣчена всѣми экономистами Германіи. Рау, Рошеръ, Нелферихъ и Баумстаркъ познакомили публику съ выводами Тюнена Особенно высоко цѣнилъ его Родбертусъ. „Двѣ вещи, — говоритъ онъ, — внесъ Тюненъ въ политическую экономію, — во-первыхъ, число и формулу. во-вторыхъ — сердце. У Тюнена строгій методъ соединяется съ человѣколюбивымъ сердцемъ — дары рѣдко соединенные".

„Der isolirte Staat" представляетъ собою крайне самобытное изслѣдованіе, посвященное основнымъ вопросамъ экономіи сельскаго хозяйства. Здѣсь въ первой части разбирается связь между мѣстоположеніемъ хозяйства и зависимостью его системы производства отъ мѣста сбыта, и устанавливается понятіе земельной ренты, вторая часть посвящена заработной платѣ, проценту, цѣнности и земельной рентѣ. Особенно внимательно разбирается соотношеніе между заработною платою и высотою процента, третья часть труда посвящена экономіи лѣсного хозяйства. Всѣ свои разсужденія и положенія Тюненъ производитъ при помощи соотвѣтствующихъ математическихъ выкладокъ, поэтому весь трудъ полонъ цифръ и формулъ, затрудняющихъ знакомство его труда въ широкихъ кругахъ читающей публики.

Другою характерною особенностью анализа Тюнена является своеобразный методъ его разсужденій. Для выясненія отношеній системъ сельскаго хозяйства онъ принимаетъ гипотезу изолированнаго государства, т. е. методъ абстракціи. Тюненъ представляетъ себѣ нѣкое государство, какъ бы изолированный оазисъ въ пустынѣ, съ однимъ только городомъ, лежащимъ въ центрѣ плодородной мѣстности. Территорію этого гипотетическаго царства не прорѣзываетъ ни одна желѣзная дорога, ни одна рѣка. И въ такомъ государствѣ, гдѣ всѣ отношенія упрощены и всѣ мѣстности расположены какъ бы концентрическими кругами, Тюненъ и производитъ свой экономическій анализъ; здѣсь

ЭБ "Научное наследие России"

Тюненъ прослѣживаетъ зависимость земледѣлія какъ мѣста производства. и города какъ мѣста потребленія сельскихъ продуктовъ и производства обработанныхъ продуктовъ.

„Пусть представятъ себѣ, — говоритъ онъ, — очень большой городъ, расположенный какъ разъ посреднѣ плодородной равнины, причемъ, ни одна судоходная рѣка или каналъ ее не перерываютъ. Равнина состоитъ изъ совершенно одинаковой почвы, всюду одинаково пригодной для культуры (обработки). Въ большомъ отдѣленіи отъ центральнаго города эта равнина оканчивается окружающею ее невоздѣланною дикою пустынею, отдѣляющею это государство отъ всего остальнаго міра. На равнинѣ нѣтъ болѣе, кромѣ упомянутаго, никакого другого города. Этотъ городъ одинъ долженъ снабжать страну продуктами промышленности, также какъ остальная страна одна только снабжаетъ его съѣстными припасами“.

Заслуживаютъ вниманія взгляды Тюнена на земельную ренту. Онъ разсуждаетъ примѣрно слѣдующимъ образомъ. Доходы отъ земледѣлія (собственно дохода отъ помѣстья) необходимо отличать отъ дохода съ земли. называемаго земельной рентой. Послѣднюю составляетъ то, что остается изъ всего дохода съ земельнаго имущества за вычетомъ процентовъ стоимости зданій, инвентаря, лѣса, словомъ, всего, что можетъ быть отдѣлено отъ почвы. Тюненъ не согласенъ съ Смитомъ, который называетъ земельной рентой такъ наз. Landrente, т. е. доходъ со всего имущества, отданнаго въ аренду; это по терминологіи Тюнена — Gutsrente. По опредѣленію Смита цѣна товаровъ слагается изъ заработной платы, дохода на капиталъ и земельной ренты. Но рента, третья составная часть, опредѣлена Смитомъ не точно, а потому и всѣ вычисленія цѣны товара при различныхъ комбинаціяхъ составныхъ частей по мнѣнію Тюнена будутъ не вѣрны. Точно также по Тюнену изъ взглядовъ А. Смита на земельную ренту вытекаетъ рядъ ошибокъ: 1) что земля всюду, гдѣ бы она ни обрабатывалась, даетъ ренту, 2) что трудъ въ земледѣліи плодотворнѣе, чѣмъ въ промышленности, 3) что природа помогаетъ въ земледѣліи и бездѣйствуетъ при мануфактурѣ. Эти ошибки, по мнѣнію Тюнена, происходятъ у Смита благодаря сильному вліянію на него физіократовъ, учившихъ объ исключительной продуктивности земледѣльческаго труда. Рикардо, по мнѣнію Тюнена,

ЭБ "Научное наследие России"

уже свободенъ отъ этой ошибки. Тюненъ въ этомъ пунктѣ вполнѣ согласенъ съ Рикардо, сочиненія котораго онъ, по собственному признанію, еще не зналъ при первомъ изданіи своего труда, т. е. въ 1826. Такимъ образомъ Тюненъ дошелъ до рикардовскаго пониманія земельной ренты вполнѣ самостоятельно.

Затѣмъ интересны взгляды Тюнена на заработную плату. Заработную плату Тюненъ опредѣляетъ математически. Величина ея равна квадратному корню изъ произведенія необходимыхъ потребностей рабочаго, выраженныхъ въ хлѣбѣ или деньгахъ (а) умнож. на продуктѣ его труда (р), переведеннаго на ту же единицу мѣры. Отсюда $x = \sqrt{ap}$.

Этотъ способъ опредѣленія платы Тюненъ съ 1847 г. ввелъ у себя въ своемъ мекленбургскомъ имѣніи Телловѣ, гдѣ онъ всю жизнь производилъ и рядъ цѣнныхъ опытовъ также и агрономическаго характера, въ духѣ его великихъ современниковъ Либиха и Теэра [1]). Система заработной платы Тюнена первое время удержалась даже по его смерти у его наслѣдниковъ.

Тюненъ придавалъ громадное значеніе своей формулѣ и на своей могилѣ приказалъ ее выгравировать [1]).

Основной трудъ фонъ-Тюнена Изолированное Государство появился не сразу Въ 1826 году была напечатана первая часть [1]), въ 1850 г — вторая [2]), въ 1863 — третья [3]) Первая часть была Тюненомъ переработана и переиздана въ 1842 году въ Ростокъ

Всѣ три части вмѣстѣ вышли послѣ смерти автора въ 1875 г, въ Берлинѣ, подъ ред. Шумахера-Цахерлина

Въ 50-хъ годахъ 19 столѣтія появились переводы Изолированнаго государства Французскій вышелъ несразу, I ч. въ 1851, II-ая въ 1857 г..

Русскій изданъ за границею—„Уединенное государство“, рус. пер. Матвѣя Волкова, Карлсруэ, 1859.

---

[1]) Формула Тюнена $x = \sqrt{ap}$ вызвала критику ряда экономистовъ. Такъ писали: Ласпейръ въ 1860 г, Кнаппъ въ 1865 г., Брентано, посвятившій Тюнену свою докторскую диссертацію, въ 1867 г., Шумахеръ въ 1868 г (монографія его: I. H. von Thunen. Ростокъ, 1868), Фалькъ въ 1875 г. Наконецъ, эта формула была окончательно опровергнута Камаржинскимъ въ 1894 году.

[2]) Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationalokonomie oder Untersuchungen über den Einfluss, den die Getreidepreise, der Reichthum des Bodens und die Abgaben auf den Ackerbau ausüben. Гамбургъ, 1826 (Fridrich Perthes).

[3]) Der isolirte Staat . 2 Theil, 1 Abtheilung Der naturgemasse Abeitslohn und dessen Verhaltnis zum Zinsfuss und zur Landrente. Ростокъ, 1850 (Leopold).

ЭБ "Научное наследие России"

О Тюненѣ писали: Schumacher-Zarchlin. Johann Heinrich von Thunen. Ein Forscherleben. 1868. 2-е изд. 1883 August Werth. A. Thaer und I H. v Thunen въ Zeitschrift f. ges. Staatsw 1905. R. Ehrenberg: Thuren und Thaer въ Thunen-Archiv, 1 годъ, Jena, 1906 г. R. Passow. Die Methode der Forschnng I. H. v. Thunen въ Zeitschr f. ges Staatsw., 58 Jahrg. 1902. Lujo Brentano: Ueber I. H. v. Thunen naturgemassen Lohn und Zinfuss in isolirten Staat. 1867. M. Buchler Johan Heinrich v. Thunen und seine nationalokonomischen Hauptlehren. Бернъ, 1907

Такимъ образомъ въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія оппозиція классической школѣ была уже формулирована. Она прежде всего произошла, какъ мы видѣли, внутри самой школы. Затѣмъ ее усилили появленіе и разцвѣтъ другихъ направленій экономической мысли и, впереди другихъ—соціализмъ и историческая школа. Соціализмъ сложился не сразу, ему предшествовалъ долгій періодъ предварительнаго развитія ввидѣ коммунистической доктрины, поэтому къ изложенію коммунизма прежде всего и обратимся.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ IX-ый.

УТОПИЧЕСКІЙ КОММУНИЗМЪ.

I.

Религіозный коммунизмъ.

Соціальная жизнь народныхъ массъ протекала въ средніе вѣка въ мало благопріятной обстановкѣ. Временами же условія быта становились настолько тяжелыми, что даже привыкшіе къ рабству крѣпостные теряли терпѣніе. Взрывы народнаго гнѣва разражались тогда съ поражающею силою, жестокостью и настойчивостью. Но народная оппозиція и массовыя движенія не могли ясно формулировать своихъ экономическихъ требованій и пожеланій, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію опредѣленнаго соціальнаго идеала. И такъ какъ соціальное недовольство и пробуждавшееся сознаніе не направлялись ни просвѣтительною философіею, ни интеллигентными революціонными вождями, ни готовою экономическою доктриною, — то угнетенные были вынуждены обращаться къ единственному источнику свѣта этой эпохи — къ религіи. Отсюда особая окраска всѣхъ средневѣковыхъ соціальныхъ движеній — религіозная. Итакъ достиженіе лучшаго будущаго не могло быть тогда самоцѣлью: каждый планъ преобразованія общественной жизни долженъ былъ быть выводомъ изъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ тезисовъ Священнаго Писанія.

Само собою понятно, что многіе изъ средневѣковыхъ соціально-религіозныхъ движеній доходили до крайнихъ въ коммунистическихъ, иногда до анархистскихъ идеаловъ. Правда, коммунизмъ у большинства слагался въ аскетическій коммунизмъ потребленія, а анархистскія тенденціи носили печать сельскаго быта и натурально-хозяй-

ЭБ "Научное наследие России"

ственнаго уклада, но для насъ особенно важенъ духъ, воодушевлявшій средневѣковыхъ искателей соціальной правды. Они, естественно, всегда объединялись въ секты.

Одною изъ наиболѣе раннихъ средневѣковыхъ религіозно-коммунистическихъ сектъ является секта катарянъ, появившаяся на юго-западѣ Европы въ серединѣ XI вѣка и продержавшаяся около столѣтія. Катаряне не оставили какого-либо выдающагося литературнаго памятника и были безпощадно истреблены во время такъ назыв. альбигойской войны (XII вѣкъ).

Въ слѣдующемъ столѣтіи въ Ломбардіи появляются апостолики—движеніе среди неимущихъ классовъ Италіи подъ предводительствомъ Сегарелли изъ Пармы и его ученика Дольчино. Апостолики—„подражатели апостоламъ“.— также какъ и цѣлый рядъ другихъ сектъ (беггары, тюрлюпены, альбигойцы, вальденцы и пр.), склонялись въ своихъ тенденціяхъ къ общности имущества, къ реформѣ брака и т. д. Въ этомъ же вѣкѣ на сѣверѣ Германіи начинается движеніе моравскихъ братьевъ, секты анархистскаго направленія.

Во Франціи къ самому началу XIV вѣка появляется политическая утопія Пьера Дюбуа (Petrus de Bosco): De recuperatione terrae Sacrae (1307), обратившая на себя общее вниманіе.

Почти одновременно съ континентомъ крестьянство Англіи начинаетъ свое продолжительное соціально-религіозное движеніе. Здѣсь „Виклифово движеніе“ смѣняется проповѣдью „лолллардовъ“, — одного изъ развѣтвленій континентальныхъ беггардовъ и развертывается затѣмъ въ кровавую „крестьянскую войну 1381 года“.

Каждая изъ сектъ вызывала рядъ подражаній. Многія имѣли обширное число послѣдователей [1]). Массы пріучались къ реформатской мысли, къ коммунистическимъ идеаламъ, къ воспринятію тѣхъ сильныхъ и оригинальныхъ ученій, которыя появлялись съ 12 столѣтія. Длинный рядъ ихъ руководится замѣчательными средневѣковыми реформаторами. Здѣсь мы видимъ: Абеляра (1142) и Арнольда Бре-

[1]) Гаусратъ, Адольфъ: Средневѣковые реформаторы, перев. подъ ред. Радлова, т. I. Абеляръ.—Арнольдъ Брешіанскій —Спб. 1900 г., т. II. (Арнольдинцы, Вальденцы, Францискъ Ассизскій, Вѣчное Евангеліе, Сегарелли, Дольчино). Спб. (Изд. Л. Ф. Пантелѣева.) 1900 г.

© "Научное наследие России"

шіанскаго (1158). Отъ нихъ заимствовали свои идеи: Вальдо, св. Франциск Ассизскій, Сегарелли, Дольчино. Ихъ идеаломъ служила бѣдная жизнь апостоловъ. Францискъ Ассизскій питалъ глубочайшее отвращеніе къ собственности, капиталу и деньгамъ. Деньги, полагалъ онъ, ничто иное какъ самъ дьяволъ [1]). Вообще, проповѣдуя „истинное счастье“ и „настоящую свободу“ въ добровольной бѣдности, средневѣковые реформаторы критиковали существовавшій въ ихъ дни нравственный, политическій и экономическій строй. Противоположность ихъ воззрѣній съ окружавшею дѣйствительностью не могла не наводить умы на тѣ соціальныя и экономическія идеи, которыя вскорѣ и были формулированы коммунистами. Но еще до ихъ появленія англичане XII вѣка уже распѣвали на улицахъ революціонную пѣсню, гдѣ спрашивалось: „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, гдѣ тогда былъ дворянинъ?“

Въ XIV вѣкѣ въ Англіи появляется народный поэтъ Уильямъ Лэнглендъ, авторъ замѣчательной поэмы „Петръ Пахарь“ [2]). Здѣсь въ яркихъ образахъ проповѣдуется соціальное равенство, отмѣна привиллегій, всеобщій трудъ. Авторъ, выразитель народныхъ думъ того времени, пламенно защищаетъ угнетенныхъ и требуетъ радикальнаго соціальнаго преобразованія [3]).

Списки поэмы разносились по всей странѣ бродячимъ духовенствомъ, тѣми „нищими попами“, которые въ ту эпоху являлись ярыми агитаторами и пропагандистами новыхъ соціально-религіозныхъ идей. Среди этихъ бродячихъ проповѣдниковъ особенно выдѣлился Джонъ Болль, гнѣвно обличавшій имущихъ и несправедливыхъ. „Ленлорды,—говоритъ одинъ англійскій историкъ,—считали Джона Болля сумасшедшимъ, но въ его проповѣдяхъ Англія впервые услышала декларацію естественнаго равенства и правъ человѣка“ [4]). Въ итогѣ вспыхнуло крестьянское возстаніе.

---

[1]) Герье, В.-Францискъ, апостолъ нищеты и любви М. 1908, стр. 188.

[2]) Его біографія и дѣятельность см. Skeat, W.. Piers the Plowman. Oxford (Clarendon Press). 1869.

[3]) См. Гиббинсъ Англійскіе реформаторы. Рус. пер. Москва. 1896, стр. 9.

[4]) Гринъ, Д Исторія англійскаго народа, рус. пер. Николаева, т. I, стр. 345

© "Научное наследие России"

Соціальный радикализмъ въ Англіи съ этого времени становится обычнымъ явленіемъ. Въ XVI вѣкѣ рядомъ съ пропагандируемымъ Томасомъ Моромъ свѣтскимъ коммунизмомъ въ странѣ усиливается соціально-религіозное движеніе. Ко времени великой англійской революціи уже вся страна была охвачена всевозможными сектами, среди которыхъ пуритане или левеллеры играли главную роль.

Во главѣ левеллеровъ ко времени Кромвеля стоялъ пылкій и непреклонный Джонъ Лильборнъ. Онъ неизмѣнно отстаивалъ права народа, который его буквально боготворилъ. При содѣйствіи Лильборна въ 1649 году былъ составленъ замѣчательный „Народный договоръ на основѣ всеобщаго права на объединеніе всѣхъ безпристрастныхъ людей". Этотъ договоръ явился по своимъ идеямъ прототипомъ общественнаго договора Руссо и положилъ начало новымъ воззрѣніямъ на государственный строй.

Здѣсь, переплетаясь между собою, излагаются политическія и экономическія воззрѣнія левеллеровъ. Рядомъ съ требованіемъ выборной демократической республики стоятъ пожеланія коренной реорганизаціи земельныхъ отношеній. Все это завершается стремленіемъ къ коммунистическому строю. Торговля, деньги, купля и продажа вообще, войско и судъ—должны быть уничтожены. Бѣдные должны быть надѣлены пустующею землею. Каждому должно быть предоставлено право на трудъ и право пользованія всѣми плодами его личнаго труда. Вообще же соціальный вопросъ, по мнѣнію левеллеровъ, есть прежде всего вопросъ аграрный. Онъ разрѣшается надѣленіемъ всѣхъ землею. „Тогда,—говорятъ левеллеры,—не будетъ ни бѣдныхъ, ни тунеядцевъ". Въ этомъ стремленіи, по ихъ мнѣнію, многое можетъ сдѣлать церковь: „позоръ для религіи оставлять землю не воздѣланною, когда многіе умираютъ съ голоду". Нѣкоторые изъ левеллеровскихъ писателей высказывались въ пользу немедленнаго практическаго осуществленія намѣченныхъ идеаловъ,—что вообще, считалось дѣломъ нетруднымъ. „Небольшое число неутомимыхъ и неустрашимыхъ людей могли бы перевернуть міръ, если бы они разумно взялись за дѣло и надлежащимъ образомъ воспользовались своей жизнью и мужествомъ".

Другой писатель левеллеровъ, Чемберленъ, предлагаетъ разрѣшить соціальный вопросъ съ помощью средства,

ЭБ "Научное наследие России"

которое впослѣдствіи, а въ особенности въ наше время, находитъ себѣ рядъ сильныхъ и выдающихся сторонниковъ—*націонализаціи* земли. Въ своемъ сочиненіи: „Адвокатъ бѣдныхъ людей“ (The Poor Men's Advocate, 1649) Чемберленъ предлагаетъ превратить въ національное имущество всѣ прежнія государственныя, церковныя и вымо-рочныя земли и сдавать ихъ въ пользованіе неимущимъ.

У левеллеровъ имѣлся и свой Томасъ Моръ — *Самуилъ Гартлибъ*, написавшій левеллеровскую Утопію сослѣдующимъ, весьма своеобразнымъ заглавіемъ: „Описаніе славнаго королевства Макарія“ (A description of the famous Kingdom of Macaria, Лондонъ, 1641 г.).

Движенія всѣхъ упомянутыхъ выше сектъ меркнутъ передъ грандіознымъ и упорнымъ движеніемъ *анабаптистовъ*. XVI вѣкъ съ его книгопечатаніемъ и реформаціею считается живымъ временемъ человѣческой исторіи. Но во многихъ движеніяхъ этого вѣка не было достаточной принципіальной послѣдовательности. Такъ, Лютеръ, произведшій радикальную реформу въ области религіи, оказался политическимъ обскурантомъ. Противникъ авторитета въ религіозной сферѣ, онъ признавалъ его въ политической и экономической жизни. Противъ такого дробленія принципа возстали Николай Шторкъ и Томасъ Мюнцеръ—основатели анабаптизма Они и въ религіи пошли дальше Лютера, вскорѣ отдѣлились отъ него и свой радикальный взглядъ на вещи перенесли и въ сферу экономическихъ отношеній.

„*Мы всѣ братья*,— проповѣдывалъ Мюнстеръ,— *и у насъ одинъ общій отецъ — Адамъ*. Откуда же эта разница въ званіяхъ и богатствахъ, откуда та пропасть, которую создала тиранія и поставила между нами и сильными міра сего? Зачѣмъ намъ стонать отъ нищеты и изнуряться трудомъ, когда другіе утопаютъ въ наслажденіяхъ?! Развѣ мы не имѣемъ права на равенство благъ, которыя по самой природѣ созданы для безразличнаго раздѣла между всѣми людьми! Земля—общее достояніе, въ которомъ и мы имѣемъ часть отцовскаго наслѣдія. Пусть намъ покажутъ договоръ, который мы съ ними заключали. Отдайте же богачи міра, жадные хищники, наши имущества, которыя вы *неправедно захватили*, а *ты несчастное стадо Христово неужели вѣчно будешь стонать* въ угне-

ЭБ "Научное наследие России"

тенiи подъ игомъ властей церковныхъ и свѣтскихъ“? Подобныя рѣчи, произносившіяся въ публичныхъ мѣстахъ страстными и убѣжденными ораторами, глубоко дѣйствовали на народныя массы, стонавшія подъ бременемъ церковныхъ десятинъ и феодальнаго деспотизма, и вновь готовившіяся къ экономической революціи XVI вѣка, къ знаменитой крестьянской войнѣ.

Анабаптизмъ начинается въ Тюрингіи, гдѣ священникъ и писатель Томасъ Мюнцеръ пламенными рѣчами и сочиненіями поддержалъ и объединилъ крестьянское движеніе противъ знати и духовенства. Томасъ Мюнцеръ защищалъ коммунизмъ и полагалъ, что общія матеріальныя блага должны распредѣляться согласно потребностямъ. Тюрингенское возстаніе было подавлено властями, нравственно поддержанными Мартиномъ Лютеромъ.

Та же участь постигла и практическое созданіе коммунистовъ—анабаптистское царство „Новый Іерусалимъ“ въ г. Мюнстерѣ.

Итакъ, періодъ средневѣковыхъ мечтаній заканчивается и начинается время практическихъ попытокъ осуществленія реформаціонныхъ идеаловъ. Но окончательный разрывъ съ мистико-религіознымъ освѣщеніемъ соціальнаго вопроса наступаетъ лишь со времени попытокъ дать свѣтское выраженіе основаніямъ коммунизма. Къ числу ихъ прежде всего относятся знаменитая „Утопія“ Томаса Мора и романы, написанные ей въ подражаніе

Оба двпженія — крестьянская война и анабаптизмъ — первоначально переплетались и шли рука объ руку. Манифестъ возставшихъ крестьянъ былъ, какъ думаютъ, написанъ отцомъ анабаптизма Шторкомъ, служившимъ связью между обѣими группами.

Оба движенія послѣ упорной и долгой войны были подавлены войсками свѣтскихъ правителей. Но анабаптизмъ и послѣ этого не прекратился. Въ мѣстечкѣ Цоликоне была выработана догма анабаптизма, получившая названіе Цоликонскаго вѣроисповѣданія. Руководящія идеи были изложены въ книгѣ „Возстановленіе“.

Вообще же анабаптизмъ значитъ перекрещеніе, т. е. креститься должно вторично, при вступленіи въ зрѣлый возрастъ, чтобы сознательно относиться къ евангельскому ученію. Послѣднее искажено духовенствомъ, самосущество-

ЭБ "Научное наследие России"

ваніе котораго признается вреднымъ. Всѣ вновь крещенные создаютъ новую общину, возрожденную, безъ старыхъ язвъ народныхъ: суда и присяги, духовной и свѣтской іерархіи, безъ военной службы и накопленія богатства. Идеаломъ анабаптистовъ являлись: общность имущества и общее равенство, отсутствіе наказанія и награды, общность женъ и дѣтей. Анабаптистскія воззрѣнія быстро распространялись, ими руководили болѣе или менѣе значительные „пророки“, люди въ конвульсіяхъ возвѣщавшіе велѣніе отъ Бога. Подобнаго рода массовые психозы были, какъ извѣстно, не рѣдкостью въ средневѣковой исторіи.

Послѣ подавленія войсками перваго анабаптистскаго движенія, ихъ преслѣдовали и изгоняли рѣшительно отовсюду. Наконецъ, они нашли себѣ пріютъ въ Моравіи, гдѣ подъ управленіемъ двухъ замѣчательныхъ людей, Гуттера и Габріэля Шердинга, основали цѣлый рядъ анабаптистскихъ общинъ, которыя были названы, по мѣсту ихъ нахожденія, моравскими братствами. Моравскіе братья осуществили коммунистическіе идеалы анабаптизма на практикѣ и — рѣдкій случай въ исторіи—имѣли громадный практическій успѣхъ. Плодородіе страны, организаторскій геній Гуттера и Шердинга, фанатизмъ первыхъ анабаптистовъ — создали братствамъ тотъ блестящій успѣхъ, который одинаково свидѣтельствуется всѣми историками. Въ первой половинѣ XVI вѣка, въ особенности между 1525 — 1530 годами, моравскіе братья (ихъ насчитывалось уже свыше 70 тысячъ человѣкъ) достигли наивысшей точки благосостоянія и славы. Но принципы анабаптизма были доведены фанатиками до крайности. Обширныя, скопленныя братствами богатства привели къ разврату, пьянству, враждѣ. Примѣръ подали сами вожди движенія. Братства распались и анабаптисты постепенно разсѣялись. Затѣмъ анабаптизмъ въ послѣдній разъ нашелъ себѣ пріютъ въ городѣ Мюнстерѣ. Рядъ замѣчательныхъ анабаптистовъ—Книпперъ Долингъ, Іоанъ Бокольдъ, Матіасъ, Мельхіоръ Гофманъ — постепенно завладѣли этимъ богатымъ городомъ и ввели въ немъ коммунистическій строй. Необходимость военныхъ дѣйствій противъ сосѣдей и поддержанія порядка внутри города заставили одного изъ пророковъ анабаптистовъ принять царскую корону. Такъ основалось новое царство „Новый Іерусалимъ“.

ЭБ "Научное наследие России"

Іоаннъ Бокольдъ царствовалъ въ землѣ анабаптистовъ цѣлыхъ два года, подъ именемъ царя Іоанна Лейденскаго.

Въ Мюнстерѣ былъ осуществленъ коммунистическій порядокъ, съ общностью имущества и моногоженствомъ. Въ 1535 году Мюнстеръ былъ взятъ, а „король“ послѣ жесточайшихъ пытокъ казненъ.

Оффиціально уничтоженный анабаптизмъ еще долгое время находилъ сочувствіе и приверженцевъ въ народныхъ массахъ. Этотъ періодъ былъ отмѣченъ рядомъ памфлетовъ религіозно-мистическаго характера. Соціальный элементъ въ нихъ слабъ и неопредѣленъ, хотя общее настроеніе мысли выясняется: зрѣетъ сознаніе важности радикальныхъ экономическихъ реформъ. За памфлетами часто слѣдовало возбужденіе, переходъ отъ словъ къ дѣлу, къ основанію секты.

Неудачи анабаптистовъ во многомъ зависѣли отъ недостаточной выработки ихъ ученія. Ихъ евангеліе, книга „Возстановленіе“, замѣчательный памятникъ по богатству и силѣ мысли, въ то же время представляетъ собою нѣчто хаотическое. Между тѣмъ коммунистическіе идеалы искали себѣ болѣе яркаго и болѣе сильнаго выраженія. Оно и нашло себѣ исходъ въ чисто свѣтской литературѣ. Съ этого времени коммунизмъ уже теряетъ свой религіозный характеръ и становится соціально-экономическимъ ученіемъ.

Литература, рисующая соціальное содержаніе религіознаго движенія среднихъ вѣковъ, очень обширна. По русски могутъ быть указаны сочиненія: Гаусратъ: Средневѣковые реформаторы, т. I (Абеляръ — Арнольдъ Брешіанскій), СПБ. (изд. Пантелѣева, 1900 г.); т. II-ой Арнольдинцы, Вальденцы, Францискъ Ассизскій, Вѣчное Евангеліе, Сегарелли, Дольчино СПБ. 1900 г. — Михайловъ: Революціонный анабаптизмъ, 1862 г.; Сюдръ—Исторія комунизма, рус. пер. 1870. — Каутскій: Предшественники новѣйшаго соціализма, часть I отъ Платона до анабаптистовъ, рус. пер. СПБ 1907 г.; Свентоховскій, А.: Исторія утопіи, рус. пер. М. 1910; — Кирхенгеймъ: Вѣчная утопія, рус. пер. СПБ. 1899; — А. Фойгтъ: Соціальная утопія, рус. пер. СПБ. 1906.

ЭБ "Научное наследие России"

II.

Свѣтскій коммунизмъ.

Гл. I. „Утопія“ Томаса Мора. (1516).

I.

Послѣдующее развитіе коммунизма тѣсно связано съ романомъ „Утопія“, появившимся въ самомъ началѣ 16-го вѣка. Съ этого времени развивается цѣлое особое литературное направленіе, произведенія которой вплоть до конца XVIII столѣтія близко подражаютъ „Утопіи“.

Коммунистическій романъ „Утопія“ принадлежитъ перу нглійскаго канцлера сэра Томаса Мора (Thomas More), государственнаго дѣятеля и писателя Англіи начала 16 вѣка род. въ 1478 г., умеръ 7 февраля 1545 года). Видное общественное положеніе Т. Мора и особенность просвѣщенія того времени дали возможность книгѣ быть немедленно замѣченною. Къ этому времени свѣтская образованность въ Англіи достигла довольно высокой степени развитія. Схоластика, съ ея кухонной латынью, съ ея авторитетомъ отцовъ церкви и Аристотеля, уже утратила свое вліяніе. Культурные слои англійскаго общества были хорошо знакомы съ древнегреческой литературой. Рядъ греческихъ писателей, о которыхъ мы теперь имѣемъ довольно смутное, чисто школьное представленіе, были любимыми авторами, а надъ всѣмъ царилъ свѣточъ античнаго образованія, гордость эллинизма — Платонъ. Поэтому и крупнѣйшій англійскій писатель XVI вѣка не могъ не быть подъ сильнымъ вліяніемъ идей Платона. И, дѣйствительно, Платонъ и вообще греческіе философы, а среди нихъ особенно эпикурейцы, являются духовными отцами и учителями Мора.

Коммунистическіе идеалы Платона не могли найти не себѣ отклика въ Англіи того времени. Въ концѣ XV столѣтія и въ первую половину XVI Англія, въ теченіе ряда вѣковъ

© "Научное наследие России"

жившая опредѣленнымъ хозяйственнымъ укладомъ, опредѣленнымъ общественнымъ строемъ, быстро и рѣзко измѣнила всю свою экономическую физіономію. Изъ патріархальной земледѣльческой страны, съ лордами и ихъ многочисленными арендаторами, съ крѣпостною зависимостью и низкой заработной платой, съ домашнимъ производствомъ и почти натурально хозяйственными пріемами — Англія превратилась въ промышленную страну съ крупнымъ торговымъ и промышленнымъ капиталомъ, съ обширными мануфактурами, громаднымъ шерстянымъ производствомъ, многочисленнымъ торговымъ флотомъ, съ большимъ заграничнымъ отпускомъ товаровъ и пр.

Землепашество смѣнилось овцеводствомъ, обработка пшеницы — добычею шерсти; деревни опустѣли; крестьяне, насильно изгнаные изъ полей, бѣжали въ города или нищенствовали на большихъ дорогахъ; экономическая сила лордовъ и купцовъ значительно возрасла; положеніе низшихъ классовъ населенія неизмѣримо ухудшилось. Т. Моръ былъ свидѣтелемъ этого перелома. И онъ не могъ оставаться равнодушнымъ ни къ усиливавшимся порокамъ быстро богатѣвшаго меньшинства, ни къ крайне бѣдственному положенію разорявшагося въ конецъ народа. Его книга поэтому является горячимъ протестомъ противъ современнаго ему порядка вещей. Анализу и критикѣ послѣдняго и посвящено въ значительной мѣрѣ сочиненіе Т. Мора, особенно первая часть его книги. Вторую часть Т. Моръ посвятилъ описанію устройства такого идеальнаго государства, гдѣ уже осуществлены на практикѣ его излюбленныя экономическія идеи

Первая часть „Утопіи“ для насъ не представляетъ сейчасъ особеннаго интереса. Она является превосходнымъ памятникомъ экономической исторіи Англіи того вѣка, великолѣпнымъ свидѣтельствомъ о ней проницательнаго современника, но въ общую сокровищницу экономической мысли она вкладываетъ столь ничтожную лепту, что на ней намъ не стоитъ здѣсь останавливаться. Иную цѣну, иное значеніе имѣетъ вторая часть,—описаніе острова Утопіи, гдѣ человѣчество живетъ иною лучшею жизнью, гдѣ экономическій строй совершеннѣе, а люди пользуются земнымъ соціальнымъ раемъ.

Долгое время существовало какое-то чисто отрицательное

ЭБ "Научное наследие России"

отношеніе къ коммунистическимъ романамъ; имъ не придавали никакого значенія, говорили, что это ни что иное, какъ пустыя созданія фантазіи. Затѣмъ стали относиться нѣсколько серьезнѣе; такъ, напримѣръ, смотритъ на нихъ Людвигъ Штейнъ въ книгѣ „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Коммунисты являются, по его мнѣнію, провозвѣстниками новаго порядка. Такое отношеніе къ коммунистической литературѣ тоже, однако, нельзя назвать правильнымъ, такъ какъ здѣсь упускается изъ виду научное значеніе утопической литературы. Въ сущности нельзя проводить слишкомъ рѣзкаго различія между такого рода романами и экономическими трактатами, разбитыми на главы и параграфы. Разница здѣсь чисто внѣшняя. Платонъ, напримѣръ, излагалъ экономическіе взгляды въ видѣ діалога; въ средніе вѣка также часто употреблялась разговорная форма. Внѣшняя форма только дань времени, а иногда способъ популяризаціи. Сами же по себѣ коммунистическіе романы стоятъ съ идейной стороны не ниже, а иногда даже выше обычныхъ экономическихъ работъ. Конечно, есть и такіе коммунистическіе романы, на которые можно и должно смотрѣть только какъ на игру фантазіи. Таково, напримѣръ, сочиненіе Сирано де Бержерака, въ которомъ описываетсяего путешествіе на луну [1]). Но въ ряду соціальныхъ романовъ есть такіе, которые по серьезности не уступаютъ трактатамъ о деньгахъ, торговлѣ и т. п. того же времени. Даже больше того, въ этихъ романахъ затрагивается соціальный вопросъ, котораго избѣгаетъ научная литература; въ силу всего этого такимъ произведеніямъ надо удѣлять такое же вниманіе, какъ и другимъ экономическимъ трактатамъ.

Совершенно новымъ элементомъ, который вноситъ Моръ въ коммунизмъ, является идея государства. Ни у Платона, ни у проповѣдниковъ христіанства, государство, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, никакой роли не играетъ. Христіане подразумѣвали совершенно свободную общину. Что касается Платона, то его „республика“ не государство въ нашемъ смыслѣ, а только городъ. По мнѣ-

[1]) Написанно около 1656 года. Недавно его романъ былъ переиданъ; Cyrano de Bergerac: Historie comique des états et empires de la lune et du soleil. Парижъ (Delagrave) 1898 г.

© "Научное наследие России"

нію же Мора въ коммунизмѣ должны жить не отдѣльныя общины и не отдѣльный городъ, а государство, вся страна. Это уже ново, типично и является переходомъ къ будущему соціалистическому міровоззрѣнію.

II.

Содержаніе „Утопіи“ Мора несложно. Моръ разсказываетъ, какъ ему пришлось встрѣтиться съ однимъ путешественникомъ, который посѣтилъ островъ Утопію (οὐ τόπος — т. е. несуществующее мѣсто) и ознакомился съ его общественнымъ устройствомъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что островъ, который описанъ Моромъ, является почти изолированной страной. Его сношенія съ сосѣдями крайне ограничены. Это весьма характерная для всѣхъ коммунистическихъ построеній черта, черта, позволяющая обходить цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ для нихъ вопросовъ. Это и сильная, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабая сторона. Сильная потому, что берется уже вполнѣ готовое государство, внѣ вліянія международнаго рынка и безъ сношеній съ сосѣдями. Слабая потому, что совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ, какимъ именно путемъ сложился этотъ совершенный строй и какъ онъ можетъ соотвѣтствовать современному.

Утопія—небольшой островъ, по формѣ своей напоминающій полумѣсяцъ, заброшенный въ океанѣ среди опасныхъ подводныхъ скалъ. Первымъ царемъ основателемъ государства былъ Утопусъ. Ко времени Мора здѣсь насчитывается уже 55 городовъ, большихъ и великолѣпно построенныхъ.

Общественная организація утопійцевъ покоится на слѣдующихъ основаніяхъ.

Имущество, земля, домъ, орудія — являются собственностью общественной, государственной. Частной собственности нѣтъ. Послѣднее „новое слово“ Мора. Человѣчество, по его мнѣнію, будетъ тогда счастливо, когда частная собственность изчезнетъ. Каждый имѣетъ право на трудъ, слѣдовательно, нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни соціальныхъ бѣдствій, нѣтъ экономическаго неравенства.

Извѣстную дань своему времени отдалъ авторъ въ своихъ воззрѣніяхъ на промышленность. Тѣ формы промышленности, которыя развивались на его глазахъ въ Англіи

© "Научное наследие России"

ему не симпатичны. Онъ видитъ, какъ поля земледѣльцевъ превращаются въ пастбища для овецъ и земледѣліе вытѣсняется скотоводствомъ. Сознавая всю пагубность этого процесса для благосостоянія низшихъ слоевъ населенія, онъ возстаетъ противъ того направленія, которое въ его время приняло экономическое развитіе.

Главный промыселъ — земледѣліе, имъ заняты всѣ, ему учатся съ дѣтства, въ школѣ, частью на практикѣ. „Кромѣ земледѣлія, которое представляетъ изъ себя общій промыселъ, каждый учится любому ремеслу, по своему желанію валянію шерсти, дубленію кожи, ткачеству, обдѣлкѣ камней, слесарничеству, кузнечеству, столярничеству“. Склонные къ ученому труду и занятые имъ прилежно въ свободное время, выдѣляются въ особый классъ, изъ котораго избираются: послы, жрецы, траніборы и, наконецъ, глава государства барзамъ или адемъ. Все заработанное и добытое сдается въ общественные магазины, распредѣляющіе все количество по семьямъ. На рынкахъ такимъ же образомъ раздаются овощи и другіе продукты, на бойняхъ — скотъ, мясо. Потребленіе носитъ также коммунистическій характеръ. Обѣды устраиваются въ общихъ столовыхъ. „Дома утопійцы ѣдятъ не охотно, такъ какъ считается и дурно, и глупо брать на себя трудъ готовить дома обѣдъ и притомъ плохой, когда тутъ же недалеко приготовленъ превосходный. Готовятъ женщины по очереди, имъ прислуживаютъ, исполняя грязную работу, рабы. Столы ставятъ покоемъ, съ внѣшней стороны сидятъ вдоль стѣнъ мужчины, съ внутренней женщины, чтобы беременнымъ было легче выходить изъ-за стола. Кормилицы и кормящія обѣдаютъ отдѣльно съ младенцами, тамъ стоятъ кроватки, всегда пылаетъ очагъ для просушки пеленокъ и готова вода для мытья. Мать кормитъ своего ребенка сама“.

Украшенія, золото и серебро они считаютъ позорнымъ и безцѣльнымъ; денегъ у нихъ вовсе нѣтъ. Золото и серебро носятъ рабы, ибо изъ нихъ дѣлаютъ кандалы. „Восхищаться невѣрнымъ мерцаніемъ брилліантовъ глупо, а носить ихъ стыдно“.

Въ вопросѣ о бракѣ, тѣсно связанномъ съ вопросомъ о владѣніи имуществомъ, Моръ не пошелъ за Платономъ. Ему представляется возможнымъ, устраняя частную собственность на имущество, оставить неприкосновенной современную форму семьи. Коммунистическія начала не должны, по

© "Научное наследие России"

его мнѣнію, распространяться на семью. Съ трогательною наивностью изображаетъ онъ семейный бытъ утопійцевъ: „старѣйшій, — говоритъ онъ, — является главою семейства, женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, а въ своей средѣ — младшій старшему“ [1]). Противорѣчія между признаніемъ семьи и отрицаніемъ частной собственности, Моръ не замѣтилъ и удержалъ индивидуальную семью цѣликомъ. Послѣдующіе коммунисты этой логической ошибки уже не повторили; не повторилъ даже Кампанелла, который вообще стоитъ гораздо ниже Мора.

„Разводъ въ Утопіи возможенъ съ согласія старѣйшинъ. Мужья наказываютъ тѣлесно женъ и дѣтей“. „Соблазнить женщину считается столь же тяжкимъ преступленіемъ, какъ изнасиловать; попытку къ соблазну утопійцы приравниваютъ къ совершившемуся факту, „ибо, говоритъ Моръ, — неудачу попытки они вовсе не ставятъ въ заслугу покушавшемуся“.

Чисто механическимъ путемъ разрѣшается у него еще одинъ весьма щекотливый вопросъ о томъ, кто будетъ выполнять въ коммунистическомъ обществѣ грязныя работы, напримѣръ, вывозку нечистотъ и т. п., что особенно необходимо въ городской жизни. Ему приходится ввести ужасный элементъ: р а б с т в о. Это идетъ въ разрѣзъ со всѣми стремленіями того вѣка: реформаціей и гуманизмомъ. Въ этомъ пунктѣ терпѣли крушеніе и другіе коммунисты. Въ маленькой общинѣ, гдѣ люди объединены чувствомъ тѣсной дружбы, этотъ вопросъ обойти еще можно, но въ государствѣ, гдѣ отношенія между гражданами не могутъ быть интимными, его разрѣшить очень трудно. Приходится прибѣгнуть къ введенію института рабства. Р а б ы, у Т. Мора, — составляются изъ военно-плѣнныхъ, изъ желающихъ добровольно отдать себя въ рабство, изъ преступниковъ, наказанныхъ рабствомъ, наконецъ изъ покупныхъ иностранныхъ рабовъ. Обращеніе съ рабами впрочемъ самое гуманное. Добродѣтельныхъ рабовъ отпускаютъ на свободу, дурныхъ держатъ сурово въ трудѣ и оковахъ.

Личная жизнь не сложна. Самоубійство воспрещено, но оно рекомендуется неизлѣчимо больнымъ. Бракъ для женщинъ не ранѣе 18, — для мужчинъ не ранѣе 22 лѣтъ. Добрачныя сношенія строжайше наказываются. Передъ бракомъ

[1]) Т о м а с ъ М о р ъ: „Утопія“, русскій перев. А. Г. Генкеля, СПБ. 1905, стр. 96 Оттуда же взяты и всѣ остальныя цитаты.

ЭБ "Научное наследие России"

женихъ и невѣста должны увидать другъ друга нагими, чтобы не были скрыты пороки и недостатки и чтобы о тѣлѣ не „судилось небрежно только по кистямъ рукъ и по лицу“. „Вѣдь не всѣ же такъ благоразумны,—замѣчаетъ Моръ,—чтобъ заботиться только о нравѣ своей жены“.

Что касается того, какъ долженъ быть устроенъ судъ и какова должна быть организація управленія, то это въ каждый данный моментъ зависитъ, по его мнѣнію, отъ состоянія науки. Послѣдняя можетъ дать по этому вопросъ самыя практичныя указанія. Въ моментъ посѣщенія острова разсказчикомъ (онъ пробылъ тамъ 5 лѣтъ) общій строй жизни и управленія сводился къ слѣдующему: „Въ каждомъ домѣ живутъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, да еще двое приписанныхъ сюда рабовъ, начальствуетъ надъ такимъ поселкомъ одинъ почтенный и зрѣлый по возрасту мужчина и такая же женщина, надъ каждыми тридцатью поселками начальствуетъ одинъ филархъ“. Помимо земледѣлія, они занимаются скотоводствомъ и птицеводствомъ. Послѣднимъ при помощи инкубаторовъ. Лошадей, по возможности, замѣняютъ волами.

„Землю утопійцы засѣваютъ исключительно хлѣбными сѣменами, пьютъ они виноградное вино или же напитокъ изъ яблочнаго или грушеваго сока, наконецъ, чистую воду, а иногда съ примѣсью меда и ягодъ“. Спирта въ Утопіи не добываютъ, а излишній хлѣбъ вывозятъ заграницу. Власть въ Утопіи выборная. Сто семействъ выбираютъ изъ своей среды „филарха“ или „сифогранта“. Надъ каждыми десятью сифогрантами одинъ „протофилархъ“ или „трениборъ“. Всѣ сифогранты (ихъ 200) выбираютъ закрытою баллотировкою изъ 4-хъ кандидатовъ главу государства пожизненно. Всѣ старѣйшины составляютъ сенатъ; ни одно дѣло не рѣшается въ тотъ день, когда предложено, а обсужденіе его переносится на слѣдующее засѣданіе, „чтобы никто не говорилъ на обумъ первое попавшееся на языкъ, потому что потомъ такой человѣкъ уже старается измыслить, чѣмъ бы подкрѣпить свое опрометчивое сужденіе, а о благѣ государства думаетъ при этомъ гораздо меньше“.

Въ семьяхъ господствуетъ строго патріархальный бытъ; вся семья повинуется старѣйшему родственнику. Семья многочисленна, но не заключаетъ въ себѣ болѣе 10—16 взрослыхъ. При большемъ количествѣ часть выдѣляется,

ЭБ "Научное наследие России"

устраиваются колоніи на новыхъ сосѣднихъ земляхъ. Если туземцы сопротивляются, то начинаются войны. „Утопійцы считаютъ законнѣйшимъ основаніемъ для этого, если народъ не пользуется своими пустующими землями, да еще запрещаетъ другимъ владѣть этою землею и извлекать изъ нея для себя пропитаніе по указаніямъ самой природы".

Законовъ мало, но они строго исполняются. Господъ же законниковъ — causidicos,— которые хитро и тонко толкуютъ законы и разбираютъ дѣла, въ Утопіи вовсе нѣтъ. Они полагаютъ, что каждому лучше лично вести свое дѣло и разсказать прямо судьѣ то, что онъ разсказалъ бы своему адвокату.

Что касается религіозныхъ воззрѣній островитянъ, то они крайне несложны: душа безсмертна и благостью Божіей создана для счастья; за добродѣтель и хорошія дѣла послѣ этой жизни полагается награда, за пороки — предназначены наказанія. Хотя это и есть догматы религіи, но утопійцы полагаютъ, что можно дойти разумомъ до принятія ихъ. Единства вѣрованія, впрочемъ, въ Утопіи не наблюдается. Тамъ царитъ полная вѣротерпимость, и потому существуетъ нѣсколько различныхъ вѣроученій. Но общественное богослуженіе, совершаемое всѣми почитаемыми священниками, для всѣхъ одно. Изъ него устранено все, что мѣшало бы людямъ разныхъ вѣрованій сходиться для общихъ молитвъ. Въ области философскихъ вопросовъ утопійцы приближаются къ воззрѣніямъ эпикуріійцевъ. Въ основѣ всѣхъ стремленій человѣка, по ихъ мнѣнію, лежитъ жажда наслажденія. Совершенно безсмысленно слѣдовать трудною и тернистою дорогою добродѣтели, не стремясь при этомъ, по возможности, къ прелестямъ жизни и добровольно подвергая себя страданіямъ безъ всякой надежды на хорошій результатъ. Разумъ побуждаетъ насъ вести жизнь возможно болѣе радостную и помогать другимъ въ достиженіи того же. Таковы принципы, которыми руководятся въ жизни жители острова Утопіи.

Вліяніе изложеннаго романа было громадно. Книга Мора явилась для Европы откровеніемъ, возвѣщавшимъ идеалъ лучшей соціальной жизни. Ее переиздавали, переводили, съ нея брали образецъ безчисленные послѣдующіе писатели. Такъ въ беллетристической формѣ было изложено первое коммунистическое ученіе новаго времени.

© "Научное наследие России"

III.

Утопія Томаса Мора появилась въ 1516 г. въ Лувенѣ въ типографіи Теодора Мартина и подъ редакціей друга канцлера Петра Эгидія (Жилля) подъ заглавіемъ:

„Libellus vere aureus nec minvs salutaris quam festivus de optimo reip. statu, deqznova insula Utopia authore clarissimo viro Thoma Moro inclytae civitatis Londinensis cive & vicecomite cura M. Petri Aegidii Antuerpiésis & arte Theodorici Martini Alustensis, Typographi almae Louaniensium Academiae nunc primum accuratissime editus: Cum gratia & privilegio“ Arte T. Martini. Luvain, 1516 (Экземпляръ Британскаго музея подъ № „N c. 27 b. 30“) [1]).

Это изданіе имѣло нѣсколько приложеній, изображеніе острова Утопіи, письмо Эгидія къ Бузлидію, письмо Бузлидія къ Мору и т. п. Это первое изданіе сохранилось въ крайне маломъ числѣ, какъ рѣдкость оно хранится въ Британскомъ музеѣ, въ Парижской національной библіотекѣ, въ Брюсельской библіотекѣ и еще въ нѣсколькихъ большихъ книгохранилищахъ. Слѣдующее изданіе Утопіи появилось съ измѣненнымъ заглавіемъ (Ad lectorem, Habes candide lector opusculum illud vere aureu Thomas Mori de optimo reipublice statu, deqz nova insula Utopia, jam iterû sed multo carrecti'q pri... aeditu. (Br M. ff. 16. 110—b. 65. ei u g. 2290.) появляется въ февралѣ 1517 г. (?) въ Парижѣ; затѣмъ въ мартѣ 1518, въ декабрѣ въ Базелѣ („De optimo reip. statv deqve noua insula Utopia libellus“.. (J. Frobenium).

Затѣмъ появляются Лувенское (Lovanii Lowen) изданіе 1548 г., Кельнское 1555, in 8°, Базельское 1563 (въ первомъ полномъ собраніи сочиненій Т. Мора), Франкфуртское 1601, Ганноверское 1613, in 12⁰ и т. д. Что касается переводовъ Утопіи съ латинскаго, то первый появился въ Базелѣ на нѣм. яз въ 1524 г. „Von den wunderlichen Inseln“, второй нѣмецкій въ Лейпцигѣ 1612, Кельнское изд.—1629, Амстердамскія 1629 и 1631, затѣмъ 1753—два (Франкфуртъ и Лейпцигъ) и дешевое 1846 г. въ Лейпцигѣ (въ Reclams „Universalbibliothek“). Первый голландскій переводъ — 1553 г. (Антверпенъ, пер. Hansa de Laet. Нѣсколько ранѣе появился итальянскій переводъ (Ortensio Landi — Венеція, 1548); болѣе поздній переводъ: 1821 и 1863 г. въ Миланѣ Въ 1550 появляется первый французскій L. Le Blond'a, Парижъ, 1550, второй — Barthelemy Anneau—Лионъ, 1559 и др. изъ новѣйшихъ: 1842 и 1888 г. (Парижъ).

Первый англійскій переводъ появляется въ Лондонѣ, въ 1551 г A fruteful and pleasant work of the beste state of a publyque weale and of the newe yle called utopia etc. (Abracham Vele). Лондонъ, 1551 г Оно было переиздано въ 1906 году съ сохраненіемъ вида подлинника; второе изд. въ 1556, затѣмъ 1597, 1624, 1639, 1743, 1761, 1789, 1808, 1838, 1868, 1878 и др.

Русскихъ переводовъ „Утопіи“ нѣсколько. Первый появился въ 1789 г. въ Петербургѣ. Онъ называется „Утопія Томаса Моруса или

[1]) Транскрипція: v какъ и, que какъ qz, et какъ &.

ЭБ "Научное наследие России"

картины всевозможно лучшаго правленія съ дозволенія Управы Благочинія". Переводъ этотъ въ Россіи величайшая библіографическая рѣдкость, его нѣтъ и въ Императорской Публичной библіотекѣ въ СПБ Другой переводъ (съ нѣмецкаго) имѣется въ книгѣ Е В Тарле: „Общественныя воззрѣнія Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени" съ двумя приложеніями: 1) переводъ Утопіи съ латинскаго (?) и 2) рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Изд. Міра Божія Спб. 1901 г. VI+225+127 стр Сочиненіе Тарле, если его разсматривать съ исторической точки зрѣнія, является хорошею работою. Однако, съ филологической стороны (т е. относительно самаго перевода Утопіи), какъ это доказалъ В. Водовозовъ („Народное Хозяйство", 1901 г. кн. XII), она не удовлетворительна. Смотри также разборъ книги Тарле В. Соломина (В. В. Святловскаго), тамъ же, кн. XII); при переводѣ Тарле пользовался не латинскимъ текстомъ Утопіи, а плохимъ нѣмецкимъ Наконецъ, въ 1902 г. въ С-Петербургѣ вышелъ переводъ Утопіи А. Генкеля, при участіи Н. Макшеевой этотъ переводъ выпущенъ вторымъ изданіемъ въ 1905 году

Что касается изданій латинскаго текста „Утопіи" въ новѣйшее время, то лучшимъ можно считать: Th. Morus Utopia. Herausgeg. von Victor Michels und Theobald Ziegler Berlin 1895 г. (Изъ серіи Lateinische Litteraturdenkmaler des XV и XVI Jahrhund, изд Max Herrmann'a).

О Томасѣ Морѣ имѣется обширная литература Лучшія сочиненія слѣдующія:

1—Walter, W L.: Th. Morus, son époque etc, Парижъ 1874 и Туръ, 1868).—2. Baumstark, R: Th. Morus. Фрейбергъ, 1879. 3. Roper William.: The Life of Sir Thomas More, 1551. 4. тоже по латыни—1558, книга переиздавалась. Она написана зятемъ Мора, нынѣ весьма устарѣла, такъ же, какъ и подобныя же работы Гарнсфильда и Стихельтона, 1588.—5. Von Thommes, I. H.: Thomas Morus, 1847.—6 Seebohm, F.: The Oxfurd Reformers of 1498 г. 1867. — 7 Hutton, W. H.: Sir Thomas More. Лондонъ, 1885 (или 1895?) Эта біографія хуже біографіи Бриджетта.—8 Bremond, H.: Sir Thomas More. 1905.—9 Lee (Sydney). Great Englishmen of the 16 contury etc 1904.—10 Louis, G: Thomas Morus und seine Utopia, 1895.—11. Lagarraga, B, El Bienaventurado Tómas Moro, su vida, virtudes y muerte gloriosa, 1905.—12. Nisard: Etudes sur la Renaissance, Erasme, Thomas Morus, Melanchton—устарѣло и поверхностно —13. Miss Anna Manniry: Household of Sir Thomas More, 1851. Описаніе домашней жизни Мора Такихъ изданій имѣется еще нѣсколько.—14. Kautzky, K: Thomas More und Seine Utopia. Штутгартъ, 1888, популярная компиляція.—15. Rudhart: Thomas Morus aus den Quellen bearbeitet. 1 изд Нюренбергъ, 1829, 2-ое Аугсбургъ, 1852 (устарѣло).—16 Bredgett: Life and writings of Sir Thomas More, lord Chancellor of England and martyr under Henry VIII. Лондонъ, 1883, 2-ое—1892; это наиболѣе подробная біографія Томаса Мора.

Лучшіе переводы: 1) Victor'a Michels'a и Theobald'a Ziegler'a (Берлинъ, 1895) въ серіи Editiones principes Lateinische Litteraturdenkmaler des XV und XVI Jahrhunderts, herausgegeben von Max

ЭБ "Научное наследие России"

Herrmann 2) Lupton'a: The Utopia of sir Th. More in latin and english with notes, Oxford, 1895 и 3) Wessely: Th. Morus Utopia, Munchen, 1896.

По русски о Т Морѣ писали: Яковенко, В.: Томасъ Моръ, СПБ., 1891.—Випперъ, Р.: Утопія Т Мора, „Міръ Божій" за 1896, кн. III, Жуковскій, Ю.: Политическая и общественная теорія XVI в СПБ., 1871. Авсѣенко: Т Моръ, „Русское Слово", за 1860 г. Янжулъ, И.: Новая фантазія на старую тему. „Вѣстникъ Европы" за 1890 г., кн. 4 и 5

Гл. II. Коммунизмъ послѣ Утопіи.

I.

Выброшенное развитіемъ промышленности изъ деревень англійское крестьянство всеже не осталось чуждо интересамъ сельскаго быта. Уже 17 вѣкѣ оно стремится вернуть утраченную землю и начинаетъ движеніе, естественно пропитанное коммунизмомъ. Во главѣ его стоитъ секта левеллеровъ.

Вторымъ Моромъ, Моромъ левеллеровъ, былъ нѣкій Уинстэнли, (Gerhard Winstanley), написавшій книгу подъ своеобразнымъ заглавіемъ: „Поднятіе знамени истинныхъ левеллеровъ или общественнаго государства, изложенное и предложенное сынамъ человѣческимъ Уильямомъ Эверардомъ, Джерардомъ Уинстэнли и др., которые начали обрабатывать и удобрять невоздѣланную землю на Джорджъ Хиллѣ въ Уальтонскомъ приходѣ, въ графствѣ Сёррей". (Лондонъ, 1649). Здѣсь по методу Мора довольно хаотично описывается раціоналистически устроенное коммунистическое государство, гдѣ всѣ взоры обращены къ земледѣлію. Уинстэнли принадлежитъ и второе, но болѣе систематически изложенное сочиненіе: „Законъ свободы, изложенный въ видѣ программы возстановленія истиннаго управленія" [1]).

Уинстэнли подвергаетъ рѣзкой критикѣ, какъ духовенство, жестоко угнетающее, по его мнѣнію, народъ, такъ и судей, произволъ которыхъ противорѣчитъ законнымъ интересамъ народа; онъ жалуется на угнетеніе сельской бѣдноты крупными землевладѣльцами и на тяжесть бремени отъ всякаго рода налоговъ, начиная отъ десятины, кончая городскими сборами у заставъ и на рынкахъ. Но главная причина бѣдствій, по его мнѣнію, это недостатокъ земли у желающихъ на ней трудиться. Весь соціальный

---

[1]) Англійское заглавіе книги Winstanley'я: „The law of freedom a platform on true magistracy restored", 1561.

ЭБ "Научное наследие России"

вопросъ сводится у него, въ концѣ концовъ, къ вопросу аграрному, къ надѣленію неимѣющихъ земли землею. При этомъ въ будущей реформѣ право частной собственности на землю должно быть уничтожено. „Земля,—говоритъ Уинстэнли,— не принадлежитъ никому, ни по праву рожденія, ни по праву завоеванія". У всѣхъ людей должно быть полное имущественное равенство. „Никто,—говоритъ онъ,—не долженъ пріобрѣтать богатствъ иначе, какъ своимъ личнымъ трудомъ или трудомъ другихъ, которые только помогаютъ ему". Въ первомъ случаѣ, по его мнѣнію, зажиточность не будетъ велика, во второмъ же—богатство добытое при помощи другихъ лицъ должно быть удѣляемо и этимъ послѣднимъ. Однако, почестями отдѣльные люди должны пользоваться не равными, а только по заслугамъ. Высшая честь—быть вѣрнымъ слугой республики въ парламентѣ. Но парламентъ и республику Уинстенли понимаетъ совершенно по своему: это только институты, защищающіе и охраняющіе общее пользованіе землею „Ибо,—говоритъ Уинстэнли,—истинная республиканская свобода состоитъ въ свободномъ пользованіи землею". Отсутствіе земли является источникомъ и нравственныхъ бѣдствій. „Отнятіе земли братомъ у брата есть угнетеніе и порабощеніе". А результатомъ этого внѣшняго угнетенія является внутреннее рабство: алчность, высокомѣріе, горе, страхъ, отчаяніе, помѣшательство и пр.

Уинстэнли обращаетъ свое вниманіе и на промышленность. Его идеаломъ является мелкое производство, ремесло, для изученія котораго въ каждой общинѣ устраиваются общественныя мастерскія. Но самое производство должно быть коммунальное и всѣ продукты, въ концѣ концовъ, сдаются въ общественные магазины, которые ихъ и распредѣляютъ между гражданами.

Трудъ и обученіе обязательны. Послѣ 40 лѣтняго возраста разрѣшаются занятія согласно личному призванію, лица старше 60 лѣтъ занимаютъ общественныя должности, на которыя они избираются ежегодно. Исключеніе дѣлается только для почтмейстеровъ и священниковъ, дѣятельность которыхъ связана между собою. Почтмейстеры доставляютъ всѣ свѣдѣнія, составляющія по своему характеру содержаніе нашихъ газетъ, а священники въ праздничные дни сообщаютъ эти свѣдѣнія народу. Священники же знакомятъ гражданъ съ науками и законами.

ЭБ "Научное наследие России"

Весьма обстоятельно изложена также религія этой утопіи, религія весьма раціоналистическая, изложеніе которой, какъ не входящее въ наши задачи, мы здѣсь опускаемъ.

Уинстэнли въ 50-хъ годахъ примыкаетъ къ новому крайнему движенію того времени—квакерскому. Его послѣднее сочиненіе [1]). вполнѣ поэтому вполнѣ проникнуто духомъ квакеровъ первоначально являвшихся сектой, съ ярко выраженными коммунистическими стремленіями.

Въ томъ же вѣкѣ въ Англіи появляется и свѣтская утопія „Океанія“ Джемса Гаррингтона (1611—1677) [2]).

Утопія Гаррингтона „Океанія“ или „Oceana“, 1656, написана съ совершенно иными пріемами. чѣмъ произведенія Томаса Мора и Уинстэнли Гаррингтонъ не выдумываетъ никакого экзотическаго государства, а подъ весьма прозрачнымъ флеромъ описываетъ политическое состояніе современной ему Англіи. Сочиненіе посвящено Кромвелю. Эпиграфомъ ему служитъ знаменитый стихъ Горація: „Quid rides? mutato nomine, de te fabula narratur“

Разобравъ различныя государственныя системы, Гаррингтонъ предлагаетъ устроить государство по образцу его республики „Океанія“, въ которыхъ два отличительныхъ признака: крайняя сложность и правильность выборовъ и крайняя правильность въ распредѣленіи поземельнаго владѣнія. Въ этой странѣ нѣтъ ни коммунизма, ни общихъ трапезы, ни общности женъ, а, наоборотъ, весь строй ничѣмъ не отличается отъ общеевропейскаго строя. Только ограничено право владѣнія землею и никто не можетъ имѣть недвижимости, приносящей ежегодно болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода. Другой основной законъ—это крайне искусно придуманная система выборовъ, въ основаніе которой положенъ земельный цензъ. Гаррингтонъ убѣжденъ, что политическій строй является лишь надстройкой надъ извѣстною экономическою базою.

Несмотря на конфискацію книги и преслѣдованіе ея со стороны правительства, „oceana“ имѣла колосальный успѣхъ [3]). Подъ ея несомнѣннымъ вліяніемъ была написана французомъ

---

[1]) Его заглавіе: „Рай святого или ученіе отца есть единственное удовлетвореніе души“.

[2]) О Гаррингтонѣ—Thonissen, J · Du rôle de l'Utopie dans l'histoire de philosophie politique 1852.

[3]) См. Foland: Life and works of J. Harrington, 1700.

ЭБ "Научное наследие России"

Сіэсомъ извѣстная конституція VIII-го года, а взгляды Гаррингтона повліяли на цѣлый рядъ экономистовъ, и среди нихъ, главнымъ образомъ, на будущее свѣтило англійской экономической науки, на сэра Вилльяма Петти.

II.

Въ томъ же XVII вѣкѣ въ Италіи выдвигается оригинальный писатель Ѳома Кампанелла (1568—1639), перенесшій на континентъ коммунистическія идеи Томаса Мора.

Доминиканскому монаху Ѳомѣ Кампанеллѣ, среди ряда философскихъ и богословскихъ трудовъ, принадлежитъ государственный романъ: „Государство Солнца“ (Civitas solis), появившійся въ половинѣ 20-хъ годовъ на итальянскомъ языкѣ и изданный въ 1623 года по латыни.

Онъ изложенъ въ формѣ діалога между однимъ монахомъ и путешественникомъ генуэзцемъ. Генуэзецъ разсказываетъ, какъ ему въ его морскихъ странствованіяхъ пришлось попасть въ своеобразно устроенное Государство Солнца. Общіе пріемы описанія и самая суть устройства этого города немного разняться отъ „Утопіи“ Томаса Мора. Но общій характеръ сочиненія Кампанеллы совершенно иной. На всемъ лежитъ отпечатокъ личности этого бурнонастроеннаго, дикаго и фанатичнаго монаха. „Этотъ удивительный монахъ—калабріецъ,—говоритъ Людвигъ Штейнъ—смѣлый до дикости, фантастъ до глупости, энергичный до титаническаго мученичества, воплощаетъ въ себѣ всѣ свойства заканчивавшагося въ то время вѣка. Отъ другихъ составителей государственныхъ романовъ онъ отличается своею глубокою вѣрою въ практическую осуществимость своихъ фантазій. Организація его государства не особенно сложна. Въ I-хъ, это государство монархическое, во II-хъ, монархія его вполнѣ теократична, т. е. она представляетъ собой нѣчто напоминающее организацію римской церкви“. Въ своихъ владѣніяхъ римскій папа являлся именно такимъ государемъ, княземъ-священникомъ, какого Кампанелла ставитъ во главѣ своего государства, подъ именемъ „Высокаго Солнца“, и который обозначается знакомъ: Ѳ. Ему помогаютъ три свѣтскихъ государя или чиновника, которые по образцу современныхъ министровъ, вѣдаютъ отдѣльными отраслями государственнаго управленія.

ЭБ "Научное наследие России"

Недвижимое имущество въ государствѣ Солнца,—общее. Общи также спальни и столовыя, но жители не отличаются умѣренностью, какъ въ „Утопіи“, а наоборотъ, живутъ въ крайней роскоши. Трудъ играетъ такую же роль, какъ и наслажденіе, всѣ виды котораго здѣсь всячески поощряются. Свободная любовь крайне чувственна, рожденіе же дѣтей считается не частнымъ, а государственнымъ дѣломъ Дѣторожденіе регулируется правительствомъ на основаніи статистическихъ данныхъ и экономическихъ соображеній. Улучшенный человѣческій родъ долженъ выработаться путемъ удачнаго скрещиванія. Всѣ ежедневно обязаны работать. Рабочій день опредѣляется въ 4 часа. Этого вполнѣ, по мнѣнію Кампанеллы, достаточно „для столь богатой природою мѣстности“.

Громадную и выдающуюся роль въ этомъ государствѣ играетъ наука. Всѣ стѣны въ городѣ, даже стѣны храмовъ, покрыты рисунками, чертежами, надписями—и все научнаго характера. Матеріальная культура тоже не въ загонѣ. Ремесла, земледѣліе и скотоводство—въ особомъ почетѣ.

Таковъ вкратцѣ соціальный строй, представлявшійся желаннымъ пламенному монаху и искусному итальянскому писателю начала XVII вѣка [1]).

„Государство Солнца“ имѣло громадное вліяніе на современниковъ. Увлеченіе коммунизмомъ дошло до того, что нѣкоторые итальянскіе монахи предприняли попытку осуществить на практикѣ идеи Кампанеллы. Для устройства реальнаго „Города Солнца“ пришлось обратиться къ другимъ странамъ свѣта.

И вотъ въ теченіе того же 17-го вѣка была создана точная копія „Города Солнца“ въ далекой странѣ, а именно въ Парагваѣ въ Южной Америкѣ. Организаціею новаго коммунистическаго государства занялись монахи ордена іезуитовъ. Выдержавъ борьбу съ испанцами и окончательно поработивъ мѣстныхъ полудикихъ индійцевъ, новые реформаторы изгнали изъ захваченной ими территоріи всѣхъ европейцевъ. Изъ привезенныхъ поселенцевъ и порабощен-

---

[1]) Перу Кампанеллы принадлежатъ также: Discursus de Belgio sub Hispani potestatem redigendo, 1602.—Compendium librorum politicorum de Papana and Hispanica Monarchia, 1628.—Atheismus triumphatus, 1631.—Astrologicorum libri VII, 1630,—Medicinalium juxta propria principi, 1635; Philosophiae rationales partes quinque, 1638, сонаты и пр.

© "Научное наследие России"

ныхъ туземцевъ было создано теократическое государство на коммунистическихъ началахъ. Этимъ неслыханнымъ дотолѣ государствомъ управляла сотня монаховъ, которымъ подчинялась стотысячная масса, преимущественно туземцевъ Все населеніе было размѣщено въ небольшихъ городкахъ; въ каждомъ изъ нихъ насчитывалось отъ $2^1/_2$ до 7 тысячъ жителей. Эти городки были построены по заранѣе обдуманному симетричному плану. Жизнь въ нихъ была организована въ согласіи съ идеями, высказанными Кампанеллою въ его „Городѣ Солнца".

Религіозно-коммунистическая община іезуитовъ въ Парагваѣ просуществовала довольно долго, но при стремленіи осуществить въ жизни коммунистическія начала іезуитамъ приходилось преодолѣвать невѣроятныя трудности путемъ неустанной борьбы; они въ итогѣ отучали туземцевъ отъ ихъ природныхъ склонностей. Вольные сыны южно-американскихъ прерій, забывъ торговлю, охоту и бродяжничество, занялись тяжелымъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, но все же духъ ихъ не соотвѣтствовалъ психологіи гражданъ „Города Солнца". Правда, внѣшнія рамки послѣдняго были здѣсь строго скопированы. Вся недвижимость принадлежала государству въ его совокупности; право владѣнія движимостью было ограничено до крайности; такъ въ личномъ владѣніи могли быть только столовый ножъ, топоръ и плугъ, немногія украшенія и весьма скромное платье.

Впрочемъ, это царство принудительнаго коммунизма не было чисто земледѣльческимъ. Помимо сельскаго хозяйства въ Парагвайскомъ коммунистическомъ государствѣ были введены севозможныя ремесла. Къ нимъ, равно ко всякаго рода художественнымъ промысламъ, туземцы чувствовали особую склонность. Въ результатѣ развилась значительная торговля съ сосѣдями. Сбывали и свои издѣлія и продукты сельскаго хозяйства. Этотъ торгъ приносилъ государству громадные доходы, хотя по прежнему внутренней торговли и денегъ въ обращеніи не было. Другимъ противорѣчіемъ былъ милитаризмъ. Отучая туземцевъ отъ грабежа и войнъ, іезуиты вынуждены были завести для защиты территоріи войска на подобіе европейскихъ регулярныхъ. Но самымъ главнымъ недостаткомъ это было то, что населеніе въ строѣ принудительнаго коммунизма не было счастливо. Оно совершенно не возрастало, а нѣ-

ЭБ "Научное наследие России"

сколько сильныхъ эпидемій сильно сократило его численность.

Въ итогѣ, не насадивъ коммунизма, этотъ замѣчательный въ исторіи человѣчества экспериментъ принесъ только пользу сосѣдямъ, акклиматизировавъ здѣсь рядъ полярныхъ европейскихъ растеній. Но отцы іезуиты, кажется, не для этой цѣли переплыли Атлантику и добровольно закабалили себя на нѣсколько поколѣній на мелочную борьбу съ человѣческой природою.

Государство іезуитовъ просуществовало бы, быть можетъ, еще долго, если бы не идейное нападеніе на его вождей со стороны нѣкоего Помбаля, который въ 1757 году опубликовалъ имѣвшій феноменальный успѣхъ „Отчетъ республики іезуитовъ въ Парагваѣ“. Здѣсь разоблачалась методическая жестокость и суровая фанатичность отцевъ іезуитовъ по отношенію къ беззащитному населенію. Римъ былъ крайне встревоженъ скандаломъ и южно-американскій экспериментъ рѣшено было закончить. Ликвидація была совершена съ обычными для Ватикана пріемами: комиссія съ тайнымъ порученіемъ переплыла океанъ и, явившись въ Парагвай, арестовала монашеское правительство Кампанеллова царства Было введено другое управленіе. Новыя власти уже совершенно не поняли ни страны, ни туземцевъ и не считались съ заведенными ранѣе съ такимъ трудомъ порядками. Въ итогѣ своеобразное, по своему процвѣтавшее государство, очень быстро пало и, спустя немного лѣтъ, мѣстности, усердно обрабатывавшіяся коммунистическими индѣйцами, вновь заросли дремучимъ лѣсомъ. Такъ закончился первый соціальный экспериментъ, выросшій изъ пламенной проповѣди геніальнаго монаха.

Литература о Кампанеллѣ. Какъ уже было указано выше, изъ различныхъ сочиненій Кампанеллы главное мѣсто занимаетъ „Городъ Солнца“ О его изданіяхъ и переводахъ можно сообщить слѣдующее:

Впервые „Городъ Солнца“ появился въ 1623 году. Книга носила названіе: F. Thomae Campanellae Appendix Politicae Civitas solis, dea Reipublicae philosophicae. Francofurti. Typis Egenolphi Emmelu, impensis vero Gedofredi. Tambachii Anno salutis MDCXXIII Другое изданіе прямо называлось: Civitas solis politica, Idea reipublicae philosophicae. (Ultraiecі, 1643). Изъ позднѣйшихъ изданій извѣстно изданіе 1862 года (Италія, Biblioteca rara).

Переводы „Государства солнца“ съ латинскаго довольно многочисленныя. Въ литературѣ есть указаніе на итальянскій переводъ

1615 года, т. е. до перваго латинскаго изданія, но я нигдѣ подтвержденія не нашелъ. Современные итальянскіе переводы сдѣланы въ 1838 и 1904 гг. (T. Campanella. La citta del sole. Lugano. 1836 и La città del sole di Tommaso Campanella. Tradizione di Edmondo.

Другія сочиненія Кампанеллы:

1—Discursus de Belgio sub Hispani potestaten redigendo, 1602. 2—Compendium librorum politicorum de Papana and Hispanica Monarchia. 1628. 3—Astroligicorum libri VII, 1630. 4—Atheismus triumphatus. 1631. 5—Medicinalium juxta propria principi. 1635. 6—Philosophiae rationales partes quinque, 1638.

О жизни и дѣятельности Кампанеллы, между прочимъ, писали:

1—Baldacchini, M. Vita e filosophia di T. Campanella. 1840. 2—Nys. Thomas Campanella, sa vie et ses theories politiques, 1889. 3—Felici, G. S, Le dottrine filosofico—reiligioso di Tommaso Campanella, 1895. 4—P Lafarge: Campanella, есть русскій пер. Лафаргъ: Кампанелла, изд. „Лучъ", Спб. 1906 г. 5—Кначала, И. И.: Кампанелла, въ „Журналѣ Министерства Народ Просвѣщенія" за 1906 г 6—Объ немъ же между прочимъ Gobbi: L'economia politica des secolo XVI—XVII, 1889 (со стр. 19) и T. Farnari: Delle theorie economiche nelle Provincie Napolitane. Миланъ. 1882. 8—Limanowsky: Dwa znakomici communisci: T Morus i T. Campanella, i ich systematy. 1873. Solmi. Modena, 1904.

Англійскій переводъ „Campanella's Citu of the sun" въ Marley's Universal Library, томъ 23, (Лондонъ, 1883 г.).

Русскій переводъ: „Государство солнца", перев. съ латинскаго съ примѣч. и дополеніями А. Г. Генкеля, Спб. 1907 г.

III.

Дальнѣйшее развитіе коммунизма.

Въ послѣдующихъ вѣкахъ каммунизмъ не прекращаетъ своего развитія. Особенно разцвѣлъ коммунизмъ во Франціи въ 18 вѣкѣ, когда онъ далъ рядъ крупныхъ именъ и интересныхъ ученій. Впереди другихъ идутъ сочиненія слѣдующихъ авторовъ: Жанъ Меслэ, (Jean Meslier), Габріэль Фуаньи, Морелли, Симеонъ Линде, Мабли, Ориссо-де Варвилль, Францъ-Буассель, Бабефъ, Д'Артэ и мн. др. Ихъ сочиненія повторяютъ въ общихъ чертахъ Томасъ-моровскій утопизмъ и имѣютъ большой успѣхъ среди современниковъ. Изъ Франціи коммунистическія мечтанія распространяется и по остальнымъ странамъ Европы. Такъ въ Россіи въ 1783 году было написано замѣчательное утопи-

35 "Научное наследие России"

ческое сочиненіе князя М. М. Щербатова: „Путешествіе въ землю Офирскую".

Интересно остановится на условіяхъ, при которыхъ у насъ впервые начинаетъ развиваться утопизмъ. Послѣдній, какъ всегда, открывается беллетристикою. Соціальный романъ у насъ, какъ и въ Европѣ, явился первою ступенью въ развитіи соціалистическихъ настроеній. Соціально-политическіе романы появляются подъ прямымъ вліяніемъ безчисленныхъ переводовъ Вольтера [1]). Наши вольтеріанцы XVIII вѣка, повидимому, цѣнили въ геніальномъ писателѣ не только саркастическія выходки и ѣдкость критической мысли: онъ прельщалъ ихъ картинами лучшей, болѣе возвышенной жизни. Послѣ его безпощадной критики существующихъ порядковъ эта жизнь кажется еще прекраснѣе и разумнѣе.

Рядъ русскихъ романистовъ, слѣдуя Вольтеру, рисуютъ заманчивыя картины лучшаго соціальнаго будущаго, освѣжающагося близостью къ природѣ [2]). Философскій романъ Дмитріева-Мамонова [3]) и хаотическая повѣсть Левшина [4]) приближаются къ типу политическихъ романовъ съ обычнымъ пріемомъ посѣщенія иной страны. Въ повѣсти Левшина русскіе путешественники попадаютъ на луну, гдѣ нѣтъ храмовъ, монаховъ, воиновъ, нѣтъ собственности и насилія, но зато процвѣтаютъ науки, земледѣліе и скотоводство. Писанныхъ законовъ тоже нѣтъ. „Законъ естественный, — говоритъ Левшинъ, — здѣсь довольно твердъ, когда исповѣдываетъ оный совѣсть каждаго; оный начертанъ неизгладимыми буквами въ душахъ нашихъ". „И зачѣмъ, — восклицаетъ далѣе авторъ въ строго анархическомъ духѣ, — писать то, что каждый по чувствамъ своимъ разумѣетъ безъ истолкованія?".

---

[1]) См. Чечулинъ. Н.: Русскій соціальный романъ XVIII вѣка. Спб., 1900 г. (2 изд.), Кизеветтеръ А.: „Русская утопія XVIII вѣка", въ сборникѣ „Помощь", изд. 2, 1903 г. Мякотинъ В.; Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи, въ книгѣ „Изъ исторіи русскаго общества", 1906, изд. 2-е. Семевскій В.: Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб., 1909, стр. 16 и слѣд.

[2]) Сиповскій, В. В. Къ исторіи русскаго романа, Спб. 1909, стр. 89 — 95.

[3]) Дмитріевъ-Мамоновъ: Дворянинъ — философъ, аллегорія, 1 изд. 1769, 2 изд. 1796

[4]) Левшинъ В.: Новѣйшее путешествіе, цит. по В. Сиповскому. Русскій романъ, стр. 91.

© "Научное наследие России"

Въ другихъ русскихъ романахъ рѣзко звучала нота сочувствія угнетеннымъ. Тяжелое безправіе крестьянъ, „желѣзныя звенья невольничьей цѣпи“, вся безпросвѣтность крѣпостничества встрѣчаютъ въ рядѣ беллетристическихъ сочиненій этого времени полное осужденіе О бытѣ и нравахъ крѣпостничества авторы говорятъ съ нескрываемымъ негодованіемъ, „добрые помѣщики“ служатъ. въ свою очередь, предметомъ восхваленія и умиленія.

Нашъ утопизмъ конца XVIII вѣка переходитъ въ Александровскую эпоху — въ чисто политическую оппозицію, завершившуюся революціоннымъ движеніемъ декабристовъ.

Но вернемся къ Европѣ.

Въ 17-омъ вѣкѣ, въ Англіи, другой англійскій канцлеръ, знаменитый въ исторіи философіи и индуктивныхъ наукъ, Фрэнсисъ Бэконъ (1561 — 1626 гг.), пытался создать утопію, помѣстивъ воображаемую общественную организацію на островѣ „Новая Атлантида“, куда, послѣ кораблекрушенія попадаютъ путешественники. Въ числѣ учрежденій острова вниманіе путешественниковъ привлекаетъ великолѣпная „сокровищница наукъ“, основанная первымъ законодателемъ острова Соломономъ, 19 вѣковъ тому назадъ. „Сокровищница“ является научнымъ центромъ со спеціальными приспособленіями для естественно-научныхъ изслѣдованій. Агенты „сокровищницы“ заграницей — „Пріобрѣтатели свѣта“ — пересылаютъ ей всѣ научныя завоеванія, гдѣ бы они не совершались; фантазія Бэкона осталась незаконченною [1]).

Много, конечно, богаче и обширнѣе аналогичная литература на ея родинѣ, во Франціи.

Здѣсь Верасъ (Vairasse) — создалъ первую утопію, написанную съ беллетристическимъ талантомъ („Исторія Северамбовъ“, 1672 г.). Она начинается съ кораблекрушенія. Путники попадаютъ въ Австралію къ гостепріимному народу — северамбамъ, получившимъ свое имя отъ своего перваго законодателя Севариса, вице-короля солнца. Севарисъ прибылъ

---

[1]) Она была опубликована біографомъ Бэкона Раулеемъ, въ 1627 г., какъ приложеніе къ его Sylva Sylvarum. Повидимому „Новая Атлантида“ была написана года за два до смерти философа т. е. примѣрно въ 1624 году. Лучшее современное изданіе „Н. А.“ вышло подъ ред. Спендинга (Works, Life and Letters), наиболѣе дешевое — въ Pitt press Series, подъ ред Г. Мура, Кэмбриджъ, 1900.

ЭБ "Научное наследие России"

въ Австралію въ концѣ XIV вѣка, покорилъ туземцевъ и воздвигъ храмъ. Послѣ этого Севарисъ обратился съ рѣчью къ солнцу. Рѣчь эта съ тѣхъ поръ повторяется какъ молитва. Въ отвѣтъ на эту рѣчь голосъ съ неба заявилъ, что Богъ будетъ королемъ государства, а Севариса назначаетъ своимъ намѣстникомъ. Считая, что общественное зло коренится въ гордости, жадности, лѣности и половыхъ порокахъ, Севарисъ обратилъ противъ нихъ свои законы. Такъ какъ гордость, жадность, лѣность, по его убѣжденію, проистекаютъ преимущественно изъ неравенства людей по рожденію и имуществу, онъ уничтожилъ частную собственность и сословія. Остались только различія по чинамъ государственной службы. Въ созданномъ Севарисомъ государствѣ народное самоуправленіе соединяется съ теократическимъ самодержавіемъ. Богомъ севарамбы признаютъ солнце. Живутъ они въ осмазіяхъ, — хорошо выстроенныхъ большихъ домахъ, вмѣщающихъ по тысячѣ человѣкъ. Каждая осмазія выбираетъ себѣ начальника, управляющаго ею и состоящаго членомъ главнаго совѣта. Главный совѣтъ разрѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла. Онъ же намѣчаетъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ по жребію избирается „Намѣстникъ Солнца“.

Всѣ должны работать, причемъ осуществлены три восьмерки: 8 часовъ для работы, 8 часовъ для отдыха и умственныхъ занятій и 8 часовъ для сна Но тяжелыя работы исполняются рабами, или покупаемыми, или получаемыми какъ дань отъ побѣжденныхъ враговъ. Семьи имѣютъ свои квартиры, но обѣдаютъ со всѣми членами осмазіи. Бракъ обязателенъ для мужчинъ отъ 21 года до 70 лѣтъ и для женщинъ отъ 18 до 60 лѣтъ. Холостымъ запрещено употребленіе спиртныхъ напитковъ. Чиновникамъ разрѣшается имѣть нѣсколько женъ, а обыкновеннымъ гражданамъ по обоюдному согласію обмѣниваться женами. Предложенія дѣлаются женщинами, причемъ дѣвушка, сдѣлавшая предложеніе, но невышедшая замужъ, дѣлается женою какого-нибудь изъ высшихъ чиновниковъ. Чтобы сохранялась связь дѣтей съ родителями, дѣти остаются у родителей до 6 лѣтъ. Послѣ же усыновляются государствомъ во избѣжаніе излишнихъ родительскихъ — строгости или баловства, и воспитываются въ учебныхъ государственныхъ заведеніяхъ, причемъ мальчики и дѣвочки обучаются одинаково, но порознь. Юноши

© "Научное наследие России"

обнаруживающіе исключительныя способности, поступаютъ въ высшее учебное заведеніе, гдѣ изучаютъ науки и искусства. Ихъ освобождаютъ отъ физическаго труда и изъ ихъ состава вербуютъ чиновниковъ.

Герой кораблекрушенія въ другой Утопіи въ „Приключеніяхъ Жака Садера“ Габріеля Фуаньи [1]) попадаетъ въ Австралію, двуполые жители которой не нуждаются ни въ правительствѣ, ни въ собственности, семьѣ, даже одеждѣ. Въ такой степени они добродѣтельны: это и составлятъ, по мнѣнію автора, весь смыслъ жизни.

Совершенно иначе первая рисуетъ государственный строй, принципіально, впрочемъ не отличающійся отъ обыкновенныхъ государствъ нѣмецкая утопія, — „Царство Офиръ“ (1699 г.) анонимнаго автора.—Въ этомъ царствѣ сильно повышена религіозность Храмы являются школами, а школы храмами. Въ университетѣ есть кафедры приличія и бережливости. Короли и придворные не знаютъ любовныхъ приключеній. Кто провинится въ этомъ отношеніи, тотъ въ наказаніе въ теченіе нѣсколькихъ дней носитъ на головѣ свиныя уши. Наслѣдникъ престола путешествуетъ по странѣ съ цѣлью ознакомиться съ ея нуждами и осуществить контроль на мѣстахъ. Общественная жизнь регламентирована массой полицейскихъ предписаній. Особенно строго наказываются религіозныя преступленія и несоблюденіе праздниковъ.

18 вѣкъ приноситъ съ собою новые соціально-философскіе мотивы

Идеи Жанъ-Жака Руссо о неравенствѣ и объ общественномъ договорѣ, какъ средствѣ въ гражданской свободѣ возстановить всю утраченную естественную свободу и создать такимъ образомъ идеальный общественный строй, создали своеобразную вѣру въ разумъ и нравственность законовъ природы. Озаренныя этой вѣрой общественно-политическія утопіи получаютъ новыя черты и новую структуру. На мѣсто Бога ставится природа, не какъ бездушный механизмъ, а какъ добрая мать, устанавливающая въ своихъ благодѣтельныхъ заповѣдяхъ сводъ законовъ.

---

[1]) Les aventures de Jacques Sadeur dans la découverte des terres Australes, 1693.

ЭБ "Научное наследие России"

Поэтому въ имущественномъ неравенствѣ видитъ корень всѣхъ золъ аббатъ Морелли, требующій распредѣленія продуктовъ не по труду, а по потребностямъ. Въ его коммунистическомъ романѣ „Плавучіе острова или Базиліада“ (1753 г., Мессина [1]) изображается счастье и благополучіе народа, управляемаго естественными законами. Предразсудки, мѣшающіе счастью, ниспровергнуты. Какъ принципъ провозглашено, что не только всѣ потребности, но и страсти человѣка должны быть удовлетворены. Отсюда установленіе въ идеальномъ коммунистическомъ строѣ брачнаго коммунизма. Мужчины и женщины соединяются по свободному желанію на болѣе или менѣе долгое время и даже могутъ публично выражать свою любовь. Въ другомъ своемъ произведеніи, въ „Кодексѣ природы“ [2]) Морелли облекаетъ свое ученіе въ догматическую форму. Для реорганизаціи общества необходима отмѣна частной собственности и обязанность каждаго содѣйствовать общему благу. Всякій гражданинъ имѣетъ право на пропитаніе его государствомъ. За это онъ обязанъ работать. Съ десятаго года жизни начинается обученіе ремеслу. Вступаютъ въ бракъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ. Отъ 20 до 25 лѣтъ каждый занимается земледѣліемъ или находящимися съ нимъ въ связи работами. Только послѣ этого можно обратиться къ своей профессіи. Каждой отраслью производства управляетъ особый начальникъ. Послѣ 40 лѣтъ всѣ становятся „свободными работниками“ и не принуждаются больше къ труду. Купля и продажа внутри государства запрещены. Каждый гражданинъ работаетъ для общества и потому содержится обществомъ. Мать обязана сама кормить ребенка, который послѣ 5 лѣтъ переходитъ въ общественное воспитательное заведеніе. Количество ученыхъ и артистовъ опредѣлено точно для каждой общины. Образованіе ихъ начинается рано, они не освобождаются отъ земледѣльческаго труда. Знаніе законовъ обязательно. Метафизика ограничивается опредѣленіемъ Бога и человѣческаго разума съ оговоркой о непостижимости тайны существа духа и загробной жизни. Въ кодексѣ всѣхъ наукъ записываются новыя естественно-науч-

[1]) Morelly: Naufrage des Jles Flottantes, ou la Basiliade, du célèbre Pilpai. Парижъ. 1753

[2]) Morelly: „Code de la nature ou le véritable ésprit des lois, de tous temps négligé et méconnu, 1755.

ЭБ "Научное наследие России"

ныя истины. Въ метафизикѣ и этикѣ не допускаются никакія добавленія. Убійца или пытавшійся измѣнить основной законъ и ввести частную собственность, какъ безумецъ и врагъ человѣчества заключается въ гробовой камерѣ на кладбищѣ. Имя его вычеркивается изъ списка гражданъ, а семьѣ его дается другое имя. Супружеская невѣрность карается тюрьмою. Законы неизмѣнны. Формула всякаго распоряженія — „разумъ желаетъ, а законъ приказываетъ“.

Себя Морелли считалъ наперсникомъ природы, раскрывшей ему свою тайную волю.

Выдержанная въ духѣ тѣхъ же идей утопическая система изложена въ сочиненіяхъ другого писателя Мабли [1]). „Только общность имуществъ создаетъ добрыхъ гражданъ“ утверждаетъ Мабли. Богатые всегда предпочитаютъ личное благо благу общественному. Считая, что цѣль жизни не въ наслажденіи, а въ добродѣтели, Мабли рекомендуетъ умѣренность и придаетъ своимъ общественнымъ идеаламъ нѣсколько аскетическій характеръ. Жадность и честолюбіе, по его мнѣнію, всегда будутъ тормазить дѣло законодателя, а потому онъ не надѣется на полное осуществленіе своихъ идеаловъ. Идеаломъ законодателя въ глазахъ Мабли является Ликургъ.

Къ эпохѣ великой революціи утопіи, вдохновляющіеся идеалами Руссо, получаютъ все болѣе напряженный радикальный характеръ и наканунѣ революціи утописты говорятъ уже вполнѣ революціоннымъ языкомъ. Собственность это дочь насилія — утверждаетъ Симеонъ Линде, авторъ „Теоріи гражданскихъ законовъ“ (1767 г.) и редакторъ „Политическихъ, гражданскихъ и литературныхъ ежегодниковъ 18 вѣка“. Частною собственностью создано общество, нужное побѣдителямъ въ борьбѣ за сохраненіе добычи. „Кто говоритъ: — общество, тотъ говоритъ: — богатство и нищета, подаяніе и кража“. Положеніе современнаго рабочаго, отвоевавшаго себѣ только „свободу умирать отъ голода“, хуже положенія прежняго невольника. „Общество живетъ, уничтожая свободу, какъ хищные звѣри живутъ, пожирая трусливыхъ животныхъ“. „Міръ превращенъ обществомъ въ громадную тюрьму, въ которой пользуются свободой только надзиратели надъ арестантами“.

---

[1]) Mably Entretiens de Phocion, 1763, De la législation ou principes des lois, 1776; Droits et devoirs du citoyen 1789.

© "Научное наследие России"

Идеи Руссо вскорѣ получили боевое крещеніе, ставъ однимъ изъ идейныхъ двигателей міровыхъ событій великой революціи. „Арестанты“ обнаружили желаніе разрушить „тюрьму“, ролью „трусливыхъ животныхъ“, пожираемыхъ „хищными“, они не хотѣли болѣе удовлетворяться. Яркимъ представителемъ революціоннаго утопическаго коммунизма явился Франсуа Ноэль Бабефъ (1764 — 1797 г.), прозванный Каемъ Гракхомъ. Родился онъ въ С.-Кантенѣ, обучался землемѣрному искусству и состоялъ членомъ кадастровой комиссіи, благодаря чему близко приглядѣлся къ народной нищетѣ. Съ началомъ революціи увлекся ею до фанатизма Былъ якобинцемъ, но высказался за сверженіе Робеспьера. Однако, вскорѣ попалъ въ немилость у термидорцстовъ, захватившихъ власть и очутился въ тюрьмѣ Въ тюрьмѣ подъ вліяніемъ товарищей по заключенію и чтенія Руссо, сталъ коммунистомъ и выработалъ свою систему. Въ 1795 году Бабефъ былъ амнистированъ и началъ въ собственномъ органѣ („Le tribun du peuple“) пропагандировать соціальную революцію. Вскорѣ Бабефъ сталъ во главѣ коммунистическаго заговора, основавъ въ союзѣ съ Буонаротти, Дарте и др. тайное „Общество равныхъ“. Организація задалась цѣлью ниспровергнуть Директорію и осуществить коммунизмъ. Предполагалось захватить магазины и склады провіанта, конфисковать имѣнія и организовать національную общность имуществъ. Къ участію въ „Обществѣ равныхъ“ было привлечено до 17 тысячъ заговорщиковъ. главнымъ образомъ изъ среды недовольныхъ солдатъ и жандармовъ. Одинъ изъ участниковъ заговора раскрылъ его въ маѣ 1796 года. Главари заговора были преданы суду, причемъ Бабефъ и Дарте приговорены къ смертной казни. Оба пытались заколоться кинжалами, но это имъ не удалось и въ маѣ 1797 года они были гильотинированы.

„Гидрѣ пролетарскаго движенія, — говоритъ по этому поводу Луксъ, — отрѣзали одну голову Бабефа, но на ея мѣсто выросли двѣ: Сенъ-Симонъ и Фурье“.

Бабефъ не рисовалъ фантастическаго идеальнаго государства на сказочномъ островѣ, онъ указывалъ лишь недостатки существующаго общественнаго строя и развивалъ принципы, которые надо положить въ основаніе новаго строя. Антиобщественно законодательство, не признающее, что природа создала людей равными и лишь насиліе сдѣлало неравными.

© "Научное наследие России"

„Фактическое равенство — утверждалъ Бабефъ — не химера. Практическій опытъ его осуществленія былъ счастливо предпринятъ великимъ трибуномъ — Ликургомъ".

Новое общество должно создать такой строй, при которомъ всѣ имѣли бы достаточно, но никто не пользовался излишкомъ. Для этого необходимо всѣ богатства соединить въ рукахъ республики, обязать всѣхъ здоровыхъ гражданъ къ работѣ, учредить общіе склады для продуктовъ промышленности и плодовъ земли, поровну дѣлить всѣ продукты и удовольствія, уничтоживъ совершенно частную собственность и торговлю. Для обученія труду, соотвѣтствующему силамъ и способностямъ каждаго, должны быть созданы общіе воспитательные дома.

Наиболѣе рѣзко принципы Бабефа выражены въ „Манифестѣ плебеевъ", который былъ изданъ въ органѣ Бабефа участниками заговора „равныхъ". Въ этомъ манифестѣ было объявлено общественной кражей все, что отдѣльное лицо дѣлаетъ своей собственностью, позорнымъ преступленіемъ противъ народа — право продажи, возмутительнымъ явленіемъ, раздѣляющимъ членовъ общества, наслѣдованіе имуществъ.

Защиту отъ случая и вліянія дурныхъ обстоятельствъ можетъ дать только организація коммунизма въ управленіи, производствѣ и потребленіи, только она можетъ обезпечить каждому члену общества и его потомству достатокъ безъ излишества. „Такой общественный строй снесетъ границы, заборы, стѣны, запоры, распри, суды, кражи, убійства и другія преступленія, тюрьмы, наказанія, висѣлицы, отчаянія, вызываемыя этими бѣдствіями, зависть, недружелюбіе, гордость, нечестность и — главнѣе всего — постоянную неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, мѣсяцѣ, годѣ, въ нашей старости, участи дѣтей и внуковъ". Общность богатствъ и равенство правъ должно осуществить рай на землѣ.

Лучшимъ сочиненіемъ о Бабефѣ до сихъ поръ считается двухъ-томный трудъ Victor'a Advielle'я: Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme d'après de nombreux documents inédits. Парижъ 1884.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ X.

ВЕЛИКІЕ УТОПИСТЫ.

I.

Генрихъ Сенъ-Симонъ.

I.

Духовный обликъ XIX вѣка сложился подъ вліяніемъ Сенъ-Симона.

Соціальная и философская мысль этого столѣтія. его исторіософія и гносеологія коренятся въ геніальныхъ идеяхъ великаго французскаго утописта. Большинство корифеевъ мысли отъ Огюста Конта до Карла Маркса—такъ или иначе „ученики“ Сенъ-Симона. И если сенъ-симонизмъ, какъ обособленное направленіе былъ минутнымъ увлеченіемъ европейской интеллигенціи, то основоположенія его воззрѣній вошли, какъ драгоцѣнное достояніе, въ современную науку. Но, оказавъ громадное вліяніе на европейскую цивилизацію, Сенъ-Симонъ фактически оставилъ скромное литературное наслѣдство.

Сочиненія Сенъ-Симона весьма не многочисленны. Обыкновенно во французскихъ изданіяхъ сенъ-симонистскихъ текстовъ подлинныя произведенія самого. главы школы совершенно теряются въ обильныхъ сочиненіяхъ его послѣдователей.

Біографія Сенъ-Симона болѣе извѣстна чѣмъ тексты его сочиненій.

Графъ Генрихъ де Рувруа Сенъ-Симонъ родился въ 1760 году во Франціи. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода и получилъ дома для того времени блестящее воспитаніе, имъ въ юности руководили выдающіеся ученые, между прочимъ, Даламберъ. О юности Сенъ-Симона извѣстно, впрочемъ, довольно мало. Его біографію обошелъ только одинъ харак-

ЭБ "Научное наследие России"

терный анекдотъ: тринадцати лѣтъ отъ роду Сенъ-Симонъ былъ заключенъ въ тюрьму собственнымъ отцомъ за открытое заявленіе объ измѣнѣ вѣроученію отца—католицизму. Вскорѣ, впрочемъ, онъ оттуда бѣжалъ.

Вообще, повидимому, духовный обликъ Сенъ-Симона сложился очень рано: душевныя и интелектуальныя качества его были прямо недюжинныя и гордое сознаніе своего духовнаго превосходства давало ему уже въ раннемъ возрастѣ силы обнаруживать свою самостоятельность и независимость.

Въ молодости Сенъ-Симонъ принималъ участіе въ возстаніи англійскихъ колоній въ Америкѣ; онъ былъ тамъ въ числѣ офицеровъ французскихъ войскъ, отправленныхъ въ помощь американскимъ инсургентамъ. Біографы разсказываютъ, что въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ въ Новомъ Свѣтѣ, Сенъ-Симонъ успѣлъ заявить себя храбрымъ воиномъ и дослужиться до чина полковника Поэтому, вернувшись на родину, онъ вскорѣ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Мецъ. Здѣсь онъ служилъ недолго Покинувъ черезъ годъ военную службу, Сенъ-Симонъ отправляется путешествовать по Европѣ—„наблюдать и размышлять“, какъ онъ писалъ въ одномъ изъ писемъ своихъ. Во время революціи Сенъ-Симонъ снова на родинѣ въ своемъ родовомъ имѣніи. Сенъ-Симонъ не участвовалъ активно въ Великой революціи: къ политическимъ выступленіямъ онъ всю свою жизнь былъ равнодушенъ и его исключительно интересовали соціальныя и религіозныя идеи. Впрочемъ, свое общее сочувствіе революціи онъ засвидѣтельствовалъ только отказомъ отъ графскаго титула и отклоненіемъ отъ себя чести быть избраннымъ меромъ мѣстной общины. Въ этотъ періодъ падаетъ его матеріальное благосостояніе. Его родовое имѣніе было конфисковано, а разореніе было довершено нѣкимъ Редерномъ, который, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Сенъ-Симона, пріобрѣлъ съ помощью спекуляціи милліонное состояніе бывшаго графа, оставивъ ему небольшой годовой доходъ.

Потеря имущества не обезкуражила благороднаго человѣка: онъ зналъ, что у него есть другое богатство и что ему, какъ онъ выражался, предстоитъ „подняться на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы“. Онъ охотно предоставилъ Редерну „собирать сокро-

© "Научное наследие России"

вища, измѣряемыя деньгами", самъ же мечталъ о славѣ провозвѣстника новой истины. Въ своемъ вдохновенномъ экстазѣ Сенъ-Симонъ доходилъ до галлюцинацій. Самъ Карлъ Великій, чья кровь текла въ жилахъ Сенъ-Симона, явившись ночью сказалъ ему, что его успѣхи, какъ философа, сравнятся съ тѣми, какихъ онъ, Карлъ Великій, достигъ, какъ воинъ и политикъ.

Почувствовавъ въ себѣ призваніе преобразовать философію, построивъ ее изъ обобщеннаго знанія, представляемаго точными науками, Сенъ-Симонъ принялся изучать до сихъ поръ мало знакомыя ему дисциплины. Но и здѣсь сказался его недюжинный и въ высшей степени оригинальный складъ ума. Онъ не погружается въ кропотливое изученіе научныхъ трудовъ, а пытается воспринять и водворить въ своемъ сознаніи пріобрѣтенія человѣческаго генія, знакомясь съ ними внѣ всякой системы, полагаясь не столько на память и на добросовѣстный анализъ, сколько на свою творческую силу. Онъ старается поддерживать близкое знакомство съ учеными и профессорами медицинскихъ и политехническихъ школъ, улавливая въ бесѣдахъ съ ними то, что ему нужно для построенія своего новаго міровоззрѣнія. На ряду съ этимъ Сенъ-Симонъ пытается проникнуть въ тайны жизни и человѣческихъ страданій путемъ общенія съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ лицъ. Съ этой цѣлью онъ дѣлаетъ изъ своего дома салонъ, куда приглашаетъ выдающихся людей своего времени. Женившись на красивой и очень интересной женщинѣ и ведя роскошную жизнь, насколько позволяли ему остатки его состоянія, онъ пріобрѣтаетъ обширный кругъ знакомствъ и оказывается въ состояніи съ большимъ успѣхомъ производить свои наблюденія. Жизнь на широкую ногу. однако же, отняла у него послѣдніе доходы и онъ очутился чрезъ годъ въ положеніи нищаго.

Сенъ-Симону было теперь 40 лѣтъ; съ этого времени начинается періодъ его творческой работы. Затруднительныя матеріальныя обстоятельства, правда, не могли не отражаться неблагопріятно на его занятіяхъ, но онъ стоически выносилъ всѣ лишенія и упорно продолжалъ вѣрить въ свою миссію, несмотря на всѣ неудачи, постигавшія его попытки обратить на себя вниманіе ученаго міра.

Весьма характерна для этой истинно-аристократической, чуждой всего мѣщанскаго натуры, та свобода отъ всякихъ

ЭБ "Научное наследие России"

собственническихъ предразсудковъ, отъ буржуазнаго самолюбія, которую проявилъ Сенъ-Симонъ въ этотъ періодъ своей жизни. Лишенный всякихъ средствъ къ жизни, онъ не считаетъ для себя унизительнымъ обращаться съ просьбами о поддержкѣ къ выдающимся ученымъ и даже къ Наполеону, которымъ онъ посылаетъ свои произведенія, собственноручно переписанныя. Сенъ-Симону кое-какъ удалось найти работу по перепискѣ со скуднымъ вознагражденіемъ. Въ итогѣ бѣдствій онъ попадаетъ на иждивеніе своего бывшаго слуги Діара, на средства котораго онъ издаетъ и свои первыя литературныя произведенія.

Первая печатная работа Сенъ-Симона представляла собою маленькую брошюрку, содержащую призывъ къ образованію „собранія избранниковъ человѣчества“ и написанную страннымъ языкомъ, подражающимъ библейскому[1]). Полный неуспѣхъ брошюрки не обезкуражилъ Сенъ-Симона. Онъ продолжалъ мечтать о новыхъ планахъ и не уставалъ проповѣдывать свои взгляды.

Съ теченіемъ времени ледъ равнодушія былъ однако же пробитъ: въ ученомъ мірѣ стали обращать вниманіе на страннаго проповѣдника. Особенно усилился интересъ къ нему съ того времени, когда появились его важнѣйшія труды „Catéchisme des industriels“, „Système industriel“ и широко задуманное произведеніе послѣднихъ лѣтъ его жизни „Nouveau Christianisme“. Идеи Сенъ-Симона начинаютъ понемногу встрѣчать сочувствіе. Таковъ, раньше другихъ, историкъ Огюстьенъ Тьерри. Общими идеями Сенъ-Симона, особенно его мыслью о единствѣ знанія, о трехъ періодахъ развитія мысли и о необходимости общественной науки, проникся одинъ изъ крупнѣйшихъ философовъ—родоначальникъ французскаго позитивизма—Огюстъ Контъ.

Матеріальная необезпеченность и всякаго рода неудачи не покидали однако нашего философа до самой его смерти. Въ 1823 году онъ сдѣлалъ попытку къ самоубійству, но и здѣсь его постигла неудача: онъ прострѣлилъ себѣ только глазъ. Чрезъ два года послѣ этого онъ скончался на рукахъ у своихъ, уже имѣвшихся въ то время, вѣрныхъ послѣдователей. Число ихъ съ каждымъ днемъ возрастало. Вскорѣ

---

[1]) **Saint-Simon**: Lettres d'un habitant du Genève. 1802.

© "Научное наследие России"

образовалась своего рода секта сенъ-симонистовъ, въ число которыхъ входило много писателей и ученыхъ.

Та сторона ученія Сенъ-Симона, которая тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ задачами общественной борьбы и которая сдѣлала имя Сенъ-Симона безсмертнымъ, была усвоена не философами, а практическими дѣятелями соціалистическаго движенія, наиболѣе яркими представителями котораго являются два основателя Сенъ-Симонистской церкви —Базаръ и Анфантенъ. Кромѣ нихъ среди сенъ-симонистовъ выдѣлились: Бюшезъ, Оландъ Родригъ, Галеви, Адольфъ Бланки, Армандъ Каррель, Огюстъ Контъ и нѣкоторые другіе.

II.

Сенъ-Аманъ Базаръ (род. въ 1791 г.) выступилъ на поприще общественной борьбы въ эпоху реставраціи. Политехникъ по образованію онъ былъ однимъ изъ дѣятелей тайнаго общества „Карбонаровъ“, стремившагося низвергнуть Бурбоновъ, какъ власть, навязанную Франціи иностранцами. Какихъ либо опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ у этого общества не было: оно хотѣло только предоставить Франціи самой рѣшать о своей формѣ правленія. Вожди общества были раскрыты и преданы суду, который приговорилъ ихъ къ смертной казни. Базару удалось во-время бѣжать. И лишь въ серединѣ 20-хъ годовъ онъ могъ вернуться на родину и здѣсь совершенно случайно сошелся съ учениками Сенъ-Симона, незадолго передъ этимъ умершаго. Базару показалось, что именно въ ученіи Сенъ-Симона онъ можетъ найти то, что онъ такъ долго искалъ. Онъ увлекся основными идеями Сенъ-Симона и пытался развить ихъ въ систему. Базаръ внесъ въ семъ-симонистское движеніе революціонныя стремленія и старался направить его по широкому пути открытой практической дѣятельности и общественной борьбы. Когда въ школу сенъ-симонистовъ вступилъ цѣлый рядъ воодушевленныхъ новой идеей представителей образованнаго общества, во главѣ этого братства, проповѣдывавшаго новую религію съ новымъ культомъ и издававшаго журналъ „Producteur“, поставлены были два „верховныхъ отца“. Однимъ изъ нихъ былъ Базаръ, читавшій въ 1829 году публичныя лекціи, въ которыхъ систематизировались идеи Сенъ-Симона. Однако, вскорѣ разойдясь съ братствомъ во взглядахъ, онъ ушелъ совсѣмъ изъ него

Базаръ придавалъ громадное значеніе антагонизму имущихъ и бѣдныхъ, который онъ считалъ источникомъ соціальныхъ бѣдствій. Этотъ антагонизмъ являлся результатомъ отсутствія общаго плана въ промышленной дѣятельности и наличности вредящей всѣмъ конкурренціи. Для уничтоженія антагонизма необходимо сосредоточить все существующее имущество въ рукахъ цѣлаго общества и распредѣлить его между всѣми на началахъ равенства. Переходною ступенью къ

ЭБ "Научное наследие России"

этому является уничтоженіе правъ наслѣдованія. Въ итогѣ государство, сосредоточивъ всѣ матеріальныя блага въ своихъ рукахъ, распредѣлитъ ихъ на основаніи принципа. „каждому по его способностямъ", „каждой способности по ея работѣ". Промышленность же будетъ вестись ассоціаціями рабочихъ, сообща владѣющихъ средствами производства.

Изъ работъ Базара заслуживаютъ вниманія слѣдующія: „Discussions morales, politiques et réligieuses", гдѣ обсуждаются вопросы, повлекшіе къ расколу въ общинѣ и „Réunion générale de la famille", посвященное самому расколу Кромѣ того Базаръ стоялъ во главѣ коллективнаго труда „Exposition de la doctrine de Saint-Simon", дающаго прекрасное изложеніе сенъ-симонизма

Другимъ „верховнымъ отцомъ" общины былъ Анфантенъ, вдохновенный пророкъ, считавшій себя Мессіей новой религіи

Варѳоломей Просперъ Анфантенъ (1788—1864) родился въ Парижѣ въ семьѣ банкира и самъ въ молодости принималъ участіе въ банкирской дѣятельности, примкнулъ къ ученію Сенъ-Симона въ началѣ 20-хъ годовъ Послѣ смерти Сенъ-Симона онъ сталъ вмѣстѣ съ Базаромъ, во главѣ новой школы Анфантенъ не только развивалъ основныя научныя положенія сенъ-симонизма, но тщательно разрабатывалъ также догматы и вопросы культа, характеризовавшіе новую религію Онъ вмѣстѣ съ другими сенъ-симонистами открылъ въ 1828 году курсъ лекцій въ своемъ общинномъ помѣщеніи на улицѣ Тараньи. Онѣ имѣли необычайный успѣхъ и печатались въ сенъ-симонистскомъ журналѣ „Organisateur". Здѣсь охватывалась вся сумма человѣческаго міровоззрѣнія отъ искусства и религіи до законовъ и экономики. Рѣзко и талантливо критикуя окружающія условія, сенъ-симонисты рекомендовали отказъ отъ конкурренціи и эксплуатаціи и организацію ассоціацій „Всеобщая ассоціація—вотъ наше будущее",—восклицали тогда. „Всякому по способностямъ,—всякой способности по ея дѣламъ",—такъ формулировали тогда соціальную политику, взамѣнъ политики, „основанной на правѣ завоеванія и рожденія". Въ братствѣ подъ управленіемъ Анфантена царила строгая, но не стѣснявшая особенно личности, дисциплина. Женщины принимали участіе во всѣхъ проявленіяхъ общинной жизни наравнѣ съ мужчинами. Таковы были завѣты самаго Сенъ-Симона. Анфантенъ пришелъ даже къ той мысли что для полноты совершенства въ братствѣ должно быть отведено первенствующее мѣсто не только „верховному отцу", но одновременно и „верховной матери". По его предложенію начались поиски женщины, которая могла бы, наряду съ нимъ, занять мѣсто главы школы, женщины, которая была бы тоже Мессіей „новаго христіанства". Несмотря на всѣ поиски, такой женщины однако не находилось.

Расцвѣтъ сенъ-симонистскаго братства продолжался, однако, недолго. Въ широкихъ кругахъ общества создалась о немъ весьма нелестная слава. Увлеченіе сенъ-симонистовъ новымъ культомъ, странныя церемоніи, въ связи съ необычною проповѣдью казавшихся сумасбродными идей—вызывали въ публикѣ насмѣшки и всевозможные преувеличенные толки. Проповѣдь новой свободной любви и поведеніе нѣкоторыхъ членовъ общины разсматривались, какъ оскорбленіе

ЭБ "Научное наследие России"

нравственности. Къ тому же денежныя дѣла братства сильно пошатнулись и ему грозило банкротство. Попытка перейти отъ проповѣди къ практическому осуществленію ихъ экономическаго идеала, выразившаяся въ организаціи рабочихъ ассоціацій, потерпѣла фіаско и дала только убытокъ. Судебный процессъ, начатый противъ братства по обвиненію его въ нарушеніи закона о союзахъ, въ возбужденіи ненависти къ согражданамъ и въ оскорбленіи нравовъ, довершилъ дѣло. Вожаки были приговорены къ заключенію Самъ Анфантенъ впослѣдствіи снова вернулся къ частной жизни и занялся торговлей. Онъ умеръ 31 мая 1864 года

Главное сочиненіе Анфантена называется „Economie politique et Politique". Оно представляетъ собою рядъ статей, помѣщавшихся въ „Глобусѣ". Здѣсь излагались важнѣйшія экономическія доктрины сенъ-симонизма—ученіе объ эксплуатаціи неимущихъ собственниками, теорія соціальнаго антагонизма, проектъ національнаго банка и ученіе о налогѣ на наслѣдство Нравственнымъ проблемамъ посвящено большое сочиненіе Анфантена „Morale", осужденное уголовнымъ судомъ. Кромѣ того, имъ написано нѣсколько брошюръ

III.

Сенъ-Симонъ имѣлъ свою задачу въ созданіи новой религіи, которую онъ называлъ новымъ христіанствомъ. По его мнѣнію, человѣчество уже вступило въ тотъ періодъ своего развитія, когда оно должно распроститься съ чисто умозрительнымъ толкованіемъ жизни міра и его судебъ, т, е. съ метафизикою, съ тою метафизикою, которая смѣнила собою слѣпую вѣру въ обоготворенныя силы природы. Человѣчество должно перейти къ новой религіи, основанной на точномъ знаніи. Передъ людьми стояла задача: поставить науку на мѣсто старой философіи, т. е. свести всѣ научныя истины въ одно цѣлое, которое представляло бы собою законченное міросозерцаніе, дающее отвѣтъ на всѣ существеннѣйшіе запросы человѣческаго духа Въ то же время эта общая наука, эта „научная философія",—какъ позже принято было выражаться,—должна была не устранить религію, а только реформировать ее. Какъ понималъ Сенъ-Симонъ сущность религіи, это остается невыясненнымъ. Но несомнѣнно, что для него представлялось недостаточнымъ одно только „трезвое знаніе". Та философская система, которую Сенъ-Симонъ пытался построить на почвѣ точнаго знанія, должна была сама получить характеръ религіи, ставъ непосредственною

35 "Научное наследие России"

руководительницею въ дѣятельности человѣчества, направленной къ достиженію высшихъ, конечныхъ цѣлей и, оставляя мѣсто для чисто религіознаго экстаза, для энтузіазма, безъ котораго, по мнѣнію Сенъ-Симона, не возможны никакія „великія дѣла".

Однако, высшую цѣль человѣческой дѣятельности и идеалы, открываемые его новой религіей, Сенъ-Симонъ понималъ не такъ, какъ понимали ихъ всѣ прежнія религіозныя системы. Въ этомъ отношеніи онъ являлся типичнымъ выразителемъ духа своей эпохи, проникнутой утилитаризмомъ. „Наступитъ день,—говорилъ онъ въ своей первой работѣ, въ „Письмахъ женевца",—когда земля будетъ раемъ". „Религія должна,—пишетъ онъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ,—„Новое Христіанство" (Nouveau Christianisme, 1825), —направлять общество къ великой цѣли возможно скораго улучшенія участи бѣднѣйшаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса". Первый долгъ состоитъ въ томъ,—говоритъ въ томъ же сочиненіи Сенъ-Симонъ,—чтобы употреблять всѣ находящіеся въ распоряженіи людей средства на возможно быстрое улучшеніе нравственной и физической жизни бѣдныхъ". Это улучшеніе участи людей онъ понималъ, какъ „обезпеченіе имъ свободнаго развитія ихъ способностей". Истинное христіанство учитъ также, что „богатые, увеличивъ счастье бѣдняковъ, тѣмъ самымъ улучшили бы и свое собственное существованіе".

Сведеніе религіозныхъ идеаловъ съ неба на землю стоитъ у Сенъ-Симона въ тѣснѣйшей связи съ той идеей, которая, по его ученію, отличала новое христіанство отъ стараго. Подвергая критикѣ христіанскую религію, Сенъ-Симонъ останавливается главнымъ образомъ на этическихъ заповѣдяхъ христіанства. Признавая въ общемъ эти заповѣди, онъ считаетъ ошибочнымъ и, во всякомъ случаѣ, непригоднымъ для новаго человѣчества ученіе о необходимости подавлять требованія плоти. Отношеніе христіанства къ вопросу о духѣ и матеріи представлялось Сенъ-Симону въ слишкомъ упрощенномъ видѣ. Онъ полагалъ, что христіанство по самому существу своему враждебно плоти и ставитъ своимъ идеаломъ отказъ отъ плотской жизни, какъ отъ жизни грѣховной, во имя исключительно духовнаго совершенствованія. Поэтому задачей но-

ЭБ "Научное наследие России"

ваго христіанства Сенъ-Симонъ считалъ призваніе святости плоти, осуществленіе рая на землѣ, въ этой жизни, гдѣ духъ и тѣло одинаковы цѣнны. Самой существенной же этической заповѣдью христіанства Сенъ-Симонъ считаетъ тотъ принципъ, что всѣ люди—братья и что они должны другъ друга любить.

Однако, несмотря на такую, чисто утилитарную и скорѣе этическую [1]), нежели религіозную интерпретацію ученія Христа, Сенъ-Симонъ не отрицаетъ божественнаго происхожденія христіанства [2]) Если же въ христіанствѣ, какимъ мы его знаемъ, встрѣчается много наивнаго и несогласнаго съ нашими развитыми положеніями и съ этическими требованіями новаго христіанства Сенъ-Симона, то это потому—полагалъ Сенъ-Симонъ,—что Богъ, основавшій христіанство, передавалъ его истины людямъ, приспособляясь къ ихъ пониманію и къ ихъ нравственному состоянію.

Новое христіанство должно быть,—по идеѣ Сенъ-Симона, очищено отъ всѣхъ противорѣчащихъ наукѣ положеній Но въ немъ останутся и культъ и церковная организація, но только какъ „аксессуары“. Оно также будетъ имѣть свое духовенство, съ той же іерархической лѣстницей, какъ и прежде. Культъ, однако, будетъ имѣть своей главной цѣлью „обращать вниманіе вѣрныхъ всѣхъ классовъ на нравственность“. „Обязанности духовенства будутъ сведены къ тому, чтобы проповѣдывать новое христіанское ученіе, объ усовершенствованіи котораго будутъ постоянно заботиться главы церкви [3]).

Беря на себя задачу примиренія религіи съ наукою, Сенъ Симонъ думалъ достичь этого не только путемъ реформированія современнаго христіанства, но и пу-

---

[1]) „На ученіе морали новые христіане будутъ смотрѣть какъ на самое главное“. (Сенъ-Симонъ Новое Христіанство, гл II)

[2]) Въ его „Новомъ Христіанствѣ“ (1825) въ діалогѣ между новаторомъ и консерваторомъ новаторъ заявляетъ объ этомъ рѣшительно и опредѣленно.

[3]) Въ высшей степени характерно отмѣтить, что религіозный соціализмъ С.-Симона явился полной противоположностью просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что ко времени дѣятельности Сенъ-Симона религіозность (католическая) выросла въ соціальную и политическую силу, и нашъ авторъ, очевидно, не могъ избѣжать ея вліянія

ЭБ "Научное наследие России"

темъ одновременнаго реформированія современной науки. Его цѣлью было „проложить новую дорогу человѣческому пониманію—дорогу физико-математическую".

Онъ „возымѣлъ проектъ подвинуть впередъ науку такимъ образомъ, чтобы она сдѣлала шагъ къ общему знанію" Въ общей системѣ наукъ, которыя должны быть, по его мнѣнію, не разрозненными дисциплинами, занятыми каждая своей областью, а единымъ связнымъ знаніемъ, Сенъ-Симономъ отводится одно изъ главныхъ мѣстъ—наукѣ о человѣкѣ и о человѣческомъ обществѣ. Ученые, по словамъ Сенъ-Симона, забыли человѣка для своихъ мелочныхъ изслѣдованій о тѣлахъ неорганическихъ. Сенъ-Симонъ возмущался тѣмъ, что ученые не разрѣшаютъ вопросовъ о лучшихъ формахъ соціальной жизни, предоставляя разрѣшеніе столь важнаго вопроса изобрѣтателямъ-фантазерамъ, строящимъ свои планы на ничѣмъ необоснованныхъ измышленіяхъ. Такимъ образомъ, уже здѣсь Сенъ-Симонъ какъ бы намѣчаетъ тотъ планъ построенія научной философіи, который затѣмъ былъ усвоенъ позитивистской школой. Идеи Сенъ-Симона и ихъ значеніе получаютъ теперь особенный интересъ, если вспомнить какое широкое вліяніе нынѣ пріобрѣлъ контовскій релятивизмъ въ естествознаніи и философіи. Человѣческое знаніе не притязаетъ на выясненіе причинъ и слѣдствій вещей. Нѣтъ абсолютнаго, все относительно. Іерингъ пользуется этимъ для своей теоріи причинности, представители физики и механики (Махъ, Кирхгофъ, Герцъ), исходя изъ понятія относительности, пришли къ устраненію дѣйствій и силъ изъ научнаго воззрѣнія на природу. „Чистый опытъ" Р Авенаріуса и „эмпріокритицизмъ" Э. Маха,—вотъ крайнее развитіе и примѣненіе контизма, столь богато оплодотвореннаго Сенъ-Симономъ. Тутъ въ зародышѣ мы находимъ уже мысль о трехъ стадіяхъ развитія человѣчества, и идею обобщеннаго и систематизированнаго знанія, какъ эквивалента философіи, и указаніе на существенное значеніе науки объ обществѣ, которая должна замѣнить собою произвольныя построенія политиковъ. Нѣкоторые изъ біографовъ Сенъ-Симона готовы поэтому считать его родоначальникомъ европейскаго позитивизма. Такъ, напримѣръ, Мукле говоритъ о Сенъ-Симонѣ, какъ о мыслителѣ, оказавшемъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе фило-

ЭБ "Научное наследие России"

софіи. „Можно безъ преувеличенія сказать, — говоритъ Мукле[1]), — что всѣ руководящія соціальныя идеи Конта взяты у Сенъ-Симона, которому потомство до сихъ поръ еще не воздвигло надлежащаго памятника

Что касается собственной науки, то въ этой области главнѣйшей заслугой Сенъ-Симона является прежде всего разграниченіе понятій общества и государства. Современная ему политическая жизнь съ достаточной ясностью показала Сенъ-Симону, что форма правленія не имѣетъ того всеразрѣшающаго значенія, какое ей приписывали философы революціонной эпохи[2]). Общественное развитіе, по ученію Сенъ-Симона, подобно естествознанію имѣетъ свои законы, которые должны быть открыты наукою для того, чтобы можно было предвидѣть историческій ходъ развитія общественныхъ формъ. Какъ сенсуалистъ, онъ, однако, продолжаетъ еще сохранять старыя представленія о роли идей въ исторіи, онъ вѣритъ въ то, что измѣненія въ общественной жизни обусловливаются интелектуальнымъ развитіемъ человѣчества. Но имъ же впервые съ полной опредѣленностью выдвинута мысль о зависимости общественаго прогресса отъ измѣненій, совершающихся въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній. Въ этомъ отношеніи Сенъ-Симонъ является провозвѣстникомъ не только позднѣйшаго позитизма, но и такъ называемаго историческаго матеріализма. Сенъ-Симонъ стоитъ такимъ образомъ на точкѣ зрѣнія дуалистической школы. Но объясненіе общественной эволюціи, какъ явленія, обусловливаемаго измѣненіемъ въ матеріальныхъ условіяхъ общественной жизни, занимаетъ въ его міросозерцаніи центральное мѣсто. Базисомъ соціальнаго строя являются для него факты хозяйственной жизни и, прежде всего, — опредѣленныя явленія экономической жизни и техники. „Вотъ почему, — какъ говоритъ Мукле[3]), — Сенъ-Симонъ принужденъ былъ считать политическую экономію, объектомъ которой служатъ хозяйственныя отношенія, основой политики“. Что касается другихъ „надстроекъ“, какъ то: религіи, морали и т. д., то Сенъ-Симонъ склоненъ былъ

[1]) Muckle: Saint-Simon und die oekonomische Geschichtstheorie. Iena, 1906, стр. 4.

[2]) Saint-Simon: L'Industrie, т. XVII, стр. 228.

[3]) Muckle: loc. cit., стр. 20.

ЭБ "Научное наследие России"

устанавливать скорѣе ихъ зависимость отъ развитія духовныхъ силъ. Но подробнаго анализа этой зависимости онъ не далъ. Она принималась имъ безъ критики. Тамъ же, гдѣ его мысль, дѣйствительно, пыталась вскрыть существующія соотношенія и гдѣ его изслѣдованіе опиралось на факты, т. е. въ вопросѣ объ отношеніи экономики къ политикѣ, его дуализмъ исчезалъ, и онъ высказывался въ духѣ очень близкомъ матеріалистическому пониманію исторіи.

Говоря объ экономическихъ отношеніяхъ, какъ объ основѣ экономическаго развитія, Сенъ-Симонъ имѣетъ въ виду прежде всего отношенія собственности. Соціальная организація опредѣляется, по его мнѣнію, въ конечномъ счетѣ „законом*ъ собственности“. Законъ, опредѣляющій собственность, является наиболѣе важнымъ: „онъ служитъ базисомъ соціальнаго зданія“ [1]). Однако, сколько нибудь полнаго и обстоятельнаго анализа самаго „закона собственности“ и его роли въ хозяйственной жизни Сенъ-Симонъ не даетъ. Лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указываетъ онъ на значеніе собственности въ ту или другую изъ разсматриваемыхъ имъ историческихъ эпохъ.

Исторія человѣческаго общества представляетъ собою, по Сенъ-Симону, смѣну различныхъ формъ соціальной организаціи, характеризующейся преобладаніемъ того или другого вида собственности. Наблюдавшаяся имъ, какъ современникомъ реставраціи, борьба между феодально-клерикальными элементами общества и классомъ промышленниковъ, дала Сенъ-Симону возможность съ опредѣленностью выяснить различіе между двумя эпохами, на рубежѣ которыхъ онъ жилъ [2]). На нихъ то преимущественно и сосредоточивается его вниманіе. Далѣе Сенъ-Симонъ указываетъ на „необходимость общей перестройки всей соціальной системы“.

Та стадія развитія общества, которая, по мнѣнію Сенъ-Симона, переживала свой расцвѣтъ въ средніе вѣка, и слѣды которой давали себя знать еще въ его время, характеризовалась имъ, какъ періодъ преобладанія земельной собствен-

---

[1]) Saint-Simon: L'industrie, т. XIX, стр. 43.

[2]) „Современный кризисъ, — говоритъ Сенъ-Симонъ, — состоитъ, главнымъ образомъ, въ переходѣ отъ феодальнаго и теологическаго къ индустріальному и научному строю“.

ЭБ "Научное наследие России"

ности. Соотвѣтственно этому, ея общественная организація представляла собою „комбинацію теологически-папской власти съ феодально-военной“. Первая власть является остаткомъ того времени, когда христіанство являлось господствующей религіей, вторая — наслѣдіе эпохи, когда воинственные франки стали собственниками земли и подчинили себѣ галловъ, сдѣлавъ ихъ неимущими Общая власть церкви и феодаловъ стала подвергаться опасности съ тѣхъ поръ, какъ въ развившихся городахъ появилась новая сила въ лицѣ класса промышленниковъ, „индустріаловъ“. какъ онъ ихъ называетъ. Этотъ классъ обнимаетъ всѣ производительныя классы общества — отъ предпринимателей и ученыхъ до рабочихъ и носильщиковъ [1]).

Этотъ новый классъ, вступившій на арену исторіи, несетъ съ собой новую форму собственности, собственности промышленной, а, слѣдовательно, и новую общественную организацію, долженъ утвердить свое господство путемъ борьбы съ представителями стараго режима. Въ этомъ, по мнѣнію Сенъ-Симона, смыслъ всей французской революціи Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, еще одинъ пунктъ, въ которомъ мысль Сенъ-Симона приближается къ точкѣ зрѣнія марксизма. Онъ устанавливаетъ ту истину, что процессъ измѣненія общественныхъ формъ происходитъ въ формѣ борьбы классовъ.

Борьба, происходящая между земельными собственниками и промышленниками, должна, по мнѣнію Сенъ-Симона, окончится побѣдою послѣднихъ и установленіемъ въ результатѣ этого такъ называемаго индустріализма. Но въ опредѣленіи этого новаго строя Сенъ-Симонъ не даетъ полной законченности и опредѣленности. Особенно вредитъ Сенъ-Симону его спутанное представленіе о самомъ классѣ индустріаловъ. Его анализъ классовыхъ отношеній не проникъ настолько глубоко, чтобы вскрыть противорѣчія, уже намѣчавшіяся въ этомъ классѣ, представлявшемся Сенъ-Симону единымъ. Противоположности между представителями промышленнаго капитала и рабочимъ классомъ, лишеннымъ средствъ производства, какъ между классами антагонисти-

---

[1]) Prosper Enfantin: Die Nationaloekonomie des Saint-Simonismus. Нѣм. пер. Villaret съ введеніемъ G. Adler'a. Лейпцигъ, 1905, стр 9.

35 "Научное наследие России"

ческими, онъ не замѣчалъ. Если внутри класса индустріаловъ онъ и усматривалъ нѣкоторое разслоеніе, то оно сводилось къ противоположности между представителями промышленности, въ число которыхъ входили какъ рабочіе, такъ и предприниматели, и выдѣлившимися изъ этого класса представителями денежной аристократіи. Послѣднюю онъ разсматривалъ какъ силу враждебную классу промышленниковъ Тутъ въ зародышѣ уже имѣется, правда, идея о противоположности интересовъ капитала съ интересами труда, такъ какъ на капиталистовъ предпринимателей Сенъ-Симонъ смотритъ, какъ на трудящихся и ихъ собственность готовъ былъ считать совершенно законною Но все же отчетливаго представленія о двухъ рѣзко враждебныхъ другъ другу классахъ, собственниковъ — предпринимателей съ одной стороны и пролетаріевъ, продающихъ свой трудъ,—съ другой, у Сенъ-Симона не было. Можно думать, что обнаружить антагонизмъ этихъ классовъ ему мѣшало недостаточно еще развившееся въ его время противорѣчіе труда и капитала; этому, повидимому, способствовалъ также тотъ временный союзъ, въ которомъ находились буржуазія и пролетаріатъ въ эпоху реставраціи, когда имъ приходилось вести совмѣстную борьбу съ пережитками феодальныхъ порядковъ.

Все сочувствіе Сенъ-Симона было на сторонѣ „индустріаловъ", въ которыхъ онъ видѣлъ носителей лучшаго общественнаго порядка. По его мнѣнію, установленіе индустріализма повлечетъ за собою уничтоженіе классового антагонизма, а, въ концѣ концовъ, даже и устраненіе національныхъ противорѣчій. „На этой ступени человѣческой культуры философъ будетъ въ состояніи окинуть взоромъ все прошедшее и будущее человѣчества. На заднемъ фонѣ картины онъ увидитъ рабство, затѣмъ сможетъ съ полнымъ удовольствіемъ прослѣдить, какъ рабство постепенно смягчалось, пока, наконецъ, не исчезли самыя слабыя его формы и не образовалась соціальная организація, которая должна непосредственно стремиться къ счастью большаго числа своихъ членовъ. Когда философъ будущаго будетъ разсматривать прошедшее, онъ увидитъ народы находящимися въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ, тогда какъ въ будущемъ ему представится лишь картина счастливыхъ націй, соперничающихъ одна съ другой лишь въ сферѣ науки, инду-

ЭБ "Научное наследие России"

стріи, морали“ [1]). „Индустріализмъ“, повидимому, представлялся Сенъ-Симону такимъ строемъ, при которомъ возможно осуществленіе высшаго идеала человѣчества, понимаемаго нашимъ философомъ, какъ „мирный и прочный порядокъ вещей“, обезпечивающій человѣку развитіе всѣхъ его способностей. Къ этому идеалу должно привести развитіе индустріи — и поэтому, по мнѣнію Сенъ-Симона, вся соціальная дѣятельность должна быть сведена къ мѣропріятіямъ, способствующимъ утвержденію и укрѣпленію индустріализма. Поэтому то и эпиграфомъ къ издававшемуся имъ сборнику „L'Industrie“ онъ взялъ выраженіе „tout par l'industrie, tout pour elle“.

Въ связи съ такимъ воззрѣніемъ на конечный идеалъ человѣческаго развитія стоитъ и его оцѣнка политическаго значенія класса промышленниковъ. Этотъ послѣдній, какъ утверждалъ Сенъ-Симонъ, имѣетъ наибольшія способности къ управленію дѣлами государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенъ-Симонъ требовалъ отъ промышленниковъ, чтобы они съ полнымъ сознаніемъ своей миссіи направили свою дѣятельность къ обезпеченію существованія бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Передавая политическую власть преимущественно промышленникамъ, Сенъ-Симонъ расчитывалъ при этомъ на ихъ собственный интересъ. Промышленники, по его мнѣнію, „всего болѣе заинтенесованы въ поддержаніи общественнаго спокойствія, въ умѣренности публичныхъ издержекъ. Они же больше всѣхъ приспособлены къ административной дѣятельности, такъ какъ ихъ промышленные успѣхи въ предпріятіяхъ частныхъ служатъ живымъ примѣромъ ихъ способностей въ этомъ родѣ“ [2]). Интересенъ въ этомъ отношеніи, какъ показатель, до чего доходило иногда преклоненіе Сенъ-Симона предъ промышленниками, слѣдующій отрывокъ изъ „Исповѣданія вѣры основателей положительной политики“. „Вѣрую, что богатые промышленники, повелѣвая рабочими въ ежедневныхъ трудахъ, черезъ это являются начальниками народа, котораго они составляютъ

[1]) Изъ предисловія Георга Адлера къ переводу Анфантена, loc. cit., стр. 10.

[2]) Цитировано въ сокращенномъ видѣ по книгѣ Щеглова Исторія соціальныхъ системъ. СПВ., 1870, стр. 331. Приводится и у Hubbart'a: Sait-Simon, sa vie et ses travaux. Парижъ, 1857, стр. 153.

35 "Научное наследие России"

необходимую часть; откуда слѣдуетъ, что они прямые, естественные руководители націи, единственные, которыхъ нравственность и здоровый смыслъ позволяютъ дать имъ права политическія". Но цѣлью всей политики промышленнаго класса всегда было для него „обезпеченіе участи пролетаріата, причемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ — содержаніе". Предъ смертью онъ завѣщалъ даже, какъ мы видѣли, организацію партіи рабочихъ, которымъ, судя по этому, онъ не отказывалъ въ самостоятельной роли въ общественной жизни. По его предположенію, участь неимущихъ должна быть улучшена въ томъ смыслѣ, чтобы рабочіе стали членами предпринимательскихъ организацій, собственниками, стоящими другъ къ другу въ отношеніи сотрудниковъ. Во всемъ этомъ можно уже различать въ зародышѣ идею ассоціаціи, впослѣдствіи развитую учениками Сенъ-Симона.

Что касается вообще практическихъ предложеній, которыя опредѣлили бы направленіе дѣятельности послѣдователей новой религіи, то Сенъ-Симонъ въ этомъ отношеніи большею частью ограничивался лишь общими мѣстами. Прежде всего онъ устанавливалъ тотъ принципъ, что въ основѣ дѣятельности новыхъ апостоловъ должна лежать мирная пропаганда идей, имъ возвѣщенныхъ. Необходимо, по его мнѣнію, прежде всего „воодушевить массу". Осуществленіе практическихъ мѣропріятій въ духѣ предлагаемой имъ реформы онъ возлагалъ на лицъ, обладающихъ властью. Самымъ крупнымъ практическимъ требованіемъ Сенъ-Симона является его требованіе уничтоженія всѣхъ наслѣдственныхъ привиллегій. Сенъ-Симонъ указываетъ, между прочимъ, рядъ частныхъ мѣръ законодательнаго характера, долженствующихъ привести положеніе промышленности къ болѣе нормальному состоянію. Необходимо, по его мнѣнію, облегчить переводъ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, предоставить политическія права не землевладѣльцамъ, а земледѣльцамъ и т. д.

Индустріальный строй не предполагаетъ, однако, демократическаго равенства. Власть и при немъ продолжаетъ оставаться іерархическою, напоминающею власть церкви. Соотвѣтственно тому догмату новой религіи, по которому

ЭБ "Научное наследие России"

духъ и матерія признаются одинаково святыми, и который, слѣдовательно, устраняетъ изъ пониманія жизни и изъ этики внесенный въ нихъ старый христіанскій дуализмъ,—власть въ новомъ обществѣ также становится единой. Это одновременно и свѣтская, и духовная власть. Носителями ея должны быть ученые и философы во главѣ съ духовнымъ вождемъ-первосвященникомъ.

Идеи Сенъ-Симона, оставшіяся въ его собственныхъ трудахъ въ незаконченномъ и неразвитомъ видѣ, были восприняты его учениками, создавшими, какъ мы уже говорили, новую религіозную общину и установившими съ бо́льшей опредѣленностью основные догматы новаго христіанства.

IV.

Основныя идеи сенъ-симонизма изложены въ собраніи лекцій, читанныхъ въ улицѣ Тараньи и изданныхъ книгою, носящей названіе „Ученіе Сенъ-Симона“. Вдохновителемъ этихъ лекцій былъ Анфантенъ. Изложеніе же принадлежитъ главнымъ образомъ Базару. Здѣсь подвергнуто жестокой критикѣ современное состояніе европейскаго общества и признаются принципы будущаго болѣе современнаго соціальнаго строя. Недостатки современнаго общественнаго порядка представляются сенъ-симонистамъ въ значительной мѣрѣ обусловленными хаотическимъ состояніемъ современной науки, удѣляющей слишкомъ много вниманія частнымъ областямъ естествознанія и оставляющей почти безъ изученія само человѣческое общество и управляющіе имъ законы. Виной неудачи революціи они считаютъ независимость личности, свободное изслѣдованіе. Сенъ-симонисты полагаютъ, что это все вызываетъ анархію мнѣній, порождающую анархію общественной жизни. Тотъ же хаосъ наблюдается, по ихъ мнѣнію, и въ промышленномъ мірѣ. Они рѣшительно возстаютъ противъ распространеннаго въ то время экономическаго ученія, видѣвшаго идеалъ экономической политики въ принципѣ „laissez faire, laissez passer“. Такая политика приводитъ, по словамъ „Ученія“, лишь къ торжеству немногихъ счастливцевъ, покупаемому цѣною нищеты массъ и полной анархіи въ производствѣ. При томъ неравенствѣ имуществъ и при полной необезпеченности массъ, которыя созданы ненормальными условіями общественной

ЭБ "Научное наследие России"

жизни, искусство не можетъ свободно развиваться, нравственность находится въ упадкѣ, вмѣсто того, чтобы прогрессировать.

Только господство науки можетъ спасти общество. Нужно подчинить всѣ проявленія жизни одному господствующему принципу. Новая наука должна имѣть характеръ религіозной системы. Новая наука, которая должна сдѣлать возможнымъ и новый общественный порядокъ, будетъ однимъ крупнымъ, планомѣрно ведомымъ и потому цѣлесообразно пользующимся силами предпріятіемъ. Она подвергнетъ изслѣдованію общественные законы и укажетъ различныя формы въ развитіи общества. Это поможетъ людямъ пользоваться уроками исторіи и примѣнять къ жизни ея указанія. Наука откроетъ намъ, что человѣчество будетъ счастливо только тогда, когда на мѣсто существующей до сихъ поръ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ будетъ провозглашенъ принципъ „всеобщей ассоціаціи". „Всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ" — такъ формулировали сенъ-симонисты въ своемъ „Ученіи" основное положеніе будущаго права. Въ трудахъ учениковъ уже довольно ясно отмѣчается антагонизмъ интересовъ. Говорится о революціи, которая покончитъ съ эксплуатаціей, основанной на правѣ собственности.

Для достиженія новаго порядка вещей — необходимо прежде всего реформировать собственность. Сенъ-симонисты не проповѣдывали коммунизма и полнаго уничтоженія собственности. Они только желали преобразовать ее, ибо такого преобразованія, отмѣны уже отжившихъ правъ собственности, какой она была въ феодальную эпоху, — требуетъ сама жизнь. Такъ какъ собственность есть основа неравенства, такъ какъ она служитъ источникомъ эксплуатаціи, то необходимо, чтобы собственность стала достояніемъ тѣхъ, кто имѣетъ на нее право по своей способности къ мирному труду. Всякую же передачу собственности по праву рожденія, т. е. по наслѣдству, нужно отмѣнить. Устами Сенъ-Симона, говоритъ Базаръ, человѣчество провозглашаетъ: „Нѣтъ болѣе наслѣдства". Здѣсь мы наталкиваемся уже на попытку систематизаціи и дальнѣйшаго развитія идей Сенъ-Симона въ ихъ приложеніи къ вопросамъ практической политики. Особенно интересно развиваютъ сенъ-симонисты ученіе своего главы о различныхъ формахъ историческаго про-

ЭБ "Научное наследие России"

цесса. По ихъ мнѣнію, въ исторіи замѣчается смѣна, такъ называемыхъ, органическихъ эпохъ эпохами критическими и обратно. Подъ первыми понимаются эпохи, которыя характеризуются общепризнаннымъ авторитетомъ извѣстныхъ идей и общей работой для одной опредѣленной цѣли. Напротивъ, критическія эпохи характеризуются разрушеніемъ старыхъ авторитетовъ и традицій, исчезновеніемъ общности чувствъ и мыслей, распадомъ общественнаго цѣлаго и замѣной его толпою индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ только свои интересы. Переживаемая Европой стадія общественнаго развитія представлялась имъ эпохой критической, которая должна была смѣниться болѣе устойчивой органической эпохой индустріализма. Какъ на симптомъ приближенія новой органической эпохи, Базаръ указываетъ на широкое распространеніе банковыхъ предпріятій, которыя являются посредниками между работниками, нуждающимися въ капиталѣ, и владѣльцами капитала, не желающими однако почему либо его эксплуатировать. Эти банки должны только перейти отъ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли въ руки общества для того, чтобы обнаружилась во всемъ своемъ значеніи соціально реформаторская роль такого рода учрежденій [1]). Базаръ возлагаетъ громадныя надежды на эту реформу банковъ. Ему кажется, что такая реформа избавитъ промышленность отъ кризисовъ, гармонизируетъ отдѣльныя отрасли труда, обезпечитъ свободу личности, не создавая вмѣстѣ съ тѣмъ соціальнаго неравенства и т. д. [2]).

Но для того, чтобы человѣкъ приспособился къ новымъ условіямъ жизни, онъ долженъ быть соотвѣтсвующимъ образомъ воспитанъ. Отсюда вообще вытекаютъ заботы о воспитаніи дѣтей, которымъ сенъ-симонисты въ своемъ „Ученіи“ удѣляли довольно много мѣста. Къ этой же цѣли должно быть направлено и законодательство и религіозная проповѣдь, соединенная съ культомъ. Въ „Ученіи“ подробно развивается также тотъ догматъ „новаго христіанства“, который отличаетъ его отъ старой религіи, — это необходимость отказаться отъ противопоставленія духа и матеріи. Духъ и матерія, по ученію сенъ-симонистовъ, представляютъ собою не двѣ различныхъ субстанціи, а только „два вида одного и того же бытія“.

[1]) См. Prosper Enfantin, loc cit., стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 20

© "Научное наследие России"

Вся нравственность должна быть основана на любви „Любовь,—такъ преподается въ „Ученіи“ [1]), — это жизнь въ самомъ единствѣ. Пониманіе, сила—только виды ея проявленія. Люди, у которыхъ любовь есть господствующее чувство, естественно должны быть начальниками общества, и такъ какъ любовь обнимаетъ въ одно время и конечное, и безконечное, и такъ какъ она ищетъ Бога и найдетъ его въ будущемъ, то отсюда слѣдуетъ, что начальниками общества могутъ быть только представители религіи, священники“. Соціальный священникъ представляется въ „Ученіи“, какъ „живой законъ“, опредѣляющій и мораль и право общества.

Здѣсь замѣтна уже тенденція понять индустріальный строй исключительно, какъ строй, который требуетъ отъ людей прежде всего участія въ производительномъ трудѣ. Идеалъ индустріализма заставляетъ сенъ-симонистовъ склоняться къ такому толкованію слова „промышленникъ“, при которомъ оно должно было бы совпадать со словомъ: непосредственный производитель, рабочій.

Такимъ образомъ, идея классовой борьбы, остававшаяся у ея основоположника Сенъ-Симона нераскрытою во всемъ своемъ содержаніи, находитъ себѣ у его учениковъ болѣе ясное выраженіе. Для нихъ передовымъ классомъ, несущимъ съ собой новый общественный порядокъ является уже не классъ индустріаловъ, охватывающій, какъ представителей труда, такъ и представителей капитала, а только классъ рабочихъ, „единственно производительный классъ общества“.

Этимъ сенъ-симонизмъ еще болѣе, чѣмъ самъ Сенъ-Симонъ, опредѣлилъ дорогу послѣдующаго максизма, заимствовавшаго во французскомъ утопическомъ соціализмѣ рядъ своихъ исторіософскихъ основоположеній.

Литература о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ весьма обширна. Всю относящуюся сюда библіографію можно раздѣлить на три періода. Во-первыхъ — обширная полемическая, преимущественно легкомысленно презрительнаго или насмѣшливаго тона, литература современниковъ движенія. Съ 1850 г., т. е. со времени появленія книги Лоренца фонъ-Штейна: Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich, (Лейпцигъ, 1850 г., 3 тома), равно со времени усиленія

[1]) Doctrine Saint-simonienne (exposition). Парижъ, 1854, стр. 433.

вниманія къ теоретикамъ соціальной реформы, наступаетъ второй періодъ изученія и реабилитаціи сенъ-симонизма, реабилитаціи, доходящей до панегириковъ. Важнѣйшія сочиненія этого періода перечислены ниже. Въ 1894 году въ изученіи сенъ-симонизма наступаетъ новая эра. Въ этомъ году согласно завѣщанію Анфантена въ Арсеналѣ (Парижскомъ) вскрывается сундукъ съ документами того времени, проливающими новый свѣтъ на всю эпоху. Результатомъ изученія этихъ новыхъ матеріаловъ являются два труда:

1. Georges Weill L'Ecole Saint-Simonienne, son histoire, son influence jusqu'a nos jours.—Парижъ. (Felix Alcan). 1896.

2. Sébastien Charléty: Historie du Saint Simonisme (1825—1864). (Ouvrage couronné par l'Academie française). Парижъ. (Hachette et C⁰) 1896

Сочиненія Сенъ-Симона.

1 L'Organisateur. Есть нѣсколько изданій. Полное: 1 выпускъ въ 3-мъ изд., 2-ой выпускъ во 2-мъ изд. (1818—1820).

2. L'industrie ou Discussions politiques, morales, et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants.

3. Système industriel. 1821—22, 3 parties in—8.

4. Nouveau Christianisme 1825.

5. Catéchisme des Industriels. Paris, 1828—32, „en 4 cahiers formant 422 pages“,

Порусски о Сенъ-Симонѣ между прочимъ писали:

1. Штейнбергъ, С.: Общественные и историческіе взгляды Сенъ-Симона. „Жизнь“ за 1900 г, кн. II.

2. Ивановъ, Ив.: Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ. Москва, 1901.

3. Инсаровъ, Х: Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ, „Научн. обовр.“ 1903 г., № 1.

4. В—ій, М.: Сенъ-Симонъ Энциклопед. словарь Брокгауза т. 29. СПБ. 1900 г.

5. Щегловъ, Д.: Исторія соціальныхъ системъ. Т. I, стр. 275—436. СПБ., 1870.

6. Чернышевскій, Н.. „Іюльская монархія“, въ жур. „Современникъ“ 1860 г., № 5, стр. 129 и слѣд

7. Туганъ-Барановскій, М. И.: Современный соціализмъ. СПБ. 1906.

8. Чичеринъ, Б.: С.-Симонъ и его школа. „Вопр. фил. и психол.“ за 1901 г. кн. 60.

9. Виппер ъ, Р.: Соціальная философія С.-Симона. „М. Божій“ за 1901, кн. 12.

10. Свѣтловскій, В В. Предисловіе къ „Сочиненія Сенъ-Симона“, т. I, СПБ. 1912. изд. „Всеобщей библіотеки“.

Болѣе извѣстная европейская литература о Сенъ-Симонѣ:

1. Bazard: Doctrin de Saint-Simon. 1-ый годъ 1828—29, 2-ой 1830.

2. Carowé, Fr. W.: Der Saint-Simonismus und die neue französische Philosophie. Лейпцигъ, 1831.

ЭБ "Научное наследие России"

3. Fournel: Bibliographie Saint-Simonienne. 1833.

4. Lechevallier, Jules: Etudes de la science sociale. Парижъ 1834. (Противъ сенъ-симонизма).

5. Veit, M.: Saint-Simon und der Saint-Simonismus

6. Reubavud: Etudes sur les Réformateurs. Парижъ, 1848

7. Littre: Auguste Comte et la Philosophie positive. Парижъ, 1857.

8 Hubbard, G.: Saind-Simon, sa vie et ses travaux, suivi des fragments des plus célébres écrits de Saint-Simon, Парижъ, 1857.

9 Van der Wod et Nieuwenhuis: Der Seer van Saint-Simon. Ontvound. Амстердамъ, 1860.

10. Renouier: Année philosophique. 1867.

11. Booth, Arthur: Saint-Simon et le Saint-Simonisme Лондонъ, 1871.

12 Ferraz: Socialisme, Naturalisme, Positivisme. Парижъ, 1877.

13. Janet, Paul: Saint-Simon et le Saint-Simonisme. Парижъ, 1877.

14. Flint: Philosophie de l'histoire en France. 1878.

15. Quarq: Die Socialisten. Томъ III-й. Амстердамъ, 1887.

16. Warschauer: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. Лейпцигъ, 1892.

17. Adam: La Philosophie en France Парижъ, 1893.

18 Weill. Un précurseur du Socialisme. Парижъ, 1894

19. Faguet, E: Le Comte de Saint-Simon. „Revue des Deux Mondes". 1894.

20. Rinet: L'école polytechnique et le Saint-Simoniens Тамъ же.

21. Weill: Saint-Simon et son oeuvre. Парижъ, 1894.

22. Weisengrün: Die sozialwissenschaftlichen Ideen Saint-Simons Базель, 1895.

23. Michel: L'idée de l'Etat. Парижъ, 1895.

24. Charléty: Hi-toire de Saint Simonisme. Парижъ, 1896.

25. Weill: L'école Saint-Simonienne. Парижъ, 1896.

26. Muckle, Friedrich: Saint-Simon und die ökonomische Geschichtstheorie. Jena, 1906.

II.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ.

(1772 — 1837 гг.)

I.

Нѣсколько позднѣе Сенъ-Симона на общественномъ горизонтѣ Франціи, а затѣмъ и всей Европы появляется новый учитель и пророкъ Шарль Фурье. Также какъ Сенъ-Симонъ, это пламенная, совершенно исключительная натура, геній, не укладывающійся въ условныя и общепринятыя рамки. Фанатично вѣрящій въ себя, какъ въ Мессію новаго соціальнаго строя, глубокомысленный критикъ и пылкій писатель, Фурье увлекъ за собой многихъ и на нѣкоторое время остановилъ на своемъ ученіи вниманіе всего мыслящаго человѣчества. Его идеи, — новый варіантъ утопическаго коммунизма, смѣнили собою увлеченіе сенъ-симонизмомъ и вызвали рядъ попытокъ практическаго осуществленія.

Біографія Фурье также заслуживаетъ вниманія. И хотя вообще свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка и скудны, но и изъ нихъ вырисовывается одинъ изъ любопытнѣйшихъ профилей первой половины XIX вѣка.

Франсуа Мари Шарль Фурье, младшій ребенокъ и единственный сынъ зажиточнаго торговца, родился 2-го апрѣля 1772 года въ провинціальномъ французскомъ городкѣ Безансонѣ. Все оффиціальное образованіе болѣзненнаго ребенка свелось къ пребыванію до 12 лѣтъ въ школѣ. Но за то онъ дальше пріобрѣтаетъ колоссальныя познанія путемъ энергичнаго и разносторонняго самообразованія. Геніальный самоучка рядъ лѣтъ поглощаетъ громадныя количества книгъ по анатоміи, физикѣ и естественной исторіи. Онъ внимательно изучаетъ географію, штудируетъ Платона, Ньютона и Лейбница. Въ то же время онъ обнаруживаетъ сильную волю и доведенную до болѣзненной крайности честность, напоминающую честность древняго Аристида. Съ такими наклонностями Фурье вынуждается семьею идти

за прилавокъ. Получается никуда негодный приказчикъ, особенно въ ту эпоху, когда торговля особенно была далека отъ этическихъ началъ, а положеніе приказчиковъ немногимъ возвышалось надъ безсловесной челядью.

Занятіе торговлею было для Фурье истиннымъ мученіемъ. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ онъ поступаетъ, наконецъ, къ одному купцу въ Ліонѣ, въ центрѣ тогдашней торговли и промышленности. Въ итогѣ Фурье становится заклятымъ врагомъ именно торговли, которая представляется ему наиболѣе важнымъ зломъ современной ему цивилизаціи. Политико-экономическія и этическія соображенія создаютъ твердое обоснованіе его неуклонному стремленію уничтожить въ будущемъ строѣ самую систему товарныхъ посредниковъ.

О чувствахъ, волновавшихъ его въ тѣ годы, Фурье самъ краснорѣчиво повѣствуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Разоблачить всѣ интриги биржи и маклеровъ — значитъ предпринять одинъ изъ подвиговъ Геркулеса. Я сомнѣваюсь, чтобы этотъ полубогъ, принимаясь за очистку авгіевыхъ конюшенъ, претерпѣлъ столько отвращенія, сколько испытываю я, роясь въ той клоакѣ нравственныхъ нечистотъ, которая называется биржевымъ и маклерскимъ притономъ,—предметъ, который не былъ даже задѣтъ наукою“.

Въ 1792 году Фурье, получивъ отъ отца наслѣдство въ 80 тыс. ливровъ, открываетъ въ Ліонѣ собственную торговлю, но самостоятельное хозяйничанье длится недолго. Обманываемый со всѣхъ сторонъ, онъ къ тому же теряетъ все свое имущество при подавленіи ліонскаго возстанія. Усмирители,—войска конвента, — приговариваютъ и Фурье къ разстрѣлу, отъ котораго нашъ неудачный коммерсантъ спасается только бѣгствомъ. Въ томъ же 1792 году Фурье беруть въ народное ополченіе, гдѣ онъ проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ и откуда отпускается только по своему болѣзненному состоянію. Затѣмъ онъ попадаетъ въ приказчики къ одному хлѣбному торговцу въ г Марсели.

Однажды его патронъ, — дѣло было въ голодномъ 1794 году, — выбросилъ, чтобы поддержать цѣны на подобающей высотѣ, цѣлую партію риса въ море. Этотъ случай, случай жестокосерднаго уничтоженія полезнаго для народной массы продукта, произвелъ на Фурье неизгладимое впечатлѣніе. Его отвращеніе къ торговой дѣятельности превратилось въ гнѣвную ненависть; онъ еще болѣе укрѣпился въ мнѣніи о вредѣ торговли вообще.

Послѣ службы у хлѣботорговца Фурье нигдѣ долго не оставался; онъ жилъ въ Парижѣ, путешествовалъ по Европѣ, былъ маклеромъ въ Ліонѣ, затѣмъ пять лѣтъ провелъ въ Швейцаріи, пока, наконецъ, не пріѣхалъ опять въ Парижъ, гдѣ и прожилъ послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни. Въ его переѣздахъ Ліонъ сыгралъ особую роль. Здѣсь онъ впервые выступаетъ на литературномъ поприщѣ въ мѣстныхъ журналахъ. Въ декабрѣ 1803 года „Bulletin de Lyon“ помѣстилъ статью Фурье по международной политикѣ: „Континентальный тріумвиратъ и вѣчный миръ черезъ 30 лѣтъ“. Статья надѣлала много шума, авторомъ остались недовольны и общественное мнѣніе, и Наполеонъ, воспретившій аналогичныя выступленія въ прессѣ.

© "Научное наследие России"

Въ этой статьѣ, любопытной по своему пророческому предвидѣнію, Фурье обсуждалъ условія умиротворенія изстрадавшейся отъ войнъ Европы. Оно могло, по его мнѣнію, наступить только послѣ слѣдующихъ политическихъ комбинацій. Прежде всего должна быть подавлена Пруссія и затѣмъ раздѣлена Польша между сосѣдями. Потомъ должна быть подѣлена Австрія между Франціею и Россіею, которыя неизбѣжно вступятъ въ войну изъ-за обладанія міромъ. Кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, тотъ захватитъ Индію и, въ итогѣ, покоритъ Англію, этотъ ненавистный для Фурье очагъ коммерческой низости

Въ 1808 году Фурье издаетъ свое первое фундамельное сочиненіе: La théorie de quatre mouvements et des destinées genérales", содержащее многія изъ его основоположеній. Книга, поглотивъ остатки средствъ, не имѣла никакого успѣха. Въ 1812 году Фурье получилъ отъ матери наслѣдство, проценты съ котраго давали ему до 900 франковъ въ годъ. Фурье, послуживъ еще года четыре,—наконецъ, отдался всецѣло своимъ литературнымъ занятіямъ. Послѣ пятилѣтней подготовки онъ въ 1822 году выпускаетъ въ свѣтъ: „Traité de l'assotiation domestique et agricole". Это двухтомный трактатъ, переизданный въ 1842 году съ позднѣе написанными добавленіями, подъ заглавіемъ: „Теорія универсальнаго единства"

Въ 1828/29 году Фурье выпускаетъ „Le nouveau monde industriel et sociétaire", сочиненіе, сравнительно съ другими, ясное и настолько законченное, что одинъ изъ изслѣдователей считаетъ его „квинтъ-эссенціею теорій Фурье". Въ 1836 году вышло и послѣднее изъ крупныхъ сочиненій Фурье: „Ложная промышленность", трактатъ наиболѣе неудачный и ничего не давшій новаго

Кромѣ названныхъ сочиненій перу Фурье принадлежалъ рядъ статей, замѣтокъ, переизданныхъ впослѣдствіе его единомышленниками.

Фурье, вначалѣ одинокій, чуть ли не всѣми осмѣиваемый, мало по малу пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ и учениковъ. Съ 1826 года къ нему примыкаетъ первый ученикъ, глухой чиновникъ Жюстъ Мюронъ, давшій ему средства на изданіе трактата 1828 года. Затѣмъ около Фурье группируются: писатели, адвокаты, офицеры, врачи, художники. Среди нихъ выдѣляются: Грёа, Кларисса Венуре, Викторъ Консидеранъ, впослѣдствіи вождь фурьеристовъ, еще при жизни учителя ставшій во главѣ кружковъ его послѣдователей.

Въ 1832 году ученики Фурье основываютъ для пропаганды идей учителя журналъ: „La réforme industrielle ou le phalanstére". По прекращеніи послѣдняго они же съ 1836 года выпускаютъ: „La Phalange, journal de la seience sociale", превращенный въ 1843 году въ ежедневный листокъ: „Démocratie pacifique". Фурье, переселившись въ Парижъ, дѣятельно сотрудничаетъ въ нихъ, помѣщая цѣлый рядъ статей по различнымъ вопросамъ.

Его сочиненія отличались необычайно сильнымъ фантастическимъ элементомъ, принимавшимъ часто неумѣренныя и странныя формы „Моря изъ лимонада", новыя чудовища („анти-львы" и пр.) и различные космогоническіе, вымыслы сопровождали неудержимый полетъ

ЭБ "Научное наследие России"

его фантазіи. Кромѣ того Фурье придумываетъ свою собственную, весьма сложную терминологію, съ рядомъ новыхъ словъ и понятій, вродѣ „аромальный", „нивотальный", „фаланстеръ" и др.

Другою отличительною особенностью является рѣдкая вѣра въ себя. Фурье считаетъ себя Мессіею, пророкомъ новаго соціально-философскаго строя. Въ связи со стремленіемъ все радикально реформировать — создается неудержимый потокъ всякихъ проектовъ. Еще въ молодости Фурье поглощенъ реформаторскими проектами, которые онъ подаетъ и префекту, и депутатамъ, и правительству, всегда въ надеждѣ, что кто-либо изъ нихъ поможетъ ему въ ихъ осуществленіи. Списокъ лицъ, на которыхъ Фурье возлагалъ свои упованія, безконеченъ. „Такъ, онъ по очереди пытался склонить на свою сторону Наполеона, французскихъ депутатовъ, дворянство и духовенство Реставраціи, Бурбоновъ, англійскихъ вельможъ, которые были въ ту пору заинтересованы Оуэновскимъ проектомъ ассоціацій въ Нью-Ланаркѣ, либераловъ, потомъ своихъ жесточайшихъ противниковъ—философовъ, Ротшильда, которому онъ рисовалъ въ перспективѣ Іерусалимское царство, лорда Байрона, Жоржъ-Зандъ, а послѣ іюльской революціи господъ Лафарга и Тьера, эмигрантовъ-поляковъ и т. д. Наконецъ онъ пытался сойтись съ сенъ симонистами, особенно съ Анфантеномъ [1]). Но все было безуспѣшно. Особенно огорчился Фурье неудачею съ сенъ-симонистами, заимствовавшими у него нѣкоторыя идеи. Обиженный Фурье пишетъ противъ нихъ полемическій памфлетъ [2]).

Но, несмотря на все это, Фурье, какъ человѣкъ, полагавшій возможнымъ измѣнить соціальный строй усиліями одного милліонера или императора, не терялъ надежды на осуществленіи своихъ идеей какимъ-либо долженствующимъ появиться въ одинъ прекрасный день „кандидатомъ". При этомъ Фурье насчитывалъ въ различныхъ странахъ Европы до 4 тысячъ такихъ кандидатовъ, которые, по его мнѣнію, могли осуществить его проекты. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Фурье объявилъ даже пріемные часы для „кандидатовъ" и такъ былъ увѣренъ, что подобное лицо появится, что ежедневно, до самой смерти, въ назначенное время поджидалъ его.

Фурье умеръ въ Парижѣ 9-го октября 1837 года, 65 лѣтъ отъ роду.

Разсмотримъ теперь идеи этого замѣчательнаго утописта.

По мнѣнію Фурье міръ покоится на трехъ вѣчныхъ началахъ: богѣ или духѣ, матеріи и справедливости, выливающейся въ математическіе законы. Эти три начала — три принципа — активный, пассивный и регулирующій. По аналогіи со вселенной функціонируетъ и человѣкъ, его три начала—потребности: духъ (активный), тѣло (пассивный), интеллектъ (регулирующій принципъ). Между всѣмъ этимъ

1) Бебель, Авг.: Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Пер. съ нѣм. В. Лаврова. № 15 библіотеки „Просвѣщенія" СПБ, безъ обозн. года, стр. 35.

2) Fourier, Ch.: Pièges et charlatanisme des sectes S-t Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrés. (Уловки и шарлатанство сектъ Сенъ-Симона и Оуэна, которыя обѣщаютъ ассоціацію и прогрессъ). 1831.

полная гармонія, нарушаемая только тогда, когда потребности не могутъ быть обнаружены или удовлетворены. Виною этого — плохая организація общества. А такъ какъ человѣкъ созданъ для счастья, которое состоитъ въ полномъ удовлетвореніи всѣхъ его потребностей, а, между тѣмъ, современный строй этого не даетъ, то поэтому весь строй общества долженъ быть такъ реформированъ, чтобы человѣкъ могъ наслаждаться всѣмъ, чѣмъ онъ пожелаетъ. Всѣ потребности, вмѣстѣ взятыя, заставляютъ человѣка стремиться къ здоровью, богатству и комфорту. По Фурье это стремленіе осуществляется удовлетвореніемъ какъ ряда чувственныхъ, такъ равно и духовныхъ потребностей, которыя онъ группируетъ въ девять категорій. Кромѣ нихъ имѣются еще три особыхъ сдерживающихъ потребности, какъ бы доминирующихъ надъ другими. Это к а б а л и с т ъ,—стремленіе къ объединенію въ своей дѣятельности съ другими, а л ь т е р н а т ъ или п а п и л ь о н ъ,—стремленіе къ разнообразію въ дѣятельности и к о м п о з и т ъ,—стремленіе къ энтузіазму и высшимъ идеаламъ.

Удовлетворивъ всѣ свои потребности, люди достигнутъ значительной продолжительности жизни, при которой однобрачіе станетъ и безсмыслицею, и тормазомъ къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей. Между тѣмъ, міръ, по Фурье, именно и созданъ, чтобы человѣкъ при жизни отдавался любви. Даже по смерти, переходя съ планеты на планету, человѣкъ неизмѣнно стремится къ личному счастью. Каждая планета, рождаясь, имѣетъ свою фазу развитія, какъ и все человѣчество. Человѣчеству суждено прожить на землѣ 80 тысячъ лѣтъ въ 4-хъ неравныхъ фазахъ, дѣлящихся на 32 періода развитія. Четырьмя фазами — дѣтства, развитія, упадка и дряхлости — заканчивается жизнь не только человѣчества, но и земного шара. Въ XIX вѣкѣ человѣчество заканчиваетъ первую фазу и пятый періодъ развитія; между тѣмъ, самая интересная вторая фаза, а въ ней восьмой періодъ Онъ — заря истиннаго счастья, начало переворота какъ соціальнаго, такъ и космическаго. „С т р а с т н ы я в л е ч е н і я“ людей найдутъ въ себѣ въ эту эпоху наиболѣе полное выраженіе.

Когда весь земной шаръ покроется фалангами, то всѣхъ ихъ окажется два милліона съ 4 милліардами населенія. Константинополь тогда превратится въ центръ міра съ „омніархомъ во главѣ“.

II.

Итакъ, центральнымъ мѣстомъ доктрины Фурье является „т е о р і я с т р а с т н а г о в л е ч е н і я“. Законы страстнаго влеченія согласны съ закономъ притяженія матеріи, а отсюда уже, какъ выводъ, слѣдуетъ „сходство четырехъ движеній: матеріальнаго, органическаго, животнаго и общественнаго, или сходство видоизмѣненій матерій съ математическою теоріею страстей человѣка и животныхъ“. Страсти — ничто иное, какъ указаніе нашей дѣятельности,

ЭБ "Научное наследие России"

истолкованіе видовъ Промысла. Страсти, данныя Богомъ, побуждаютъ человѣка къ дѣятельности. И только тотъ, кто слѣдуетъ страстямъ, а не придуманнымъ людьми законамъ, тотъ будетъ доволенъ всѣмъ и счастливъ. Организація удовлетворенія страстей перестроитъ соціальный бытъ человѣчества.

Въ мірѣ существуетъ единство движенія — страстное влеченіе, — движеніе это — одна изъ отраслей всеобщаго движенія. Кромѣ страстнаго движенія существуютъ еще — органическое, „инстинктивное“ и „аромальное“, которое, впрочемъ, Фурье прибавилъ лишь впослѣдствіи; послѣднія два являются лишь главными отраслями, тогда какъ „страстное“ или „соціальное“ есть основная, (pivotal, pivot — ось, стержень) или „пивотальная“ — отрасль всеобщаго движенія. Изъ всѣхъ этихъ движеній людямъ извѣстно лишь матеріальное; Фурье объясняетъ остальныя, останавливаясь въ особенности на соціальномъ. Теорія соціальнаго движенія должна объяснить намъ прошедшее, настоящее и будущее человѣчества.

Вообще наступленіе каждаго новаго періода сопровождается различными перемѣнами, даже космическими. Тотъ періодъ, который мы переживаемъ (цивилизація) не есть послѣдній періодъ въ экономической дѣйствительности.

...„При взглядѣ на эту таблицу (фазисовъ), вы прежде всего поражаетесь, — говоритъ Фурье, — узостью взглядовъ нашихъ философовъ, которые увѣряютъ, что цивилизація есть послѣдній предѣлъ общественныхъ судебъ, въ то время, какъ она есть ничто иное, какъ пятое между тридцатью двумя возможными обществами и притомъ одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ періодовъ“ [1]).

Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ на страсти Фурье, — это краеугольный камень его системы. Фурье подробнѣе другихъ разсматриваетъ душевныя страсти. Ихъ, по Фурье, семь: дружба, любовь, отеческое чувство, честолюбіе, кабалиста или страсть къ интригѣ, альтерната, или страсть къ перемѣнамъ и композита или слѣпое увлеченіе; такъ какъ не всѣ онѣ были извѣстны людямъ раньше, то Фурье придумалъ для нихъ названіе и поясняетъ подробно, что

---

[1]) Русскій переводъ Щеглова. См. Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. Спб. 1889. т. I, стр. 27.

ЭБ "Научное наследие России"

это за страсти. Каждой страсти въ нѣкоторыхъ областяхъ соотвѣтствуютъ извѣстные факты; такъ, напр., любви соотвѣтствуютъ въ музыкѣ: — ноты, затѣмъ лазуревый цвѣтъ, дѣленіе, эллипсисъ, олово. Главныхъ страстей 12; путемъ ихъ комбинаціи получается 810 различныхъ характеровъ, которые Фурье называетъ „плавной клавіатурою характеровъ“.

Мы уже говорили, что, по Фурье, необходимо дѣйствовать согласно страстямъ; въ гармоніи страстей — счастье каждаго отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества. Цивилизація, по Фурье, переходный періодъ. Дать господство гармоническому дѣйствію страстей, говоритъ Фурье, предназначено будущему гармоническому порядку, который будетъ слѣдовать за періодомъ цивилизаціи. Этотъ новый порядокъ Фурье называетъ „земледѣльческой ассоціаціей“. Фурье энергично доказываетъ выгодность крупной ассоціаціи для промышленности и земледѣлія, такъ напр., онъ говоритъ: „Триста поселянъ, соединившись въ ассоціацію, имѣли бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто трехсотъ никуда негодныхъ, имѣли бы одно хорошее заведеніе для выдѣлки вина, вмѣсто трехсотъ плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ; они посылали бы въ городъ только одну молочницу съ бочкою молока привѣшенной на рессорахъ, вслѣдствіе чего они имѣли бы экономію ста полудней, теряемыхъ ста молочницами, которыя несутъ въ городъ по кувшину молока“ [1]).

Осуществленіе идеала „земледѣльческой ассоціаціи“ зависитъ отъ удачнаго опыта. Необходимо этотъ идеалъ осуществить въ жизни. Тогда всѣ увидятъ превосходство „земледѣльческой ассоціаціи“ надъ существующимъ порядкомъ вещей и всѣ вступятъ въ ассоціацію. Этому поможетъ и страсть къ богатству и удовольствіямъ, которыя будетъ доставлять ассоціація своимъ членамъ, такъ что въ ассоціацію, разсуждаетъ Фурье, войдутъ и богатые, и бѣдные, ибо страсти у нихъ однѣ и тѣ же.

Ассоціацію, обрабатывающую какой либо участокъ,

---

[1]) Цит. по Щеглову: Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней, Спб. 1889 т. II, стр. 42.

ЭБ "Научное наследие России"

Фурье называетъ фалангой. Фаланга, состоящая приблизительно изъ 1600 человѣкъ, будетъ раздѣлена на 16 трибъ, которыя дѣлятся на хоры, хоръ мужской и хоръ женскій. Каждая триба имѣетъ опредѣленное количество человѣкъ, соединяющихся въ трибы сообразно своимъ наклонностямъ, характеру и т. п. Но кромѣ этого дѣленія въ фалангѣ будетъ существовать еще и дѣленіе на страстныя серіи. „Страстная серія, — говоритъ Фурье, — есть союзъ, соединеніе различныхъ небольшихъ корпорацій или группъ, изъ которыхъ въ каждой господствуетъ какой нибудь видъ одной и той-же страсти, которая, слѣдовательно, составляетъ общую, родовую страсть для цѣлой серіи. Двадцать группъ, воздѣлывающихъ двадцать сортовъ розъ, образуютъ родовую серію розистовъ, и видовыя серіи бѣло-розистовъ, махрово-розистовъ и т. д.“ [1]).

Теорія ассоціаціи, говоритъ Фурье, ограничивается искусствомъ сформировать и привести въ дѣйствіе страстныя серіи.

Въ самой фалангѣ будетъ существовать неравенство имуществъ; каждый членъ фаланги имѣетъ свое собственное достояніе. Лучшія части помѣщенія для фаланги, фаланстера — съ видами на окрестность занимаютъ богатые, менѣе удобныя части фаланстера — предоставляются бѣднымъ. Произведенные продукты дѣлятся пропорціонально труду, капиталу и таланту; $^4/_{12}$ идетъ капиталистамъ, $^5/_{12}$ труду и $^3/_{12}$ — познаніямъ теоретическимъ и практическимъ. И акціи, выдаваемыя участникамъ фаланги, послѣ оцѣнки всѣхъ взносовъ—землей, деньгами, вещами,—выдаются пропорціонально взносу каждаго.

Свой взглядъ на собственность вообще Фурье точно выразилъ, когда однажды, въ письмѣ къ своему ученику Ж. Макрону, говоря о сенъ-симонистахъ, сказалъ: „Проповѣдывать въ 19 вѣкѣ уничтоженіе собственности и наслѣдства—это чудовищность, отъ которой можно толко пожимать плечами“.

Для того, чтобъ ясно представить себѣ жизнь въ фаланстерѣ Фурье, мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи между полами. Въ этой области Фурье

---

[1]) Цит. по Щеглову: Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. Спб., 1889, т. II, стр. 50.

ЭБ "Научное наследие России"

допускалъ полную свободу. Женщина въ фаланстерѣ пользуется свободой отдаваться кому она захочетъ. И Фурье создаетъ нѣсколько формъ брака: ультрагамія, омнимгаія, экстрагамія. Этимъ онъ далъ поводъ цѣлому ряду писателей кричать о своемъ отрицаніи семьи. Отмѣтимъ еще то, что воспитаніе дѣтей въ фаланстерѣ Фурьѣ предполагаетъ общественное. И страницы, посвященныя вопросу о воспитаніи, настолько глубокомысленны, что до сихъ поръ не потеряли своего интереса

Что казается управленія будущихъ ассоціацій, то Фурье предлагаетъ для этого цѣлую іерархію чиновъ: во главѣ фаланги долженъ стоять унархъ, надъ тремя фалангами — дуархъ, надъ дуархами начальствуютъ тріархи и т. д. до омніарха, стоящаго во главѣ фалангов всего міра, которому Фурье назначаетъ мѣстопребываніемъ Константинополь.

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ ученье Фурье.

Фурье — одинъ изъ тѣхъ глубокихъ соціальныхъ мыслителей 18 и 19 столѣтій, которые оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціально-экономическаго міросозерцанія и служатъ родоначальникими всего послѣдующаго соціализма, не укладываясь, однако, въ схему тѣхъ ученій, появленію которыхъ они способствовали. Въ ученіи Фурье можно видѣть три элемента: 1) личнаго предвидѣнія, 2) элементъ психологическій и филосовскій и 3) элементъ политико-экономическій. Въ области политико-экономической Фурье принадлежитъ замѣчательная схема историческаго развитія, теорія концентраціи производства и одновременнаго народнаго обнищанія.

Фурье не считалъ, что хозяйственный трудъ, по своему существу, долженъ быть непріятенъ человѣку. Нѣкоторые видятъ въ этомъ „великую заслугу“ Фурье[1]); но эта идея высказывалась многими значительно раньше. Фурье считаетъ, что новый феодализмъ „промышленный, финансовый и торговый“ не меньшее зло, чѣмъ феодализмъ стараго режима. Онъ, указывая на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ. подвергаетъ жестокой критикѣ современную экономическую дѣятельность. Цивилизація не удовлетворяетъ,—го-

---

[1]) См. М. Туганъ-Барановскій: Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. Спб. 1906 г, стр. 35.

ЭБ "Научное наследие России"

воритъ Фурье, — „первому требованію, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей организаціи — требованію созданія возможно большей суммы богатства". Цивилизованное общество состоитъ, по его мнѣнію, на $^2/_3$ изъ производительныхъ элементовъ—паразитовъ; $^1/_2$ всей земли— хищные звѣри и дикари, $^3/_4$ — варвары и головорѣзы и $^1/_7$ приходится на долю цивилизованныхъ и воровъ, „похваляющихся своимъ превосходствомъ и умножающихъ нищету и развратъ".

Идеи Фурье не остались на бумагѣ онѣ вызвали стремленіе ихъ осуществить на дѣлѣ. Въ итогѣ онѣ дали могущественный толчекъ кооперативному движенію. Не менѣе важно новое обоснованіе идеи „права на трудъ", послужившею основою для многихъ соціальныхъ теоріи послѣдующаго времени.

Въ общемъ, Фурье является типичнымъ представителемъ, такъ называемаго, федералистическаго соціализма (реакція идеи централистическаго соціализма) Сходныя воззрѣнія мы находимъ у англичанъ Томсона и Оуэна и у нѣмца Евгенія Дюринга и др.

Еще при жизни Фурье, его ученики издавали, въ цѣляхъ пропаганды идей учителя, два журнала: „La reforme industrielle ou le phalanstère" и „La Phalange, journal de la science sociale".

Благодаря пропагандѣ, которую въ особенности велъ талантливый Викторъ Консиданъ, школа Фурье пріобрѣла много новыхъ послѣдователей. Сенъ-симонизмъ, уже приближавшійся въ это время къ упадку отъ своего прежняго господства надъ умами общества того времени, далъ школѣ Фурье нѣсколькихъ дѣятельныхъ приверженцевъ. Такіе сенъ-симонисты, какъ аббатъ Трансонъ, Ж Лешевалье и др. сдѣлались фурьеристами. Тогда возникаетъ цѣлый рядъ фурьеристскихъ изданій: „Democratie pacifique". „Almanachs phalanstériens" и др. во Франціи и въ другихъ странахъ, какъ напр. „The London Phalang"—въ Лондонѣ, „Phalang" и „Harbinger" въ Сѣверной Америкѣ.

Самъ Фурье говорилъ, что осуществленіе его плановъ зависитъ отъ опыта, который покажетъ дѣйствительную цѣну предлагаемаго имъ общественнаго преобразованія. Ученики и послѣдователи Фурье также были убѣждены въ этомъ. И еще при жизни Фурье, въ началѣ 30-хъ годовъ было приступлено къ осуществленію этого опыта. Рѣшили

ЭБ "Научное наследие России"

устроить небольшихъ размѣровъ фаланстеръ. Пріобрѣли невдалекѣ отъ Парижа землю, приступили къ постройкѣ зданія, но до конца дѣла не довели, повидимому, изъ-за возникшихъ среди самихъ иниціаторовъ разногласій. Послѣ этого опыта послѣдователями Фурье въ 30-хъ и 40-хъ годахъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ подобныхъ опытовъ. Въ одной Сѣверной Америкѣ ихъ было болѣе 30-ти. Но ни одинъ изъ нихъ не удался. Нѣкоторые изъ фаланстеровъ просуществовали сравнительно долго, одна „фаланга“ въ Нью-Джерсѣ въ Сѣверной Америкѣ даже до 12 лѣтъ [1]), но въ концѣ концовъ они все же распались.

Всѣ эти неудачи, конечно, должны были оказать извѣстное вліяніе на послѣдователей идеи фаланстера. Большинство изъ нихъ, люди чувства, фантазіи — потеряли прежнюю вѣру или ушли изъ школы и примкнули къ другимъ, появившимся на сцену теченіямъ общественной мысли.

Ученіе Фурье нашло себѣ послѣдователей и въ Россіи. На смѣну увлеченію сенъ-симонизмомъ въ началѣ 40-хъ годовъ пришло увлеченіе фурьеризмомъ. Въ передовыхъ кружкахъ того времени изучается и оживленно комментируется среди другихъ соціалистовъ и Фурье Герценъ, изучавшій Фурье, говоритъ, что фурьеризмъ глубже всѣхъ другихъ теорій раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, но онъ, однако, отвергаетъ его практическія предложенія, какъ „неполное рѣшеніе задачи“. Въ 1845 году горячій сторонникъ Фурье — Буташевичъ-Петрашевскій приступаетъ къ изданію и выпускаетъ въ свѣтъ два тома „Словаря иностранныхъ словъ“, гдѣ въ цѣломъ рядѣ статей излагались фурьеристскія теоріи. У Петрашевскаго собирается цѣлый кружокъ лицъ, интересующихся и обсуждающихъ вопросы о преобразованіи общественнаго и политическаго строя. Здѣсь были Н. Я. Данилевскій, братья Ахшарумовы, Европеусъ, Спѣшневъ и др. Поднимался вопросъ о томъ, чтобы привлечь правительство къ созданію фаланстеровъ, заинтересовать его въ пропагандѣ фурьеризма. Но правительство предпочло арестовать Петрашевскаго и весь его кружокъ.

---

[1]) Она состояла изъ 112 членовъ и имѣла 670 акровъ земли; въ результатѣ—отъ фаланги остался долгъ въ 17.000 долларовъ (подробности въ книгѣ (S o m l e r l'a; Geschichte des Socialismus in Nordamerica).

ЭБ "Научное наследие России"

Однако, послѣ разгрома петрашевцевъ фурьеристскіе идеи распространялись въ обществѣ. Въ рядѣ статей, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ и „Современникѣ". В. А. Милютинъ излагалъ взгляды Фурье; сторонникомъ этихъ теорій былъ и нашъ знаменитый старикъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ („Мелочи жизни"). Н. Г. Чернышевскій, придававшій Фурье большое значеніе, большее, чѣмъ Сенъ-Симону, излагалъ, расходясь съ Фурье въ нѣкоторыхъ пунктахъ, его ученіе о привлекательности труда.

Чернышевскій въ своемъ романѣ „Что дѣлать" (во снѣ Вѣры Павловны) удѣлилъ мѣсто для увлекательнаго описанія фаланстера и жизни въ немъ.

СОЧИНЕНІЯ ФУРЬЕ:

Fourier, Charles. 1) Triumvirat continental et paix perpetuelle sous trente ans. Lyon. 1803, 2) Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. 425 стр. Лионъ, 1808 г.

2) Traité de l'association domestique et agricole. 2 тома. 1312 стр Парижъ 1822 г., въ собраніи сочиненій (изд. 1841—46 г., вошло въ т 2—5 подъ заглавіемъ: Théorie de l'unité universelle.

3) La fausse industrie morcelée, répugnante, mansongère, et antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique quadruple produit. 2 vol 12⁰ Парижъ (Bossange) 1835—36.

4) Livret d'annonce du nouveau monde industriel. 1830.

5) Le nouveau monde industriel, ou invention du procedé d'industrie attrayante et combinée distribuée en séries passionnées. XVI + 576 стр. Парижъ (?) (Bossange-père) 1829. Это, одно изъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, было вторично напечатано въ Парижѣ, въ 1830 году. (Согласно Н. Водовозову: Le nouveau monde industriel et sociétaire, появилось въ Besançon'ѣ, въ 1828).

6) Pièges et charletanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrès. VIII + 72 стр. Парижъ, 1831

7) Рукописи Фурье были опубликовываемы съ его смерти въ теченіе восьми лѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „Publications des manuscrits de Charles Fourier". Парижъ, 1851—1858 гг. Названія этихъ рукописей приведены у Stammhammer'a — Bibliographie des socialismus und Communismus. (Iena, 1883 г Затѣмъ по смерти были напечатаны II-мъ изданіемъ: Théorie des quatre mouvements et des destinées générales (Парижъ 1840) и Traité de l'association domestique et agricole. 4 т. Парижъ. 1841. (Перв. изд 1822 въ двухъ томахъ), Затѣмъ также: Fourier, Charles.—Cités ouvrières. Des modifications à introduire dans l'architecture des villes. 8⁰. Парижъ. (Libr. phalanst.). 1849 (1448 г.) — Egarement de la raison démontré par les ridicules des sciences incertaines et fragments, 8⁰. Парижъ. (Libr. phalanst.) 1847

— Sur l'ésprit irreligieux des modernes et dernières analogies 8⁰. Парижъ (Libr phalanst) 1850.

ЭБ "Научное наследие России"

— Analyse du mécanisme de l'agiotage et de la méthode mixte en étude de l'attraction. 8⁰. Парижъ. (Libr. phalanst) 1848.

— L'association et le travail attrayant. 32⁰. Парижъ. (Libr. de la Biblioth. démocratique). 1873.

— L'harmonie universelle et le phalanstère exposés sur Fourier, recueil méthodique et morceaux choisis de l'auteur. 2 vol. 12⁰ Парижъ. (Libr. phalanstèrienne) 1849. Сборникъ избранныхъ сочиненій, изданныхъ учениками въ системѣ посмертная брошюра: „Anarchie industrielle et scientifique".

Собраніе сочиненій Фурье было издано:

1) Въ 6 томахъ Oeuvres complètes. Парижъ, (libr. sociétaire) 1841—48. 2) Въ 12 томахъ. — Oeuvres choisies. Edition Gide Парижъ у Quillaumin'a, въ 1830 году.

Изъ переводовъ Фурье извѣстны:

1) The passions of the human soul and their influence on society and civilisation. Пер. съ франц. H. Doherty 2 т. Лондонъ. 1851.

2) Die gesellschaftliche und industrielle neue Welt mit ihren Vorteilen in Vergleich der seithcrigen Civilisation. Пер. Evander 8⁰. Гейдельбергъ. 1835.

3) Cenni sul sistema di associazione universale. Миланъ. (Ambrosoli). Годъ не обозначенъ.

Идеи Фурье излагались его послѣдователями какъ въ журналахъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

Фурьеристскихъ журналовъ было два:

1) Le Phalanstère, journal pour la fondation d'une phalange agricole et manufacturière, associée en travaux et en ménage Iый № вышелъ 1 іюня 1832 года, послѣдній № 39 2-го тома — въ 1836 году, когда онъ преобразовался въ журналъ:

2) La Phalange, journal de la science sociale découverte et constituée par Charles Fourier. Парижъ съ 10 іюля 1836 года (т. I, № 1-й и по декабрь 1849 г. (Т. X, № 2-й) Главнѣйшими сотрудниками были: Консидеранъ, Пажэ, Виллегардэль, Луи Бланъ, Бурдонъ, Колэнъ Контагрэль, Пелларжъ, Беррэ и нѣк. друг.

Наконецъ, особенно важны для изученія фурьеризма два сочиненія:

2) Exposition du système phalanstérien de Fourier, 3-е изд. — 1848. 4-ое—1842, 5-ое—1872, равно какъ и 3): „Le socialisme devant le Vieux monde ou le vivant devant les morts suivi de: Jesus Christ devant les conseils de guerre par V. Meimier. Paris 1850 4 tirage Libr. phalanstérienne.

4) Manifeste de l'école sociétaire fondée par Fourier. 1-ое изд. 1841, 2-ое изд. — 1842 г.

5) Théorie de l'éducation naturelle et attrayante. Парижъ. 1845 г Нѣмецк. перев. 1847 и 1850 г.

Сочиненій, посвященныхъ Фурье, не мало. Во первыхъ, Фурье и фурьеризму посвящены особыя главы во всѣхъ значительныхъ исторіяхъ политической экономіи, и особенно исторіи соціализма и коммунизма (напр Энглендера, Л. Штейна, Марло, Дюринга, Меринга, Грюна, Сюдра, Рейбо и пр.), а равно въ различныхъ словаряхъ подъ соотвѣтствующей буквой помѣщаются обычныя въ такихъ случаяхъ свѣдѣнія; во вторыхъ имѣется слѣдующій рядъ монографій:

ЭБ "Научное наследие России"

1) Transon: Théorie sociétaire de Ch. Fourier. Парижъ. 1832.

2) Pompery: Théorie de Ch. Fourier. Парижъ, 18⁰ 1841.

3) Système de Fourier étudié dans ses propres écrits. Парижъ (Delay) 1892.

4) Cantagrel: Le fou du Palais Royal, dialogue sur la theorie phalanstère· Парижъ à la libr. phalanst. 1845.

5) Gatti de Gamond. Fourier et son système 5-е изд. Парижъ, 1841 г

6) — Р. Оуэнъ и его ученики посвятили Фурье рядъ статей въ ихъ журналѣ: „The New Moral World", (томы V—X), выходившемъ въ Лондонѣ съ 1834 по 1846 гг.

7) — Catéchisme de Fourier, ou Fourier réfuté par lui même Парижъ. 1841. 5-ое изд. Парижъ. 1845.

8) Paget. Examen du système de Fourier. Парижъ. 1844.

9) Pellarin, Fourier, sa vie et sa théorie 1 и 2 изд. 1843, 4 изд. 1849,—5-е изд. дополненное пер 1871 съ портретомъ, lib. (Dentu). Лучшая французская біографія Фурье, составленная къ тому же его ученикомъ; всѣ послѣдующія авторы заимствовали у него біографическія данныя.

10) Pellarin Notice biographique sur Charles Fourier, suivie d'une exposition de la théorie sociétaire 12⁰. Безансонъ (тип. Déis). 1839 г.

11) Его же — Dinoux Frénée: Charles Fourier et ses disciples. 55 стр. 8⁰ Nimes. (тип. Clavel-Yallivet и С⁰). 1871

12) Villegardelle, Francois: Accord des intérêts dans l'association et besoin des communes, avec une notice sur Charles Fourier. Парижъ. Изд. бюро библіофил. Общ. (Capelle). 1 изд. — 1844. 2-ое допол. и перераб. 32⁰ — Парижъ 1848 (изд. тамъ же).

13) Warschauer Otto: Fourier. Берлинъ. 1892 г.

14) Pellarin Charles: Lettre de Fourier au grand juge (4 nivôse au XII) Fourier et ses contemporains. L'utopie etc. Парижъ. 12⁰. Librairie de sciences sociales, 1874 г.

15) Greulich: Fourier. „Jahrbücher fur Socialwissenschaft", Рихтера, годъ II-ой, Цюрихъ. 1880 г. Приведена старая литература.

16) Muiron, Just: Nouvelles transactions sociales réligieuses et scientifiques de Virtomnius. Paris. Bossange père. 1832. (Muiron одинъ изъ выдающихся послѣдователей Фурье. Его-же. Sur les vices de nos procédés industriels; aperçu démontrant l'urgence d'introduire le procédé sociétaire 8⁰. Paris. 1834 г.

17) Becker Bernhard: Karl Fourier. Съ прилож. Der Socialpalast oder das Familistère in Guise съ портретомъ Фурье и снимкомъ фаланстера. 16⁰ Брауншвейгъ. (Brake'jr). 1874—75.

18) Coignet. Bank- und Handelsform nach Fourierischen Grundsatzen, нѣм. пер. Бюркли. Цюрихъ, 1855.

19) Boot, Arthur I: Fourier. Очеркъ въ „Fortnïghtly Review". Лондонъ. 1872.

20) Georg Adler: Fourier: Handw. der Staatswis. т. III. стр. 632—633.

21) Bebel, A: Fourier. Sein Leben und seine Theorie. Штутгартъ, 1888. (составляетъ № 17 серіи (Dietz) Интернаціон. Библіотеки); лучшая

ЭБ "Научное наследие России"

нѣмецкая монографія о Фурье. Есть русскій пер. О. Лаврова въ изд „Просвѣщенія", Спб. (1906 г.) ц. 42 к., и въ изд. „Знанія".

22) Churoa: Daistellung der Socialteorie Fouriers. Брауншвейгъ. 1840.

23) Dain Charles De l'abolition de lesclavage, suivi dun article de Fourier. Парижъ. (Considerant) 1836 г

24) Bourgin Hubert: Fourier Contribution à l'étude socialisme francais. II. 1905.

25) Gide, Charles: Les prophéties de Fourier Nimes. 1886

26) Его-же. Oeuvres choisies de Fourier (съ обширнымъ введеніемъ). Парижъ. 1889

27) Barbier Olivier Al: Notice bibliographique sur Ch Fourier въ газетѣ „Bibliographie de la France", 1837 г. и въ 1 изд „Le Phalanstère", 1849 г. № 1, Янв

28) Courceile-Seneuie: Charles Fourier, въ Dict. de l'economie politique. 1854 г.

29) Wolting M: Das Problem der Ehe bei Fourier und Tolstoi въ „Neue Zeit", 1890—1 г.

30) Janet Paul. Charles Fourier. въ Revue des Deux Mondes, № 1, окт. 1879 г.

Фурье въ Россіи имѣетъ также свою литературу.

1) Лучшей русской работой о Фурье является Водовозовъ, Н. В.: Фурье. Опытъ критическаго обзора его ученія въ журн „Русская Мысль" 1892 г № 9.

2) Исаевъ, А.: Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. „Юридическій Вѣстникъ" 1880 г. кн. 5 и 6

3) Бибиковъ, П. А., ст „Современные утописты. — Изложеніе и критическій разборъ теоріи Фурье" въ его книгѣ „Критическіе очерки" Спб. 1865 г.

4) Куперникъ Шарль Фурье „Кіевскій сборникъ въ пользу постр. отъ неурожая" Кіевъ 1892 г. (статья слаба).

5) Щегловъ; Исторія соціальныхъ системъ. Т. II. Критическое обозрѣніе ученій Фурье, etc. Спб. 1889 г.

6) Б. П. Фурье и фурьеризмъ Казань. 1905 г. (ц 60 коп) стр. 95.

7) Тотоміанцъ, В.: Фурье и кооперація. Спб. 1906 г Изд „Лучъ" (брошюра; ст. изъ „Образованія" 1905 г., № 11—12)

8) Русановъ, Н. Соціалисты запада и Россіи (Фурье, Марксъ и пр.). Спб. 1908 г.

III.

РОБЕРТЪ ОУЭНЪ.

(1771 — 1858)

Знаменитый англійскій утопистъ Робертъ Оуэнъ родился 14-го мая 1771 года въ небольшомъ городкѣ Ньютоунѣ, графства Монгомери, въ Валлисѣ. Отецъ его владѣлъ небольшой лавочкой и содержалъ почтовую станцію. Маленькій Оуэнъ, очень рано, еще 5-ти лѣтъ отъ роду началъ посѣщать элементарную школу, а къ 10-ти годамъ былъ отданъ приказчикомъ въ одно изъ торговыхъ заведеній Лондона, гдѣ мальчикъ вскорѣ обнаружилъ рѣдкую практическую смѣтливость. Въ дѣтствѣ Оуэнъ былъ очень слабаго здоровья. Неправильное пищевареніе принуждало къ строгой діэтѣ, къ правильному и весьма умѣренному образу жизни, которому онъ не измѣнилъ и впродолженіе всей своей долгой жизни. Въ силу этого Оуэнъ сталъ человѣкомъ исключительной умственной и физической трудоспособности. Притомъ еще въ раннемъ дѣтствѣ Оуэнъ обнаружилъ твердый характеръ, выносливость и любовь къ справедливости.

Семья Оуэна принадлежала къ господствующей церкви но была свободна отъ религіознаго фанатизма. Поиски „истиной религіи“ рано начали занимать пытливый умъ Оуэна, приводя его къ скептическому отношенію къ религіозному принципу вообще. Уже въ юности, защищая воскресный отдыхъ, какъ благодѣтельную мѣру для трудящихся онъ старался лишить его религіознаго характера. Первымъ общественнымъ выступленіемъ Оуэна было его длинное письмо въ главѣ правительства, знаменитому Питту, съ требованіемъ строгаго соблюденія закона о праздничномъ отдыхѣ.

На 20-мъ году жизни Оуэнъ уже сдѣлался директоромъ большой бумагопрадильни, найдя новые способы для обработки американскаго хлопка. Успѣхъ, какъ практическаго дѣятеля — „дѣльца“ не измѣнилъ характера и интересовъ Оуэна, прослывшаго въ средѣ фабрикантовъ и вообще представителей „дѣлового“ міра—„чудакомъ“: онъ избѣгалъ обычныхъ развлеченій этой среды, не находя въ нихъ удовольствія и всѣ свои досуги отдавалъ книгамъ и „Литературно-философскому обществу“, гдѣ сблизился съ поэтомъ Кольриджемъ, химикомъ Дальтономъ и строителемъ перваго парохода Фультономъ. Послѣднему Оуэнъ оказывалъ значительную поддержку для его опытовъ.

Широкую извѣстность имя Оуэна пріобрѣло, когда онъ сталъ во главѣ Нью-Ланаркской хлопчато-бумажной фа-

ЭБ "Научное наследие России"

брики. Женившись на дочери владѣльца этой фабрики Дэля, Оуэнъ сталъ сначала компаніономъ, а потомъ владѣльцемъ фабрики. Нью-Ланаркская фабрика основана была на рѣкѣ Кляйдъ (въ Шотландіи) съ цѣлью использовать водяную силу ея водопада. Многочисленное населеніе мѣстности не могло поставить нужнаго количества рабочихъ, а потому прибѣгли къ дѣтскому труду, взявъ дѣтей изъ рабочихъ домовъ и пріютовъ. Взрослые рабочіе, при господствовавшемъ въ то время отвращеніи къ фабричному труду, шли на фабрику неохотно и на фабрикѣ собрались, да и то въ недостоточномъ количествѣ, одни отбросы, не желающіе подчиняться никакой дисциплинѣ, погрязшіе въ порокахъ и преступленіяхъ. Для дѣтей выстроили отдѣльный домъ, для взрослыхъ рабочихъ вокругъ фабрики выстроили поселокъ, сдавая дома за небольшую плату. Для того, чтобы покрыть стоимость своего содержанія и предоставленныхъ имъ удобствъ, дѣти работали на фабрикѣ съ 6-ти часовъ утра до 7-ми вечера наравнѣ со взрослыми, а послѣ работы начинались учебныя занятія. Дѣти возненавидѣли свое рабство, многія убѣгали, оставшіяся же калѣчились непосильнымъ трудомъ и, окончивъ ученіе, въ 13—15 лѣтъ оставляли Нью-Ланаркъ, уходя въ Гласго или Эдинбургъ, гдѣ окончательно гибли въ нищетѣ и порокахъ жизни большого города. Когда во главѣ фабрики сталъ Оуэнъ, онъ на живомъ примѣрѣ захотѣлъ доказать справедливость сложившихся къ тому времени у него идей о томъ, что людей создаютъ условія ихъ жизни. Примѣромъ своей фабрики онъ стремился доказать, что обязанность высшихъ классовъ заботиться о низшихъ вполнѣ совпадаетъ съ правильно понятыми интересами высшихъ классовъ. Онъ ввелъ всѣ тѣ усовершенствованія въ отношеніяхъ къ рабочимъ, къ которымъ другіе фабриканты вынуждены были впослѣдствіи послѣ тяжелой борьбы. Трудъ малолѣтнихъ былъ упраздненъ, до 10-ти лѣтъ они учились въ хорошо поставленныхъ школахъ. Въ результатѣ, послѣ упорной двухлѣтней борьбы, изъ недисциплинированной орды прежнихъ рабочихъ Оуэнъ создалъ кадръ образцовыхъ рабочихъ. Свои взгляды на человѣка и на необходимыя соціалныя реформы, провѣренные успѣхомъ на большомъ практическомъ дѣлѣ, Оуэнъ формулировалъ въ сочиненіи „Essay of the Formation of the Character“, (1812 г.). Коммерческій успѣхъ Нью-Ланаркской фабрики и

© "Научное наследие России"

благосостояніе ея рабочихъ привлекали на нее множество посѣтителей, среди которыхъ между прочимъ былъ и великій князь Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ Николай I. Постепенно, оставляя почву филантропіи, Оуэнъ входилъ въ сферу радикальной мечты „объ организаціи всеобщаго счастья“ —образованіемъ производительныхъ ассоціацій. давъ въ своихъ сочиненіяхъ не только теоретическое обоснованіе необходимости ихъ образованія, но и разработавъ планъ ихъ организаціи. Въ Англіи его начали считать опаснымъ мечтателемъ, особенно въ виду начатой имъ въ 1817 году борьбы со всѣми религіями. Практически осуществить свои утопическіе планы Оуэнъ пытался въ основныхъ имъ или его послѣдователями (напр.. священникомъ Даніиломъ Ро, шотландкой Райтъ) коммунистическихъ колоніяхъ. Всѣ онѣ исчезли безслѣдно, а при неудачѣ колоніи въ штатѣ Индіанѣ (при сотрудничествѣ филантроповъ Маклера и Петра Наафа) Оуэнъ потерялъ значительную часть своего состоянія, что, впрочемъ, не убило его энергіи. Въ 1832 году онъ создаетъ въ Лондонѣ „Биржу трудового обмѣна“. которая пріобрѣтала всѣ издѣлія, оцѣнивая ихъ по количеству часовъ затраченнаго труда (по шести пенсовъ за каждый часъ). Уплачивалось за все „трудовыми квитанціями“, за которые выдавались равноцѣнные товары. Первоначально „Биржа“ имѣла успѣхъ, но вскорѣ она была перегружена безполезнымъ балластомъ (купцы посылали на биржу залежавшіеся товары и поспѣшно разбирали все наиболѣе цѣнное) и рухнула. Всѣ предпріятія Оуэна лопались еще при его жизни, но многія изъ его идей были безъ утопизма реализованы въ Англіи различными общественными организаціями. Оуэнъ указалъ на необходимость государственнаго вмѣшательства, далъ толчокъ фабричиому законодательству, явился вдохновителемъ кооперативнаго движенія, стремящагося устранить торговую прибыль, сдѣлавъ потребителей производителями. Умеръ Оуэнъ 17 ноября 1858 года. Въ послѣдніе годы жизни очень увлекался спиритизмомъ.

Оуэнъ не былъ „писалемъ“, его сочиненія страдаютъ неясностями и утомительными повтореніями, его главное значеніе въ общественной дѣятельности, направленной къ глубокимъ преобразованіямъ всего ея уклада.

Основной, кардинальной мыслью ученія Оуэна, краеугольнымъ камнемъ его теоріи является положеніе —людей,

ЭБ "Научное наследие России"

создаютъ условія ихъ жизни. Человѣкъ является продуктомъ окружающихъ его внѣшнихъ условій и воспитанія; чѣмъ они совершеннѣе, тѣмъ болѣе облагораживается и совершенствуется человѣкъ. Мотивомъ всѣхъ поступковъ является жажда счастья, прирожденная человѣку. Способностью создавать идеи, изъ которыхъ слагается знаніе, человѣкъ отличается отъ животныхъ, движущія стремленія которыхъ, однако, тоже присущи человѣку. Счастье человѣка зависитъ отъ тѣхъ степеней знанія, какихъ достигаютъ онъ и его окружающіе. Оттого Оуэнъ придаетъ громадное значаніе вліянію воспитанія, которому прежде всего ставитъ задачу устранить предразсудокъ, являющійся источникомъ заблужденій, будто бы развитіе характера зависитъ отъ самого человѣка. Понявъ это, поймутъ и то, что достичь личнаго счастья легче всего заботами о счастьи другихъ. Положивъ эти идеи въ основаніе своего Нью-Ланаркскаго эксперимента, Оуэнъ убѣдился въ томъ, что подобные примѣры не заразительны, а это убѣжденіе привело его къ борьбѣ съ теоріей государственнаго невмѣшательства и къ агитаціи въ пользу фабричнаго законодательства. Отчасти неудача этой агитаціи, а отчасти дальнѣйшее углубленіе мысли надъ вопросами соціальнаго порядка и возраставшая вѣра въ торжество разума, привели Оуэна къ его утопическимъ планамъ организаціи „всеобщаго счастья“, причемъ планы эти создавались въ соотвѣтствіи съ вышеизложенными основными положеніями его философіи. Организація „всеобщаго счастья“ должна совершиться при посредствѣ „системы единства и кооперації, основанной на всеобщей любви къ ближнему и истинномъ познаніи его человѣческой природы“. Они должны привести къ полному преобразованію всей промышленной системы, которая построена на ложныхъ основаніяхъ. Раздѣленіе труда ухудшаетъ расу, соперничество создаетъ столкновеніе противорѣчивыхъ интересовъ. Интересъ общества всегда въ томъ, чтобы предложеніе товаровъ превышало спросъ, а между тѣмъ полученіе прибыли, на которомъ зиждется вся нынѣшняя система, возможно только тогда, когда спросъ равенъ предложенію или превышаетъ его. Оттого съ изобрѣтеніемъ машинъ вся промышленная система не можетъ выйти изъ критическаго положенія, грозящаго раззореніемъ фабрикантамъ и голодовкой рабочимъ. Изъ этихъ положеній Оуэна и всей его соціалистической

ЭБ "Научное наследие России"

критики системы промышленнаго капитализма вытекаетъ теорія кризисовъ, объясняющая ихъ несоотвѣтствіемъ производства съ потребительными бюджетами массъ. Устраненіе всѣхъ соціальныхъ золъ произойдетъ только въ томъ случаѣ, если группы производителей, пользуясь почти безграничнымъ производительными силами, соединятся въ кооперацiи для производства, при помощи собственнаго труда и капитала. При этомъ Оуэнъ мечталъ заглушить индустрію земледѣліемъ. Ассоціація земледѣльцевъ, сельская коммуна должна стать соціальной ячейкой, а средствомъ для этой реформы онъ считалъ коммунизацію земли и созданіе большихъ земледѣльческихъ поселковъ. Вѣра во всемогущество разума и очевидность истины внушаетъ Оуэну убѣжденіе, что достаточно одного счастливаго опыта для просвѣщенія невѣжественныхъ умовъ. Для достиженія соціальнаго идеала онъ обращается съ призывомъ къ разуму всѣхъ просвѣщенныхъ людей, а для усиленія голоса разума—къ правительствамъ. По мысли Оуэна, государственная власть должна явиться проводникомъ соціальной реформы. Построенія Оуэна во многомъ родственны построеніямъ Фурье. Подобно послѣднему Оуэнъ проектировалъ устройство пробной фаланстеріи въ деревнѣ и сельскимъ работамъ отводилъ первое мѣсто. Подобно Фурье, полагавшему, что достаточно одного счастливаго опыта для внушенія людямъ желанія предпочесть организацію, обезпечивающую столько счастья, Оуэнъ утверждалъ: „Ни одна изъ этихъ ассоціацій не образуется безъ того, чтобы не внушить обществу желанія организовать другія; онѣ быстро будутъ размножаться... Перемѣны въ характерѣ и поведеніи людей, подъ вліяніемъ новой системы, тотчасъ же станутъ наглядным доказательствомъ превосходства новаго порядка вещей надъ старымъ и старое общество не замедлитъ распасться“. Рабство человѣка, по ученію Оуэна, зиждется на частной собственности, бракѣ и религіи. Бракъ противенъ природѣ и личному счастью, основанъ не на естественныхъ склонностяхъ и взаимныхъ симпатіяхъ, а на семейныхъ и имущественныхъ разсчетахъ. онъ противорѣчитъ принципу равенства и приводитъ къ плачевнымъ результатамъ, какъ въ смыслѣ нравственности мужчины и женщины, такъ и для ихъ счастья. Искусственнымъ бракамъ стараго безнравеннаго міра Оуэнъ противоставляетъ естественные союзы новаго нравственнаго міра,

ЭБ "Научное наследие России"

основанные на обоюдной симпатіи, взаимной искренности и привязанности. Въ новомъ нравственномъ мірѣ лица желающія вступить въ бракъ, объявляютъ объ этомъ публично на воскресномъ собраніи. Если черезъ три мѣсяца они остаются при своемъ намѣреніи, то заявляютъ объ этомъ вторично и это заявленіе регистрируется обществомъ. При формальномъ своемъ атеизмѣ ученіе Оуэна безсознательно проникнуто христіанствомъ и, какъ говоритъ Долеансъ, — „самъ Оуэнъ инстинктивно имѣлъ душу христіанина временъ апостольскихъ". Религіозныя взгляды Оуэна исчерпываются тремя положеніями: (1) существуетъ всемогущая причина творенія, непостижимая для человѣческаго разума, 2) человѣческая природа неотвѣтственна и можетъ быть измѣнена внѣшними обстоятельствами, 3) близко наступленіе земного рая,—и практическою заповѣдью милосердія и любви.

Среди многочисленныхъ сочиненій Роберта Оуэна выдѣляются

1) Essay of the Formation of Character. — есть русскій переводъ „Объ образованіи Человѣческаго характера", Спб. 1893 г., 3-е изд.

2) Explanation of the causes of distress in which perwades the civilised World.

3) The New Moral World.

Европейская литература, не говоря уже объ англійской, посвятила много вниманія идеямъ и дѣятельности Р. Оуэна. По-русски о Р. Оуэнѣ писали

1) Н. Добролюбовъ: „Р. Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ" въ „Современникѣ", № 1 1859 г. Перепечатывается во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Добролюбова.

2) Каменскій · Р. Оуэнъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ, изд. Павленкова.

3) Волкова, Е. Ф.: Пророкъ „разумнаго общества". Р. Оуэнъ Его жизнь и дѣятельность („Научно-популярная библіотека" № 7, изд. „Польза", Москва).

Изъ переводныхъ на русскій языкъ сочиненій о Р. Оуэнѣ можно указать:

1) Долеансъ, Эдуардъ: Р. Оуэнъ. Его жизнь и ученіе Библіотека „Просвѣщенія", Спб

2) Либкнехтъ, В: Р. Оуэнъ. Его жизнь и общественно-политическая дѣятельность. Спб. 1905. изд. „Молотъ".

Затѣмъ сужденія объ Р. Оуэнѣ даютъ: Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи, Гельдъ. (Развитіе крупной промышленности въ Англіи), Веббъ. (Соціализмъ въ Англіи), Тойнби. (Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи), и др

Лучшія англійскія біографіи Р. Оуэна.

1) Sargant, R. Owen and his social philosophy. 1860.

2) Jones L — The life of R Owen. 1890 г.

ЭБ "Научное наследие России"

V.

ЭТЬЕНЪ КАБЭ.

(1788 — 1856).

Утопистъ Этьенъ Кабэ, — сынъ простого рабочаго-бондаря. Въ 1812 г. окончилъ юридическій факультетъ съ докторской степенью и посвятилъ себя адвокатурѣ, съ цѣлью защищать бѣдныхъ и слабыхъ. Во время „ста дней", видя въ Наполеонѣ республиканца, былъ однимъ изъ основателей патріотической бургундской федераціи національной обороны, за что послѣ возвращенія Бурбоновъ вмѣстѣ съ Прудономъ подвергся наказанію. Ему была запрещена временно адвокатская практика. Во время реставраціи былъ членомъ союза карбонаріевъ. Принималъ дѣятельное участіе въ іюльской революціи За памфлетъ противъ іюльской монархіи былъ преданъ суду, но оправданъ присяжными. Однако, вскорѣ за двѣ статьи въ основанномъ имъ журналѣ „Populaire", Кабэ былъ приговоренъ къ 2 годамъ тюрьмы и бѣжалъ въ Англію. Подъ вліяніемъ „Утопіи" Мора Кабэ сталъ коммунистомъ и въ 1840 году издалъ „Путешествіе въ Икарію". По возвращеніи во Францію дѣятельно пропагандировалъ свое коммунистическое ученіе, а въ 1847 г. съ цѣлью практическаго осуществленія своихъ идей купилъ землю въ Техасѣ и организовалъ переселеніе туда французскихъ рабочихъ. Когда колонія начала терпѣть неудачи, Кабэ лично отправился туда и достигъ нѣкотораго благосостоянія колоніи, перенесенной изъ Техаса въ штатъ Иллинойсъ. Однако, скоро въ колоніи начались внутренніе раздоры и нѣкоторые колонисты, вернувшись въ Парижъ, обвиняли Кабэ въ мошенничествѣ. Заочно осужденный, Кабэ возвратился въ Парижъ и добился пересмотра дѣла, причемъ былъ оправданъ. Coup d'etat 1851 заставилъ Кабэ вернуться въ колонію, гдѣ у него снова начались недоразумѣнія со своими послѣдователями. Изгнанный изъ колоніи и осужденный учениками, Кабэ умеръ въ 1856 году въ С.-Луи, въ Сѣв. Америкѣ.

ЭБ "Научная библиотека России"

Ученіе Кабэ проникнуто сантиментально-этическимъ характеромъ. „Путешествіе въ Икарію“ въ которомъ Кабэ изложилъ его, написано въ формѣ путевыхъ записокъ Уильяма Карриздаля, англійскаго лорда, посѣтившаго „Икарію“, страну съ идеальнымъ государственнымъ строемъ. „Народъ Икаріи — братъ всѣмъ народамъ“ — такова надпись на громадной аркѣ городскихъ воротъ города Тирама, куда путешествующій лордъ прибылъ на пароходѣ по пути въ столицу страны Икаріи. Коммунистическій идеалъ былъ осуществленъ въ Икаріи постепенно, торжества своего идеала Кабэ вообще ждетъ не черезъ революцію, а отъ мирнаго распространенія идей. Убѣдившись въ несовершенствѣ соціальнаго строя, икарійцы избрали Икара диктаторомъ, возложивъ на него постепенное осуществленіе коммунистическаго идеала въ теченіе 50 лѣтъ. Лордъ Карриздаль засталъ этотъ идеалъ уже осуществленнымъ. Все государство раздѣлено на сто провинцій, въ каждой провинціи 10 общинъ. Въ центрѣ каждой провинціи городъ, разбитый по плану столицы. Кабэ подробно описываетъ не только планъ города и его устройство, но и устройство квартиръ, мебель, украшенія и всѣ самыя мельчайшія подробности. Жители Икаріи заботятся о соединеніи прекраснаго съ полезнымъ. Даже изъ рекламъ они дѣлаютъ украшенія для стѣнъ. Произведеніями искусства не приходится любоваться въ тѣсныхъ музеяхъ: они всюду — въ садахъ, на улицахъ. У икарійцевъ общее имущество, общій трудъ, общія права и обязанности, общее бремя и общее пользованіе. Трудъ въ Икаріи обязателенъ, отъ 6 до 7 часовъ для взрослыхъ, причемъ каждый гражданинъ избираетъ себѣ отрасль труда по своимъ способностямъ. Однако, разъ избранная работа навсегда становится спеціальностью гражданина. Трудъ пріятенъ настолько, что никто отъ него не уклоняется. Грязныя и тяжелыя работы исполняются машинами. Все въ Икаріи строго регулировано закономъ — время и порядокъ работы, даже домашняя жизнь. Во всемъ соблюдается строгое равенство. Геній не награждается лучше другихъ: своими дарованіями онъ обязанъ природѣ, а ихъ развитіемъ — общественнымъ учрежденіямъ. Всѣмъ владѣетъ республика, она организуетъ промышленность, обработку земли, производитъ все необходимое для жизни и доставляетъ гражданамъ пищу, помѣщеніе, мебель. Бракъ почитается священнымъ, супруги равны, за-

ЭБ "Научное наследие России"

ключается бракъ по свободному выбору, разводъ допускается только въ видѣ исключенія. Супружеской невѣрности не бываетъ. Имѣя въ виду потомство. государство весьма заботливо относится къ браку. Молодежь снабжается руководствами по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ. Женщинамъ читаются лекціп по гигіенѣ беременности. Оттого икарійцы родятся здоровыми и хорошо сложенными.

Воспитываютъ дѣтей въ семьѣ. Съ 5 до 18 лѣтъ мальчики и до 17 лѣтъ дѣвочки посѣщаютъ школу. Обученіе совмѣстное. Въ каждой школѣ ученики и ученицы вырабатываютъ нравственный кодексъ, имѣютъ свой выборный товарищескій судъ, благодаря чему съ ранняго возраста дѣти развиваются, какъ граждане. Все урегулировавъ, икарійцы организовали и религію. „Какъ и всѣ учрежденія Икаріи, религія представляетъ собою произведеніе самаго народа“. Это — чистый деизмъ, причемъ каждому предоставляется слѣдовать тѣмъ или инымъ догматамъ. Ученики знакомятся съ религіей по окончаніи образовательной школы. Преподается она не священникомъ, а профессоромъ философіи. Жрецы существуютъ не для богослуженія, а только для нравственныхъ назиданій. Печать въ Икаріи находится подъ строгой цензурой, такъ какъ Икаръ рѣшилъ, что свобода печати необходима только для борьбы съ аристократіей и монархизмомъ. Правители избираются, но власть избранныхъ правителей неограничена. Мнѣнія большинства получаютъ силу закона нетолько въ вопросахъ общественнаго благоустройства, но и въ вопросахъ науки и искусства.

Излагая въ концѣ своего сочиненія исповѣдываніе своей вѣры, внушившей ему его утопію, Кабэ говоритъ, что вѣритъ въ неслучайное созданіе міра. Онъ созданъ первопричиной — природой, изслѣдовать ее безполезно, ибо она превосходитъ силу нашего разума. „Природа желала, чтобы человѣкъ былъ бы счастливъ“. Природа — общая мать, поэтому люди должны считать себя братьями и образовать одну семью. Несчастье людей проистекаетъ отъ невѣжества и дурного соціальнаго устройства, больше всего отъ неравенства, источника преступленій, неравенство же является слѣдствіемъ частной собственности. Равенство не должно имѣть никакихъ границъ, кромѣ невозможнаго. „Естественная справедливость не допускаетъ, чтобы одинъ имѣлъ

ЭБ "Научное наследие России"

излишекъ, когда другой лишенъ необходимаго. Не природа создала частную собственность, она — человѣческое изобрѣтеніе. Кабэ отличался чрезвычайной нетерпимостью къ чужимъ мнѣніямъ. Онъ считалъ себя единственнымъ пророкомъ коммунизма и полагалъ, что было бы полезно сжечь всѣ книги, напечатанныя до его коммунистическаго евангелія. Онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ и его утопія является только соединеніемъ различныхъ мѣстъ изъ предыдущихъ теорій. Но онъ былъ способнымъ агитаторомъ и вліяніе его ученія на народныя массы было весьма значительно.

Икарійскими попытками заканчивается эпоха „великихъ утопистовъ“. Мыслящее общество, потерпѣвъ фіаско въ осуществленіи лучшаго будущаго путемъ коммунизма, организуемаго среди капиталистическаго общества небольшими группами иниціаторовъ - энтузіастовъ задумывается надъ иными путями. Наступаетъ переходная эпоха, эпоха разочарованія утопизмомъ, все же полная стремленія остаться на почвѣ радикальнаго соціальнаго реформаторства.

Появляются новыя ученія и направленія, формулированные Вейтлингомъ, Луи-Бланомъ и др. писателями 30 и 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Къ нимъ и переходимъ.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ XI-ый.

Отъ коммунизма къ соціализму.

I.

Вильгельмъ Вейтлингъ.

(1808—1871).

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ вышеизложенный французскій утопизмъ становится всеобщимъ достояніемъ; нѣмцы также одѣваютъ жилеты à la Saint Simon и завязываютъ галстухи по послѣдней фурьеристской модѣ. Мечты о фаланстерахъ и безмятежномъ житьѣ икарійцевъ пришли въ Германію двумя путями: верхніе слои, уже подготовленные Фихте, или знакомились съ французскими авторами въ подлинникѣ, или довольствовались передачею, но передачею Гейне, Беттины фонъ-Арнимъ, Лоренца Штейна. Довольно трезвенная нѣмецкая интеллигенція не пускала коммунизмъ дальше гостиной, и развѣ у немногихъ, болѣе чуткихъ, прибавились новыя иллюзіи и новыя сомнѣнія, столь хладнокровно успокоенныя вскорѣ Гегелемъ. Иное дѣло низшіе слои; они заимствовали непосредственно у источника и принимали все за чистую монету. Ихъ Меккою былъ Парижъ, тогда вполнѣ гостепріимный сѣвернымъ нѣмцамъ, какъ теперь Фирвальдштетское озеро или аллеи Платера. Со всѣхъ концовъ Германіи стекались въ Парижъ многочисленные бѣглецы отъ звѣрскаго прусскаго сыска, политическіе агитаторы, юноши „пораженные міровой скорбью“ и безконечныя вереницы странствующихъ,— въ силу многовѣкового обычая своей профессіи,— ремесленниковъ. Они возвращались на родину опредѣленно настроенные, съ жаждою радикальныхъ преобразованій и подготовляли почву для смѣны кабинетнаго теченія—демагогическимъ.

Въ ихъ числѣ былъ и Вильгельмъ Вейтлингъ, пролетарій по рожденію, бродячій портной по профессіи,

ЭБ "Научное наследие России"

оригинальный мыслитель и недюжинный агитаторъ по призванію.

Освоившись въ Парижѣ съ доктринами французскихъ утопистовъ, особенно съ ученіемъ Этьена Кабэ, Вейтлингъ переработалъ воспринятое по своему въ 40-хъ годахъ развилъ свои мысли въ цѣлое своеобразное соціалистическое ученіе, проникнутое религіознымъ духомъ его среды и того времени. Свои задушевныя думы онъ излагалъ въ книжкахъ и въ статьяхъ, имъ же издаваемыхъ газетъ. Одаренный отъ природы красотою и мощною фигурою, краснорѣчивый и фанатичный, Вейтлингъ говорилъ и писалъ пламеннымъ, полубиблейскимъ языкомъ, напоминающимъ проповѣди вождей анабаптизма.

Въ итогѣ, упорный и даровитый демагогъ не могъ не имѣть успѣха; его пропаганда вызвала первое сознательное массовое движеніе обездоленнаго рабочаго люда Германіи. Внѣдривъ въ пролетаріатъ соціальное недовольство и начатки стремительнаго самоопредѣленія, прививъ ядъ идеалистическаго исканія, Вейтлингъ тѣмъ самымъ создалъ эмбріонъ будущей соціалъ-демократіи.

Итакъ, это онъ,—геніальный рабочій, самоучка,—сомкнулъ цѣпь идеи и среды, вызвалъ контактъ и, перевернувъ страницу соціальной исторіи, сталъ родоначальникомъ нѣмецкаго рабочаго движенія.

II.

Жизнь этого историческаго человѣка интересна и поучительна. Вильгельмъ Вейтлингъ изъ Магдебурга родился 9 октября 1818 г. въ очень бѣдной семьѣ. Кто былъ его отцомъ—мы не знаемъ. Въ метрической книгѣ записано только имя его матери, Христины Вейдлингенъ изъ Геры, и указаны два воспріемника, сапожникъ Іоахимъ Кемпфъ и каменьщикъ Іоганнъ Вейдлингъ. Такимъ образомъ ясно, что Вейтлингъ былъ внѣбрачнымъ ребенкомъ. Онъ выросъ, по собственному указанію, въ крайней нищетѣ и въ большихъ лишеніяхъ. Подросткомъ юный Вильгельмъ обучился портновскому ремеслу и, по обычаю нѣмецкихъ ремесленниковъ, уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста, т. е. въ 1828 году велъ бродячую жизнь по всей Германіи. Эта школа жизни обогащала, конечно, наблюдательный умъ и дала возможность обостриться тому острому чувству негодованія противъ со-

ЭБ "Научное наследие России"

ціальной неправды, которое въ высшей мѣрѣ характеризуетъ Вейтлинга. Въ серединѣ 30-хъ годовъ нашъ странствующій подмастерье попадаетъ въ Парижъ, куда въ то время былъ еще вполнѣ открытъ доступъ нѣмецкому ремесленнику. Въ Парижѣ Вейтлингъ остается нѣсколько лѣтъ подрядъ и не тратитъ времени даромъ. Парижъ того времени былъ ареною борьбы различныхъ коммунистическихъ школъ и теченій. Властителями думъ не только молодыхъ поколѣній, но, въ извѣстной мѣрѣ, и всего рабочаго класса, были Бабефъ, Фурье, сенсимонисты Анфантенъ и Базаръ, Кабэ. Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ, попавъ въ Парижъ, быстро проникается коммунистическими идеалами, увлекается ими и съ азартомъ истиннаго прозелита рѣшается посвятить свою жизнь ихъ пропагандѣ. Все это радикальнымъ образомъ измѣняетъ и его прежнюю профессію, и все его міровоззрѣніе, ранѣе довольно неопредѣленное и неинтересное. Въ свою очередь французскій коммунизмъ претерпѣваетъ рѣшительную переработку въ умѣ талантливаго и бывалаго нѣмецкаго ремесленника.

Въ Парижѣ Вейтлингъ знакомится также съ тайнымъ нѣмецкимъ революціоннымъ обществомъ того времени, съ „Союзомъ Справедливыхъ“, и принимаетъ отнынѣ горячее участіе въ томъ движеніи, которое вызывалось и поддерживалось нѣмецкими эмигрантами.

Въ Парижѣ, какъ позднѣе и въ другихъ мѣстахъ, Вейтлингъ, въ силу его природнаго краснорѣчія и благодаря опубликованію его первой и весьма интересной брошюры: „Человѣчество какъ оно есть и какъ оно должно быть“ („Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte“ 1833), сразу обратилъ на себя вниманіе тогдашнихъ радикальныхъ кружковъ. Еще большій успѣхъ Вейтлингъ имѣлъ въ Швейцаріи, куда онъ переселился изъ Парижа въ 1841 году.

Переѣздъ въ Швейцарію былъ уже шагомъ въ Германію. Дѣло въ томъ, что Швейцарія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка играла для Германіи ту же роль, что позднѣе Бельгія для Франціи, или Лондонъ и Женева для русскихъ. Изъ Швейцаріи Вейтлингу уже было легко распространять свои взгляды на родину.

И вотъ, изъ Швейцаріи, благодаря Вейтлингу, новыя французскія идеи проникаютъ въ Германію. Страна Фло-

ЭБ "Научное наследие России"

ріана Гейера и Томаса Мюнцера вновь начинаетъ прислушиваться къ совершенно утраченной ею соціальной идеѣ. Франція, такимъ образомъ, сыграла роль воскресительницы соціальнаго настроенія въ нѣмецкой странѣ.

Эта связь была ясно понята и формулирована еще въ 1844 году Карломъ Марксомъ, который на страницахъ „Deutsche—Französche Jahrbücher", пророчески возвѣстилъ міру слѣдующія замѣчательныя слова: „Эмансипація Германіи будетъ эмансипаціею всего человѣчества, но когда въ Германіи все будетъ готово, то возстаніе вспыхнетъ только по пробуждающемуся пѣнію галльскаго пѣтуха".

Уже было сказано, что въ 1841 году Вейтлингъ поселился въ Женевѣ. Здѣсь его взгляды нашли себѣ полное сочувствіе въ средѣ бѣдныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, не подражавшихъ зажиточнымъ швейцарцамъ въ ихъ слабости къ частной собственности. Въ многочисленныхъ, ютившихся тогда въ Швейцаріи нѣмецкихъ рабочихъ ферейнахъ горячее слово Вейтлинга имѣло большой успѣхъ. Въ Швейцаріи же Вейтлингъ сталъ еще болѣе радикаленъ и рѣзокъ, подъ вліяніемъ ученика Прудона, анархиста Мозеса Гессъ, оригинальность мысли котораго, запальчивость и рѣзкость пріемовъ вліяли на людей впечатлительныхъ.

Въ цѣляхъ болѣе успѣшной пропаганды, Вейтлингъ, живя въ Вёве, съ осени 1841 года приступаетъ къ изданію рабочей газеты: „Hülferuf der deutschen Jugend". Вышло 4 номера. Этотъ же органъ издавался позднѣе подъ заглавіемъ: „Die junge Generation". Въ 1842 году Вейтлингъ издаетъ свое главное сочиненіе „Гарантіи гармоніи и свободы", „Garantien der Harmonie und Freiheit". Эта книжка была отпечатана въ значительномъ для того времени количествѣ 2 тысячъ экземпляровъ. Вѣрные друзья и единомышленники Вейтлинга, Августъ Бекеръ и Симонъ Шмидтъ, переѣзжали изъ кантона въ кантонъ, распространяя, и не безъ успѣха, книжку своего друга.

Весною 1843 года Вейтлингъ отправился въ Цюрихъ, несмотря на предупрежденіе Фрёбеля (извѣстнаго педагога), доказывавшаго, что въ этомъ кантонѣ, въ виду особо религіознаго настроенія населенія, Вейтлингу не прожить. Такъ и случилось. Въ Цюрихѣ знали Вейтлинга, какъ автора „Евангелія бѣднаго грѣшника", гдѣ Христосъ изображается провозвѣстникомъ коммунистическаго ученія. По примѣру

старыхъ нѣмецкихъ религіозныхъ реформаторовъ, Карлсштадта и Мюнцера, Вейтлингъ признавалъ христіанство первоисточникомъ демократическихъ идей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ, что каждое соціальное ученіе должно примкнуть къ христіанству, согласоваться, а не уничтожать религію. Послѣднюю должно, по мнѣнію Вейтлинга. использовать для политическаго и соціальнаго освобожденія человѣчества. Наконецъ, въ брошюрѣ выказывался рядъ радикальныхъ взглядовъ на роль духовенства и необходимость реорганизаціи современнаго соціальнаго строя.

Все это, вмѣстѣ взятое, вызвало энергичное преслѣдованіе Вейтлинга цюрихскою полиціею, тѣмъ болѣе, что и печаталась сама книжка въ одной изъ цюрихскихъ типографій.

Рукопись и первые отпечатанные листы были конфискованы, а самъ авторъ присужденъ къ тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ, куда попалъ Вейтлингъ, онъ составилъ сборникъ „Тюремной поэзіи“ („Kerkerpoesie“), который появился вскорѣ въ свѣтъ съ посвященіемъ матери автора. Выпущенный изъ цюрихской тюрьмы, Вейтлингъ былъ высланъ въ Германію. На баденской границѣ онъ былъ арестованъ и выпровожденъ въ Пруссію, а затѣмъ въ Гамбургъ. Здѣсь онъ знакомится съ Генрихомъ Гейне.

Знакомство ихъ произошло въ книжной лавкѣ Гоффмана и Кампе, о чемъ мы знаемъ изъ разсказа Г. Гейне объ этой встрѣчѣ. Разсказывая объ этомъ, Гейне попутно характеризуетъ нѣмецкое революціонное движеніе, сравнивая его съ англійскимъ. Онъ говоритъ: „Англійскіе чартисты руководились только голодомъ, а не идеей; если они утоляютъ свой голодъ ростбифомъ и плум-пуддингомъ, а жажду добрымъ элемъ, то становятся неопасными: они отваливаются (отъ соціальнаго вопроса), какъ напившіяся піявки“. Иное впечатлѣніе произвели на него отечественные агитаторы, въ частности Вейтлингъ. „Болѣе или менѣе тайные руководители нѣмецкихъ коммунистовъ — говоритъ онъ далѣе, — великіе логики, а самые сильные изъ нихъ вышли изъ школы Гегеля“.—„Они единственно живые люди въ Германіи“,—удостовѣряетъ Гейне,—и имъ,—пророчески добавляетъ геніальный сатирикъ,—принадлежитъ будущее“.

Затѣмъ Вейтлингъ переселяется въ Лондонъ, гдѣ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе соціалисты встрѣтили его съ распростертыми объятіями, называя „мужествен-

ЭБ "Научное наследие России"

нымъ и высокоталантливымъ вождемъ нѣмецкихъ коммунистовъ". Но въ Лондонѣ Вейтлингъ все же не обосновался, а въ 1846 году, получивъ письмо отъ Кригея, перебрался въ Америку, гдѣ принялъ предложенное ему редактированіе „Volkstribun'a" и гдѣ продолжалъ попрежнему агитировать. Центромъ его дѣятельности и пропаганды былъ „Союзъ Освобожденія"—американское общество нѣмецкихъ коммунистовъ.

Изданіе „Volkstribun'a" не пошло, и литературная склонность Вейтлинга вылилась въ изданіи и личной продажѣ имъ же написанныхъ брошюръ. Такъ впервые появились здѣсь „Nothruf an die Manner der Arbeit und der Sorge" и англійскій переводъ „Евангелія бѣднаго грѣшника" („The gospel of the poar sinner" [1]). Друзьями Вейтлинга въ этотъ періодъ были: Альбертъ Брисманъ и нѣкоторые другіе американскіе фурьеристы. Часть изъ нихъ принадлежала къ обширному по тогдашнему времени союзу: „Der Befreiungsbund". Программа союза представляла собою смѣсь государственно-соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, облеченныхъ въ масонскую внѣшность. Пропагандируя свои идеи и агитируя въ пользу „Союза Освобожденія", неутомимый Вейтлингъ предпринялъ въ началѣ 1848 года обширную поѣздку по штатамъ и доѣхалъ до Новаго Орлеана Вернувшись въ Нью-Іоркъ онъ узналъ о революціонномъ движеніи въ Германіи.

Революція 1848 году увлекла Вейтлинга въ Берлинъ. Онъ принялъ энергичное участіе въ движеніи и даже издавалъ коммунистическій листокъ: „Der Urwähler". Въ октябрѣ того же года онъ принялъ участіе во второмъ демократическомъ конгрессѣ, а спустя мѣсяцъ былъ высланъ изъ Берлина.

Въ Гамбургѣ, гдѣ онъ временно основался, ему удалось организовать нѣсколько отдѣленій „Союза Освобожденія", съ крайне революціонно-коммунистической программой. Когда въ августѣ 1849 года гамбургская полиція выступила противъ этой агитаціи, Вейтлингъ вновь уѣзжаетъ.

---

[1]) Schluter, Herman: Die Anfange der deutschen Arbeiterbewegung in America. Штуттгартъ, 1907, стр. 49. Въ книгѣ Шлютера впервые собраны свѣдѣнія изъ американской жизни Вейтлинга; отсюда и. заимствуемъ соотвѣтствующія данныя

© "Научное наследие России"

въ Америку. Здѣсь онъ пытался основать въ штатѣ Висконсинъ коммунистическую общину, при содѣйствіи организованнаго имъ рабочаго союза. Но осуществленію его идей помѣшала распря между его послѣдователями. Съ этого момента Вейтлингъ уже совершенно сходитъ со сцены. Онъ поступаетъ писцомъ въ переселенческое бюро, а свое свободное время посвящаетъ астрономіи и изобрѣтенію портновской машинки для выдѣлки петель Но эти занятія были уже совершенно безплодными; его астрономическія открытія, какъ оказывается, извѣстны за тысячу лѣтъ до него, а секретъ остроумной машины для выдѣлки петель такъ и остается неоткрытымъ. Вейтлингъ умеръ 25-го января 1871-го года. Такова богатая гоненіями и лишеніями жизнь родоначальника нѣмецкаго (современнаго) соціальнаго движенія.

Присмотримся ближе, каково было содержаніе его сочиненій, въ чемъ заключались его идеи и какое мѣсто въ исторіи нѣмецкаго соціализма возможно отвести этому дѣятелю.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій Вейтлинга.

1. Проектъ общества коммунистическаго развитія,—рукопись, найденная у Вейтлинга при обыскѣ въ Цюрихѣ. Содержаніе идей слѣдующее: пропаганда всегда возможна, ее можетъ вести и небольшое число людей, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ. Для перехода къ лучшему соціальному будущему необходимы: общеее братство, забвеніе собственности, введеніе въ обращеніе „ты“, прощеніе обиды, постоянное общеніе и разсматриваніе причиненій непріятностей, какъ болѣзненнаго явленія; изученіе и обсужденіе всѣхъ соціальныхъ системъ; умѣренность. Принимая новаго члена въ такой союзъ, ему должны предлагать нижеслѣдующій вопросъ: „Мы, рабочіе, наконецъ устали трудиться для лѣнтяевъ и пр., мы желаемъ жить вмѣстѣ новою жизнью, хочешь ли такъ, какъ и мы?“

2. Гарантіи свободы и гармоніи.

Основныя идеи этого произведенія слѣдующія:

Языкъ, границы, отечество — все это не нужно, какъ не нужны и существующія догмы. Люди должны жить общею равною и свободною жизнью. Новая организація общества должна порвать со всѣмъ старымъ. Каждый долженъ имѣть дѣло на то же удовлетвореніе потребностей,

ЭБ "Научное наследие России"

что и другой. Работа должна давать возможность проявлять всѣ способности.

Коренная причина соціальной неурядицы — нарушеніе гармоніи и равновѣсія между потребностями и способностями. Гармонія заключается въ дружественномъ семейномъ союзѣ, обнимающемъ все человѣчество. Все управленіе должно находиться въ рукахъ ученыхъ и геніевъ: философовъ, физиковъ, механиковъ. Верхнею инстанціею является „Совѣтъ трехъ".

Во всей системѣ управленія, какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ органахъ—выборное начало. „Центральныя компаніи" вѣдаютъ управленіе „провинціальными компаніями" и занимаются преимущественно научными и техническими вопросами.

Существуетъ, по Вейтлингу, три сорта труда: необходимый, полезный и пріятный. Первые два опредѣляются въ часахъ и дѣлятся на число способныхъ къ труду. По мнѣнію Вейтлинга, примѣрно, для удовлетворенія жизненныхъ потребностей государство должно требовать отъ каждаго шестичасового труда. Самое занятіе, выборъ вида труда и профессіи, вполнѣ зависитъ отъ воли каждаго. Но такъ какъ у всякаго человѣка могутъ найтись и другія потребности, напримѣръ, къ роскоши, къ комфорту, то для удовлетворенія такихъ потребностей надо работать большее количество чѣмъ шесть часовъ. Каждый часъ сверхъ общей шестичасовой нормы заносится въ особую „коммерческую" книгу, какъ „коммерческій часъ". На деньги, полученныя за коммерческіе часы, каждый въ концѣ года можетъ пріобрѣтать все то, что ему лично нравится. Воспитаніе дѣтей производится за общественный счетъ; все дальнѣйшее образованіе—также за счетъ общества. Судъ и тюрьмы во всей странѣ уничтожаются, а всѣ преступники лѣчатся въ особыхъ учрежденіяхъ, какъ больные.

Для реализаціи этихъ идей Вейтлингъ видѣлъ два пути — пропаганду и улучшеніе существующихъ условій. Второй путь Вейтлингъ считалъ болѣе дѣйствительнымъ.

Для предварительнаго приведенія въ исполненіе своихъ плановъ Вейтлингъ считалъ необходимымъ: уничтоженіе всѣхъ грязныхъ жилищъ, всего грязнаго платья и бѣлья, полную отмѣну всѣхъ долговъ.

Объективная критика не можетъ не отмѣтить заимство-

ЭБ "Научное наследие России"

ванія Вейтлингомъ ряда, и притомъ основныхъ, идей у французскихъ коммунистовъ; но, тѣмъ не менѣе, у него какъ въ общей концепціи, такъ и въ оттѣнкахъ, видно нѣчто свое, самобытное.

Вейтлингъ не просто заимствуетъ и перелагаетъ; французскій утопизмъ, изысканный и аристократическій, въ своемъ изящномъ полетѣ фантазіи превращается въ умѣ Вейтлинга въ суровое демократическое ученіе. Сектантская замкнутость и извѣстное самодовольство, которымъ проникнуты всѣ эти глубокія въ своихъ необъятныхъ историческихъ перспективахъ картины несбыточнаго будущаго, смѣняется у него безпокойнымъ настроеніемъ разгнѣванной улицы, революціоннымъ порывомъ. То, что Фурье и Сенъ-Симонъ ждали отъ королей и милліонеровъ, Вейтлингъ ожидаетъ отъ плебейской революціи. Вмѣсто чуда онъ вѣритъ въ свои силы; Вейтлингъ, какъ рабочій, привыкъ полагаться только на себя, справедливо думая, что соціальное счастье не дается, а берется съ бою. И кто упрекнетъ энтузіаста-бѣдняка, что онъ, этотъ первый дерзнувшій пролетарій, чуждый систематическаго образованія, дѣлаетъ ошибки въ своихъ историческихъ и философскихъ доводахъ. Не въ нихъ, не въ объективной логичности и сухой эрудиціи его сила и власть надъ поколѣніемъ. И пусть онъ всю исторію культуры наивно считаетъ исторіею разбоевъ, пусть онъ искренно вѣритъ въ свою убогую, какъ и его бюджетъ, бухгалтерію „коммерческихъ часовъ“,—его пути прямѣе утопистовъ ведутъ къ цѣли, его ученіе даетъ уже нѣчто всѣмъ тѣмъ, кто, какъ и онъ, перенесъ на себѣ всѣ ужасы нищеты, всю тяжесть обратной стороны европейской цивилизаціи.

Итакъ, общія мѣста и блестящія мысли французскаго генія—Вейтлингъ превращаетъ въ практическія наставленія и реальныя требованія честной нѣмецкой натуры. Вмѣсто изысканнаго пафоса умозрительнаго благожелательства у Вейтлинга горькія замѣчанія обездоленнаго, но глубоко вѣрующаго въ просвѣтъ и побѣду труженника, беззавѣтно любящаго свой угнетаемый народъ. Онъ не чуждый жизни сектантъ, а пропагандистъ, агитаторъ.

Все это несомнѣнно крупный историческій шагъ впередъ по пути развитія соціальной доктрины, но шагъ все еще не окончательный. Несмотря въ свой революціонный

ЭБ "Научное наследие России"

демократизмъ, ремесленникъ Вейтлингъ еще чуждъ истинной пролетарской точки зрѣнія, того специфическаго чувства, той принципіальности опредѣленнаго и яснаго міровоззрѣнія, которое дается усвоеніемъ классового міропониманія. Вейтлингъ не отрицаетъ значенія политической свободы, но, въ концѣ концовъ, чисто анархически думаетъ, что при наличности современной денежно-товарной системы никакимъ парламентаризмомъ ничего нельзя сдѣлать. И хотя онъ осуждаетъ Фурье и фурьеристовъ, по системѣ которыхъ не только трудъ, но и талантъ и капиталъ получаютъ соотвѣтственное вознагражденіе,—онъ и самъ еще не чуждъ утопизма и коммунистическаго сектантства въ своихъ мечтахъ объ общихъ столовыхъ и иныхъ эгалитарныхъ предпріятіяхъ старой соціальной рецептуры. И въ то же время Вейтлингъ, хотя и неясно, но все же признаетъ и значеніе политической власти для рабочаго класса, но безъ яснаго объ этомъ отчета и безъ очевидныхъ логическихъ заводовъ.

Въ результатѣ Вейтлингъ чуждъ и послѣдующаго пролетарскаго самосознанія, первые проблески котораго у него все же замѣчаются, и того буржуазнаго утопизма предыдущей эпохи, отъ котораго онъ все же неокончательно освобождается. Другими словами, Вейтлингъ—типичная переходная фигура отъ кабинетнаго утопизма къ пролетарскому соціализму.

Стоя еще во многомъ на почвѣ французскихъ утопистовъ, Вейтлингъ уже революціонеръ новаго времени и новаго типа и, какъ первый успѣшный агитаторъ нѣмецкаго рабочаго класса, можетъ быть, по справедливости, названъ и родоначальникомъ нѣмецкаго рабочаго движенія.

Литература соціальной исторіи XIX вѣка несправедлива къ Вейтлингу; въ историческихъ описаніяхъ рабочаго движенія Европы, хотя и вспоминаютъ Вейтлинга, но о роли его позабыли и значеніе умалили. Въ исторической перспективѣ Вейтлингъ какъ бы прячется за великими тѣнями полубоговъ дальнѣйшей соціальной исторіи. Колоссальныя фигуры Фердинанда Лассаля, Карла Маркса, Энгельса и Родбертуса заслонили скромнаго рабочаго, но ему мѣсто рядомъ съ ними.

Это, впрочемъ, сознавали его современники. Людвигъ Фейербахъ, получивъ отъ одного ремесленника книгу Вейт-

ЭБ "Научное наследие России"

линга, былъ пораженъ силою его слова и сказалъ, что „это пророкъ своего сословія“. Суровый и скупой на похвалы, Энгельсъ называетъ Вейтлинга „единственнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, который дѣйствительно что либо сдѣлалъ“. А безпощадный и саркастическій Марксъ, гнѣвно спрашиваетъ, можетъ ли вся блестящая буржуазія указать на такое свое евангеліе, какъ рабочій классъ въ трудѣ Вейтлинга. Онъ же называетъ фигуру Вейтлинга „атлетомъ пролетаріата“.

И мы должны воздать должное забытому. Вейтлингъ открылъ тріумфальное шествіе рабочаго движенія Запада. первый влилъ пламенную мысль въ дремавшій пролетаріатъ. И всюду, гдѣ создается классовое движеніе, всюду, гдѣ соединяются обездоленные въ защиту своихъ интересовъ, должны помнить имя родоначальника нѣмецкаго рабочаго движенія—портного Вильгельма Вейтлинга.

Литература и источники о Вейтлингѣ.

1 Die Communisten in der Schweiz nach den, bei Weitling vorgefundenen Papieren. Kommissionalbericht an die H. Regirung des Stadtes Zurich (von Bluntschli) Цюрихъ, 1843. (То же во франц. переводѣ).

2. Generalbericht an den Staatsrath von Neuschatel über die geheime deutsche Propaganda, 1846.

3. Ruckerinnerung an den in Zurich entdeckten Schweizer Communismus, анонимно, 1843.

4. Der Communismus in seiner praktischen Anwendung auf das sociale Leben. 1843.

5. Ueber den Communismus in der Schweiz, 1843.

6. Seiler, Sebastian Der Schrittsteller Wilhelm Weitling und der Kommunistenlarm in Zürich. Eine Vertеidigungsschrift 8⁰, Бернъ (Jenni Sohn), 1843

7. Lorenz Stein: Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte, 2 изд Лейпцигъ (Wigand), 1848, стр. 586—587.

8. Weitling, W. und seine System; „Die Zukunft“, Jahrgang, Берлинъ 1877/78.

9. Kaler: Wilhelm Weitling, seine Agitation und Lehre, Zurich 1887, 2 изд., Verlag „Vorwarts.“, Берлинъ (годъ?).

10. Der Communismus und die liberalen Bestrebungen unserer Zeit. Въ „Das Vaterland“ № 234, 235. Дармштадтъ 1843.

11. Clark, F. C.: A neglected socialist,—въ анналахъ америк. академіи полит. и соц. знаній за 1895

12. (Мерингъ) Вильгельмъ Вейтлингъ (біографическій

ЭБ "Научное наследие России"

очеркъ), пер. съ нѣмецк Мандельштама, безъ указанія нѣм. автора. Спб. 1906, изд. „Молотъ“

13. Величкина, В.: Вильгельмъ Вейтлингъ. Спб. 1906, изд. „Впередъ“.

14. Hildebrand: Nationalokonomie der Gegenwart und Zukunft T. I. Франкфуртъ на Майнѣ 1848

15. Wermuth und Stieber: Die Kommunisten der Schwörungen des 19 Jahrhunderts. 2 часть, Берлинъ 1853.

16. Marx. C; Herr Vogt. Парижъ. 1860.

17. Adler: Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland Бреславль. 1885.

18. Schlüter: H.. Die Anfange der deutschen Arbeiterbewegung in Amerika. Штутгартъ (Dietz). 1907.

Извѣстны слѣдующія сочиненія В. Вейтлинга:

1 Die Menschheit, wie sie ist und sein sollte. I. изд, 12 анонимное вышло въ 1838 году, 2-ое изд, 8⁰,—Бернъ (Jenni Sohn), 1845. 3-е изд. (современное), Мюнхенъ 1895 г.: рус. пер. Чернявскаго („Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть“), изд „Просвѣщенія“. Спб., 1906 г

2) „Der Hilferuf der deutschen Jugend“, ежемѣсячн журналъ, издавался въ Женевѣ, 1 № вышелъ 1 сент. 1841 года и на 4 № прекратился. Затѣмъ выходилъ подъ названіемъ: „Die junge Generation“, Monatsschrift, выходилъ въ 1842 — 43 г. въ Бернѣ, Веве, Лангенталѣ и Цюрихѣ.

3. Garantien der Harmonie und Freiheit, Vivis (Selbstverlag), 8⁰, декабря 1842 года, 2-ое изд.—тамъ же въ 1845 г; 3-ье изд 8⁰, Гамбургъ 1849.

4. Kerkerpoesien, 8⁰, Гамбургъ (Hoffman und Campe). 1844.

5. Das Evangelium eines armen Sünders, есть русскій переводъ съ біографіей автора, 8⁰, Бернъ (Jenni), 1845. 2-ое дополн изд, 8⁰, Барсфельдъ, 1846, 3-ье изд. New-Jork 1847, французскій пер Critique rèligieuse du communisme, Vevey, 1846. 4-ое изд. (1-ое современное), München (Ernst), 1894. 5-ое (2-ое современ.) тамъ же съ предисловіемъ Eduard'a Fuchs'a 1896.

6. Briefe an die Landsleute, 1847.

7 Ein Nothruf an die Manner der Arbeit und Sorge, 8, New-Jork 1847; 2-ое изд. 1848.

8 „Republik der Arbeiter“, herausg. von W. Weitling, журналъ Нью-Іоркъ, 1851—54.

9. „Der Urwahler“ Wochenblatt, Берлинъ 1848, послѣ 8 №№ превратился въ „Urwahler-Zeitung“, Organ für Jedermann aus dem Volke. Berlin (Rud Liebmann), № 1—29 марта 1849, № 226—30 дек 1845 г., затѣмъ превратился въ „Berliner Volkszeitung“. Предполагается, какъ объявлено въ предисловіи Е. Fuchs,a, ко 2-му соврем. изданію „Евангеліе бѣднаго грѣшника“ издать полное собраніе его сочиненій съ историобіографическимъ введеніемъ Гуго.

ЭБ "Научное наследие России"

II.

Луи Бланъ.

(1811—1881).

Луи Бланъ родился 29 октября 1811 года; онъ сынъ чиновника. Воспитаніе Бланъ получилъ въ коллегіи города Родоса. По окончаніи послѣдней, 17-лѣтній Бланъ долженъ былъ уже снискивать себѣ пропитаніе уроками. Окружающіе долгое время мало довѣряли юному педагогу, къ тому же еще маленькаго роста.

Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ выступилъ въ качествѣ литератора. Двѣ его стихотворныя поэмы получили премію Аррaской академіи, а политическія статьи печатались въ Аррaской газетѣ: „Les progrès du Pas-de-Calais“.

Въ 1833 году онъ переселился въ Парижъ, гдѣ сотрудничаетъ въ газетѣ „Bon Sens“. Статьи его имѣли большой успѣхъ. Въ 1838 г. онъ основалъ свою собственную газету „La revue du progrès politique, social et littéraire“, — значительное мѣсто въ которой было отведено рабочему вопросу. Въ слѣдующемъ году, за статью противъ Луи Бонапарта онъ подвергся внезапному ночному нападенію, едва не стоившему ему жизнь. Будущій императоръ, тогда только просто Луи Бонапартъ, издалъ книгу: „Les idées napoléonniennes“, на которую Бланъ отвѣтилъ рѣзкою критикою. „Вы намъ предлагаете,—говорилъ Луи Бланъ,—все то, что было дѣломъ нашего дяди, кромѣ войны... Ахъ милостивый государь, вѣдь это будетъ деспотизмъ, только безъ славы, это дворъ надъ вашими головами, но безъ Европы у нашихъ ногъ, это имперія, но безъ императора“.

Въ томъ же 1839 году на страницахъ его газеты появилось его самое извѣстное сочиненіе „Organisation du travail“, которое сыграло видную роль въ ходѣ соціальныхъ событій Франціи. Оказавъ большое вліяніе на рабочихъ Парижа, эта книга имѣла выдающійся успѣхъ и далеко за его предѣлами.

Газета Блана прекратилась въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, такъ какъ Бланъ принялся за изданіе обширнаго 6-ти томнаго труда: „Histoire de dix ans“, первый томъ котораго вышелъ въ Парижѣ въ 1841 году. Покончивъ съ этимъ сочиненіемъ, Луи Бланъ приступилъ къ новому своему, самому большому, труду: „Histoire de la révolution française“.

ЭБ "Научное наследие России"

Изъ 15 напечатанныхъ имъ томовъ до 1848 года вышли два. Обѣ „Исторіи“ имѣли колоссальный успѣхъ, особенно „Исторія десяти лѣтъ“, которая въ короткій промежутокъ времени, несмотря на свой большой объемъ, выдержала рядъ изданій.

Въ то же время Луи Бланъ принимаетъ участіе въ вліятельнѣй парижской газетѣ „Réforme“. Имя его стало настолько извѣстнымъ, что въ 1846 году ему предлагали быть членомъ палаты депутатовъ. Особенно выдвинула Луи Блана революція 1848 года, въ которой передовымъ бойцомъ уже указывался пролетаріатъ. Были моменты, когда самое осуществленіе новаго соціалистическаго строя казалось практически легко исполнимымъ.

Но въ Парижѣ возставшій пролетаріатъ былъ раздавленъ артиллеріею Кавеньяка, и движеніе потонуло въ грандіозныхъ сѣрыхъ волнахъ буржуазіи. Но пропасть, раскрывшаяся такимъ образомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей не исчезла. Лучшіе умы тщетно пытались перебросить черезъ нее спасительные мостики.

Этотъ антагонизмъ обоихъ классовъ сталъ рѣзко проявляться во Франціи еще съ самаго начала 40-хъ годовъ. И, примѣрно, съ этого времени пролетаріатъ все больше приходитъ въ возбужденіе, движимый двумя магическими формулами: организація труда и право на трудъ [1]). Буржуазія глядѣла встревоженно на предвѣстниковъ новой бури.

Король, между тѣмъ, былъ занятъ династическими планами и интригами противъ мѣшавшихъ ему англійскихъ министровъ. Когда суровый и набожный Гизо вступилъ въ 1840 году на постъ премьера во Франціи, противъ короля и капиталистовъ въ обществѣ и парламентѣ подняла голову либеральная оппозиція, несмотря на то, что парламентъ превратился почти въ клубъ короля, эта оппозиція требовала реформъ въ самой парламентной системѣ Франціи.

---

1) Ламартинъ: „Histoire de la révolution de 1848. Парижъ 1849 г. т. I. стр. 329: „Le mot d'organisation du travail était devenu, grâce à l'obscurité des termes, depuis dix ans le mot de la croisade des prolétaires contre l'état politique et social“.

Тоже у Гарнье: статья его „quelques mots d'explication et d'histoire au sujet des principales formules socialistes“, въ „Journal des Economistes“ 1848 г. т. XX стр. 375 и слѣд.

© "Научное наследие России"

„Но среди рабочаго населенія Парижа,—говоритъ Файфъ, [1])—дѣйствовали другія силы и другія идеи, сравнительно съ тѣми, что занимали собою политиковъ собранія. Теоріи соціализма, увлекавшія въ первые годы царствованія Луи Филиппа только немногихъ мыслителей и читателей, глубоко распространились въ массы народа и обратились въ сиимволь вѣры бѣдняка“.

Смѣлые парадоксы Сенъ-Симона и Шарля Фурье разбудили дремавшую мысль, а рѣдкій по фанатизму энтузіазмъ, изступленная страстность, непоколебимая вѣра въ свое ученіе—двинули общество въ сторону экономическихъ вопросовъ. Экономизмъ, переустройство соціально-экономическаго строя стало девизомъ дня. Тутъ уже не трудно было указать на роль пролетаріата, особенно страдавшаго отъ тогдашней экономической системы. И на эту роль пролетаріата указалъ впервые Луи Бланъ.

„Идея новаго общественнаго строя овладѣла умами рабочаго сословія въ предмѣстьяхъ Парижа не въ какой либо отдаленной или сложной формѣ. Рабочій читалъ у Луи Блана, самаго новаго и понятнаго изъ преподавателей, о правѣ труда, объ обязанности государства доставлять работу своимъ гражданамъ. Это было нѣчто дѣйствительное и обязательное. За это онъ былъ готовъ, въ случаѣ надобности, взяться за оружіе и былъ совершенно равнодушенъ къ распространенію избирательныхъ правъ на другую часть буржуазіи или къ переходу власти изъ рукъ однихъ искателей мѣстъ въ руки другихъ“.

Логика общественныхъ событій съ неумолимою послѣдовательностью вела къ тому, чтобы и въ моментъ дарованія парламентской реформы рабочія массы оставались въ оппозиціи. Дѣйствительно, 24 февраля 1848 года, пролетаріатъ, несмотря на уступки Луи Филиппа буржуазіи, свергнулъ тронъ во Франціи. Поводомъ была поднявшаяся въ то время агитація въ пользу реформы выборовъ. Король въ тронной рѣчи въ парламентѣ въ 1847 году высказывается противъ агитаціи за реформу. Тогда оппозиція организуетъ цѣлый рядъ банкетовъ. Одинъ изъ нихъ, устроенный въ западномъ Парижѣ, въ Елисейскихъ поляхъ 24 февраля

---

[1]) Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. т. I и II съ 1792 — 1848, рус. пер. Изд. Солдатенкова. М. 1889.

ЭБ "Научное наследие России"

1848 года, правительство объявило незаконнымъ. Оппозиція, имѣвшая намѣреніе вмѣстѣ съ банкетомъ устроить мирную демонстрацію, не хотѣла доводить дѣло до кроваваго столкновенія. Депутаты уклонились даже отъ участія въ банкетѣ. Но явившіеся на улицу рабочіе устраиваютъ баррикады. Доселѣ вѣрная „царю и отечеству“ національная гвардія на этотъ разъ не обнаруживаетъ особеннаго желанія „подавлять крамолу“ и измѣняетъ Луи Филиппу. Растерявшійся король даетъ отставку Гизо. Въ Парижѣ по этому поводу всеобщее ликованіе, но пролетаріатъ и его вожди дѣятельно готовятся къ новому выступленію. Убійство въ тотъ же день 80 рабочихъ передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ даетъ сигналъ къ новому возстанію. Рабочіе берутся за оружіе снова. На этотъ разъ окончательно перепуганный Луи Филиппъ отрекается отъ престола въ пользу своего внука. Но уже поздно. Толпа, ворвавшись въ палату депутатовъ, избираетъ временное правительство.

Въ числѣ членовъ временнаго правительства былъ и Луи Бланъ. Онъ опирался на многочисленный парижскій пролетаріатъ, усиленно предлагавшій ему диктатуру. „Если бы Бланъ — говорилъ Л. Штейнъ [1]), въ этотъ великій историческій моментъ имѣлъ мужество возстать противъ своихъ товарищей по министерству и захватить предлагаемую ему соціальную диктатуру—соціалистическое государство было бы создано. Надолго ли — это другой вопросъ, но все же оно существовало бы“.

24 февраля 1848 года Луи Бланъ попалъ въ число членовъ временнаго правительства. Уже на другой день, 25 февраля, по настоянію Луи Блана, временное правительство признаетъ право на трудъ. Далѣе, какъ предложеніе Блана объ учрежденіи министерства труда было отвергнуто, то взамѣнъ министерства правительство учредило извѣстную Люксенбургскую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Блана. Благодаря иниціативѣ комиссіи было устроено нѣсколько производительныхъ ассоціацій.

	Устроенныя правительствомъ (3 м. субсидіи).	Добровольныя.
1848 годъ.	45	300
1854 „	30	30
1876 „	1	—

[1]) Штейнъ: Л. Соціальный вопросъ. рус. пер. Стр. 327.

ЭБ "Научное наследие России"

Правительство въ 1848 году дало ассоціаціямъ заказъ на изготовленіе 100.000 мундировъ и сѣделъ для кавалеріи. Впрочемъ, не надолго, уже въ 1851 году эта работа сдавалась не ассоціаціямъ, а поштучно. Организаціей національныхъ мастерскихъ этой,—по выраженію историка французскаго соціализма Поля Луи, — карикатурной пародіей на соціализмъ“ [1]), противники Луи Блана хотѣли подорвать его авторитетъ, а, главное, дискредитировать соціализмъ.

Тома, стоявшій во главѣ національныхъ мастерскихъ и составившій намъ исторію ихъ, прямо говоритъ о томъ, что національныя мастерскія были организованы съ цѣлью „довести до абсурда“ теоретическія построенія Луи Блана. На самомъ же дѣлѣ ни Луи Бланъ, ни Люксембургская комиссія тутъ ни причемъ. Правительство возстановило это учрежденіе, существовавшее, какъ институтъ временнаго характера, еще въ 1789 и въ 1830 годахъ. И различные авторы, приписавшіе, въ противоположность мнѣнію Лассаля, учрежденіе національныхъ мастерскихъ вліянію Луи Блана, въ этомъ ошибаются.

Послѣ іюньскихъ событій и сраженія между правительственными войсками и рабочими національныхъ мастерскихъ, Луи Бланъ былъ привлеченъ къ суду за его „преступную“ роль въ этихъ событіяхъ. Луи Блану ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Англію, что онъ и сдѣлалъ. Въ Англіи онъ пробылъ 20 лѣтъ. Его письма изъ Англіи „Lettres sur l'Angleterre“ имѣли въ свое время громадный успѣхъ. И только послѣ франко-прусской войны Л. Бланъ вернулся во Францію, гдѣ былъ немедленно избранъ членомъ національнаго собранія. Коммунары предлагали ему быть диктаторомъ, но Бланъ отказался; до своей смерти онъ былъ только дѣятельнымъ членомъ парламента. Но зато, когда въ 1879 году Бланъ предпринялъ путешествіе по Франціи, онъ былъ какъ бы вознагражденъ за свое 20-лѣтнее изгнаніе: его всюду встрѣчали съ необычайнымъ тріумфомъ. Въ 1882 году, 6 декабря, Луи Бланъ скончался. Похороны его были устроены за счетъ государства.

Основныя воззрѣнія Луи Блана главнымъ образомъ

---

[1]) Поль Луи: Исторія соціализма во Франціи, рус. пер. стр. 228

ЭБ "Научное наследие России"

изложены въ его „Organisation du travail“. Развитію же отдѣльныхъ вопросовъ посвящено много мѣстъ въ другихъ работахъ историческаго и публицистическаго характера.

Въ общемъ міросозерцаніе Луи Блана находится подъ сильнымъ вліяніемъ сенъ-симонизма, отчасти же Фурье и Ж. Ж. Руссо. Однако ни одно изъ этихъ вліяній вполнѣ не подчинило его себѣ. Л. Бланъ во многомъ расходится не только съ Ж. Ж. Руссо, отрицая, напр., его идею непосредственнаго народнаго законодательства, но и съ Фурье, который внушилъ ему лишь общую идею ассоціаціи и навелъ на мысль о значеніи привлекательнаго труда; расходится Л. Бланъ и съ сенъ-симонизмомъ; историческая точка зрѣнія послѣдняго хотя и была имъ цѣликомъ усвоена, но все же съ значительными поправками въ подробностяхъ.

Такъ называемое идеалистическое пониманіе исторіи, часто заслонявшееся у сенъ-симонистовъ прямо противоположными воззрѣніями, выдвигается Луи Бланомъ на первый планъ. По его мнѣнію, историческое развитіе всецѣло обусловливается успѣхами знанія. Только наука можетъ поэтому открыть выходъ изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ находится современное общество. И будучи признана, научная истина не можетъ не повліять на ходъ исторіи. Если до сихъ поръ человѣческое общество, переживая различныя стадіи своего развитія, не могло освободиться отъ соціальныхъ бѣдствій, то это объясняется для Луи Блана лишь недостаточнымъ знаніемъ истинныхъ условій общественнаго благополучія. „Язва общества, по его мнѣнію, заключается прежде всего въ невѣжествѣ, жертвою котораго становятся всѣ классы. Нужно повліять на людей, измѣнить ихъ нравственное и умственное состояніе, для того, чтобы люди перемѣнили тогда и свой общественный строй. Этого же можно достигнуть только съ помощью науки“. Извѣстно выраженіе Луи Блана, что „не сила руководитъ міромъ, а мысль“, и что „исторія дѣлается книгами“.

Общественная эволюція разсматривается Луи Бланомъ, какъ смѣна различныхъ стадій умственнаго развитія. Онъ также, какъ и сенъ-симонисты, находитъ въ исторіи три главныхъ фазиса, характеризующіеся тремя различными и противорѣчащими другъ другу принципами. Но характеристика этихъ фазисовъ не совпадаетъ у него съ той, какую дѣлали сенъ-симонисты. Исторія, по воззрѣнію Луи Блана,

© "Научное наследие России"

предоставляла поочередно преобладаніе тремъ принципамъ, власти, индивидуализму и братству. Власть регулировала жизнь людей съ помощью внѣшняго принужденія и навязываемыхъ вѣрованій. Освободившись отъ слѣпого подчиненія власти, человѣкъ провозгласилъ абсолютное значеніе своихъ индивидуальныхъ правъ и сталъ полагаться на свои личныя силы. Наконецъ, третья эпоха исторіи, и, притомъ, только теперь начинающаяся, является эпохой братства: солидарность людей и вытекающая изъ признанія ея необходимость организоваться въ гармоническое цѣлое, должна устранить какъ рабство, создаваемое властью, такъ и всѣ бѣдствія связанныя съ эгоистическимъ существованіемъ ничѣмъ не связанныхъ между собою людей.

Признавая вмѣстѣ съ сенъ-симонистами фактъ разслоенія общества на классы и преобладанія однихъ классовъ надъ другими, Луи Бланъ не видитъ однако же въ классовой борьбѣ того значенія общественнаго прогресса, который могъ бы сослужить службу борьбѣ за новый лучшій общественный строй. Наоборотъ, для прогресса необходимо устранить антагонизмъ классовъ и привлечь всѣхъ членовъ общества къ примиренію и къ сознательному устроенію жизни на новыхъ началахъ. Общество пріобрѣтетъ силу, необходимую для разрѣшенія современныхъ противорѣчій лишь въ единеніи и въ общей коллективной дѣятельности. Здѣсь на помощь является наука, призывающая къ разумному отношенію къ жизни и утверждающая ту истину, что личный интересъ человѣка не противорѣчитъ интересамъ общества, а находится съ ними въ полной гармоніи.

Отрицаніе классовой борьбы не приводило однако Луи Блана къ отрицанію революціи, какъ неизбѣжнаго момента въ развитіи общества. Наоборотъ, онъ самъ называлъ себя революціонеромъ. Развитіе новыхъ идей, совершающееся медленно и постепенно, приводитъ неизбѣжно къ перевороту, который можетъ совершаться болѣе или менѣе быстро, и заключается въ замѣнѣ одной общественной организаціи другою, ей противоположной. Революція, какъ ее понимаетъ Луи Бланъ, не всегда принимаетъ бурный разрушительный характеръ. Чѣмъ больше въ обществѣ будетъ распространено правильное, научное пониманіе вещей, чѣмъ больше участіе будетъ принимать народъ въ законодательствѣ, тѣмъ легче революція можетъ совершиться мирнымъ безкровнымъ

ЭБ "Научное наследие России"

путемъ. Всеобщая подача голосовъ, по мнѣнію Луи Блана, окажетъ въ этомъ отношеніи неоцѣнимую услугу.

Современный строй, въ которомъ съ особенной силой проявляютъ себя начала индивидуализма, доженъ быть измѣненъ, если общество не желаетъ погибнуть. Должна произойти революція, которая поставитъ во главу угла принципъ братства. Поэтому необходимо прежде всего подвергнуть критикѣ самыя основы современнаго строя и позаботиться о распространеніи правильныхъ научныхъ воззрѣній на общественную жизнь.

Но особенно обстоятельной и жестокой критикѣ подвергается Луи Бланомъ принципъ конкуренціи, царящій въ современномъ обществѣ. Конкуренція является источникомъ всего зла. Она не въ одинаковой, правда, степени, но все же гибельна какъ для рабочихъ, такъ и для фабрикантовъ. Подробно описывая самый процессъ такъ называемаго свободнаго договора между работникомъ и работодателемъ и указывая причины постояннаго пониженія цѣнъ, къ которымъ рабочіе вынуждаются голодомъ, Луи Бланъ подчеркиваетъ безвыходность рабочаго и его полную необезпеченность. Конкуренція создаетъ бѣдность, а бѣдность порождаетъ пороки. Она обусловливаетъ перепроизводство и промышленные кризисы. Въ средѣ же предпринимателей конкуренціи создаетъ постоянную вражду и служитъ часто причиною разоренія. Мелкая собственность поглощается крупною, и въ концѣ концовъ создается олигархія „финансовыхъ вельможъ“. Конкуренція обращается, по словамъ Луи Блана, во „всеобщую экспропріацію“.

Луи Бланъ считаетъ поэтому необходимымъ бороться съ распространеннымъ въ его время ученіемъ фритредеровъ, провозглашавшихъ принципъ laissez faire — laissez passer. По его словамъ совершенно непослѣдовательно для государства, берущаго на себя защиту гражданъ отъ опасностей, являющихся въ будущности результатомъ свободной конкуренціи, отказываться отъ мѣропріятій, которыя могли бы предупредить эти опасности, т. е. отъ вмѣшательства въ экономическую жизнь.

Но такое зло, какъ конкуренція, должно быть устранено силою, равною ему по могуществу. Отъ него можно избавить общество, противопоставивъ конкуренціи конкуренцію же, только иначе осуществляемую. Какъ извѣстно,

ЭБ "Научное наследие России"

предпріятіе ведущееся въ крупныхъ размѣрахъ съ болѣе крупнымъ капиталомъ, въ силу своей большей мощности оказывается побѣдителемъ въ борьбѣ за рынокъ. Поэтому,—разсуждаетъ Луи Бланъ,—нужно найти капиталиста, который могъ бы помѣряться съ самыми крупными предпринимателями — и тогда эти послѣдніе будутъ побѣждены. Такимъ капиталистомъ можетъ явится государство, поддерживающее своими капиталами ассоціаціи производителей. Ассоціація—это единственная форма, которая можетъ избавить человѣчество отъ угнетающихъ его бѣдствій. Наемный трудъ долженъ быть совершенно уничтоженъ, оплата же труда должна производиться сообразно съ количествомъ рабочихъ часовъ. Ассоціація не представляется Луи Блану чѣмъ либо искусственно изобрѣтеннымъ и навязываемымъ человѣчеству, вопреки его общимъ стремленіямъ. Наоборотъ, это есть наиболѣе приспособленная къ человѣческимъ инстинктамъ форма труда, такъ какъ личное и общественное начало неразрывно связаны въ человѣкѣ. Всякое право личности, по мнѣнію Луи Блана, получаетъ силу лишь при отождествленіи его съ общественнымъ интересомъ. Всѣ граждане должны обратиться постепенно въ членовъ ассоціацій Это послѣднее требованіе выставлялось Луи Бланомъ какъ идеалъ, къ которому должно стремиться общество. Онъ понималъ, что ассоціація можетъ дѣйствительно привести къ желаемымъ результатамъ лишь въ томъ случаѣ, если она является всеобщей, если она охватываетъ всѣ отрасли промышленности. Именно поэтому Луи Блану представлялось существенно необходимымъ участіе государства въ дѣлѣ организаціи ассоціацій. Но нельзя сказать, чтобы этотъ взглядъ производился Луи Бланомъ послѣдовательно. У него замѣтно нѣкоторое колебаніе въ вопросѣ о роли государства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже высказывается такъ, какъ будто имѣетъ въ виду свободное самостоятельное образованіе ассоціацій, безъ участія государственной власти. Онъ предлагалъ иногда иной путь: постепенное завоеваніе, основываемыми самими рабочими, за свой страхъ и рискъ, общественными организаціями, сперва одной, затѣмъ нѣсколькихъ и, наконецъ, всѣхъ отраслей промышленности. Однако, государству вообще принадлежитъ въ системѣ Луи Блана весьма видное мѣсто. Онъ придаетъ громадное значеніе организаторской дѣятельности

ЭБ "Научное наследие России"

прогрессивнаго государства. Поэтому можно сказать съ увѣренностью, что въ общемъ въ пониманіи Луи Блана переходъ отъ конкуренціи къ ассоціаціи представляется съ рядомъ политическихъ мѣропріятій.

Луи Бланъ совмѣстно съ Видалемъ и Пикеромъ выработалъ планъ организаціи ассоціаціи съ помощью государства. По этому плану правительство должно было сдѣлать крупный заемъ, который пойдетъ на постройку общественныхъ мастерскихъ. Частныя мастерскія медленно и постепенно будутъ поглощаться этими крупными предпріятіями. Государство же должно обезпечить личности ея право на трудъ и на помощь, въ случаѣ какихъ либо бѣдствій или въ видѣ пособій.

Предоставленіе государству такой роли не вызывало у Луи Блана никакихъ смущеній, потому что онъ имѣлъ въ виду государство, въ которомъ общество рѣшаетъ дѣла чрезъ посредство народныхъ представителей. Для свободы частныхъ лицъ организаторская дѣятельность такого демократическаго государства не можетъ, по его мнѣнію, представлять никакой опасности.

Вообще же никакого принужденія ко вступленію въ ассоціаціи Луи Бланъ не предполагаетъ Онъ думаетъ напротивъ, что ассоціація будетъ привлекать къ себѣ работниковъ помимо какихъ бы то ни было обязательныхъ требованій со стороны государства. Государство ограничится помощью желающимъ образовать ассоціацію. Единственнымъ же стимуломъ ко вступленію въ нее будетъ привлекательность самаго труда въ ассоціаціи. Луи Бланъ вообще, вслѣдъ за Фурье, настаиваетъ на привлекательности труда, которая еще увеличивается, въ случаѣ коллективной организаціи работы. Въ его общественныхъ мастерскихъ работа организуется сама собой, исключительно вслѣдствіи привлекательности труда, такъ какъ согласованность различныхъ профессій съ соотвѣтствующими естественными стремленіями, сдѣлаетъ изъ труда наслажденіе.

Возлагая всѣ свои надежды на ассоціацію, Луи Бланъ, не былъ однако коммунистомъ въ томъ смыслѣ, чтобы отрицать вообще всякую собственность. Онъ уже совершенно отчетливо понимаетъ различіе между собственностью на средства производства, на капиталъ и собственностью потребительной. Право собственности вообще имъ не отри-

ЭБ "Научное наследие России"

цается, но оно, по его мнѣнію, должно быть подчинено задачамъ общественнаго благополучія. Допустима лишь та собственность, которая не противорѣчитъ принципамъ коллективнаго и вполнѣ солидарнаго сотрудничества. Отсюда вытекаетъ, что право собственности должно распространяться лишь на продуктъ труда, поскольку онъ является средствомъ потребленія. Что же касается средствъ производства, то таковыя, при коллективной организаціи труда, не могутъ быть частною собственностью. Всѣ орудія производства должны быть только собственностью ассоціаціи. Собственность же на предметы потребленія должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ трудомъ. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній для сохраненія института наслѣдственной собственности. Обмѣнъ однако не устраняется Луи Бланомъ даже и для того идеальнаго строя, гдѣ царитъ вообще ассоціація. И хотя оплата труда производится непосредственно ассоціацей, распредѣляющей между своими членами все необходимое, однако желающимъ предоставляется получать взамѣнъ продуктовъ денежные знаки. Но и въ этомъ случаѣ все же предполагается, что оплата труда является не заработной платой въ нашемъ смыслѣ этого слова, а осуществленіемъ права работника на полный продуктъ труда. Исходя изъ этого принципа, Луи Бланъ отрицаетъ для идеальнаго состоянія общества, когда ассоціація станетъ всеобщею, всякое представленіе о доходѣ. Таковой признается имъ лишь для переходной стадіи.

Воззрѣнія Луи Блана, ближе подходя къ жизни и не заключая въ себѣ слишкомъ широкихъ мечтаній, нашли гораздо больше доступа къ массѣ, чѣмъ ученіе Фурье и Сенъ-Симона. Исходя изъ коммунизма, Бланъ уже отъ него почти отрѣшается. Бланъ, такимъ образомъ, выводитъ идеи коммунизма изъ сферы утопіи и, приближаясь къ жизни, также какъ Вейтлингъ, подготовляетъ почву для воспріятія соціализма. Тѣмъ не менѣе, практическая осуществимость луи-блановскаго проекта оказалась ничуть ни большею, чѣмъ осуществимость безумныхъ плановъ Фурье, почему Бланъ еще далекъ до соціалистическаго движенія нашего времени. Въ пятидесятыхъ годахъ идеи Л. Блана были широко распространены. Нѣкоторые находятъ [1]), что къ нимъ

[1]) Gide et Kist: Histoire des doctrines économiques. Парижъ, 1913, стр 307

ЭБ "Научное наследие России"

имѣютъ тяготѣніе взгляды Пьера Леру, впервые введшаго въ обиходъ слово „соціализмъ“ [1]) и коммуниста Этьена Кабэ, о которомъ было уже сказано выше. У насъ въ Россіи подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Луи Блана находился Н. Г. Чернышевскій.

A) Труды самаго Луи Блана:

Organisation du travail, первое изд Paris, 1839 (выдержало много изд.)

Histoire de dix ans 6 томовъ. Paris, 1841.

Histoire de la révolution française. 15 томовъ, выходили между 1840—1860 г

Lettres sur l'Angleterre 4 тома. Paris, 1865.

Histoire de la révolution de 1848. Paris, 1870.

Pages d'histoire de la révolution de Février 1848. Paris, 1850.

Le socialisme, droit au travail, réponse à M. Thiers. Paris, 1848.

Révélations historibues. Bruxelles, 1859 2 т.

Question d'aujourd'hui et de demain. Paris, 1873—74.

Le catéchisme des socialistes. 1849.

Appels aux honnêtes gens. 1850.

Plus de Girondins: la république une et in ivisible. 1851

L'état et la commune. 1865.

Révolution de Février au Luxembourg. 1849

B) Болѣе замѣтныя сочиненія о Луи Бланѣ:

1) Ward Sames: Louis Blanc on the working classes. Лондонъ, 1848.

2) Ch. Robin: Louis Blanc, sa vie et ses oeuvres. Парижъ, 1857.

3) D. Stern: Histoire de la révolution de 1848. 3 т. 1851—1853.

4) De Mirecourt: Louis Blanc. Парижъ, 1858.

5) Hip. Castille: Louis Blanc. Парижъ, 1859.

6) Ch. Edmonde: Célébrites contemporains. 3-й выпускъ (Louis Blanc). Парижъ, 1883.

7) O. Warschauer: Louis Blanc. Берлинъ, 1896.

8) Louis Blanc въ „Gegenwart“, т. IV. Лейпцигъ, 1850.

9) L Elster: Louis Blanc въ „Handw. der Staatswiss.“.

10) L. Faucher: Du système de M. L. Blanc. Paris, 1849.

C) По русски о Луи Бланѣ, между прочимъ, писали:

1) Елисѣевъ, А.В: Луи Бланъ, въ „Вѣст. Ев.“ за 1883 г., кн 1, 3.

2) Жуковскій, Ю.: Матеріалы для общественной науки. Прудонъ и Луи Бланъ Спб., 1866.

3) Щегловъ: Исторія соціальныхъ системъ Т. II-ой, стр. 445—695. Спб., 1889.

4) Черновъ, И. Луи Бланъ. Изд. „Молодой Россіи“. Москва, 1906.

---

[1]) Въ Revue Encyclopédique за 1832 г. См Thomas: „Pierre Leroux“, 1905.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ XII-ый.

Соціализмъ.

Развитіе новыхъ капиталистическихъ отношеній съ одной стороны и глубокій переломъ въ философскомъ міровоззрѣніи съ другой—произвели новый переворотъ къ соціальной мысли. На первый планъ выдвинулся рабочій классъ, пролетаріатъ, какъ орудіе новыхъ цѣлей. Появился соціализмъ, который совершенно лишили коммунистическій утопизмъ какой бы то ни было серьезной почвы какъ въ рабочихъ кругахъ, такъ и среди мыслящей радикальной интеллигенціи.

Пролетаріатъ Европы послѣ 1848 года, смотритъ на все иными глазами, онъ отрѣшается отъ прежнихъ вѣрованій и подготовляется къ воспріятію совершенно иначе конструированной идеалогіи, зачатки которой онъ уже разбираетъ въ знаменитомъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ 1848 года, гдѣ отъ коммунизма остается только одно названіе.

Здѣсь сказалось вся глубина переворота, происшедшаго въ философіи. Продолжатели Канта Фихте и Гегель, каждый по своему указываютъ новые пути въ сферѣ соціально-политической мысли. Іоганнъ Готлибъ Фихте въ своемъ „Замкнутомъ торговомъ государствѣ“, (1800 г.) набрасываетъ смѣлую картину будущаго соціалистическаго государства, осуществляющаго идею, „права на трудъ“ и устраняющаго капиталистическія отношенія.

Гегель даетъ Европейской наукѣ и обществу—геніальное оружіе — діалектическій методъ, позволяющій отнынѣ примѣнять къ историческому анализу плодотворный эволюціонный принципъ, „Лѣвые“ послѣдователи этого мыслителя разъясняютъ всю революціонную сущность основоположеній

ЭБ "Научное наследие России"

Гегеля и дают блестящую критику существующих соціальных отношеній, убивая всякую иллюзію соціальнаго равновѣсія и естественной соціальной гармоніи,—этотъ основной принципъ экономическихъ построеній какъ классической—такъ и либеральной политической экономіи.

И Фихте и Гегель — оба съ разныхъ точекъ зрѣнія выдвигаютъ значеніе принципа—государства, роль и значеніе которыхъ въ экономической жизни начинаетъ впервые ясно сознаваться. Новая идея находитъ отзвукъ въ сочиненіяхъ Лоренца Штейна. Это же государство, какъ соціальную силу, мыслитъ вскорѣ и первый по времени систематически-соціалистически мыслящій писатель Родбертусъ-Ягетцовъ. Но онъ понимаетъ пока только государство какъ соціальную монархію. Идеи Родбертуса уже настолько оригинальны, а анализъ капиталистическихъ отношеній настолько глубокъ и ярокъ — что съ нимъ наступаетъ новая эра въ соціалистической мысли. Она достигаетъ своего наивысшаго развитія и напряженія у геніальнаго писателя середины 19 вѣка, у Карла Маркса, создающаго особое направленіе, „марксизма“ или пролетарскаго соціализма. Послѣдній ѣдко и рѣзко отмежевывается отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ направленій, среди которыхъ слѣдуетъ отмѣтить теченіе связанное съ именемъ замѣчательнаго агитатора и писателя Фердинанда Лассаля и группы государственныхъ соціалистовъ: Марло, Роб. Мейеръ, Адольфъ Вагнеръ, А. Шеффле.

Библіографія соціализма необычайно обширна. Каждому изъ названныхъ здѣсь авторовъ—посвящены многочисленныя изслѣдованія, памфлеты и статьи. Изъ общихъ сочиненій слѣдуетъ отмѣтить труды Л Штейна, П. Леруа Болье, Рейбо, Парето, Ж. Вейлля, О. Варшауера, Меринга, Хилквита, Анджіолина, Нойса, Брегама, Вилльерса, Эллиса Баркера, Г Адлера, Малона, Туганъ, Барановскаго, Бернацкаго, и др. Пространную библіографію даетъ L. Stammhammer: Bibliographie des Socialismus und Communismus, т. I (Іена), 1893, т. II, 1900, т. III, 1909.

ЭБ "Научное наследие России"

Гл. I. Карлъ Іоганнъ Родбертусъ-Ягетцовъ.
(1805—1875).

I.

Передъ нами своеобразная жизнь, лишенная яркихъ красокъ и событій, хотя послѣднія близко надвигались на скромнаго экономиста Внѣшняя фабула его жизни слѣдующая: Карлъ Іоганнъ Родбертусъ родился въ самомъ началѣ XIX столѣтія (12 августа, 1805 г) въ г. Грейфсвальдѣ, маленькомъ университетскомъ центрѣ на сѣверѣ Германіи. Родбертусъ принадлежалъ къ интеллигентной семьѣ, отецъ его былъ профессоромъ римскаго права Грейфсвальдскаго университета и возбудилъ у него охоту къ юриспруденціи, которою онъ занимался въ Гёттингенскомъ и Берлинскомъ университетахъ По окончаніи курса молодой Родбертусъ поступилъ (1826) на государственную службу. Но чиновничья карьера Родбертуса продолжалась недолго. Въ 1830 онъ уже началъ свой четырехлѣтній періодъ неопредѣленныхъ скитаній по Германіи и заграницею, а съ 1836 года уже хозяйствуетъ въ своемъ померанскомъ имѣніи Ягетцовъ (Jagetzow — откуда и приставка къ фамиліи), купленномъ имъ за два года передъ тѣмъ. Здѣсь Родбертусъ прожилъ, за небольшими перерывами, сорокъ одинъ годъ, т. е. вплоть до своей смерти (1875). Такимъ образомъ, центръ жизни Родбертуса — сельское хозяйство и мѣстные интересы помѣщичьей провинціи.

Въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца, Родбертусъ участвовалъ въ мѣстныхъ собраніяхъ, въ собраніяхъ окружныхъ и провинціальныхъ и, наконецъ, даже во II-мъ соединенномъ ландтагѣ 1848 года. Все это заставляло его удѣлять время политикѣ; въ эпоху революціоннаго движенія 1848 года, Родбертусъ выработалъ даже свой проектъ прусской конституціи. Какого политическаго направленія онъ держался? Войдя въ ландтагъ, Родбертусъ былъ предводителемъ партіи лѣваго центра и даже въ теченіе девяти дней министромъ въ либеральномъ министерствѣ Ауэрсвальда. Вскорѣ съ роспускомъ національнаго собранія окончилась и политическая дѣятельность Родбертуса, къ которой онъ больше не возвращался Только разъ, а именно въ 1862 году, когда прогрессисты предлагали Родбертусу стать въ ихъ ряды, передъ Родбертусомъ вновь открывалась широкая политическая перспектива. Но Родбертусъ уклонился, несмотря на то, что убѣждали многіе, между прочимъ, и Фердинандъ Лассаль. Кстати объ этой дружбѣ, скрасившей его старость. Ихъ отношенія представляютъ собою интересную страницу изъ жизни идей 60-хъ годовъ Германіи. Ихъ отношенія стали извѣстны изъ опубликованной недавно интересной переписки. Они обмѣнивались взглядами и идеями, причемъ болѣе питательнымъ источникомъ въ теоретическихъ вопросахъ являлся сухой, скучный, но глубокомысленный померанскій помѣщикъ. Въ дѣлѣ практической политики — Лассаль тоже оказался невліятеленъ, онъ мало сдвинулъ Родбертуса влѣво Рѣшительный соціалистъ въ экономическихъ вопросахъ и радикальный умъ въ теоріи, Родбертусъ являлся такъ сказ. „кадетомъ“ въ области прикладной экономіи

ЭБ "Научное наследие России"

Приведемъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, характеризующихъ эту сторону личности Родбертуса. Въ началѣ 70-хъ годовъ Родбертусъ, наблюдая давно и страстно ожидавшійся имъ процессъ Объединенія Германіи, возложилъ горячія надежды на Пруссію и ея желѣзнаго канцлера. Конечно, ему очень скоро пришлось разочароваться въ наивной надеждѣ, что германское государство, разрѣшивъ національный вопросъ, перейдетъ къ разрѣшенію вопроса соціальнаго Та „естественная, — какъ онъ всегда думалъ, — связь между монархіею и соціализмомъ“ не только не наростала, но совершенно порывалась. Неудивительно поэтому, что развитіе соціалистическаго движенія въ Германіи, направляетъ его симпатіи въ сторону соціалъ-демократіи 30 ноября 1871 года Родбертусъ пишетъ: „поскольку ядро соціалъ, демократической партіи чисто-научно — я принадлежу ей всею душою“. При содѣйствіи Рудольфа Мейера Родбертусъ въ концѣ 1871 года знакомится съ видным представителемъ соціалистической партіи, съ Газенклевером Онъ стремится убѣдить послѣдняго въ необходимости большой терпимости къ современному государству и самъ все болѣе убѣждается въ важности рабочаго движенія. Вмѣстѣ они одно время вырабатываютъ проектъ газеты или журнала, хотя вскорѣ принципіально расходятся. Нѣсколько позднѣе Родбертусъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны сочувственнаго обращенія къ нему большого собранія рабочихъ, съ другой — радикальнаго публициста Шрамма, рѣшается на организацію компаніи въ пользу соціализма и мечтаетъ вступить въ ряды парламентскихъ представителей соціалъ-демократіи. Онъ ставитъ только нѣкоторыя условія. Эти переговоры остались неоконченными, а условія, — невыясненными, такъ какъ вскорѣ, 6-го Декабря 1875 года, Родбертусъ скончался

Не менѣе своеобразно отношеніе Родбертуса къ рабочему вопросу. Первая его литературная работа, работа написанная еще въ 1837 году и увидавшая свѣтъ лишь по его смерти была посвящена рабочимъ. Она озаглавлена „Die Forderungen der arbeitenden Klassen“ и написана сжатымъ и образнымъ языкомъ на подобіе лучшихъ рѣчей Цицерона.

Въ 1842 году Родбертусъ пишетъ о нормальномъ рабочемъ днѣ и основываетъ въ Грейфсвальдѣ отдѣленіе „Балтійскаго Общества о нуждахъ рабочаго класса“, но въ практической дѣятельности не примыкаетъ къ радикальному или коммунистическому лагерю, а остается умѣреннымъ либеральнымъ прогрессистомъ; даже позднѣе, а именно въ 1862 году, когда Лассаль пригласилъ его къ соучастію въ своемъ тріумфальномъ рабочемъ движеніи, Родбертусъ о т к л о н и л ъ предложеніе. Свой отказъ онъ мотивировалъ въ „Открытомъ письмѣ къ Комитету нѣмецкаго рабочаго ферейна въ Лейпцигѣ“. Здѣсь онъ соглашается, что германскіе рабочіе совершенно правы въ своемъ отрицаніи направленія Шульце-Делича. Но Родбертусъ не присоединяется и къ его противнику — Лассалю, вдохновителю союза.

Родбертусъ считаетъ, что производительныя ассоціаціи съ содѣйствіемъ государственной власти,—одинъ изъ основныхъ пунктовъ Лассалевской программы, — не въ силахъ

разрѣшить соціальный вопросъ: послѣдній, по его мнѣнію, много глубже. И дѣйствительно въ своей теоріи цѣнности и ренты, Родбертусъ даетъ проницательную конструкцію. Но практическая программа его скудна. Но выставляя болѣе глубокія требованія, самъ Родбертусъ не присоединяется къ исполненію даже меньшихъ. Эта позиція—характерная черта воззрѣній Родбертуса. Въ области политики Родбертусъ, крайне умѣренъ: онъ приверженецъ такъ назыв. идеальной монархіи, т. е. „добраго короля“, пекущагося преимущественно о матеріальныхъ благахъ своихъ подданыхъ. Зато въ общихъ теоретическихъ, экономическихъ вопросахъ,—а это и былъ центръ тяжести его работъ и мысли,—Родбертусъ—одна изъ замѣчательнѣйшихъ фигуръ XIX вѣка. Его главнѣйшія сочиненія и посвящены чисто экономическимъ вопросамъ.

Теоретическія разсужденія Родбертуса развиваются въ видѣ цѣпи вопросовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ, по его мнѣнію, простое констатированіе фактовъ. И къ основнымъ вопросамъ своей теоріи — къ вопросу о сущности ренты вообще, поземельной ренты и прибыли на капиталъ въ частности, — онъ подходитъ тѣмъ же путемъ.

„Въ силу какихъ основаній, — спрашиваетъ онъ во „II соціальномъ письмѣ“, — несмотря на то, что всякій доходъ есть только продуктъ труда, въ обществѣ получаютъ доходъ лица, которые не ударили палецъ объ палецъ для его созданія?“ — „Такихъ же лицъ, — удостовѣряетъ онъ тутъ же, — существуетъ, безъ сомнѣнія, безчисленное множество, цѣлые классы“. Но чтобы въ эту категорію не включили лицъ, которые все же получаютъ такой доходъ въ вознагражденіе за дѣйствительно оказываемыя услуги, какъ напр., врачи, судьи или учителя, Родбертусъ повторяетъ свой вопросъ еще въ болѣе опредѣленной формѣ, а именно: „Какія основанія ведутъ къ тому, что участвующія въ первоначальномъ распредѣленіи благъ, не прилагая собственнаго труда и не оказывая за это иныхъ услугъ, получаютъ доходъ, являющійся всецѣло продуктомъ другихъ и, притомъ, продуктомъ труда другихъ?“ [1]). Отвѣтъ на этотъ основной вопросъ проблемы распредѣленія и даетъ Родбертусъ всею совокупностью своей теоріи. Она основывается прежде

---

[1]) Родбертусъ, Карлъ: Сочиненія, рус. пер. стр. 103.

ЭБ "Научное наследие России"

всего на его теоріи цѣнности и на теоріи прибыли на капиталъ.

Въ основѣ экономическаго ученія Родбертуса лежитъ ученіе объ образованіи процента на капиталъ исключительно путемъ эксплоатаціи рабочихъ, и созданія всѣхъ матеріальныхъ благъ исключительно путемъ труда рабочихъ. Эту теорію въ нѣмецко-экономической литературѣ принято для сокращенія называть „Теоріей эксплуатаціи“ (Ausbeutungstheorie).

Содержаніе этой теоріи можетъ быть кратко формулировано слѣдующимъ образомъ: всѣ блага, имѣющія цѣнность, представляютъ собой продукты человѣческаго труда и, притомъ, исключительно этого труда. Но рабочіе не получаютъ всего продукта, который они одни создали, ибо часть его идетъ къ капиталистамъ, при содѣйствіи института частной собственности, давшаго капиталистамъ, въ руки неустранимыя вспомогательныя средства для производства. Формой, въ какой совершается эксплуатація, служитъ договоръ, при помощи котораго рабочая сила дѣйствительныхъ производителей, вынужденныхъ къ тому голодомъ, покупается только за часть того, что ею будетъ сдѣлано. Между тѣмъ, остатокъ продукта попадаетъ въ руки капиталиста, какъ прибыль, полученная безъ труда. Такимъ образомъ, процентъ на капиталъ и рента вообще содержитъ въ себѣ часть продукта чужой работы, полученнаго путемъ эксплоатаціи стѣсненнаго положенія рабочихъ. Родбертусъ не являлся въ этомъ вопросѣ новаторомъ: такого рода взгляды достояніе многолѣтней экономической мысли.

Еще Локкъ въ своемъ „Civil government“ (кн. 2, гл. 5, § 40) полагалъ, что собственность, хотя это съ перваго взгляда и незамѣтно, возникла путемъ труда, и что трудъ является тѣмъ элементомъ, который придаетъ каждой вещи другую цѣнность. Нужно только подумать, — говоритъ Локкъ, — какова разница между участкомъ земли, на которомъ культивируется табакъ или свекловица, и участкомъ, отведеннымъ подъ ячмень или пшеницу, или, наконецъ, кускомъ той же земли, но уже необработанной, и немедленно будетъ видно, что приложеніе труда сразу создаетъ высокую цѣнность. Если мы будемъ сравнивать и высчитывать, какая часть производится природой и какая трудомъ, то нетрудно замѣтить, что $^{9}/_{10}$ каждой вещи приходятся на долю послѣдняго“.

© "Научное наследие России"

Въ томъ же духѣ высказывались Джемсъ Стюартъ, говорившій хотя и не такъ ясно, но все же полагавшій, что доходъ на капиталъ есть продуктъ чужой работы. Затѣмъ камералистъ Зонненфельсъ (Handlungswissenschaft) называлъ капиталистовъ классомъ лицъ, которые ничего не дѣлаютъ, но питаются потомъ рабочихъ классовъ". Въ томъ же духѣ высказывался и Бушъ („Geldumlauf"), наконецъ, кое-какіе намеки на эту же точку зрѣнія можно найти у нѣмецкихъ экономистовъ конца 18-го столѣтія Содена и Лотца.

Много большую роль въ развитіи теоріи эксплуатаціи сыграли первые англійскіе соціалисты—Вилльямъ Годвинъ, Ч. Голлъ, Дж. Грэй и Вилліамъ Томпсонъ, а также Сисмонди во Франціи. Томпсонъ съ замѣчательной ясностью и глубиною формулировалъ основоположенія трудовой теоріи цѣнности. Земельная рента и процентъ на капиталъ является, по нему, вычетами изъ полнаго, принадлежащаго рабочимъ, созданнаго продукта.

Въ настоящее время трудно установить, сколь сильное вліяніе оказалъ Томпсонъ на развитіе Карла Маркса и Родбертуса, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что имѣвшія распространеніе сочиненія этого соціалиста въ первой четверти 19-го столѣтія, были неизвѣстны послѣдующимъ серьезнымъ изслѣдователямъ соціальнаго вопроса [1]).

Сисмонди можно въ значительно меньшей степени назвать представителемъ этой теоріи, хотя онъ, въ своемъ „Nouveaux Principes d'Economie Politique", воспринимаетъ положеніе А. Смита, что трудъ является единственнымъ источникомъ человѣческаго богатства. Точно также въ Études sur l'Économie politique, (изд. 1837, стр. 4), онъ говоритъ, что „богатство есть продуктъ человѣческаго труда, который создаетъ человѣку всѣ матеріальныя блага, въ ко-

---

[1]) Литературныя мнѣнія о Томпсонѣ, вообще включенномъ въ исторію ученій въ самое послѣднее время, раздѣляются. Въ то время, какъ Антонъ Менгеръ ставитъ Томпсона прямымъ предшественникомъ Карла Маркса, Бемъ-Баверкъ полагаетъ, что признать эту пріемственность между Томпсономъ и Марксомъ ни въ какомъ случаѣ не является обязательнымъ. „Если, — говоритъ онъ, — какое нибудь ученіе виситъ, такъ сказать въ воздухѣ,—то ни въ какомъ случаѣ нѣтъ надобности, чтобы формулировка той же самой мысли всегда являлась бы въ качествѣ заимствованной, и что оригинальность какого-либо писателя вовсе не этимъ опредѣляется".

© "Научное наследие России"

торыхъ онъ встрѣчаетъ необходимость". Но Сисмонди уже дѣлаетъ и нѣкоторые опредѣленные выводы объ эксплуатаціи, о прибавочномъ продуктѣ. Ту же самую идею изъ французскихъ соціалистовъ высказываетъ Прудонъ и въ знаменитомъ изслѣдованіи „О собственности", и въ „Экономическихъ противорѣчіяхъ".

По Прудону трудовая цѣнность представляетъ собою идеалъ, недостигнутый еще современнымъ обществомъ. Въ то время какъ для Рикардо трудовая цѣнность есть теорія существующаго капиталистическаго строя, для Прудона трудовая теорія цѣнности—революціонная теорія будущаго,—теорія освобожденія пролетаріата. Прудону принадлежитъ идея конституированной цѣнности. Смыслъ ея слѣдующій. Трудовая теорія цѣнности, признающая трудъ регуляторомъ среднихъ товарныхъ цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ — была извѣстна ранѣе выступленія Прудона. Послѣдній вводитъ въ нее новый варіантъ, создавая понятіе трудовой цѣнности, какъ полной пропорціональности между трудовыми затратами и мѣновыми отношеніями продуктовъ, но существующей лишь въ идеалѣ, въ конечной цѣли. Такая цѣнность, по Прудону, можетъ быть лишь конституирована. Отъ большей или меньшей степени достиженія этой задачи — конституировать цѣнности—зависитъ общественное благо, соціальное благополучіе. Такая цѣнность—хозяйственный идеалъ, равнозначущій полному господству интересу труда въ экономическихъ отношеніяхъ. Теоріи эти не только не противорѣчивы, но прямо дополняютъ одна другую. Таково было состояніе радикальной экономической мысли по этому вопросу до Родбертуса. Наконецъ высказывается Родбертусъ. Онъ воспринимаетъ оба указанныхъ направленія и дѣлаетъ еще добавленіе: ему принадлежитъ третій варіантъ трудовой теоріи цѣнности, такъ назыв. абсолютная теорія трудовой цѣнности. Родбертусъ соединяетъ всѣ три варіанта свой, Прудона и Рикардо. Что же онъ говоритъ?

Абсолютная цѣнность—цѣнность сама по себѣ—общественный трудъ, какъ бы заключенный и кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ.

Трудъ есть субстанція, существо, природа цѣнности (познаніе вещи въ себѣ, нуменъ). Трудъ не главнѣйшій верховный факторъ, а сама цѣнность, единственная

ЭБ "Научное наследие России"

цѣнность, исключительная цѣнность. Гдѣ нѣтъ труда—нѣтъ цѣнности, что не содержитъ труда—не имѣетъ цѣнности.

Теорія эта находится въ противорѣчіи и съ теоріей Рикардо, признающей и другіе источники цѣнности, и съ теоріей Прудона,—ибо, если уже теперь абсолютная трудовая цѣнность осуществлена, то она не можетъ быть идеаломъ для будущаго. Все приведенное было высказано Родбертусомъ еще въ 1842 году, въ первомъ его сочиненіи къ „Познанію нашихъ государственно-хозяйственныхъ условій".

Изъ абсолютной трудовой теоріи цѣнности Родбертусъ выводитъ и свою теорію земельной ренты; она изложена во II и III соціальныхъ письмахъ къ Кирхману и резюмирована въ началѣ письма IV-го носящаго названіе „Капитала". Общественный доходъ, получающійся въ итогѣ производства, распадается на двѣ главныя части: на заработную плату и на ренту. Рента вообще есть „часть продукта національнаго труда рабочихъ, которая отнимается у рабочихъ благодаря существованію частной собственности [1]). Послѣдняя въ свою очередь раздѣляется на прибыль на капиталъ и на земельную ренту. Рента представляетъ собою доходъ, получаемый также въ силу владѣнія имуществомъ.

Воззрѣнія на земельную ренту, раздѣленіе труда и процентъ прибыли у Родбертуса особенно интересны. Въ связи съ этими взглядами стоятъ теоріи Родбертуса о причинѣ кризисовъ и источникахъ пауперизма, въ которыхъ онъ также является послѣдовательнымъ соціалистомъ. Онъ полагаетъ, что все уменьшающаяся доля рабочаго при общемъ ростѣ національнаго богатства — создаетъ хроническое все усиливающееся недопотребленіе рабочихъ, а отсюда небольшія задержки въ сбытѣ и производствѣ товара.

Отсюда по его мнѣнію, причина кризиса заключается „въ томъ, что въ нынѣшней — государственно-хозяйственной организаціи, при возрастаю-

---

[1]) Родбертусъ. Капиталъ. Рус. пер. Изд. 1906 г. („Начало"). Стр 18.

[2]) Курсивъ Родбертуса. Родбертусъ Предисловіе къ I-му соціальному письму фонъ-Кирхману. Спб. („Начало"). 1906.

ЭБ "Научное наследие России"

щей производительности труда, заработная плата рабочаго класса составляетъ все меньшую и меншую долю національнаго продукта“ [2]).

Пауперизмъ Родбертусъ разсматриваетъ, какъ фактъ незыблемо установленный статистикою и притомъ фактъ новой исторіи. При прежнихъ отношеніяхъ бывало или общее или частное и притомъ временное обѣднѣніе. Съ появленія же раздѣленія труда, легшаго всею тяжестью на классъ рабочихъ, и съ присвоеніемъ функцій государственно-хозяйственныхъ отдѣльными поземельными собственниками и капиталистами, частичное обѣднѣніе общества и къ тому же все одного и того же класса, стало постояннымъ. Это постоянное обѣднѣніе рабочихъ, растущее быстрѣе, чѣмъ растетъ народонаселеніе, развивается параллельно съ другимъ, также постояннымъ фактомъ: неуклоннымъ, обгоняющимъ ростъ населенія, возрастаніемъ національнаго богатства. „Это одновременное обѣднѣніе и обогащеніе возможно въ силу того, что только часть общества пользуется національнымъ имуществомъ“ [1]).

Впрочемъ, какъ эти, такъ и вообще экономическіе взгляды Родбертуса не имѣли при его жизни широкаго распространенія, хотя многіе изъ нихъ не могли не стать достояніемъ болѣе передовыхъ писателей его эпохи. Только спустя много лѣтъ, съ ростомъ соціалъ-демократіи, Родбертусъ былъ выдвинутъ умѣренными соціалистами и радикальными либералами въ противовѣсъ Марксу. Изъ тѣхъ же побужденій особенно сильно настаивалъ на его значеніи въ 80-хъ годахъ берлинскій экономистъ Адольфъ Вагнеръ. Сдержанность Родбертуса, блѣдность его тоновъ, а главное почти полное отсутствіе практическихъ выводовъ изъ соціализма— все это не могло не прельстить умѣренныхъ нѣмецкихъ ученыхъ и они занялись апологіею Родбертуса contra Марксъ. Но, конечно, и безъ этой искусственной апологіи научныя заслуги Ротбертса велики и неоспоримы, эра научнаго соціализма начинается со времени выхода его сочиненій.

---

[1]) Родбертусъ: I-ое письмо къ фонъ-Кирхману, (рус. пер.). Спб. 1906. („Начало“), стр. 9.

ЭБ "Научное наследие России"

III.

Сочиненія Родбертуса, изданныя при его жизни.

1. Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustande 1. Heft. 5 Theoreme. (Neu-Brandenburg und Friedland, Barnewitz). 1842 [1]).

2. Die preussische Geldkrisis. Анкламъ и Свинемюнде. (Dietze). 1845.

3. Fur den Kredit der Grundbesitzer. Eine Bitte an die Reichsstande, Берлинъ. 1847.

4. Die neuesten Grundtaxen des Herrn von Bulow. Cummerow. 1847 г.

5. Mein Verhaltniss in dem Konflikt zwischen Krone und Volk. An meine Wahler. Берлинъ. 1849.

6. Soziale Briefe an v. Kirchmann. 1 Brief: Die soziale Bedeutung der Staatswirtschaft. Берлинъ (Friedrich Gerhard). 1850.

7 — 2. Brief. Kirchmanns soziale Theorie und die Meinige. Берлинъ 1850.

8. — 3. Brief: Wiederlegung der Ricardoschen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie Берлинъ. 1851 г.

9. Die Handelskrisen und die Hypothekennot der Grundbesitzer. Берлинъ (F Schneider), 1858.

10. „Zur Frage des Realskredit" въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", январь, 1868.

11. Erklarung. — Seid deutsch! — An Mazzini — Was sonst? Четыре вмѣстѣ съ фонъ-Бергъ и Л. Бухеромъ изданныхъ въ 1861 г., агитаціонныхъ листка.

12. Offener Brief an das Komitee des deutschen Arbeitervereins zu Leipzig. Лейпцигъ (Otto Wiegand). 1863.

13. Zur Erklarung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes. 1 томъ Die Ursachen der Not. Берлинъ. (Bath). II томъ Zur Abhilfe. Iена. (Mauxe). 1868—1869. Второе изданіе 1876.

14. Der Normalarbeitstag. Первоначально въ „Berliner Revue", затѣмъ отдѣльно. Берлинъ, 1871.

15. Среди другихъ болѣе мелкихъ газетныхъ и журнальныхъ статей обращаютъ вниманіе статьи Родбертуса, помѣщенныя въ журналѣ: „Jahrbuch für Nat. u. Statistik".

I. Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalokonomie des klass. Altertums въ двухъ частяхъ:

1) Zur Geschichte der agrarischen Entwickelung Roms unter den Kaisern, томъ II. 1864.

2) Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, томъ IV, 1865. Томъ V, 1865, томъ VIII, 1867.

---

[1]) До этого Родбертусъ написалъ небольшую работу озаглавленную. „Die Forderungen der arbeitenden Klassen". Она была въ 1837 году послана въ Аугсбургскую газету, но редакція отклонила помѣщеніе статьи. Удивила свѣтъ эта работа только полвѣка спустя, уже по смерти Родбертуса, а именно въ 1885 году.

ЭБ "Научное наследие России"

II. Zur Frage des Sachwerts des Geldes im Altertume, томъ XIV, 1870. Томъ XV, 1870.

III. Ein Problem fur die Freunde der Ricardoschen Grundrententheorie, томъ XIV, 1870

IV Was waren Mediastini? Томъ XX, 1873.

V. Bedenken gegen den von den Topographen Roms angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer, томъ XXIII, 1874

Статьи Родбертуса, изданныя по его смерти:

1. Das Kapital Vierter socialer Brief an v. Kirchmann. Изданіе и предисловіе Kozac. Берлинъ 1884

2. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Часть II-ая. Изданіе при участіи Kozac съ предисл. A. Wagner'a. Берлинъ 1885.

3. Hermann Wagener: Aus Rodbertus Nachlass, 1886.

4. Briefe und socialpolitische Aufsatze von Rodbertus, herausgegeben von Dr. R. Mayer.

Литература о Родбертусѣ довольно обширна, болѣе обстоятельными сочиненіями являются:

1. Kolischer, H.: Rodbertus, Ansicht uber den landwirtschaftlichen Hypothekenkredit. Вѣна 1876.

2. Kozak Rodbertus-Jagetzow's sozialokonomische Ansichten Jena (Fischer) 1882; большая систематическая сводка воззрѣній Родбертуса.

3. Adler, G.: Rodbertus, der Begrunder des wissenschaftlichen Sozialismus. Лейпцигъ 1883.

4. Zuns: Einiges uber Rodbertus. I Das Rodbertussche Grundrentenproblem. II. Zur Kritik der „Kreditnot", Берлинъ 1883.

5. Schippel, M.: Die Rodbertussche Grundrententheorie und die Werttheorie Ricardo's, въ серіи „Staatswiss. Abhandlungen издан. Neisser'омъ, 1882.

6. Bahr: Rodbertus, Theorie der Absatzkrisen. Вѣна 1884.

7. Wirth, M: Der drohende Untergang der Arbeiterklasse von Rodbertus. Лейпцигъ 1884.

8. Lexis: Zur Kritik der Rodbertusschen Theorie въ „Jahrb fur Nat. und Statistik", Neue Folge, томъ 9, 1884.

9. Peters: Ein Beitrag zur Lohnreform unter Zugrundelegung der sozialokonom. Ansichten von Rodbertus, 1884.

10. Emele: Der Sozialismus Rodbertus-Jagetzow. Загмарингенъ, 1885.

11. Engels: Marx und Rodbertus, въ „Neue Zeit" за 1885.

12. Wirth M.: Bismark, Wagner, Rodbertus. Лейпцигъ 1885.

13. Dietzel: Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und seiner Lehre. 2 вып Jena (Fischer), 1886—1887—лучшая монографія о Родбертусѣ.

14. Osgood: Scientific socialism of Rodbertus въ „Political science quarterly". T. I за 1886 г.

15. Ruhkopf: Karl Rodbertus, Theorie von den Handelskrisen. Лейпцигъ 1892.

16. Andler: Les origines du socialisme d'Etat. Парижъ 1897

© "Научное наследие России"

17. Wermert: Pro Societate. II Zur Wurdigung des Rodbertus und seines Staatssozialismus. Галле 1897.

18. Jentsch: Karl Rodbertus. Штутгартъ 1899.

19 Для біографіи Родбертуса имѣютъ значеніе: предисловіе къ выше упомянутой книгѣ Kozak'a и Dietzel'я и статья Karl'a Grun'a: „Zur Erinnerung an Karl Rodbertus" въ приложеніи къ Аугсбургской Allgem. Zeitung. № 41 отъ 6 февр. 1876

II. Родбертусъ на русскомъ языкѣ имѣется въ слѣдующихъ изданіяхъ

1) Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, переводъ подъ ред П Тарасова, вып. 1, Ярославль, 1881—1887

2) Нормальный рабочій день Пер М Я. Герценштейна „Юридическій Вѣстникъ", за 1891 г т. I.

3) (I письмо).—I соціальное письмо къ фонъ-Кирхману. Пер. I Давыдова, изданіе „Начало" (В В. Святловскаго). Спб. 1906 г

4) (II и III письма) —Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Соціальныя письма къ фонъ-Кирхману, письмо II и III. Пер проф М Н. Соболева. Изд. Глаголева, Спб. 1905

5) (IV письмо) —Капиталъ. Четвертое соціальное письмо къ фонъ-Кирхману, съ портретомъ автора Пер. I. Давыдова, изд. „Начало" (В. В. Святловскаго). Спб. 1906.

6) Родбертусъ. Теорія рентъ и изслѣдованій о капиталѣ сокращенный переводъ и введеніе (т. е съ предисловіемъ А. А. Кауфмана. М. 1908 г.

О Родбертусѣ по русски между прочимъ писали:

1) Н. Зиберъ: Карлъ Родбертусъ-Ягетцовъ „Юридическій Вѣстникъ" 1881. № 1—3.

2) Переписка Родбертуса съ Ад. Вагнеромъ. „Русская Мысль", 1886. Декабрь.

3) Кононовъ, А (К.): Родбертусъ, въ томѣ XXIV Энцикл. Словаря Брокгауза Спб. 1899 стр. 891—902

4) М. Туганъ-Барановскій: Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи. С.-Петербургъ, 1903 г. стр. 252—292

5) Лучшимъ на русскомъ языкѣ сочиненіемъ о Родбертусѣ является работа Г В. Плеханова: „Экономическая теорія Карла Родбертуса-Ягецова". Напечатанная сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ" (за подписью—Валентиновъ) въ 80-хъ годахъ, она вошла затѣмъ въ томъ собранія сочиненій Плеханова „За двадцать лѣтъ". С.-Петербургъ. 1906 г. (стр. 503—647).

ЭБ "Научное наследие России"

Гл. 2. Фердинандъ Лассаль.

(1825—1864).

I.

Исторія геніевъ знаетъ одно удивительное явленіе: двойственность лица, реальный и миѳическій образъ исторической фигуры. Вспомните, напримѣръ, Наполеона. Наполеонъ—кропотливаго, эмпирическаго изслѣдованія и Наполеонъ такъ назыв. наполеоновской легенды—это два разныхъ типа, два лица, двѣ фигуры.

Одинъ раздраженный, одутловатый мелочной интриганъ и карьеристъ, бездушный и алчный тиранъ, съ мѣщанскими вкусами и солдатскимъ міровоззрѣніемъ, случайная игрушка рока,—другой титанъ энергіи и мысли, задумчивый и величественный образъ, геніальный могиканъ изъ плеяды величайшихъ кумировъ человѣчества, какъ Ганнибалъ, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь.

То же и съ Лассалемъ. Мы знаемъ двухъ Лассалей:—историческаго изслѣдованія и Лассаля легенды.

Второй Лассаль—это Лассаль, такъ сказать, посмертный, но неумирающій отъ ядовитаго скальпеля историческаго анализа и критической провѣрки фактовъ, ибо легенда имѣетъ живой источникъ: она питается духомъ и формою его произведеній, а вся фигура освящается тѣмъ грандіознымъ факеломъ соціальнаго движенія, который держится мозолистыми руками все возростающей многомилліонной массы.

Мы поймемъ эту двойственность, если обратимъ вниманіе на то, что жизнь Лассаля, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Брандесъ [1]) „прожита была съ такой страстной интенсивностью и такою бурною поспѣшностью, что человѣкъ какъ бы пролетѣлъ передъ современниками, прежде чѣмъ они могли опомниться“. Весь характеръ Лассаля какъ бы поддерживаетъ эту двойственность.

„Въ одномъ изъ своихъ писемъ, полномъ нетерпѣнія по поводу медленнаго развитія событій, Лассаль употребляетъ выраженіе: „моя пламенная душа“; изъ тысячъ лю-

---

[1]) Г. Брандесъ: Литературные портреты. Изд. І. Юровскаго, Спб., 1896 г, стр. 14.

ЭБ "Научное наследие России"

дей, которые употребляютъ это, сдѣлавшееся фразой, выраженіе, онъ одинъ употреблялъ его безъ преувеличенія, въ глубинѣ его души дѣйствительно было нѣчто, напоминавшее пламя. Его пламенная любовь къ наукѣ и расширенію своихъ познаній, его жажда справедливости и истины, его одушевленіе, неукротимое самолюбіе, его глубокое тщеславіе, могущество, его любовь къ власти—все носило тотъ же пламенный, пожирающій характеръ".

„Онъ былъ носитель свѣта и носитель пламени; носитель свѣта, смѣлый и дерзкій, какъ самъ Люциферъ, факелоносецъ, охотно освѣщавшій самого себя отблескомъ факела которымъ онъ вносилъ свѣтъ и ясность—grand oseur et grand poseur. Въ Гераклитовомъ мірѣ господствующимъ принципомъ было соединеніе лука и лиры; лира—символъ гармоніи, т. е. совершеннаго образованія, лукъ со своей смертоносной огненной стрѣлой обозначаетъ дѣятельность и уничтоженіе. Точно такъ же и въ характерѣ Лассаля господствовало соединеніе лука и лиры—совершенно теоретическое образованіе и неутомимая жажда практической дѣятельности" [1]). „Глубокая доходящая до страстности преданность всеобъемляющему морально-общественному идеалу, преданность, не останавливающаяся передъ самопожертвованіемъ, и рядомъ съ ней бьющееся черезъ край чувство своей собственной грандіозной личности, увѣренность въ себѣ, выражающаяся въ самоувѣренности, потребность главенствовать и вести за собой [2])" вотъ та канва, та почва, на которой создавались различные казусы, дающіе поводъ говорить о „двойственности" Лассаля.

Обратимся же къ біографіи этого выдающагося дѣятеля на политическомъ и научномъ поприщахъ, и тогда, быть можетъ, мы легче поймемъ какъ эту „двойственность", такъ и его воззрѣнія.

Фердинандъ Лассаль родился 2-го апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ. Онъ сынъ купца средней руки, еврея. Объ этомъ возрастѣ мы знаемъ изъ его дневника, который онъ велъ въ возрастѣ 15—16 лѣтъ [3]).

---

[1]) Г. Брандесъ Ibid, стр. 15—16.

[2]) Петръ Струве: „На разныя темы (1893—1901 гг.)". Сборникъ статей. Спб 1902, стр. 260.

[3]) Дневникъ Лассаля имѣется въ русскомъ переводѣ. „Фердинандъ Лассаль". Дневникъ. Пер. съ нѣмецкаго. Изд Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г.

35 "Научное наследие России"

Въ такомъ, почти дѣтскомъ, возрастѣ юный Лассаль пишетъ въ своемъ дневникѣ, что „родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого буржуа, то буду въ свое время демократомъ“—такъ пишетъ онъ 15 лѣтъ, а именно 19 іюля 1840 г., и, тѣмъ самымъ, наиболѣе вѣрно опредѣляетъ свой характеръ.

Учился Лассаль сначала въ бреславской гимназіи, гдѣ за свое „легкомысліе“ получалъ плохія отмѣтки. По собственному желанію, во избѣжаніе столкновеній съ отцомъ, былъ переведенъ въ коммерческое училище въ Лейпцигъ. Но и здѣсь Лассаль не измѣнился. На свидѣтельствѣ его директоръ сдѣлалъ ему такую аттестацію· „выскочка, дерзокъ, безпутенъ и заносчивъ“.

Отношенія между Лассалемъ и педагогическимъ персоналомъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, и въ маѣ 1841 г. Лассаль заявилъ въ разговорѣ отцу, что онъ уходитъ изъ школы и избираетъ теперь предметомъ изученія „величайшую, обширнѣйшую науку въ мірѣ—исторію“.

Выдержавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости Лассаль поступаетъ (Пасха 1842 г.) сначала въ бреславльскій университетъ, затѣмъ переводится въ берлинскій (Пасха 1844 г.). Въ маѣ 1845 г. Лассаль выходитъ изъ берлинскаго университета и возвращается домой въ Бреславль, но къ концу того же года онъ уѣзжаетъ въ Парижъ—изучать рукописи Гераклита въ тамошнихъ библіотекахъ. Въ Парижѣ Лассаль знакомится съ Гейне; онъ оказываетъ уже больному и старѣющему поэту услугу—въ процессѣ о наслѣдствѣ, который тотъ велъ. Лассаль произвелъ выгодное впечатлѣніе на Гейне, и тотъ написалъ (3 янв. 1846 г.) къ Варнгагену фонъ Энде свое пророческое письмо: Мой другъ, господинъ Лассаль, который вамъ вручитъ это письмо,—молодой человѣкъ съ необычайными дарованіями: съ основательною ученостью, глубочайшими познаніями, съ проницательностью ума, какой я никогда не встрѣчалъ, съ богатѣйшимъ талантомъ изложенія—онъ соединяетъ энергію воли и такую habilité въ дѣйствіяхъ, что положительно повергаетъ меня въ изумленіе, и если онъ не утратитъ симпатіи ко мнѣ, то я жду отъ него очень существенной помощи. Во всякомъ случаѣ это соединеніе знанія и мощи, таланта и воли было для меня пріятнымъ явленіемъ... Г-нъ Лассаль вѣрнѣйшій

сынъ новаго времени, не желающаго ничего знать о томъ самоотреченіи и кротости, съ которыми мы въ наше время носились, которыми бредили болѣе или менѣе лицемѣрно. Это новое поколѣніе хочетъ наслаждаться и господствовать въ мірѣ видимомъ; мы, старики, смиренно преклонялись передъ невидимымъ, мечтали о поцѣлуяхъ тѣней и небесныхъ пахучихъ цвѣтахъ, отрекались и плакали, и все же были, можетъ быть, счастливѣе, чѣмъ эти суровые гладіаторы, которые такъ гордо идутъ навстрѣчу смерти".

Съ 1846 г., одно практическое дѣло увлекло Лассаля на цѣлыхъ 8 лѣтъ его жизни (1846—1854). Оно заключалось въ слѣдующемъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Парижъ Лассаль познакомился съ нѣкоею графиней Софіей Гацфельдъ. Угнетаемая мужемъ Софія Гацфельдъ принуждена была повести противъ мужа процессъ о выдѣлѣ ей части имущества. Но прусскіе суды подъ давленіемъ придворныхъ сферъ, въ которыхъ графъ былъ своимъ человѣкомъ, неоднократно рѣшали дѣло не въ пользу графини. Тронутый ея несчастьемъ, Лассаль бросился въ борьбу между этой высокопоставленной дамой и ея мужемъ. Въ своей рѣчи передъ судомъ ассизовъ, 11 авг. 1848 г., въ г. Дюссельдорфѣ онъ такъ объяснялъ мотивы, побудившіе его взяться за дѣло Гацфельдъ: „Семья молчала. Но сказано вѣдь: гдѣ молчатъ люди, тамъ говорятъ камни. Гдѣ оскорблены всѣ человѣческія права, гдѣ молчитъ самый голосъ крови, и человѣка оставляютъ безпомощнымъ его прирожденные защитники,— тамъ по праву возстаетъ первый и послѣдній родственникъ человѣка—человѣкъ".

Рѣчь Лассаля была превосходна; такой рѣчи никогда не слыхалъ судъ, такимъ языкомъ никто не говорилъ съ чиновниками этого почтеннаго учрежденія. Обвинялся онъ въ моральномъ соучастіи въ кражѣ шкатулки, въ томъ, что подговорилъ двухъ молодыхъ людей украсть у графа Гацфельдъ шкатулку, въ которой должны были находиться важные документы по дѣлу графини Гацфельдъ, которое велъ Лассаль.

„Въ этомъ процессѣ я увидѣлъ не частное дѣло, а воплощеніе общихъ принциповъ и общихъ основныхъ точекъ зрѣнія"—говорилъ Лассаль въ той же защитительной рѣчи, и изъ его словъ становится понятно—почему Лассаль съ

ЭБ "Научное наследие России"

такимъ упорствомъ и даже упрямствомъ велъ борьбу втеченіе столь долгаго времени. „Дѣло графини,—говоритъ одинъ біографъ,—сразу выбило молодого Лассаля изъ обыденной колеи, заставивъ его забыть всѣ его планы относительно ученой карьеры". Родители его были огорчены брошенною карьерою филолога, тѣмъ болѣе, что „такіе люди, какъ Бекъ и Александръ Гумбольдъ, предсказывали Лассалю блестящую будущность".

„Я понялъ,—говоритъ какъ бы о себѣ Лассаль,—
для чего родился
И для чего такъ крѣпко закаленъ,
Я былъ въ горнилѣ тяжкихъ испытаній;
Огнемъ забушевала кровь во мнѣ,
И бѣшено, съ какимъ то сладострастьемъ,
Я кинулся въ великую борьбу,
Какъ бѣшено волна стремится въ море,
Обрушивалъ на головы враговъ
Я громы грознаго негодованья,
Насмѣшки ѣдкимъ жаломъ ихъ язвилъ,
И при единодушномъ одобреньи
И громкомъ хохотѣ Европы всей,
Въ своихъ пародіяхъ неумолимо,
Я пригвождалъ къ позорному столбу
Ихъ жалкое ничтожество. Но вызвалъ
Я этимъ ненависти цѣлый міръ
И, въ рукопашной схваткѣ съ этимъ міромъ,
Борюсь я грудь о грудь на жизнь и смерть" [1]).

Въ 1848 г. мы видимъ 23-хъ лѣтняго Лассаля уже виднымъ дѣятелемъ крайней демократической (республиканской партіи въ Прирейнской Пруссіи.

Онъ сотрудничаетъ въ „Neue Rheinische Zeitung", редакторами которой были К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Сотрудничая въ газетѣ Маркса, Лассаль впервые началъ сближаться съ нимъ, и, естественно, что Марксъ оказалъ нѣкоторое вліяніе на Лассаля.

Вмѣстѣ съ партіей Маркса Лассаль принимаетъ активное участіе въ революціи. Онъ произноситъ цѣлый рядъ

[1]) Лассаль: Францъ фонъ-Зикингенъ. Переводъ А. и С. Криль. Спб 1873 г., стр. 130.

ЭБ "Научное наследие России"

рѣчей, призывая къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. 22-го ноября 1848 г. Лассаля арестовываютъ за рѣчь, произнесенную въ Нейссѣ.

Его защитительная рѣчь въ этомъ процессѣ представляетъ изъ себя въ высшей степени интересный документъ. Рѣчь эта, напечатанная до суда, не была имъ произнесена, такъ какъ судъ рѣшилъ дѣло вести при закрытыхъ дверяхъ, а Лассаль отказался говорить свою рѣчь при такой обстановкѣ. Рѣчь эта, какъ и всѣ его послѣдующія рѣчи представляютъ образецъ ораторскаго искусства.

„Необычайное знаніе — говоритъ справедливо Брандесъ [1])—соединяется тутъ съ вполнѣ современнымъ, строго логическимъ и строго дѣловымъ краснорѣчіемъ; между строкъ сквозитъ сдержанное одушевленіе и огонь, которые по временамъ вспыхиваютъ то тутъ то тамъ, неописуемая смѣлость натиска поддерживается непоколебимой стальной твердостью при всякомъ отраженіи и защитѣ; языкъ и стиль сами по себѣ—цѣлый типъ. Ни слѣда декламаціи. У автора черезчуръ много знанія и силы, чтобъ ему пришла охота декламировать. Но нѣтъ слѣда и научнаго балласта. Здѣсь выступаетъ въ бой тяжело вооруженный, но рѣдко кто такъ легко владѣлъ тяжелымъ оружіемъ“.

Весной 1862 г. Лассаль прочиталъ въ Берлинѣ три лекціи: „Философія Фихте“, „О сущности конституціи“ и „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“, которую онъ издалъ въ видѣ брошюры съ подзаголовкомъ: „Программа работниковъ“. Въ рѣчи „объ основной связи и т. д.“, какъ и въ другихъ рѣчахъ Лассаля, содержатся понужденія, призывы къ дѣйствію, къ активному выступленію.

„Высокая всемірно-историческая честь (такого) предназначенія должна преисполнять собою всѣ ваши помыслы,— говоритъ Лассаль въ „Программѣ работниковъ“ [2]), поднимая вопросъ о необходимости для рабочихъ сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества. Вы—скала, на которой созиждется церковь настоящаго“... „Вы уже достаточно испытали, чтобы знать что такое цезаризмъ. Поэтому

---

[1]) Г. Брандесъ, ibid, 9 стр.

[2]) Сочиненія Ф. Лассаля. Т. I. Изд. Н Глаголева. Спб. 1905, стр. 3.

ЭБ "Научное наследие России"

прочь новый компромиссъ! Ножъ къ горлу и колѣно на грудь!“. [1]).

Въ другой разъ онъ восклицаетъ: „Важнѣйшіе центры завоеваны, Лейпцигъ и фабричные округа Саксоніи за насъ. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ стали подъ наши знамена“...

„Прусскій Рейнъ выступаетъ впередъ полнымъ маршемъ! Если Берлинъ присоединится—движеніе станетъ непреодолимымъ...

„Захотите ли вы, рабочіе Берлина, принять на себя отвѣтственность въ томъ, что своимъ образомъ дѣйствій задержали это великое германское движеніе, тріумфъ нашего общаго дѣла? Захотите ли вы, рабочіе столицы, навлечь на себя упреки въ томъ, что вы, которые обязаны были шествовать впереди—послѣдними присоединились къ движенію?“.

„Удары палицы“, „смотръ“, „батальоны!“ — вотъ эпитеты и сравненія Лассаля Формулируя его настроеніе можно сказать:

Лассаль не хочетъ революціи, но она наступитъ; она наступитъ въ мірѣ, если во время и сверху хватитъ ума рѣшить то, что диктуетъ время. Если опоздать, то—сила прорвется среди всѣхъ „конвульсій насилья, съ дикоразвивающимися локонами, съ желѣзными сандаліями на ногахъ“.

Лассаль еще лѣтомъ 1862 г. въ Лондонѣ развивалъ Марксу свои планы относительно широкой агитаціи среди рабочихъ. Удобный случай скоро представился. 11 февр. 1863 г. онъ получилъ отъ комитета для созыва германскаго конгресса рабочихъ письмо въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Ваша брошюра объ особомъ соотношеніи въ развитіи современной исторической эпохи съ рабочимъ сословіемъ“ встрѣчена съ громаднымъ сочувствіемъ среди рабочихъ“. Такой же отзывъ далъ Центральный Комитетъ въ № 6 своей „Рабочей Газеты„ и на вышедшія къ тому времени памфлеты Лассаля.

„Въ засѣданіи 10 февраля—говорится далѣе,—исполнительный комитетъ постановилъ, обращаясь съ довѣріемъ къ Лассалю: „въ любой, вамъ кажущейся подходящей,

[1]) Лассаль. Собр. соч., рус. пер. Т. II, стр. 273.

формѣ изложить свои взгляды на средства развитія рабочей идеи и особенно на значеніе ассоціацій".

На это письмо Лассаль отвѣтилъ брошюрой отъ 1 марта 1863 года: „Гласный отвѣтъ центральному комитету, утвержденному для созыва обще-германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ".

Здѣсь Лассаль прежде всего возражаетъ Шульце-Деличу, утверждавшему, что рабочіе могутъ „обходиться" безъ собственной политической партіи, что рабочіе могутъ не интересоваться политикой. Лассаль, наоборотъ, говорилъ о томъ, что рабочіе не должны идти въ хвостѣ прогрессистовъ, голосъ ихъ долженъ раздаваться самостоятельно. Объ отношеніи же рабочихъ къ прогрессистамъ, Лассаль говоритъ слѣдующее [1]):

„Всегда сознавать себя и являться партіей самостоятельной и совершенно отдѣльной отъ партіи прогрессистовъ, поддерживать ее въ вопросахъ и пунктахъ общаго интереса, но рѣшительно отворачиваться отъ нея и итти противъ нея, какъ скоро она удаляется отъ интересовъ рабочаго сословія; такимъ образомъ, заставить ее или итти впередъ и превзойти свой нынѣшній уровень, или все глубже погружаться въ болото ничтожества и безсилія, въ которомъ она теперь погрязла уже по колѣна,—такова должна быть простая тактика германской рабочей партіи противъ партіи прогрессистовъ".

Организація рабочихъ въ политическую партію является, по мнѣнію Лассаля, исторической необходимостью

Переходя къ вопросу объ улучшеніи положенія рабочаго класса Лассаль находитъ, что „сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ—вотъ единственное средство устранить желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату [2]), а это возможно только при производительной ассоціаціи: „единственное средство уничтожить жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату, законъ, къ которому рабочее сословіе приковано, какъ къ лобному мѣсту, состоитъ въ поощреніи и развитіи свободныхъ индивидуальныхъ рабочихъ ассоціацій

---

[1]) Лассаль Собраніе сочиненій рус. пер Изд Н. Глаголева. Т. II, стр. 61.

[2]) Лассаль Собр. соч. рус. пер Т. II, стр. 73

Научное наследие России

государствомъ“ [1]). „Но какъ склонить государство къ этому вмѣшательству?“ — спрашиваетъ Лассаль и отвѣчаетъ [2]):

„ . . . и на этотъ вопросъ представляется ясный, какъ солнце, отвѣтъ—это возможно только при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Тогда только склоните вы государство выполнить свой долгъ, когда законодательныя собранія Германіи будутъ основаны на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ“.

Во всей той программѣ, которую Лассаль выставляетъ въ „Гласномъ отвѣтѣ“, чувствуется священное рвеніе, напоминающее рвеніе религіозныхъ новаторовъ,—пылкая инициатива, но въ то же время бросается въ глаза крайне слабая практическая сторона этой программы. Но всѣ недостатки этой программы объясняются и искупаются, какъ замѣтилъ еще Ланге [3]), вѣрою во всемірно-историческое значеніе даннаго момента и въ признаніе собственной личности. Здѣсь Лассаль, по справедливому замѣчанію Онкена [4]), „дѣйствовалъ гораздо болѣе, какъ политикъ, чѣмъ какъ соціальный теоретикъ и практикъ“.

Въ письмѣ къ своему дюссельдорфскому другу Леви Лассаль сравнивалъ свой отвѣтъ съ вюртембергскими тезисами Лютера, въ 1517 г. Результатомъ „Гласнаго отвѣта“ было то, что 23 мая 1863 г. въ Лейпцигѣ состоялось учредительное собраніе Общегерманскаго Рабочаго Союза, на которомъ присутствовали представители 11 городовъ.

Въ основу статута организуемаго Союза былъ положенъ принципъ централизаціи; президенту Союза принадлежала почти диктаторская власть, и такимъ президентомъ былъ на 5 лѣтъ избранъ Лассаль. Притокъ новыхъ членовъ въ Союзъ былъ очень невеликъ: черезъ три мѣсяца было всего 900 членовъ.

Желая привлечь новыхъ членовъ, Лассаль отправился въ агитаціонную поѣздку. Въ Барменѣ, Солингенѣ и Дюссельдорфѣ онъ произнесъ рѣчь, озаглавленную: „Праздне-

---

[1]) Ibid., стр. 83.

[2]) Ibid., стр. 83–84

[3]) См Ф. А. Ланге: Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Пер. съ 4-го нѣм. изд А. А. Блека съ пред. Р. И. Сементковскаго. 2-ое изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г., стр. 261.

[4]) Германъ Онкенъ: Лассаль какъ политическій дѣятель Пер. съ нѣм. А. Ивашкевичъ. Изд. О. Н Поповой. Спб. 1905, стр. 219.

ЭБ "Научное наследие России"

ства, пресса и франкфуртская палата депутатовъ; три симптома общественнаго настроенія". Его рѣчи и поѣздки были настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ по Германіи. Мощи и красотѣ слова Лассаля поклонялись всѣ, его разъ слышавшіе.

Но Лассалю было мало роли вождя „рабочихъ батальоновъ". Въ Солингенѣ съ нимъ произошла извѣстная исторія съ телеграммой Бисмарку. Во время рѣчи Лассаля довольно бурное собраніе, гдѣ говорилъ онъ, было распущено прогрессивнымъ бургомистромъ. Лассаль телеграфировалъ Бисмарку; „Прогрессивный бургомистръ, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ ружьями жандармовъ и нѣсколькихъ полицейскихъ съ обнаженными шашками, только что распустилъ безъ всякаго законнаго повода, созванное мною рабочее собраніе. Я тщетно протестовалъ, ссылаясь на законъ о союзахъ. Я едва удержалъ народъ—около 5.000 человѣкъ въ большой залѣ Стрѣлковаго общества и нѣсколько тысячъ внѣ ея стѣнъ—отъ насилія. Меня сопровождали на телеграфъ жандармы и десять тысячъ народа, которыя думали, что я арестованъ. Знамя эльберфельдскихъ рабочихъ конфисковано. Прошу о самомъ строгомъ, самомъ быстромъ законномъ удовлетвореніи". Этотъ безтактный, не демократическій поступокъ и сама телеграмма служатъ, по удачному замѣчанію Бернштейна [1]), показателемъ того, какъ сильно Лассаль начиналъ уже въ это время утрачивать чувство политическаго такта".

Этотъ обдуманный поступокъ имѣлъ цѣлью вызвать возбужденіе, онъ хотѣлъ подчеркнуть дѣйствія прогрессистовъ, а также свою роль въ начавшемся рабочемъ движеніи.

Лассаль все больше утрачивалъ „чувство политическаго такта", все больше становился на скользкій путь „дипломатическихъ средствъ" и дошелъ до того, что однажды уговаривалъ подать королю прошеніе о помилованіи трехъ рабочихъ, своихъ приверженцевъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію за то, что они будто бы нанесли раны ножами нѣсколькимъ фабрикантамъ, надоѣдливо кричавшимъ во время извѣстнаго собранія въ Солингенѣ [2]). Рабочіе отклонили это предложеніе. Подачей

[1]) Бернштейнъ, Э.: Лассаль, т. I, собр. соч. стр LXXVIII.

[2]) См. Онкенъ, стр. 325 тоже Гумпловичъ, Лассаль, стр. 35.

ЭБ "Научное наследие России"

рекомендуемаго адреса Лассаль хотѣлъ „показать правительству силу, чтобъ принудить его къ рѣшенію, которое болѣе всего было нужно ему самому“. Путь полученія всеобщаго избирательнаго права подъ давленіемъ рабочей партіи на правительство казался ему слишкомъ долгимъ. Онъ сближается съ Бисмаркомъ, надѣясь своимъ вліяніемъ на него укоротить этотъ путь

Онъ зналъ о намѣреніи Бисмарка ввести всеобщее избирательное право и потому-то онъ въ берлинской защитительной рѣчи сказалъ, что Бисмаркъ сыграетъ роль Роберта Пиля. „Къ счастью для добраго имени революціонера Лассаля, къ счастью для великаго дѣла выработки самосознанія нѣмецкихъ рабочихъ, которое онъ такъ хорошо началъ и которое онъ теперь коверкалъ, физическія силы Лассаля лѣтомъ 1864 года совершенно исчерпались“ [1]).

Хроническая болѣзнь горла требовала лѣченія, и Лассаль отправляется на горы, въ Ригикульмъ. Здѣсь онъ встрѣчается съ дочерью баварскаго дипломата Дёнигеса-Еленой, которую онъ зналъ еще въ Берлинѣ. Въ это время она была невѣстой румынскаго магната, Янко фонъ Раковица, но изъ-за Лассаля она отказывается отъ него. Вскорѣ Лассаль сдѣлалъ предложеніе ей и просилъ руки Елены у ея отца, но получилъ отказъ. Мы не будемъ приводить здѣсь данныя печальной дуэли Лассаля [2]). Результатъ ея— смерть, послѣдовавшая 31-го августа 1864 г.

Когда великаго человѣка не стало, члены Лассалевскаго Союза долго не хотѣли вѣрить, что ихъ вождь такъ безславно покончилъ свою жизнь; они твердо были убѣждены, что „убійство“ совершено на политической подкладкѣ. Въ своемъ завѣщаніи. Лассаль рекомендовалъ Союзу въ свои преемники Бернгарда Беккера; Союзу же онъ оставилъ 500 талеровъ ежегодной ренты. Похороненъ

---

[1]) Гумпловичъ, В. Лассаль Изд. „Лучъ“. Спб. 1906, стр 35.

[2]) Въ письмѣ къ К Марксу (1858 г.) Лассаль говоритъ о дуэли „..я считаю дуэль безсмысленной окаменѣлостью уже пройденной культурной степени не только на основаніи моихъ собственныхъ принциповъ, но я всегда думалъ, и думалъ бы также твердо и теперь, если бы дѣло шло не обо мнѣ самомъ, что она исключается именно принципами демократической партіи“ Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Изд. „Литерат. Дѣло“. Спб. 1905, стр. 117

ЭБ "Научное наследие России"

Лассаль на еврейскомъ кладбищѣ въ Бреславлѣ. На могилѣ его имѣется эпитафія знаменитаго знатока классической филологіи, Августа Бекка (Boeckh): „Hier ruht was sterblich war von Lassalle, dem Denker und Kämpfer".

„Смерть—говоритъ Бернштейнъ [1])—вернула Лассаля рабочему движенію".

Его имя стало знаменемъ, такъ какъ онъ первый сломилъ пламенемъ слова ледъ политическаго индифферентизма рабочихъ массъ. Оцѣнки и характеристики Лассаля разнообразны. Французъ Э. де-Лавеле говоритъ: „Ф. Лассаля его приверженцы считаютъ мессіей соціализма. При его жизни они его слушали, какъ оракула; а по смерти чтили, какъ полубога. Онъ для нихъ предметъ настоящаго культа: въ 1874 г. они праздновали десятилѣтнюю годовщину его смерти такими церемоніями, которыя казались богослуженіемъ новой религіи. Они даже дерзаютъ сравнивать его съ Христомъ и вѣрятъ, что его доктрины такъ же пересоздадутъ настоящее общество, какъ христіанство обновило древнее общество".

„Лассаль, — говоритъ другой писатель, Фридрихъ Альбертъ Ланге, — [2]) былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя почерпаютъ вдохновеніе къ активному вмѣшательству въ окружающую жизнь не въ слѣпой вѣрѣ въ маленькую, сравнительно близкую цѣль, а въ идеальномъ радикализмѣ; а это возможно конечно лишь въ томъ случаѣ, когда такая голова вѣритъ съ наивной страстностью истиннаго пророка во всемірно-историческое значеніе даннаго момента и въ призваніе своей собственной личности".

„Его партія—говорилъ Ланге передъ этимъ [3]) — „выступила съ пылкой иниціативой, со священнымъ рвеніемъ, напоминающимъ беззавѣтность религіозныхъ новаторовъ, — но съ поразительно мизерной и двусмысленной программой. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ предполагать, что Лассаль весь высказался въ своей программѣ"...

Нашъ писатель, П. Б. Струве говоритъ: „Не докторъ

---

[1]) Бернштейнъ, Э. Ф.: Лассаль. Собр. соч. Лассаля. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. CXI.

[2]) Ланге, Ф. А: Рабочій вопросъ. Спб. 1895 Изд Павленкова, стр. 261.

[3]) Ланге, Ф: Рабочій вопросъ, рус пер., стр. 262.

ЭБ "Научное наследие России"

философіи или права, не профессоръ, не академикъ — и одинъ изъ ученѣйшихъ философовъ и юристовъ своего времени. Не министръ, не членъ парламента — и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей эпохи, значеніе котораго не умерло вмѣстѣ съ нимъ, но росло послѣ смерти и выросло въ огромную общественную силу“ [1]).

Любопытна характеристика Лассаля, сдѣланная проф. Августомъ Онкеномъ [2]). „Въ жизни Лассаля... политическія и научныя стремленія постоянно смѣняли или, скорѣе, отставали другъ друга, и то единство мышленія и бытія, которое установилъ Гегель, казалось, воплощалось въ стремленіяхъ ученика, когда онъ то брался за чистую науку, чтобы при ея посредствѣ вліять на политику, то пытался осуществить въ политикѣ постулаты науки. Такова была жизненная идея Лассаля, исходя изъ которой только и можно понять связь между различными фазами его дѣятельности“.

Это необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи философіи Лассаля. Всѣ труды Лассаля проникнуты философскимъ духомъ, какъ его труды по философіи, такъ и всѣ другія.

Лассаль — идеалистъ-гегельянецъ; но, недовольствуясь Гегелемъ, онъ задумываетъ „полную реформацію“ его, но въ духѣ его основъ и по его методу. Этого Лассаль не выполнилъ.

Въ „Гераклитѣ“ Лассаль говоритъ, что въ настоящее время нельзя „понимать и излагать исторію философіи въ видѣ изолированной дисциплины“.

Брандесъ объ этомъ требованіи историческаго изложенія говоритъ такъ: „Однако такое настойчивое требованіе историческаго изложенія можетъ заставить насъ считать точку зрѣнія Лассаля въ указанномъ сочиненіи менѣе гегельянской и болѣе новой, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Предисловіе, въ которомъ такъ сильно подчеркивается эта историчность, написано несомнѣнно послѣ всей книги. Въ остальныхъ частяхъ точка зрѣнія — чисто мета-

---

[1]) Петръ Струве: Въ сборникѣ статей. „На разныя темы“ Спб 1902, стр. 259.

[2]) Германъ Онкенъ: Ф. Лассаль. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905, стр. 129.

ЭБ "Научное наследие России"

физическая“ [1]). Далѣе онъ же говоритъ [2]): „... Я не хочу сказать, что Лассаль не понялъ Гераклита. Гегелевско-метафизическій методъ и годился именно тамъ, гдѣ нужно было понять мыслителя, сила и оригинальность котораго лежатъ въ діалектикѣ, граничащей съ софистикой“. И въ другомъ мѣстѣ: „если, такимъ образомъ, Лассаль пользуется чисто гегелевскимъ методомъ въ своемъ историко-философскомъ изслѣдованіи, то, съ другой стороны, послѣднее, очевидно, интересовало его главнымъ образомъ потому, что онъ видѣлъ въ Гераклитѣ предтечу своего учителя“. Лассаль — порожденіе нѣмецкой идеалистической философіи; онъ не только побывалъ въ школѣ Канта, Фихте и Гегеля, какъ Марксъ и Энгельсъ, ушедшіе въ матеріализмъ. Въ немъ этотъ духъ былъ живъ до конца его бурной дѣятельности. „Этотъ духъ съ необыкновенной силой отразился на его соціально-философскомъ міросозерцаніи“.

Въ рѣчи о Фихте Лассаль говоритъ, что этотъ духъ— есть „священное Вестово пламя метафизическаго мышленія,—пламя, съ которымъ несмотря на его метафизическую сверхъ чувственность, точно такъ же, какъ съ огнемъ римскихъ весталокъ, неразрывно связаны земныя судьбы нѣмецкой націи“. Этимъ идеалистическимъ пламенемъ и питается его политическій пафосъ, оно сказывается въ лиризмѣ его рѣчей.

Специфическое гегельянство—тоже нашло себѣ мѣсто. Напримѣръ, въ анализѣ отношеній труда и капитала.

1) Тезисъ. Средніе вѣка первую роль играетъ — трудъ; со времени французской революціи — наступаетъ новая эпоха, т. е.

2) Антитезисъ, — когда первую роль играетъ капиталъ; наконецъ идетъ

3) Синтезъ—новая историческая эпоха: трудъ опять пріобрѣтаетъ значеніе, но съ подчиненіемъ себѣ капитала.

„Система пріобрѣтенныхъ правъ“ — оригинальное и самое систематическое сочиненіе Лассаля. „Цѣлью всего

---

[1]) и [2]) Г. Брандесъ, Литературные портреты, рус. пер., стр. 45—46 и 46—47.

[3]) Брандесъ. ibid, стр. 48.

ЭБ "Научное наследие России"

сочиненія является уничтоженіе пропасти между догматической и исторической разработкой права“ [1]).

„Наше время стремится выработать себѣ новое соціально-политическое мировоззрѣніе; задача „системы пріобрѣтенныхъ правъ“ — раскрыть основную его идею Только плоскій буржуазный либерализмъ отдѣляетъ въ гражданскомъ правѣ соціальный элементъ отъ политическаго, тогда какъ оба эти элемента составляютъ одно неразрывное цѣлое (основная мысль Л.: „въ соединеніи политики и экономіи— моя главная сила“, писалъ онъ Родбертусу)“ [2]).

„Въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замѣчаетъ и разъясняетъ, что обычное словоупотребленіе, отожествляющее буржуазный либерализмъ съ индивидуализмомъ, рѣшительно не мирится съ буржуазными принципами и учрежденіями“ [3]).

Лассаль въ письмѣ къ Дункеру — своему издателю и другу — говоритъ „я вообще пытался создать то, чего до сихъ поръ не хватало, и недостатокъ чего былъ особенно чувствителенъ, т. е. я хотѣлъ создать оплотъ для революціи и соціализма въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ изъ научной юридической системы“ [4]) и [5]).

Политическіе взгляды Лассаля лучше всего характеризуются, его словами, обращенными къ рабочимъ: „Всеоб-

---

[1]) Брандесъ. Литер. портреты, рус. пер. стр. 103

[2]) Лассаль—ст. П. Струве въ Энцикл. Слов. Брокгауза. Томъ XVII, стр. 363.

[3]) Петръ Струве. На разныя темы, стр. 265.

[4]) Ав Онкенъ, Лассаль, рус. пер. стр. 133—134.

[5]) О „системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“. Плеперъ говоритъ: „Das Buch Lassalle's kann mit vollem Recht Anspruch auf den Namen einer wissenschaftlichen Leistung machen. Seine civilistische Gelehrsamkeit ist zum mindesten auf dem Durchschnittsniveau der strengen juristischen Litteratur, sein Scharfsinn in der Interpretation einzelner Stellen ist oft ungewohnlich, so bleibt als sein angeblicher Hauptfehler eben nur die philosophische Construction zuruck, welche Leben und Bewegung in das ermudende Gleichmass der Pandektenstellen bringen will Und nutzt denn das scharfsinnige Ausdenken eines grundlegenden Gedankens durch alle Einzelcombinationen hindurch der Wissenschaft nichts“. Продолжаетъ онъ: „Solche Versuche müssen immer wieder erneuert werden, um eine von Detail strotzende Wissenschaft guttig aufzustufteln und sie vor der Gefahr einer blossen Summierung angehaufter Kenntnisse zu bewahren“. Ernst von Plener: Ferdinand Lassale. Leipzig, 1884 г, тр. 29.

ЭБ "Научное наследие России"

щее и прямое избирательное право — это не только вашъ политическій, но и вашъ основной соціальный принципъ. основное условіе всякаго соціальнаго улучшенія". Вообще же Лассаль республиканецъ; государственникъ и противникъ федеративнаго начала.

Свой политическій идеалъ онъ формулировалъ въ письмѣ къ Родбертусу: „Grossdeutschland moins les dynasties", т. е. объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель, не исключая и земель австрійской короны въ единую республику.

Но Лассаль не сторонникъ прусской гегемоніи и не шовинистъ, какъ его хотѣли представить. Въ 1859 г., въ своей брошюрѣ „Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens" — Лассаль предвидитъ печальныя послѣдствія будущаго. Онъ говоритъ:

„Доброе согласіе — никогда не было болѣе своевременно, чѣмъ теперь, въ моментъ возрожденія французодѣства возвѣстить это всякому, кто хоть сколько-нибудь можетъ обозрѣть ходъ европейской культуры — доброе согласіе между двумя великими культурными народами, нѣмцами и французами — это пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ всякая политическая свобода, весь прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, всякое умноженіе и осуществленіе идейной жизни (der geistigen Ideenmasse), словомъ, все развитіе демократіи и тѣмъ самымъ культурное развитіе вообще. Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи — онъ есть жизненный вопросъ всей европейской демократіи". И далѣе: „Такая война будетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, самой огромной... по своимъ послѣдствіямъ побѣдой, одержанной реакціоннымъ принципомъ съ марта 1848 года" [1]).

Въ своихъ рѣчахъ „О сущности конституціи" и „Что же дальше?" Лассаль считаетъ основою государственныхъ учрежденій, — истинною конституціею — соотношеніе реальныхъ общественныхъ силъ. Эту реалистическую точку зрѣнія Лассаль противопоставляетъ чисто юридической, которую выставляли либералы. Во время конфликта съ правительствомъ Лассаль рекомендовалъ парла-

---

[1]) Цитируемъ переводъ, сдѣланный П. Струве въ статьѣ: „Еще о Лассалѣ". „На разныя темы", стр. 274—275.

ЭБ "Научное наследие России"

менту не собираться и тѣмъ вынудить правительство сбросить „конституціонную маску“.

Соціальная философія Лассаля менѣе оригинальна. Здѣсь высказывается безспорное вліяніе Лоренца Штейна и К. Маркса. Въ „Arbeiterprogramm“ (1862 г.) Лассаль намѣчаетъ, согласно съ Марксомъ. историческій процессъ смѣны феодально-средневѣковаго строя современнымъ капиталистическимъ. Историко-философское обоснованіе этому давало гегельянство. Въ качествѣ гегельянца онъ могъ воскликнуть: „Каждую строчку, которую я пишу, — я пишу, во всеоружіе современной науки“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно гегелевскому ученію о государствѣ, Лассаль полагаетъ, что рабочій классъ — носитель чистой идеи государства, какъ нравственнаго единства индивидуумовъ, воспитывающаго человѣчество для свободы. Исторія, по Лассалю, „совершающійся съ внутреннею необходимостью непрерывный процессъ развитія разума и свободы“. Здѣсь сказывается сходство въ воззрѣніяхъ съ повліявшимъ на Лассаля Лоренцемъ фонъ-Штейномъ.

Нѣкоторые говорятъ даже о заимствованіи, но какъ справедливо замѣтилъ Германъ Онкенъ [1]), „заподозрить оригинальность мышленія Лассаля можно только въ его идеяхъ и ихъ проведеніи, но не въ самой ихъ сущности“ [2]).

„Исторія, — говоритъ Лассаль, — есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсильемъ и, слѣдовательно, со всяческой неволей, въ которой мы находились, когда родъ человѣческій зачиналъ свою исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ собою исторія. Мы никогда не сдѣлали бы ни одного шага впередъ въ этой борьбѣ и не сдѣлаемъ его, если бы вели или стали вести ее каждый самъ по себѣ, каждый по одиночкѣ.

Назначеніемъ государства и является совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго въ направленіи къ свободѣ.

Государство есть такое единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны разъ силы всѣхъ отдѣльныхъ личностей, вхо-

[1]) Г. Онкенъ. Лассаль, стр. 180.

[2]) Лассаль: Собр. соч. Изд. Н. Глаголева Т I, стр. 31—32.

ЭБ "Научное наследие России"

дящихъ въ это единеніе, безконечно увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идеѣ, человѣкъ будто бы обладаетъ уже при своемъ вступленіи въ государство; нѣтъ, цѣль государства, наоборотъ, въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ ступеней существованія, какія никогда недостижимы для отдѣльной личности, дать имъ возможность пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, какая была бы немыслима для отдѣльной личности.

Итакъ, цѣль государства — положительно развивать и неустанно совершенствовать человѣческое существо; другими словами, — осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; цѣль государства — воспитаніе и развитіе человѣчества въ направленіи къ свободѣ".

„Съ самой ранней юности въ идеѣ государства для Лассаля воплощались и мораль, и право, и разумъ. Всѣ его сочиненія проникнуты увлеченіемъ этой идеей, вѣрой въ миссію государства, не только какъ защитника, но и ревнителя права и культуры". Но это не былъ „культъ государства", которому (культу) Лассаль противополагалъ реалистическое пониманіе государства, какъ организаціи мѣняющихся въ своемъ господствѣ классовыхъ интересовъ. Но это реальное пониманіе конкретнаго соціальнаго содержанія государства нельзя противопоставлять этическому пониманію государства, какъ морально-общественнаго начала.

„Побѣда коллективнаго сознанія надъ слѣпыми и стихійными силами природы — таковы, по Лассалю, задачи государства.

Это будетъ не поглощеніе личности Левіафаномъ — государствомъ, а освобожденіе личности отъ естественныхъ и историческихъ узъ. Лассалевское пониманіе государства оказываетъ вліяніе и на академическую науку. Такъ, катедеръ-соціалисты раздѣляютъ взглядъ Лассаля на государства и его протестъ противъ манчестерства.

ЭБ "Научное наследие России"

Интересны также его взгляды на роль 4-го сословія.

Лассаль утверждалъ, что съ 1848 г наступаетъ новая эпоха, гдѣ руководящую роль должно пріобрѣсти 4-е сословіе. „Четвертое сословіе! Сколько копій поломано въ спорахъ объ этомъ понятіи! Его старались отрицать, изгнать, опровергнуть, все напрасно! Четвертое сословіе фактически существуетъ, и нѣтъ той силы, которая могла бы снова стереть его съ лица земли и помѣшать ему добиться своихъ правъ". „Организація этого сословія при содѣйствіи государства" — вотъ задача времени.

Но такое рѣшеніе соціальнаго вопроса не ново Такое же философское и историческое обоснованіе давалъ уже Луи Бланъ. Въ практическихъ предложеніяхъ они одинаковы. Но Лассаль глубже, онъ болѣе соціалистъ; онъ занятъ и основною проблемою соціализма — доходомъ, получаемымъ безъ труда. Помимо Луи Блана Лассаль заимствуетъ свои воззрѣнія у Карла Маркса, Прудона, Родбертуса — иногда безъ всякихъ указаній. Мы знаемъ также что программа Лассаля представляетъ собою расширеніе идей Луи Блана

Программа, предложенная Лассалемъ сводится къ слѣдующему: „При современныхъ условіяхъ, когда ремесло все болѣе и болѣе вытѣсняется крупнымъ производствомъ, единственное средство поднять рабочихъ, какъ производителей — это сдѣлать ихъ своими собственными предпринимателями и уничтожить различіе между предпринимательской прибылью и заработной платой, замѣнивъ послѣднюю дѣйствительнымъ продуктомъ труда рабочаго. Для этой цѣли необходимо учрежденіе свободныхъ производительныхъ ассоціацій рабочихъ съ государственнымъ кредитомъ и подъ контролемъ государства Только такимъ путемъ возможно будетъ освободить рабочихъ отъ гнета желѣзнаго закона заработной платы".

Самъ Лассаль смотрѣлъ на производительныя ассоціаціи, какъ на переходную мѣру. Въ письмѣ къ Родбертусу— 26 мая 1863 г.—онъ писалъ: „Моя совѣсть, какъ теоретика, никогда не позволила бы мнѣ говорить о „разрѣшеніи соціальнаго вопроса" посредствомъ ассоціацій. Здѣсь дѣло идетъ только о практической переходной мѣрѣ, а не о теоретическомъ принципіальномъ окончательномъ разрѣшеніи

ЭБ "Научное наследие России"

вопроса,—разрѣшенія котораго вы даже сами ожидаете лишь по прошествіи 500 лѣтъ. Но мнѣ кажется неоспоримымъ, что это разрѣшеніе наступитъ постепенно, если будутъ существовать ассоціаціи, и оно удивительно облегчится при этомъ"...

Свои идеи онъ обосновалъ въ блестящей полемикѣ противъ Шульце-Делича. Противъ производительныхъ ассоціацій Лассаля послѣдователи Маркса приводили тотъ справедливый аргументъ, что при существованіи свободной конкуренціи и вообще капиталистическаго строя они обречены на капиталистическое вырожденіе

Тоже говоритъ и Родбертусъ, давая юридическую формулировку этому возраженію; осуществленіе плана Лассаля „поведетъ къ самому рѣзкому развитію корпоративной (а не коллективной) собственности на орудія производства, которая измѣнитъ только личный составъ имущихъ и будетъ въ тысячу разъ болѣе ненавистной, чѣмъ современная собственность".

Обычно связываютъ имя Лассаля,—и это главное, что сохранилось о немъ понынѣ въ широкихъ слояхъ—съ такъ назыв. желѣзнымъ закономъ заработной платы.

Лассаль возродилъ конструкцію идей Тюрго-Рикардо въ своемъ „желѣзномъ законѣ". Формулировка Лассалемъ его теоріи заработной платы сдѣлана имъ въ знаменитомъ „Гласномъ Отвѣтѣ", въ его великолѣпномъ интермеццо къ рабочей агитаціи. Вотъ его подлинныя слова [1]): „При теперешнихъ отношеніяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія труда, рабочую плату опредѣляетъ слѣдующій желѣзный законъ: средній размѣръ заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, какъ маятникъ, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже". Далѣе Лассаль опредѣляетъ и условія дѣйствія закона, если плата въ дѣйствительности подымется или опустится.

Относительно случаевъ подъема онъ говоритъ, что заработная плата „не можетъ надолго подняться выше этого

---

[1]) Собр. соч. Лассаля. рус. пер. Т. II, стр. 67.

© "Научное наследие России"

средняго размѣра, потому что тогда, вслѣдствіе улучшенія положенія рабочихъ, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размноженіе, рабочее населеніе умножилось бы и, такимъ образомъ, увеличилось бы предложеніе рукъ, что низвело бы рабочую плату къ прежнему размѣру или ниже".

Относительно случаевъ обратныхъ, т. е. опусканія, Лассаль говоритъ: „заработная плата не можетъ долго продержаться и ниже размѣра, безусловно необходимаго для существованія, потому что тогда наступаютъ выселенія, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, уменьшеніе числа рабочихъ посредствомъ нищеты, что ослабляетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому низводитъ заработную плату до прежняго размѣра".

„Слѣдовательно,—заключаетъ Лассаль — дѣйствительный средній размѣръ заработной платы состоитъ въ безпрестанномъ колебаніи вокругъ этого центра тяжести ея, причемъ она то возвышается (періодъ благоденствія во всѣхъ или нѣкоторыхъ отрасляхъ труда), то падаетъ (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ)". Лассаль никогда не приписывалъ себѣ чести „открытія" желѣзнаго закона заработной платы, теоріи задолго до него формулированной, намѣчавшейся еще задолго и до Рикардо, а именно съ XVII вѣка.

Лассаль самъ на это указалъ въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ" [1]).

„Законъ этотъ открытъ и доказанъ именно либеральной экономической школой". И нѣсколько далѣе:— „въ либеральной школѣ нѣтъ ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сей, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль—всѣ сходятся въ признаніи его". Теорія, слѣдовательно, и по Лассалю, не нова, но Лассаль выдвинулъ ее, снабдивъ боевымъ эпитетомъ и универсалировалъ ее [2]).

„Экономическіе принципы Лассаля не оригинальны.

---

[1]) Собр. соч Лассаля. Т. II, стр 68.

[2]) „Лассаль первый,—говоритъ Эд Бернштейнъ,—употребилъ выраженіе „желѣзный" въ приложеніи къ этому закону И не только одно выраженіе для него съ этимъ выраженіемъ связывалось понятіе о неизмѣнномъ, абсолютно дѣйствующемъ". Къ „вопросу о желѣзномъ законѣ заработной платы". Русск. пер. Спб 1902 г., стр. 7.

35 "Научное наследие России"

Они заимствованы частью изъ классической школы (англійской), частью у соціалистовъ Маркса, Родбертуса и Прудона. Онъ не является послѣдователемъ кого-либо изъ нихъ, а заимствуетъ у всѣхъ чисто эклектически. Воззрѣнія на деньги и значеніе рабочаго времени заимствованы имъ, по его же признанію, у Маркса". (Diehl, K.).

„Между Лассалемъ и Марксомъ полная противоположность, Лассаль—идеалистиченъ, національненъ, государственный соціалистъ, Марксъ—матеріалистиченъ, интернаціоналенъ и противъ государственнаго соціализма. Марксъ критикуетъ Лассаля въ письмѣ къ Браке Научный соціализмъ не признаетъ Лассаля, но роль его въ исторіи нѣмецкаго соціализма громадна". (См. Diehl, K.: Lassale).

Главное значеніе Лассаля въ томъ, что онъ двинулъ впередъ нѣмецкое рабочее движеніе, положилъ начало организаціи рабочихъ. какъ самостоятельной политической партіи, давъ ей ясную программу. Диль говоритъ: „Лассаль вызвалъ рабочее движеніе; обсужденіе соціальныхъ вопросовъ онъ сдѣлалъ достояніемъ массы; онъ популяризируетъ воззрѣнія соціалистовъ. Лассаль разоблачилъ ошибки манчестерской школы и выдвинулъ значеніе государства въ хозяйственныхъ вопросахъ". „Основныя соціально-политическія положенія и требованія Лассалевской агитаціи до послѣдняго времени.. составляли интегральную часть программы германской соціалъ-демократіи. Только на эрфуртскомъ конгрессѣ, въ 1891 г. окончательно восторжествовала доктрина Маркса".

Эрфуртская программа уже не содержитъ никакихъ элементовъ лассальянства. Отнынѣ—уже господствуетъ новая формула: рабочій вопросъ—вопросъ и политическій и соціальный.

Первый писавшій о Лассалѣ въ Россіи—Яковъ Ватсонъ (†). Въ его „Этюдахъ и очеркахъ по общественнымъ вопросамъ" (Спб. 1892 г.) имѣется статья, написанная въ сентябрѣ и напечатанная въ одномъ изъ журналовъ осенью 1863 г., „Объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи". Въ этой статьѣ отразилось настроеніе того времени.

Противопоставляя двѣ системы содѣйствія рабочему классу—основанной на идеѣ самопомощи (Шульце-Деличъ), и на идеѣ государственнаго вмѣшательства (Лассаль), Ватсонъ говоритъ, что въ лицѣ Лассаля послѣдняя идея тер-

ЭБ "Научное наследие России"

питъ пока фіаско. „Въ настоящее время,—замѣчаетъ тотъ же авторъ далѣе,—перевѣсъ находится повидимому на сторонѣ системы Шульце-Делича, но объ этомъ дѣлѣ нельзя еще сказать послѣдняго слова“ [1]).

Другая точка зрѣнія на Лассаля появилась много позднѣе, она выражена въ статьѣ Струве „Еще о Лассалѣ“, въ которой онъ горячо защищаетъ Лассаля. [2]): „Ошибки Лассаля въ области экономической науки совсѣмъ обезврежены и похоронены исторіею. И потому съ особенною яркостью выступаетъ его неумирающая заслуга, тотъ идеалистическій духъ, въ которомъ онъ понималъ соціальную проблему. сліяніе ея воедино съ самыми завѣтными и дерзновенными запросами практической и теоретической мысли.

Лассаль навсегда останется замѣчательно цѣльнымъ и чарующимъ—живымъ воплощеніемъ въ одной могучей индивидуальности самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма. У него были почти всѣ сильныя стороны реалиста Маркса, и въ то-же время онъ, дѣйствительно, унаслѣдовалъ духъ философскаго идеализма Канта, Фихте и Гегеля, а не отказался отъ него, какъ Марксъ, въ пользу матеріализма и эволюціонно-историческаго позитивизма“.

Бернштейнъ недавно закончилъ свою, пріобрѣвшую такую широкую извѣстность, книгу призывомъ: „Назадъ къ Ланге!“

Мы очень высоко цѣнимъ личность, критическій духъ и историческія заслуги автора „Рабочаго вопроса“. Но мы думаемъ, что возвращеніе къ нему можетъ дать лишь очень мало для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е. въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ. Въ поискахъ духовнаго маяка достаточно высокаго и яркаго, взоръ сторонниковъ соціальнаго идеализма, къ Ф. Лассалю. „Къ діалистическимъ“ и инымъ убѣжденнымъ „матеріалистамъ“ мы обратились бы поэтому съ призывомъ: „Назадъ къ Лассалю!“ Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и еще дальше и больше—къ Фихте. Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, кото-

---

[1]) Ватсонъ: Этюды и Очерки, Спб 1892, стр. 142.

[2]) П Струве · На разные темы, стр 265.

ЭБ "Научное наследие России"

рую можно ставить „вверхъ ногами“, которая можетъ быть сгибаема и на матеріалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу. Каково оно,—объ этомъ совершенно явственно и достаточно говорятъ историческія фигуры Фихте и Лассаля.

А) Сочиненія Ф Лассаля:

1 Meine Assisenrede, gehalten vor den Geschworenen zu Dusseldorf am 3 V 1849 gegen die Anlage, die Burger zur Bewaffnung gegen die konigliche Gewalt aufgereizt zu haben. Дюссельдорфъ. 1849.

2 Die Philosophie Heraclites des Dunkeln von Ephesos. Берлинъ. 1857

3 Franz von Sickingen Берлинъ 1859.

4. Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens Берлинъ 1859 г.

5 Fichtes politisches Vermachtnis und die neueste Gegenwart. Гамбургъ 1860

6 Gotthold Ephraim Lessing. Гамбургъ 1861.

7 System der erworbenen Rechte. Лейпцигъ 1861, 1880.

8 Die Philosophie Fichtes und die Bedeutung des deutschen Volksgeistes. Берлинъ 1862

9 Ueber Verfassungswesen. Берлинъ 1862.

10 Arbeiterprogramm Берлинъ 1862.

11. Was nun? Zweiter Vortrag uber Verfassungswesen Цюрихъ 1863 г

12. Macht und Recht. Цюрихъ 1863.

13. Die Wissenschaft und die Arbeiter. Цюрихъ 1863.

14. Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen. Цюрихъ 1863.

15. Offenes Antwortschreiben an das Generalkomitee zur Berufung eines Allg. Deutschen Arbeiterkongresses zu Leipzig. Цюрихъ 1863.

16. Zur Arbeiterfrage Lassales Rede am 16. IV. 1863.

17. Arbeiterlesebuch. Франкфуртъ на М. 1863.

18. An die Arbeiter Berlins. Берлинъ 1863.

19. Herr Bastiat-Shulze von Delitzsch, der okonomische Julian Берлинъ 1864

20. Die Agitation des Allg. Deutschen Arbeitervereins und das Versprechen des Konigs von Preussen Берлинъ 1864

21 Der Hochverratsprozess wider Ferdinand Lassalle vor dem Staatsgerichtshofe zu Berlin am 12. III 1864. Берлинъ 1864.

22. Der Prozess wider Ferdinand Lassalle vor der korrektionellen Appellkammer zu Dusseldorf am 27. VI 63. Франкфуртъ на М 1866 Нью Іоркъ 1882. Лейпцигъ 1891—92.

ЭБ "Научное наследие России"

Б) Собранія рѣчей и прозведеній Лассаля·

1. Изд. Georg. Hotschick Нью-Іоркъ 1882

2 Изд. Германской Соц.-Демокр Рабочей Партіи. Самое полное и лучшее Съ біографическимъ очеркомъ Бернштейна. Берлинъ. 1892 На русскомъ языкѣ сочиненія Лассаля появились въ рядѣ переводовъ.

3) Лассаль, Ф. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. „Современникъ“ 1865 г, книга 9.

4) Лассаль· Сочиненія Перев. Зайцева, т. I. Спб. 1870, теперь рѣдкость; т II Спб 1871 (сожженъ цензурою).

5) Лассаль: Францъ фонъ-Зикингенъ Пер. А и С Криль. Спб. 1873.

6) Дневникъ Былъ напечатанъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и отдѣльно въ изд Б Н Звонарева. Спб. 1901 г

7) Сочиненія. 3 тома, Пер подъ ред I Давыдова. Изд. Н. Глаголева Спб 1905

С) О Фердинандѣ Лассалѣ и его воззрѣніяхъ писали

1. Hieronymus Herostrat-Lassalle, der ökonom. Kronpratendent 1864.

2. Oberwinder: Lassalles Leben und Wirken. Ein Vortrag gehalten am 26. I 68. Wien. Pischers Wittwe Вѣна 1868.

3 Würzbach: F. Lassalle Вѣна 1871 Zeitgenossen 3 книга.

4. Jager: Der moderne Socialismus Берлинъ 1873.

5. Becker, B.: Geschichte der Arbeiteragitation F. Lassalles. Брауншвейгъ. 1874—75.

6. Brandes· F. Lassalle. Ein literarisches Charakterbild. Берлинъ 1877, 2-ое изд Лейпцигъ 1889. 4 изд 1900.

7. Solnzew: Eine Liebesepisode aus dem Leben F. Lassalles. Лейпцигъ 1878

8. Lassalles Briefe an Rotbertus-Jagetzow. Mit einer Einleitung von Ad. Wagner. Puttkammer. Берлинъ 1878.

9. Mehring, F.: Die deutsche Socialdemokratie. 3-е изд. Бременъ 1879

10. Kutschbach: Lassalles Tod. Хемницъ 1880

11. Rotbertus: Briefe und Aufsatze Изд. Р. Мейера. Берлинъ 1880.

12. Kutschbach: Sophie Solnzew u F. Lassale. Берлинъ 1881.

13 Meyer, R: Der Emancipationskampf des 4. Standes. 2-е изд. Берлинъ 1881

14. Lindau: Lassalles letzte Rede. Бреславль 1882.

15. Auberg, A: Ferdinand Lassalle. 1883.

16 Plener, V.: F Lassalle. Лейпцигъ 1884.

17. Laveleye: Le socialisme contemporain. 2-ое изд Парижъ 1884.

18. Kutschbach: Lassalles Leiden. Берлинъ 1887.

19. Lenbach, F v: Lassalles Leben. Берлинъ 1887.

20. Becker, B. Enthullung über das tragische Lebensende F. Lassalle. Шлеицъ 1888—1892.

35 "Научное наследие России"

21. Vogler: F. Lassalle. Sein Leben u. Wirken. Bibliothek d. menschl Wissens Dresden 1888—90.

22 Kohut F. Lassalle Sein Leben u. Wirken. Лейпцигъ 1889

23 Kegel: F. Lassalle Штуттгартъ 1889.

24. Menger, A.: Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 2-ое изд. Штутгартъ 1891.

25. Marx, K: Критика готской программы. Neue Zeit 1891. № 18.

26. Kennard F Lassalle въ Nineteenth Century 1891, X.

27 Lassalles Briefe an Hans von Bulow Дрезденъ 1893

28 Mayer, G: Lassalle. als Socialokonom. Берлинъ 1894

29. Brandt, L O: Lassalles socialist Anschuungen und prakt. Vorschlage Iena 1895

30. Marx, K Ein Brief an J. B. v. Sweizer über Lassalleanismus u Gewerkschaftskampfe Neue Zeit 1896—97.

31 Lange: Die Arbeiterfrage. 1895.

32 Andler Ch· Les origines du socialisme d'Etat en Allemagne. Парижъ 1897.

33. Herkner Die Arbeiterfrage 2 oe изд Берлинъ 1897

34 Mehring.: Die deutsche Social-demokratie. Штутгартъ 1897·

35 Sombart Socialismus und soc. Bewegung. 2-ое изд Iена, 1900.

36. Rakowitza, geb. v. Donniges: Meine Beziehungen zu Lassalle Много изданій.

37. Griegorowicz, Tatiana: Lassalle und Marx.

D) По-русски о Фердинандѣ Лассалѣ писали:

1) Коршъ, В Ѳ.: Послѣдній романъ въ жизни Лассаля. „Этюды“, Спб. 1885 (сначала въ „Вѣст Евр.“ 1880 г., 3 кн.).

2) Послѣдніе дни Ф Лассаля. „Русская Мысль“ 1888 г. кн. 10.

3) Ватсонъ, Э. К: Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. „Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ“. Спб. 1892.

4) В., Л. Г. Дневникъ Ф Лассаля. „Русская Мысль“ 1891 г. 4, 8.

5) С. С.: Романическій эпизодъ изъ жизни Ф. Лассаля. Дневникъ. Переписка. Исповѣдь. „Вѣстникъ Европы“ 1877 г. 11 кн

6) Спиритъ Лассаль съ того свѣта „Слово“ 1878 г. 2.

7) Ф. Лассаль. „Современникъ“ 1865 г. 8.

8) П. Струве. Въ сборникѣ „На разныя темы“. 1902.

9) Чичеринъ, Б.· Нѣмецкіе соціалисты. Ф. Лассаль и К Марксъ. Спб. 1878 г

10) Классенъ, В Я.: Жизнь Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Спб. 96 г.

11) Б — въ, Е: Новые матеріалы къ біографіи Ф. Лассаля. „Сѣв. Вѣстникъ“. 1890 г. 10 кн.

12) Сурковъ: Статья „Лассаль“ въ журналѣ „Жизнь“.

13) Бернацкій, М. В.: „Элементы „государственнаго соціализма“ въ ученіи Ф. Лассаля“, глава въ книгѣ того же автора: „Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи“. СПБ. 1912 г.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ XIII.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

I.

Возникновеніе историзма.

Начало XIX вѣка застало классическую школу въ полномъ расцвѣтѣ. О томъ, что ученіе А. Смита — „школа", „направленіе" тогда,—да и долго послѣ того,—не знали и не подозрѣвали. Доктрина классицизма отождествлялась съ чистою наукою и признавалась кодексомъ „вѣчныхъ", „незыблемыхъ" истинъ. Въ силу этого Адамъ Смитъ,—этотъ Аристотель новой политической экономіи,—безгранично царилъ надъ умами и сердцами. Dei minores, Рикардо и Мальтусъ, раздѣляли съ нимъ его славу, обновленную къ серединѣ вѣка Джономъ Стюартомъ Миллемъ и представителями школы экономическаго либерализма середины XIX столѣтія. Ученія эпигоновъ дополняли и раскрывали смыслъ „изслѣдованія причинъ богатства и бѣдности народовъ", этого,—какъ потомъ поняли,—откровенія европейской промышленной буржуазіи.

Потребовалась грандіозная работа мысли, глубокій и безпощадный анализъ прежнихъ убѣжденій и вѣрованій, чтобы свергнуть съ пьедестала такого колосса мысли и системы, какъ ученіе классической школы. Это заняло болѣе полувѣка европейской жизни и мысли и только новый и пышный расцвѣтъ соціальной науки, только ѣдкая и неустанная критика ряда первоклассныхъ талантовъ, да неоспоримыя доказательства новыхъ фактовъ новой жизни,—перевернули страницу въ исторіи экономическихъ ученій и разъяснили, что „вѣчные законы" Смита — только идеологія промышленной плутократіи.

ЭБ "Научное наследие России"

Дѣйствительно, въ теченіе первой половины XIX вѣка всѣ соціальныя условія Европы совершенно измѣнились. Мануфактура превратилась въ мощную фабричную систему, развился до невиданныхъ дотолѣ размѣровъ капитализмъ, появился міровой рынокъ, охвативший рынки національные. начались періоды промышленнаго подъема и смѣняющіе ихъ кризисы. На исторической сценѣ выросъ новый классъ—пролетаріатъ, который рѣзко заявилъ, что наука Смита не только не „Евангеліе“, а просто грубый и аморальный кодексъ фабрикантовъ и капиталистовъ. Безработица и наунеризмъ стали типичнымъ и хроническимъ явленіемъ ростущихъ городскихъ и промышленныхъ центровъ. Ростъ послѣднихъ содѣйствовалъ экономической революціи въ деревнѣ и т. д. Въ итогѣ соціальная жизнь Европы измѣнилась и осложнилась и цѣлый рядъ молодыхъ и отсталыхъ странъ началъ „европеизпроваться“.

Въ наукѣ реакція противъ царственнаго классицизма также надвигалась, хотя медленно и скрытно. Въ началѣ отдѣльные писатели изолированно, и, притомъ, съ самыхъ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія подкапывались подъ основы смитіанства, особенно противъ его выраженія въ мальтузіанствѣ. Мораль послѣдняго—снисходительное отношеніе къ эксплоатаціи трудящихся и оправданіи процента—опровергаютъ соціалисты; презрѣніе къ сельской жизни и мелкому производству—разрушаютъ Сисмонди и фонъ Тюненъ; величественную идею космополитизма безпощадно критикуетъ Фридрихъ Листъ, — но самое ужасное опустошеніе производитъ новая философія, ея отрицаніе абсолюта и исключительное признаніе всего относительнаго, измѣняющагося, эволюціоннаго. Вдохновители новаго міровоззрѣнія—Огюстъ Контъ, Сенъ Симонъ, Фихте, а позднѣе лѣвые послѣдователи Гегеля, — создали непреодолимую стѣну для дальнѣйшаго распространенія классицизма, а то, что не сдѣлалъ позитивизмъ и гегельянство докончили успѣхи въ области естествознанія, исторіи и историческаго направленія въ юриспруденціи Наступила совершенно иная умственная атмосфера, въ которой для идей Адама Смита не оставалось болѣе почвы. Классицизмъ былъ опровергнутъ, мѣстами исчезая безслѣдно, мѣстами перерождаясь и сливаясь съ новыми вліяніями.

Въ такой умственной атмосферѣ перелома и зародилась

35 "Научное наследие России"

историческая школа въ политической экономіи. Что вызвало въ жизнь именно такое направленіе? Приписывать честь. ея появленія одному какому нибудь фактору, хотя бы внѣдренію въ умы только новой философіи Огюста Конта, или успѣхамъ естествознанія, которое въ это время сдѣлало гигантскій шагъ впередъ, или, наконецъ, господствовавшему, модному, тогда историзму въ правѣ и политикѣ—нельзя, такое указаніе было бы крайне односторонно. Каждый изъ этихъ факторовъ вкладывалъ въ дѣло развитія новаго направленія свою посильную лепту Но особенно вліяли новые факты жизни, измѣнчивые и разнообразные какъ по времени, такъ и въ различныхъ странахъ. Каждая страна развивала нѣчто свое самобытное, а вчерашній день такъ мало походилъ въ ней на настоящій. Необходимость сравненія и историческаго изученія напрашивались сами собою. Эту задачу и взяла на себя историческая школа. Когда именно? Невозможно точно указать и точной даты происхожденія историзма Правда, обыкновенно указываютъ моментъ возникновенія историзма въ политической экономіи, со дня появленія первыхъ сочиненій Рошера, Книса, Бруно Гильдебрандта,—но даты выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ книгъ не представляютъ собою объясненія источника ихъ происхожденія [1]).

Одно время, съ легкой руки К. Менгера, полагали также, что историческая школа въ политической экономіи появилась подъ вліяніемъ исторической же школы въ юриспруденціи и что воззрѣнія экономистовъ-историковъ: Рошера, Книса и Гильдебрандта навѣяны юристами-историками: Тибо, Герингомъ и Савиньи [2]). Это фактически невѣрно: историческія изысканія показали, что историческія школы юристовъ и экономистовъ развились рѣшительно безъ всякаго взаимодѣйствія, хотя и подъ вліяніемъ общихъ условій.

„Историческая школа нѣмецкихъ экономистовъ,—говоритъ К. Менгеръ [2]), беретъ свое начало не отъ Бурка, не отъ Нибура или Вильгельма фонъ-Гумбольда, а коренится въ сущности, главнымъ образомъ въ стремленіяхъ тѣхъ нѣмец-

---

[1]) Такъ ошибочно думаетъ, напримѣръ, Д. Ингремъ (Исторія политической экономіи, 2 изд. 1894 г. стр 287) Англійскій ученый полагаетъ, что историческая школа явилась „простымъ“ распространеніемъ на экономическія отношенія взглядовъ исторической школы въ юриспруденціи.

[2]) Менгеръ, К. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ. СПБ. 1894 г., стр. 122.

ЭБ "Научное наследие России"

кихъ историковъ, которые въ концѣ прошлаго и въ первыя четыре десятилѣтія послѣдняго вѣка читали въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ, вслѣдствіе тогдашнихъ университетскихъ порядковъ,— исторію и наряду съ ней политику, а потому имѣли близкій поводъ примѣнять свои историческія познанія къ наукѣ политики, и наоборотъ, познанія въ послѣдней къ историческимъ сужденіямъ". Еще болѣе.— скажемъ мы, помимо этой весьма цѣнной фактической справки проф. Менгера, оказали вліяніе общія умственныя условія тогдашней эпохи, эпохи кануна 1848 года. Это было время коммунизма въ соціальнополитической мысли, эмпиризма въ естествознаніи и позитивизма въ философіи.

Эспинасъ при объясненіи происхожденія исторической школы указываетъ на то, что еще до появленія историзма раздавались протесты противъ классицизма. Первый протестъ исходилъ изъ рядовъ философовъ анти-революціоннаго направленія. Жозефъ де-Мэстръ, защитникъ монархіи и папства, отрицалъ революціонный догматъ, что человѣческія учрежденія могутъ принять характеръ универсальности и необходимости. Онъ говорилъ, что не можетъ быть единообразнаго „самаго лучшаго направленія для всѣхъ народовъ". Общія же начала должны быть согласованы съ условіями мѣста и характеромъ населенія. Но не одинъ только Ж. де-Мэстръ и Сенъ-Симонъ, — этотъ изумительный, но хаотическій геній, — также осуждалъ философскую метафизику и требовалъ позитивной постановки вопросовъ. За нимъ идетъ его замѣчательный ученикъ Огюстъ Контъ, уже съ полною послѣдовательностью отвергающій абсолютизмъ въ теоріи и „вѣчныя и незыблемыя" явленія и законы въ соціальной жизни. Всѣ эти совершенно новые принципы должны были въ корень подрывать самыя основоположенія смитіанства.

Но въ эту эпоху нападеніе на раціонализмъ шло не только изъ сферы философіи. Почти одновременно съ Контомъ, знаменитый историкъ-юристъ, Савиньи, утверждалъ, что юридическія учрежденія не плодъ отвлеченнаго разума, а создаются нуждами, вѣрованіями, политическими и соціальными условіями народовъ [1]).

---

[1]) См. Thibaut: Ueber die sogenannte historische und nicht historische Rechtsschule, Гейдельбергъ, 1838.

ЭБ "Научное наследие России"

Иную попытку дать объясненіе генезиса исторической школы сдѣлалъ проф. Н. Х. Бунге. Въ его „Историческомъ очеркѣ экономическихъ ученій", отмѣчается связь политико-экономическихъ изслѣдованій съ историческими: „Уже въ XVII столѣтіи Гаррингтонъ усматривалъ зависимость образа правленія отъ распредѣленія земельной собственности и видѣлъ причину политическихъ переворотовъ въ несоотвѣтствіи землевладѣнія съ политическимъ устройствомъ государства. Гдѣ, говоритъ онъ, вся земля принадлежитъ государству, какъ на Востокѣ и въ Египтѣ, тамъ существуетъ деспотія; гдѣ земля — достояніе немногихъ, тамъ господствуетъ аристократія; а гдѣ земельная собственность раздроблена, тамъ царство демократіи" [1]).

Адамъ Смитъ отводитъ много мѣста исторіи, но „послѣдователи Смита,—по словамъ Бунге,—по большей части не только не связывали теоріи съ историческими фактами, но нерѣдко строили цѣлую систему науки на отвлеченныхъ положеніяхъ или даже на гипотезахъ". Откуда же именно возникла историческая школа? Указывая на цѣлый рядъ сочиненій, появившихся въ 20—30 годахъ, какъ, напр, сочиненія Ренье по экономической исторіи древнихъ народовъ, Валлона: „Исторія рабства въ древности", Бека: „Государственное хозяйство Аѳинъ" и др., гдѣ нѣкоторыя хозяйственныя явленія разсматривались въ связи съ политической жизнью,—Бунге все же считаетъ, что историзмъ „ведетъ начало" отъ Рошера. Конечно, Рошеръ одинъ изъ первыхъ, проложившихъ новый путь, но онъ вступилъ на него не интуитивно, а въ согласіи съ общими своими научными и философскими положеніями, о которыхъ забываетъ Бунге. Послѣдующія условія дали другіе благопріятные моменты для развитія исторической школы, успѣхъ изысканій въ прошломъ народнаго хозяйства, все большее крушеніе общихъ устоевъ классицизма и успѣхи эволюціонизма и необходимость отмежеваться отъ революціонизма соціалистовъ. На этой почвѣ теоретическая позиція и превратилась въ школу съ своею собственною экономическою политикою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, историческая школа, развиваясь сама, пережила эволюцію и съ точки зрѣнія измѣнившихся воззрѣній.

---

[1]) Бунге, Н. Х.. Очеркъ политико-экономической литературы. Спб 1895 г., стр 175.

ЭБ "Научное наследие России"

Изъ всѣхъ названныхъ писателей несомнѣнно главное вліяніе на эпоху оказалъ Огюстъ Контъ, какъ извѣстно изъ его философіи можно вывести примѣрно слѣдующія положенія. Цивилизація не твореніе разума, а результатъ прогресса, процесса безпрерывнаго. Экономическія явленія только часть соціальныхъ. Они измѣнчивы и относительны. Изоляція политической экономіи, рекомендованная Смитомъ, отъ соціологіи немыслима. Незыблемые законы экономіи такая же безплодная абстракція, какъ незыблемые законы исторіи.

Вотъ философскія основанія, легшія въ основу исторической школы, дальнѣйшему развитію которой помогла борьба съ манчестерствомъ, тогдашнимъ типичнымъ выразителемъ смитіанства.

Въ настоящее время, къ историческому направленію въ политической экономіи примыкаетъ большинство, такъ назыв., оффиціальныхъ представителей академической науки; въ Германіи, гдѣ профессора всѣхъ чиновъ и ранговъ стоятъ на стражѣ историзма, это направленіе господствуетъ въ университетахъ и разумѣется, что при такомъ обширномъ кругѣ сторонниковъ разсматриваемое направленіе выражается въ различныхъ оттѣнкахъ во взглядахъ, поэтому можно говорить о различныхъ развѣтвленіяхъ этой школы.

II. Главнѣйшія теченія исторической жизни.

Историческая школа развиваясь на протяженіи полустолѣтія, очевидно, не смогла сохранить первоначальнаго своего направленія. Новыя поколѣнія въ новыхъ условіяхъ должны были придать новый оттѣнокъ мыслей. Особенно усилилось подчеркиваніе новаго этическаго принципа въ хозяйствѣ и необходимость соціальной реформы, на его основѣ. Этотъ принципъ широко пропагандировался въ Германіи не одними только представителями исторической школы. Начиная съ 40-хъ годовъ рядъ журналистовъ и ученыхъ, какъ Шютцъ, Францъ Форлендеръ, Робертъ фонъ Моль, Кауцъ, Марло, Шеффле и др. подготовляютъ широкое воспріятіе въ массахъ идеи нравственной оцѣнки экономическихъ явленій и хозяйственной политики народовъ [1]). Само собою понятно, что новые поко-

[1]) См. Бернацкій, М В:—Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи СПБ., 1911 г., стр 155—191.

лѣнія исторической школы измѣняли и осложняли исходные пункты своихъ воззрѣній, отсюда и принято дѣлить историческую или историко-реалистическую школу [1]) на двѣ: старо-историческую (Рошеръ, Книсъ, Бруно Гильдебрандтъ) и ново-историческую (Шмоллеръ, Брентано, Шёнбергъ и мн. др.). Вторая внесла уже и опредѣленные штрихи въ свою соціально-политическую программу, которой еще нѣтъ у представителей старой исторической школы.

Ново-историческая, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на·

1) прусско-этическую, правое крыло историческаго направленія, яркими представителями котораго являются Шмоллеръ и Шёнбергъ.

2) радикально-реалистическую,—лѣвое крыло историзма — съ Луйо Брентано, фонъ-Шульце-Геверницемъ и Генрихомъ Геркнеромъ во главѣ.

Рядъ представителей исторической школы можно разсматривать какъ писателей переходныхъ къ другимъ направленіямъ, таковы, напримѣръ: Карлъ Бюхеръ и Юліусъ Вольфъ, при чемъ каждый по своему вырабатываетъ свое направленіе.

Иногда,—и это совершенно невѣрно,—относятъ къ исторической школѣ Вернера Зомбарта, А. Шеффле и А. Вагнера. Первый близокъ къ марксизму, вторые два къ такъ назыв. государственному соціализму [2]). Шеффле и А. Вагнеръ плохіе историки. Ни ихъ „государственно-соціалистическія воззрѣнія“, ни ихъ случайное участіе на конгрессахъ исторической школы (т. е. на съѣздахъ Verein'a für Socialpolitik) не даютъ причислять ихъ къ школѣ Рошера. Вѣрнѣе Шеффле и Вагнеръ занимаютъ совершенно особое мѣсто между различными современными теченіями германской экономической жизни.

---

[1]) Проф. Миклашевскій А. Н.: называетъ это направленіе школою „соціалъ-политиковъ“. Такое наименованіе, какъ переносящее опредѣленіе изъ области теоретической экономіи въ область экономической политики, для даннаго направленія, является, какъ мы укажемъ ниже совершенно недопустимымъ.

[2]) См. подробное изложеніе генезиса и развитія государственнаго соціализма въ книгѣ М. В. Бернацкаго „Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка“ СПБ., 1911 г.

ЭБ "Научное наследие России"

III. Старо-историческая школа.

Это направленіе появляется въ Германіи, въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія когда общее направленіе нѣмецкой мысли было настроено на манчестерскій ладъ [1]). Въ названный періодъ всѣ три представителя староисторизма—Вильгельмъ Рошеръ, Карлъ Книсъ и Бруно Гильдебрандтъ, выступаютъ каждый со своимъ болѣе значительнымъ произведеніемъ. Геттингентскій профессоръ Рошеръ—выпускаетъ свой „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode“ въ 1843, — Бруно Гильдебрандтъ издаетъ свою „Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“ въ 1848 г. и нѣсколько позднѣе, въ 1853 году Карлъ Книсъ „Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichlichen Methode“ въ 1853 г. Всѣ трое экономистовъ имѣютъ много общихъ исходныхъ точекъ зрѣнія, хотя они сильно разнятся между собою въ развитіи своихъ мыслей.

Начнемъ съ профессора Вильгельма Рошера.

Главная задача Книса — доказательство относительности экономическихъ ученій и указаніе на ихъ тѣсную связь съ національностью и данною историческою эпохою: „Никакая экономическая доктрина не является поэтому абсолютно вѣрною, но каждая изъ смѣнявшихъ другъ друга системъ политической экономіи имѣла въ свое время право на существованіе и заключала долю истины“. „Экономическая наука подвержена процессу развитія, въ тѣсной связи съ развитіемъ изучаемаго ею объекта—народнаго хозяйства“. Для уясненія же существа экономической науки очень важно правильное пониманіе существа, такъ назыв., экономическихъ законовъ.

Книсъ полагаетъ, что 1) нѣтъ особыхъ экономическихъ законовъ; существуютъ чисто естественные законы, дѣйствующіе вездѣ, а, слѣдовательно, и въ экономической области; 2) нѣтъ механическихъ явленій; всѣ онѣ поддаются воздѣйствію соціальной среды; 3) существуютъ не законы, а отношенія причинности, въ которыхъ хотя и можно подмѣтить закономѣрность, но которые имѣютъ относительное и ограниченное опредѣленными конкретными условіями примѣненіе.

---

[1]) См. Becker, I. Das deutsche Manchestertum. Карлсруэ, 1907, стр. 29—41.

© "Научное наследие России"

Въ первой своей экономической работѣ, посвященной Рошеру [1]), Книсъ горячо привѣтствовалъ направленіе Рошера, видя въ немъ залогъ великаго будущаго. Книсъ пересмотрѣлъ въ немъ цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ экономіи въ стройной, хотя и скучно изложенной системѣ.

По Кнису, „политико-экономическій законъ не можетъ быть выраженіемъ однихъ только естественно-историческихъ законовъ реальнаго міра, политико-экономическій законъ скорѣе всего выразится въ функціи. Какъ въ ученіи о величинахъ понятіе скорости есть функція движенія и времени, такъ и экономическія явленія, а черезъ нихъ также политико-экономическіе законы, суть функціи естественныхъ и человѣческихъ силъ реальнаго и личнаго міра. Варіанты въ факторахъ формулъ функцій приносятся съ одной стороны вытекающими изъ мѣста и времени различіями, въ которыхъ можетъ выразиться дѣйствіе реальныхъ силъ, или въ которыхъ существо послѣднихъ постепенно (stufenweise) развивается передъ встрѣчающимся съ ними въ хозяйствѣ человѣкомъ, и, съ другой, различіями въ людяхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ образовательныхъ элементовъ разныхъ временъ и подробностей характера разныхъ народовъ. Замѣтимъ здѣсь кстати только, что къ этой простой истинѣ можетъ быть сведенъ основной законъ, который проходитъ черезъ всѣ части политической экономіи; по историческому методу законъ относительности (Gesetz der Relativität“) относительная истина и продолжающаяся эволюція политико-экономическихъ законовъ, относительная примѣнимость ихъ въ экономической политикѣ, относительное оправданіе самихъ по себѣ различныхъ экономическихъ установленій въ концѣ концовъ также вытекаютъ отсюда и въ особенности тѣмъ вѣрнѣе, когда принимается во вниманіе одинъ факторъ, человѣкъ, во всемъ его значеніи и въ полномъ объемѣ своего существа“ [2]).

Экономистъ долженъ стоять на почвѣ дѣйствительнаго и ставить себѣ задачи, сходныя съ задачами естествоиспыта-

---

[1]) W. Roscher: Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, Брауншвейгъ, 1853.

[2]) Книсъ, К.—Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, 2 изд. 1883.

ЭБ "Научное наследие России"

теля, что же касается человѣческой дѣятельности. то люди вообще, по мнѣнію Рошера, „не ангелы, но и не дьяволы“: стремленіе же къ лучшему, къ идеалу, присущи всякому лицу и всякому народу.

Итакъ, Рошеръ замѣнялъ научные общіе „законы“ соціальной экономіи — законами развитія экономическихъ фактовъ. При измѣненіи обстановки и принципы измѣняются. Напримѣръ—государственныя мѣропріятія, ограничивающія свободу торговли. „Не люди существуютъ для законовъ и учрежденій,—говорилъ Рошеръ, — а наоборотъ — законы и учрежденія для людей. Что соотвѣтствуетъ одному состоянію общества, то другому вредно“. Экономическій идеалъ, тѣмъ не менѣе, не осуществимъ, „хотя измѣняемость учрежденій и законовъ и не зло, которое должно бы искоренять, но, однако, одного экономическаго идеала не можетъ быть для народовъ. такъ же, какъ платье не шьется по одной мѣркѣ“ [1])

Таковы въ общихъ чертахъ общіе экономическіе взгляды. развиваемые Рошеромъ. Такъ смотрятъ на него и сами историки. „Рошеръ, — восторженно увѣряетъ его наиболѣе послѣдовательный ученикъ Шмоллеръ, — развилъ истинно-научное направленіе, которое снова и надолго влило кровь въ жилы чахоточнаго тѣла политической экономіи. Рѣчь шла о томъ, чтобы выдохшійся раціонализмъ снова излѣчить сильной дозой эмпирическо-историческаго міровоззрѣнія; необходимо было перенести опытный методъ строго научной спеціальной работы въ область того человѣческаго знанія, которое сдѣлалось мѣстомъ схоластическихъ препирательствъ и борьбы политическихъ партій, ареною для дилетантовъ и журналистовъ“.

Перейдемъ теперь къ другому, хотя и менѣе видному, чѣмъ Рошеръ, но съ точки зрѣнія теоріи быть можетъ болѣе глубокому представителю историческаго направленія— къ Карлу Кнису [2]).

---

[1]) Рошеръ, В: Начала народнаго хозяйства, русск. пер. 1860 г., стр. 53.

[2]) Карлъ-Густавъ-Адольфъ Книсъ, родился въ Марбургѣ, въ 1821 г., гдѣ получилъ высшее образованіе и гдѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, началъ, въ 1848 году, читать лекціи по исторіи. Спустя 9 лѣтъ Книсъ дѣлается профессоромъ во Фрейдбургскомъ университетѣ, а въ 1865 г въ Гейдельбергѣ, въ которомъ онъ прожилъ до конца своей жизни

ЭБ "Научное наследие России"

Въ другомъ мѣстѣ Книсъ говоритъ: „Предположенія, отъ которыхъ они зависятъ, измѣняются сообразно съ измѣнчивостью человѣческой воли и сообразно съ измѣнчивостью всѣхъ условій народной жизни, вліяющихъ на устроеніе хозяйства. Слѣдовательно, и экономическіе законы мѣняются и даже въ этихъ измѣненіяхъ замѣчается законообразность; вѣдь говоримъ же мы о законахъ развитія народнаго хозяйства. Но и эти законы, какъ и тѣ, временно проявляющіеся въ народномъ хозяйствѣ, суть не что иное, какъ выраженіе законообразности точно опредѣленныхъ исторически развившихся условій.

Словомъ, по Кнису, законъ и законосообразность понимаются здѣсь не въ томъ смыслѣ, какъ они понимаются при явленіяхъ внѣшней природы. Этотъ выводъ очень важенъ. Изъ такого пониманія вытекаетъ то, что отвѣтственность въ данныхъ экономическихъ условіяхъ падаетъ на 1) индивидуумъ, 2) общество и 3) государство. Экономическія условія—произведенія этихъ трехъ данныхъ, и они могутъ быть измѣняемы по ихъ желанію. Отсюда — весьма важная выдающаяся роль экономической политики.

Нормы экономической политики, по Кнису, не безусловны и абсолютны для всѣхъ временъ и народовъ, а только для данныхъ конкретныхъ условій. Поэтому для практическаго разрѣшенія текущихъ экономическихъ вопросовъ всегда важно точное и достовѣрное знаніе конкретныхъ условій; какъ конкретныхъ условій, которыя должны быть реформированы, такъ и конкретныхъ предположеній, такъ называемыхъ законовъ, выведенныхъ изъ наблюденія экономической жизни различныхъ народовъ. Открытіе и примѣненіе подобныхъ законовъ требуетъ строго точнаго метода. Въ виду необходимости такого знанія въ настоящее время пріобрѣтаютъ

(1898 г). Изъ сочиненій Книса выдѣляются: Die Statistik als selbststandige Wissenschaft. Кассель, 1850; его политическая экономія, носящая скорѣе характеръ обширнаго введенія и вышедшая дважды, каждый разъ подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ, 1 изд —Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Methodepunkte Брауншвейгъ 1853. II изд — Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte, тамъ же 1883. — Geld und Kredit 2 т. Берлинъ 1873—79.—G. F. von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du Pont de Namur. 2 т. Гейдельбергъ, 1892.

огромное значеніе для нашей науки съ одной стороны статистика, какъ средство полнаго познанія экономическихъ условій, насколько они могутъ быть выражены въ числахъ и цифрахъ, а съ другой—историческое изслѣдованіе лежащихъ позади насъ законченныхъ экономическихъ періодовъ.

Итакъ, по современному воззрѣнію, такъ называемые законы народнаго хозяйства, какъ выводы изъ опыта, имѣютъ силу только при опредѣленныхъ конкретныхъ предположеніяхъ, а слѣдовательно выведенныя изъ нихъ нормы для хозяйственной жизни могутъ быть приложимы только тамъ, гдѣ налицо и ихъ предположенія. Въ виду этого, въ настоящее время мы признаемъ лишь относительные законы и нормы и отсюда лишь относительныя разрѣшенія экономическихъ проблеммъ.

Обращаясь къ третьему родоначальнику историзма, къ Бруно Гильдебрандту, мы отмѣтимъ, что Шмоллеръ, самъ видный представитель историческаго направленія, считаетъ, что у Рошера и Гильдебранта много общаго и противопоставляетъ имъ Книса. Рошеръ и Гильдебрандтъ — историки легко усвояемые, общедоступные. „Въ противоположность имъ Книсъ, — говорилъ Шмоллеръ, — тяжело развивающій свою мысль, неповоротливый, серьезный, глубоко разбирающійся теоретикъ, который стремился къ новому проникновенному обоснованію проблеммъ. Не исторія интересуетъ его въ первую голову, а углубленіе и возрожденіе экономической науки вообще“ [1]).

Бруно Гильдебрандтъ стоитъ на почвѣ существующаго порядка, хотя ему хорошо знакомы воззрѣнія соціалистовъ. Сочувствуя низшимъ классамъ онъ все же полагаетъ, что „безъ частной собственности общество осталось бы безжизненною однородною массою, безъ индувидуальнаго разнообразія и развитія“.

Бруно Гильдебрандтъ не оставилъ солиднаго литератур-

---

[1]) Шмоллеръ, Г.: Zur Litteraturgeschichte der Staats-und Socialwissenschaften. Лейпцигъ, 1888 г., стр. 206. О. К. Книсѣ, кромѣ общихъ замѣчаній и отрывочныхъ свѣдѣній въ словаряхъ и курсахъ исторіи ученій, ничего не извѣстно; жизнь его прошла тихо и крайне однообразно. Книсъ былъ скромный гелертеръ обычнаго нѣмецкаго типа Его некрологъ и оцѣнка—Blenck: „Karl Knies“ въ Zeitschrift des K. Preuss Statistisch. Bureaus, за 1899 г., стр. 210 и слѣд.

ЭБ "Научное наследие России"

наго наслѣдства, но то немногое, что онъ написалъ, отличается изяществомъ и талантливостью. „Его политическая экономія настоящаго и будущаго“ одна изъ наиболѣе удачныхъ и содержательныхъ книгъ своего времени [1]).

Изучая старо-историческую школу, мы могли замѣтить, что ея представители все же не отказываются совершенно отъ метафизическихъ задачъ политической экономіи, они не отбрасываютъ совсѣмъ дедукціи. Многочисленные ученики Книса, Рошера и Гильдебрандта пошли дальше учителей. Они, уступая духу времени, его философской тенденціи, совершенно отказывались отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ задачъ въ политической экономіи. Единственно вѣрнымъ методомъ политической экономіи была признана индукція, единственно вѣрными средствами для достиженія истины — изученіе историческаго прошлаго („что было“) и статистическое наблюденіе („того, что есть“) въ настоящемъ. Созданіе обобщающей теоріи было признано или невозможнымъ (Брентано) или весьма преждевременнымъ (Шмоллеръ).

Итакъ мы разсмотрѣли старо-историческую школу, въ лицѣ Рошера, Книса, Бруно и Гильдебрандта. Перейдемъ теперь къ ново-историческому направленію.

IV.

Ново-историческая школа.

I. Шмоллеръ и Шенбергъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ Германіи объединились представители манчестерскаго направленія (Принсъ-Смисъ, Михаэлись, Фаухеръ, Максъ Виртъ, Браунъ, В. Бёмертъ, Шульце-Деличъ и др.). Проповѣдуя борьбу со всякими ограниченіями индивидуальной свободы, они сорганизовались въ 1858 году вокругъ „конгресса нѣмецкихъ экономистовъ („Kongress Deutscher Volkswirte“), а въ 1863 году начали издавать свой органъ — „Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte“. Нѣмецкіе фритредеры презри-

---

[1]) Bruno Hildebrandt: Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft.“ 1853, рус. переводъ (Щепкина) вышелъ въ 1864 году.

ЭБ "Научное наследие России"

тельно относились къ рабочему вопросу, трактовали о вѣчныхъ и незыблимыхъ законахъ въ экономіи и не видѣли ничего кромѣ грубаго содѣйствія промышленному подъему. Ихъ близорукій оптимизмъ обострялъ вопросы и давалъ обильную пищу для ѣдкихъ нападокъ людей всѣхъ направленій, особенно соціалистовъ. Полемика Лассаля съ Шульце-Деличемъ становится отнынѣ безсмертною. Естественно отсюда движеніе въ пользу объединенія и въ другихъ лагеряхъ. Такъ, въ 1864 году нѣмецкіе соціалисты объединились въ Интернаціоналѣ и выяснили себя окончательно въ 1869 г. на конгрессѣ въ Эйзенахѣ, отмежевавшись отъ лассальянцевъ. Въ 1872 году, въ Эйзенахѣ же, собрались впервые и представители исторической школы и основали свой центръ—Verein für Socialpolitik.

Въ Verein'ѣ объединились различныя теченія новоисторизма. Раньше всего мы разсмотримъ его правое крыло, прусско-этическое направленіе, „столпами“ котораго являются Шмоллеръ и Шёнбергъ. Начнемъ съ берлинскаго профессора Густава Шмоллера [1]), здраствующаго и понынѣ.

Шмоллеръ типичный образецъ буржуазнаго нѣмецкаго ученаго, стоящаго на стражѣ правительственной мудрости.

„Я пытался въ одно и то же время, — заявлялъ Шмоллеръ въ своей рѣчи въ прусской академіи наукъ, — быть и экономистомъ и историкомъ. Я видѣлъ передъ собою цѣль завершить и закончить то, что Бруно-Гильдебрандтъ, Книсъ и Рошеръ пытались осуществить въ германской національной экономіи. Именно: освободить совершенно эту науку

---

[1]) Густавъ Шмоллеръ родился въ 1838 году, въ Гейльбронпѣ, учился въ Тюбингенѣ. Съ 1864 г. онъ экстраординарный и съ 1865 г — ординарный профессоръ въ Галле. Въ 1872 г Шмоллеръ переходитъ въ Страсбургскій университетъ, а съ 1882 г. и понынѣ онъ состоитъ профессоромъ въ Берлинскомъ университетѣ и членомъ русской Академіи наукъ Съ 1884 г Шмоллерь членъ прусской палаты господъ.

Изъ многочисленныхъ работъ Шмоллера отмѣтимъ: „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert, Галле 1870, рядъ сочиненій по исторіи страсбургскихъ цеховъ; важное теоретическое сочиненіе „Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft“, 1875 г, направленную противъ прусскаго историка Трейчке, обвинявшаго сторонниковъ прусско-этическаго направленія въ сочувствіи соціализму и вызвавшую полемику съ австрійскою школою; историко-литературный сборникъ—„Zur Litteraturgeschichte,“ 1888; сборникъ по исторіи экономическаго быта. „Zur Social- und Gewerbepolitik“, наконецъ двухтомный курсъ, „Grundriss“, 1900—1905, какъ бы завершившій его „систему“.

ЭБ "Научное наследие России"

отъ догматизма или отъ англо-французской утилитарной философіи и направить ее физіологически и исторически глубже на твердой почвѣ". Этой грандіозной задачи, несмотря на громкое заявленіе, Шмоллеръ, конечно, не исполнилъ тѣмъ болѣе, что онъ всегда тщательно избѣгалъ общихъ принципіальныхъ вопросовъ, чѣмъ онъ, впрочемъ, самъ гордился. „Мы, говоритъ Шмоллеръ, и въ общихъ собраніяхъ и въ трудахъ всегда остерегались заниматься большими принципіальными вопросами" (См. Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik, сентябрь 1894 г.). Въ силу этого въ теоріи Шмоллеръ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ сравнительно съ Рошеромъ и Книсомъ, но зато опредѣлилъ соціально-политическую позицію своего поколѣнія. Еще въ 1864 году въ своей статьѣ по рабочему вопросу Шмоллеръ занимаетъ среднюю позицію между Шульце-Деличемъ и Лассалемъ и выдвигаетъ этическій принципъ и „нравственное рѣшеніе" рабочаго вопроса. Идеаломъ этически хозяйственнаго прогресса для него является Англія съ ея рабочими союзами, проникнутыми духомъ консерватизма. Шмоллеръ въ дальнѣйшемъ посвящаетъ себя историческимъ изслѣдованіямъ и многочисленнымъ выступленіямъ въ защиту историческаго метода.

Въ Германіи Шмоллеръ слыветъ за экономиста-ученаго съ глубокой философской эрудиціею. Такъ аттестуетъ его, наприм., проф. Конрадъ [1]). Иного мнѣнія на этотъ счетъ наприм., Туганъ-Барановскій „Заслуга Шмоллера,—говоритъ онъ,—заключается въ превосходныхъ историческихъ работахъ фактическаго характера. Для широкихъ историческихъ обобщеній Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли" [2]),—т. е. того самаго, что лежитъ въ основѣ всякаго серьезнаго философскаго развитія. Философія Шмоллера воспринимаетъ, но не разлагаетъ; въ этомъ ея главный недостатокъ".

Шмоллеръ подходитъ къ своему опредѣленію науки о народномъ хозяйствѣ только послѣ исторической справки,

---

[1]) „Arbeiten spezielle von Schmoller zeigen, welch gründliches Studium er gerade der Philosophie zugewendet hat", говоритъ проф. Конрадъ (Conrad· Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. I Theil, 3 изд. Іена, 1900, стр. 393).

[2]) Туганъ-Барановскій М.: Очерки по исторіи политической экономіи, стр. 199.

ЭБ "Научное наследие России"

оттѣняющей его опредѣленіе. „Д. С. Милль,—говоритъ Шмоллеръ, — опредѣляетъ политическую экономію, какъ науку занимающуюся изученіемъ природы богатства и законовъ его производства и распредѣленія. Но природа богатства включаетъ въ себя также и техническую сторону, а законы производства и распредѣленія богатства не исчерпываютъ ея задачъ, независимо отъ вопроса о томъ, открыты они или нѣтъ“ [1]). Поэтому Шмоллеръ такъ опредѣляетъ предметъ политическая экономія: „политическая экономія есть наука, которая описываетъ народнохозяйственныя явленія, опредѣляетъ и объясняетъ ихъ въ связи съ ихъ причинами, поскольку они могутъ быть поняты, какъ единое цѣлое, причемъ, конечно, предполагается, что прежде будетъ опредѣлено правильно понятіе народнаго хозяйства [2])

Въ центрѣ науки, полагаетъ Шмоллеръ, надо поставить типичныя повторяющіяся явленія, ибо вѣдѣнію политической экономіи, какъ спеціальной наукѣ, подлежитъ только „ея ядро“, которое должно состоять изъ такихъ типичныхъ явленій; на периферіи она покрывается сосѣдними науками. Важно также, по мнѣнію Шмоллера, установленіе границъ содержанія науки и ея систематизація, методъ и ея расчлененіе.

Шмоллеръ дѣлитъ политическую экономію на общую и спеціальную. Общая политическая экономія носитъ характеръ философско-соціологическій. „Она исходитъ изъ сущности общества, общихъ причинъ экономической жизни поведенія, описываетъ статически и динамически типическіе органы и процессы хозяйства и важнѣйшія учрежденія, съ нимъ связанныя. Она стремится систематически и принципіально къ тому, чтобы изъ несовершенныхъ отрывковъ нашего знанія сдѣлать цѣлое; она идетъ отъ общаго къ спеціальному, привлекая особенныя свѣдѣнія только для выясненія, иллюстраціи тѣхъ истинъ, которымъ она надѣется научить“ [3]). „Наоборотъ, спеціальная политическая

---

[1]) Г Шмоллеръ: Народное хозяйство, наука о нар. хоззяйствѣ и ея методы. Пер. проф. В. М. Нечаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1902 г, стр 11.

[2]) Курсивъ нашъ, Ibid, стр. 12.

[3]) Г. Шмоллеръ: Народное хозяйство etc, стр 15.

ЭБ "Научное наследие России"

экономія проникнута историческими и практическими, „полицейско-правовыми тенденціями“ (15 стр.). „Она выходитъ изъ конкретнаго, особеннаго. и вскрываетъ подробности причинъ и учрежденій (16 стр.). Но обѣ части дополняютъ другъ друга, обѣ „исполняютъ свою задачу тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе одна часть покоится на широкомъ философскомъ, а другая на историческомъ и практическомъ основаніи“ (16 стр.).

Переходя къ методу, одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ политической экономіи, Шмоллеръ говоритъ, что методъ политической экономіи долженъ служить къ послѣдовательному познанію народнаго хозяйства“ „во всемъ его объемѣ и исторической послѣдовательности“ [1]). А разъ мы хотимъ познать народное хозяйство въ его исторической послѣдовательности, то значитъ исторію въ широкомъ смыслѣ мы включаемъ въ область науки изучающей народное хозяйство. Но мы изучаемъ, полагаетъ Шмоллеръ, и настоящее, слѣдовательно, мы включаемъ сюда и изслѣдованіе фактовъ, относящихся къ этому—настоящему.

Подобное признаніе можетъ повести къ безсмысленному нагроможденію фактовъ, какъ это было, думаетъ Шмоллеръ, у меркантилизма и камералистики. Избавляетъ отъ этого естественная школа народнаго хозяйства. Еще Лассаль, думаетъ Шмоллеръ,—совершенно вѣрно замѣтилъ, что „матеріалъ и безъ мысли—все еще имѣетъ относительную цѣнность, но мысль безъ матеріала—лишь пустая химера“. Но дѣло, конечно, не въ множествѣ фактовъ. Можно оперировать и съ Робинзономъ.

Таково въ общихъ чертахъ отношеніе Шмоллера къ основнымъ вопросамъ теоріи. Въ практической политикѣ Шмоллеръ горячій приверженецъ монархіи и бюрократіи. Въ своей статьѣ Die socialle frage und der preussische staat Шмоллеръ говоритъ—„Массы народа всегда чувствовали, что монархія занята ихъ дѣломъ, что въ Пруссіи, дѣйствительно, относятся одинаково къ богатому и бѣдному, что „cum cuique“ стало истиною“. Неисчерпаемый капиталъ любви и довѣрія“ къ прусскимъ монархамъ поддерживается мудрою соціальною политикою ихъ „образцовой бюрократіи“, этихъ истинныхъ слугъ прусскаго народа“. Монархія и бюрокра-

---

[1]) Шмоллеръ: Ibid., стр. 17.

ЭБ "Научное наследие России"

тія особенно должна охранять интересы средняго сословія, Mittelstand'a, и сохранять „нейтральность въ соціальной классовой борьбѣ". Противъ этихъ взглядовъ въ 70-хъ годахъ яро возсталъ публицистъ Трейчкѣ, въ своей работѣ „Der Socialismus und seine Gönner". Другой ярый антагонистъ Шмоллера—Луйо Брентано остроумно сравниваетъ „нейтральное" отношеніе Шмоллера къ экономическимъ явленіямъ съ отношеніемъ къ поступкамъ дѣйствующихъ лицъ хора въ древне-греческой трагедіи. Хоръ безразлично скорбитъ съ плачущими и радуется съ идеальными личностями, восторгается и злодѣйствомъ и добродѣтелью, смотря по тому, кто на сценѣ, такъ и Шмоллеръ.

Шмоллеръ, сравнительно съ другими представителями исторической школы, менѣе всего заслуживаетъ упрека въ симпатіи къ радикализму. Онъ не только сторонится соціализма, но активный гонитель марксизма. Онъ противникъ рѣшительныхъ мѣропріятій. Всякая реформа, по его мнѣнію, должна быть медленно подготовлена и проведена правительственною властью. Но симпатіи къ государственному вмѣшательству у Шмоллера подозрительнаго свойства. Это скорѣе—нѣжность къ такъ называемому полицейскому государству, слабость — чисто консервативнаго свойства, недовѣріе къ самодѣятельности и свободѣ низшихъ классовъ.

Политическій идеалъ Шмоллера — Фридрихъ I. Естественно, что Шмоллеръ во всемъ убѣжденный приверженецъ и защитникъ прусскаго государственнаго строя, т. е. монархистъ и чиновникъ.

Близко къ взглядамъ Шмоллера подходятъ воззрѣнія другого представителя исторической школы проф. Шёнберга [1]).

Экономическая физіономія Шёнберга лучше всего видна изъ его отношенія къ рабочему вопросу. Что особенно важно, по мнѣнію Шёнберга, такъ это подъемъ нравственности въ рабочемъ классѣ. Подъемъ этотъ лучше всего достигается не путемъ образованія или соціальныхъ учрежденій, а при содѣйствіи... духовенства. Увеличьте вліяніе поповъ и нравственность рабочихъ поднимется — полагаетъ Шёнбергъ. Къ тому же Шёнбергъ,—мальтузіанецъ. Типичнымъ

---

[1]) См. Шёнбергъ, статья въ Handwörterbuch'ѣ der Staatswissenschaften. T. VI-ой.

Научное наследие России

проявленіемъ безнравственности рабочихъ являются, по мнѣнію Шёнберга, ранніе браки и большое количество дѣтей. Вотъ подлинныя его слова: „Пока господствуетъ такой безнравственный образъ дѣйствій — до тѣхъ поръ нельзя найти никакихъ средствъ надолго повысить доходъ низшихъ слоевъ рабочихъ. Зло чрезмѣрнаго рожденія дѣтей составляетъ, можетъ быть, центръ соціальнаго вопроса". (См. Schönberg Handbuch der Politischen Oekonomie громадный электрическій курсъ — подъ общею редакціею проф. Шёнберга).

Не знаешь, чему тутъ больше дивиться — доктринерской тупости или холодному индиферентизму.

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ рабочемъ вопросѣ однимъ мальтузіанствомъ и рекомендаціею поповъ Шёнбергъ не ограничивается Какъ приверженецъ исторической школы Шёнбергъ все же высказывается за общую соціально-политическую программу школы, а именно: 1) За страхованіе рабочихъ; 2) фабричное законодательство; 3) за свободу рабочихъ союзовъ.

Но свободу союзовъ Шёнбергъ допускаетъ только „въ предѣлахъ законности", онъ принимаетъ ее съ значительными ограниченіями. Онъ считаетъ необходимымъ „установить наказаніе за публичное приглашеніе къ противозаконному прекращенію работъ, подвергающее опасности общественное благо". Агитаторовъ-революціонеровъ, агитаторовъ по профессіи — Шёнбергъ особенно не долюбливаетъ. Для нихъ онъ рекомендуетъ усиленныя наказанія.

Провиденціальной миссіей синдикатовъ и предпринимательскихъ союзовъ Шёнбергъ считаетъ—ихъ борьбу съ рабочими, нарушающими договоръ. Союзы работодателей-капиталистовъ должны по Шёнбергу, „обязывать своихъ членовъ не принимать къ себѣ рабочихъ, нарушившихъ договоръ, и выдвигать въ крайнихъ случаяхъ противъ общихъ противозаконныхъ рабочихъ забастовокъ (тайно поддерживаемыхъ рабочими другихъ предпринимателей), какъ угрозу, такъ и дѣйствительное осуществленіе общей остановки производства".

Ослѣпленный ненавистью къ рабочему, осмѣлившемуся потребовать слѣдуемое ему по праву отъ обирающаго его (эксплуатирующаго) капиталиста, Шёнбергъ даже не замѣчаетъ, что предлагаемое имъ средство не совсѣмъ пригодно.

ЭБ "Научное наследие России"

Остановка производства въ моментъ длящейся забастовки рабочихъ не такъ ужъ — не то что полезна, выгодна предпринимателю, но даже не опасна и страшна для рабочихъ.

Фабричное законодательство и государственное страхованіе нравятся Шёнбергу больше, чѣмъ коллективная самопомощь рабочихъ союзовъ, такъ какъ эти мѣропріятія исходятъ отъ любезнаго Шёнбергу государства. О рабочихъ союзахъ Шёнбергъ отзывается очень типично, а именно: „Дѣятельность рабочихъ союзовъ можетъ оказаться вредною для общества.

..... Если союзы являются лишь орудіями борьбы, защищаютъ только эгоистическіе классовые интересы, то они могутъ усилить антагонизмъ между работодателями и рабочими, а слѣдовательно такіе союзы могутъ постоянно угрожать соціальному міру, наносить большой вредъ предпринимателямъ, промышленности, справедливымъ интересамъ капитала и потребителей и даже... ухудшить положеніе рабочихъ.

— Опасность такого вреднаго дѣйствія рабочихъ союзовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже образованіе рабочихъ, и чѣмъ меньше ихъ экономическая предусмотрительность. Эта опасность неодинаковая въ различныхъ странахъ. Поэтому (важный) вопросъ: „нужно ли и посколько нужно содѣйствовать, въ интересахъ рабочихъ и народнаго блага, развитію рабочихъ союзовъ“ не можетъ быть рѣшенъ одинаково для всѣхъ странъ и для всѣхъ отраслей фабричной промышленности“.

Приведенное мнѣніе ясно свидѣтельствуетъ о холодномъ индифферентизмѣ къ эмансипаціонной борьбѣ пролетаріата и о непониманіи ея задачъ. Шёнбергъ смѣшиваетъ народное благо съ интересами тѣхъ, кому дорого сохраненіе частной собственности вообще.

Къ Шёнбергу какъ нельзя лучше подходитъ характеристика, данная г. Плехановымъ цѣлой категоріи буржуазныхъ экономистовъ „изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей—говоритъ Плехановъ [1])—буржуазные экономисты пре-

[1]) Плехановъ, Г. В Собраніе сочиненій Т. I. Изд. „Библіотеки научнаго соціализма“ Женева 1905, стр. 185. („Соціализмъ и политическая борьба“).

ЭБ "Научное наследие России"

вратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями все зданіе науки".

Много говорятъ о реформаторскомъ направленіи и представителей историзма, но требованія реформы у Шёнберга сводятся къ палліативамъ; онъ, какъ и Шмоллеръ, чуждъ какого бы то ни было радикализма. Самодѣятельность рабочихъ вызываетъ у Шёнберга опасенія проникновенія ихъ, своими классовыми интересами, дозволительными для Шёнберга, повидимому только фабрикантамъ. Зато „Соціальная политика Германіи, сдѣлавшая много въ области фабричнаго законодательства и страхованія и въ то же время ограничивающая свободу рабочихъ союзовъ, вполнѣ по вкусамъ нетребовательнаго для другихъ гелертера.

Я сказалъ, что сохраненіе частной собственности—conditio sine qua non для Шёнберга. Но не для одного Шёнберга, а для большинства представителей исторической школы. Они считаютъ институтъ частной собственности не принадлежностью данной исторической ступени, а основой всей человѣческой культуры. Историки, сводящіе все къ эволюціи, просмотрѣли важный историческій фактъ, что частная собственность ничто иное, какъ простая историческая категорія. И у нея существуетъ свой генезисъ, развитіе, апогей и разложеніе. Такимъ образомъ историческая школа логически обязана настаивать на эволюціи собственности, а ея соціальная политика вынуждаетъ высказываться противъ. Это безусловный трагизмъ, но историки живутъ въ этомъ ослѣпленіи.

Если Шмоллеръ и Шёнбергъ въ излишнемъ усердіи „превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала", то Луйо Брентано, представитель радикально реалистическаго направленія въ исторической школѣ, представляетъ собою типъ болѣе или менѣе объективнаго экономиста; онъ служитъ выраженіемъ въ нѣмецкой экономической наукѣ либеральнаго духа Англіи и въ то же время проявляетъ нѣкоторое общее тяготѣніе къ манчестерству. Противоположность Шмоллера и Брентано можно наблюдать въ дебатахъ конгресса Verein'a für Socialpolitik за 1890 годъ, когда Шмоллеръ отвергъ предложеніе Брентано по вопросу о легализаціи рабочихъ союзовъ.

ЭБ "Научное наследие России"

II.

Луйо Брентано.

Луйо Брентано род. 18 декабря 1844 г. Онъ происходитъ изъ зажиточной семьи и рано посвящаетъ себя наукѣ. Ставъ въ 1871 году, послѣ поѣздки съ Энгелемъ, извѣстнымъ статистикомъ, въ Англію, гдѣ онъ изучалъ исторію и дѣятельность рабочихъ союзовъ,—доцентомъ въ Берлинѣ,— онъ съ тѣхъ поръ посвящаетъ себя исключительно научно-педагогической дѣятельности. Изъ Берлина Брентано переходитъ въ Страсбургъ, оттуда въ Лейпцигъ, далѣе въ Вѣну и наконецъ въ Мюнхенъ, гдѣ пребываетъ и понынѣ.

Пребываніе Брентано въ Мюнхенѣ отразилось на его работахъ. Условія страны, ея мѣстные интересы, еще въ весьма значительной степени связанныя съ земледѣліемъ, быстро отозвались на темахъ очередныхъ работъ нашего экономиста. Изъ Gewerbepolitiker'a онъ становится скоро Agrarpolitik'омъ [1]). Въ послѣдній періодъ съ 1894 года онъ издаетъ серію работъ, посвященныхъ вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія. Таковы его работы, посвященныя праву единонаслѣдія, феодализму [2]) и пр.:

Первая литературная работа Брентано въ 60-хъ годахъ посвящена фонъ Тюнену и его изолированному государству. Въ 1870—71 годахъ онъ выпускаетъ свои „Arbeitergilden der Gegenwart", гдѣ впервые знакомитъ европейскую публику съ исторіею и организаціею англійскаго тредъюніонизма, о которомъ до него много говорили, но который фактически совсѣмъ не знали. Имѣвшее большой успѣхъ описаніе Брентано проникнуто оптимизмомъ и усиленнымъ восхваленіемъ самопомощи. Съ этого времени Брентано надолго приковываетъ свое вниманіе къ рабочему вопросу, въ которомъ онъ идетъ много дальше своихъ теоретическихъ единомышленниковъ. Но и подъ его вліяніемъ ни историческая школа въ совокупности, ни одинъ ея лагерь не создали никакого практическаго политическаго направленія въ германской жизни. не создали ни одной политической партіи ни въ рейхстагѣ, ни

---

[1]) Brentano, L.: Agrarpolitik I, Theoretische Einleitung in die Agrarpolitik, Штутгартъ. (Gotha). 1897.

[2]) Brentano, L: Erbrechtspolitik. Alte und neue Feudalität. Штутгартъ, 1899 г.

© "Научное наследие России"

въ ландтагахъ, ни въ коммунахъ. Интересуясь практической политикой, живой Брентано съ трудомъ мирился съ такимъ положеніемъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка онъ содѣйствовалъ, но, какъ всегда, закулисно — образованію особой парламентской партіи такъ наз. націоналъ-соціаловъ. Во главѣ движенія стояли пасторъ Науманнъ, Мауренбрехеръ, Гёре, проф. Зомъ и фонъ-Герлахъ, депутатъ, избранный отъ партіи въ рейхстагъ.

Идея партіи — умѣренный, націонализированный соціализмъ. Задача—демократизировать нѣмецкую интеллигенцію и создать рабочую партію на національной почвѣ. Сравнительно съ соціалъ-демократами, это направленіе менѣе радикально, безъ космополитизма и исключительной роли одного пролетаріата, но—въ сравненіи съ остальными партіями—крайнее теченіе.

Но партія „умерла, не успѣвши расцвѣсть“. По признанію искренняго пастора Науманна, сама задача, поставленная себѣ партіей, оказалась несостоятельною. Націоналъ-соціалы затерялись въ грандіозномъ движеніи соціалъ-демократіи.

Теперь они сузили свою задачу, основная тенденція которой уже не воздѣйствіе на рабочія массы, а перевоспитаніе интеллигенціи. Послѣдняя въ Германіи дѣйствительно требуетъ и воздѣйствія и перевоспитанія.

Сильно ошибается тотъ, кто, памятуя о громадной соціалъ-демократіи, считаетъ Германію вообще передовою страной. Интеллигенція Германіи буржуазна, косна, консервативна. Она осмѣяла Нитцше, не понимала Бёклина, протестуетъ противъ женской эмансипаціи, ненавидитъ соціализмъ. Демократизировать интеллигентскую массу, привить нѣмецкому интеллигенту прогрессивныя убѣжденія—и задаются цѣлью „націоналъ-соціалы“, маленькая партія, одно время игравшая нѣкоторую роль на политической аренѣ Германіи.

Но вернемся къ Брентано.

Кромѣ содѣйствія націоналъ-соціаламъ Брентано, какъ общественный дѣятель, игралъ видную роль въ созданіи Международнаго общества защиты труда и въ агитаціи противъ законопроекта о каторжной тюрьмѣ (Zuchthausvorlage).

Правительство Вильгельма II-го, чуть ли не по личной иниціативѣ самого императора, внесло въ рейхстагъ слѣдующаго рода законопроектъ. Всякій, будь то рабочій или

предприниматель—безразлично, препятствующій работѣ насиліемъ или угрозою—долженъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до 3-хъ лѣтъ.

Брентано въ публичныхъ лекціяхъ и въ прессѣ энергично возсталъ противъ этого законопроекта. Отношеніе Брентано къ этому вопросу можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Брентано энергично ратовалъ за расширеніе существующаго § 152, гдѣ говорится, что рабочій въ цѣляхъ чисто экономическихъ имѣетъ право организоваться, объединяться въ союзы и т. д. и высказывался противъ § 153, преслѣдующаго всякаго рода нарушенія рабочаго договора. Дѣло въ томъ, что § 153 сильно ограничиваетъ права, предоставляемыя § 152.

Брентано рекомендовалъ еще болѣе расширить положительную сторону § 152 и только тогда соглашался на усиленіе наказанія для всѣхъ нарушителей этого §. Напримѣръ, за разрушеніе фабричныхъ зданій съ одной стороны, за противодѣйствіе дѣятельности рабочихъ союзовъ—съ другой.

Съ этой же точки зрѣнія онъ отстаиваетъ и права рабочихъ выставлять при стачкахъ посты у воротъ фабрики, рабочіе которой забастовали, — съ цѣлью предупрежденія и мирнаго уговора товарищей, такъ наз. Streikpostenstehen. Это, по мнѣнію Брентано, естественный актъ справедливости по отношенію къ рабочимъ, такъ какъ рабочіе вообще слабѣе, организаціи ихъ бѣдны, у нихъ нѣтъ ни черныхъ листовъ, ни телефоновъ, которые имѣются въ распоряженіи у фабрикантовъ.

Агитація Брентано оказала вліяніе на общественное мнѣніе и соединенными усиліями оппозиціи — весь правительственный законопроектъ провалился. Такого рода выступленія — выступленія научно-политическаго характера типичны для Брентано, біографія котораго, несмотря на его преклонный возрастъ, далеко не можетъ считаться завершенной.

Отзывчивый и чуткій на злобы дня, блестящій ораторъ и образцовый педагогъ Брентано создалъ вокругъ себя „школу“, хотя сочиненія его лишены научнаго „багажа“ и многотомной эрудиціи нѣмецкихъ гелертеровъ. Брентано — типичный эссеистъ, переходящій часто въ боевую экономическую публицистику. Таковъ онъ въ жизни, на лекціяхъ и въ своихъ произведеніяхъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Міровоззрѣніе Брентано—лѣвое крыло историческо-реалистическаго направленія. Поэтому у него характерны взгляды на трудъ и его природу, на рабочій вопросъ вообще, и въ частности—на профессіональные рабочіе союзы, рабочее законодательство и государственное страхованіе.

Вопросъ о трудѣ и рабочемъ договорѣ онъ разсматриваетъ въ его историческомъ происхожденіи.

Исторія рабочаго договора, по его мнѣнію, сводится къ исторіи труда, гдѣ можно отмѣтить два періода отношеній: 1) періодъ обязанности (несвободныя отношенія) и 2) періодъ добровольности (договоръ). Римскіе юристы, полагаетъ Брентано (напр., институція Гайя, III, 142), устанавливали для рабочаго договора свободнаго гражданина или для найма на службу тѣ же правила, что и для купли и продажи всякаго другого товара: при покупкѣ-продажѣ естественно покупать возможно дешевле и продавать возможно дороже.

Въ дальнѣйшей исторіи тѣ же отношенія покоились на принципахъ власти и обязанности.

Германское право съ этого и начало, въ него перешли указанныя начала. Рабочій—рабъ, покупая раба, покупаютъ его трудъ—такъ гласитъ германское право.

Личное начало и личный интересъ появились раньше всего въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Крѣпостной колонъ, полу-рабъ, уже хозяйствуетъ на иныхъ началахъ. Теперь господинъ получалъ только часть дохода своего крѣпостного, но и эта часть уже была больше прежняго цѣлаго. Въ итогѣ оказывалось, что личный интересъ сильнѣе физическаго побужденія и что крѣпостной трудъ лучше и продуктивнѣе рабскаго.

И то, что было выгодно, было признано. Въ рабѣ былъ признанъ человѣкъ, и мѣсто раба занялъ крѣпостной.

Но рабочее отношеніе все еще оставалось чисто владѣльческимъ. Правда, крѣпостной уже не былъ больше вещью онъ образовывалъ сословіе и тѣмъ самымъ пріобрѣталъ нѣкоторыя права; это ограничивало господство надъ нимъ и какъ надъ орудіемъ производства, и какъ надъ человѣкомъ. Въ это время у господина еще былъ интересъ заботиться о своемъ крѣпостномъ. Дальнѣйшій процессъ развитія отношеній показалъ, что „большій и лучшій трудъ“ достигается лучше при свободномъ трудѣ, чѣмъ при крѣ-

ЭБ "Научное наследие России"

постномъ, выгоднѣе свободный трудъ, чѣмъ трудъ крѣпостного, тѣмъ болѣе, что не нужно содержать. кормить „свободнаго“ рабочаго. Вмѣсто вѣчно недовольныхъ крѣпостныхъ появляются „свободные“ рабочіе, дневное пропитаніе которыхъ зависитъ только отъ того—имѣютъ ли они работу или нѣтъ. Появляется договоръ. Вмѣсто договора о рабѣ является договоръ съ рабочимъ.

Раньше всего этотъ важный переворотъ произошелъ въ области промышленности, позднѣе въ сельскомъ хозяйствѣ.

Баринъ-господинъ сталъ работодателемъ, батракъ и подмастерье—работникомъ, рабочимъ. Крѣпостническое отношеніе превращается съ юридической точки зрѣнія въ чисто наемническое. Вмѣсто обильно регламентированнаго права—римское право свободныхъ гражданъ. Это положеніе—говоритъ Гай—свойственно новымъ народамъ. И, дѣйствительно. Англія, не знавшая римскаго права, развила то же положеніе.

Новыя условія встрѣтили поддержку въ наукѣ со стороны нѣкоторыхъ экономистовъ, главнымъ образомъ, Адама Смита; трудъ, по Смиту,—товаръ, рабочій—продавецъ, работодатель—покупатель труда. То же самое говоритъ и экономистъ Германъ: рабочій договоръ — просто договоръ о куплѣ-продажѣ.

Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе въ 105 § о промышленности (изд. 1869 г.) германскаго законодательства. Этотъ § гласитъ, что „установленіе отношеній между самостоятельными промышленниками и ихъ подмастерьями, помощниками и учениками есть предметъ свободнаго соглашенія“. Въ итогѣ Брентано говоритъ: „Въ существующемъ строѣ народное хозяйство является суммою покоющихся на собственности и свободѣ хозяйствъ отдѣльныхъ членовъ общества, связанныхъ въ одно цѣлое раздѣленіемъ труда и обмѣномъ“.

„Преслѣдуя,—продолжаетъ Брентано, опредѣляя задачи хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго члена общества и какъ бы говоря отъ его имени,—при уваженіи одинаковыхъ правъ остальныхъ лицъ, только свои личные интересы. каждый участвуетъ въ общемъ удовлетвореніи потребностей всей націи“. По Родбертусу—каждому сословію и отдѣльному лицу даются для выполненія опредѣленныя хозяйственныя

ЭБ "Научное наследие России"

функціи, но это. по мнѣнію Брентано, не свобода. Свобода, думаетъ онъ, вообще не мыслима безъ авторитетнаго руководства. Чѣмъ болѣе обширно и универсально производство, тѣмъ меньше оставляетъ оно свободы отдѣльному производителю, изъ само-цѣли человѣкъ становится орудіемъ великаго цѣлаго, „личность дѣйствуетъ въ качествѣ простой части крупнаго цѣлаго".

Каутскій въ комментаріи къ „Эрфуртской программѣ" считаетъ однимъ изъ серьезныхъ возраженій коммунизму то, что при немъ рабочій не сможетъ работать какъ и когда захочетъ. Такая свобода — по мнѣнію Каутскаго — несовмѣстима съ какимъ бы то ни было планомѣрнымъ совмѣстнымъ трудомъ многихъ лицъ и не можетъ вообще существовать послѣ того, какъ современная техника сдѣлала производство общественнымъ. Конечно, абсолютной свободы нѣтъ, но соціализмъ старается сдѣлать привлекательнымъ трудъ и при отсутствіи свободы труда.

Соціалъ-демократія не можетъ—говоритъ Каутскій [1])—устранить зависимость работника отъ хозяйственнаго цѣлаго, въ которомъ онъ образуетъ одно изъ колесъ, но на мѣсто зависимости рабочаго отъ капиталиста, котораго интересы враждебны его собственнымъ, она поставитъ зависимость его отъ общества, членомъ котораго онъ является, отъ общества равноправныхъ товарищей, имѣющихъ одни и тѣ же интересы".

Итакъ, мы можемъ видѣть, что зависимость отъ воли общества не противорѣчитъ ни свободѣ вообще, ни свободѣ труда въ частности. Выставляютъ еще „другое" возраженіе: чѣмъ совершеннѣе соціальная организація, тѣмъ острѣе чувство свободы.

„Послѣ того, какъ обезпечены необходимыя жизненныя потребности, ближайшей, сильнѣйшей личной потребностью является свобода—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль—растетъ интенсивность и потребность свободы".

Но мы уже видѣли, что соціалистическія свободы, даже и безъ свободы труда, все же лучше, чѣмъ буржуазныя—вмѣстѣ съ свободой труда, свободой—по остроумному замѣчанію Каутскаго—самому искать себѣ господина.

---

[1]) Цитируемъ по русскому изданію „Эрфуртской программы". Изд. „Колоколъ" Е. Д. Мягкова. 2-ое изд. М. 1905 г., стр. 204.

ЭБ "Научное наследие России"

Всѣ эти возраженія были разобраны соціалистическими писателями, „неизмѣримая заслуга которыхъ заключается въ глубокомъ пониманіи капиталистическаго строя и его опасностей; этимъ пониманіемъ они расчистили путь къ соціальнымъ реформамъ“.

Но вернемся къ договору рабочаго и предпринимателя.

Замѣна стараго права о трудѣ — правомъ о наймѣ и патріархальнаго отношенія — отношеніемъ покупателя къ продавцу съ точки зрѣнія формальнаго права — представляетъ громадный шагъ впередъ. Принципіально законодательство признало равноправіе рабочаго и работодателя. Но по существу произошло ухудшеніе, и неравенство фактически продолжало оставаться тѣмъ же неравенствомъ. Работодатель вправѣ при переполненіи рынка понижать заработную плату, — рабочій же вправѣ при возрастающемъ спросѣ на рабочія руки требовать повышенія заработной платы соотвѣтственно положенію рынка.

Работодатель, полный воспоминаній о своемъ прежнемъ положеніи господина, видитъ въ требованіи повышенія заработной платы ни на чемъ не основанную дерзость, а въ притязаніи рабочихъ на участіе въ установленіи условій труда—невыносимую наглость. „Онъ отказываетъ рабочему— говоритъ Брентано о работодателѣ — въ дѣйствительномъ признаніи за нимъ положенія, отведеннаго ему законодательствомъ“. И такъ поступаетъ, думаетъ Брентано, не одинъ предприниматель, но и власти и общественное мнѣніе.

Особенности труда—товара, по Брентано, заключаются въ томъ, что: 1) личность рабочаго неотдѣлима, 2) нѣтъ ничего иного, кромѣ труда.

И вотъ, въ результатѣ, кто устанавливаетъ условія труда—тотъ устанавливаетъ размѣръ труда, цѣну физическаго, умственнаго, нравственнаго, гражданскаго состава рабочихъ.

Появилось законодательство, защищающее слабыхъ. § 105 установилъ, что отношенія между рабочимъ и работодателемъ есть предметъ свободнаго соглашенія, за исключеніемъ ограниченій, указанныхъ общеимперскимъ закономъ. Но этотъ § все же—результатъ соціальной эволюціи и борьбы.

Въ этой борьбѣ рабочій является самой слабой стороной. Бѣдность, незнаніе рынка, незнаніе положенія промышленности — ставятъ его въ тяжелое положеніе. Тутъ

ЭБ "Научное наследие России"

являются различныхъ званій и ранговъ „благодѣтели“, съ самыми разнообразными прожектами избавленія рабочаго класса отъ невыносимо-тяжелаго положенія.

Наиболѣе утопичнымъ является—предложеніе мальтузіанцевъ: вліять на рабочій рынокъ посредствомъ воздержанія отъ произведенія потомства. Брентано такъ говоритъ объ этомъ предложеніи: „Половая стачка должна быть международной, но и тогда это быть можетъ уменьшило бы предложеніе труда въ будущемъ поколѣніи“.

Далѣе, при уменьшеніи спроса на трудъ, единичный рабочій не въ состояніи сократить и регулировать предложенія труда. Армія безработныхъ, этотъ неизбѣжный спутникъ существующаго способа производства, наводняетъ рынокъ свободными руками и голодными ртами и, конечно, тѣмъ самымъ мѣшаетъ этому регулированію и сокращенію.

Смитъ и Тюрго, требуя и выставляя принципъ свободнаго договора, имѣли передъ глазами мелкое производство съ мастерами-одиночками; въ крупной промышленности, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ индивидуальныхъ условій труда и, въ противоположность мелкому производству, здѣсь не примѣнимъ и не соотвѣтствуетъ условіямъ мѣста принципъ „свободнаго договора“. Въ крупной индустріи договоръ заключается между сильнымъ капиталистомъ-предпринимателемъ съ одной стороны и слабыми, не организованными массами съ другой. Но на помощь рабочимъ массамъ приходятъ профессіональные рабочіе союзы.

Подъ вліяніемъ профессіональныхъ союзовъ свободный рабочій договоръ получаетъ нѣсколько иной характеръ. Благодаря профессіональнымъ союзамъ, рабочій договоръ достигаетъ развитія, котораго онъ, согласно экономической природѣ договорнаго объекта, долженъ достигнуть съ естественною необходимостью. Онъ не диктуется болѣе отдѣльнымъ работодателемъ каждому рабочему въ частности, а заключается на общихъ для всѣхъ членовъ организацій условіяхъ, выработанныхъ третейскими судами и въ камерахъ соглашеній, опирающихся на союзы рабочихъ и общества работодателей. Только благодаря этому осуществляется то равноправіе сторонъ при заключеніи рабочаго договора, изъ котораго исходило законодательство, провозглашая свободу рабочаго договора. Только благодаря этому осуществляется лежащее въ ея основѣ политико-экономическое

ЭБ "Научное наследие России"

представленіе о рабочемъ, какъ продавцѣ. и работодателѣ— какъ покупателѣ. Только благодаря этому работодатель пріобрѣтаетъ недостающую ему теперь увѣренность въ соблюденіи рабочимъ договора. Такимъ образомъ, лишь благодаря этому, устраняется дисгармонія между правомъ и дѣйствительностью, расшатывающая, — поскольку рабочій договоръ есть договоръ о куплѣ-продажѣ, — наши современныя соціальныя условія, и въ то же время лишь благодаря этому даны условія, связанныя съ надеждой, изъ которой исходило законодательство, объявляя „свободу рабочаго договора“.— что свобода эта поведетъ къ возможно большому развитію силъ и къ благополучію каждаго. Кромѣ того, профессіональные союзы оказываютъ, такъ сказать, воспитательное воздѣйствіе какъ на работодателя, такъ и на рабочаго. Работодатели логикою обстоятельствъ вынуждаются къ дѣйствительному признанію того равноправія рабочихъ при заключеніи рабочаго договора, которое законодательство давно уже признало за ними. Рабочіе пріучаются къ познаванію тѣхъ предѣловъ, которые ставятся самою природою вещей на пути къ осуществленію ихъ требованій и желаній.

Результатомъ этого взаимнаго воспитанія — является вызываемая въ обѣихъ сторонахъ склонность замѣнить борьбу лучшимъ средствомъ при посредствѣ третейскихъ судовъ и договорныхъ отношеній [1]).

V.

Общая оцѣнка исторической школы.

Перейдемъ теперь къ общей оцѣнкѣ исторической школы, какъ научнаго направленія, и выяснимъ себѣ цѣнность теоретическихъ воззрѣній историзма.

Приступая къ характеристикѣ исторической школы, мы прежде всего должны поставить ей въ активъ тотъ грандіозный фактическій матеріалъ по исторіи ученій и исторіи хозяйства, который собрали и разработали его многочисленные представители.

Уже піонеры этого направленія вызвали въ германской наукѣ живой интересъ къ изученію исторіи хозяйственнаго

---

[1]) „Народное Хозяйство“ книга IV 1903 г. Брентано: „Профессіональныя организаціи рабочихъ“.

быта и дали сильный толчекъ къ появленію множества превосходныхъ историческихъ монографій; затѣмъ появился рядъ выдающихся коллективныхъ работъ. Таковы многотомныя изслѣдованія „союза соціалъ-политиковъ“ (Verein'a für Socialpolitik), громадный словарь Конрада (Handwörterbuch der Staatswissenschaften), словарь Эльстера и пр. Въ томъ же духѣ и Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im 19. Jahrhundert, посвященная Шмоллеру и т. д. Нѣкоторые изъ экономическихъ журналовъ вродѣ журналовъ проф. Конрада, Шмоллера, Брауна, и изданія семинарій (Брентано, Шмоллера, Бюхера и многихъ другихъ) представили въ концѣ концовъ тѣ же коллективныя изслѣдованія, иногда производимыя даже по общему плану. Въ результатѣ смыслъ минувшихъ ученій и картины прошлаго экономическаго быта были возстановлены съ рѣдкою добросовѣстностью и кропотливой точностью; предъ умственными взорами ученыхъ встали средневѣковые цехи, денежныя системы, которыя историческая школа досконально изучила. Этимъ историческая школа не ограничивалась Она изучала кромѣ того городскую жизнь, рабочій вопросъ, земледѣліе, экономическую исторію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ активъ же исторической школы необходимо поставить и то строгое отношеніе къ методологіи вообще и въ приложеніи своего метода въ частности, которое такъ характерно для исторической школы. Слѣдуя своему требованію эмпирическаго (индуктивнаго) метода, „историки“ тѣмъ самымъ были превосходными коллекціонерами, очень осторожными въ своихъ обобщеніяхъ. Въ итогѣ въ настоящее время ни одно научное направленіе въ политической экономіи не можетъ обойтись безъ знакомства съ указаніями и добытымъ матеріаломъ исторической школы.

Въ смыслѣ развитія экономической теоріи главнѣйшей заслугой исторической школы было внѣдреніе идей историзма и релятивизма въ изученіи общественныхъ явленій. Это было, тѣмъ самымъ, окончательное изгнаніе классической школы съ ея человѣкомъ безъ вѣры, класса, національности. Мѣстное, временное, измѣнчивое—стало на мѣсто космополитическаго, вѣчнаго и неизмѣннаго классической школы. И вмѣстѣ съ тѣмъ безстрастное отношеніе къ міру смѣнилось опредѣленнымъ моралезированіемъ. Уже начиная съ протеста противъ экономическаго

стремленія къ наживѣ, — этой основной черты хозяйствующаго индивида классической школы, — историзмъ вводилъ этическіе моменты въ экономическую теорію. Съ точки зрѣнія той же общественной морали, историческая школа протестуетъ противъ невмѣшательства въ экономическія отношенія и въ рабочій договоръ, считая, что носителемъ идеи справедливости должна быть внѣклассовая и безпартійная государственная власть. Итакъ, идея государственнаго вмѣшательства и особенно этическая реакція противъ матеріалистическаго классицизма и экономическаго оптимизма манчестерцевъ должны быть поставлены въ заслугу исторической школѣ. Обобщая ихъ взгляды, можно сказать, что не односторонній эвдемонизмъ ради личности, а альтруизмъ ради всего цѣлаго долженъ быть поставленъ во главу угла. И, наконецъ, органически связывая съ общими положеніями предыдущаго, они выдвигаютъ ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ, а абсолюту экономическаго либерализма они противопоставляютъ принципъ относительности, релятивизма экономической жизни. И дѣйствительно, историческая школа, указывая на рѣшающее вліяніе обстоятельствъ и на развитіе формъ экономической жизни, во многомъ развязываетъ руки соціальной политикѣ. Возвращаясь къ принципу релятивизма, относительности, нельзя не указать особенности его характера въ приложеніи къ вопросамъ прикладной экономической политики. Во-первыхъ: „Мы видимъ, говоритъ одинъ изъ представителей исторической школы, что небольшія, произвольныя уклоненія, возможныя на пути развитія, то въ ту, то въ другую сторону, большей частью уравновѣшиваютъ другъ друга по закону большихъ чиселъ. И здѣсь встрѣчаются виды гармоніи часто поразительной прелести, которые существовали съ давнихъ поръ, прежде, чѣмъ кто-либо изъ людей могъ ихъ предчувствовать. Они выражаются въ безчисленныхъ законахъ природы, независящихъ отъ признанія ихъ людьми и надъ которыми, какъ замѣтилъ Бэконъ, только тотъ можетъ пріобрѣсти власть, кто умѣетъ имъ подчиняться. Развѣ не долженъ быть принимаемъ во вниманіе наукою тотъ необъяснимый, небросающійся съ перваго взгляда основной фонъ картины вещей, предъ которымъ нашъ анализъ долженъ остановиться, назовемъ ли мы его жизненной силой, или родовымъ типомъ, или Божест-

ЭБ "Научное наследие России"

венной мыслью! Тѣмъ необходимѣе, при изслѣдованіи этихъ основъ человѣческихъ знаній, со стороны ученыхъ самопознаніе и честность, признающія существованіе этого порядка ибо, отрицая его, пришлось бы отрицать связь цѣлаго, представляющую гораздо большую важность, чѣмъ анализируемыя частности. Тѣмъ, конечно, рѣшительнѣе я долженъ протестовать противъ желанія обвинять въ ереси тѣхъ, которые не понимаютъ священной обязанности науки; путемъ все далѣе идущаго изслѣдованія отодвигать все болѣе назадъ эти необъяснимыя основы скрытаго порядка".

Такія положенія опредѣлили отношеніе историзма къ соціальной проблемѣ вообще и къ рабочему вопросу въ частности. Эти положенія въ разныхъ варіаціяхъ повторялись историками при разныхъ поводахъ и случаяхъ.

Каждое мѣропріятіе, каждый законопроектъ правительства, особенно обсуждавшійся въ „союзѣ соціальной политики" [1]) снабжался вышеприведенными общими положеніями.

Кстати о „союзѣ соціальной политики", о Verein'ѣ für Socialpolitik. Это типичная практическая платформа историзма. Много говорятъ о „крайностяхъ" историзма.

Каждое направленіе, при наличности подходящихъ условій, можетъ быть доведено до крайностей. То же случилось и съ исторической школою, во второмъ и третьемъ поколѣніи ученыхъ, легко выродившейся въ простое безыдейное описательное направленіе. Что у первыхъ піонеровъ историзма являлось чисто теоретической позиціей, своего рода безусловно философскимъ экономическимъ агностицизмомъ, у дальнѣйшихъ развивателей историзма превратилось именно въ полную безъидейность. Это привело къ мелочности, архивности, опортунизму и попыткамъ теоретическаго обоснованія тѣхъ чисто слу-

---

[1]) Первое историческое собраніе Verein für Socialpolitik, объединившее представителей этого направленія, состоялось въ 1872 г., въ Эйзенахѣ. Задачи новаго союза были формулированы во вступительной рѣчи Шмоллера, который заявилъ, что общимъ для собравшихся является прежде всего опредѣленное представленіе о государствѣ, одинаково далекое какъ отъ либеральнаго индивидуума, выше всего ставящаго свободу личности, такъ и отъ соціалистическаго идеала государства, поглощающаго личность. Исторія Verein'a für Socialpolitik изложена въ книжкѣ Else Conrad: Der Verein etc. Iena Fischer 1906.

© "Научное наследие России"

чайныхъ классовыхъ тенденцій, которыя развивали первые представители этого направленія.

Но раньше, чѣмъ окончательно установить размѣры и характеръ „пассива“ исторической школы, необходимо коснуться ея экономической политики: послѣдняя проникнута опортунизмомъ, неизбѣжнымъ результатомъ положенія „между двухъ огней“, т. е. между реакціонно-буржуазнымъ лагеремъ и соціализмомъ. Въ итогѣ эта срединная позиція — обязываетъ признавать нѣчто среднее, т. е. соціальную реформу безъ соціальнаго радикализма, соціальный эволюціонизмъ безъ революціонизма.

Такимъ образомъ, въ „пассивъ“ исторической школы мы ставимъ:

1. Изгнаніе идеаловъ, безыдейность въ теоріи, какъ результатъ своеобразнаго теоретическаго „агностицизма“.

2. Оппортунизмъ въ практической политикѣ.

3. Предпочтеніе архивныхъ изысканій при избраніи темъ для изслѣдованій.

4. Предпочтеніе описанія анализу и синтезу.

5. Неопредѣленное отношеніе къ соціализму.

Но въ соціализмѣ,—нужно отдать справедливость многимъ представителямъ историзма,—они все же признаютъ „здоровое ядро“. Вагнеръ и Шеффле въ нѣкоторыхъ положеніяхъ даже близки къ соціализму. Другіе представители историзма, какъ, напр., Геркнеръ и Брентано, близко подходятъ къ ревизіонистамъ соціалъ-демократіи, къ идеямъ Фольмара Бернштейна.

Нѣкоторые изслѣдователи не ясно себѣ представляютъ основную теоретическую позицію историзма и его философское обоснованіе. Въ поискахъ логическихъ построеній раціоналистическаго типа они находятъ здѣсь только эмпирическій матеріалъ и останавливаются передъ нимъ въ недоумѣніи. „Отличительная черта исторической школы,—говоритъ, наприм., Туганъ-Барановскій,—отсутствіе солиднаго теоретическаго базиса и даже вообще пренебреженіе къ теоріи. Самъ Рошеръ, глава школы, не сдѣлалъ ровно ничего въ области экономической теоріи. Но даже и въ построеніи исторіи хозяйства заслуги Рошера весьма невелики“ [1]).

---

[1]) Туганъ-Барановскій, М. И. Очерки etc., стр. 191.

Впрочемъ, далѣе тотъ же экономистъ высказывается нѣсколько иначе. Онъ говоритъ, что благодаря увлеченію архивностью, экономисты исторической школы не блещутъ широкими обобщеніями или глубокомысленными историко-экономическими теоріями;... они стремятся осторожнымъ сопоставленіемъ фактовъ прошлаго хозяйственнаго быта съ фактами современности достигнуть безпристрастнаго и объективнаго пониманія послѣдней.

Это де имъ не всегда удается, но нельзя отрицать ихъ заслугъ, какъ усердныхъ собирателей научныхъ фактовъ [1]).

Имѣются сужденія еще болѣе рѣзкія; такъ, наприм.. Карлъ Каутскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ историческую школу: „Историческая школа буржуазной экономіи въ своемъ настоящемъ видѣ считаетъ стремленія къ общей оцѣнкѣ общественнаго движенія пережитымъ уже взглядомъ. По ихъ мнѣнію, экономическая наука не должна заниматься изслѣдованіемъ соціальныхъ законовъ и объединеніемъ ихъ въ одну общую систему; задача ея ограничивается простымъ зарегистрированіемъ соціальныхъ явленій прошлаго и настоящаго. Такимъ образомъ, она привыкаетъ плавать по поверхности вещей. Если же какой-нибудь изъ ея представителей, несмотря на это, почувствуетъ искушеніе идти въ глубь вещей, то ему, оказывается, очень не по себѣ на этой глубинѣ, и онъ безпомощно осматривается кругомъ. Съ нѣкотораго времени и въ рядахъ нашей партіи распространилось стремленіе вытѣснить теорію Маркса не какой-либо иной теоріей, но недостаткомъ теоріи, свойственнымъ исторической школѣ, — замѣнить теоретика репортеромъ. Пусть тому, чья задача состоитъ не въ простомъ безцѣльномъ шатаніи отъ факта къ факту, а въ планомѣрномъ и рѣшительномъ движеніи къ одной великой цѣли, раскрытая нами здѣсь Брентановская путаница послужитъ предостереженіемъ противъ современныхъ методовъ исторической школы“ [2]).

При менѣе суровомъ и болѣе спокойномъ отношеніи къ историзму нельзя не признать его серьезныхъ заслугъ въ

---

[1]) Туганъ-Барановскій, М.: Очерки etc., стр. 175.

[2]) Каутскій, К.: „Толстой и Брентано“, въ сборникѣ статей Каутскаго: „Очередныя проблемы международнаго соціализма“, рус. пер В. Величкиной и Н. Ульяновой, книгоизд. „Оріонъ“. СПб., 1906 г., стр. 126.

ЭБ "Научное наследие России"

сферѣ изученія прошлыхъ и настоящихъ судебъ экономическаго быта и экономической мысли, что уже одно, несомнѣнно, даетъ цѣнную основу для всего дальнѣйшаго развитія экономической науки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и для дѣятелей и законодателей въ области практической хозяйственной жизни съ появленіемъ трудовъ исторической школы создалась болѣе твердая и, притомъ, фактически обоснованная почва.

Литература объ исторической школѣ не особенно обширна. Отзывы, свѣдѣнія и характеристики исторической школы можно найти во всѣхъ главнѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи политической экономіи (Кауцъ, Ингремъ, Бунге, Эспинасъ, Мейеръ, Косса, Эйзенгартъ, Людвигъ Штейнъ, Туганъ-Барановскій, Миклашевскій и пр.). Интересны главы, касающіяся исторической школы, въ книгѣ М В Бернацкаго. „Теоретики государственнаго соціализма въ Германіи и соціально-политическія воззрѣнія князя Бисмарка“ СПб 1911 г. Затѣмъ, имѣется нѣсколько специальныхъ работъ, посвященныхъ исторической школѣ, изъ нихъ наиболѣе существенны нижеслѣдующія

1. Berghoff-Ising. Ueber die historisch-ethische Richtung in der Nationalokonomie. Leipzig. (D. & H.). 1889.

2 Schuller, Richard: Die klassische Nationalokonomie und ihre Gegner. 1895 Его же—Die Wirtschaftspolitik der historischen Schule Leipzig. 1891.

3. St. Mark: Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les universités d'Allemagne et d'Autriche. Парижъ. 1892.

4. Oppenheimer: Der Kateder-Socialismus. 1872.

5. Roscher, W.: The History of German Political Economy, въ „Essays in Political and Moral Philosophy“. 1879.

6. Rae John: The Economic Movement in Germany, въ „Contemporary Socialism“, 2 изд. 1891.

7. Philippovich, Eugen: „The Verein für Socialpolitik“, въ Quarterly Journal of Economics, окт. за 1894.

8. Conrad, Else· Verein für Socialpolitik. Іена. 1906.

9. Meinong: Phychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie. Грацъ. 1899.

10. v. Ehrenfels: Werttheorie und Ethik, въ жур „Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie за 1893 и 1894. Его же—System der Werttheorie, т. I. Лейпцигъ. 1897

11. Симоненко, Ѳ.: Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ.—Обзоръ и критическая оцѣнка ученій главныхъ представителей современной экономической науки, особенно ново-исторической школы. Варшава. 1900 г.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ XXIV.

Австрійская школа.

I.

Австрійская школа въ политической экономіи впервые появилась въ началѣ 70-хъ годовъ XIX в., въ значительной мѣрѣ, какъ реакція противъ преувеличеній и исключительности индуктивнаго метода изслѣдованія и описательнаго направленія, примѣняемаго исторической школой.

Названіе „австрійской“ она получила отъ того, что первымъ выступившимъ съ рѣзкой критикой историзма былъ въ послѣдствіи извѣстный австрійскій экономистъ и профессоръ Вѣнскаго университета Карлъ Менгеръ, который увлекъ за собою рядъ другихъ австрійскихъ ученыхъ: Фридриха фонъ-Визера, Сакса, Цукеркандля, Евгенія фонъ-Бёмъ-Баверка и др.

Неоспоримая заслуга исторической школы заключается, — какъ мы только что видѣли, — въ томъ, что она собрала громадный фактическій матеріалъ по исторіи народнаго хозяйства и своимъ скептицизмомъ и выясненіемъ значенія условій мѣста и времени развѣнчала абстрактность классической школы. Это направленіе оставляетъ въ наслѣдство будущихъ поколѣній много блестящихъ историческихъ монографій, проливщихъ свѣтъ на изжитыя уже формы хозяйственныхъ отношеній. Но безпредѣльное увлеченіе индуктивнымъ методомъ и стремленіе предоставить этому методу исключительное господство въ теоретической политической экономіи привело въ итогѣ къ тому, что многіе представители исторической школы совершенно исключили изъ экономической теоріи ученіе объ общихъ принципахъ экономическихъ явленій и свели весь анализъ къ простому регистрированію фактовъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы выше убѣдились, историческая школа, стоя на почвѣ своего философскаго агностицизма, признаетъ „общіе законы“ экономіи безпочвенною схоластикою и метафизикою, а общіе принципы — пустыми абстракціями, ничего общаго не имѣющими съ дѣйствительностью, т. е. причисляютъ политическую экономію къ категоріи историческихъ наукъ.

Между тѣмъ, экономистамъ было бы правильнѣе смотрѣть на исторію только какъ на вспомогательную науку по отношенію къ политической экономіи и не забывать, что всякая теорія, въ концѣ концовъ, немыслима безъ извѣстнаго рода абстракціи, хотя бы даже въ одной только области „основныхъ понятій“, къ которой нѣкоторыя сводятъ всю экономическую теорію. Слѣдовательно, историческая школа естественно отодвигала на задній планъ всѣ чисто теоретическіе вопросы и, если не затрагивала прошлое, то занималась изученіемъ хозяйственной жизни въ данное время и на данномъ пространствѣ, что переносило центръ тяжести уже прямо въ область экономической статистики.

Такое теченіе не могло, въ концѣ концовъ, не встрѣтить сильной оппозиціи; она и началась со стороны Карла Менгера и его послѣдователей, которые стали на совершенно противоположную точку зрѣнія. Новое направленіе полагаетъ, что не надо бояться абстракціи, что всякая точная наука, какой является и политическая экономія, должна быть абстрактна, а слѣдовательно и методъ ея долженъ быть абстрактнымъ, дедуктивнымъ, или, — придерживаясь терминологіи австрійской школы, — долженъ быть „точнымъ“.

Сигналомъ къ борьбѣ противъ исторической школы послужило сочиненіе Менгера: „О методѣ въ соціальныхъ наукахъ и въ политической экономіи въ особенности“, въ которомъ съ большой ясностью излагаются основы новой экономической методологіи. Менгеръ видитъ причину упадка теоретической экономіи въ Германіи именно въ господствѣ статистико-историческаго метода въ этой области. „Когда наука сбивается съ истиннаго пути, когда господствующія школы вносятъ въ нее ложные методологическіе пріемы, тогда то, — говоритъ онъ, — выясненіе методологическихъ вопросовъ является условіемъ дальнѣйшаго прогресса и тогда чрезвычайно умѣстенъ споръ о методѣ“ [1]).

[1]) **Menger**, K.: **Ueber die Methode** etc., предисловіе, стр. XII-я.

© "Научное наследие России"

Вопросъ о методѣ, какъ извѣстно, ставился въ политической экономіи часто и раньше, но постановка его была черезчуръ прямолинейна; его сводили къ слѣдующей формѣ: какимъ путемъ мы достигаемъ познанія экономическихъ законовъ — путемъ индукціи или дедукціи? Но при этомъ забывали, что политическая экономія не представляетъ собой чего-нибудь цѣлаго — однороднаго, развитіе ея шло по разнымъ направленіямъ и въ данное время она заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла экономическихъ знаній (теоретическую политическую экономію, экономическую политику, финансовую науку и хозяйственную исторію), а потому не можетъ быть и вопроса о единствѣ метода на всемъ протяженіи данной отрасли знанія. Въ итогѣ, все будетъ зависѣть отъ того, который изъ этихъ четырехъ отдѣловъ мы имѣемъ въ виду.

Этимъ же до извѣстной степени объясняется и прежняя безрезультатность споровъ о методѣ. Чувствовалось, что вопросъ нуждается въ правильной его постановкѣ; заслуга новаго пересмотра вопроса вполнѣ справедливо выпала на долю Менгера.

Другимъ основнымъ вопросомъ, который выдѣлилъ австрійцевъ изъ среды остальныхъ европейскихъ экономистовъ, былъ вопросъ о цѣнности и вытекающее изъ него ученіе о доходѣ на капиталъ. Здѣсь они создали особое ученіе о субъективной цѣнности, имѣющее свою исторію, о чемъ ниже.

II.

Основоположною книгою австрійской школы можно считать вышеупомянутую книгу Менгера о методѣ. Вокругъ этого сочиненія завязалась ожесточенная полемика. Менгеру возражалъ экономистъ-историкъ, берлинскій профессоръ Густавъ Шмоллеръ въ статьѣ „Zur Methodologie der Staats- und Socialwissenschaften“, напечатанной въ Шмоллеровскомъ Ежегодникѣ въ 1883 году. Здѣсь Шмоллеръ точнѣе формулировалъ ранѣе высказанные имъ взгляды на методъ въ его извѣстной работѣ „Ueber einige Grundfragen der Rechts- und Volkswirtschaft“, появившейся въ 1875 году. Возраженіе Шмоллера вызвало новое нападеніе, уже чисто-полемическое, со стороны Менгера въ его книгѣ „Die Irr-

ЭБ "Научное наследие России"

thümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie". изданный въ слѣдующемъ, 1884 году. Въ томъ же году два другихъ ученыхъ—Dietzel и Emil Sax издали свои методологическія изслѣдованія въ поддержку воззрѣній Менгера. Въ 1888 году появилась небольшая контръ-работа Брентано „Die klassische Nationalökonomie". Ему, впрочемъ, много позднѣе возражалъ ученикъ Менгера Richard Schüller въ интересной брошюрѣ „Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner" (1895 г.) Такова внѣшняя сторона этого многолѣтняго спора, уже имѣющаго въ лицѣ Hasbach'a и Artom'a [1]) своихъ историковъ. У насъ въ Россіи интересовавшихся этимъ знаменитымъ методологическимъ споромъ своевременно ознакомилъ проф. Левицкій, ставшій при его оцѣнкѣ на сторону австрійской школы" [2]).

Вернемся къ первому труду Менгера. Въ началѣ своего изслѣдованія Менгеръ опредѣляетъ двѣ весьма различныя точки зрѣнія, которыя опредѣляютъ собой и разницу въ методѣ. Міръ явленій можетъ быть разсматриваемъ или съ точки зрѣнія отдѣльныхъ явленій въ опредѣленномъ пространствѣ и въ опредѣленное время, или же съ точки зрѣнія самихъ формъ явленій.

Первое направленіе изслѣдованія состоитъ въ познаніи индивидуальнаго явленія, а второе—въ познаніи родового. Отсюда вытекаютъ и двѣ группы научныхъ знаній — индивидуальная и родовая.

Отъ изученія конкретныхъ явленій легко перейти къ изученію такихъ формъ явленій, которыя называются типами. Дѣйствительно несмотря на большое разнообразіе конкретныхъ явленій, мы можемъ легко убѣдиться, что отдѣльное явленіе не представляетъ собой какую-либо особую, вполнѣ отличную отъ всѣхъ другихъ форму, а наоборотъ, на опытѣ мы убѣждаемся, что извѣстныя явленія съ большею или меньшею правильностью повторяются. Вотъ эта повторяемость

---

[1]) Camillo Artom: „La recente evoluzione della metodologio nella scienza economica tedesca". (Giornale degli Economisti, 1888). Artom различаетъ три направленія — историческое, экзактное и органическое, которое многіе не выдѣляютъ въ особое направленіе.

[2]) Левицкій, В.: „Вопросъ о методѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ", въ журналѣ „Юридическій Вѣстникъ" за 1884 г., № 12. Его же. „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ". Ярославль, 1890 г.

ЭБ "Научное наследие России"

явленій и служитъ основой для понятія о „типѣ“. Мы наблюдаемъ точно такую же повторяемость и во взаимныхъ соотношеніяхъ между конкретными явленіями, которыя опредѣляются, какъ „типическія“. Примѣръ: явленія купли, денегъ, спроса и предложенія, цѣны, капиталъ, проценты представляютъ собой типическія формы экономическихъ явленій, а правильное паденіе цѣны товаровъ вслѣдствіе усиленія предложенія, паденіе процентовъ вслѣдствіе значительнаго прилива капиталовъ—это будутъ типическія соотношенія между экономическими явленіями.

Познаніе формъ явленій является необходимымъ условіемъ полнаго познанія реальнаго міра, а безъ познанія типическихъ соотношеній мы были бы лишены дара предвидѣнія и господства надъ вещами. Все сказанное по отношенію ко всему міру явленій Менгеръ цѣликомъ переноситъ въ сферу хозяйственныхъ отношеній и соотвѣтственно этому дѣлитъ и всю политическую экономію на три части.

Изученіе экономическихъ явленій въ ихъ послѣдовательности и взаимной связи, т. е. изученіе со стороны ихъ индивидуальныхъ признаковъ, образуетъ отдѣлъ статистики и исторіи народнаго хозяйства; изученіе же типическихъ формъ экономическихъ явленій и ихъ соотношеній составляетъ предметъ теоретической политической экономіи. Къ третьему отдѣлу относятся такъ называемыя практическія науки или искусства (Kunstlehren), подъ которыми Менгеръ разумѣетъ народно-хозяйственную политику и финансовую науку. Обѣ названныя науки выясняютъ намъ явленія не съ исторической и не съ теоретической сторонъ ихъ изслѣдованія, а они устанавливаютъ тѣ основанія, опираясь на которыя мы наиболѣе цѣлесообразно достигаемъ опредѣленнаго рода стремленій. Итакъ, подъ политической экономіей Менгеръ разумѣетъ эти три области знанія, т. е. теоретическую экономію, прикладную экономію и финансы. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ экономическія явленія разсматриваются съ разной, совершенно особой точки зрѣнія, а слѣдовательно и методы изученія должны быть различны.

Разсмотримъ м е т о д ъ, по которому Менгеръ ведетъ свое изслѣдованіе въ теоретической экономіи. Мы уже упоминали о томъ, что этотъ методъ получаетъ названіе „точнаго“, „экзактнаго“. Посмотримъ, въ чемъ заключается его сущность. Формулировать этотъ методъ можно слѣдующимъ

ЭБ "Научное наследие России"

образомъ: разъ какое-либо явленіе наблюдается при наличности данныхъ условій, то при наступленіи тождественности тѣхъ же условій должно быть налицо и вышеупомянутое явленіе. Здѣсь и заключается основная разница между методомъ новымъ и методомъ эмпирико-реалистическимъ. господствующемъ въ исторической школѣ. Эмпирико-реалистическій методъ констатируетъ факты хозяйственной жизни, говоритъ, что за такими-то явленіями слѣдуетъ такое-то, но неизбѣжности слѣдованія этого явленія за предшествующими — этой увѣренности закона онъ не даетъ. Для того же, чтобы прійти къ такому закону, выражающему неизмѣнный порядокъ явленій, мы должны искать точку опоры уже не въ эмпиризмѣ явленій, а въ свойствахъ человѣческаго мышленія, дающаго намъ возможность явленія конкретной дѣйствительности разсматривать въ абстрактномъ видѣ, путемъ нашего мышленія „абстрагируя ихъ“. Всѣ факты соціальной жизни отличаются крайней сложностью и запутанностью, такъ какъ они являются производными разнообразныхъ явленій, какъ внѣшней природы, такъ и разнообразныхъ стремленій присущихъ человѣку, моральныхъ, религіозныхъ нравовъ, стремленій къ поддержанію физической жизни отдѣльнаго индивидуума, семьи, цѣлаго общества и т. п. Поэтому различныя дисциплины объясняютъ только какую-нибудь сторону этихъ сложныхъ соціальныхъ явленій.

Политическая экономія идетъ тѣмъ же путемъ—и она беретъ часть этой обширной науки — соціологіи, а именно она ставитъ своей задачей выяснить законы человѣческаго общества со стороны его хозяйственной дѣятельности. Вѣрная своему „точному“ методу, она исходитъ изъ наиболѣе общихъ факторовъ хозяйственной жизни, а такими она считаетъ потребности человѣка и стремленіе къ ихъ удовлетворенію съ наименьшею затратою труда.

Итакъ теоретическая политическая экономія изучаетъ міръ хозяйственныхъ явленій не во всей ихъ полнотѣ, а беретъ только отдѣльныя ихъ стороны. Такое изученіе и есть логическое развитіе „точнаго“ метода, противополагаемаго индукціи исторической школы.

ЭБ "Научное наследие России"

III.

Другой не менѣе коренной вопросъ, выдѣляющій австрійскую школу изъ ряда другихъ экономическихъ ученій, — это ученіе о цѣнности, занимающее центральное мѣсто въ политической экономіи.

Ученіе о цѣнности, предложенное австрійскою школою. (такъ называемая субъективная теорія цѣнности). имѣетъ свою не лишенную интереса исторію, которую мы здѣсь вкратцѣ и прослѣдимъ.

Еще въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые экономисты (Галліани Тюрго, Кондильякъ) полагали, что цѣнность обмѣниваемаго блага пропорціональна его полезности и что цѣнность представляетъ собою чисто субъективное явленіе. Великій Тюрго уже отмѣчаетъ фактъ нашей чисто индивидуальной оцѣнки предметовъ: строго отличаетъ цѣнность и цѣну. Кондильякъ считаетъ пользу единственнымъ источникомъ цѣнности. Но болѣе обширной и обоснованной мы встрѣчаемъ эту теорію у Росси, Жанъ-Баптиста Сея, Шторха. Жанъ-Баптистъ Сей полагаетъ, что каждый предметъ, прежде чѣмъ быть обмѣненнымъ, оцѣнивается (съ точки зрѣнія субъективнаго значенія) самимъ лицомъ, которое желаетъ его вымѣнять на товаръ, предлагаемый другимъ. Онъ выясняетъ какъ свою потерю при отдачѣ такъ и размѣръ прибыли отъ получки.

Сей и Шторхъ объясняли цѣнность полезностью хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ между цѣнностью и полезностью, существуетъ, на первый взглядъ, значительная связь. Но анализъ указалъ на иное. Такъ, мы часто совсѣмъ не цѣнимъ предметовъ, которые безусловно полезны или цѣнимъ предметы не въ степени ихъ полезности (напр., золото выше хлѣба).

И это видимое противорѣчіе не могла устранить теорія Сея и Шторха. Но, несмотря на такія противорѣчія, все же казалась очевидной связь между полезностью и цѣнностью; вывести теорію цѣнности изъ этого затрудненія взялся талантливый нѣмецкій экономистъ Бруно Гильдебрандтъ, мысли котораго были развиты подробнѣе историкомъ Карломъ Книсомъ. Онъ вводитъ положеніе, что необходимо сравнивать не всѣ конкретныя вещи въ отдѣльности, а ихъ запасы. Такъ, весь хлѣбъ полезнѣе всѣхъ алмазовъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Идея соотношенія цѣнности съ полезностью получаетъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Томаса Госсена, Джевонса, Вольраса, Менгера, Визера, Бёмъ-Баверка.

Томасъ написалъ въ 1841 году книгу „Theorie des Verkehrs", въ которой выводитъ всѣ образованія цѣны и цѣнности изъ человѣческой оцѣнки наслажденія.

Госсенъ написалъ книгу, вышедшую въ 1854 г., „Entwickelung des Gesetzes des menschlichen Verkehrs", но эта книга вслѣдствіе своей неясности, обилія математическихъ формулъ и общей странности изложенія до послѣдняго времени оставалась неоцѣненной.

Госсенъ, послѣ длиннаго опредѣленія значенія удовольствія, говоритъ: „Внѣшній міръ имѣетъ для насъ цѣнность, и отсюда слѣдуетъ, что цѣнность, внѣшняго міра для насъ именно въ той же мѣрѣ подымается и опускается, какъ помощь, которую она намъ оказываетъ при достиженіи нашей жизненной задачи. Размѣры же этой помощи точно измѣряются размѣрами (величиной) удовольствія (Lebensgenuss), которое она намъ доставляетъ", (Госсенъ, стр. 24).

Госсенъ дѣлитъ всѣ предметы на три класса: I-ый — дары природы и произведенія (спеціально), только что вышедшія отъ мастера. II — Всѣ остальные предметы внѣшняго міра. III — Землю (природу), косвенно создающую предметы. Всѣ эти три категоріи оцѣниваются по степени ихъ способности удовлетворять наслажденію.

Какъ мы уже упоминали выше, книга Госсена прошла совершенно незамѣченной и о ней вспомнили только тогда, когда та же теорія цѣнности была развита почти единовременно и совершенно самостоятельно Джевонсомъ [1], Карломъ Менгеромъ [2] и Вальрасомъ [3].

Всѣ три вышеупомянутые экономисты пришли къ отрицанію взгляда, что цѣнность есть свойство вещи самой по себѣ, ея, такъ сказать, аттрибутъ. Они нашли, что цѣнность есть только отношеніе между отдѣльнымъ хозяйствующимъ субъектомъ и предметомъ, т. е., что цѣнность

---

[1]) Джевонсъ, (Jevons): „Theory Political Economy", 1871.

[2]) Менгеръ, К. (Menger): „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre", 1871.

[3]) Вальрасъ, Л. (Walras): „Eléments d'économie politique pure", 1874.

35 "Научное наследие России"

есть понятіе не объективное, а вполнѣ и исключительно субъективное.

Второе, не менѣе важное положеніе, къ которому они пришли, заключается въ опредѣленіи, что понятіе цѣнности неразрывно связано съ представленіемъ объ опредѣленномъ ограниченномъ количествѣ предметовъ запаса благъ. Но и эта идея имѣетъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ математика Даніэля Бернулли, философа Бентама и нѣк. другихъ.

Работа Бернулли чисто математическая, изъ отдѣла теоріи вѣроятности, но пріурочена къ вычисленію цѣнности и постолько имѣетъ для насъ интересъ. Бернулли устанавливаетъ фактъ измѣненія цѣнности въ зависимости отъ количества и устанавливаетъ его довольно своеобразнымъ путемъ, исходя изъ анализа игры и вѣроятности выигрыша. Онъ полагаетъ, что одно и то же количество денегъ имѣетъ различную цѣнность въ зависимости отъ богатства или имущества лица, т. е. цѣнность возрастаетъ въ опредѣленномъ отношеніи къ количеству, а именно какъ логариѳмъ количества.

Мы остановимся только на развитіи той общей идеи, которая положена въ основу его теоріи.

Она сводится, какъ уже сказано выше, къ факту измѣненія цѣнностей въ зависимости отъ количества. Бернулли устанавливаетъ отношеніе между приростомъ дохода и увеличеніемъ счастья, при чемъ указываетъ, что приростъ счастья идетъ болѣе замедленнымъ путемъ. Кромѣ того Бернулли полагаетъ, и въ этомъ его отличіе отъ послѣдующихъ изслѣдователей, что онъ установилъ и законъ этого замедленія прироста счастья.

Законъ замедленія выражается въ прогрессіи арифметической, развивающейся въ то время, когда приростъ дохода происходитъ путемъ геометрическимъ. Бернулли устанавливаетъ слѣдующее отношеніе, въ которомъ математически формулируетъ вышеизложенное, а именно: $dy = \frac{b \cdot dx}{x}$ причемъ y — счастье, цѣнность, x — деньги, b — постоянная величина, откуда $y = \log x + c$. Знаменитый математикъ Принцгеймъ, переиздавшій Specimen theoriae nuovae, го-

---

[1]) Bernulli: „Specimen theorie nuovae de mensura sortis", 1738 г. Въ комментаріяхъ петербургской Академіи, т. V.; переиздано по-нѣмецки Л. Брентано и Лезеромъ въ 1896 г., въ Лейпцигѣ (D. & H.).

воритъ, что содержаніе закона Бернулли распадается на двѣ части:

1) На опытный законъ, въ которомъ говорится, что преимущество вообще возрастаетъ съ величиною прибыли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно тѣмъ кажется меньшимъ, чѣмъ уже больше имѣющееся налицо имущество, другими словами. преимущество — возрастающая функція прибыли и уменьшающаяся имущества.

2) На гипотезу, которая устанавливаетъ, что преимущество варьируетъ прямо пропорціонально съ прибылью и обратно пропорціонально съ имуществомъ

Признавая первую, Принцгеймъ считаетъ вторую часть закона Бернулли довольно таки произвольною.

Спустя полъ-вѣка, послѣ появленія работы Бернулли. тѣмъ же вопросомъ занялся знаменитый Іеремія Бентамъ. Теорія цѣнности Бентама есть часть его этики и политики и притомъ часть самая основная. Она входитъ, какъ составная часть одного законченнаго блестящаго цѣлаго — его философскаго міровоззрѣнія. Какъ философъ, основатель утилитаризма, Іеремія Бентамъ примыкаетъ къ знаменитому главѣ Киренской школы Аристиппу, къ великому Эпикуру, къ его изумительному продолжателю римлянину Лукрецію Кару. Бентамъ учитъ, что внѣ удовольствія и страданія нѣтъ никакого первичнаго блага, внѣ боли и безотрадности никакого нормальнаго существованія. Отсюда и положеніе, что удовольствіе и свобода отъ страданій есть единственно драгоцѣнное, образуетъ исходную точку его ученія о богатствѣ и цѣнности, его утилитарной этики.

Поэтому, думаетъ Бентамъ, происхожденіе понятія о цѣнности можетъ возникнуть по пути психологическаго анализа.

Размѣръ цѣнности, ея величина, зависитъ, по Бентаму, отъ семи нижеслѣдующихъ условій: 1) отъ интенсивности удовольствія или страданія; 2) отъ продолжительности; 3) отъ размѣровъ вѣроятности его наступленія; 4) отъ временнаго отдаленія его наступленія; 5) отъ распространенія на большее или меньшее количество людей; 7) отъ плодородія, 6) отъ чистоты.

„Возьмемъ, какъ данное, Existenzminimum, т. е. что годового дохода какого-то-либо человѣка какъ разъ хватаетъ на его жизнь; предположимъ, что этотъ минимумъ

ЭБ "Научное наследие России"

растетъ въ какомъ-нибудь постоянномъ отношеніи, — въ такомъ случаѣ растетъ въ извѣстныхъ доляхъ ceteris paribus и счастье (примитивная сумма цѣнности) владѣльца этого дохода не въ томъ же отношеніи; значительно болѣе ростъ этого счастья въ противоположность деньгамъ замедленнѣе; но при этомъ нельзя установить, въ какой мѣрѣ оно медленнѣе растетъ; даже нельзя съ увѣренностью сказать, что существуетъ постоянная величина этого замедленія".

Таково положеніе, носящее названіе аксіомы Бентама.

Такимъ образомъ, схема Бентамовской аксіомы очень похожа на законъ Бернулли, формулированный за полъстолѣтія до Бентама. Но Бентаму спеціальное сочиненіе Бернулли осталось неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ специалисту Бентама — Оскару Краусу [1]) установить это знакомство не удалось.

Если сравнить законъ Бернулли и аксіому Бентама, то оказывается, что послѣдняя съ одной стороны формула болѣе общая, а съ другой болѣе удачная и обоснованная.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и знаменитый Лапласъ въ своей „Essai philosophique sur les probabilités". Парижъ 1830. Лапласъ выводитъ чисто математическимъ путемъ правило, что относительная цѣнность безконечно малой суммы равняется ея абсолютной цѣнности, дѣленной на всю величину имущества даннаго лица.

На этомъ мы закончимъ обзоръ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи легли въ основу такъ называемой австрійской теоріи цѣнности. Намъ важно констатировать тотъ фактъ, что основныя положенія ученія, опредѣляющаго цѣнность, какъ результатъ субъективной оцѣнки, формулированы задолго до появленія трудовъ экономистовъ австрійской школы, хотя наибольшую разработку эта теорія получила въ трудахъ австрійскихъ экономистовъ и наибольшее распространеніе ея нужно отнести именно къ періоду ея разработки австрійцами.

Послѣдніе выступаютъ съ начала 70-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ Австріи піонеромъ новаго теченія является вѣнскій профессоръ Карлъ Менгеръ. Онъ выступаетъ едино-

---

[1]) Kraus, O.: Zur Theorie des Werthes. Eine Bentham-Studie. Halle a. S., 1902.

ЭБ "Научное наследие России"

временно съ англійскимъ писателемъ W. Stanley Jevons'омъ [1]) и французскимъ Leon Walras'омъ [2]) близко подходящимъ ему по взглядамъ.

Карлъ Менгеръ, въ 1871 году (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, I. Teil), опредѣляетъ цѣнность для насъ только тѣхъ благъ, которыя служатъ для удовлетворенія потребностей. Въ цѣнности нѣтъ ничего произвольнаго. Фридрихъ фонъ-Визеръ въ 1884 году (Ueber den Ursprung und Haupt-Gesetze des wirtschaftlichen Wertes) объявилъ цѣнность общимъ хозяйственнымъ явленіемъ, не связаннымъ съ частнохозяйственнымъ производствомъ. Наконецъ Евгеній фонъ-Бёмъ-Баверкъ въ 1886 г. въ журналѣ: „Jahrbücher für Nationalökonomie" (Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes) изложилъ уже теорію предѣльной полезности.

По мнѣнію представителей субъективной или австрійской школы цѣнность не является объективнымъ, внутреннимъ свойствомъ матеріальныхъ благъ, цѣнность, по ихъ опредѣленію, есть результатъ своеобразнаго отношенія между объектомъ и субъектомъ, но они подчеркиваютъ главнымъ образомъ этотъ субъективный моментъ въ цѣнности, и поэтому цѣнность опредѣляется слѣдующимъ образомъ. „Цѣнностью называется то значеніе, которое представляетъ матеріальное благо или комплексъ матеріальныхъ благъ съ точки зрѣнія благополучія субъекта".

Отъ субъективной цѣнности они строго отличаютъ объективную цѣнность, разсматриваемую ими исключительно, какъ мѣновую силу. Но что является мѣриломъ цѣнности даннаго блага? Мѣриломъ является та величина пользы, которую приноситъ данному субъекту матеріальное благо, отсюда устанавливается точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственныхъ благъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя видами полезности, — одно понятіе абстрактной полезности даннаго рода вещей, и затѣмъ польза, извлекаемая изъ даннаго конкретнаго предмета.

Эти два понятія совершенно различны, ибо отвѣты при ихъ оцѣнкѣ будутъ даны діаметрально противоположные.

Тутъ берется примѣръ воды. Вода полезна вообще, но не каждый стаканъ воды приноситъ намъ одинаковую пользу.

---

[1]) Jevons. The theory of political economy, 1 изд. Лондонъ, 1871.

[2]) Walras: Eléments d'économie politique pure. Lausanne, 1874, его же: Théorie mathématique de la richesse sociale. Lausanne, 1883.

ЭБ "Научное наследие России"

Такъ какъ выгода, получаемая человѣкомъ отъ обладанія матеріальными благами, заключается въ большинствѣ случаевъ въ удовлетвореніи его потребностей, то мы можемъ поставить два вопроса: 1) удовлетвореніе какой изъ нѣсколькихъ потребностей зависитъ отъ даннаго предмета и 2) какъ велика важность соотвѣтствующей потребности и ея удовлетворенія? Расчленяя это положеніе на два вышеформулированные вопроса, мы подходимъ къ Менгеровской скалѣ человѣческихъ потребностей. Посмотримъ же, какое понятіе потребности кладетъ онъ въ основаніе своей скалы.

Онъ беретъ не различные виды потребностей, а отдѣльныя конкретныя потребности, въ силу того, что, хотя скала конкретныхъ потребностей и является болѣе сложной и запутанной, но она даетъ намъ болѣе реальное и соотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о потребностяхъ и степени ихъ удовлетворенія. Дѣйствительно, если мы возьмемъ предѣлы одной и той же потребности, то не всегда эта потребность будетъ одинакова интенсивной. Часто же возможно такое положеніе, что конкретная потребность въ пищѣ будетъ стоять ниже конкретной потребности маловажныхъ видовъ и т. д.

Итакъ, мы видѣли что въ основу своей скалы, Менгеръ беретъ конкретныя потребности и анализируетъ всѣ потребности вмѣстѣ взятыя, а затѣмъ и въ предѣлахъ каждой удѣльной потребности, все сводится къ установленію двухъ принциповъ: 1) классификаціи различныхъ нашихъ потребностей и 2) послѣдовательности въ важности для насъ каждой отдѣльной потребности. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ 10 предметовъ, которые удовлетворяютъ 10 различнымъ потребностямъ. Расположимъ эти потребности въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ сравнительному значенію и намѣтимъ внутри каждой изъ нихъ послѣдовательныя ступени.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	9	—	—	—	—	—	—	—	—
8	8	8	—	—	—	—	—	—	—
7	7	7	7	—	—	—	—	—	—
6	6	6	—	6	—	—	—	—	—
5	5	5	—	5	5	—	—	—	—
4	4	4	4	4	4	4	—	—	—
3	3	3	—	3	3	—	3	—	—
2	2	2	—	2	2	—	2	2	—
1	1	1	1	1	1	—	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

ЭБ "Научное наследие России"

Получилась схема, въ которой римскія цифры суть категоріи потребностей, арабскія цифры — различные виды конкретной потребности. I представляетъ собой самый важный видъ потребностей. напр. потребность въ пищѣ, II—потребность въ одеждѣ, III — въ жилищѣ, IV — въ чистотѣ, V — табакъ и т. д. Арабская же цифра 10 показываетъ самыя важныя конкретныя потребности, цифры 9, 8, 7, 6 все менѣе и менѣе важныя конкретныя потребности вплоть до 1, т. е. самой маловажной конкретной потребности. То, что даетъ взятая нами скала, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1) „соизмѣреніе различнаго значенія потребностей;

2) выборъ между оставшимися безъ удовлетворенія и подлежащими удовлетворенію;

3) опредѣленіе степени, дойдя до которой, каждая потребность должна найти себѣ удовлетвореніе.

Все это и составляетъ именно ту часть экономической дѣятельности людей, которая: 1) болѣе всякой другой занимаетъ умы, 2) оказываетъ наибольшее вліяніе на ихъ экономическія стремленія и 3) почти непрерывно производится каждымъ хозяйствующимъ субъектомъ".

Теперь посмотримъ, какимъ путемъ идетъ удовлетвореніе потребностей, зависящихъ отъ даннаго матеріальнаго блага? Несомнѣнно, что простая забота о собственной пользѣ заставляетъ каждаго человѣка соблюдать строгій порядокъ въ вопросѣ удовлетворенія своихъ потребностей.

Начиная съ самыхъ важныхъ, служащихъ для поддержанія нашей жизни, затѣмъ уже идетъ забота объ удовлетвореніи все менѣе и менѣе важныхъ и неотложныхъ потребностей. Обратимся къ тому же примѣру съ водой. Первый стаканъ воды служитъ для питья (т. е. поддержанія жизни), второй для умыванія, третій — для менѣе важныхъ нуждъ и такъ далѣе, т. е. чѣмъ больше запасъ даннаго блага, тѣмъ менѣе важная потребность удовлетворяется имъ, тѣмъ ниже спускается полезность послѣдняго члена этого ряда.

Эту наименьшую полезность единицы даннаго запаса хозяйственныхъ предметовъ Визеръ назвалъ Grenznützen, Джевонсъ—final degree of utility, а по русски—предѣльною полезностью. Эта предѣльная полезность очень важна при оцѣнкѣ благъ. Мы видѣли, что каждая послѣдующая единица запаса удовлетворяетъ менѣе важной потребности. До-

ЭБ "Научное наследие России"

пустимъ, что у насъ запасъ ограниченъ. Какая же изъ нашихъ потребностей останется неудовлетворена при утратѣ единицы запаса?

Отвѣтъ очевиденъ, т. е. наименѣе важная потребность изъ числа могущихъ быть удовлетворенными при помощи даннаго запаса, или, говоря другими словами, та потребность, которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребностей.

Выводъ чрезвычайно важный: итакъ, „основою цѣнности служитъ не наибольшая польза, которую могла бы принести данная вещь, и не средняя польза, которую можетъ принести вещь даннаго рода, а именно наименьшая польза, ради полученія которой эта вещь, или вещь ей подобная, еще можетъ раціональнымъ образомъ употребляться при конкретныхъ хозяйственныхъ условіяхъ“ (Бёмъ-Баверкъ, стр. 44). Отсюда и измѣреніе цѣнности вещи величиною ея предѣльной пользы. Тутъ строго разграничиваются понятія цѣнности и полезности. Конкретная польза каждой единицы запаса различна, но цѣнность всей ихъ суммы всегда будетъ одинакова. Эти понятія нерѣдко смѣшиваются и при ихъ смѣшеніи чрезвычайно трудно разобраться во всей теоріи субъективной цѣнности. Принявъ за основаніе все вышеизложенное, понятны будутъ, кажущіеся на первый взглядъ противорѣчивыми, факты, подобные тому, что малополезныя вещи имѣютъ цѣнность гораздо болѣе высокую, чѣмъ вещи гораздо болѣе полезныя.

Максимальная полезность пищи выше, чѣмъ полезность жемчуга и алмаза, но предѣльная полезность ниже, ниже этой же полезности алмаза и жемчуга.

Мы видѣли, что предѣльная полезность падаетъ отъ величины запаса. Запасъ же жемчуга и алмазовъ ограниченъ, слѣдовательно его предѣльная полезность всегда высока и потребность въ нихъ у богатыхъ классовъ населенія всегда далека отъ удовлетворенія. Математическаго соотношенія между паденіемъ предѣльной полезности разныхъ предметовъ не существуетъ, такъ какъ паденіе предѣльной полезности предметовъ необходимости падаетъ очень быстро, въ виду того, что существуетъ естественный предѣлъ для ихъ насыщенія, но не то мы видимъ, когда вопросъ касается предметовъ роскоши и украшеній, эта потребность никогда не бываетъ вполнѣ удовлетворенной. Отсюда, какъ

ЭБ "Научное наследие России"

естественный результатъ, вытекаетъ и рѣзкое колебаніе цѣнъ предметовъ необходимости и относительная устойчивость предметовъ роскоши.

Вотъ главная сущность и развитіе теоріи субъективной цѣнности, какое она получила въ трудахъ Менгера, Бёмъ-Баверка и Визера.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ объективной мѣновой цѣнности и какъ она понимается австрійской школой. На эту цѣнность австрійцы смотрятъ какъ на способность какого-нибудь предмета обмѣниваться на другія матеріальныя блага, то-есть это и будетъ простая мѣновая сила, присущая данной вещи. Вся теорія объективной мѣновой цѣнности вытекаетъ логически изъ теоріи субъективной цѣнности, т. е. главнымъ моментомъ въ установленіи цѣны товаровъ будетъ субъективная оцѣнка со стороны продавца и покупщика, а Аріадниной нитью для этихъ послѣднихъ будетъ служить все та же предѣльная полезность предметовъ.

Нужно только взять различные случаи покупки и продажи товаровъ, тогда эта теорія становится вполнѣ наглядною, но такъ какъ въ ней по существу нѣтъ ничего оригинальнаго, а потому мы на ней подробно останавливаться не будемъ. Таково рѣшеніе проблемы цѣнности у австрійцевъ, рѣшеніе, отвоевавшее въ настоящее время всеобщее вниманіе, не исключая и круговъ соціалистическихъ, особенно въ Англіи, Италіи и Франціи.

IV.

Теперь мы перейдемъ къ другому вопросу, кореннымъ образомъ отличающему австрійскую школу отъ другихъ научныхъ теченій въ политической экономіи, а именно къ вопросу о доходѣ на капиталъ. Выясненіе источниковъ дохода на капиталъ тѣсно связано съ вопросомъ о цѣнности хозяйственныхъ благъ. Бёмъ-Баверкъ говоритъ по этому поводу: „Проблема дохода съ капитала есть въ конечномъ основаніи проблема цѣнности“ и, слѣдовательно, намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нужно будетъ твердо помнить тѣ основныя положенія, которыя легли въ основу теоріи цѣнности и которыя будутъ служить и отправными точками для намѣченнаго нами вопроса.

ЭБ "Научное наследие России"

Наиболѣе полное развитіе получила эта проблема въ трудахъ австрійскаго экономиста, считающагося наиболѣе выдающимся представителемъ австрійской школы, послѣ Карла Менгера, а именно у Бёмъ-Баверка; въ его трудѣ „Kapital und Kapitalzins“.

Сочиненіе Бёмъ-Баверка распадается на двѣ части: первая содержитъ критическій обзоръ ученій о прибыли на капиталъ, другая содержитъ его собственную теорію, попытку дать самостоятельное разрѣшеніе вопроса. Насъ, при нашемъ изложеніи, будетъ интересовать только вторая часть, насколько она явилась выразительницей самостоятельнаго ученія австрійцевъ.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается самая сущность этого ученія. Бёмъ-Баверкъ утверждаетъ, и это является основой его ученія о доходѣ на капиталъ, что время вліяетъ на хозяйственныя явленія, и вліяніе времени заключается въ томъ, что „настоящія блага по общему правилу болѣе цѣнны, чѣмъ будущія блага такого же рода и количества“. Причинъ, обусловливающихъ болѣе высокую цѣнность настоящихъ благъ сравнительно съ одинаковыми будущими благами, Бёмъ-Баверкъ насчитываетъ три: „Первая основная причина, которая вызываетъ различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, заключается въ различіи отношеній между потребнымъ количествомъ и запасомъ въ разные періоды времени“, т. е. вопросъ сводится къ тому, что отношеніе между запасомъ благъ къ потребности въ нихъ въ настоящее время отличается отъ того, которое наступитъ въ будущемъ. Различіе это и ведетъ къ тому, что громадное большинство людей субъективно цѣнитъ настоящія блага выше будущихъ. Вотъ первая причина, вторая же построена на чисто психологическомъ основаніи, лежащемъ въ характерѣ человѣка — въ его свойствѣ придавать будущимъ ощущеніямъ, какъ пріятнымъ, такъ и непріятнымъ, меньшее значеніе, чѣмъ настоящимъ, а такъ какъ средствами къ удовлетворенію нашихъ потребностей служатъ настоящія или будущія блага, то отсюда и вытекаетъ болѣе высокая оцѣнка первыхъ. Третья же причина чисто техническая. Здѣсь необходимо вспомнить взглядъ Бёмъ-Баверка на сущность капиталистическаго производства. Люди, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, достигаютъ своихъ хозяйственныхъ цѣлей или непосредственно, или окольнымъ путемъ, т. е.

ЭБ "Научное наследие России"

человѣкъ можетъ работать или голыми руками, или при помощи средствъ производства, т. е. при помощи „посредствующихъ благъ“. Вотъ этотъ второй способъ или окольный путь и есть, по Бёмъ-Баверку, капиталистическое производство.

Но такъ какъ окольный процессъ производства, выполняемый при посредствѣ орудій, машинъ, сопряженъ съ потерей времени, то блага, существующія уже въ настоящемъ, являются, по техническимъ причинамъ, болѣе предпочтительными средствами для удовлетворенія потребностей. Словомъ всѣ три названныя причины содѣйствуютъ тому, что люди всегда цѣнятъ настоящія блага выше будущихъ Бёмъ-Баверкъ считаетъ, что „естественное различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, есть источникъ, изъ котораго беретъ начало всякій доходъ съ капитала“, и онъ доказываетъ, исходя изъ этого положенія, что всякій доходъ съ капитала вытекаетъ самъ собою, какъ слѣдствіе изъ этого положенія. Онъ считаетъ это опредѣленіе вполнѣ естественнымъ и постояннымъ, такъ какъ оно есть результатъ психической природы человѣка и техники хозяйства, такъ что совершенно устраняется вопросъ объ эксплуатаціи и несправедливомъ распредѣленіи благъ.

Такимъ образомъ Бёмъ-Баверкъ приходитъ къ выводу, что вся постановка вопроса о доходѣ на капиталъ у соціалистовъ совершенно невѣрна и что все соціалистическое ученіе объ эксплуатаціи трудящихся капиталистами сплошное заблужденіе.

Такая позиція австрійской школы не могла не отразиться на ихъ теоретическихъ взглядахъ по рабочему вопросу, въ частности, по вопросу о заработной платѣ. Бёмъ-Баверкъ (въ 1890 г.), а за нимъ и нѣкоторые другіе писатели австрійской школы (напримѣръ американецъ Таусигъ въ 1896 г.) пытались возродить теорію фонда заработной платы, давно, какъ извѣстно, отвергнутую боевую теорію европейскихъ капиталистовъ первой половины XIX вѣка.

Основныя положенія „обновленной“ теоріи фонда слѣдующія. Бёмъ-Баверкъ разсматриваетъ „покупку труда“ при условіяхъ свободной конкурренціи и въ предположеніи, что предложеніе товаровъ исчерпывается опредѣленнымъ имуществен-

ЭБ "Научное наследие России"

нымъ запасомъ. Кромѣ того предполагается, что: 1) весь спросъ и все предложеніе встрѣчаются на одномъ обнимающемъ все народное хозяйство рынкѣ; 2) что всѣ отрасли производства имѣютъ одну и ту же производительность и одинаковое возрастаніе производительности при удлиненіи производительнаго періода, т. е. по терминологіи Бёмъ-Баверка „тождественную скалу приращеній продукта". На высоту же средней заработной платы рѣшающее вліяніе оказываютъ, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, три фактора:

1-ый, — величина національнаго фонда средствъ существованія (Substistenzfond), 2-ой, — число рабочихъ, долженствующихъ содержаться на этотъ фондъ, и 3-ій, — характеръ скалы производительности при постепенномъ удлиненіи періодовъ производства.

Такимъ образомъ передъ нами въ новомъ обоснованіи все также теорія фонда заработной платы. Это, безъ сомнѣнія, лишній разъ подчеркиваетъ специфичность соціально-экономической и философско-теоретической позиціи австрійской школы. Она, въ своемъ антагонизмѣ къ соціализму и въ стремленіи отстоять status quo пренебрегаетъ результатами предшествующихъ научныхъ завоеваній. Интересно. что нѣкоторые изъ австрійцевъ дѣлали попытку переобосновать и теорію дифференціальной ренты Рикардо, теорію, противъ которой сдѣлали столько существенныхъ возраженій соціалисты въ XIX вѣкѣ [1]).

Являясь реакціонерами въ вопросахъ соціальной политики, представители австрійской школы оставляютъ серьезный слѣдъ въ пересмотрѣ многихъ основныхъ вопросовъ экономической теоріи и методологи: Безспорно, что появленіе сочиненій экономистовъ австрійской школы оживило обсужденіе ряда вопросовъ теоретической политической экономіи, сильно поблекшихъ подъ вліяніемъ „агностицизма" исторической школы. Австрійцы вернули экономическую теорію въ старое русло, намѣченное классиками и воскресили былыя традиціи Смитовой школы, особенно Рикардо, считающаго проблему цѣнности — основнымъ вопросомъ экономической

---

[1]) См. Бемъ-Баверкъ въ Kapital und Kapitalzins. Инсбрукъ, 1884—9, т. II, стр. 381 и слѣд.; также фонъ-Шуллернъ-Шраттенгофенъ. Untersuchungen uber Begriff und Wesen der Grundrente. Лейпцигъ, 1899. Срав. Fr. Oppenheimer: D. Ricardo's Grundrententheorie. Берлинъ, 1909 г., стр. 18.

ЭБ "Научное наследие России"

теоріи. Но въ ученіи о цѣнности, какъ мы выше видѣли они не пошли по стопамъ послѣдняго. Такъ же, какъ и раньше ихъ Джевонсъ, они усматриваютъ ключъ къ вопросу о цѣнности въ вопросѣ о предѣльной полезности, но идутъ не математическимъ, какъ Джевонсъ, а психологическимъ путемъ. Послѣдній вскорѣ сталъ основою ихъ своеобразной методологіи.

Это привело къ крайностямъ психологизма. Мейнонгъ[1]) и Эренфельсъ[2]) свели весь вопросъ о цѣнности къ психологіи оцѣнки.

Конечно, такая постановка не смогла удовлетворить экономистовъ, какъ таковыхъ. Начался новый періодъ пересмотра проблемы, удачно названный Карломъ Дилемъ, періодомъ „эклектизма и скептицизма". Въ Германіи, впрочемъ, почти нельзя отмѣтить ни одного солиднаго экономиста, который увлекся бы австрійскою школою. Даже Леръ[4]) и Лифманнъ[5]), каждый совершенно по своему принимаютъ теорію предѣльной полезности. Воспринимаетъ ее эклептически вмѣстѣ съ старымъ классическимъ ученіемъ одинъ Адольфъ Вагнеръ (См. A. Wagner: Theoretische Sozialökonomie, Лейпцигъ, 1907. стр. 224). За то въ Австріи, Голландіи, Америкѣ, Италіи, Англіи и Россіи не мало поклонниковъ австрійской школы. Здѣсь многіе экономисты, недовольные историзмомъ или марксизмомъ, подпали подъ вліяніе австрійской школы. Въ Австріи, кромѣ вышеназванныхъ, заслуживаетъ упоминанія вѣнскій профессоръ Евгеній фонъ-Филипповичъ, въ Америкѣ—Паттенъ, Виксель, Кларкъ, Андрьюсъ, во Франціи—Морицъ Блокъ, въ Италіи—Косса, въ Россіи—проф. В. Ф. Левитскій и М. И. Туганъ-Барановскій.

Послѣдній соединяетъ нѣкоторыя положенія марксизма

---

[1]) Meinong: Psychologisch-ethische Untersuchungen zur Werttheorie, Грацъ, 1899

[2]) von Ehrenfels: Werttheorie und Ethik, въ журн. Vierteljahrschrift für Wissenschaftliche Philosophie, 1893 и 1894. Его же: System der Werttheorie, I. Лейпцигъ, 1897.

[3]) Karl Diehl: Die Entwicklung der Wert- und Preistheorie im 19. Jahrhundert, въ юбил. изд. въ честь G. Schmoller'a, т. I. Лейпцигъ, 1908.

[4]) Lehr: Wert, Grenzwert und Preis въ жур. Jahrb. f. Nationalökonomie. 1889.

[5]) Liefmann: Ertrag und Einkommen. Іена 1907.

РЦ "Научное наследие России"

съ основоположеніями австрійской школы. (См. М. И. Туганъ-Барановскій. Основы политической экономіи, СПБ.. 1902 г.).

Впрочемъ, такой эклектизмъ не новость въ экономической наукѣ послѣдняго времени: его мы видимъ и у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ экономистовъ.

Важнѣйшія сочиненія представителей австрійской школы:

1. Карлъ Менгеръ, проф Вѣнскаго университета, род въ 1840 году въ Галиціи —Grundsatze der Volkswirtschaftslehre, Вѣна, 1871. Untersuchungen uber die Methode der Sozialwissenschaften 1883. Die Irrtumer des Historismus. 1884. Beitrage zur Wahrungsfrage in Oesterreich-Ungarn. 1892. Der Uebergang zur Goldwahrung. 1892 „On the origin of money" въ Economie Journal за 1892 и нѣсколько другихъ журнальныхъ статей

2. Евгеній фонъ-Бёмъ-Баверкъ, проф.: Rechte und Verhaltnisse vom Standpunkte der volkswirth. Guterlehre. Инсбрукъ 1889. Kapital und Kapitalzins, т. I, 1884, т. II, 1889, кромѣ того рядъ журнальныхъ статей и ихъ сборниковъ

3. Фридрихъ фонъ-Визеръ: Ursprung und Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes. Вѣна, 1884. Der Naturliche. Werth, Вѣна, 1889.

4. Эмиль Саксъ. Wesen und Aufgaben der Nationalokonomie. Вѣна, 1884. Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft. Вѣна 1887.

5. Робертъ Цукеркандль: Theorie des Preises. Лейпцигъ, 1896.

6. Сочиненія Е. фонъ-Филипповича, Виктора Матайи, И. Коморцинскаго, Роберта Майера и другихъ.

Объ австрійской школѣ писали Зейдлеръ, въ Jahrbücher fur Nat.-Oekon. und Statistik, мартъ 1890, гдѣ приведена подробная библіографія этого направленія до 1890 г. Конигліани (Effetti Economici delle Imposte. 1890), Лоріа въ „Nuova Antologia" апрѣль 1890, Сентъ Маркъ · Etudes sur l'enseignement de l'économie politique dans les universités de l'Allemagne et de l'Autriche въ Revue d'Economie politique за 1882 г., Шуллернъ-Шриттенхофенъ: Die Theoretische Nationalökonomie Italiens in neuester Zeit, 1891. Бонаръ: The Austrian Economists въ Quarterly Journal of Economie за 1888 г., заслуживаютъ также вниманія статьи проф. Шмоллера въ 1883 и 1888 гг. и т. д., въ Россіи объ австрійской школѣ писали Левицкій, Туганъ-Барановскій, Эфрусси и др.

ЭБ "Научное наследие России"

ОЧЕРКЪ XV.

АНАРХИЗМЪ.

„.. vindice nullo, sponte sua, sive lege fidem rectumque colebat; poena metusque aberant, nec verba minacia fixo aere legebantur, nec supplex turba timebat judicis ora sui, sed erant sine judice tuti".

Ovidii Nasonis

„Во всѣ времена, начиная съ древней Греціи, появились личности и направленія, стремившіяся не къ замѣнѣ одной власти другою, а къ уничтоженію власти, насѣвшей на общественныя учрежденія".

П. Кропоткинъ

I.

Съ точки зрѣнія науки анархизмъ представляетъ собою совершенно особое соціально-экономическое ученіе, получившее обоснованіе впервые въ XIX вѣкѣ, хотя корни его можно прослѣдить далеко за предѣлами новой исторіи. Анархизмъ, какъ теоретическая концепція, не имѣетъ ничего общаго ни съ коммунизмомъ, ни съ коллективизмомъ (соціализмомъ), съ которыми его постоянно смѣшиваютъ и съ которыми онъ родственъ своею критикою основъ существующаго буржуазнаго строя. Анархизмъ кореннымъ образомъ отличается отъ коммунизма признаніемъ принципа индивидуализма, который въ своемъ индивидуалистическомъ теченіи даже онъ ставитъ во главу угла. Отъ коллективизма (соціализма) анархизмъ разнится — отрицаніемъ государственно-правовой организаціи и „классовой" точки зрѣнія. Анархизмъ требуетъ совершенно особаго, основаннаго на полной свободѣ отдѣльной личности, порядка человѣческаго общежитія, стремящагося замѣнить вражду классовую и индивидуальную гармоніею въ общественной и

ЭБ "Научное наследие России"

частной жизни. Общественная жизнь, съ точки зрѣнія анархизма, должна складываться безъ всякихъ внѣшнихъ принудительныхъ нормъ, только какъ сумма федерирующихъ самостоятельныхъ общинъ. Будущій соціальный порядокъ долженъ вылиться въ особую форму безвластія (ἀναρχή) и безгосударственности, такъ какъ и власть и государство съ его принудительными нормами являются все тѣмъ же насиліемъ, составляющимъ фальшивую основу прошлаго и настоящаго европейской „культуры“. Анархисты отрицательно относятся къ политической дѣятельности, къ парламентаризму, и не придаютъ значенія пролетаріату, выдвигая взамѣнъ его весь народъ. И если современное буржуазное общество смѣнится соціалистическимъ строемъ, то анархистамъ придется свергнуть послѣдній, такъ какъ онъ также будетъ покоиться на принципахъ государственности и правового принужденія, которое должно быть совершенно упразднено. Анархизму, такимъ образомъ, одинаково ненавистны и буржуа капиталистической стадіи и „насильники“ соціалистическаго строя, который они считаютъ „послѣднею универсальною глупостью человѣчества“. Итакъ въ сферѣ практической соціальной политики анархисты логически отрицаютъ всѣ формы правленія (парламентаризмъ и пр.), безразличны къ классовому движенію пролетаріата, враждебны къ законодательству, суду и тюрьмамъ, какъ нормирующимъ извнѣ дѣятельность человѣка. Намѣчаемый анархизмомъ идеалъ общежитія сводится къ полной свободѣ личности и свободныхъ автономныхъ общинъ, связанныхъ только сознательнымъ взаимнымъ договоромъ.

Пути, которыми достигается такое идеальное устройство, указываются различными представителями различно. Нѣкоторые, въ отрицаніе основной философской идеи анархизма, рекомендуютъ путь насилія, „дѣйствія“, прямого воздѣйствія (action directe), чѣмъ создаютъ возможность ряду лицъ и группъ, не понимающихъ и извращающихъ теоретическія положенія анархизма, прикрывать именемъ анархизма насильственныя дѣянія, иногда тяжкія преступленія. Многіе изъ числа такихъ „анархистовъ“, — заносимыхъ проф. Ломброзо въ категорію преступныхъ дегенератовъ, — ничего общаго съ анархизмомъ, какъ соціально-философскою теоріею, не имѣютъ.

ЭБ "Научное наследие России"

Другіе считаютъ, что идеалы анархизма начнутъ осуществляться по мѣрѣ внутренняго усвоенія самихъ идей, т. е. по мѣрѣ — внутренняго перевоспитанія и связаннаго съ нимъ и отказа участвовать въ отрицательныхъ сторонахъ современной культуры. Возникающее отсюда пассивное сопротивленіе приводитъ къ идеѣ нравственнаго усовершенствованія, къ аскетизму и „опрощенству".

II. Зарожденіе идей анархизма.

Исторію анархизма изложить также трудно, какъ написать исторію протеста народа и мысли противъ гнёта. При этомъ исторіи анархизма, какъ преемственной системы ученій, школъ и идей до XIX столѣтія, строго говоря, и не существовало: историческія условія порождали проявленіе анархизма, въ которомъ чаще выливалось настроеніе, чѣмъ догма. „Анархизмъ — говоритъ Кропоткинъ, — ведетъ свое происхожденіе изъ созидательной народной дѣятельности, которою вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія, и изъ протеста, изъ возстанія личности и народовъ противъ насѣвшей на эти учрежденія силы". Естественно, поэтому, что въ древности этотъ протестъ принимаетъ философскій характеръ, а въ средніе вѣка проникается религіознымъ элементомъ. Въ эпоху коммунистическихъ романовъ анархизмъ также принимаетъ беллетристическую форму и издается въ видѣ мечты объ анархистскомъ общинно-безвластномъ строѣ. Къ 18-му вѣку анархистскія идеи освобождаются отъ элементовъ христіанства и мечтательности. Они облекаются въ политико-общественную форму, съ двойною склонностью и къ публицистикѣ и къ наукѣ. На рубежѣ 19-го вѣка анархизмъ, слѣдуя за Годвиномъ, наполняется экономическимъ содержаніемъ. Съ этого времени онъ черпаетъ свою силу изъ того же „протеста критическаго и революціоннаго, изъ котораго родился весь соціализмъ". Характеръ вѣка также накладываетъ свою руку: освобождаясь отъ узъ мистики и метафизики анархизмъ становится дѣятельнымъ и революціоннымъ. Такимъ образомъ, исторія развитія анархизма тѣсно связана съ общею исторіею жизни и идеи. Онъ выясняется, какъ и всякое другое соціально-политическое ученіе, изъ историческаго хода событій и

© "Научное наследие России"

мысли. Но все же анархизмъ, какъ опредѣленное соціально-экономическое ученіе, не можетъ быть изложенъ и разсмотрѣнъ попутно, а требуетъ выдѣленія своей исторіи въ особый отдѣлъ. Всѣ тѣ, кто ошибочно, — по нашему глубокому убѣжденію, — разсматриваютъ анархизмъ или какъ одну изъ наиболѣе „крайнихъ разновидностей“ соціализма или какъ одно изъ логическихъ завершеній нѣкоторыхъ соціалистическихъ идей, — не различаютъ тѣхъ философскихъ и экономическихъ основаній, на которыхъ зиждутся соціализмъ и анархизмъ, эти два принципіально разнородныя ученія. И сколько бы не тождественны были сочиненія анархистовъ и соціалистовъ и по критикѣ капиталистическаго строя, и по революціонному характеру предлагаемыхъ ими практическихъ мѣръ, а иногда, и по общимъ абрисамъ картинъ предугадываемаго ими „будущаго строя“, они всегда остаются глубоко противоположными въ своемъ основаніи, пониманіи и методахъ.

Итакъ, объективный научный анализъ требуетъ строгаго разграниченія анархизма и соціализма; отведеніемъ анархизму подобающаго ему мѣста въ системѣ историческихъ идей достигается и болѣе ясное пониманіе той важности и значенія, которое имѣютъ и должны имѣть анархисты-теоретики, какъ наиболѣе пламенные дѣти великаго духа смѣлаго правдоискательства. Пусть методы ихъ мышленія часто грѣшатъ противъ элементарныхъ школьныхъ пріемовъ, пусть выводы ихъ, подхваченные толпою, превращаются въ ужасное оружіе, пусть „вулгарный“, „боевой“ анархизмъ извращаетъ самую идею этого ученія, — анархизмъ, какъ серьезная идеологическая доктрина и какъ всякая исторически значительная доктрина — является громадною движущею силою человѣческаго мышленія, а слѣдовательно прогресса всего человѣчества. Поэтому она заслуживаетъ такого же внимательнаго изученія, какъ коммунизмъ или соціализмъ, давно включенные въ сферу безпристрастной науки.

III.

Среди неустраненныхъ заблужденій, завѣщанныхъ современному обществу эпохою схоластики, однимъ изъ значительныхъ является искаженіе смысла и роли нѣкоторыхъ философскихъ ученій древней Греціи.

ЭБ "Научное наследие России"

Впереди другихъ — софисты и циники, глубокомысліе которыхъ было чуждо толпѣ аѳинской улицы. Извращеніе же одного изъ наиболѣе цѣлостныхъ и смѣлыхъ ученій послѣ сократическаго періода и сведеніе его до жалкой пародіи должно быть цѣликомъ отнесено на счетъ того всесвѣтнаго мѣщанства, которое было не менѣе ужасно подъ портиками Акрополя, чѣмъ въ гостинной современнаго парвеню. Каррикатура на софистовъ была набросана идеологомъ этого мѣщанства, Аристоѳаномъ, и подхвачена моральными схоластиками, учениками Аристотеля.

Родные братья мірового рыцарства стоиковъ — циники дали намъ стройное, логически продуманное ученіе, которое выгодно отличалось отъ остальныхъ, вращавшихся больше въ области космогоніи, діалектики или морали тѣмъ, что оно открыто взглянуло на область соціалъ-экономическую. Циники проповѣдывали отрицаніе организованнаго принужденія и государственной власти, требовали упрощенія экономическихъ отношеній и уравненія соціальныхъ группъ. Они съ остротою позднѣйшихъ утопистовъ разлагали хозяйственную подоплеку окружавшаго ихъ быта и въ высказываемыхъ идеалахъ намѣчали строй — соціально-свободный, радостный и свѣтлый. Враги религіи, „граждане всего міра“, — циники доказывали аллегоричность миѳовъ и Гомера. Въ ихъ мечтѣ не было ни законовъ и тюремъ, ни правителей и принужденія, ни богатства и бѣдности, ни эксплуататоровъ и рабовъ. И надо вспомнить, чѣмъ было государство для античнаго міра, надо понять весь гипнозъ обоготвореннаго законодательства, парализовавшаго умъ грека и волю римлянина, чтобы оцѣнить всю смѣлость идейнаго возстанія, поднятаго циниками.

Твердая критика благороднаго Платона остановилась передъ гранитными устоями античнаго строя—передъ рабствомъ. Даже въ мечтѣ, въ философской своей республикѣ, греческій утопистъ не осмѣливается занести руку на основу своего соціальнаго строя. Безпощадно отбрасывая авторитетъ и традиціи, классовые и національные инстинкты, вѣковыя вѣрованія и предразсудки — черезъ этотъ рубиконъ переходятъ циники.

И всматриваясь теперь, умудренные опытомъ тысячелѣтнихъ исканій соціальной правды, въ соціально-философскую концепцію Антисѳена (366 г.), мы видимъ и убѣ-

ЭБ "Научное наследие России"

ждаемся, что передъ нами первыя вѣхи, первые наброски, впослѣдствіи такъ смѣло развернутой доктрины анархизма.

Изъ рядовъ цинической школы вышелъ основатель особаго философскаго ученія Зенонъ [1]), одинъ изъ основоположниковъ замѣчательной доктрины стоицизма. Зенонъ сохранилъ и развилъ анархическія основоположенія циинической школы. Нѣкоторые склонны считать, что анархизмъ впервые былъ обоснованъ только Зенономъ, но конструкція Зенона, тождественная въ итогахъ съ циническимъ воззрѣніемъ, имѣетъ совершенно иную отправную точку зрѣнія.

Зенонъ считаетъ отсутствіе потребностей наивысшимъ идеаломъ человѣка и отсюда, естественно, отрицаетъ не только всякія потребности, но и всѣ блага, ведущія къ ихъ удовлетворенію. Это отрицаніе въ обобщеніи логически приводитъ къ отрицанію всѣхъ культурныхъ институцій: собственность, бракъ, право, государство, торговлю. Особенно обстоятельно Зенонъ обосновываетъ свое отрицаніе государства, его всемогущество (Omnipotenzia). Не опекающее государство, а законы нравственной, внутренней жизни должны регулировать поведеніе человѣчества. И такъ какъ они развиваются при жизни совмѣстно съ природою, то кромѣ жизни вмѣстѣ съ послѣдней никакого иного воспитанія для ребенка не нужно.

IV. Христіанство.

Христіанство, заигрывавшее съ нѣкоторыми соціалистическими идеями болѣе умѣреннаго характера, было совсѣмъ чуждо анархизму. Только у христіанской секты II-го вѣка, у карпократіанъ, послѣдователей гностика Карпократа изъ Александріи, можно усмотрѣть нѣкоторые принципы коммунистическаго анархизма [2]).

Проходятъ вѣка. На развалинахъ благородной античной культуры водружается хоругвь византійской церкви и знамя римскаго папы. Уловленная въ новыя тенета арій-

---

[1]) Adler, G.: Anarchismus, Статья въ Handwörterbuch'ѣ der Staatswissenschaften, т. I, изд. 2, стр. 297. Эта статья переведена на русскій языкъ Ивановой, изд. „Мысль“, 1906.

[2]) Adler, G· Anarchismus Статья въ Handwörterbuch'ѣ. Томъ I. 2 изд., стр. 297 и 298 (рус. пер. Ивановой, изд. отдѣльной брошюрой, изд. „Мысль“, 1906 г.)

ЭБ "Научное наследие России"

ская культура бьется, ища исхода отъ догматизма, схоластики и абсолюта. Въ странные дни европейскаго средневѣковья это исканіе смѣшивается съ соціальнымъ возстаніемъ. Но это возстаніе еще не народная крестьянская война, не сознательность Великой Революціи. Въ поискахъ за свѣточемъ правды вышли, въ сумерки, отдѣльныя группы. Онѣ, какъ мелкія племена Великаго Переселенія народовъ многочисленныя и разрозненныя, бродятъ отъ вождя къ вождю, отъ заблужденія къ заблужденію. Объединяются онѣ въ большія волны, вродѣ полчищъ анабаптизма или монашествующаго рыцарства. Чаще же, за свой страхъ и рискъ, со стихійной наивностью созидаютъ свой особый соціально-религіозный идеалъ. Въ калейдоскопѣ мечущихся ученій средневѣковья мы видимъ и анархистовъ XIII вѣка — моравскихъ братьевъ[1]). Они отрицаютъ государственную власть, право и соціальное неравенство. Ихъ мечта — свободная самоуправляющаяся община свободныхъ, равныхъ и счастливыхъ людей. Моравскихъ братьевъ называютъ также амальриканами, такъ какъ ихъ главою нѣкоторые считаютъ Амальриха Бенскаго, изъ Бены, который былъ около 1200-го года магистромъ богословія въ Парижѣ[2]). По его смерти, въ 1206 году его воззрѣнія распространялись его ученикомъ, Давидомъ Динантскимъ, это ученіе было осуждено Парижскимъ Соборомъ 1210 года, а амальрикане подверглись серьезнымъ преслѣдованіямъ. Тоже сходное ученіе появилось въ Богеміи въ эпоху гусистскихъ войнъ и распространилось подъ именемъ „адамитовъ“, уничтоженныхъ вначалѣ XV вѣка гусистами[3]).

О „моравскихъ братьяхъ“ вообще извѣстно очень мало. Они затерялись въ толпѣ многочисленныхъ сектъ и толковъ того времени. Но идея ихъ не умерла. Въ началѣ она воскресаетъ въ секціи анабаптистовъ[4]). Выдѣляются нѣ-

---

[1]) Такъ называемые „братья и сестры свободнаго духа“; ихъ считаютъ радикальною вѣтвью бегардовъ.

[2]) Объ немъ въ книгѣ: Eduard Bernstein und Karl Kautsky: Die Vorläufer des neueren Socialismus, т. I, Штутгартъ, 1905, стр. 169. Тоже рус. изд. Леонтьевыхъ. стр. 184.

[3]) Ср. Bernstein, Ed. und Kautsky, K.: Die Vorläufer des neueren Socialismus“, т. I, изд. 2-е 1905, стр. 69.

[4]) См. Zenker, E. V.: Der Anarchismus. Jena, 1895, стр. 9.

© "Научное наследие России"

которые отдѣльные писатели этой эпохи. Таковы: Калабрійскій аббатъ Іоакимъ фонъ-Флорисъ, жившій около 1200-го года. Затѣмъ вышеуказанный, Амальрихъ фонъ-Бэна (1204 г.), парижскій теологъ. Наконецъ, Петръ Челчицкій или Хельчицкій (съ 1420 г.).

Въ ихъ ученіяхъ идеи коммунистическаго анархизма переплетаются съ религіознымъ мистицизмомъ и теологической моралью. Это даетъ возможность нѣкоторымъ историкамъ ученій отмѣчать эту эпоху, т. е. съ XIII по XV вѣкъ включительно, какъ эпоху „христіанскаго анархизма“. Такое наименованіе можетъ быть только условно принято, для удобства исторической классификаціи, но отнюдь не какъ признаніе особой разновидности анархизма; трудно выдумать большую противоположность, чѣмъ христіанство и анархизмъ.

Петръ Хельчицкій съ своею „Сѣти вѣры“ заслуживаетъ особаго вниманія; это былъ выдающійся по таланту писатель, гусистъ, таборитъ, проповѣдывавшій ярковыраженныя анархистскія идеи. Воззрѣнія Хельчицкаго въ настоящее время хорошо изучены, какъ въ Европѣ (Holl), такъ и въ Россіи (В. Н. Ястребовъ и Левъ Толстой).

В. Н. Ястребовъ, основываясь на трактатѣ „o trogiemъ люди“ „O trogiem ludi“—даетъ характеристику общественно-политическихъ воззрѣній Хельчицкаго [1]). Общественный элементъ его ученія, было бы конечно правильнѣе обосновать на другомъ трактакѣ: „Сѣть вѣры“, гдѣ общественно-экономическій элементъ содержится въ большей степени. Въ „Сѣти вѣры“ Хельчицкій отрицаетъ судъ и принудительную власть, возстаетъ противъ папы и императора и порицаетъ всѣ нетрудящіяся сословія [2]).

О судѣ Хельчицкій [3]) говоритъ: „Хотя судъ и помогаетъ возвращенію отнятой собственности, но вводитъ въ

---

[1]) Ястребовъ, В. Н.: Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени (изъ исторіи гусистской мысли) т. I. Спб. 1908.

[2]) Петръ Хельчицкій: „Сѣть Вѣры“, съ чешскаго изложилъ Ю. С. Анненковъ, со вступ. статьею Л. Н. Толстого (изд. Посредника № 637) изд. 2 М. 1907.

[3]) Я цитирую не по изданію „Посредника“, а по изданію Академіи Наукъ. Сочиненія Петра Хельчицкаго (I Сѣть вѣры. II. Реплика противъ Боскупца). Трудъ началъ Анненковъ, окончилъ академикъ И. Ягичъ. Спб. 1893. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Томъ LX.

ЭБ "Научное наследие России"

грѣхи, отъ которыхъ христіане не иначе могутъ избавиться, какъ отказавшись отъ судовъ". („Сѣть вѣры", часть I, гл. 9)[1]). „Право гражданское, говоритъ онъ — право языческихъ царей" (ч. I. гл. 32). „Іисусъ теперь очень бѣденъ" — говоритъ Хельчицкій" (гл. 80). „Папа упразднилъ Христа" (гл. 17), а „другой Китъ, ввалившійся въ сѣть вѣры и разодравшій ее—есть императоръ" (гл. 19) .

Нападая на дворянство, Хельчицкій говоритъ: „Оно такъ размножилось, что земли ему становится мало. Всѣ хотятъ господствовать въ богатствѣ. и инымъ не на что; многихъ гнететъ бѣдность, а работать не хотятъ, работы стыдятся, а глотка у всѣхъ большая, вотъ идутъ разбойнически на замки, драть и грабить бѣдный людъ, чтобы наслаждаться своимъ высокимъ родомъ, удовольствіемъ и праздностью, обладая большимъ богатствомъ. Иные должаютъ безъ конца, выманиваютъ деньги льстивыми рѣчами и разными обѣщаніями, а работать ни за что не хотятъ, чтобы не опозорить трудомъ своего благороднаго происхожденія. Обширнѣйшими и наилучшими землями овладѣли эти паны и обратились эти земли въ пустыню и волки по нимъ бѣгаютъ, а сами они по придворному встаютъ и садятся и проводятъ все время въ безконечныхъ разговорахъ о разныхъ новостяхъ".

Частная собственность на землю, городская жизнь и денежное обращеніе также предметъ ненависти Хельчицкаго: „Каинъ, говоритъ онъ, послѣ убіенія брата своего, построилъ городъ, чтобы сберегать награбленныя сокровища и первый нарушилъ простоту жизни людей, установленіемъ границъ между землями и изобрѣтеніемъ вѣса и мѣры". Итакъ, „убійство привело его къ основанію городовъ, а города для поддержанія своего существованія, должны были добывать себѣ средства насиліями и быть всегда наготовѣ отражать нападенія другихъ".

Современное ему общество, во всѣхъ его высшихъ классахъ, кажется Хельчицкому простымъ „сбродомъ".

Монахи и духовенство — „сбродъ зараженный духомъ антихриста и враждебный Христу". Христу противны и

---

[1]) Литература о Петрѣ Хельчицкомъ. (Peter Chelcický) (Holl).: Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder, два тома, Прага, 1882; его-же: Peter Chelcický a spisy jeho 1881.

© Научное наследие России

„сброды, украшенные гербами“. Они „противны ему своимъ тщеславіемъ и содомскою жизнью, горожане—тѣмъ, что отвергли законъ Божій и руководятся законами судейскими, предоставляющими свободу тѣлу“. Достается отъ него и „университетскимъ магистрамъ“, защищающимъ „антихристовы заблужденія“.

Анархистскія идеи не чужды писателимъ XVI и XVII вв Описаніе Телемскаго аббатства — „L'Abbaye de Télhème.“ — сдѣланное Франсуа Рабле́ (F. Rabelais), а также удивительный коммунистическій романъ „Небесные міры“, написанный въ 1562 г. въ Венеціи, Дони[1]), не позволяютъ и въ XVI вѣкѣ забыть анархистскую доктрину. Тоже дѣлаетъ въ слѣдующемъ столѣтіи Фенелонъ въ своемъ знаменитомъ Телемакѣ. Его бетикскіе крестьяне живутъ въ анархо-коммунистическихъ общинахъ и блаженствуютъ не хуже жителей той далекой земли, о которой повѣствуется въ томъ же вѣкѣ въ приключеніяхъ Якова Садэра[2]).

На анархистской точкѣ зрѣнія стоитъ Этьенъ де ла Боетье (Boëtie) въ своемъ: „La servitude Volontaire ou le Contr'un“[3]).

Подобнаго рода сочиненія не были единственными. Въ „Мемуарахъ о состояніи Франціи при Карлѣ IX“ (1572) можно найти рядъ другихъ памфлетовъ, проникнутыхъ той же идеею ненависти къ тиранамъ и тиранству.

Значительно менѣе выяснена наличность анархистскихъ воззрѣній въ концѣ XVIII вѣка. Если съ одной стороны можно утверждать, что Вильгельмъ фонъ-Гумбольтъ, Фихте или Годвинъ въ той или иной мѣрѣ приближаются къ анархизму, то совершенно невыясненнымъ является анархизмъ въ эпоху Великой Французской Революціи. Лучшее извѣстна наша эпоха для Англіи; здѣсь почти одновременно пишутъ Эдмундъ Буркъ, Вильямъ Годвинъ и Вильямъ Томсонъ. Изъ нихъ Годвинъ является съ

---

[1]) Doni, A F.: Mondi celesti, terrestri et infernali, Venetia, 1562 (?) Я нашелъ только изданіе 1568 года (Британскій Музей, 1079 c. 11).

[2]) „Aventures de Jacques Sadeur“, 1676. Переиздано въ 1872 году въ Парижѣ D Jonaust'омъ въ „Библіотекѣ библіофилофъ“.

[3]) Ср. Nettlau: Bibliographie de L'Anarchie, Брюссель и Парижъ 1897 г, стр 2. говоритъ о переизданіи этого сочиненія въ 1872 году, въ Парижѣ

точки зрѣнія современнаго анархизма наиболѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ.

Раньше, чѣмъ перейти къ тремъ названнымъ писателямъ бросимъ бѣглый взглядъ на общую картину того времени.

V. XVIII-ый вѣкъ.

Итакъ всмотримся въ характеристику духа времени, создавшаго идейную атмосферу, въ которой переплетались и рождались многія замѣчательныя умственныя теченія и доктрины.

Говоря объ идейной атмосферѣ второй половины XVIII вѣка, прежде всего приходится остановиться во первыхъ на Ж.-Ж. Руссо Вотъ истинный философскій базисъ для послѣдующаго анархизма. Во вторыхъ приходится остановиться на двухъ революціяхъ, Великой Французской. все еще окончательно невыясненной, и американской — совершенно, — если не считать недавней книги Іелленека, — неоцѣненной[1]).

Грандіозное вліяніе идей Руссо не могло не отразиться и на послѣдующихъ концепціяхъ анархизма. „Contrat social" является исходнымъ пунктомъ обоснованія государственно-правовыхъ идей анархизма, а сочиненія Руссо, всѣ вмѣстѣ взятыя, основаніемъ стремленію, приблизиться къ природѣ и жизни, жить согласно съ законами послѣдней, т. е. стремленію, которое можетъ быть названо однимъ изъ основныхъ въ соціальной и этической философіи анархизма. Это пониманіе начинаетъ проникать и въ научную литературу Франціи. Такъ, одинъ изъ французскихъ экономистовъ высказался слѣдующимъ образомъ: „Rousseau est le vrai père de l'anarchisme; toute la théorie se déduit de ses principes" [2]).

Неудержимое стремленіе къ природѣ. къ идилліи пастушеской жизни, къ доброму дикарю, „bon sauvage". въ Робинзону, изъ анализа примитивныхъ потребностей, котораго дедуцировалась вся соціальная наука, — представляетъ собою грандіозное и серьезное теченіе этой эпохи.

---

[1]) Jellenek, G Die Erklarung der Menschen- und Burgerrechte. Лейпцигъ, 2-ое изд. 1904.

[2]) Desjardins: Rousseau, въ „Revue Economie Politique", кн. XII за 1893 г.

ЭБ "Научное наследие России"

Кружевная концепція физіократовъ, ошибки конвента и революціи, основныя идеи Адама Смита и англійскихъ анархистовъ того времени, — все питается изъ одного общаго источника. И какимъ трагическимъ кажутся намъ теперь всѣ эти идилліи во вкусѣ Ватто или Буше. „Всѣ эти „китайскія“ бесѣдки въ „англійскихъ“ паркахъ, гдѣ дамы въ фижмахъ и кринолинахъ встрѣчались съ своими пастушками въ напудренныхъ парикахъ и яркихъ атласныхъ камзоламъ. Трагическими, потому что жизнь, все болѣе усложнявшаяся и ухудшавшаяся, шла именно въ совершенно обратномъ направленіи. Уже гильотина дорубала послѣднія головы защитниковъ свободы, расчищая путь преторіанцамъ Наполеона, уже дѣти, вмѣсто гирляндъ статуѣ разума, плели въ подвалахъ слѣпые кружева или становились за веретенами душныхъ и грязныхъ фабрикъ,— уже міровой рынокъ все болѣе внѣдрялъ на развалинахъ феодальной жизни безпощадно капиталистическое производство со всѣми его послѣдствіями и спутниками, а общество продолжало наивно бесѣдовать о добродѣтеляхъ примитивныхъ племенъ, о соціальной невинности инковъ и китайцевъ, о высокихъ достоинствахъ масона или вообще чувствительнаго („sensible“) человѣка.

Каковъ былъ характеръ новой наступавшей эпохи еще никто не предвидѣлъ Разрушеніе феодальнаго строя представлялось преддверіемъ къ свѣтлому соціалистическому царству ближайшаго будущаго. Наростаніе буржуазіи и капитализма сознавалось только какъ мгновенный успѣхъ и, если Сіесъ вполнѣ понималъ минутную силу буржуазіи, то никто, рѣшительно никто въ Европѣ, не сознавалъ, что вся Великая Французская Революція только открывала дверь тріумфальному шествію капитала. Вотъ почему тогда на меньшее, чѣмъ на всеобщее счастье всего человѣчества не соглашались и вотъ почему самыя радикальныя теоріи не только имѣли успѣхъ, но и должны были появляться. Общею ихъ почвою былъ Руссо. Изъ Руссо черпали свои доводы одинаково Робеспьеръ съ Сенъ-Жюстомъ и „соціальный атеистъ“ Анахарзисъ Клоцъ и нерѣшительные жирондисты. Навѣрное изъ Руссо заимствовали свои идеи и анархисты Великой Революціи. Именъ ихъ мы въ точности не знаемъ, но присутствіе ихъ повсюду чувствуется. Обобществленіе земли и производства, устройство независимыхъ

ЭБ "Научное наследие России"

самоуправляющихъ общинъ, протестъ противъ централизаціи — все это можно найти въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій того времени. Какъ на анархиста Революціи Нейттлау указываетъ на Sylvain'a Maréchal'я (Сильвана Марешаля), — выпустившаго въ 1791 году небольшую брошюрку[1]), въ которой онъ объясняетъ, что „la nature n'impose à l'homme ni Dieu, ni lois". Анархистскими признаются памфлетъ Жана Варлэ (Jean Varlet)[2]) и одно изъ письменныхъ обращеній къ Національному Собранію[3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ лицѣ Гебертистовъ мы также имѣемъ дѣло съ рядомъ писателей и мыслителей, подходившихъ и развивавшихъ анархистскія идеи[4]). Но гебертисты, какъ справедливо замѣтилъ тотъ же Нетлау „n'ont pas encore été suffisamment éudiés sous ce rapport"[5]).

Вопросъ объ анархистскихъ идеяхъ, на наличность которыхъ указываютъ нѣкоторыя изъ мѣропріятій Революціи, въ настоящее время является еще болѣе спорнымъ, чѣмъ вопросъ о соціалистическихъ ея тенденціяхъ, о которыхъ существуетъ два взаимно противоположныхъ взгляда[6]).

Иное дѣло анархистскія идеи у забытыхъ англійскихъ писателей этой эпохи.

---

[1]) Maréchal, S.: Dame Nature á la Barre de l'Assemblée Nationale 1791. См. Nettlau: Bibliographie, стр 3.

[2]) Varlet, J: Voeux formés par des Français libres.. ", Парижъ, 1798

[3]) L'Adresse de Jacques Koux, présentée á la Convention Nationale 1793

[4]) О гебертистахъ между прочими писали: G. Tridon: Les Hébértistes, plainte contre une calomnie de l'Histoire, въ жур. „Candide" за 1864.— G. Avenel: Anacharsis Clootz. Парижъ, 1865—S. Ch. Brunet: Le Père Duschesne de Rébert. Парижъ, 1859. — S. A. Régnard: Chaumette et la Commune de 1793.

[5]) Nettlau: Bibliographie, Парижъ, 1897.

[6]) Въ то время, когда К. Каутскій объясняетъ въ своей „Die Klassengegensätze von 1789" соціализмъ якобинцевъ ничѣмъ инымъ, какъ страхомъ передъ ними („Die blasse Furcht"),—E. Balfort Bax въ своей „The Story of The French Revolution" признаетъ законъ 1793 г. (loi du maximum) за „мѣропріятіе съ прямою соціалистическою тенденціею". Къ мнѣнію Каутскаго присоединяется Лихтемберже, а Эдгардъ Кине въ своей исторіи революціи приводитъ заявленіе монтаньяра Бодо (Baudot): „La convention n'avait pas sur la propriété une autre opinion que celle du Code civil; elle a toujours regardé la propriété comme la base fondamentale de l'ordre social".

ЭБ "Научное наследие России"

VI. Вильямъ Годвинъ.

(1756 — 1836).

На рубежѣ двухъ столѣтій появляется въ Англіи Вильямъ Годвинъ Старшій (род. 3 марта 1756, ум 7 апрѣля 1836), публицистъ, ученый и новеллистъ, извѣстный, съ одной стороны своею полемикою съ Мальтусомъ, съ другой—какъ непосредственный предтеча современнаго анархизма.

Источники воззрѣній Годвина, причины ихъ развитія, да и самая личность этого англійскаго писателя—еще очень мало изучены. Мало изучены и его серьезныя произведенія [1]) и его романъ, являющійся выдающимся для своего времени сочиненіемъ [2]).

Годвинъ теологъ по образованію. Теологіи онъ учился съ 1773 г. въ Хогстонѣ, съ 1778 по 1782 былъ церковнымъ проповѣдникомъ. Съ 1782 года переселился въ Лондонъ и занялся исключительно писательствомъ.

Годвину принадлежитъ рядъ сочиненій. Изъ нихъ наиболѣе выдающимся является: „Изслѣдованіе о политической справедливости“ (An enquiry concerning political justice and its influance on general virtue and happiness) — Изслѣдованіе относительно политической справедливости и ея вліянія на общую нравственность и счастье,—вышедшее

[1]) Сочиненія В Годвина экономическаго характера слѣдующія 1) Thoughs on Mann, 1831.—2) An Enquiry concerning Political Justice etc. 2 т. 1793, въ XVIII вѣкѣ выдержало 4 изд 2 изд. 1796, 3-ье изд. 1798 и америк. изд. Филадельфія 1796. Затѣмъ сочиненіе было забыто, въ XIX вѣкѣ переиздано все лишь однажды (1865), да отдѣльно глава о собственности Сальтомъ, озаглав Godwin: „Political Justice“, a reprint of the essay on „property“, from the original edition. (Лондонъ, 1890). Нѣмецкій переводъ.—Untersuchung uber die politische Gerechtigkeit. Вюрцбургъ, 1803 3) The Enquirer; Reflections on education, manuers and literatur. Лондонъ, 1797, 2 изд. Дублинъ, 1797. 3-ье Лондонъ, 1823. Съ экономической точки зрѣнія особенно цѣнна II-ая часть 4) On population. An Enquiry concerning the Power of Increase in the Numbers of Manking (отвѣтъ Мальтусу), Лондонъ, 1820, франц. переводъ—Recherches sur la population. Парижъ, 1821 (у Ramus'a ошибочно показано 1881), дешевое нѣмецкое изд. библіотеки Reclam'a, Лейпцигъ, 1892.

[2]) О Годвинѣ единственная по полнотѣ монографія: Kegan Paul: Godwin, his friends and contemporaries. 2 т, Лондонъ, 1876 г.

© "Научное наследие России"

въ Лондонѣ въ 1793 году. Здѣсь излагается цѣлая оригинальная система воззрѣній на право, государство, собственность, на соціально-политическій строй вообще. Согласно взглядамъ Годвина — высшій законъ общежитія — благо совокупности, которое зависитъ отъ существа нашей души, отъ нашихъ добродѣтелей; съ точки зрѣнія этого блага всякое законодательство и всякое право являются вредными, а государство прямо разрушительнымъ, такъ какъ общество и государство—два института совершенно разнаго происхожденія и находятся между собою въ прямомъ антогонизмѣ. Мелкія, взаимно мало объединяющіяся общины—вотъ соціально-политическій идеалъ Годвина. Мелкія общины не знаютъ частной собственности, ибо этотъ институтъ, какъ особенно вредный и для общаго блага и для индивидуальной добродѣтели — прежде всего совершенно уничтожается. Познавшіе эти новыя истины — должны распространять ихъ мирнымъ путемъ, путемъ убѣжденія. „Новое слово" нужно только разъяснить другимъ. Понявшіе будутъ вербовать новыхъ адептовъ, а съ сознаніемъ правды всѣмъ человѣчествомъ само собою рухнутъ и исчезнутъ ненужныя установленія: государство, собственность, право.

Міровоззрѣніе Годвина можетъ считаться за послѣднее время до извѣстной степени выяснившимся. По своимъ взглядамъ Годвигъ является идейнымъ отцомъ анархизма 19 вѣка, хотя окончательная формулировка того оттѣнка анархистскихъ идей, которыя раздѣлялъ Годвинъ была сдѣлана Прудономъ, Бакунинымъ и Крапоткинымъ, создавшихъ то опредѣленное теченіе въ анархизмѣ, которое получило названіе коммунистическаго анархизма. Другое крыло послѣдняго составляетъ анархизмъ индивидуалистическій, ведущій свое начало отъ Макса Штирнера и питающійся въ настоящее время сочиненіями Фр. Ницше.

Антонъ Менгеръ ставитъ Годвина очень высоко. „Вообще,—говоритъ онъ,—можно разсматривать Годвина какъ перваго научнаго соціалиста новаго времени, у котораго въ зародышѣ находятся уже всѣ идеи современныхъ соціализма и анархизма Онъ оказалъ на Галля, Оуэна и Томсона, а черезъ нихъ на развитіе соціализма, наиболѣе мощное вліяніе" [1]).

[1]) Menger, A.: Das Recht auf den vollen Arbeitsvertrag, 2 изд. Штутгартъ, 1891, стр. 40.

© "Научное наследие России"

Дѣйствительно, такое вліяніе не могло не быть, такъ какъ Годвинъ даетъ цѣлостное и законченное ученіе о правѣ. государствѣ и собственности. Онъ указываетъ и основные принципы распредѣленія благъ, на которыхъ покоится соціальный строй. Первый принципъ, предоставленіе матеріальныхъ благъ въ распоряженіе тому, кто ихъ наилучшимъ способомъ используетъ [1]).

Второй принципъ, каждый правомоченъ распоряжаться продуктомъ своего труда [2]).

Третій — частной собственности [3]). Только первый принципъ долженъ, по мнѣнію Годвина, имѣть мѣсто при соціальной справедливости.

Если воззрѣнія Годвина сложились подъ вліяніемъ Великой Фрацузской Революціи и философіи Гутчисона, то, въ свою очередь, идеи Годвина оказали вліяніе на англійскую литературу. Водсвордъ, Шелли, Кольриджъ находились подъ сильнымъ его вліяніемъ [4]).

VII. Индивидуалистическій анархизмъ.

Альтруистическій евдемонизмъ Годвина остался одинокимъ въ исторіи анархизма. Другіе болѣе поздніе евдемонисты стояли на точкѣ зрѣнія чистаго эгоизма. Такъ, съ 1845 г. съ новымъ, но болѣе строгимъ обоснованіемъ анархической идеи на началѣ эгоистическаго евдемонизма выступилъ Іоганъ Каспаръ Шмидтъ (род. въ Байрейтѣ, 1806 — 1856 гг.), извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ Макса Штирнера, которымъ онъ подписалъ рядъ своихъ выдающихся журнальныхъ статей.

Изданое въ Лейпцигѣ въ 1845 году его основное сочиненіе „Der Einzige und sein Eigentum“, послужило началомъ новаго направленія „индивидуалистическаго“ анархизма, въ отличіе отъ прежняго „коммунистическаго“— (Прудона, Бакунина, Кропоткина).

---

[1]) Godvin, W.: An Enquiry concerning political Justice etc., Лондонъ, 1793 стр. 432.

[2]) Ibid., стр. 433.

[3]) Ibid., стр. 435.

[4]) Годвинъ написалъ также рядъ историческихъ и беллетристическихъ произведеній какъ подъ своею фамиліею, такъ и подъ псевдонимомъ Edward'a Baldwin'a.

ЭБ "Научное наследие России"

Штирнеръ полагаетъ, что высшій законъ — „я". — личное благо, развитію котораго препятствуютъ и право и государство. Вмѣсто государства должно возникнуть сообщество эгоистовъ („Verein von Egoisten"). Оно возникнетъ съ того момента, когда достаточное количество людей внутренне измѣнится и признаетъ личное благо своимъ высшимъ закономъ, а затѣмъ путемъ силы произведетъ и внѣшнее измѣненіе.

Въ началѣ новый авторъ не былъ замѣченъ, но въ 1854 году на Штирнера было обращено вниманіе [1]). Но интересъ къ нему скоро изсякъ и Штирнеръ былъ забытъ. Вновь пустилъ его въ обращеніе анархистъ Макай, переиздавшій главнѣйшее его сочиненіе „Единственный и его собственность" и впервые составившій подробную біографію Штирнера [2])

Съ тѣхъ поръ вниманіе къ Штирнеру неослабѣваетъ. Къ Штирнеру довольно близко примыкаетъ Бенжаминъ Токеръ (Tucker) (род. въ 1854 г.), американскій анархистъ-писатель, издатель анархистскаго журнала „Liberty" съ 1881 года. Онъ видитъ высшее руководящее начало въ личной выгодѣ, откуда онъ выводитъ законъ одинаковой свободы для всѣхъ. Но Токеръ признаетъ, правда съ сильными ограниченіями, — собственность и право. Вообще въ Америкѣ, индивидуалистическій анархизмъ имѣетъ большой успѣхъ и серьезную почву. Здѣсь въ этомъ направленіи писали Жозія Варренъ, Стефенъ Андрью, Лизандеръ Спунеръ, Вильямъ Гринъ, Яррось и др.

Теперь перейдемъ къ обзору другого направленія въ анархизмѣ, именно коммунистическаго, которое требуетъ особаго разсмотрѣнія. Здѣсь мы, прежде всего, ознакомимся съ воззрѣніями Прудона и прудонистовъ, затѣмъ кн. П. А. Кропоткина и М. А. Бакунина.

---

[1]) См. Max Stirner's Rezensenten въ Wigands Vierteljahrsschrift, т. III. Лейпцигъ, 1845 г., стр. 147—194.

[2]) По русски то и другое въ изданіи „Библіотеки Свѣточа", (№№ 43—50), Спб. 1907. Вообще о Штирнерѣ наиболѣе подробная библіографія у Цо́кколи: Анархизмъ, Спб. 1908, стр. 12 и 13 (примѣч.). Спеціально о Штирнерѣ: Victor Basch, prof L'Individualisme. Anarchiste Max Stirner. Парижъ (Alcan), 1904. John Henry Mackay: Max Stirner, sein Leben. sein Werk, Berlin, 1898. (рус. пер Даманскій, Спб 1907 г.)

35 "Научное наследие России"

VIII. Коммунистическій анархизмъ.

I.

Пьеръ Жозефъ Прудонъ.

(1809 — 1865).

I.

Біографія. Сынъ бѣднаго французскаго крестьянина, работавшаго на пивоваренномъ заводѣ, Пьеръ Жозефъ Прудонъ родился 15 января 1809 года въ Безансонѣ. Дѣтство и отрочество онъ провелъ въ нищетѣ и трудѣ. Юношею Прудонъ дѣлается наборщикомъ въ родномъ городѣ Безансонѣ. Не имѣя возможности получить какое-либо систематическое образованіе, Прудонъ всѣ свободныя минуты удѣляетъ самообразованію. Первымъ научнымъ предметомъ, привлекшимъ молодого рабочаго, была лингвистика. Къ этой сферѣ принадлежитъ и его первое сочиненіе. Въ своей работѣ „Опытъ общей грамматики“ (Essai de grammaire générale) Прудонъ зарекомендовалъ себя серьезнымъ филологомъ и получилъ за нее почетный отзывъ Парижскаго института.

Спустя нѣкоторое время, а именно въ 1838 году, безансонская академія наукъ назначаетъ Прудону стипендію. Это позволяетъ молодому человѣку бросить занятія въ типографіи, что до той поры было единственнымъ источникомъ его пропитанія, и отдаться всецѣло своимъ научнымъ влеченіямъ. Филологію скоро смѣняютъ: исторія, политическая экономія, философія. По обычаю ученыхъ учрежденій Франціи и Прудону пришлось представить сочиненіе на премію. Сочиненіе—„О пользѣ празднованія воскресенія“ („De la célébration

ЭБ "Научное наследие России"

du Dimanche“) было награждено безансонскою академіею золотою медалью. Въ отвѣтъ на другую премію той же академіи Прудонъ пишетъ свой знаменитый памфлетъ о собственности. Сочиненіе: Что такое собственность? („Qu'est ce que la propriété?“), появившееся въ 1840 г., дѣлаетъ Прудона извѣстнымъ за предѣлы родного Безансона, а вскорѣ и внѣ Парижа и Франціи.

Приблизительно къ тому же времени прекращается и стипендія безансонской академіи: Прудонъ опять въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Послѣднее опять вынуждаетъ Прудона идти на службу въ частное предпріятіе. Вначалѣ мы видимъ его секретаремъ мѣстнаго мирового судьи, позднѣе приказчикомъ торговаго дома Готье.

Научно-литературныя работы Прудона тѣмъ временемъ не прекращаются. Въ 1843 году онъ выпускаетъ въ свѣтъ: „Созданіе порядка у человѣчества“ („Création de l'ordre dans l'humanité“), а въ 1848 году: „Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты“ („Systéme des contradictions économiques ou philosophie de la misère“), имѣвшую большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ Германіи. На послѣднее сочиненіе отвѣчалъ Карлъ Марксъ своею знаменитою „Нищета философіи“, разграничившей воззрѣнія научнаго соціализма отъ прудонизма и открывшей многолѣтнюю полемику между анархистами и соціалистами.

Къ этому времени міровоззрѣніе Прудона въ своихъ существенныхъ чертахъ уже складывается. Къ 1848 году Прудонъ занимаетъ свою совершенно особую позицію, а именно: скептически относясь ко всякому парламентаризму, онъ не раздѣлялъ убѣжденія соціалистовъ въ важности централизаціи и производства. Это неизбѣжно приводитъ къ полемикѣ съ другими лѣвыми лагерями. Въ своей газетѣ: „Le Peuple“, которую Прудонъ послѣ февральской революціи издаетъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и редактируетъ съ большими матеріальными и политическими затрудненіями, Прудонъ подвергаетъ жестокой и ярой критикѣ не только теоріи, но и всѣ выступленія соціалистовъ. Этотъ періодъ его дѣятельности является, вмѣстѣ съ тѣмъ, временемъ его наибольшей извѣстности и популярности. Избранный вскорѣ въ члены парламента, Прудонъ вноситъ сюда свой законопроектъ объ учрежденіи

ЭБ "Научное наследие России"

народнаго банка. Средства для созданія путемъ послѣдняго народнаго кредита Прудонъ предлагаетъ взять изъ этой суммы, которая образовалась бы отъ введенія особаго, для этой цѣли учрежденнаго, налога. Проектъ Прудона, вызвавъ недоумѣніе. не прошелъ, но такъ какъ система дешеваго кредита входила жизненнымъ нервомъ во все его ученіе — онъ все же попытался, и также тщетно, устроить подобнаго рода банкъ въ Парижѣ.

Въ 1849 году Прудонъ, приговоренный судомъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію за статью объ отвѣтственности президента [1]), собирался бѣжать въ Бельгію — общее прибѣжище французскихъ революціонеровъ. Но при выѣздѣ изъ Парижа Прудонъ былъ арестованъ и препровожденъ въ тюрьму. Находясь здѣсь, онъ продолжалъ писать свои статьи, — попрежнему призывныя и пламенныя, — и составилъ томъ своихъ „Признаній“.

Выйдя изъ тюрьмы, Прудонъ болѣе не принималъ активнаго участія въ политическомъ движеніи и весь отдался чисто-научной работѣ. Однако, въ 1858 году за сочиненіе. „О справедливости въ революціи и въ церкви“ („De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise“), приговоренный въ тюрьму опять-таки къ трехлѣтнему заключенію, рѣшилъ бѣжать. Въ Бельгіи, куда онъ тайно, и на этотъ разъ удачно, перебрался, Прудономъ были написаны: „Теорія налоговъ“ („La Théorie de l'impôt“), „Война и миръ“ („La Guerre et la paix“) и нѣк. другія.

Прудонъ скончался 19 января 1865 года въ Пасси, близъ Парижа, мѣста главнѣйшей дѣятельности его бурной жизни.

II.

Прудонъ въ высшей степени своеобразная и оригинальная фигура. Энергичный и подвижный, Прудонъ былъ необычайно пламеннымъ стилистомъ. Его блестящія статьи и книги читались въ свое время на расхватъ, но ученые и особенно соціалисты при его жизни совершенно не понимали его идей. Луи Бланъ далъ ему ужасную характеристику, очертивъ типъ фразера и шарлатана, Марксъ издѣ-

[1]) Опубликованную Прудономъ подъ заглавіемъ „Le Président de la République est responsable“ въ „Le Peuple“, въ 1849 г

вался со всею свойственною ему желчью въ спеціальномъ сочиненіи направленомъ противъ Прудона, въ „Нищетѣ философіи“. Не менѣе сильно было раздраженіе буржуазныхъ писателей, выставлявшихъ Прудона какимъ-то пугаломъ. Первоначально Прудона оцѣнили сравнительно немногіе, если не считать группы его единомышленниковъ-современниковъ. Мозесъ Гессъ, Карлъ Грюнъ, Вильгельмъ Марръ, Бенжаменъ Токеръ, позднѣе Кропоткинъ — вотъ прямые развивателн идей Прудона [1]). Правда, теперешній анархизмъ уже далеко ушелъ отъ Прудона. Въ борьбѣ за свою доктрину, анархисты развили обоснованное и цѣлостное ученіе съ своимъ соціально-философскимъ фундаментомъ и содержаніемъ. Но ко времени Прудона теорія анархизма была еще въ зачаточномъ состояніи.

Прудонъ не изложилъ догматически своего экономическаго ученія, а его философское міровоззрѣніе не вылилось въ какую-либо опредѣленную философскую систему. Самъ Прудонъ признавалъ своими учителями: „Библію, Адама Смита и Гегеля“ и очень отрицательно относился къ утопическому коммунизму. Подчиняясь общему духу времени и усматривая во всякой „метафизикѣ“ и во всякой „теологіи“ врага свободомыслія, Прудонъ часто высказывалъ общія мѣста и замѣчанія въ тонѣ упрощеннаго позитивизма. Но иногда позитивизмъ его принималъ густую матеріалистическую окраску и не мѣшалъ ему въ то же время поддаваться гегелевской діалектикѣ и разсматривать всю исторію, какъ переходъ отъ тезиса черезъ антитезу къ синтезу. Матеріалистическое настроеніе Прудона однако же не дѣлало его атеистомъ [2]).

У Прудона была своя религія, но источникомъ ея былъ его гумманизмъ. Свободное развитіе личности всегда оставалось для него высшей цѣнностью. Содержаніемъ ея было признаніе за человѣкомъ нравственныхъ правъ, вытекающихъ изъ принципа „человѣческаго достоинства“. Чело-

---

[1]) Срав. Гильомъ: Анархія по Прудону, 1889.

[2]) „Будучи всю жизнь крайнимъ врагомъ всякой церкви, всякой положительной религіи, — говоритъ о немъ Путлицъ, — Прудонъ не былъ атеистомъ, а наоборотъ считалъ атеизмъ еще болѣе нелогичнымъ, чѣмъ вѣру“. (St. Gans Edler Herr zu Putlitz: „I. C. Proudhon Sein Leben und seine positiven Ideen“. Берлинъ, 1881, стр. 54)

ЭБ "Научное наследие России"

вѣческая личность, въ свободѣ и счастьи которой Прудонъ усматривалъ весь смыслъ мірового процесса, бралась имъ однако не въ изолированномъ состояніи, не во вкусѣ Штирнеровскаго „я“, а въ качествѣ существа о б щ е с т в е н н а г о. Человѣкъ, по мнѣнію Прудона, можетъ развиваться только въ обществѣ, находясь въ постоянномъ общеніи и неразрывной связи съ другими людьми. Отсюда для него вытекаетъ необходимость въ общественной эволюціи и развитіи общественнаго строя, внѣ которыхъ немыслимо развитіе личности.

Высшій законъ, по Прудону, — с п р а в е д л и в о с т ь.

Справедливость есть непосредственно чувствуемое взаимное уваженіе къ человѣческому достоинству. Справедливость— это и нѣчто реальное и идея; она критерій человѣческаго поведенія. Во имя этой справедливости Прудонъ отрицаетъ хотя и не право вообще, но всѣ правовыя нормы и особенно государственные законы. Онъ полагаетъ, что справедливость требуетъ только одной нормы,—а именно исполненія договора. Договоръ уничтожаетъ всѣ проблемы, а признаніемъ одной договорной нормы отрицается государство, отрицается абсолютно, безъ временнаго или мѣстнаго ограниченія. „Управленіе людей людьми — рабство“. „Кто наложитъ на меня руку, чтобы мною управлять, — тотъ, — говоритъ Прудонъ, — узурпаторъ и тиранъ, я считаю его моимъ врагомъ“. Авторитетъ власти, государства, правительства—это только средства порабощенія. Справедливость требуетъ, чтобы вмѣсто государства воцарилось свободное сожительство людей на основѣ одной лишь правовой нормы: исполненія договора. Такое сожительство Прудонъ первоначально называлъ „анархіею“, позже, воскрешая идею жирондистовъ, — „федераціею“. Здѣсь свобода будетъ не дочь, а мать порядка.

Осуществить анархическую федерацію возможно, по Прудону, только путемъ пропаганды. Съ проникновеніемъ анархической идеи старый порядокъ падетъ самъ собою, и наступитъ новый строй. Ошибку дѣлаютъ тѣ, которые требуютъ раньше революціи, думая, что послѣ нея и придетъ просвѣщеніе, но „революція — это только облегченіе мозговъ“. Для настоящаго же, т. е. для побѣды надъ буржуазіею, тоже нуженъ ростъ и проникновеніе въ массы идеи. Примѣръ успѣха идеи, проведенной въ жизнь безъ содѣйствія

ЭБ "Научное наследие России"

власти, безъ матеріальныхъ средствъ, безъ „порядка“ — можетъ оказать важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія младшаго брата“, говоритъ Прудонъ. „Миллионы же братьевъ отнимаютъ у меня настоящаго брата“.

Считая соціализмъ безплоднымъ и утопичнымъ, возставая противъ революціи, законовъ и государства, Прудонъ, въ то же время, защищаетъ право наслѣдованія, семью, мораль, религію, хотя въ другой, болѣе облагороженной, но все же признаваемой имъ необходимой формѣ. Мирная пропаганда и чудодѣйственная панацея: даровой кредитъ должны, по Прудону, создать новое общество безъ государства и насилія, безъ суда и войны. Такая идиллія Прудона, идиллія малопонятная на томъ соціальномъ вулканѣ страстей и противорѣчій, который уже начиналъ вздыматься еще и въ его время, дала возможность его соціалистическимъ критикамъ дать ему названіе — мелкобуржуазнаго.

Общественный прогрессъ, понимаемый діалектически, какъ постоянное измѣненіе, разрѣшающее возникающее противорѣчіе, былъ для Прудона необходимою предпосылкою его вѣры въ идеалъ свободной личности. Поэтому идеалъ свободы совпадаетъ съ идеаломъ общественной справедливости, какъ цѣли общественнаго развитія. Ученіе о справедливости является у Прудона существенной частью всей его системы. Что же такое справедливость? „Человѣкъ,— отвѣчаетъ Прудонъ, — въ силу разума, которымъ онъ одаренъ, обладаетъ способностью чувствовать свое достоинство въ личности себѣ подобнаго и свое тождество съ нимъ въ этомъ отношеніи“.

„Справедливость есть результатъ этой способности: это — уваженіе, свободно обнаруживаемое и взаимногарантируемое, къ человѣческому достоинству.“ [1]).

Задачей лучшаго строя является согласованіе правъ и обязанностей человѣка, иначе говоря, связать интересы личности съ интересами общественнаго цѣлаго. Изъ двухъ возможныхъ путей къ осуществленію этого согласованія — подчиненія личности обществу и признанія у одной личности достоинствъ другой, — Прудонъ выбираетъ второй

---

[1]) Proudhon. De la justice I, стр. 182 Цит. по Hubert-Bourgin'y· „Proudhon“, Bibliothèque socialiste. Парижъ, 1901, стр. 38

ЭБ "Научное наследие России"

путь, который онъ называетъ революціоннымъ. Этотъ путь въ итогѣ приводитъ къ свободѣ.

Подъ свободою Прудонъ разумѣетъ не простое отрицаніе того или иного принужденія, а личную свободу, т. е. право ничѣмъ не стѣсняемаго развитія личности индивидуума

„Свобода, — говоритъ Прудонъ, — это право человѣка использовать свои способности такъ, какъ ему нравится“ [1]). Человѣкъ не можетъ отказаться отъ свободы, не посягая на свое существованіе въ качествѣ человѣка. Поэтому всякое порабощеніе человѣка равносильно его убійству. Рабствомъ же является всякое подчиненіе человѣка какому-либо заранѣе установленному порядку: каждый можетъ дѣлать, что онъ хочетъ и только то, что хочетъ. На этомъ основаніи Прудонъ воздвигаетъ своимъ конечнымъ идеаломъ полную анархію, т. е. полное отрицаніе всякаго правительства.

Но свобода личности, вытекающая изъ признанія ея человѣческаго достоинства, не должна становиться въ противорѣчіе съ тѣмъ самымъ принципомъ, который служилъ ея же собственнымъ основаніемъ. Было бы прямымъ глумленіемъ надъ этимъ принципомъ, если бы личность, признавая свободу за собою, лишала ея другихъ. Каждый человѣкъ въ правѣ требовать отъ другого признанія своего человѣческаго достоинства. Слѣдовательно каждый обязанъ признавать въ другомъ лицо, обладающее тѣмъ же, что и онъ достоинствомъ и все это не взирая на всю особенность этого лица. Въ итогѣ достоинство человѣка гораздо больше и выше чѣмъ различіе людей между собою. Такимъ образомъ изъ признанія человѣческаго достоинства вытекаетъ не только требованіе свободы, но и требованіе полнаго равенства людей. Единственное отступленіе отъ этого требованія, которое Прудонъ допускаетъ, это въ отношеніи къ... женщинѣ (?!).

Указанныя начала свободы и равенства Прудонъ прилагаетъ и къ вопросамъ хозяйственной жизни людей. Здѣсь его прежде всего занимаетъ вопросъ о собственности.

Отмѣченныя начала приводятъ его къ признанію

---

[1]) Proudhon, I: Théorie de la propriété. Oeuvres posthum. Томъ I, стр. 29.

ЭБ "Научное наследие России"

собственности, какъ результата труда и въ то же время къ отрицанію собственности, поскольку она увеличиваетъ достояніе одного за счетъ другого. Прудона нѣкоторые, наприм. Эльцбахеръ, считаютъ часто однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ частной собственности. Поводомъ къ распространенію такого рода предразсудка послужило знаменитое изрѣченіе этого экономиста „собственность—это кража“ [1]). Но самъ Прудонъ настойчиво повторяетъ, что онъ не отрицаетъ собственности самой по себѣ. а отвергаетъ лишь ея современныя формы. когда собственность является достояніемъ немногихъ, а большинство же ея лишено совершенно. „То, чего я хотѣлъ... и то, чего я хочу... это не уничтоженіе частной собственности. То, чего я требую по отношенію къ собственности, это равновѣсіе“ [2]). Собственность же, — если бы она была доступна въ равной мѣрѣ всѣмъ, сдѣлала бы человѣка полезнымъ хозяиномъ земли, увеличивала-бы его энергію, расширила бы его личность и повышала бы его достоинство [3]). Прудонъ высказывается даже за сохраненіе наслѣдственной передачи собственности, но пытается устранить обуславливаемое ею неравенство запрещеніемъ получать по наслѣдству больше опредѣленной части имущества. При настоящихъ же условіяхъ собственность современнаго общества является источникомъ вопіющей несправедливости, такъ какъ она представляетъ собою право получать доходы, не принося пользы обществу. Это, по мнѣнію Прудона, объясняется тѣмъ, что рабочій теперь создаетъ больше, чѣмъ получаетъ въ видѣ заработной платы; излишекъ, при этомъ поступаетъ во владѣніе капиталиста. Поэтому-то собственность въ ея современной формѣ и названа Прудономъ — воровствомъ. Но проклятая имъ какъ историческая категорія, собственность все же можетъ имѣть, какъ нѣкогда и имѣла, и иное экономическое содержаніе.

---

[1]) Строго говоря это изреченіе не ново; отцы церкви въ своихъ ораторскихъ упражненіяхъ въ защиту нищенства (см. гл. христіанство) не разъ пускали въ ходъ подобнаго рода фразы. Въ 1780 году французскій экономистъ Brissot de Warville употребилъ тоже выраженіе въ своемъ сочиненіи о собственности и кражѣ (переиздано въ Брюсселѣ, въ 1872 г.). Позднѣе его Бабефъ въ „Tribun de peuple“ № 35, IV года.

[2]) Proudhon: De la justice, 1858, стр. 302.

[3]) См. Proudhon: Oeuvres anc., томъ 5, стр. 197 и слѣд.

© "Научное наследие России"

Она станетъ законною и справедливою съ того момента, — когда весь продуктъ труда начнетъ поступать въ собственность того, кто его произвелъ, и когда въ обмѣнѣ воцарится принципъ равенства. Послѣдній означаетъ состояніе когда трудъ обмѣнивается на трудъ, услуга на услугу, продуктъ на продуктъ. Въ связи съ этого рода уравнительнымъ требованіемъ, — по своему воскрешающимъ давно забытое ученіе о справедливой цѣнѣ, стоитъ представленіе Прудона о непроизводительности капитала. Послѣднее и его, какъ нѣкогда и монаховъ, приводитъ къ отрицательному отношенію къ проценту и къ усиленному осужденію его вниманія. Кредитъ поэтому, по Прудону, долженъ быть безвозмезднымъ, т. е. долженъ сводиться къ простому обмѣну.

Это ученіе о безвозмездномъ кредитѣ является для Прудона одною изъ центральныхъ идей его экономической системы. Право капиталиста на проценты основывается, по его мнѣнію, на правѣ сильнаго и потому противорѣчитъ идеѣ справедливости. Общество обязано организовать кредитъ, который былъ бы совершенно безвозмезднымъ и который давалъ бы возможность отдѣльному лицу получать безъ всякой оплаты капиталъ, необходимый для веденія предпріятія. Съ этою цѣлью долженъ быть устроенъ народный банкъ, который и устранитъ все зло современной общественной жизни. Народному банку Прудона не нужны ни субсидія, ни принудительная сила государства. Послѣднее вообще не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь.

Организація Народнаго Банка — дѣло самого общества, а сила его въ самихъ преимуществахъ безплатнаго кредита, во взаимномъ довѣріи. Свободная конкурренція поможетъ борьбѣ этого банка съ остальными, постепенно вынужденными капитулировать старыми кредитными учрежденіями. Само собою исчезнутъ и деньги, такъ какъ банкъ явится и центральнымъ мѣновымъ учрежденіемъ. Мѣсто денегъ займутъ неразмѣнные банковые билеты („Чеки труда“). Роль денегъ сводится къ одной лишь функціи — облегченію обмѣна, такъ какъ единицею явится часъ труда (какъ у Роб. Оуэна). Въ силу этого и собственность перестанетъ быть источникомъ дохода.

Народный банкъ долженъ осуществить идею взаимности: равенство обмѣна и экономическое выраженіе прин-

ЭБ "Научное наследие России"

ципа уваженія другого какъ самого себя. Итакъ путемъ организаціи Народнаго Банка можно прійти къ общественному строю, построенному на началахъ взаимности. Это и есть идеалъ общежитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигается и гармонія общественной жизни, совмѣщающей свободу съ равенствомъ. Каждый устраиваетъ свою жизнь по своему. Равенство же владѣнія и свободно-справедливый обмѣнъ, не влекущій за собою процентныхъ вознагражденій, обезпечиваетъ всѣмъ полное равенство.

И производство въ такомъ общественномъ строѣ не останется индивидуальнымъ: оно станетъ коллективнымъ, а отсюда болѣе продуктивнымъ. Всѣ члены общества, являясь единовременно и рабочими и капиталистами, соединяясь въ группы, увеличиваютъ тѣмъ самымъ капиталъ предпріятія и способствуютъ болѣе планомѣрному производству. Союзы не носятъ при этомъ обязательнаго характера: входъ и выходъ вполнѣ свободный, а порядокъ внутри опредѣляется самою работающею группою. Всѣ равноправны и работаютъ въ мѣру своихъ силъ и способностей; вознагражденіе выдается соотвѣтственно затраченному труду.

Такъ какъ такая система („федеративная“) примѣнима во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, то съ водвореніемъ начала взаимности все человѣчество представитъ собою сѣть рабочихъ организацій, вступающихъ между собою въ договорныя отношенія. Всеобщій миръ и быстрое улучшеніе матеріальной, а слѣдовательно и духовной жизни — вотъ итоги новаго предлагаемаго порядка.

Естественно, что государству въ этомъ общественномъ строѣ не будетъ мѣста. Такой строй можетъ быть поэтому названъ анархическимъ, такъ какъ въ немъ, по мнѣнію Прудона, будетъ неизвѣстна какая бы то ни было зависимость однихъ отъ другихъ; ни зависимости отъ одного, монархіи, ни отъ многихъ, демократіи. Государственная власть, по Прудону, — смерть свободѣ [1]). Функціи же государства, не противорѣчащія свободѣ, принимаютъ на себя рабочія организаціи; это не сложно, ибо имъ не придется разрѣшать никакихъ политическихъ задачъ. Государство не можетъ ничего реформировать, это иллюзія; первое условіе соціальнаго переворота — уничтоженіе государства. „Уни-

---

[1]) Proudhon: Quevres, т. I, стр 183, т. 9, стр. 739.

ЭБ "Научное наследие России"

чтоженіе эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, — говоритъ Прудонъ, — и уничтоженіе управленія человѣка человѣкомъ — это одно и тоже“ [1]). На мѣсто демократіи анархія поставитъ „демопедію“, воспитаніе народа

Само собою понятно, что Прудонъ противъ коммунистической общности имущества, ибо это, по его мнѣнію, убиваетъ свободу личности. Тоже относительно идеи общности женъ: семья, по Прудону, — основа личной свободы.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ система Прудона. Изъ нея ясно видно, что анархизмъ Прудона — мирный, не революціонный. Онъ возлагаетъ надежды не на какой-либо переворотъ, а на постепенный переходъ ко взаимности и федераціи. „Революцію“ же онъ понимаетъ только какъ „просвѣщеніе умовъ“

Но какъ практически содѣйствовать осуществленію всего плана? Нужно лишь убѣдить рабочихъ и мелкихъ буржуа въ его благодѣтельности. Но „убѣдить“ Прудону такъ и не удалось. „Прудонъ,—какъ сообщаетъ между прочимъ Кульчицкій,—мечталъ даже объ организаціи партіи изъ рабочихъ и мелкихъ собственниковъ, которая поставила бы себѣ цѣлью провести въ жизнь его идеалы“. „Отдѣльныя рабочія группы, — говоритъ Кульчицкій, — часто пользовались его совѣтами по общественно политическимъ и экономическимъ вопросамъ, но до созданія могучей партіи не дошло“ [2]).

Въ концѣ жизни Прудонъ для немедленнаго осуществленія рекомендовалъ не анархію, оставшуюся только конечнымъ идеаломъ, а федерализмъ, а передъ самою смертію въ сочиненіи „Capacité etc.“ — онъ уже опредѣленно высказался за организацію рабочей партіи.

Поворотъ къ федерализму у Прудона явился согласно мнѣнія лично мнѣ переданному Кропоткинымъ какъ результатъ наблюденій историческихъ событій. Прудонъ, по Кропоткину, лично „видѣлъ прорухи революціи 1848 года“.

---

[1]) Статья посвященная Луи Блану, цит. по Hubart Bourgin, Proudhon. Парижъ, 1901, стр. 35.

[2]) Кульчицкій, Л.: Современный анархизмъ. Спб., 1907, стр. 16.

© "Научное наследие России"

II.

Прудонисты.

Если не считать группы непосредственныхъ учениковъ Прудона, то вообще идеи Прудона долгое время не имѣли достаточно глубокаго вліянія. Теоретики анархизма съ ними мало считались. Лишь въ самое послѣднее время — особенно во Франціи — мысли Прудона опять привлекаютъ къ себѣ вниманіе и соціалистическихъ и анархистскихъ кружковъ. Въ странахъ англійскаго языка Прудона популяризировалъ и развилъ Токеръ (Benjamen Tucker). Къ числу прудонистовъ относятся:

1. Мозесъ Гессъ, (1812—1872); написавшій „Philosophie der That“ (1840) и „Socialismus“ (1841)—и нѣсколько статей въ журналѣ „Gesellschaftsspigel“ (1845).

2. Карлъ Грюнъ (1817—1887) авторъ „Die Sociale Bewegung in Frankreich und Belgien“, 1845. Идеи Грюна о потребленіи приближаютъ Грюна къ Кропоткину.

3. Вильгельмъ Марръ (1819— ?), писалъ немного въ Blätter der Gegenwart и др. журналахъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ названныхъ писателей въ отдѣльности.

Мозесъ Гессъ (1812—1872), талантливый публицистъ 40-хъ годовъ, подходитъ близко къ коммунизму и расходится съ Прудономъ въ средствахъ воплощенія своего идеала; онъ стоитъ за активное воздѣйствіе на прогрессъ. Забытыя теперь обѣ книжки и статьи Гесса изъ „Зеркала Обществъ“ (1845) содержатъ рядъ интересныхъ мыслей.

„Анархія, — писалъ въ началѣ 40-хъ годовъ Мозесъ Гессъ, — есть отрицаніе всякой власти въ духовной и соціальной жизни. Церковь, государство, судъ и другіе, созданные человѣкомъ для своей тираніи инструменты, должны быть оставлены. При этомъ необходимо идти дальше, чѣмъ шелъ Прудонъ: нужно всякое повелѣніе извнѣ замѣнить самоповелѣніемъ изнутри („Die wahre Negation des Bestimmtwerdens von aussen die Selbstbestimmung von innen heraus sei“). Поэтому и всякая дѣятельность, исходнымъ пунктомъ которой является не внутреннее, а внѣшнее побужденіе должна быть отвергнута; внѣшнее побужденіе — вызывается ли оно кнутомъ рабовладѣльца, голодомъ ли пролетарія, жадностью

© "Научное наследие России"

ли лавочника — одинаково несовмѣстимо со свободою человѣческой личности. Въ анархистскомъ обществѣ каждая дѣятельность найдетъ вознагражденіе сама въ себѣ.

Это же начало, приложенное къ хозяйственной дѣятельности, равносильно отказу отъ опредѣленія характера, продолжительности, напряженности и пр. труда человѣка, который вполнѣ зависитъ отъ индивидуальнаго усмотрѣнія. Но, съ другой стороны, общество должно предоставлять каждому человѣку столько для его развитія и удовлетворенія потребностей, сколько ему для разумнаго удовлетворенія необходимо.

Въ этомъ же духѣ высказывается и Карлъ Грюнъ, личный знакомый и послѣдователь идей Прудона, хотя взгляды на потребленіе приближаютъ его къ Кропоткину. Анархистская концепція Грюна не сложна. Каждый работаетъ и потребляетъ въ будущемъ обществѣ столько, сколько ему нравится. Производство и потребленіе цѣликомъ зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія. Но отъ этого производство все же не упадетъ, а только возрастетъ потребленіе, ибо для потребленія всѣхъ нужно не больше, чѣмъ работа подростковъ 15-ти лѣтняго возраста При этомъ ни полиціи, ни тюремъ, ни властей, ни государства.

Гессъ и Грюнъ предлагали неодинаковые способы для осуществленія ихъ идеаловъ. Гессъ стоялъ за всеобщее избирательное право, національныя мастерскія и за улучшеніе образованія. При этомъ онъ не сомнѣвается, что дальнѣйшее развитіе само приведетъ къ намѣченной цѣли. Грюнъ же полагаетъ, что современное общество идетъ къ тому, чтобы дѣлать буржуазію все болѣе богатой, а рабочихъ все болѣе и болѣе бѣдными. Какъ только эти тенденціи дойдутъ до крайняго выраженія — наступитъ время соціальной революціи: для ея осуществленія необходимо одно — энергичная пропаганда.

Оба анархиста — Гессъ и Грюнъ — играли значительную роль въ нѣмецкой соціалистической партіи до-мартовскаго періода и являлись вождями крайней радикальной части партіи. Воззрѣнія ихъ распространялись въ большомъ количествѣ листковъ и памфлетовъ, которыми одно время образованная публика сильно зачитывалась. Непосредственно къ Прудону примыкаетъ и основавшій въ Швейцаріи анархистскія группы и журналъ Вильгельмъ Марръ (1819—1880),

ЭБ "Научное наследие России"

также одинъ изъ болѣе видныхъ прудонистовъ. Ему принадлежатъ нѣсколько памфлетовъ [1]), одно описаніе тайныхъ обществъ и статьи въ журналѣ: „Blätter der Gegenwart für Sociales Leben“, выходившемъ въ Лозаннѣ въ 1844—45 гг. Его послѣдователями являлись преимущественно нѣмецкіе ремесленники, проживавшіе въ началѣ 40-хъ годовъ (собственно въ 1842—45 гг.) въ Швейцаріи. Марръ требовалъ уничтоженія государства, церкви, брака, суда и пр., но на мѣсто ихъ не предлагалъ даже коммунизма, который тоже считалъ вреднымъ. Ярыя нападки Марра на церковь и бракъ обратили на себя вниманіе швейцарскаго правительства, которое закрыло его журналъ, имѣвшій около 500 абонентовъ, и выслало его изъ предѣловъ страны.

Прудонизмъ и позднѣе (подъ именемъ „мутуализма“) имѣлъ во Франціи вліяніе на умы. Изъ числа „мутуалистовъ“ извѣстны Даримонъ, Ланглуа, Рамонъ дела Сагра, Хоецкій. Нѣкоторые изъ нихъ были еще непосредственно связаны съ Прудономъ и объединялись вокругъ журнала „L'Anarchie, journal de l'Ordre“ (въ Парижѣ, въ 1850 году). Въ 60 и 70 годахъ мутуализмъ имѣлъ меньшее распространеніе, сосредоточившись только въ рабочемъ движеніи [2]) Франціи и Бельгіи, а въ 80-хъ годахъ успѣшно поднялъ голову въ лицѣ писателей Joseph Perrot, Emile Chevalet, Langua, и др.

Непосредственно къ Прудону и прудонистамъ Гессу и Грюну примыкаетъ нашъ русскій писатель князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

IV. П. А. Кропоткинъ.

Трудно прибавить что-либо къ біографіямъ П. Кропоткина, написаннымъ Степнякомъ-Кравчинскимъ (см. „Подпольная Россія“) и Георгомъ Брандесомъ. Оба они полно и удачно обрисовываютъ эту замѣчательную личность. Фактическимъ дополненіемъ могутъ служить извѣстные автобіографическіе „Мемуары революціонера“ и библіографическія

[1]) Marr, W.: Das junge Deutschland in der Schweiz. Лейпцигъ 1855. Его же: Der Mensch und die Ehe vor dem Richterstuhl der Sittlichkeit. 1848. Его же: Anarchie oder Autoritat, 1852.

[2]) Мутуализмъ былъ особенно значительно представленъ на рабочемъ конгрессѣ, собиравшемся въ Льежѣ, въ 1865 году

указанія, данныя Неттлау въ его „Библіографіи Анархизма“.

Какъ теоретикъ анархизма П А. Кропоткинъ занимаетъ свою особенную позицію [1]). Онъ возводитъ свой анархизмъ до высоты общей философской системы, синтезируя всѣ свои воззрѣнія вокругъ идеальнаго человѣческаго общежитія, покоящагося на взаимопомощи Во всемъ объемѣ и въ системѣ съ его взглядами можно познакомиться въ сочиненіи Эльцбахера, которое самъ Кропоткинъ признаетъ за наилучшее изложеніе его идей.

Кропоткинъ выдвигаетъ идею взаимопомощи противъ Дарвина. взглядъ котораго онъ не раздѣляетъ. Кропоткинъ вообще призываетъ къ человѣколюбію и гуманности и чуждается насилія и несправедливости. Самъ онъ въ своей дѣятельности — ученый и публицистъ, чистый какъ кристаллъ. Идеи Кропоткина во многомъ повторяютъ воззрѣнія его предшественника Бакунина.

Ценкеръ остроумно говоритъ, что „Нечаевымъ“ Кропоткина является Жанъ Гравъ. Жанъ Гравъ былъ редакторомъ французскаго анархическаго журнала: „La Revolte“, въ которомъ принимали участіе всѣ видные анархисты конца XIX вѣка.

V. М. А. Бакунинъ (1814—1876).

Другой выдающійся представитель анархизма Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, тоже нашъ соотечественникъ; жизнь его еще больше удивительна и извѣстна своими приключеніями.

Бурный европейскій періодъ жизни Бакунина начинается съ 1846 года, послѣ того какъ выйдя изъ военной

---

[1]) Пользуемся случаемъ точно установить дату начала литературной дѣятельности П. А. Кропоткина, на основаніи данныхъ сообщенныхъ намъ лично, П. А. Кропоткинъ написалъ свою первую статью въ 1862 году въ „Книжномъ Вѣстникѣ“, издававшемся офицеромъ Сенковскимъ, пріятелемъ Ножина. Статья состояла изъ разбора сочиненій Н Шелгунова: Положеніе рабочаго класса въ Западной Европѣ. За этою статьею слѣдовали письма П А. „Современной Лѣтописи“, издававшейся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, тогда прогрессивныхъ. Письма съ пути шли въ теченіе 1862—64 гг., послѣ же реакціоннаго поворота Каткова по польскому вопросу были перенесены въ „Биржевыя Вѣдомости“. Въ Англіи, пріѣхавъ въ Эдинбургъ въ 1876 году и списавшись съ Гильомомъ, началъ писать статьи по анархизму.

35 "Научное наследие России"

службы (въ Польшѣ) и занявшись философіею (въ Москвѣ), онъ ѣдетъ въ Германію. Здѣсь онъ занимается гегельянствомъ, а въ слѣдующемъ 1847 году ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ встрѣчается съ Прудономъ.

Высланный изъ Франціи, онъ возвращается въ Германію. Въ Дрезденѣ онъ участвуетъ въ возстаніи 1849 года. за что былъ осужденъ на пожизненное заключеніе. Его выдаютъ русскимъ властямъ, которые заключаютъ его въ Петропавловскую крѣпость на 8 лѣтъ. Отбывъ наказаніе, онъ былъ высланъ въ Сибирь, откуда скоро бѣжалъ черезъ Японію въ Европу. Побывавъ въ Англіи и Америкѣ, онъ поселился надолго въ Швейцаріи, ставъ центромъ лѣвыхъ группъ. Въ 1867 году въ Женевѣ Бакунинъ выступаетъ на конгрессѣ мира съ предложеніемъ уничтожить централизовавшіяся государства и учредить добровольныя федераціи независимыхъ коммунъ. Въ слѣдующемъ, 1868 году. онъ побуждаетъ другой конгрессъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, присоединиться къ Интернаціоналу. Потерпѣвъ неудачу, онъ организуетъ самостоятельную „Соціально-Демократическую Федерацію“ (Social-Démocratie Alliance), цѣлью которой было превращеніе земли и капитала въ коллективную собственность общества. Всѣ существующія государства должны были бы раствориться въ универсальномъ союзѣ свободныхъ федерацій. Федерація Бакунина стремилась, но тщетно, присоединиться къ Интернаціоналу. Просуществовавъ около полугода, — она распалась.

Въ это время Международное Общество Рабочихъ или Интернаціоналъ становилось все болѣе могущественнымъ. Но по мѣрѣ проникновенія Интернаціонала марксизмомъ, оппозиція изъ прудонистовъ, лассальянцевъ и др. все болѣе усиливалась. Къ концу 60-хъ годовъ большая часть оппозиціи сплотилась вокругъ Бакунина[1]).

Вскорѣ часть Интернаціонала откололась подъ именемъ „Романской Федераціи“. Послѣдняя распалась на два отдѣла. Одинъ изъ нихъ руководился Бакунинымъ и его ученикомъ Гюльомомъ и получилъ названіе „Юрской Федераціи“. Она была исключена изъ Интернаціонала, гдѣ воцарился Марксъ со своими приверженцами, переведшій въ

---

[1]) Зомбартъ, В., проф., Рабочій Интернаціоналъ, рус. пер., СПб., 1906, стр. 4.

ЭБ "Научное наследие России"

1872 году генеральный совѣтъ въ Нью-Іоркъ, „во избѣжаніе оффиціальныхъ похоронъ“, какъ думаетъ проф. В. Зомбартъ. Съ 1873 года федерація уже существуетъ самостоятельно и созываетъ свои конгрессы въ 1873, 74, 76 и 77 годахъ. Съ 1873-го же года федерація признаетъ себя анархистскою. Брусъ заявляетъ, что „ея программа — анархія“. Въ 1876 году Бакунинъ скончался, но дѣло его продолжало жить.

Для выясненія программы анархистовъ особенно важенъ конгрессъ 1882 года, происходившій уже подъ вліяніемъ П. Кропоткина. На этотъ конгрессъ (въ 1882 года, въ Женевѣ) собрались со спеціальною цѣлью отмежеваться отъ соціализма. Былъ выпущенъ манифестъ, разъяснявшій цѣли, задачи, тактику и методъ анархизма.

Литературная дѣятельность Бакунина была случайна и разнообразна. Она выражалась въ мелкихъ статьяхъ, замѣткахъ и письмахъ. Съ 1863 года его сочиненія становятся уже чисто анархистскими. Къ этому періоду относятся:

1. Fédéralisme, Socialisme et Antithéologisme, 1867. Напечатана только въ 1895 г въ собраніи сочиненій M. Bakounine. Oeuvres, Парижъ, 1895.

2. Lettres d'athéisme въ La Démocratie (изд Chassin'омъ въ Парижѣ. 1868).

3 Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи. Женева, 1869.

4. Наука и насущное революціонное дѣло. Женева. 1870.

5. Кнуто-германская Имперія и соціальная революція. Женева, 1871.

6. Dieu et l'Etat. Женева, 1872.

7. La Commune de Paris et la notion de l'Etat, въ Travailleur Женева, 1878, написано 1871.

8. Государственность и анархія Введеніе, ч. I, 1873 г., и многія другія [1])

Бакунинъ рѣзко полемизировалъ съ К. Марксомъ. Тутъ были и личные счеты и принципіальныя разногласія. По мнѣнію проф. В Зомбартъ сущность ихъ спора заключается въ противорѣчіи между принципами революціоннымъ,

---

[1]) О Бакунинѣ писали: 1. Arnold Ruge: Erinnerung an Michel Bakounin въ „Neue Freie Presse“, Вѣна, 28 и 29 сент. 1876 2. Andrea Costa: Vita de Michele Bacunin, т. I, Болонья, 1877 3. Matthey. A.: Michel Bacounine, въ „Nouvelle Revue“, Парижъ, авг. 1891. 4. Dragomanov: Michail Bakounin's Socialpolitischer Briefwechsel mit A. I. Herzen und Ogarew. Штутгартъ, 1895.

ЭБ "Научное наследие России"

съ одной стороны и эволюціоннымъ съ другой, между идеалистическимъ и реалистическимъ пониманіемъ исторіи. „Бакунинъ, говоритъ онъ, строилъ всю свою дѣятельность на идеѣ насильственной революціи, на убѣжденіи, что революцію производить нужно, ибо революцію производить можно. Такой точкѣ зрѣнія Марксъ противоставлялъ основныя положенія своего ученія, изъ котораго явствуетъ. что революція — это послѣднее звено.

VI. Анархистское движеніе.

Вмѣстѣ съ дѣятельностью Бакунина наступаетъ время анархистскаго движенія. Не образовывая организаціонно-единой партіи, анархисты въ различныхъ странахъ соединяются въ группы, переходящія иногда въ практическія выступленія. Въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія начинается время анархистскихъ выступленій, которыя обосновываются особою теоріею „пропагандою дѣла“ (Propaganda der That). Она связана съ именемъ Нечаева, командированнаго изъ-за границы въ Россію. Нечаевъ изложилъ свои взгляды въ „Катехизисѣ“, представляющемъ собою весьма важный моментъ въ исторіи анархизма. Вмѣсто мирнаго анархизма Годвина или Прудона здѣсь открывается та пропаганда дѣйствіемъ, активное наступленіе на общество, которая завершилась рядомъ крупныхъ политическихъ убійствъ въ разныхъ странахъ [1]).

Пропаганда дѣла защищалась особенно энергично докторомъ Павломъ Бруссе, редакторомъ журнала „Юрской Федераціи“; за восхваленіе покушенія Геделя и Нобелинга, Бруссе былъ арестованъ, приговоренъ къ тюрьмѣ, а затѣмъ высланъ изъ предѣловъ Швейцаріи; типографія Юры — запечатана. Вообще же анархистское движеніе въ 70-хъ годахъ еще очень незначительно. Оно расцвѣтаетъ въ слѣдующее десятилѣтіе, съ появленіемъ во Франціи и Швейцаріи сочиненій Элизе Реклю и П. А. Кропоткина, въ Германіи Іоганна Моста, въ Австріи Іосифа Пейнера и пр. Это даетъ усиленную почву для развитія анархизма, что совпадаетъ съ усиленіемъ недовольства рабочихъ массъ какъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, такъ и своими соціалистическими вождями. 90-ые годы были послѣднимъ десятилѣтіемъ успѣха анархизма.

---

[1]) Равашель — 1892, Веллантъ — 1893, Генри — 1894.

ЭБ "Научное наследие России"

Въ 90-хъ годахъ издаются въ Бостонѣ журн. „Freiheit“ Моста, въ Парижѣ „Révolte“ Жанъ Грава и Père Peinard (Эмиля Пуже) и L'Endehors Голланда, въ Германіи „Socialist“ Ландауэра и др. Анархизмъ, разрастаясь, вызываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожное вниманіе европейскихъ правительствъ, которыя издаютъ суровые законы противъ анархистовъ, созываютъ тайныя совѣщанія и организуютъ международный надзоръ за анархистами. Къ нимъ вскорѣ примыкаютъ и Соединенные Штаты, гдѣ анархизмъ къ этому времени тоже упрочился.

Единовременно и соціалисты всѣхъ оттѣнковъ тщательно отмежовываются отъ анархизма. Къ началу XX вѣка, анархизмъ въ чистомъ видѣ ослабѣваетъ и движеніе сокращается. Только съ развитіемъ синдикалистскихъ теченій среди рабочихъ анархизмъ опять выступаетъ на сцену въ такъ называемомъ „революціонномъ сандикализмѣ“.

Литература анархизма обширна Укажемъ болѣе значительныя сочиненія

Adler Georg: Anarchismus, статья въ словарѣ Handworterbuch der Staatswissenschaften, т I, есть рус. пер. въ отдѣльн изданіи Ивановой, книгоизд. „Мысль“, СПб., 1906, и „Die Lehren der Anarchisten“, въ журналѣ „Nord und Sud“ за 1885 г (т 32, стр. 371 и слѣд.), въ статьяхъ Эд. Бернштейна: „Die soziale Doctrin des Anarchismus“, въ журналѣ „Neue Zeit“ за 1891 и 1892 гг. Этому же ученію посвящены: Sernicoli, E.: L'anarchia e gli anarchici 2 тома. Миланъ, 1894, Schaw, Bernard: The impossibilities of anarchism, Лондонъ, 1895. Bernatzik. Der Anarchismus, статья въ Jahrbuch f. Gesetzgeb. und etc, т. 19. Лейпцигъ, 1895, стр. 1—20. Русская литература очень незначительна. Макай: „Осужденные въ Чикаго“, Штамлеръ. Анархизмъ, теорія и критика, пер. съ нѣм., подъ ред. В В. Святловскаго, книгоизд „Начало“, СПб. 1906 г.; Эльцбахеръ, Б. Анархизмъ, рус пер. Стрѣльцова, изд. О. Поповой; Анархизмъ, Сборникъ статей, изд. Земля. СПб 1906; Цо́кколи, Гекторъ: Анархизмъ. СПб. 1908; Ценкеръ: Анархизмъ, рус пер. 1905; Неттлау: Библіографія анархизма, 1887. Отмѣтимъ здѣсь болѣе подробно литературу о двухъ наиболѣе замѣчательныхъ анархистахъ В. Годвинѣ и Прудонѣ

I. Сочиненія о Годвинѣ:

Годвина начали изучать только въ самое послѣднее время, поэтому — изложеніе его воззрѣній и библіографія объ немъ въ общихъ сочиненіяхъ по анархизму (Антона Менгера, Ценкера, Эльцбахера, Неттлау) не полна, и встрѣчается часто попутно съ Боркомъ [1]).

[1]) Эдмондъ Боркъ стоялъ на анархистской точкѣ зрѣнія настолько краткое время въ своей юности, что, строго говоря, можно не относить работу Бо́рка за его первую и единственную въ духѣ анар-

© "Научное наследие России"

Библіографическихъ указателей нѣтъ и въ новѣйшей книгѣ Райцевой (см. ниже), они небрежны у Рамуса (см ниже) и обязательны только въ пока лучшемъ изслѣдованіи о Годвинѣ — Raymond'a Gourg'a: William Godwin, principales la „Justice Politique" sa vie, ses oeuvres etc. Парижъ, (tel. Alcan) 1908 Остальныя болѣе значительныя сочиненія о Годвинѣ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующія

1. Green, T An Examination of the Leading Principle of the New System of Morals, as that principle is stated and applied in M-r Godwin's „Enquiry" 1799 Br. M 8466 cc. 23

2. Hazlitt: A Reply to an Essay on Population 1807

3 Paul (Kegan) William: Godwin, his Friends and Contemporaries. 2 тома, Лондонъ 1876—лучшая біографія Годвина

4 Proby Modern Philosophie and Barbarism. 1788

5. Smith, Edward The Story of the English Jacobius 1881 (Cas sell's monnthly Library).

6. Sir Leslie Stephen History of the English Thonght in the 18 century. 1902.

7 S. Leslie Stephen. Godwin въ „Fortnightly Review", vol. 26, p. 444.

8 Godwin, статья въ „Dictionary of National Bibliography

9 Kegan Paul Godwin, Wil въ „North American Review", апрѣль 1876

10. Fraser's Magazine за 1876, статья Godwin W (очеркъ съ портретомъ), т. X, стр. 346, т II, стр. 28.

11. Boucher, L.: William Godwin, sa famille et ses amis въ Revue de deux Mondes, октябрь 1877 г

12 Halberg: Trois utopistes anglais, v. I (9-ая серія), въ „Mémoires de l'Académie des sciences de Toulouse".

О Годвинѣ можно найти въ книгѣ Held'a: Zwei Bucher zur socialen Geschichte Englands, 1881, стр 89 и слѣд.

II. О Прудонѣ

А. Сочиненія Прудона издавались отдѣльно и собраніями его сочиненій Отдѣльно были изданы:

1. Essai de grammaire générale.

хизма рѣчь къ числу анархическихъ сочиненій, какъ то дѣлаетъ Неттлау. Рѣчь Бэрка: „О естественнаго общества", появившаяся въ 1756 году, можетъ быть, разсмотрѣна и какъ интересная попытка вести свои доказательства при помощи логическаго метода — reductio ad absurdum для доказательствъ своихъ положеній. Полное заглавіе: „A Vendication of Natural Society: or, a view of the miseries and evils arising to mankind from every species of artificial Society. Лондонъ, 1756. Это сочиненіе четыре раза переиздавалось въ 60 и 70 годахъ XVIII столѣтія въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Fugitive pieces on varions subjects by several authors", (томъ II-й) самимъ Бэркомъ въ Оксфордѣ въ 1796 году и анархистскими издателями въ 1858 году въ Лондонѣ и 1895 году (B. K. Tucker'омъ) въ Бостонѣ.

ЭБ "Научное наследие России"

2. Eléments primitifs des langues

3. De la célébration du Dimanche 1839.

4. Quest-ce que la propriété? 1840

5. De la création de l'ordre dans l'humanité. 1843.

6. De la concurrence entre les chemins de fer 1845.

7 Le Misère ou la Pénitence d'un roi. 1845.

8 Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. 1846.

9. Solution du problème social. 1848

10 Organisation du crédit et de la circulation et solution du problème social 1848.

11. Rapport du citoyen Thiers 1848

12. Le droit au travail et le droit de propriété. 1848

13. Les Confessions d'un révolutionnaire pour servir à l'histoire de la Révolution du février. 1849.

14. Intérêt et principal, discussion entre Bastiat et Proudhon. 1850

15. Idée générale de la Révolution au XIXme siècle 1851

16 La Révolution sociale, démontrée par le coup d'état du 2 décembre. 1852

17 Philosophie du Progrès. 1853.

18. Manuel du spéculateur à la Boures. 1854.

19. De la Iustice dans la Révolution et dans l'Eglise. 1858

20. Théorie de l'impôt. 1861.

21. La Guerre et la Paix, recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. 1861

22. Les Majorats littéraires. 1862.

23. Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la Révolutoin. 1863.

Собранія сочиненій Прудона издавались: нѣсколько разъ, а именно Proudhon: Oeuvres anciennes complètes. 24 т. Парижъ, изд. Lacroix Proudhon. Oeuvres postumes. 5 т Парижъ, изд. Lacroix, Proudhon: Correspondance de P. I. Proudhon, précédé d'une notice sur P I. Proudhon par. I. A Langlois. 14 т Парижъ, 1874—75

Б. О Прудонѣ и его воззрѣніяхъ писали:

1. Marx: Misère de la philosophie Réponse à la Philosophie de la Misère de M Proudhon. Парижъ. 1847

Нѣмецкое изданіе съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса. Штуттгартъ, 1891.

2. Junius: (Псевд.). Curiosité révolutionnaire — Le citoyen Proudhon devant l'assemblée nationale. Парижъ, 1848.

3. St. Rainé-Taillandier: L'athéisme allemand et le Socialisme français. M C. Grun et Proudhon. Revue des deux Mondes 1848. Ноябрь.

4. Lecouturier. La science du socialisme universel de: le dieu de Proudhon. Парижъ, 1850.

5. Marchal: I. P. Proudhon et Pierre Leroux. Парижъ, 1850.

6. Chamelot. Proudhon et son livre. Парижъ, 1852.

ЭБ "Научное наследие России"

7. Mirecourt: E. de Proudhon. (Les contemporains № 32). Парижъ, 1856

8 Prévost: Proudhon, jugé et traité selon ses doctrines métaphysiques. Парижъ, 1858

9 Prevost: De la Déomanie au XIXme siècle — St. Simon — Enfantin — Aug Cont — Proudhon. — 1860

10. Colins: De la justice dans la science hors l'église et hors la révolution 3 т. 1861 (Содержитъ подробную критику „De la justice dans la révolution et dans l'église")

11. Loin: Le philosophe Proudhon Esquisse de sa philosophie Брюсель, 1862.

12. Boix: Théorie de l'impôt de M Proudhon. Парижъ. 1862

13. Sainte-Beuve: P I. Proudhon. Sa vie et sa correspondance. (1838—1848). Парижъ, 1865.

14. Gastineau: Les Socialistes. P. I Proudhon. Парижъ, 1865.

15. Hack: P. I. Proudhon Tubinger Zeitschrift. 1865.

16. Pelletan, Proudhon et ses oeuvres. Revues des deux Mondes 1866. Январь.

17 Beauchery Economie sociale de P I. Proudhon. Лиль 1867.

18. Marchegay, Silhouette de Proudhon. Парижъ. 1868

19. Spoll· P I. Proudhon. Etude biographique Парижъ, 1868

20. Langlois: P. I Proudhon. Sa vie et son oeuvre. Парижъ, 1875.

21 Geel: Bemerkung zu Proudhons Lehre von der Anarchie. „Neue Gesellschaft". Изданіе A. Wiede. 1877—1878.

22. Mülberger: Von und uber Proudhon B „Wage", изданіе Guido Weiss. Берлинъ, 1878 и 1879.

22. Mulberger. Ein Wahlmanifest Proudhons. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Commune. „Neue Gesellschaft Цюрихъ, 1878, 1879.

23. Putlitz: P. I. Proudhon. Sein Leben und seine positiven Ideen. Берлинъ, 1881.

24. Gumplowicz· Rechtsstaat und Socialismus. Инсбрукъ, 1881.

25. Diehl: Proudhon. Seine Lehre und Sein Leben. Іена. 1888—1890—1896.

26. Pfau: Proudhon und die Franzosen. Соч. т. VI.

27. Mulberger: Studien uber Proudhon. Ein Beitrag zur Verstandnis der socialen Reformen. Штуттгартъ, 1891.

28. Bernstein: Zwei Werke uber Proudhon. „Neue Zeit". 1891.

29. Mackay: Die Anarchisten. Цюрихъ, 1891.

30. Sorel: Essai sur la philosophie de Proudhon. „Revue philosophique. Парижъ, 1892.

31. Bernstein: Die sociale Doktrin des Anarchismus. „Neue Zeit" 1892.

32. Bernstein: Proudhon als Politiker und Publizist. „Neue Zeit" 1893—1894.

33. Bourguin: De rapports entre Proudhon et K. Marx. „Revue d'économie politique". 1893.

34. Zenker: Der Anarchismus. Іена. 1895.

ЭБ "Научное наследие России"

35. Desjardins: Proudhon. Sa vie, ses oeuvres, ses doctrines. Парижъ. 1896.

36. Larivière. Ch. de: Proudhon, въ „Revue polit. et parlement.“. 1896.

37. Denis. Proudhon und die Principien der Tauschbank „Zeitschrift f. Volksw., Socialpol. und Verwaltung. 1896.

38. Kuntz: Proudhon. Безансонъ. 1897.

39. Mülberger: Proudhon. Leben und Werke. Штутгартъ. 1898.

40. Stockhausen. V.: Die Wertlehre Proudhons in neuer Darstellung. Бернъ. 1898.

41. Eltzbacher: Der Anarchismus. Берлинъ. 1900.

42. Bourgin Hulert: Proudhon. Парижъ. 1901.

На русскій языкъ переведены менѣе значительныя сочиненія Прудона, а именно: 1. Война и миръ. Москва. 1864. 2. Литературные майораты. Спб. 1865 г. 3. Французская демократія. Спб. 1865 пер. Н. К. Михайловскаго. 4. Искусство, его основанія и общественное значеніе, пер. Н. С. Курочкина. Спб. 1865 г. 5. Что такое собственность? Лейпцигъ — Спб., 1907, пер. Капелюша.

В. По русски о Прудонѣ писали.

1. Михайловскій: Н. Бѣлинскій и Прудонъ. Собр. соч. Бѣлинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1896.

2. Жуковскій, Ю.: Прудонъ и Луи Бланъ. Спб. 1866.

3. Боборыкинъ, П.: П. Ж. Прудонъ. Вѣстн. Евр. 1875, 3, 5, 7—12.

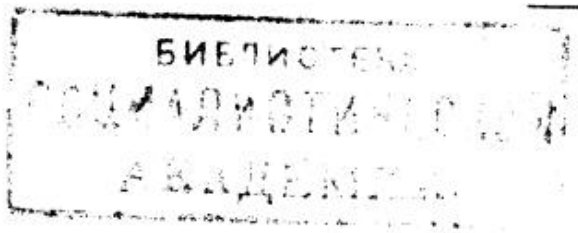
4. Боборыкинъ, П.: Послѣднія десятъ лѣтъ жизни Прудона, подъ псевд. „Д—ева“. 1878, 6—9.

5. Плещеевъ: Жизнь и переписка Прудона. Отеч. Зап. 1873. Ноябрь.

6. Туганъ-Барановскій: Прудонъ, его жизнь и сочиненія. Изд. Павленкова. Спб. 1891.

7. Филипповъ: Прудонъ, какъ идеологъ мелкой буржуазіи. Научн. обозр. 1898. № 2.

8. Вальденбергъ: Прудонъ. Энц. слов. Брокгауза № 25, стр. 597. Спб. 1898.



БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ